

Министерство образования и науки Российской Федерации
*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина)

Гуманитарный Факультет

МАТЕРИАЛЫ

VII Межвузовской научно-практической
Конференции с международным участием

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

17-18 апреля 2018 года

Санкт-Петербург

2018

УДК 81.
ББК Ш10я43

Материалы Седьмой межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, 17-18 апреля 2018 года. 432 с.

Организатор конференции

Кафедра иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Состав оргкомитета

Председатель оргкомитета:

Шелудько Виктор Николаевич (д. т. н., доцент, и. о. ректора СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)

Заместители председателя оргкомитета:

Гигаури Нина Константиновна (к. т. н., декан Гуманитарного факультета);
Шумков Андрей Арнольдович (д. ф. н., доцент, заведующий кафедрой иностранных языков);
Шульженко Татьяна Владимировна (доцент кафедры иностранных языков, руководитель направления «Лингвистика»)

Члены оргкомитета:

Преображенская Ольга Алексеевна (к. ф. н., доцент кафедры иностранных языков); **Журавлева Ольга Михайловна** (к. и. н., доцент кафедры иностранных языков); **Степанова Наталия Валентиновна** (к. ф. н., доцент кафедры иностранных языков); **Флакسمан Мария Алексеевна** (к. ф. н., доцент кафедры иностранных языков); **Зубкова Евгения Сергеевна** (ассистент кафедры иностранных языков); **Сопина Александра Львовна** (ассистент кафедры иностранных языков); **Ульяницкая Любовь Александровна** (ассистент кафедры иностранных языков)

Ministry for Education and Science
Of the Russian Federation

St. Petersburg Electrotechnical University

Faculty of Humanities

Proceedings of the VII National University Conference with International Guests

Current Issues in Linguistics

April 17th-18th, 2017

Saint Petersburg

2018

УДК 81.
ББК Ш10я43

Proceedings of the VII National University Conference with International Guests ‘Current Issues in Linguistics’, Saint-Petersburg, April 17th -18th, 2018. – 432 pp.

Conference Organizers:

Foreign Languages Department,
Saint-Petersburg Electrotechnical University

Organizing Committee

Chairman of the Organizing Committee:

Ag. Rector of St. Petersburg Electrotechnical University, D.Sc., Associate Prof. **Victor Sheludko**

Vice-chairmen of the Organizing Committee:

-Dean, faculty of Humanities, St. Petersburg Electrotechnical University, Associate Prof. **Nina Gigauro**

-Head of Foreign Languages Department, St. Petersburg Electrotechnical University, Associate Prof. **Andrey Shumkov**

-Head of “Linguistics” Program, Associate Prof. **Tatiana Shulzhenko**

Members of the Organizing Committee:

Associate Prof. **Olga Preobrazhenskaya**, Associate Prof. **Olga Zhuravleva**, Assistant Prof. **Nataliia Stepanova**, Assistant Prof. **Mariia Flaksman**, Assistant Lecturer **Eugenia Zubkova**, Assistant Lecturer **Alexandra Sopina**, Assistant Lecturer **Lyubov Ulyanitskaya**

Оглавление

Вступительное слово	9
СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ, КОМПАРАТИВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ; СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ, СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА; ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА.....	11
Е. А. Барляева КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И СТРУКТУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ	11
Е. В. Бедарева КОНЦЕПТЫ СВОЙ И ЧУЖОЙ КАК КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ)	15
Ю. Б. Бондаренко НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ КАК ЖАНРОВЫЙ ПРИЗНАК PR- БИОГРАФИИ.....	19
К.В. Бритвина КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ).....	24
О. М. Витовский РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ТРАВМЫ В ПЬЕСЕ В. БОРХЕРТА «ЗА ДВЕРЬЮ»	30
И. Г. Заяц НЕМЕЦКИЕ АРГОТИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА	34
Е. Э. Калинина ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПОРЯДКА СЛОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ЭВОЛЮЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	39
А. А. Кильдюшевская, Э. В. Будаев NATURE КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛАХ МОДЫ	43
Д. А. Князева ИМЕНА НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ В ТЕКСТАХ ЖАНРА «ФЭНТЕЗИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. К. РОУЛИНГ)	48
А. В. Кокова СТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ТИПОВ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКОГО ГАЗЕТНО- ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	54
Е. А. Конева ПСЕВДОПАРОНИМЫ: ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ.....	59
Э. Лхагвацэрэн, А. Самбуу ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА “ЭРДЭМ-ЗНАНИЕ” КУЛЬТУРА И ПРИМЕНЕНИЕ	63
E. Lifshits THE STORM BY D. DEFOE: JOURNALISM OR LITERATURE, TRUTH OR FICTION	68
Ли Хо СНЫ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ПО ДЕЛАМ СЛУЖБЫ» КАК ФРАГМЕНТ КАРТИНЫ МИРА ПЕРСОНАЖЕЙ.....	72
Е. О. Матвеева ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ МЕДИАТЕКСТА: СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	76
Н. В. Меркулова, А. С. Кванина РОЛЬ И ФУНКЦИИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ДЕТАЛИ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ».....	80
Е. А. Неvejeина ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕГИОНАХ ФРАНКОФОНИИ: БЕЛЬГИЯ И О. МАРТИНИКА	85
Л. В. Носкина НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТЕ.....	91
Мэни Ван, А. В. Шитова СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНЫХ СЛОВ С ОДНОБУКВЕННЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ.....	95
Т. Н. Осинцева ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЗАВЕРШЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	99
Р. Сарангэрэл ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКОВ РЕЧИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ГРАММАТИКИ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА.....	105

О. О. Секиро КОНЦЕПТ «ИСТИНА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	110
М. С. Сигаева ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ..	114
А. Л. Соколова МИФОЛОГЕМА ДЕРЕВА КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОГО МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ.....	120
Н. В. Степанова ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В МЕДИАТЕКСТАХ КРИЗИСНОГО ПЕРИОДА	127
Т. А. Сухомлина КАТЕГОРИЯ ФУТУРАЛЬНОСТИ КАК КАТЕГОРИАЛЬНО-ТЕКСТОВАЯ ЕДИНИЦА ОБЩЕНИЯ.....	132
И. М. Теплыгина ТУРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.....	136
Е. С. Тихонова ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ТАС «ДЕНЬ», ŽĪT «ВРЕМЯ» И VRIST «СРОК» В «СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКЕ»	142
М. М. Тонкова НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ МАРКЕР В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	147
T. Triberio RUSSIAN ‘PREDICATIVES’ IN L1 AND L2 TEACHING SYLLABUS	152
Л. А. Ульяницкая, А. А. Шумков ПОДЛЕЖАЩЕЕ В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	157
И. А. Шпаковская ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ АСТРОЛОГИЧЕСКИХ АЛЬМАНАХОВ XVII ВЕКА	163
Н. Ф. Щербак ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА (ИГРА СО ВРЕМЕНЕМ В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА «АДА»).....	168
Ю. Языкова НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОПРАВДАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОДИСКУРСА)	171
СЕКЦИЯ 2. КОНТАКТНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ; ПРАКТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ; ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ.....	176
Е. Е. Алтухова ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ ТЕЗАУРУСНОГО ТИПА ПРИ РАБОТЕ СО СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЙ	176
О. В. Андреева МУЗЫКА XX ВЕКА КАК СФЕРА ДИАЛОГА КУЛЬТУР.....	181
Т. А. Ашихмина, С. П. Максакова ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРСАНТОВ: РЕЧЕВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И РЕЧЕВЫЕ НАВЫКИ	187
Н. Б. Бомова, В. А. Жданова ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА: ДВУЧЛЕННЫЕ И МНОГООЧЛЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ NOUN+NOUN.....	192
А. И. Дашкина СОВМЕСТНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ	197
О. М. Журавлева МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА МИКРОУРОВНЕ НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА.....	203
Ю. В. Журавлева УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ....	208
Е. С. Зубкова ОТНОШЕНИЕ КО ЛЖИ В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРАХ.....	212
В. И. Иовлева, Н. В. Попова ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АСПИРАНТОВ.....	218
А. М. Лесохина ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ИНОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ.....	224
Л. В. Литвинова ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ	229

А. П. Нагдасева МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ГЕРМАНИИ.....	234
Е. А. Нешта ПРАКТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ.....	239
Е. Н. Палий ВКЛАД ЛИТЕРАТУРНОГО САЛОНА К.К. ПАВЛОВОЙ В РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ XIX ВЕКА.....	245
А. К. Подпорина, Л. Ю. Попова, Л. И. Печинская ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННЫХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	250
О. А. Преображенская НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ СЕНСОРНОЙ КАРТИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ.....	256
У. Равданжамц, Л. В. Московкин, Ли Цзинзин О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ»	260
М. В. Слизкова LANGUAGE, MENTAL AND OBJECTIVE REALITY: PROBLEM OF CORRELATION.....	265
О. А. Теуш ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В СФЕРЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ	270
М. А. Ткаченко ЧЕЛОВЕК ИЗ ТОЛПЫ: ОБРАЗ ТИПИЧНОГО АМЕРИКАНЦА 1920-Х ГГ. В КИНОФИЛЬМАХ ХАРОЛДА ЛЛОЙДА	276
М. Н. Тренихина ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕГРАДЫ НА ПУТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ РАЗРЫВА В ОБЪЯСНЕНИИ СОЗНАНИЯ	282
Л. А. Ульяницкая ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ	287
Ю. В. Филиппова И СТАНУТ ЗРИМЫМИ НЕЗРИМЫЕ МИРЫ	293
А. Л. Хонарджу НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	299
Е. Ю. Шиянова КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ФРАНЦУЗОВ	302
СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	309
Е. И. Беседина, И. В. Кузьмич ТАЙНА ЗВУКА: ФОНОСТИЛИСТИКА ДЕТЕКТИВА.....	309
И. А. Ваулина ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОЙ ЭКСПРЕССИВНОСТИ.....	313
А. Н. Ливанова ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ЗНАЧЕНИИ НОРВЕЖСКИХ ГЛАГОЛОВ ВРАЩЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА	318
А. Б. Михалёв ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКИХ НАЗАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ	324
М. А. Флакман К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКА.....	329
Е. А. Шамина СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ОРГИНАЛЬНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: К ПРОБЛЕМЕ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА	334
СЕКЦИЯ 4. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО. НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ	341
Г. Х. Агапова ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ ПЕДВУЗА ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОМУ СТИЛЮ РЕЧИ.....	341

П. А. Боронкин ОПТИМИЗАЦИЯ РАБОТЫ С КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ	345
А. А. Брыкова КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В АБСУРДИСТСКОЙ ПРОЗЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЧИТАТЕЛЕМ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РАССКАЗА Д. ХАРМСА «О ТОМ, КАК СТАРУШКА ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА»)	350
И. А. Волонцевич, Н. Ю. Мамонтова ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ К КУРСУ ЛЕКЦИЙ «МИКРОПРОЦЕССОРНЫЕ УСТРОЙСТВА СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ»	356
М. В. Дудник НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМЫ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОСТЮМЫ НАРОДОВ РОССИИ»).....	362
М. Е. Дудниченко КУРС РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	368
К. Ю. Ереметова РАБОТА С ТЕКСТОМ НА УРОКЕ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО НА ТЕМУ «БЫТЬ ЗДОРОВЫМ - ЗДÓРОВО».....	372
Л. Н. Каминская К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ.....	376
С. А. Карпухин ПРЕЗЕНТАЦИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАЗЛЫ»	381
В. А. Мельничук ЗООНИМЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	387
И. А. Митрофанова РИТОРИКА КАК НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ К ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ	391
О. В. Муран ПРАГМА-ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЧЕВОГО АКТА "ВОЗРАЖЕНИЕ" В РУССКОМ НАУЧНО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	397
О. Н. Орлова ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	402
Е. Г. Полонникова ОБУЧЕНИЕ ИДИОМАТИЧЕСКИМ ЕДИНИЦАМ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ	407
Е. Б. Рыкова СМЫСЛОВЫЕ ОПОРЫ КАК ПРИЕМ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА	411
А. А. Солдаева ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ЗАГАДКЕ	415
Н. Д. Стрельникова НА КАКОМ ЯЗЫКЕ МЫ БУДЕМ ГОВОРИТЬ?.....	419
Е. О. Фельдман ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ КОРПУСНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ЗАБАЙКАЛЬЯ	426

Вступительное слово

Уважаемые коллеги!

В 2018 году в Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им В. И. Ульянова (Ленина) по традиции проводится Седьмая межвузовская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы языкознания». К участию в конференции приглашены преподаватели, студенты и аспиранты российских и зарубежных вузов, желающие представить свои научно-исследовательские работы в области лингвистики и межкультурной коммуникации.

Мы рады предоставить участникам нашей конференции возможность объявить о своих научно-исследовательских изысканиях и разработках, раскрыть свои взгляды на актуальные вопросы теоретической и прикладной лингвистики, поделиться информацией о последних достижениях научной мысли в сфере языкознания.

Мы надеемся, что проводимая нами конференция станет еще одним шагом на пути к развитию межвузовского научно-исследовательского сотрудничества, позволяющего углубить знания о языке и культуре.

Добро пожаловать в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»!

Оргкомитет VII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания»

Dear colleagues,

It is our privilege to invite you to take part in the 7th National University with International Guests “Current Issues in Linguistics” (CIL), which is to be held in Saint-Petersburg State Electrotechnical University “LETI” on April 17th-18th, 2018. The National University Conference with International Guests “Current Issues in Linguistics” invites professors and students to present their research findings, works in progress, case studies and conceptual advances in the field of Linguistics and Intercultural Communication. We hope that discussing problems will contribute to growing collaboration among specialists, aspired to deep investigations into issues of language and culture.

We are looking forward to greeting you as our dear guests at the 7th Interacademic Conference on “Current Issues in Linguistics”.

Welcome to our University!

Yours faithfully,

**The Organizing Committee of the 7th National University Conference on
“Current Issues in Linguistics”**

СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ, КОМПАРАТИВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ; СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ, СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА; ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

УДК 811.1

Е. А. Барляева

Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины
lena6417@yandex.ru

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И СТРУКТУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ

Статья рассматривает теории репрезентации знаний, представленные в когнитивной лингвистике и теории искусственного интеллекта. Несмотря на то, что они разработаны в разных областях знаний, у них есть общий подход – понять, как систематизировано знание человека. В период быстрого развития искусственного интеллекта эти теории являются весьма актуальными.

Репрезентация знаний, когнитивная лингвистика, искусственный интеллект, схема, фрейм

В период быстрого развития искусственного интеллекта и робототехники вопрос о структурах представления знаний представляется весьма актуальным. Поэтому, естественно, что программисты часто обращаются к работам когнитивных лингвистов и когнитивных психологов, чтобы понять, как представлены знания человека. В свою очередь, лингвисты внимательно следят за разработками в этой области программистов. Задача у программистов и лингвистов одна – понять, как работает мозг человека. В современной когнитивной лингвистике существует несколько моделей репрезентации знаний. Уже в течение долгого времени особой популярностью пользуется теория фреймов. Она возникла под влиянием идей Ф. Бартлетта, который работал над проблемами памяти еще в 30-е годы XX века и обратил внимание на то, что многие объекты, наблюдаемые человеком, возникают в нашем сознании из прошлого опыта, т.е. вспоминаются. Для обозначения когнитивной структуры, которая облегчает восприятие и способствует запоминанию объектов, был введен термин «схема» [6]. Позднее термином «схема» пользовался У. Найссер, чьи идеи были очень близки идеям Ф. Бартлетта. Под «схемой» У. Найссер понимал когнитивную структуру, которая организует имеющуюся информацию и влияет на то, как мы воспринимаем последующую информацию [3]. Идея «схемы» как структуры памяти, облегчающей понимание реальной ситуации, оказалась очень продуктивной. В частности, под ее влиянием возникла теория фреймов М. Минского, американского ученого, занимавшегося искусственным интеллектом. Впервые она была сформулирована в 1974 году. Работая над созданием программ для распознавания сложных конфигураций электронными вычислительными машинами, М. Минский пришел к выводу, что адекватное распознавание вычислительными

машинами реальных схем невозможно только на основе данных, полученных на входе. Он полагал, что для каждой ситуации у ЭВМ должен быть некий фрейм или система фреймов (т.е. некоторая система данных), которые превосхищают или облегчают такое распознавание. То же самое можно сказать о человеке – рассматривая какую-то проблему или сталкиваясь с какой-то ситуацией, мы ищем в памяти некую структуру для адаптации к действительности. Эта структура и есть фрейм. Работу фреймов можно себе представить следующим образом – сначала некоторый фрейм используется в качестве гипотетической модели распознавания ситуации – происходит сопоставления фрейма и текущей информации (*matching*). Если сопоставление заходит в тупик, то происходит поиск альтернативного фрейма, более подходящего к ситуации. Таким образом, в понимании М. Минского, фрейм – это некая стереотипная ситуация, содержащаяся в сознании [8]. В качестве лингвистической концепции теория фреймов была предложена Ч. Филлмором, одним из основателей когнитивной лингвистики, и была по сути была продолжением его теории глубинных падежей. Сам М. Минский указывал, что фреймы сходны с глубинными падежами или «сценами» Ч. Филлмора [4]. Понятие «фрейма» или «сцены» как падежной рамки глагола, предполагающего определенное количество аргументов, получило широкое распространение в лингвистике. Интересно отметить тот факт, что первоначально лингвистический фрейм (или «сцена») не рассматривался как структура знания. Такое понимание пришло позже. Если мы знаем определенный глагол, то, следовательно, мы знаем и количество его аргументов, следовательно, мы заранее имеем некоторое представление о ситуации, которую можно описать данной предикатно-аргументной структурой. Лингвистическая трактовка фрейма также предполагает стереотипность ситуации, задаваемой предикатом. Таким образом, лингвистический фрейм – это знание о типичном и характерном для некоторого предиката, и в этом смысле фрейм отражает знания говорящего.

Разновидностью фрейма является скрипт. Понятие «скрипт» или «сценарий» было введено Р. Шенком как разновидность фрейма, который описывает автоматические действия человека [10]. Большинство скриптов усваивается нами в детстве в результате прямого опыта или наблюдения над другими людьми. Скрипты могут обновляться. Так, например, если в какой-то типичной ситуации с нами происходит нечто непредвиденное, то новое знание помещается в старый скрипт и обновляет его. В лингвистике скрипты используются для анализа текста. При этом скрипты могут быть как простыми (состоящими лишь из предикатно-аргументной структуры), так и сложными (состоящими из нескольких абзацев текста, находящихся в определенных иерархических отношениях). Популярность теории фреймов, сцен, скриптов можно объяснить тем, что жизнь человека буквально пронизана типичными или даже стереотипными ситуациями. Человек совершает одни и те же действия, удовлетворяет одни и те же потребности несколько раз в день, даже не осознавая стереотипности этих ситуаций. Очевидно, что в таких ситуациях наличие таких структур знания как «фрейм», «сцена» или «скрипт» значительно упрощают нашу жизнь и экономят наши силы для решения более важных задач.

Идея представления знаний на основе их типичности является фундаментальной и для прототипической семантики, начало которой было положено экспериментальными исследованиями в области категоризации Э. Рош. Она исходила из того, что окружающий нас мир в своей основе упорядочен, и эта упорядоченность

отражена в наших представлениях как категоризация. Здесь, как совершенно справедливо считала Э. Рош, большое значение имеет принцип когнитивной экономии: задача категорий как концептуальных систем состоит в обеспечении максимума информации при минимуме усилий. Категория, согласно Э. Рош, - это не просто некоторое множество единиц, а структура, в центре которой находится прототип, т.е. наиболее типичный представитель данной категории. Прототип категории – это такой член этой категории, который свободно замещает название самой категории, и, по существу, категории организованы вокруг прототипов. Что касается остальных элементов категории, то они располагаются вокруг прототипа [9]. В лингвистике изучение прототипов привело к становлению прототипической семантики. Возникшая на основе работ Б. Берлина и П. Кея, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, А. Вежбицкой и др., прототипическая семантика исходит из понимания значения слова как прототипа. Здесь имеется в виду, что каждая лексическая единица содержит в своем составе характерные черты прототипического объекта. Одной из первых работ в этом направлении была работа Б. Берлина и П. Кея. Они исследовали названия основных цветов спектра в 20 языках мира (в том числе неродственных языках) и пришли к выводу, что, несмотря на количественные различия цветообозначений в разных языках существует 11 базисных цветов, которые присутствуют во всех языках мира. Это: белый, черный, красный, зеленый, желтый, голубой, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый и серый цвета. Б. Берлин и П. Кей назвали эти цвета базисными и предоставили несколько критериев для определения того, является ли данный цвет базисным или нет. В число критериев входят: 1. название цвета является моно-лексическим, т.е. значение слова нельзя вывести из значения его частей 2. название цвета не включено в качестве составной части в название другого цвета 3. название цвета может быть применено к бесконечному количеству объектов 4. название должно быть психологически значимым для говорящих [7]. Основным выводом из работы Б. Берлина и П. Кея является то, что основные характеристики прототипов универсальны для всех языков, и это объясняется одинаковым восприятием объектов разными людьми. Интересную классификацию прототипов дает в работе «Мышление в зеркале классификаторов» Дж. Лакофф. Наиболее важным принципом глубинных процессов категоризации и классификации, согласно Дж.Лакоффу, является «принцип сферы опыта». Классификация прототипов включает следующее: типичные примеры, например, «Малиновки и воробьи – типичные птицы», социальные стереотипы, идеалы (идеальный муж – хорошо зарабатывает) [2].

Андерсон совместно с Бауером разработали модель репрезентации знаний, известную как «ассоциативная память человека». По их мнению, слова могут ассоциироваться лишь в том случае, если соответствующие им понятия входят в пропозиции, находящиеся в долговременной памяти. Пропозиции здесь понимаются как наименьшие единицы знания, которые могут быть выделены в отдельное высказывание. Каждый узел в пропозициональной сети представляет собой понятие, с которым соединены все, связанные с ним сведения. В пропозициональных сетях основная форма записи информации – «субъект – предикат» [5]. Принцип ассоциации был положен в основу еще одной теории - теории семантических сетей, согласно которой семантические единицы объединены в памяти обширной сетью (деревом) на основе ассоциативных связей. Предположение о том, что знание может быть организовано как сложная система ассоциаций лежит в основе многих работ

российских ученых – когнитивных лингвистов и психологов. Такие исследования были связаны с исследованием структуры словарного запаса человека. Репрезентация знаний представляется как семантическая сеть, узлами, которой являются лексические единицы, связанные друг с другом ассоциативной связью. Все хранимые человеком знания – энциклопедические и языковые, включая эмоциональные впечатления, а также систему норм и оценок рассматривается как единая информационная база человека или его информационный тезаурус. Активную работу в нашей стране в этом направлении вела А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов и др. [1]. Результатом работы явились «Ассоциативный тезаурус английского языка», «Ассоциативный словарь русского языка», «Словарь ассоциативных норм русского языка» и другие работы.

Заканчивая обзор теорий представления знаний, следует отметить, что все они построены на основе основных четырех принципов, а именно: ассоциации, типизации, предикации и категоризации. Следует подчеркнуть, что все перечисленные процедуры основаны на логической операции сравнения. И это не случайно, так как сравнение является важнейшей частью как процесса восприятия, так и мыслительного процесса человека. Еще следует отметить тот факт, что работы когнитивных лингвистов и специалистов в области искусственного интеллекта обогащают друг друга, потому что они в конечном счете решают одну общую задачу – понять, как структурировано знание человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская А.А. Ассоциативный тезаурус английского языка и возможности его использования в психологических исследованиях // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Сб. научных трудов. – Калинин: Издательство КГУ, 1983. – С. 26-41.
2. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23, М., 1988. – С. 234- 257.
3. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / Пер. с англ. Вступ. т. и общ. Ред. Б. М. Величковского. М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
4. Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. – С. 124 – 139.
5. Anderson J.R., Bower G.H. Human Associative Memory. Washington, 1973.
6. Bartlett F.C. Thinking: An Experimental and Social Study. Greenwood Press Reprint, CA, 1982. – 203 p.
7. Berlin B., Kay P. Basic Colour Terms: Their universality and evolution. CSLI Publications, Center for the Studies of Language and Information. Stanford, California, 1999. – 196 p.
8. Minsky M. Semantic Information Processing. Cambridge, Mass: MIT Pres, 1975. – 450 p.
9. Rosch E. Prototype Classification and Logical Classification: The Two Systems//Scholnik E. (ed.) The New Trends in Cognitive Representation: Challenge to Piagets theory. Hillsdale (N.J.), 1983. – p. 73-86.
10. Schank R. C., Abelson R. P. Scripts, Plans, Goals and Understanding. Hillsdale, N. J., 1977. – 273 p.

E. A. Barlyaeva

Saint Petersburg state academy of veterinary medicine

COGNITIVE LINGUISTICS AND STRUCTURES OF KNOWLEDGE REPRESENTATION

The article considers theories of knowledge representation developed by cognitive scientists and AI specialists. Despite the fact that these theories were developed in different fields of study, they have much in common – both try to understand the structuring of knowledge in human mind, which becomes especially important in the period of rapid AI development.

Knowledge representation, cognitive linguistics, artificial intelligence, scheme, frame

УДК 808.2

Е. В. Бедарева

*Санкт – Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),*

kate_bedareva@mail.ru

КОНЦЕПТЫ СВОЙ И ЧУЖОЙ КАК КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ)

Статья посвящена анализу данных концептов и их значения в политическом дискурсе. Анализируются причины и специфика их использования в американских СМИ. Выявлена роль концептов СВОЙ и ЧУЖОЙ в формировании национального самосознания.

Концепт, свой, чужой, информационная война, политический дискурс, героизация, демонизация, американский медиадискурс

Как утверждает испанский социолог М. Кастельс, «мы живём в информационную эпоху, когда способность общества постоянно обновлять информацию и воплощать её в технологию является фундаментальным источником военной и экономической мощи» [12,62]. Следовательно, завоевание позиций на мировой арене происходит в процессе информационной войны. Политолог Стюгин М. С. определяет это понятие как «любая деятельность в информационном пространстве в рамках некоторых антагонистических целей (материальное превосходство, решение, принимаемое человеком или группой людей и пр.)» [11]. Г. Г. Почепцов утверждает: «Информационная война – это переход посредством информационного пространства к новому состоянию других пространств (социальному, политическому, экономическому, военному)» [7, 282] и подчёркивает, что виртуальность – это определённый фильтр реальности, при применении которого общество воспринимает только то, что навязано виртуальностью.

Основные средства ведения информационной войны – это устные и письменные тексты, что обуславливает важную роль речевого воздействия («регуляция деятельности одного человека другим при помощи речи») [10, 3]. По Н.И. Трошиной существует два типа речевого воздействия: внушение и убеждение [9, 64]. Внушение основывается на воздействии на человека через его эмоции, убеждение – на разум. Речевое воздействие может перейти в более серьёзную форму – речевое манипулирование («использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении» [1, 145]. Г.Г. Почепцов выделяет два основных вида манипуляции – героизация и демонизация [8, с.85-87]. Например, образ «себя» в большинстве случаев имеет положительное описание, героизация, а вот образ противника рисуется с помощью негативных языковых средств, что соответствует демонизации.

Проблемой значения языка в политике занимается политическая лингвистика, объектом исследования которой является политический дискурс – «связный, вербально выраженный текст (устный или письменный) в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, взятый в событийном политическом аспекте, представляющий собой политическое действие, участвующий во взаимодействии политических деятелей и отражающий механизм их политического сознания» [2, 28].

Информационная война представляет собой борьбу в виртуальном медийном пространстве, а язык – это инструмент конструирования действительности, он может навязывать мировоззрение, сознательно воздействовать на картину мира. Не последнюю роль в этом процессе играют культурные концепты. Понятие концепта трактуется разнообразно: это и «многомерное смысловое образование в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [3], и «квант переживаемого опыта», который неразрывно связан с картиной мира носителей [3], и «оперативная единица памяти, ментального лексикона концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [6, 90]. Существуют следующие способы репрезентации концепта в языке:

- лексемы и фразеосочетания, свободные словосочетания;
- тексты и совокупность текстов;
- структурные и позиционные схемы предложений, несущие типовые пропозиции;

Концепт имеет ядро и периферию. Ядро – это слои с наибольшей чувственно – наглядной конкретностью, периферия – это более абстрактные признаки концепта.

Одними из ключевых понятий американского политического дискурса являются концепты СВОЙ и ЧУЖОЙ, что как раз соответствует идее Почепцова о героизации и демонизации. Так, в американских СМИ «герою» американской демократии противостоит «демон» русской диктатуры. Рассмотрим следующие примеры:

- в статье о снятии в России с проката фильма «Смерть Сталина», Маша Гессен особенно касается темы тоталитаризма в СССР, подчеркивая его абсурдность: 'Millions of people grieved in public (an unknown number died in a stampede, on the way to see Stalin's body, marking a final act of senseless violence associated with the tyrant), and a small number celebrated in private.' [13]

'Iannucci paints perhaps the most accurate picture of life under Soviet terror that anyone has ever committed to film.' [13]

‘Iannucci shows something that few people understand about Stalin’s reign and its aftermath: that *it was both terrifying and ridiculous, and terrifying in its ridiculousness.*’ [13].

Более того, автор нашумевшей книги ‘The Future Is History: How Totalitarianism Reclaimed Russia’ утверждает, что тоталитаризм не ушел со смертью Иосифа Сталина, процветая и при президентстве Владимира Путина: ‘...the sensibilities of the Putin-era élite, which earnestly traces its lineage to Ivan the Terrible, Peter the Great, and Stalin – the *bloodiest rulers in Russia’s bloody history. Putin’s Russia embraces its terrifying past but never its ridiculous past.*’ [13]

- образ «диктаторской советской России» часто виден в заголовках:

‘In Putin’s Russia, anyone can be a spy.’ [18]

‘Putin’s Russia: don’t walk, don’t eat and don’t drink.’ [12]

‘Russia Presses Trump for White House Meeting With Putin’ [15] – так реагируют СМИ на возможное приглашение президента России в Белый Дом. ‘A White House visit *would be a significant gesture toward the Russian leader. Mr. Putin has not been to the White House since 2005, when Mr. Bush hosted him there.*’ [15]– приглашение рассматривают как «великодушный жест», ведь с последнего визита Белого Дома Путиным прошло 13 лет.

‘Putin’s Russia is becoming more Soviet by the day’ [17] – так отреагировали The Washington Post на предвыборную кампанию Павла Грудина, поддержавшего политику Сталина. Недоумение СМИ налицо: ‘In a country where almost every family was affected by that leader’s policies — forced collectivization, artificial famines, the Great Terror, mass deportations, the gulag — *this may not be the best vote-getter. Thanks to Grudinin’s rhetoric, a vote for him is now equivalent to an endorsement of Stalinism.*’ [17]

Более того, и здесь находят связь с нынешним президентом: ‘*Reverence for Soviet symbols is a trait Grudinin shares with the current occupants of the Kremlin. Vladimir Putin began his rule in December 1999 by unveiling a memorial plaque to Yuri Andropov...*’ [17] или ‘Early on in his presidency, Putin reinstated the music of the *Soviet national anthem* — personally picked by Stalin in 1944 — as the national anthem of Russia, and described the peaceful dissolution of the USSR as ‘the greatest geopolitical catastrophe of the 20th century.’ *The retuned symbols of Soviet rule were quickly followed by Soviet-like methods of keeping a grip on society, from state control of television to the elimination of electoral competition.*’ [17] ‘Russian voters who feel nostalgic for the Soviet era don’t need Pavel Grudinin. They already have a likeminded leader in the Kremlin.’ [17] –таковы финальные слова статьи.

Стоит отметить, что американские журналисты довольно часто призывают к осторожности во взаимоотношениях с современной Россией: ‘Democracy existed, exists and will exist’ Putin said, *a Soviet-style formulation that’s recognizable to every Russian as a version of the old Communist Party slogan: Lenin lived, lives, and will live.*’ [12].

Сам Дмитрий Ремник, главный редактор The New Yorker и обладатель Пулитцеровской премии, формирует образ страны-агрессора с очень властным руководителем, «обожеествляя» в то же время экс-президента США, «миротворца» Барака Обаму в своей книге ‘The Bridge: The Life and Rise of Barack Obama.’: ‘*Conciliation was his default mode, the dominant strain of his political personality. In interview after interview, people’s initial reaction to him is that he is always winning,*

always disarming –cool, intelligent and charming.’ [14] Здесь мы видим использование тактики поляризации для очерчивания категорий «круга чужих» и «круга своих». В основе тактики лежит антитеза как композиционный прием, создавая два жестко противопоставленных семантических поля. Полю «чужих» свойственна пейоративная лексика, полю «своих» – мелиоративная лексика. Именно конфликт прагматических элементов семантики используемых лингвистических единиц и обуславливает эффект поляризации.

Особенно американские издания поддерживают политику Трампа относительно России: ‘Trump has recently taken *a sharper tone* on Putin, administration officials said’ [17]. Любое облегчение мер против «врага» вызывает волну недовольства как угроза «себе»: ‘Trump’s good cop –bad cop routine with Russia is looking *untenable*.’ [17].

Среди последних актуальных тем в американских газетах фигурирует «гонка вооружений». Представление Владимиром Путиным такого нового оружия, как межконтинентальная ракета, глубоководный беспилотник и гиперзвуковая ракета вызвали широкий резонанс. ‘Putin’s *boastful showcase* of his country’s new weapons’ [16]–демонстрацию военного потенциала американские СМИ называют «хвастовством», заверяя при этом, что Америка в стороне не остается: ‘We need to ensure we have a *credible nuclear deterrent*, and we are confident that *we are prepared to defend this nation no matter what*.’ [16].

В ходе работы выявлено, что данные концепты играют огромную роль в современном политическом медиа дискурсе, формируя национальное самосознание, иногда даже оказывая манипулятивное воздействие на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова, Пирогова 1999: Борисова Е.Г., Пирогова Ю.К. Имплицитная информация в рекламе и пропаганде. //Имплицитность в языке и речи. – М.: “Языки русской культуры”.1999. – с. 145 – 151. 18.
2. Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца 19 –начала 20 вв. – М.,2006.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Кочетова Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса. – Волгоград, 1999.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. – М., 2002.
6. Ксензенко О.А. Когнитивный подход к анализу экспрессивности рекламных текстов // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч.тр. – Рязань, 2000.
7. О. Г. Орлова. Стереотипные представления о России и их реализация в дискурсе еженедельника «Newsweek». –М., -2013.
8. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. – М., 2002.
9. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. - М.: Наука, 1990.
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. – с. 624 .

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

11. <http://www.infwar.ru/>

12. <http://www.latimes.com/popular/>
13. <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/the-death-of-stalin-captures-the-terrifying-absurdity-of-a-tyrant>
14. <https://www.nytimes.com/2010/04/11/books/review/Wills-t.html?pagewanted=all>
15. <https://www.nytimes.com/2018/04/02/world/europe/trump-putin-white-house-meeting.html?rref=collection%2Fsectioncollection%2Fworld&action=click&contentCollection=world&region=rank&module=package&version=highlights&contentPlacement=1&pgtype=sectionfront>
16. <https://www.usnews.com/news/world/articles/2018-03-01/putin-warns-russia-has-powerful-nuclear-weapons-incapable-of-being-stopped>
17. https://www.washingtonpost.com/news/democracy-post/wp/2018/02/26/putins-russia-is-becoming-more-soviet-by-the-day/?utm_term=.ac1ae9051875
18. <http://www.newyorker.com/news/news-desk/in-putins-russia-anyone-can-be-a-spy>

E.V. Bedareva

Saint – Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

THE CONCEPTS *OUR* AND *STRANGER* AS KEY CONCEPTS IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON AMERICAN MASS MEDIA)

The article is dedicated to the analysis of the concepts and their significance in political discourse. The reasons and specifics of their utilization in American mass media are being discovered. The role of the concepts *OUR* and *STRANGER* in national identity formation is identified.

Concept, our, stranger, information war, political discourse, heroization, demonization, American media discourse

УДК 659.443

Ю. Б. Бондаренко

Южный федеральный университет
whitemachine@mail.ru

НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ КАК ЖАНРОВЫЙ ПРИЗНАК PR-БИОГРАФИИ

Жанр биографии, адаптируясь к контексту PR-коммуникаций, трансформируется и приобретает свойства, не характерные для биографических текстов в других дискурсах. Одним из таких свойств является незавершенность текста, в котором проявляется нейтрализация различия между биографией и автобиографией в контексте PR-дискурса.

Биография, PR, связи с общественностью, автобиография, дискурс, речевой жанр

Дискурс образуется и существует в контексте некоторой деятельности. В отдельных случаях (художественная литература и особенно поэзия) такая деятельность носит практически исключительно коммуникативный, языковой характер, однако гораздо чаще дискурс реализуется как система правил, регулирующих коммуникативное поведение и коммуникативные взаимодействия в той или иной сфере деятельности и подчиненная внеязыковым задачам (управление, информирование, изложение результатов научных исследований и т. д.).

Одним из важнейших инструментов анализа дискурса является категория речевого жанра. По нашему мнению, теория дискурса и теория речевого жанра в конечном счете самостоятельны и не сводимы друг к другу. Многие речевые жанры гораздо шире конкретного дискурса (ср. письмо в обыденной коммуникации и как жанр публицистики, записку как жанр обыденной коммуникации и жанр официально-деловой, статью, которая вырабатывает особые требования к форме, прагматике и изложению в зависимости от контекста – научного, юридического, публицистического). По этой причине неправомерно видеть в речевом жанре инструмент анализа дискурса, а точнее, дискурсивную категорию: жанр очень часто выходит за пределы конкретного дискурса и является особым фактором функционирования языка. Тем не менее, нельзя отрицать, что жанры и дискурсы взаимодействуют друг с другом. В частности, дискурсы могут заимствовать жанры друг у друга и определенным образом их модифицировать, как бы «подгоняя» существующие жанровые формы под собственные цели, потребности и нужды.

Примером такого заимствования является жанр PR-биографии, который представляет собой адаптацию традиционной биографической жанровой модели к условиям PR-дискурса. Общая биографическая модель, ориентированная на изложение обстоятельств и событий жизни конкретного человека, в этом контексте существенно трансформируется. В частности, PR-биография, будучи частью PR-дискурса, начинает обслуживать главную цель связей с общественностью, которая заключается в формировании имиджа базисного субъекта PR. Биография может публиковаться как в пользу публичного лица (политика, общественного деятеля, деятеля искусств и т.д.), так и в пользу организации, которую данное лицо представляет. В этом случае на первый план неизбежно выступает задача формирования положительного имиджа, а это определяет оценки, которые выражаются прямо или косвенно, через отбор фактов и материалов. Для традиционной биографии такая положительная оценочность не является обязательной, она присуща только резюме в деловом общении, которое в отдельных формах может рассматриваться как биографический текст. Если же мы обратимся к литературным биографиям и автобиографиям, то увидим, что в них присутствует как положительная, так и отрицательная оценочность, причем сочетаться эти компоненты могут в разных пропорциях.

Одним из последствий адаптации PR-биографии к условиям целям PR-дискурса является незавершенность биографического PR-текста. Дело в том, что в подавляющем большинстве случаев PR-биография излагает историю жизни публичного лица, и изображаемый в ней человек в момент создания и восприятия, то есть функционирования, PR-биографии является социально активным субъектом. Данное свойство обусловлено самой сущностью PR-биографии, которая всегда распространяется от лица базисного субъекта PR и в его интересах. Особенно ярко это проявляется в PR-биографиях, которые распространяются в рамках PR-кампании

публичного лица – политика, деятеля искусства, общественного деятеля. PR-биография также может распространяться от лица организации, и в этом случае лицо (основатель организации, ее руководитель, значимый сотрудник) выступает в качестве представителя данной организации, то есть является средством ее персонализации.

Из этого общего правила имеются исключения, однако в целом они немногочисленны и возникают, как правило, в контексте PR организаций. Дело в том, что обращение в связях с общественностью к биографиям значимых для данной организации личностей может делать уместным обращение к истории жизни людей (сотрудников, значимых личностей), которые не являются социально активными на момент создания или восприятия текста. Происходит это потому, что жизненный цикл многих организаций является более длительным, чем жизнь отдельного человека.

Например, на сайте Южного федерального университета размещены биографии прошлых ректоров Ростовского государственного университета Ю. А. Жданова и А. В. Белоконя. Раздел сайта ПАО «Газпром», в котором рассказывается о компании, содержит раздел «Персоналии», где посетитель сайта может ознакомиться с биографиями как прошлых, так и действующих руководителей и значимых сотрудников «Газпрома» (Виктор Черномырдин, Рэм Вяхирев, Борис Федоров, Виктор Бударин, Валерий Мусин, Владислав Стрижов), а также государственных деятелей, оказавших значительное влияние на развитие отечественной газовой промышленности (Николай Байбаков, Василий Динков, Алексей Кортуннов, Сабит Оруджев, Михаил Сидоренко). Такое решение представляется закономерным, так как биографии любых лиц, деятельность которых оказала заметное влияние на организацию, являются частью истории самой организации. В случае с компанией «Газпром» уместным оказывается и упоминание государственных чиновников, поскольку современная компания фактически является наследницей газовой промышленности СССР, а ее успехи были бы невозможны без развития, которое газовая промышленность получила в России в XX веке.

Однако приведенные примеры являются скорее исключением, к тому же исключением относительным, поскольку реальную PR-выгоду из публикации биографий извлекает не описываемое в тексте лицо, а организация, от имени которой данный текст распространяется. В контексте стандартного, типичного функционирования PR-биография соотносится с активным, действующим публичным лицом, и сам факт публикации PR-биографии должен рассматриваться как проявление его активности: PR-биография создается в качестве инструмента формирования образа данного лица в общественном сознании. В силу этого PR-биография не может быть законченным текстом, поскольку жизненный путь изображаемого в ней лица не является завершенным.

Если обратиться к биографии в том виде, в котором она существует вне контекста связей с общественностью (например, в художественной литературе, публицистике, биографических словарях и т. п.), то становится очевидным, что подобная отнесенность текста к социально активному лицу является возможной, однако не обязательной чертой биографического текста. Аналогичным образом автобиография, даже если она соотносится с человеком, жившим в предшествующие эпохи, вне контекста связей с общественностью также не утрачивает своего значения

в качестве источника исторической информации или литературного либо публицистического произведения, обладающего художественной ценностью.

Здесь необходимо указать на еще один важный момент. PR-биография, которая лишается такой соотнесенности с конкретным человеком, не утрачивает своей документальной ценности, однако полностью или частично утрачивает собственный PR-потенциал. Этот момент является очень важным с точки зрения характеристики PR-биографии, поскольку непосредственное воздействие на массовое сознание, которое приносит результат если не немедленно, то в обозримом будущем, является основной коммуникативной целью, обслуживаемой текстами подобного типа.

В этом проявляется нейтрализация форм биографии и автобиографии, которая была рассмотрена в других работах [1-2]. В данном контексте необходимо отметить, что смысловая завершенность, которая проявляется как завершенность жизненного пути, – это существенный признак для классификации биографических текстов: на основании этого признака биографии можно распределить на две большие группы в зависимости от того, были ли они созданы при жизни некоторого человека или по ее завершению. В случае с автобиографией ситуация выглядит иначе. Как справедливо отмечает С. В. Волошина, коммуникативная цель речевого жанра автобиографического рассказа – это «рассказ о жизни с момента рождения до момента общения» [3, с. 54]. Автобиографии не являются завершенными текстами, что определяется экстралингвистическими факторами, а именно моментом создания текста.

Определение С. В. Волошиной нуждается в небольшом уточнении. Дело в том, что оно соотносится с устным автобиографическим рассказом. Если брать автобиографическую форму в целом, то предел изложения в ней определяется не моментом общения, а моментом создания автобиографического повествования. Если автобиографический текст создается в рамках непосредственного общения, то концом автобиографии является момент речи, поскольку в устной речи эти два момента совпадают; в рамках письменной коммуникации предел задается моментом создания текста. Представляется, что с учетом этого уточнения определение С. В. Волошиной правомерно распространить на все без исключения автобиографические тексты.

Заслуживает внимание тот факт, что смысловая незавершенность, будучи признаком автобиографического изложения, в контексте PR-дискурса становится регулярным, обязательным признаком биографического текста, то есть такого повествования, в котором события жизни героя описываются с внешней точки зрения (от 3-го лица). Другими словами, незавершенность PR-биографии оказывается еще одним признаком, который сближает данный тип текстов с автобиографической моделью, исключающей сообщение о смерти рассказчика-героя автобиографического рассказа. Незавершенность представляет собой обязательное качество автобиографии, поскольку человек не может изложить свою жизнь от момента рождения до момента смерти, тогда как незавершенность биографии факультативна и зависит от обстоятельств ее создания, а именно от того, живо ли биографируемое лицо в момент создания его жизнеописания (фактор времени), имеется ли у автора биографии информация о жизненном пути данного лица (фактор осведомленности) и входит ли в авторские намерения описание данного пути полностью (фактор замысла).

Для PR-биографии типично формально выраженное несовпадение автора текста (рассказчика) и его героя. Как показал исследованный материал, автобиографическая форма используется в контексте PR-дискурса, однако происходит это довольно редко, и лишь небольшой процент PR-биографий имеет форму повествования от 1-го лица. По всей видимости, это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, PR-биографии типично создаются специально приглашенными сторонними специалистами, что, по всей видимости, и определяет их грамматическую форму. Во-вторых, повествование от 1-го лица делает коммуникацию слишком интимной, доверительной и лишает ее официальности, которая уместна в контексте PR-коммуникации. В то же время в PR-биографии нетождественность автора (рассказчика) и героя как бы снимается, поскольку автор всегда действует в интересах базисного субъекта PR, который по определению является социально активным, а PR-тексты, включающие биографии, создаются по инициативе базисного субъекта PR, а потому выражают его видение собственной персоны и изображают героя так, как это выгодно ему самому.

Таким образом, традиционная биографическая модель в контексте PR-дискурса переживает довольно существенные трансформации, обусловленные целями PR-коммуникации, а также отношениями между текстом и его героем, героем текста и его автором. Одним из последствий адаптации биографической модели к контексту PR-дискурса является регулярная, типичная незавершенность биографического повествования, которая не возникает с такой же регулярностью в традиционных контекстах функционирования рассмотренной жанровой модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко Ю. Б. Частичная нейтрализация различий между биографией и автобиографией в PR-дискурсе // *APRIORI*. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 5. С. 10.
2. Бондаренко Ю. Б. Квазиавтобиографичность PR-биографии // *Litera*. — 2018. - № 1. - С.49-62. DOI: 10.25136/2409-8698.2018.1.25301. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_25301.html
3. Волошина С. В. Речевой жанр автобиографического рассказа как фрагмент энциклопедии речевых жанров // *Вопросы лексикографии*. — 2012. — № 1. — С. 52-61.

Y. B. Bondarenko

Southern Federal University

OPENNESS AS A GENRE PROPERTY OF THE BIOGRAPHY IN PUBLIC RELATIONS

The genre of biography when adapting to the context of public relations is transformed and takes on new properties which are not typical to biographical model in contexts of other discourses. Openness is one of such properties that manifests a neutralization of differences between the biographic model and the autobiographic one in the context of discourse of public relations.

Biography, PR, public relations, autobiography, discourse, speech genre

УДК 811.111'27+81+070 (410)

К.В. Бритвина

Новосибирский государственный педагогический университет,

kristina.britvina@gmail.com

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Статья посвящена исследованию ключевых концептов юридического дискурса LAW (закон), RIGHT (субъективное право) и JUSTICE (правосудие). Исследуется специфика реализации данных концептов в англоязычных текстах СМИ. Установлено, что в рамках одного и того же предложения имена данных концептов объективируются разными способами. Концепт LAW (закон) представляется интегративным, а RIGHT (субъективное право) и JUSTICE (правосудие) интегрирующими.

Концепт, юридический дискурс, понятийная составляющая, закон, субъективное право, правосудие, справедливость, англоязычные СМИ.

Изучение лингвистических аспектов юридического дискурса на материале различных языков относится к актуальным проблемам современного языкознания. Роль юридического дискурса (ЮД) значима в современных англоязычных СМИ, т.к. в нем наиболее отчетливо проявляется интерпретационная составляющая коммуникации между автором и читателем.

Тематика и содержание ЮД широко отражается в современном англоязычном публицистическом дискурсе. Необходимо выделить особую группу базовых концептов, или суперконцептов, являющихся необходимой пресуппозицией существования любого правового общества. К данной группе следует отнести концепты LAW (закон), RIGHT (субъективное право) и JUSTICE (правосудие).

Релевантность исследования ключевых правовых концептов LAW (закон), RIGHT (субъективное право) и JUSTICE (правосудие) обусловлена их высокой степенью вербализации в английском языке и воплощением в коммуникативной деятельности юридического дискурса.

Целью исследования является контрастивный анализ концептов LAW (закон), RIGHT (субъективное право) и JUSTICE (правосудие) юридического дискурса в текстах англоязычных СМИ. В качестве исследовательских задач было определено выявление дефиниционных признаков концептов, анализ основных имен концептов и установление специфики их реализации в текстах англоязычных СМИ.

Исследование понятийных составляющих концептов LAW и RIGHT установило, что отдельные элементы фреймовой структуры концепта RIGHT накладываются на элементы фреймовой структуры концепта LAW (закон). Концепт LAW (закон) выступает в качестве интегративного, а концепт RIGHT (субъективное право) представляется интегрирующим [2, с. 291].

Концепт JUSTICE (ПРАВОСУДИЕ) обладает широкой понятийной составляющей в английском языке. В толковых и энциклопедических словарях лексема justice представляется многозначной.

Основным именем концепта JUSTICE является лексема justice. Она отображается в лексикографических источниках по-разному:

Первый лексико-семантический вариант (ЛСВ) justice отражается как «честность», «моральный принцип», определяющий справедливое поведение:

(1) *Justice is fairness in your behavior or in the way that people are treated* [7, p. 789].

Justice is the moral principle determining just conduct [13, p. 776].

Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English language определяет justice как «справедливость или законность в отношении требования или заявления»:

(2) *Justice is rightfulness or lawfulness, as of a claim or title; justness of ground or reason: to complain with justice* [13, p. 776].

Collins Cobuild English Language Dictionary содержит определение лексемы justice как «системы, используемой группой людей или страной для соблюдения людьми законов и определения меры наказания для них»:

(3) *Justice is the system that a country or other group of people uses in order to make sure that people obey laws and that punishment is given to those people who break the law* [7, p. 789]

Следующим ЛСВ лексемы justice является «правоприменение, отправление правосудия»:

(4) *Justice is administration of the law as it affects rights and wrongs of persons; b. punishment for crime inflicted (накладываемое) by the law: to bring a murderer to justice; specif. to administer justice (вершить правосудие), to punish an offender* [12, p. 636].

Толковые и энциклопедические словари дают дефиницию лексемы justice «судья»:

(5) *Justice is used in British English as part of the title of a judge* [7, p. 789].

В когнитивной лингвистике концепт представим в виде фрейма. «Фрейм» понимается как «структура представления знаний, организованная вокруг некоторого понятия, которая содержит данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия» [3, с. 19].

Фреймовая структура концепта LAW (закон) может быть представлена с помощью пирамиды, на вершине которой расположено имя концепта, а ниже – слоты, т.е. когнитивные признаки. Когнитивными признаками концепта LAW (закон) являются rule (правило), subject (субъект), object (объект), action (действие), power (власть), fixation (фиксация) [1, с. 70].

Концепт RIGHT (субъективное право) интегрируется в концепт LAW, поскольку некоторые элементы его фреймовой структуры накладываются на элементы концепта LAW [2, с. 292].

Фреймовая структура концепта JUSTICE (правосудие) может быть представлена с помощью пирамиды, на вершине которой расположено имя концепта, а ниже – слоты (1-6):

JUSTICE: 1) subject; 2) action; 3) authority; 4) justification; 5) punishment; 6) fixation.

Исследование понятийной составляющей концепта JUSTICE установило, что отдельные элементы его фреймовой структуры накладываются на элементы фреймовой структуры концепта LAW (закон). Дифференциальными когнитивными

признаками концепта *JUSTICE* являются *authority* (правомочный орган) и *justification* (правомерность, юстификация) и *punishment* (взыскание).

Слот *authority* (правомочный орган) представляет собой органы судебной власти, исполняющих правосудие.

Слот *justification* (правомерность) является обязательной составляющей фреймовой структуры концепта *RIGHT*, поскольку любое законное или незаконное действие должно быть правомерным и обладать определенными причинами для оправдания или неоправдания какого-либо действия.

Слот *punishment* (взыскание) является исходящим из предыдущих слотов, поскольку определяет заключительный этап правосудного процесса.

При исследовании специфики реализации концептов *LAW* (закон), *RIGHT* (субъективное право) и *JUSTICE* (правосудие) установлено, что имена концептов в текстах СМИ, употребляясь в одном и том же контексте в рамках одного и того же предложения, объективируются разным образом.

В рамках предложения лексема *justice* как основное имя концепта *JUSTICE* реализуется в виде ЛСВ (№ 4) как *система*, в рамках которой осуществляется деятельность государственных органов правоохранительного и правоприменительного характера:

The Australian government *should* look for solutions to the plight of *prisoners with disabilities* not only within the four walls of the prisons, but also *within a justice system* that *should* make better decisions about who really belongs in prison [9].

Пример демонстрирует проявление облигаторности действий первичного субъекта исполнительной власти, выраженного лексемой «government» (правительство) в отношении вторичного субъекта, в данном случае «физических лиц» (*individuals*), репрезентированного лексемой «prisoners» (заключенные). Реализация лексемы *justice* основного имени концепта *JUSTICE* осуществляется в виде сочетания «*within a justice*» (в рамках системы правосудия) и выражает модальность долженствования.

Корреляция понятий *justice* и *law* выражается на примерах «разновидности судопроизводства» *administrative justice* (административное судопроизводство), *criminal justice* (уголовное судопроизводство), *civil justice* (гражданское судопроизводство), *constitutional justice* (конституционное судопроизводство) и «отраслей права» *administrative law* (административное право), *criminal law* (уголовное право), *civil law* (гражданское право), *constitutional law* (конституционное право).

Смысловая дифференцированность имен *justice* и *law* наиболее отчетливо проявляется в случае контактного употребления данных имен и их синонимов-репрезентантов.

Имя *equity*, репрезентирующая концепт *JUSTICE* взаимодействует с именем *law* и составляют сочетания *equity laws*, *the law of equity*, *equity under the law*. Дифференцированность данных имен отчетливее проявляется в рамках предложения.

Пример № 1 демонстрирует интегрирование имени *equity* в имя *law*, составляющее ядерный элемент данного сочетания:

(1) Government accused of dismantling *equity laws* [10].

Лексема *law* реализует в рамках данного контекста ЛСВ «закон», а лексема *equity* выступает синонимом-репрезентантом основного имени *justice* в значении «равенство».

В примере № 2 основное имя law концепта LAW реализуется в сочетании *law of equity* в значении «право», что подтверждает неоднозначность значений в английском языке:

(2) *"In the light of the continued failure of parliament to confer upon the courts limited redistributive powers in relation to the property of each party upon the breakdown of a non-marital relationship, I warmly applaud [this] development of the law of equity."* [5].

Этимологически сочетание *law of equity* (право справедливости) восходит к XIV веку и легко в основу английского общего права [11, p. 914].

В рамках данного сочетания лексема equity отчетливо репрезентирует концепт JUSTICE в значении «справедливость». Пример демонстрирует, что «справедливость» не эквивалентна «закону», она воплощается в законах.

В примере № 3 и 4 лексема Act выступает синонимом-репрезентантом именем, репрезентирующим концепт LAW и выступающим ядерным элементом сочетания, является лексема Act в значении «закон». Основное имя концепта JUSTICE лексема justice реализуется в следующих сочетаниях в значении «правосудие» и «судопроизводство»:

(3) *The Justice and Security Act* was given parliamentary approval on 25 April this year [6].

(4) *Section 139 of the Criminal Justice Act 1988 makes it an offence to have "any article which has a blade or is sharply pointed" in a public place* [14].

Интегративность концептов RIGHT и JUSTICE обнаруживается в случае контактного употребления их имен в рамках одного предложения.

Специфика реализации концептов RIGHT и JUSTICE отчетливо проявляется в рамках словосочетания. Анализ показал, что наиболее типичными являются комбинации с именем right, выступающим ядром прогрессивного словосочетания, и подчиненного члена имени justice:

We need a new act which defends and extends the right to justice, and we need a new body tasked with implementing it [4].

Взаимосвязь между концептами внутри одной и той же группы может быть различной. Концепты могут быть связаны между собой аддитивными, то есть взаимодополняющими, отношениями (например, свобода, равенство, братство), а также интегративными отношениями, предполагающими интеграцию одного концептуального содержания в другое.

Интегративные отношения между ключевыми концептами юридического дискурса LAW, RIGHT, JUSTICE реализуются в рамках словосочетания, предложения и текста.

Наиболее типичным в специфике реализации данных концептов в словосочетании является иерархичность их связи:

These commitments will be underpinned by a new Right to Justice Act, the report says, which would codify existing rights to justice and "reasonable legal assistance" [4].

Пример наглядно демонстрирует, что в рамках одного предложения обнаруживаются устойчивые комбинации имен концептов «right to justice», которые трансформируются в более обширные конструкции посредством присоединения имен других концептов: justice → rights to justice → right to Justice Act.

Анализ показал, что интегративным концептом выступает LAW (ЗАКОН), а интегрирующими RIGHT (СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО) и JUSTICE (ПРАВОСУДИЕ).

Так, субъектное право и справедливость могут существовать в рамках естественного права (закона). Интегрирование концептов RIGHT и JUSTICE в концепт LAW осуществляется посредством их воплощения в законах. Права субъектов закрепляются законом, а справедливость воплощается в законодательных актах:

[Закрепление законом]→Review criticises coalition government's cuts and calls for new *law enshrining right to justice*. / Обзор подвергает критике расходы коалиционного правительства и требует нового закона, закрепляющего право на справедливое судебное разбирательство [4].

→I am particularly excited by the idea in the report of a new, *legally enforceable right to justice* to match our rights to healthcare and education. / Меня особенно радует содержащаяся в докладе идея о новом, юридически закреплённом праве на справедливое судебное разбирательство, который реализует наши права на здравоохранение и образование.

[Воплощение справедливости в законах]→These commitments will be underpinned by a new *Right to Justice Act*, the report says, which would codify existing *rights to justice* and "reasonable legal assistance".

Итак, проведенное исследование показало, что реализация концептов LAW (ЗАКОН), RIGHT (СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО), JUSTICE (ПРАВОСУДИЕ) юридического дискурса в англоязычных текстах СМИ имеет следующую специфику.

Контрастивный анализ реализации концептов LAW и JUSTICE посредством основных имен демонстрирует корреляцию понятий justice и law в значении «разновидности судопроизводства» и «отраслей права». Имена концепта JUSTICE интегрируются в основное имя концепта LAW и его синонимов-репрезентантов, выступающими ядерными элементами в сочетании, что свидетельствует о неэквивалентности понятия «справедливость» понятию «закон».

Специфика реализации концептов RIGHT и JUSTICE заключается в подчинении имени justice имени right, выступающим ядерным элементом в комбинации. Устойчивые комбинации имен концептов, как правило, трансформируются в более обширные посредством присоединения имен других концептов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бритвина К. В. Текстуальные критерии юридического дискурса в современных англоязычных СМИ (на примере концепта LAW (ЗАКОН)) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71): в 3-х ч. Ч. 1. С. 67-72.
2. Бритвина К.В. Реализация ключевых концептов юридического дискурса в текстах англоязычных СМИ (на примере концептов LAW (ЗАКОН) и RIGHT (СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО)) // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). 2018. № 2: В 2-х частях. Ч. 2. С. 290-294.
3. Гурина Р. В., Соколова Е. Е. Фреймовое представление знаний: монография. М.: Народное образование, 2005. 175 с.
4. Bowcott O. Labour-backed report calls for more generous legal aid system [Электронный ресурс] // The Guardian. 2017. 22 September. URL:

<https://www.theguardian.com/law/2017/sep/22/labour-backed-report-more-generous-legal-aid-system> (дата обращения: 31.03.2018)

5. Bowcott O. Supreme court rules on property rights for unmarried couples [Электронный ресурс] // The Guardian. 2011. 9 November. URL: <https://www.theguardian.com/law/2011/nov/09/court-rules-property-rights-unmarried> (дата обращения: 31.03.2018)

6. Bowcott O. What are secret courts and what do they mean for UK justice? [Электронный ресурс] // The Guardian. 2013. 14 June. URL: <https://www.theguardian.com/law/2013/jun/14/what-are-secret-courts> (дата обращения: 31.03.2018)

7. Collins Cobuild English Language Dictionary. Birmingham: Collins Publishers, 1990. 1728 p.

8. Criminal injustice // The Economist 2017. February 25th – March 3rd.

9. I needed help, instead I was punished. Report [Электронный ресурс] // Human Rights Watch. 2018. 6 February. URL: <https://www.hrw.org/report/2018/02/06/i-needed-help-instead-i-was-punished/abuse-and-neglect-prisoners-disabilities> (дата обращения: 31.03.2018)

10. Martinson J. Government accused of dismantling equity laws [Электронный ресурс] // The Guardian. 2013. 14 July. URL: <https://www.theguardian.com/society/2013/jul/14/coalition-accused-of-assault-on-equality> (дата обращения: 31.03.2018)

11. The New Encyclopaedia Britannica: In 32 vol.: Vol. 22. — 15th Ed. — Chicago, etc.: Encyclopaedia Britannica, 1985. 1002 p.

12. The universal English language. London: Routledge & Kegan Paul Limited, 1936. 1440 p.

13. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. N. Y.: Gramercy Books, 1994. 1854 p.

14. Welch J. Which sharply pointed objects can you legally carry? [Электронный ресурс] // The Guardian. 2010. 11 February. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/libertycentral/2010/feb/11/knife-police-liberty-clinic> (дата обращения: 31.03.2018)

K.V. Britvina

Novosibirsk State Pedagogical University

CONTRASTIVE ANALYSIS OF KEY CONCEPTS OF LEGAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF ENGLISH LANGUAGE MEDIA TEXTS)

The article is devoted to the study of key concepts of legal discourse LAW, RIGHT and JUSTICE. The specificity of the key concepts is examined in English mass media texts. It is established that within the same sentence the names of these concepts are objectified in different ways. The concept LAW appears to be integrative, RIGHT and JUSTICE are integrating.

Concept, legal discourse, conceptual component, law, subjective right, justice, English-language media

УДК 821.112.2-2

О. М. Витовский

*Национальный исследовательский Томский государственный университет «ТГУ»,
vitovskij.oleg@yandex.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ТРАВМЫ В ПЬЕСЕ В. БОРХЕРТА «ЗА ДВЕРЬЮ»

В статье рассматриваются способы выражения болезненных коллективных переживаний через лексические единицы и изобразительно-выразительные средства в рамках «изучения травмы» на основе статей Дж. Митчелл, Ф. Давуан, Ж.-М. Годийер и Е. В. Соколовой.

Коллективная травма, лексические единицы, травматический опыт, средства выражения, послевоенная немецкая литература

В ходе исследования была проанализирована пьесе Вольфганга Борхерта «За дверью» (1947 г.) объёмом в 73 страницы. Целью работы являлось через художественное произведение проследить наличие или отсутствие коллективной травмы в послевоенной немецкой литературе на примере пьесы В. Борхерта. Опираясь на опыт предыдущих исследователей травмы (Дж. Митчелл, Ф. Давуан, Ж.-М. Годийер и Е. В. Соколова), выявлены такие языковые единицы, которые подтверждают наличие коллективной травмы немецкого послевоенного общества.

Так, в своей статье «Травма, признание и место языка» Джулиет Митчелл говорит о «фобии целого ряда слов и фраз, эмоциональности используемых слов» в пьесе В. Борхерта. К так называемым “фобиям” целого ряда слов и фраз можно отнести имена собственные, которые как правило соответствуют либо профессии главных героев: «OBERST» (полковник), «KABARETTDIREKTOR» (директор кабаре), «BEERDIGUNGSUNTERNEHMER» (похоронных дел мастер), «STRAßENFEGER» (дворник), либо их социальной роли: Beckmanns «FRAU» (жена Бэкманна), Beckmanns «FREUND» (друг Бэкманна), «MÄDCHEN» (дочь), Mädchens «MANN» (муж дочери), Obersts «FRAU» (жена полковника), Obersts «TOCHTER» (дочь полковника), «der alte MANN» (старик) или же неким фантастическим героям таким, как «DIE ELBE» (Эльба), «DER GOTT» (Бог), «DER ANDERER» (Другой), «DER TOD» (Смерть).

Интересно, что фамилии в произведение фигурируют лишь в номинации главного героя Beckmann (Бэкманн) и некой госпожи Хламер. При этом фамилия Бэкманн, что дословно переводится как пекарь, очень редко используется в повествовании и хотя у самого героя она ассоциируется с «Экманном», а «Эк» это не что иное как икота или отрыжка, то есть так Бэкманн описывает своё состояние и положение в сложившейся ситуации. Наименование второй героини делает отсылку на её характер.

Помимо этого нужно отметить, что в пьесе практически отсутствует какое-либо описание событий военных лет. Как правило, военное время упоминание военного времени тянет за собой череду эмоционально насыщенных воспоминаний, соответствующие по З. Фрейду одному из проявлений травмы. Приведём примеры: «Nein, keiner hat uns nach Sibirien geschickt.» («Нет, никто нас в Сибирь не

отправлял.»); «Wir sind ganz von alleine gegangen. Alle ganz von alleine. Und einige, die sind ganz von alleine dageblieben. Unterm Schnee, unterm Sand.» («Мы сами туда пошли. И некоторые даже остались там. Под снегом, под песком.»); «Nein, richtig. Du hast es nur zugelassen. Du hast nicht hingehört, als er schrie und als die Bomben brüllten. Wo warst du da eigentlich, als die Bomben brüllten, lieber Gott? Oder warst du lieb, als von meinem Spähtrupp elf Mann fehlten? Elf Mann zu wenig, lieber Gott, und du warst gar nicht da, lieber Gott. Die elf Männer haben gewiss laut geschrien in dem einsamen Wald, aber du warst nicht da, einfach nicht da, lieber Gott. Warst du in Stalingrad lieb, lieber Gott, warst du da lieb, wie? Ja? Wann warst du denn eigentlich lieb, Gott, wann? Wann hast du dich jemals um uns gekümmert, Gott?» («Не заставлял, да. Но Ты позволил. Ты не слышал, когда он кричал и когда рвались бомбы. Где же Ты все-таки был, когда рвались бомбы, милосердный Боже? Ты, наверное, был милосерден, когда в моей разведгруппе погибли одиннадцать человек? Одиннадцать, Боже милосердный, где же Ты был тогда? Люди кричали в глухом лесу, но Тебя не было, просто не было, Боже милосердный. А под Сталинградом – может, тогда Ты был милосерден к нам, а? Ты был тогда милосерден, Господи? Ты хоть раз подумал о нас?»).

В тексте пьесы подобная модель встречается часто («Ich bin erst vorgestern aus Sibirien gekommen. Vorgestern? Ja, vorgestern!» «Я только позавчера вернулся из Сибири. Позавчера? Да, позавчера!»); «Ich war drei Jahre lang in Sibirien. Über tausend Tage.» «Я был три года в Сибири. Тысячу дней.»); «DER ANDERE: Der aus dem Schneesturm bei Smolensk. Und der aus dem Bunker bei Gorodok.» «Другой: Из той снежной бури, под Смоленском. Другой, из блиндажа под Городком.») и все они связаны с болезненным военным опытом, который пережили герои, и поэтому избегается героями пьесы или же упоминается лишь фрагментарно.

Также стоит отметить, что в пьесе «За дверью» присутствуют так называемые «слова-метафоры», которые формируют «травмированный язык» (согласно Ж. Лакану «травмированный язык – это словесный вариант визуального языка сновидений, где слова метафоры, сравнения и символические уравнивания, выражающие скорее чувства, а не смысл.»). Более того, повторяются они куда чаще, чем какие-либо другие лексические единицы. К таким словам можно отнести слова «die Straße / der Weg» (улица/дорога), которые по своему смыслу соответствуют слову «das Leben». «Der Platz / das Bett» (место/кровать) эти слова имеют особый смысл для немецкого солдата, так как «das Bett» (кровать) – место слово, имеющее интимный, тайный смысл – место доступное не для всех, которое приравнивается к дому. Слово «ein Mann» (мужчина) в пьесе повторяется порядка 460 раз, но речь идёт не просто о человеке или мужчине речь пойдёт прежде всего о мужчине-солдате, вернувшемся с войны именно, как о человеке, пережившем её ужасы. Более того ещё в самом начале произведения говорится о некоем человеке, но при этом не даётся никаких детальных описаний этого персонажа. «Ein Mann» (мужчина), который олицетворяет всех солдат. «Die Tür» (дверь), которая символизирует, прежде всего, возможность, которая есть у человека, но «draußen vor der Tür / Tür kreischt und schlägt zu» здесь уже идёт речь о потерянной возможности, скорее даже об их отсутствии в целом. Словами «Fisch / Gasmasken / Gespenster / grau / kalt» (рыба / газовая маска / серый / холодный) описывается главный герой тем самым автор пытается показать человека подобным мертвецу. И одно из не менее важных лексических средств это “Verantwortung”, но ответственность в данном контексте есть нечто среднее между ответственностью и виной, которую испытывает главный

герой, и которая занимает далеко не последнее место в тексте. „Ich gebe sie ihm zurück. Ja! Ich bringe ihm die Verantwortung zurück. Ich gebe ihm die Toten zurück. Ihm!»; «Das furchtbare unübersehbare Meer der Toten tritt über die Ufer seiner Gräber und wälzt sich breit, breiig, bresthaft und blutig über die Welt. Und dann sagt der General mit den Blutstreifen zu mir: Unteroffizier Beckmann, Sie übernehmen die Verantwortung. Lassen Sie abzählen. Und dann stehe ich da, vor den Millionen hohlgrinsender Skelette, vor den Fragmenten, den Knochentrümmern, mit meiner Verantwortung, und lasse abzählen.» Также постоянные попытки сбежать от реальности заставляют его искать покой во «сне» и такие слова как «Traum / traumen / pennen / schlafen» (сон / видеть сны / проспать / спать) указывают на необходимость перемен на желание порвать со старым и найти нечто новое более совершенное – «новый мир» без старых проблем. Например, BECKMANN: «Ja, hör nicht hin. Dabei hat man ein Herz, das schreit, ein Herz, das einen Mord begehen möchte. Ein armes Luder von Herz, das diese Traurigen, die um das Gas trauern, ermorden möchte! Ein Herz hat man, das will pennen, tief in der Elbe, verstehst du. Das Herz hat sich heiser geschrien, und keiner hat es gehört» (Да, не слушай. При том, что у меня тоже есть сердце, которое кричит, и требует расправы. Зов несчастного сердца, которое опечалено, которое оплакивает тех, кто остался без газа, которое жаждет убить! Сердце, которое хочет уснуть на дне Эльбы. Понимаешь. Сердце, которое охрипло от крика, но которое никто не слышит.); «DER ANDERE: Du träumst, Beckmann, du träumst einen bösen Traum. Wach auf, lebe!» (Ты спишь, Бэкманн, ты видишь плохой сон. Проснись, живи!))»

И вновь возвращаясь к Ж. Лакану, который обращал особое внимание на то, какое чувство передаёт то или иное слово, связанное с травматическим опытом, стоит отметить, что большинству лексических единиц присущ негативный оттенок, но как ни странно, позитивные эмоции связаны прежде всего со смертью: желанием самоубийства, которое постоянно присутствует в мыслях и речи главного героя. Правда, он не говорит это напрямую “я хочу умереть или совершить самоубийство”. Такие слова, как «pennen / traumen / schlafen», указывают не только на желание попасть в “новую ситуацию”, но и на желание избежать нынешней ситуации, в которую он попал. Помимо этого, «der Tod» (смерть) рассматривается как нечто позитивное в глазах главного героя, в отличие от жизни «das Leben», что свидетельствует о переоценке ценностей человека под давлением травмы, войны, через которую прошёл герой пьесы. «Der Selbstmord» (самоубийство) видится выходом из данной ситуации и, будучи неразрывно связанным с понятием смерти, оно также имеет позитивный характер. «Sterben» (умирать) также несёт в себе возможность освободиться от реального мира с его проблемами. И вместе с этим, несмотря на то, что даже в контексте главный герой говорит: «Vielleicht ist er ganz nett, der Tod, vielleicht viel netter als das Leben.» (Возможно она очень милая, смерть, может быть даже милее, чем жизнь); “Es ist so schön, zu sterben, du, das hab ich nicht gedacht; (Должно быть это так прекрасно: умирать, понимаешь, я даже не думал)» При этом нельзя сказать, что смерть имеет исключительно позитивный характер. В контексте пьесы существует два ярких примера, показывающих это «der Mord» (убийство) и «ermorden» (убивать) эти лексические единицы также неразрывно связаны с понятием смерти, но смерти насильственной, а значит негативным эмоциональным содержанием. «Warst du lieb, als du meinen Jungen, der gerade ein Jahr alt war, als du meinen kleinen Jungen von einer brüllenden Bombe zerreißen liesst? Warst du da lieb, als du ihn ermorden liesst, lieber Gott, ja?» (Ты был милосердным, когда ты

позволил грохочущим бомбам разорвать моего сына, которому был всего лишь год? Ты был тогда милосердным, когда ты позволил его убить, милостивый господь, да?); «DER EINBEINIGE: Du lebst noch, Beckmann? Du hast doch einen Mord begangen, Beckmann. Und du lebst immer noch.» (Одноногий: Ты ещё жив, Бэкманн? Ты же совершил убийство, Бэкманн. И ты всё ещё жив). «Die Verantwortung» (ответственность) одно из немногих позитивных понятий, которое, по крайней мере, даёт надежду на продолжение нормальной жизни, но на протяжении всего повествования герой не хочет перенимать эту ответственность, а напротив, он пытается избавиться от неё, переложив на кого-либо другого.

В тексте пьесы возникает целый ассоциативный ряд, на примере которого можно также проследить проявление “травмы”. Одноногий, который ассоциируется у главного героя с его совестью, а стук его костылей с угрызениями совести, которые тревожат его: “Teck - tock - teck - tock durch das ganze Leben! Teck - tock durch den ganzen Tod hindurch! Teck - tock - teck - tock! Hörst du den Totenwurm? Und ich, ich soll leben! Und jede Nacht wird einer Wache stehen an meinem Bett, und ich werde seinen Schritt nicht los: Teck - tock - teck - tock!”

Сферой молчания окружено практически всё, что связано с войной и лишь изредка упоминается мирная жизнь до войны. Это связано, прежде всего, с тем, что война один из самых болезненных моментов в жизни главного героя, а мирная жизнь до неё воспринимается не менее болезненной, так как постоянно подаётся сравнению.

Широко используются и такие изобразительно выразительные средства, как сравнения или символические уравнения, как их называл Ж. Лакан, который считал этот троп одним из составляющих “травмированного языка”. Так, например, в пьесе В. Борхерта жизнь «das Leben» сравнивается с улицей «die Straße», а та в свою очередь с «Schlachtfeld», что показывает, не только особое состояние главного героя, но и специфику послевоенной жизни Германии. Понятие дома сравнивается с такими единицами, как «der Platz» и «das Bett». Люди сравниваются с мухами «Fliegen» или же с неким абстрактным обобщающим образом «einer», «einer von denen». Смерть также сравнивается со сном «der Traum», а глаголы, которые с ней отождествляются также указывают на желание умереть («отрубиться») «rennen / traumen / schlafen», таким образом, глагол уснуть означает то же, что и умереть.

Настоящее исследование подтверждает существование “коллективной травмы” в немецкой послевоенной литературе (в пьесе В. Борхерта «За дверью»), по большей части я согласен с позициями современных исследователей данного явления, так как в большинстве своём их исследования нашли отражение в моей работе касаясь репрезентация травмы в данной пьесе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Травма:пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 936 с.: ил. Дж. Митчелл., “Травма, признание и место языка” С. 785-809
2. Травма:пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 936 с.: ил. Франсуаза Давуан, Жан-Макс Годийер., “История по ту сторону травмы” С. 133-171
3. Соколова Е. В. Дискурс травмы в литературе Германии 2010-х годов: (П. Шнайдер и П. Лео) // Русская германистика: ежегодник российского союза германистов. — 2016. - Т. 13. — С. 138 – 149.

4. Borchert W. Das Bühnenstück «Draußen vor der Tür» / W. Borchert. – Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, Hamburg, 1956. – 73 с.

O. M. Vitovskii

The National Research Tomsk State University «TSU»

REPRESENTATION OF COLLECTIVE TRAUMA IN V. BORCHERT'S PLAY "THE MAN OUTSIDE"

This article is about ways of expressing painful collective emotional stress through lexical units and means of expression as part of "trauma studies" based on the articles by J. Mitchell, Françoise Davoine, Jean-Max Gaudilliere and E.V. Sokolova.

Collective trauma, lexical units, traumatic experience, means of expression, post-war German literature

УДК 811.11-112

И. Г. Заяц

*Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного (г. Санкт-Петербург),
zarina_4@rambler.ru*

НЕМЕЦКИЕ АРГОТИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА

В статье рассматриваются особенности аргота – тайного языка деклассированных элементов, на материале немецкого языка. Описываются основные функции аргота, сфера употребления, словообразовательные модели немецких арготизмов. На примере произведения Г. Фаллады «Wer einmal aus dem Blechnapf frisst» анализируются возможности употребления аргота авторами художественных произведений с целью создания убедительной речевой характеристики персонажа.

Немецкие арготизмы, тайный язык, «ротвельш», Г. Фаллада, «Wer einmal aus dem Blechnapf frisst», речевая характеристика персонажа.

В традиционном понимании аргот - секретный «язык» деклассированных элементов преступного мира – воров, бродяг, нищих и некоторых других общественных групп, который в немецкой лексикографии называется «ротвельш» (Rotwelsch, Gaunersprache). Первое упоминание о нем относится к 1250 году. Ротвельш возник в языке средневековых мошенников, воров и преступников. Чистый ротвельш сегодня исчез, но продолжает существовать его часть, смешиваясь с просторечными пластами лексики [5, с. 39].

Л. А. Мильяненко понимает под аргот условную тайную информационную систему, которая связывает находящиеся в противоречии с законом

антиобщественные элементы в преступные группировки, это своеобразный показатель принадлежности к преступному сообществу, часть его субкультуры [7, с. 74]. Наиболее известны в наше время арготизмы воров, проституток, нищих, карточных шулеров и др.

По меткому определению В. М. Жирмунского, арготизм «паразитирует на родном языке арготирующего», не имеет своей фонетики и грамматики [3, с. 93]. Колесниченко И. И. называет следующие средства образования слов «тайной лексики» в немецком языке:

1. искажение звучания слов, например, замена букв в словах: Pullezei вместо Polizei;
2. использование общенародных слов в другом (условном) значении, например, Kranker - больной (в значении Gefangener - арестованный), pumpen - выкачивать (в значении borgen - брать взаймы);
3. заимствование слов из языков, имеющих ограниченное распространение. Так, из древнееврейского языка были заимствованы слова acheln - essen (jidd. 'achlen' essen), baikern - sterben (jidd. 'pegern' sterben, verrecken), Bais - Haus (jidd. 'bajis'); из цыганского языка в арготизмы перешли слова Loweh - Geld (zig. 'Idve' Geld), Maro - Brot (zig. 'maw'), Mali - fettes Fleisch (zig. 'mas'), Pane - Wasser (zig. 'pani')
4. Использование аффиксации. Типичными для образования арготизмов являются суффиксы le- и ert-, например: Balderle - Gespenst, Ramele - Tasche, Trissert - Geld [4, с. 10].

Среди функций арготизма исследователи этого пласта лексики, в первую очередь, называют конспиративную (сокрытие истинных целей и намерений), а также идентифицирующую (принадлежность к определенной социальной группе), дистанцирующую (преступники не желают смешиваться с «простыми» людьми) и, наконец, эмотивно-коммуникативную функции, когда групповой язык служит для выражения эмоций, настроений говорящего, его отношения к партнеру и ситуации [4, с. 11].

Многие писатели вполне закономерно употребляют арготизмы в речи своих героев для придания произведению соответствующего социального колорита. Как уже отмечалось, арготизм как тип речи может выполнять функцию своеобразного эмоционально-экспрессивного средства, которая и используется в художественной литературе [5, с. 40]. Арготизмы могут применяться в художественной литературе для создания речевой характеристики (речевого портрета) персонажа.

И.В. Арнольд определяет речевой портрет как характеристику речевой манеры действующего лица, особый подбор слов, выражений, синтаксиса, отображающих как речь социальной среды, к которой принадлежит персонаж, так и его индивидуальный характер [2, с. 202].

Речевой портрет многоаспектно характеризует говорящего, выявляя его образованность, общую культуру, социальный статус, профессиональную принадлежность и так далее [6, с. 150].

Способ характеристики персонажа посредством речевого портрета по своей прагматичности более эффективен, чем простое авторское описание. Помимо наглядности, создаваемой способом речевой характеристики, способ этот является творческим приемом для стимулирования мышления читателя. Читатель не получает заложенную в тексте готовую авторскую характеристику персонажа, он сам создает ее для себя в результате оценки речи данного персонажа, анализа с позиций ее

принадлежности к тому или иному социально, территориально, стилистически маркированному слою лексики, характеру отраженного в языке текста произношения, грамматической и стилистической корректности. На основании синтезирования полученных оценок читатель создает портрет персонажа и одновременно имплицитно свое отношение к нему [1, с. 77].

Роман Г. Фаллады «*Wer einmal aus dem Blechnapf frisst*» (Кто однажды отведал тюремной похлебки), написанный в 1932 году, может служить ярким примером использования аргослэнга в художественном произведении. Автор вводит читателя в преступный мир уголовников: мелких воришек, жуликов, людей, выброшенных из общества. Для создания картины социально однородной среды и речевой характеристики персонажей Г. Фаллада широко пользуется элементами сепаратной лексики – воровского аргослэнга, классического ротвельш. Даже первоначальное название романа было задумано автором на аргослэнг – «*Kirpe oder Lampen*» - «Поделим или заложу». Оно было заменено известным нам, как более глубоко отражающее социальный смысл произведения.

Главный герой романа Куфальт становится в изображении писателя обобщенным образом человека, брошенного на дно, откуда подняться не дают ему условия общества. Начало романа застаёт героя накануне выхода из тюрьмы на «волю», затем следует недолгое пребывание на свободе, полное трудностей, неустраиваемостей и лишений и, наконец, снова возвращение в тюрьму – в желанную, привычную обстановку, где нет тревоги за завтрашний день.

Включение аргослэнговой лексики в речи Куфальта и других персонажей может служить ярким примером языковой (кодовой) интертекстуальности. Аргослэнгизмы в речи этих людей становятся своеобразным выражением их образа мышления, их отношения к окружающей действительности. Изверившись в идеалах своего общества, они отказываются от всех его устоев, в том числе моральных. Резкость их речи – один из наиболее доступных способов проявления этого протеста и неприятия [6, с. 157].

Герои романа Г.Фаллады употребляют слова и выражения, которые являются совершенно непонятными для непосвященного читателя. Анализ романа позволяет констатировать присутствие в них определенного аргослэнгового фонда, отличающегося своей стабильностью и повторяемостью.

В первую очередь это аргослэнгизмы, отражающие быт этой социальной среды, как, например, многоэлементный синонимический ряд, обозначающий тюрьму или другие места заключения: *Kittchen*, *Bunker*, *Vater Philipp*; сроки пребывания в них: *Knast schieben*, *Knast abreißen*; название денег, нередко с подчеркнутым общечеловеческим снижением: *Zaster*, *Eier*, *Marie*, *Kies*, *Kohle*, *Pinunse*, *Emm*; названия полицейских и сыщиков: *die blauen Jungens*, *die Polente*, *Krimschen*; скупщиков краденного: *der Schwärzer*, а также аргослэнгизмы, отражающие нормы поведения и мораль в этой среде, быт воровского мира, например: *Schmiere stehen* – стоять на стреме; *lange Finger machen* – стащить, украсть; *der Ganove* – мошенник, вор; *ein Ding drehen*, *ein Ding schieben* – провернуть дельце; *Kirpe machen* – делить пополам (добычу); *die Sore*, *heiße Sore* – украденная добыча; *ausbaldowern* – выведывать, вынюхивать; *der Laden funkt!* – чистая правда; *Klappt der Laden!* – дело на мази; *Geld ziepen* – таскать деньги; *die Kanone* – пистолет, «пушка».

Важное значение в воровской среде имеют слова, связанные с предательством или наоборот с доверием: *Lampen machen* – выдать, заложить; *verpfeifen*, *in die Pfanne*

hauen – доносить, выдавать; anscheißen – обмануть, провести; stiekum – эпитет надежного человека, который будет держать язык за зубами, а также слова, связанные с опасностью быть схваченным полицией: Dicke Luft! Die Luft ist nicht sauber! – опасность рядом; reinfallen – попасться, вляпаться; hopsnehmen – арестовать, сцапать; hopsgehen – пропасть, попасть в лапы полиции.

Для воспроизведения тюремной обстановки Г. Фаллада прибегает также к специальному тюремному жаргону: die Zelle filzen – обыскивать камеру; der Kassiber – тайная записка от заключенного к заключенному и т.д.

Арготизмы появляются в речи работников сыска при общении между собой и при допросе преступника. Арготическая лексика, перенятая у преступников, как бы становится на время их собственным способом выражения, например:

Man muß abwarten, bis *die Sore* irgendwo auftaucht (Нужно подождать, пока награбленная добыча где-то «всплывет») [8, с. 54].

Vier *Ganoven*, die *dichthalten*, gibt es doch nicht [8, с. 57] (Четыре вора, которые держат язык за зубами, такого быть не может).

Da muß einer mindestens zwei Wochen lang *baldowert* haben [8, 93] (Они должны были это «вынюхивать» по меньшей мере две недели).

Преобладающим способом передачи речи в романе является прямая речь. Именно в прямой речи обнаруживаются все группы стилистически окрашенной лексики, как стандартного, так и сниженного характера, например:

«Ich will euch mal was sagen», - erklärt der Patzig und gibt gewaltig an, «Ich will euch mal was erklären! Ihr denkt immer, ihr seid was, ihr alten *Ganoven*. Ihr *spukt Bogen*, noch und noch, weil ihr fünf Jahre *Knast geschoben habt* oder zehn - und weil ich nur *ein halbes Jahr abgrissen habe*» [8, с. 326] («Я хочу вам кое-что сказать», - заявляет Патциг, надуваясь от важности. – «Я хочу вам кое-что заявить! Вы все время думаете, что что-то из себя представляете, вы – старые мошенники. Вы снова и снова задираете нос, потому что тянули срок пять лет или десять, а я провел на нарах лишь полгода»).

Но даже оставаясь наедине с собой, предаваясь размышлениям о своем прошлом, настоящем и будущем, о том, что их ждет за тюремной оградой, эти люди не могут обойтись без арготизмов. Поэтому арготизмы проникают и в несобственно-прямую речь, и во внутренний монолог, например:

Nur war das Geld alle, man hatte kein Betriebskapital mehr, um *ein rechtes Ding auszubaldowern*... [8, с. 412] (Теперь деньги кончились, не было больше капитала, чтобы «замутить» стоящее дельце...)

«Das ist doch nichts», denkt Kufalt. «Der *haut* mit der *Marie ab* und mich *nehmen sie hops*» [8, с. 397] («Так не годится, - думал Куфальт. – Он свалит с бабками, а меня «заметут»).

Употребление разговорной лексики и арготизмов характерно не только для речи персонажей, но и для речи автора. Речь самого Г. Фаллады насыщена арготическими словами и выражениями, например:

Er war *kein besonders schwerer Junge* (d.h. kein Schwerverbrecher) gewesen, hatte *einen normalen Knast* von 2 oder 3 Jahren *abgerissen* (er hatte 2-3 Jahre normal abgesessen) [8, с. 117].

Aber Kufalt *hat Dusel* (d.h. Glück) [8, с. 203].

Таким образом, интертекст, создаваемый включением арготической лексики, является в романе важным средством для создания речевой характеристики

персонажа. Введение арготизмов в произведение отражает стремление автора более точно показать определенный социальный колорит, среду, в которой протекает действие или находится герой. Арготическое слово или выражение становится одним из средств раскрытия характера, помогает более глубокому проникновению во внутренний мир персонажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврасин В. М. К вопросу об интертекстуальности // Автор и текст. Курган, 2001. С. 74-81.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М: Просвещение, 1990. 300 с.
3. Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание: Избр.тр. Л.: Наука, 1976. 695 с.
4. Колесниченко И. И. Особенности функционирования арготизмов в немецком языке: Автореферат дис...канд. филол. наук. М, 2006. 20 с.
5. Куслик А. М. Арготическая лексика в художественной прозе // Стилистика художественной речи. Л., 1980. С. 39-51.
6. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1980. 192 с.
7. Миляненок Л. А. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб.: Редакция журнала «Дамы и господа», 1992. 118 с.
8. Fallada H. Wer einmal aus dem Blechnapf frißt. Aufbau Taschenbuch, 2005. 583 S.

I.G. Zayats

Military Academy of communications, Saint-Petersburg

GERMAN ARGOTISMS AS ONE OF MEANS OF SPEECH CHARACTERIZATION IN FICTION

The article is devoted to research of German argot (Rotwelsch) – a secret language used by various groups, e.g. thieves, outlaws etc. The functions of argot, a score of its application, different models of word-building are described. The opportunities of using of argot in literary works are shown by example of the book by Hans Fallada «Who Once Eats Out of the Tin Bowl». The words of argot can be used for speech characterization of personages as well as for creating social environment in fiction.

German argot, secret language, Rotwelsch, Hans Fallada, «Who Once Eats Out of the Tin Bowl», speech characteristics, functions of argot.

УДК 811.11-112:81.367

Е. Э. Калинина

ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени

В. Г. Короленко»

ekalinina1979@yandex.ru

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПОРЯДКА СЛОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ЭВОЛЮЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Рассматривается становление порядка слов в контексте эволюции развития индоевропейского предложения, перехода от плоскостного восприятия картины мира к многомерной. Описываются основные модели порядка слов в индоевропейских языках (SOV и SVO), факторы, побудившие переход от одной модели к другой, усложнение модели предложения.

Порядок слов, предложение, индоевропейский, модель, элемент

Эволюция индоевропейского предложения побудила многих ученых (В. Г. Адмони, Т. В. Гамкрелидзе, Дж. Гринберг, М. М. Гухман, В. В. Иванов, А. Мейе, Ю. С. Степанов) затронуть проблемы порядка слов в предложении. По мнению ряда из них, наиболее древними коммуникативными единицами общения были синкретические “аморфные” слова-предложения, которые передавали значение целого предложения. В связи с этим употребление терминов “слово” и “предложение” в процессе рассмотрения первых этапов развития языка весьма относительно. По мысли Ю. А. Левицкого и Ю. Н. Федоровой, “первобытные предложения” по своей форме были “словами”, а по своему смыслу – “предложениями” [4, с. 4]. На следующем этапе развития языка форма предложения усложняется по модели инкорпорирования. Ранее А. Мейе высказал предположение о том, что индоевропейское предложение строится из неопределенного числа непроницаемых, самостоятельных элементов, каждый из которых имеет свое значение. Данный элемент мы называем “словом” [5, с. 359]. Таким путем происходит соединение всех компонентов предложения в единое целое. Каждое отдельное слово в таком комплексе утрачивает свою формальную самостоятельность, а между компонентами предложения устанавливаются отношения, соответствующие синтаксическим отношениям (атрибутивным, обстоятельственным, объектным).

Дальнейшее развитие индоевропейского языка приводит к потребности развести в предложении денотативную и сигнификативную характеристики слова-предложения. В результате в предложении эти семантические компоненты распределяются между двумя его основными составляющими: “референция осуществляется за счет денотативного компонента, предикация – за счет сигнификативного” [4, с. 5].

Таким образом, инкорпорированный комплекс слова-предложения делится на два образования: одно предназначается для выражения субъекта, другое – для предиката. Н. Ф. Алефиренко называет подобные образования предложениями, т.к. они уже не образуют единый комплекс, а состоят из двух частей, каждая из которых “не содержит законченной мысли, следовательно, не является словом-предложением” [2, с. 357]. Каждая часть несет определенную лексическую сему, и лишь сочетание

этих двух частей выражает в совокупности синтаксическую семантику. Предложение данного этапа состоит из комплекса субъекта и комплекса предиката, являющихся прототипами подлежащего и сказуемого. Роль второстепенных членов предложения выполняют определители, которые сливаются с определяемым компонентом и образуют с ним единый инкорпорированный комплекс. Порядок слов в двухвалентной модели ядра предложения индоевропейского праязыка древнейшего периода активного строя, по мнению Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, можно передать в виде модели: **A-In-V** [3, с. 320].

Существенно также и то, что углубление познания окружающего мира человеком повлекло за собой замену “плоскостной” (одномерной) структуры предложения многомерной. Это потребовало развития новой синтаксической перспективы с отчетливым выделением главного и второстепенного. Необходимость развития синтаксических построений именно в таком направлении обуславливалась особенностями когнитивных процессов, направленных на более глубокое познание отношений между предметами и явлениями действительности. Познание отношений начинается после осмысления и наименования самих предметов, их места и роли в той ситуации, о которой предстоит сформировать суждение и передать его при помощи предложения. Исходя из данных психолингвистики, Н.Ф. Алефиренко заключает, что “эволюция структуры предложения начинается с выражения пространственных отношений, с отношений между субъектом и объектом действия”. Затем развиваются структурные схемы для выражения отношений определяемого и определяющего, действия и места действия. Далее формируются структурные схемы предложений, передающие более абстрактные отношения времени, причины, цели, условия и т.д. Гораздо позднее возникают пассивные конструкции и так называемые “дистантные предложения” [2, с. 359].

Таким образом, число компонентов высказывания увеличивается в соответствии с потребностями развивающегося мышления и сознания человека, соответственно увеличивается число позиций в предложении, что неизбежно приводит к потребности их выделения, противопоставления, различия, т.е. к выработке соответствующих способов маркировки выделяемых позиций. Одним из основных и универсальных способов маркировки является порядок слов. Только после того как сложился определенный порядок слов, формируются грамматические способы оформления словарем [4, с. 9].

На самых ранних этапах в индоевропейском предложении ни одно слово не имело определенного, постоянного места. Вместе с тем в процессе развития в индоевропейских языках устанавливается определенный порядок слов. Очевидно, что новые структурные схемы предложения формируются в тесной связи с развитием строя соответствующего языка. В индоевропейских языках – языках номинативного строя – усложнение структурных схем предложения было связано с развитием формообразования, становлением частей речи, появлением новых служебных слов. Как следствие, постепенно вырабатывается разнообразная система четко дифференцированных средств синтаксического подчинения.

На этом этапе, кроме смысла, выражаемого основой, изменение формы слова определяет еще и роль, которую оно играет в предложении. Слово стало способно “само указать свой смысл и свою роль в речи” [5, с. 360]. Впоследствии предложение начинает передавать сложную информацию путем использования причастий,

причастных оборотов. Позже самостоятельные обороты трансформируются в придаточные предложения.

Важным представляется еще один момент. При переходе общеиндоевропейского языка на аккузативный (номинативный) строй и с возникновением субъектно-объектных отношений модель ядра предложения индоевропейского языка можно представить схематически в виде S-O-V [3, с. 320]. Такая структура ядра предложения представляет немаркированный порядок слов. Данный словопорядок был характерен для простых повествовательных предложений древних индоевропейских диалектов. Следы фразоконечного положения глагола обнаружены также в архаических поэтических текстах германских языков [3, с. 324].

Установлено, что бурное развитие морфологических и синтаксических средств в индоевропейских языках нередко приводит к постепенной редукции флексий и, как следствие, к использованию порядка слов как грамматического средства и к росту употребления служебных слов. В начальный период развития, когда богаче была представлена флексия, не ощущалось особой нужды в определенном расположении слов. Выделение того или иного слова, порядок расположения слов в предложении первоначально обуславливался, по-видимому, психологическими или логическими моментами. Лишь с разрушением флексий появляется необходимость в установлении определенного порядка слов. Постепенно он закрепляется традицией в рамках норм, от которых не допускается отклонение. Однако процесс сокращения словоизменительной парадигмы в системе имени, редукция флексий протекали тенденцию к постоянству словопорядка, а став фиксированным, он приобрел грамматическое значение.

Модель SOV отражает *немаркированный* порядок членов предложения. Характерной чертой языков этого типа является наличие *послелогов*, в языках типа SVO их функцию выполняют предлоги. Служебные слова, указывающие на связь между элементами V и O и относящиеся как к V, так и к O, т.е. к обоим членам синтагмы, помещаются между этими элементами.

Структура SOV, характерная для древнейшего индоевропейского языкового состояния, преобразовалась в процессе исторического развития в большинстве индоевропейских языков в структуру SVO. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов отмечают, что “перестройка SOV→SVO...может происходить в языке без перестройки его глубинной структуры” [3, с. 325]. Следовательно, все эти преобразования и связанные с ними структурные изменения в языке не предполагают существенных сдвигов в языковой системе и могут быть вызваны целым рядом экстралингвистических факторов. “Это именно то, что мы наблюдаем в истории отдельных индоевропейских диалектов, которые перестраиваются с SOV на структуру SVO со всеми структурными преобразованиями в поверхностной структуре языка, вызванными таким переходом” [3, с. 325].

Исследователи детализируют данный процесс, указывая, что морфологические и синтаксические элементы, соотносительные с одним из элементов синтагмы (с V или O), могут линейно присоединяться к ним со свободной стороны. Для синтагмы -OV- “свободная позиция” открывается со стороны V-, а в синтагме -VO- свободно место со стороны -O. Следовательно, в синтагме -OV- предполагается присоединение суффиксальных элементов к V- и функционирование между O и V послелогов, а в синтагме -VO- наблюдается префиксация и развитие предлогов.

Синтаксические элементы, которые соотносятся и с О, и с V, располагаются в позиции между ними. “Такие реляционные элементы {-p-} в синтагме -OV- или -VO- символизируют определенную синтаксическую связь между членами синтагмы -OV- или -VO, т.е. между глагольной ее составляющей V и именной составляющей О: -OpV-, -VpO-” [3, с. 355].

В процессе преобразований в синтагме -OpV- реляционный элемент {-p-} выступает в качестве приглагольного адверба по отношению к V и в качестве предлога по отношению к О. Следовательно, при возможном преобразовании структуры -OpV- в структуру -VpO- элемент -p- из послелога и преверба превращается в предлог и адверб.

Существенно то, что перестройка структуры -OpV- в структуру -VpO- освободила левую валентность глагольной структуры и дала возможность присоединения к ней префиксальных элементов, которые и возникают из древних реляционных элементов при глаголе, а также из частиц и отдельных местоименных элементов [3, с. 357].

Таким образом, отделяемые приставки в индоевропейском и в какой-то мере еще в общегерманском праязыке были самостоятельными словами, в немецком языке они обладают тенденцией превращаться в добавочный элемент грамматической формы [5, с. 132].

Дальнейшее развитие структуры и порядка слов в индоевропейском предложении характеризуется преобразованием структуры SOV, значительной редукцией флексий, потерей словом его автономности, усилением фиксированности порядка слов, “который в значительной мере берет на себя задачу выражения синтаксической функции слова, а отдельное слово в максимальной степени закрепляется внутри предложения или словосочетания” [1, с. 30]. Потеря словом автономности проявляется в становлении связочных и вспомогательных глаголов, и соответственно, в создании описательных и аналитических глагольных форм, четком размежевании группы существительного и группы глагола.

Суммируем изложенное выше: развитие индоевропейского предложения обусловило сначала выделение его главных компонентов, что послужило толчком для формирования такой синтаксической универсалии, как порядок слов. Условия, побудившие к перестройке структуры SOV в структуру SVO, способствовали развитию аналитических глагольных форм и зарождению артикля, что определило новую веху в эволюции типологии предложений и словопорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Развитие структуры простого предложения в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. – М.: Изд. Академии наук СССР, 1960. – № 1. – С. 22 – 31.
2. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. – М.: Академия, 2004. – 368 с.
3. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси: изд. Тбилисского ун-та, 1984. – Т.1. – 428 с.
4. Левицкий Ю.А., Федорова Ю.Н. Имя и глагол (к проблеме происхождения) // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. – Пермь, 2004. – С. 3 – 14.
5. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. – 510 с.

E. Kalinina

Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko

TYPOLOGICAL STATUS OF THE WORD ORDER IN THE CONTEXT OF THE GENERAL EVOLUTION OF THE INDO-EUROPEAN SENTENCE

Formation of a word order in a context of evolution of development of the Indo-European offer, transition from plane perception of a picture of the world to multidimensional is considered. The main models of a word order in Indo-European languages (SOV and SVO), the factors which have induced transition from one model to another, complication of model of the offer are described.

Word order, sentence, Indo-European, model, element

УДК 81'42

А. А. Кильдюшевская

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»,

alyona13066@gmail.com

Э. В. Будаев

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»,

aedw@mail.ru

NATURE КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛАХ МОДЫ

В данном исследовании представлен анализ метафор со сферой-источником «NATURE», которые были выявлены в статьях модных журналов Vogue, Harper's Bazaar и Elle в 2017–2018 гг. Было обнаружено, что образы природы являются самым востребованным источником для метафорической экспансии при описании моды в англоязычной прессе.

Рассматриваемая сфера-источник представлена тремя группами метафор. Первая группа – образы, восходящие к миру животных (сфера-источник «ANIMALS»). Вторая группа метафор относится к образам из мира растений (сфера-источник «FLORA»). Третья группа метафор – примеры вторичной номинации, относящиеся в прямом значении к объектам неживой природы («INANIMATE NATURE»).

Концептуальная метафора, дискурс моды, когнитивная лингвистика, дискурс-анализ, англоязычная пресса

За последние десятилетия в лингвистике отмечается рост интереса к проблеме взаимодействия когнитивной метафоры и дискурса СМИ, а также интерес к вопросу корреляции метафоры, мышления и дискурса. Этот интерес во многом связан с разработкой теории концептуальной метафоры, утверждающей, что метафора является важнейшим инструментом понимания мира [10]. Согласно данной теории, метафора – это не только стилистическое средство украшения речи, но и неотъемлемый механизм человеческого мышления, способ осмысления одной понятийной области в понятиях другой семантической области. Наша понятийная система метафорична по самой своей сути, поэтому метафоры в нашем мышлении находят отражение в языке и иных знаковых системах.

Теория концептуальной метафоры получила широкое распространение в Европе и США (теория, методология и практика исследования концептуальной метафоры в зарубежной лингвистике подробно рассматривалась в специальной монографии [4]). В России теория концептуальной метафоры получила дальнейшее развитие в дескрипторной теории метафоры [1; 2] и теории метафорического моделирования [7]. Хотя современные когнитивные теории метафоры используют различный метаязык для описания когнитивных структур, их объединяет единый взгляд на природу метафоризации.

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается как основная ментальная операция, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Человек не столько выражает свои мысли при помощи метафор, сколько мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата картину мира. Соответственно метафоричность — это естественный путь творческого мышления, а не просто прием украшения речи.

В теории метафорического моделирования метафорическая модель понимается как существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X — это Y» [7]. Например, ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ, ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ — ВОЙНА, ЛЮБОВЬ — МАГИЯ и т.п. При таком моделировании в сфере-мишени может сохраняться не только структура исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника.

Как показывает специальный обзор полутора тысяч современных исследований, широкое распространение получил анализ когнитивных метафор в научном, педагогическом, медицинском, экономическом, рекламном, религиозном, юридическом и политическом дискурсах [3]. Несмотря на большее количество изысканий в данной области, до сих пор не предпринималось попыток изучить когнитивные метафоры в современном англоязычном дискурсе моды.

Материалом для нашего исследования послужили метафоры из британских журналов моды «Elle», «Vogue», «Harper's Bazaar», опубликованных в 2017–2018 гг. В ходе анализа выявленных метафор было обнаружено, что в 43% случаев метафорической концептуализации моды использовались образы, восходящие к сфере-источнику «NATURE».

Природоморфные метафоры можно разделить на три группы. Первая группа — образы, восходящие к миру животных (сфера-источник «ANIMALS»). Вторая группа

метафор относится к образам из мира растений (сфера-источник «FLORA»). Третья группа метафор – примеры вторичной номинации, относящиеся в прямом значении к объектам неживой природы («INANIMATE NATURE»).

СФЕРА-ИСТОЧНИК «ANIMALS»

Наиболее часто природоморфные метафоры подвергались цвета и оттенки одежды. Также авторы модных журналов нередко сравнивают цветовую гамму модных коллекций с элементами внешнего облика животных. Чаще всего источником для метафоризации служат цвет шерсти или окрас иных частей тела животного. Ср.:

From bold red leopard print to top-to-toe snakeskin and bright yellow cheetah, Tom Ford's autumn catwalk was all about making a statement with print (Elle UK, 15 Februar 2018).

These zebra-print booties will go with everything (Elle UK, 15 Februar 2018).

This piece ticks off all the new season trends—and it comes in ivory too (Elle UK, 30 March 2017).

Зооморфные метафоры служат для обозначения подобия с представителями фауны в названиях причесок, стилях укладки волос и видов кос. Ср.:

Are you bored of wearing the same traditional ponytail, bun or braid to the gym? (Harper's Bazaar, 31 January 2017).

Take inspiration from the above and include a parting plait, twists and fishtail braids for a twist on the classic (Harper's Bazaar, 31 January 2017).

Реже встречаются фасоны и формы одежды, в названиях которых фигурирует зооморфная метафора. Ср.:

Butterfly wing jeans (Elle UK, 23 March 2018).

Кроме этого, каждый модный сезон дизайнеры вдохновляются каким-то определенным представителем фауны и стараются максимально часто использовать это «модное животное» (или «It-animal») в новой коллекции. В 2016 г. наиболее популярным животным была сова, в 2017 г. – фламинго, а в 2018 г. – это паук и пчела. Вследствие этого, у обозревателей модных тенденций возникают тексты, буквально пронизанные метафорами со сферой источником «ANIMALS». Так, при описании аксессуаров и ювелирных украшений выполненных в форме «It-animal» пчелы, можно встретить следующие примеры. Ср.:

Something Is A-Buzz In The Jewellery World: Spring's Bee Trend. Pollinating your jewellery collection. (Elle UK, 21 March 2018).

Buzzing their way onto a finger or décolletage near you, 'bee bling', as we're calling it, is going to be all the rage (Elle UK, 21 March 2018).

Monroe (designer) has myriad other ways to get these buzzing creatures about your person (Elle UK, 21 March 2018).

СФЕРА-ИСТОЧНИК «FLORA»

Значительное распространение в англоязычном дискурсе моды получили образы растений и цветов. Концепты растительного мира регулярно фиксируются в качестве источника для описания оттенков и цветов одежды. Ср.:

Join the queue for Gucci's 1947 bamboo revival bag now (Vogue UK, 2 March 2017).

Fashion, has a beautiful cornflower blue suit that strikes the perfect balance between tailored and on-trend (Elle UK, 11 April 2017).

This Essie style comes in a pale shade of lilac, (Elle UK, 19 March 2018).

Авторы текстов постоянно обращаются к номинациям овощей и фруктов, что не только помогает описать, какой именно оттенок цвета дизайнер использовал в своей коллекции, но и зачастую является единственным способом найти в понятийной системе читателя концепты, актуализация которых будет способствовать пониманию содержания дискурса моды. Ср.:

As I write this, for example, I am strongly considering a graphic Prada skirt, trimmed in lemony ostrich feathers ...for work (Elle UK, 24 March 2017).

This tomato-red skirt from Cos will inject some (probably) much-needed colour into your workwear wardrobe (Harper's Bazaar, 7 March 2017).

СФЕРА-ИСТОЧНИК «INANIMATE NATURE»

В англоязычном дискурсе моды встречаются метафоры, восходящие в сфере-источнике к концептам, репрезентирующим феномены неживой природы (горные породы, почва). Ср.:

Opt for relaxed denim in an on-trend pale or stonewashed shade, like this pair – one of the hottest denim brands to launch in recent years and one of thousands available at Amazon Fashion (Elle UK, 11 April 2017).

Широко распространены метафоры, в которых в качестве сферы-источника использованы различные природные явления (снег, дождь, радуга и др.). Ср.:

Where opaque tights were once the safe option, this year hosiery has had a rainbow makeover (Vogue UK, 26 January 2017).

DON'T rain on your wardrobe's parade (Vogue UK, 15 May 2017).

Частотны в употреблении метафоры, обозначающие водную стихию. Данные метафоры востребованы не столько для описания собственно одежды, сколько для осмысления тенденций в мире моды (волна, поток, течение). Ср.:

Unapologetically angular, the new wave of business-minded blazers by Hermès, Christopher Kane and Stella McCartney are edging cocktail tailoring off the agenda (Vogue UK, 26 January 2017).

You could say we've been having something of a hat hiatus, but judging by the stream of leather berets at Christian Dior (Vogue UK, 2 March 2017).

Смена времени года в природе коррелирует с началом нового сезона в мире моды. Причем данная корреляция реализуется не только хронологически, но и метафорически (само понятие модного *сезона* – природоморфная метафора). Образы, связанные с природным циклом смены времен года, активно используются при обсуждении вопросов, связанных с сезонной сменой модных трендов. Ср.:

A little bit of Winter mixed with a little bit of Summer and what do you get? Spring! (Elle UK, 12 April 2017).

So don't fret as we leave spring behind and move (at a glacial pace) towards warmer climes: when it comes to seasonal limbo, we've got you covered (Vogue UK, 15 May 2017).

Космос, космические объекты и даже вымышленные космические пришельцы появляются в качестве сфер-источников на страницах модных изданий не так часто, как хорошо знакомые читателям концепты флоры и фауны, которые более близки нам из опыта взаимодействия с окружающим миром. Вместе с тем эти примеры отражают черты, присущие современной моде. Для семиотики моды важна новизна, которую можно достичь, метафорически покидая планету Земля, и апеллируя к образам космического пространства, иных планет и инопланетян. Ср.:

However, for its latest campaign, the Italian luxury brand has well and truly gone with the belief that 'the sky's the limit' by casting a bunch of aliens from another galaxy (Elle UK, 21 April 2017).

The trouser suit is back! They were all over the AW17 catwalks and seen on the hottest street style stars during the latest round of international fashion shows, so now is the time to invest in one (Elle UK, 11 April 2017).

Космические метафоры можно встретить при описании новейших дизайнерских make-up находок. Ср.:

Whether it's two-tone pink and red lipstick, a healthy glow so extreme you're basically applying moon dust to your skin, ... (Elle UK, 7 March 2018).

Представленные материалы позволяют сделать вывод о том, что ведущие место в англоязычном дискурсе моды занимают метафоры, восходящие к образам из семантической сферы «Природа». Наиболее востребованы метафоры, апеллирующие к миру животных и миру растений. В меньшей степени англоязычные авторы обращаются к сфере-источнику «Неживая природа».

Если сопоставить результаты нашего исследования с получившими широкое распространение исследованиями метафор в политическом или юридическом дискурсах, то обнаружится отчетливо просматриваемая специфика метафор в дискурсе моды. В дискурсах политики и юриспруденции доминируют образы военных действий, спортивного состязания, болезни. Современные дизайнеры одежды черпают вдохновение из мира флоры и фауны. Авторы модных статей осмысливают и описывают моду в понятиях явлений природы, смены времен года, космических объектов. Специфика метафорики дискурса моды заключается в том, что данные образы лишены агрессивного прагматического потенциала, характерного для многих иных сфер человеческой деятельности, находящих отражение в современной англоязычной прессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994.
3. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. Дисс. ... д.ф.н. Екатеринбург, 2010.
4. Будаев Э.В. Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта; Наука, 2012.
5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Скребцова Т. Г. Современные исследования политической метафоры / Т. Г. Скребцова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2005. Вып. 1. С. 35–46.
7. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2005.
8. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002.
9. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

10. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

11. Lakoff, G. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books, 1999.

12. Musolff A. *Metaphor, Nation and the Holocaust. The Concept of the Body Politic*. New York; London: Routledge, 2010.

A.A. Kildyushevskaya, E.V. Budaev

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute, branch of Russian state vocational pedagogical university, Nizhny Tagil, Russia

NATURE AS A SOURCE DOMAIN FOR CONCEPTUAL METAPHORS IN ENGLISH LANGUAGE FASHION MAGAZINES

The paper deals with metaphors from source domain NATURE in the articles of fashion magazines “Vogue”, “Harper’s Bazaar” and “Elle” published in 2017–2018. It is argued that nature is the most frequent source domain used for metaphorical conceptualization of fashion in English language discourse.

Nature metaphors are divided into three groups according to the semantic spheres. The first group consists of images from the source domain ANIMALS. The second group comprises metaphorical images from source domain FLORA. The metaphors of the third group make readers view fashion phenomena as objects of inanimate nature. The most frequent images of the source domain INANIMATE NATURE describe fashion trends as water currents and a change of seasons.

Conceptual metaphor, discourse of fashion, cognitive linguistics, discourse analysis, English language press

УДК 811.111

Д. А. Князева

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
knyazevadaryana@gmail.com*

ИМЕНА НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ В ТЕКСТАХ ЖАНРА «ФЭНТЕЗИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. К. РОУЛИНГ)

Рассматриваются имена нарицательные как способ создания художественной детали в текстах жанра «фэнтези». Проведен структурно-семантический анализ лексических единиц, номинирующих вещные образы в текстах жанра «фэнтези» на материале произведений Джоан Роулинг. Сделан вывод о продуктивных способах словообразования имен нарицательных в указанных текстах, являющихся авторскими неологизмами-реалиями.

Имена нарицательные, художественная деталь, вещные образы, способы словообразования, неологизмы-реалии, жанр «фэнтези»

Принципы и способы атрибуции имен существительных являются предметом изучения в работах многих современных отечественных и зарубежных лингвистов.

Особенно интересным для изучения проблем ономастики ученые находят жанр «фэнтези». Исследователи фокусируются на разных аспектах этого явления: особенности перевода имен существительных на иностранные языки [7; 10], семантика имени собственного [3; 5], топология и функции авторских новообразований [2; 11].

Для начала обратимся к понятию «имя нарицательное». В грамматике русского языка по признаку названия предмета как индивидуального или как представителя целого класса все существительные делятся на собственные и нарицательные. Имя определяет название группы объектов, которые имеют общие признаки, и называющее эти объекты по их принадлежности к данной категории: статья, дом, компьютер и т. д.

Если орфографической приметой всех имен собственных служит написание их с заглавной буквы, то нарицательные существительные пишутся со строчной буквы [12, с. 679].

Это утверждение верно и для грамматической категории английского существительного. В «Курсе теоретической грамматики» М.Я. Блоха находим утверждение, что существительные подразделяются на “proper” и “common” [14, с. 40].

Многие исследователи делают акцент на изучении этимологии имен собственных в текстах жанра «фэнтези». Однако, произведения, написанные в этом жанре, обладают рядом специфических особенностей, которые позволяют рассмотреть имена нарицательные через призму художественной детали. Прежде всего, жанр «фэнтези» включает в себя совокупность литературных произведений, основанных на сюжетном допущении иррационального характера, которому не дается научное объяснение. Обязательными характеристиками жанра «фэнтези» являются: равнозначное по силе противостояние добра и зла, присутствие магии и фольклорных персонажей [13, с. 55].

Следует отметить, что текст, создаваемый автором произведения, отражает движение человеческой мысли, его картину мира и способы ее представления с помощью средств языка [9, с. 25]. Индивидуально-авторская картина мира несет на себе отпечаток языковой личности ее создателя. В ракурсе читательской интерпретации текста авторская индивидуальность проявляется в специфическом языковом оформлении текста, реализующем те или иные его категории [6, с. 37]. Одним из средств, способствующих пониманию и интерпретации авторского замысла, выступает художественный образ, представленный в тексте посредством художественной детали.

Совокупность разнообразных художественных деталей помогает раскрыть воплощенный характер, картину, предмет, действие, переживание в их своеобразии и неповторимости [4, с. 191]. Деталь репрезентирует внешний признак многостороннего и сложного явления, представляя факты и процессы; на ней не заостряется внимание, но внимательный читатель может разглядеть за нею картину действительности [8, с. 112].

Для иллюстрации имен нарицательных как инструмента создания художественной детали в текстах жанра «фэнтези», проведем сравнительно-сопоставительный анализ лексических единиц, номинирующих вещные образы в тексте «фэнтези».

В качестве материала исследования обратимся к серии книг о мальчике-волшебнике Гарри Поттере, которые справедливо считаются самым популярным бестселлером XXI века автора Джоан Роулинг.

Итак, в тексте зафиксировано большое количество индивидуально-авторских элементов, отвечающих характеристикам окказиональности, которые называются неологизмами-реалиями [13, с. 98].

Среди способов словообразования неологизмов превалируют составные неологизмы (45% от общего числа проанализированных примеров). К этой подгруппе относятся такие наименования, которые зафиксированы в толковых словарях, но в других значениях, и, следовательно, их можно считать результатом развития семантической структуры слова. Кроме того, данные номинации вещных образов являются словосочетаниями, состоящими из двух или трех слов, а, следовательно, находящиеся друг с другом в особой синтаксической связи: Зачарованные монеты (*Enchanted coins*), Сквозное/говорящее зеркало (*Two-way mirrors*), Волшебные шахматы (*Wizard's Chess*), Летучий порошок (*Floo Powder*), Поезд «Хогвартс Экспресс» (*Hogwarts Express*), автобус «Ночной рыцарь» (*Knight Bus*), Исчезательный шкаф (*vanishing cabinet*), Карта Мародеров (*Marauder's Map*), Прытко Пишущее Перо (*Quick Quotes Quill*), Кубок Огня (*Goblet of Fire*), Респределяющая Шляпа (*Sorting Hat*), Зеркало Еиналеж (*Mirror of Erised*), Рука Славы (*Hand of Glory*), Проклятое ожерелье (*Opal Necklace*), Дары Смерти (*Deathly Hallows*), Бузинная палочка (*Elder Wand*), Воскрешающий камень (*Resurrection Stone*) [22-28].

Следующим по частотности словообразования неологизмов-реалий является способ сложения основ (23%). К таким единицам относятся: Маховик времени (*Time-turner*), портал (*portkey*), Плюй-камни (*Gobstones*), Омут памяти (*Pensieve*), омнинокль (*Omnisculars*), напоминалка (*remembrall*), делюминатор (*Put-Outer*), квоффл (*Quaffle*), крестраж (*Horcrux*) [22-28]. Так, например, путем сложения основ “time” и “turn”, а также добавления дефиса и суффикса существительного –er был образован вещный образ «маховика времени», уже в названии которого можно судить о функции данного предмета.

Прием вкрапления иностранных лексем является «фирменным» авторским приемом Джоан Роулинг. Вещный образ Омута памяти (*Pensieve*) состоит из основы французского глагола *penser* (думать) и английского существительного *sieve* (сито) [15; 20]. Так, в названии предмета кроется его истинное назначение: с его помощью можно как бы «просеять» свои мысли, и лишние воспоминания «убрать на хранение».

Существует большое количество вариантов деривации одного из ярчайших темных магических образов (являющегося, несомненно, неологизмом-реалией), крестража (*horcrux*) [27-28]. Приведем наиболее интересные из них.

Существует мнение, что это слово может быть образовано от французского “dehors” (снаружи) и латинского “cruх” (крест) что может означать, что часть души темного мага находится вне его тела, но охраняется данным предметом [15]. В первой основе составного окказионализма также распознают “hor” или “hore” в староанглийском имеющие оттенок “dirt, evil” или сокращение от слова “horrible”, латинское “horere” (бояться), а второй основой считают староанглийское “cruce”

означающее “container, jar” или одно из значений современного английского слова “cruх” – трудный вопрос, загадка [19].

Отсюда следует, что заимствования из других языков также включены в список способов образования неологизмов (8%): Омут памяти (*pensieve*), омнинокль (*omnioculars*), крестраж (*horcruх*) [24; 25; 27-28].

Анализ выявил несколько приемов суффиксации (8%), чаще всего в сочетании со сложением основ: громовещатель (*howler*), Маховик времени (*Time-turner*), делюминатор (*Put-Outer*) [23; 24; 27-28].

Сочетание нескольких приемов словообразования при создании одного вещного образа характерно для текста «фэнтези». Интересным является тот факт, что способ усечения основ (2%) может сочетаться с приемом сложения основ – образуются стяжения или, как их часто называют, «телескопные слова» [1, с. 197]. Так, номинация “*remembrall*” [23; 28] содержит в себе два элемента (*remember* и *ball*), но конец первого и начало второго явно усечены. Таким способом, автору удалось создать насыщенный вещный образ «напоминалки» – волшебного шара, функция которого заключается в напоминании его владельцу о каких-либо важных делах.

Исследование наименования популярной спортивной игры волшебников, квиддича (*Quidditch*), а также вещных образов, ее наполняющих, показало, что неологизмы могут образовываться путем слогосложения (2%), деривации от имен собственных (2%). Итак, в книге «Квиддич сквозь века» (“*Quidditch Through the Ages*”) указывается, что первый матч был сыгран на так называемом «Болоте Квирдитч» (*Queerditch Marsh*) [21]. Таким образом, первое предположение происхождения данной номинации – от географического названия (которое опять-таки является авторским неологизмом-реалией).

Интересный способ слогосложения заметил один наблюдательный поклонник серии книг о Гарри Поттере, указав, что слово *Quidditch* [21-28] состоит из частей слов, называющих мячи, которые используются в игре, а также их количество: “qu” от “*quaffle*” (один квоффл), два бладжера, отсюда “dd” (из *bludgers*), и один снитч (*snitch*), который формирует окончание “itch” [21].

Что касается самих мячей, эти наименования образованы при помощи деривации от однокоренных значений других частей речи (8%). Название «квоффл» (*quaffle*) [21], возможно, образовано от глагола *quaff*, имеющего словарное значение «*to drink a large amount of something quickly*» [15]. Процесс попыток игроков забить квоффл в кольцеобразные ворота напоминает момент питья. Номинация бладжера (*bludger*) [21] представлена следующими предположениями: 1) глагол *to bludge* означает «*to not do any work and live from what other people give you*» [18], что коррелирует с функцией этого вида мяча – хаотично перемещаться по полю и усложнять игру; 2) слово *bludgeon* (дубинка) [16; 20] также хорошо вписывается в этимологическую теорию бладжера, так как в командах есть игроки, вооруженные битами, которыми отбивают эти надоедливые мячи. Последний, маленький золотой снитч (*snitch*) представляет вариацию глагола *to snatch* (ловить, хватать) [17], как раз именно то, что и должен сделать Ловец, чтобы игра закончилась, и его команда победила.

Последним, наименее продуктивным приемом словообразования неологизмов является способ перестановки букв в словах (2%). Таким в книгах о Гарри Поттере стал вещный образ Зеркала Еиналеж (*Mirror of Erised*) [22], позволяющий увидеть не реальное отражение, а то, чего ты очень хочешь. Основная идея формирования именно такой номинации, по нашему мнению, заключается в семантическом значении

предмета: зеркало отражает, и такой способ перестановки букв в слове *desire* позволил автору в полной мере отразить понятие и назначение предмета.

Из представленного анализа следует, что наиболее частотными в тексте «фэнтези» оказались составные неологизмы (17 примеров). Далее по продуктивности словообразования следуют: метод сложения основ (9), суффиксация (3), заимствования из других языков (3), деривация от однокоренных значений других частей речи (3). Анализ выявил также следующие способы словообразования авторских неологизмов Джоан Роулинг: усечение основ (1), слогосложение (1), производные от имен собственных (1), перестановка букв в словах (1).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что текст «фэнтези» изобилует авторскими неологизмами-реалиями. Имена нарицательные, участвующие в создании художественной детали, не только называют определенный магический предмет, но и являются частью вещного образа, и, следовательно, особым жанрообразующим признаком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие, 2-е изд., перераб. – М.: Наука: Флинта, 2012. – 377 с.
2. Беренкова В.М. Жанр «фэнтези» как объект лингвистического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – № 4. – Адыгея, 2009. – С. 91-93.
3. Волкодав Т.В. Структурно-типологические и лексико-семантические параметры литературной сказки Дж. Роулинг и ресурсы их передачи на русский и немецкий языки: дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. – Краснодар, 2006. – 185 с.
4. Вершинина Н.Л., Волкова Е.В., Илюшин А.А., под общ. ред. Л.М. Крупчанова. Введение в литературоведение. Учебник. – М., 2005. – 416 с.
5. Головина Л.С. Этнокультурная семантика имени собственного и ее лексикографическая репрезентация иноязычному адресату: дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. – Волгоград, 2013. – 311 с.
6. Гусева Е.В. Художественный текст в аспекте его категорий: учеб. пос. для студ. – Самара, 2012. – 126 с.
7. Дерябина М.Ю. Особенности передачи английских имен собственных на русский язык: дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. – Владикавказ, 2005. – 167 с.
8. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М., 1988. – 192 с.
9. Маслова В.А. Филологический анализ художественного текста. – Минск, 2000. – 173 с.
10. Новичков А.А. Передача антропонимов при переводе произведений жанра фэнтези // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета 2(27). – Иркутск, 2012. – с.199-2015
11. Полякова Н.А. Топология поэтической ономастики: на материале английской литературы: дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. – Москва, 2009. – 178 с.
12. Русская грамматика: научные труды. В 2 тт. / Брызгунова Е.А., Габучан К.В. (ред.). – М., 2005. – 1496 с.
13. Сараева Д.А. Языковая репрезентация художественной детали в создании

образов вещного мира (на материале англоязычных текстов научно-фантастического жанра и жанра «фэнтези»): дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. – Самара, 2017. – 179 с.

14. Blokh M.Y. A Course in Theoretical English Grammar. Уч. для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов. М.: Высшая школа, 1983. – 383 с.

15. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – Cambridge University Press, 2009. – 1852 с.

16. Longman Dictionary of Contemporary English. – Longman, 1997. – 1668 p.

17. Macmillan English Dictionary. – Macmillan, 2002. – 1693 p.

18. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/>

19. Oxford Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

20. Oxford Russian Dictionary. – Oxford Un-ty Press, 2007. – 1323 p.

21. Rowling, J.K. Quidditch through the Ages. – Scholastic Inc. – USA, 2001. – 128 p.

22. Rowling, J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. – Bloomsbury Publishing Plc. – Great Britain, 2004. – 223 p.

23. Rowling, J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. – Bloomsbury Publishing Plc. – Great Britain, 2004. – 251 p.

24. Rowling, J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. – Bloomsbury Publishing Plc. – Great Britain, 2004. – 317 p.

25. Rowling, J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire. – Bloomsbury Publishing Plc. – Great Britain, 2004. – 636 p.

26. Rowling, J.K. Harry Potter and the Order of Phoenix. – Bloomsbury Publishing Plc. – Great Britain, 2003. – 766 p.

27. Rowling, J.K. Harry Potter and the Half-Blood Prince. – Bloomsbury Publishing Plc. – Great Britain, 2005. – 607 p.

28. Rowling, J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows. – Bloomsbury Publishing Plc. – Great Britain, 2007. – 607 p.

D.A. Knyazeva

Samara State Technical University

COMMON NAMES AS A WAY OF CREATING ARTISTIC DETAIL IN FANTASY TEXTS (BASED ON J.K. ROWLING BOOKS)

Common names are considered as a way of creating artistic detail in fantasy texts. The structural-semantic analysis of lexical units nominating object images in fantasy texts based on J.K. Rowling books is held. The conclusion about productive ways of word-formation of common nouns (neologisms) in the above-mentioned texts is made.

Common names, artistic detail, object images, word formation, neologisms, fantasy texts

УДК 811.112.2'38

А. В. Кокова

Новосибирский государственный педагогический университет

alnevd@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ТИПОВ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКОГО ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье рассматривается один из аспектов формирования норм текстов немецкого газетно-публицистического стиля в историческом плане. На основе лингвистической теории текста, с учётом его основных категорий (функции, коммуникативной ситуации, содержательных характеристик) установлено, что ведущей текстовой структурой политической статьи в процессе её формирования (XIX столетие) является аргументативная текстуальная структура. Определяется её специфика на раннем этапе формирования вышеуказанного типа текстов.

Немецкий язык, публицистический стиль, теория текста, средства массовой информации, лингвистическая прагматика

Коммуникация осуществляется посредством речевых произведений, оформленных в виде текстов, поэтому проблема лингвистического генезиса системы текстов относится к наиболее актуальным областям лингвистических исследований.

Стиль имеет текстовую природу и распознаётся в тексте. В более ранних работах по стилистике немецкого языка при рассмотрении стиля господствовало ограничение уровнем предложения, которое определяется риторической традицией элокуцио (Elokutio) [7, с. 72-73].

Для целей контрастивного, типологического, а также диахронического изучения языков особую важность имеет выявление в их системах как особенных и единичных, так и общих черт и перформативных особенностей и универсалий. На наш взгляд, именно система институциональных текстов каждой конкретной функциональной сферы языка относится к его своеобразным перформативным универсалиям.

В истории немецкой публицистики наблюдается разная степень оформленности текстов. В настоящее время почти вся информация в публицистике (кроме репортажей и прямых интервью) проходит несколько процедур переработки: например, переработка информации, полученной средством массовой информации от прямых информантов; переработка разного рода агентурной информации в печатную корреспонденцию [8, с. 14].

Функциональная характеристика текста определяет процесс переработки исходного информационного материала. В зависимости от неё упор делается либо на осмыслении первичной информации в комментирующем и аргументирующем ключе, либо на эмоциональной оценке, либо на её конкретной деловой передаче.

Несмотря на различия в подходах к лингвистическому исследованию текста существуют общие для лингвистики текста проблемы, такие как выделение основных текстовых категорий и проблема типологии текстов.

За полувековой период разработки проблем лингвистики текста наблюдается эволюция во взглядах на объект и методологию. В ходе развития теории текста сформировались разные направления, ставящие перед собой разные цели.

Первое, хронологически наиболее раннее направление возникло и развивалось на основе структурализма, генеративной и трансформационной грамматики. Оно возникло после критики традиционной синтаксической системы рассмотрения речевых произведений, которая была ограничена рамками предложения и стремлением выйти за его пределы.

Второе направление – коммуникативно-прагматическая теория рассматривает текст не как статичный, изолированный объект, а в рамках определённой коммуникативной ситуации, где важнейшими факторами являются автор и адресат, их ситуативные и социальные характеристики. Развиваясь в русле грамматики, данное направление рассматривает текст как продукт речевой деятельности, а его основной компонент – речевой акт [1;3; 4; 5; 6].

В рамках коммуникативно-ориентированной теории текста выделяются его основные категории, которые служат объективными критериями для определения уровня сформированности и нормированности текста как лингвокоммуникативной единицы анализа, а также для создания общей типологии текстов. К вышеназванным критериям относятся, прежде всего:

- 1) функция текста как единицы коммуникативно-прагматического уровня;
- 2) коммуникативная ситуация;
- 3) содержательный аспект текста, включающий его тему (предмет, процесс, логическую структуру) и способ её развёртывания [Brinker 2010; Engel 1996; Dimter 1981].

Наиболее развёрнутые варианты текстуальных функций включают в себя 5-7 разновидностей: информационную, воздействующую, побуждающую, дидактическую, убеждающую, контактоустанавливающую, эстетическую, эмфатическую функции [1;4; 5].

Наиболее важным аспектом текста для целей диахронической стилистики является его содержательный аспект. Тематические структуры, лежащие в основе любого текста, подразделяют на дескриптивные (описание и сообщение), нарративные (повествование), экспликативные и аргументативные [1;4; 5].

Первичной в хронологическом отношении функцией немецкой газетно-журнальной публицистики была функция информирования, для реализации которой использовался тип текста «информация» (die Nachricht), возникший в немецкой прессе в начале XVII столетия. Вторая важнейшая функция публицистики – воздействие на общественное мнение (meinungsbildende Funktion) датируется началом XIX столетия. Для её осуществления с указанного времени начинают формироваться новые для немецкой прессы типы текстов – передовая статья (Leitartikel), комментарий (der Kommentar) и глосса (die Glosse).

В апеллятивных текстах аргументация выполняет центральную роль, поскольку с помощью применения логического аппарата автор текста в форме доказательства, посредством приведения наиболее веских доводов, оснований стремится убедить реципиента в истинности выражаемой им позиции или в некоторых случаях побудить к определённым действиям. Соответственно, в газетных и журнальных статьях, передовых статьях и комментариях тематическая структура аргументации становится главным фрагментом текста.

Наиболее адекватной и приемлемой моделью для исследования аргументации в публицистике является модель практической аргументации, автором которой является английский философ С. Тульмин [Toulmin, 2003].

В основе данной модели лежит силлогизм. Структура аргументации представлена шестью логико-семантическими реляционными категориями. Отправным пунктом процесса аргументации выступает спорное утверждение (тезис), который в то же время репрезентирует тему публицистического текста, его содержание. Обоснование истинности тезиса происходит посредством аргументов. Приводимые при этом факты могут выступать аргументами в пользу тезиса только если они составляют малую посылку для правила-доказательства (warrant), выступающему в качестве большой посылки. Правило-доказательство – это обобщённое гипотетическое утверждение, которое представляется в форме «Если дано x, y, z, то возможно К». Подтверждение (Baking) является основой правила-доказательства. Подтверждением в данном случае является высказывание, формулирующее правила, нормы, законы, которые действуют в соответствующей предметной сфере.

На начальном этапе становления и развития политических статей наблюдается их сходство с публичными речами, что выражается: в нестрогой аргументации, в наличии аргументативных последовательностей, ограниченных композиционной рамкой, в наличии оценочных комментариев эмоционального характера, а также в высокой степени амплификации.

Для ранних немецких публицистических статей характерно и использование классической схемы риторики (Exordium – вступление; Narratio – изложение фактов; Confirmatio – убеждение; Epilog – заключение).

Ниже в качестве подтверждения рассматривается пример из статьи выдающегося немецкого публициста начала XIX столетия Иозефа фон Герреса «Кёльнский собор» (Der Dom in Köln), опубликованной в газете «Der Rheinische Merkur» от 20.11. 1814. Как и все публицисты, Й. фон Гёррес хорошо владел классической риторикой и умело использовал её в своих работах. В его политических статьях наблюдается большое варьирование и разнообразие схемы классической риторики применительно к текстам убеждающего характера. Главными средствами убеждения у Й. фон Гёрреса являются экспликация и аргументация («конфирмацио»), которые подкрепляются «наррацио» (описание, сообщение). Статья часто начинается с экзордиума. Его объём варьируется от 1/8 до 1/3 общего объёма статьи

Функцией текста в данном случае является убеждение читателей в необходимости завершения строительства Кёльнского собора как символа целостности Германии и единства немецкого народа. Введение (примерно 1/3 объёма статьи), состоит из двух аргументативных последовательностей, несущих неравную функциональную нагрузку (далее они реконструируются на основе текста).

Первая аргументативная последовательность (1):

Тезис:

Es sind der Reden viel gegenwärtig... von grossen Denkmalen, die errichtet werden sollen (1)

Аргументы:

1. Die Riesensäule soll... nach den Schlachtfeldern an der Elbe wandern
2. Zierliche Tempelhallen sollen sich erheben

3. der Rhein soll auf seinen Inseln Bilder und Säulen hegen

Правило-доказательство:

Wenn man im Bilde ist, grosse Denkmale zu errichten, dann ist dieser Wille gut und der Vorsatz lobenswert (на основе содержания предложений 1-4).

Особенностями рассматриваемой аргументативной последовательности являются следующие признаки: 1) аргументы представляются в качестве конкретных примеров, то есть подбор аргументов производится на основе индукции; 2) последующий вывод правила-доказательства является также и комментарием к тезису аргументации; 3) при этом основание (Stützung der Schlußregel) во фрагменте текста отсутствует. Положительный комментарий к начальному тезису ставит рассматриваемый вопрос в соответствии с общепринятым мнением и позволяет определить функцию этой аргументативной последовательности как попытку завоевать хорошее расположение читателей. Но, в то же время, исключаяющее условие («wenn wir unsere Armut zusammentragen, ihn auszuführen, dann haben wir... wieder nur die Franzosen nachgeahmt») опровергает справедливость правила-доказательства.

Вторая последовательность введения предшествует аргументации, содержащейся в основной части. тезис аргументации выражается в форме поэтической аллегории:

Wir brauchen die Idee der nationalen Vereinigung:

(5) «Wollen wir deutsch verfahren, ... wir lassen die Idee, die in uns hineingetreten, mehr und mehr durchleuchten unser Inneres; wir reichen einer dem anderen die Leuchte hin, dass er sein Licht entzünde; ... und wenn wir uns in einem rechten Willen aneinander schliessen, dann ist unser Volk selber eine leuchtende Ehrensäule, wie noch keine in der Geschichte gestanden hat» (предл. 11)

Указанный тезис имеет два аргумента:

1. Diese Idee bringt Harmonie in die Existenz der Deutschen (предл. 7)

2. Die Vergangenheit bietet die Idee für die nationale Vereinigung (реконструируется на основе содержания предложения 6).

Основная часть статьи, которая представляет собой демонстративный блок риторической схемы, состоит из наррации (профазы аргументации) и конфирмации (собственно аргументации). Тезис аргументации предваряет профазу аргументации:

Тезис аргументации: Vor allen prunkvollen Werken sollte man den Kölner Dom vollenden (предл. 8).

Как показывает наррацию (в данном случае патетическое повествование, выступающее в качестве опоры для основного тезиса) иррациональное, поэтическое представление проблемы отвечает задачам публицистики патетического периода. В рассказе о драматической истории возведения собора, в котором основную роль выполняет дух его создателя, приводится также и народное предание, по которому дух наложил на немцев проклятие когда строительство прекратилось:

«... hat der zornige Geist geflucht: so lange soll Deutschland in Schande und Erniedrigung leben, preisgegeben eigenem Hader und fremdem Übermüte, bis sein Volk sich wieder der Idee zugewendet, von der es sich, der Eigensucht nachjagend, losgesagt, und bis es durch wahrhaftige Gottesfurcht gründlich treuen Sinn, festes Zusammenhalten in gleicher Begeisterung und bescheidene Selbstverleugnung wieder tauglich worden, solche Werke auszuführen, wie sie es jetzt in seiner Versunkenheit aufgegeben».

Следовательно, идея единства немецкой нации и задача завершения строительства собора как символа духовного единения народа, по мнению Й. фон Гёрреса, неразрывно связаны друг с другом. Оформление аргументов к основному тезису выражает главные особенности аргументации в патетической публицистике, где широко применяются следующие типы аргументов:

1) аргументы без конкретной референциальной отнесённости обозначаемой ситуации или аргументы фикционального характера:

аргумент: (предл. 13) «an uns ist der Ruf ergangen auszuführen, was ein Geschlecht... angefangen»

2) аргументы гипотетического характера, где модальность модифицируется дополнительными средствами (например, модальным словом *wahrlich*): (предл. 14) «Wahrlich, (die Minister) von Kotzebue,... Schöneres, Herrlicheres werden sie nicht ersinnen, als dieses in höchster Künstlichkeit einfache Werk, das uns in jenem Dom vor Augen steht»

3) аргументы, содержащие советы и предложения (аргументы делиберативного характера): (предл. 15) «so werde es auch ein Symbol des neuen Reiches, das wir bauen wollen».

Все вышеназванные типы аргументов характеризуются модальностью неэвидентности или недействительности.

Данная политическая статья заканчивается кратким эпилогом, состоящим из одного предложения, содержащего краткое резюме всей статьи и надежду на решение проблемы: (предл. 27) «der Vorschlag künftiger Beratung der Nation empfohlen».

Таким образом, для раннего патетико-романтического периода развития немецкой публицистики XIX столетия характерна нестрогая аргументация, эмоционально-оценочная окраска, высокая степень амплификации, высокая степень зависимости от канонов классической риторики. В последующем развитии немецкой публицистики все вышеназванные характеристики были постепенно преодолены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brinker K. Linguistische Textanalyse. – Berlin: Schmidt, 2010. – 151 S.
2. Der Dom in Köln. Der Rheinische Merkur, 20.11. 1814. Koblenz. URL:<http://www.cloud-cuckoo.net/openarchive/Autoren/Goerres/Goerres1842.htm>
3. Dijk T.A. van. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. Cambridge University Press, 2008., 282 p
4. Dimter M. Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache. – Tübingen: Niemeyer, 1981. – 144 S.
5. Engel U. Deutsche Grammatik. – Heidelberg: Groos, 1996. – 884 S.
6. Schmidt S.J. Texttheorie. – München: Fink, 1973. – 184 S.
7. Sowinski B. Deutsche Stilistik. – Frankfurt am Main: M. Fischer, 1991. – 345 S.
8. Sowinski B. Textlinguistik. Eine Einführung. – Stuttgart: Kohlhammer, 1983. – 176 S.

A.V. Kokova

Novosibirsk State Pedagogical University

FORMATION OF MAIN TEXT TYPES OF THE GERMAN PUBLICISTIC STYLE (HISTORICAL ASPECT)

One of the aspect of formation of text norms of the German publicistic style is considered in historical aspect. In accordance with the linguistic text theory, taking into consideration main text categories (function, communicative situation, intensional characteristic) it is settled that main text structure of political article is argumentative text structure. Its specifications at the early stages of its formation and development are defined.

The German language, publicistic style, text theory, mass media, linguistic pragmatics

УДК 81'23

Е. А. Конева

Курский государственный университет
shenjusa@bk.ru

ПСЕВДОПАРОНИМЫ: ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ

Статья посвящена вопросу определения псевдопаронимов как подгруппы паронимов. С позиций психолингвистики и на основе классификации паронимов по семантическому признаку автор демонстрирует существование данного типа единиц в системе языка и обосновывает необходимость введения термина «псевдопароним».

Пароним, псевдопароним, паронимическое смешение, паронимический антропоним, паронимический топоним

Бесспорным является тот факт, что паронимия – это самостоятельное языковое явление, а наличие паронимов в языке – закономерный результат его исторического развития и становления. Явление паронимии и особенности функционирования паронимов в языке и речи стали исследовать в отечественной лингвистике относительно недавно (по сравнению со смежными явлениями: синонимией, антонимией, омонимией) – во второй половине XX века.

Несмотря на многочисленные исследования паронимии вопрос об определении паронима и паронимии в целом остается открытым. Это связано с двумя факторами: 1) сложность данного явления (объективный фактор) и 2) неоднозначность и разноаспектность подходов к его изучению (субъективный фактор), что в свою очередь объясняется направленностью работы исследователя (предмет изучения, т.е. то, что попадает в ракурс внимания: формальные, семантические или функциональные особенности паронимов).

Анализ значительного числа дефиниций паронимов позволяет говорить о существовании двух подходов относительно содержания данного термина: *в широком* (Н. П. Колесников, Л. А. Введенская, Е. В. Поликарпова, В. Н. Штыбен) и *в узком смысле* (О. В. Вишнякова, Е. А. Земская, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, В. И. Красных).

В широком смысле под паронимами понимаются **любые близкие по звучанию слова (как однокоренные, так и разнокоренные)**, например: *интеллигентный – интеллигентский, картон – кордон, плющ – плащ*.

В узком смысле паронимами являются **близкие как по звучанию, так и частично по значению** и только лишь **однокоренные слова**, например: *нарушить – разрушить, страхование – страховка, дождевой – дождливый*.

Данные подходы объединяют два фактора: 1) смешению подвержены формально (фонетически) сходные единицы (формальный фактор); 2) как в случае однокоренных, так и разнокоренных паронимов велика доля вероятности их смешения, т.е. ошибочного употребления в речи индивида (функциональный фактор). Учитывая данный факт, подтверждаемый положением психолингвистики о том, что необходимо принимать во внимание специфику (особенности) функционирования паронимических единиц в индивидуальном сознании, считаем справедливым рассматривать паронимы *в широком смысле*.

Данная точка зрения позволяет классифицировать паронимы **по семантическому признаку** (степень семантической близости единиц одной паронимической пары), распределив их по двум группам: *истинные паронимы* (однокорневые) и *псевдопаронимы* (разнокорневые).

Введение термина «псевдопароним» обусловлено необходимостью обозначения того обширного пласта лексических единиц, которые не являются паронимами при их рассмотрении в рамках «узкого подхода», но относятся к таковым с позиций «широкого подхода». Данный термин наиболее четко демонстрирует ту степень отличия, которая существует между истинными паронимами и словами, таковыми не являющимися. Приставка *псевдо-* (от греч. *pséudos* — ложь) означает ложность того, что за ней следует. Таким образом, получается, что обозначенную группу слов представляют «ложные» паронимы.

Может возникнуть вопрос о необходимости введения термина «псевдопароним» при существовании термина «квазипароним» (см., напр.: [3, с. 7]). Несмотря на то, что приставка *квази-*, как и приставка *псевдо-*, имеет значение «*мнимый*», «*ненастоящий*», она является приставкой латинского происхождения в то время как приставка *псевдо-*, как и слово «*пароним*», греческого происхождения. В этой связи представляется логичным введение термина, составные элементы которого произошли из одного и того же языка.

Каждая из двух групп (*истинные паронимы* и *псевдопаронимы*) в свою очередь подразделяется еще на две подгруппы: *полные истинные паронимы*, *неполные истинные паронимы*, *полные псевдопаронимы* и *неполные псевдопаронимы*.

Полные истинные паронимы — это паронимы в узком смысле, т.е. «однокорневые слова, отличающиеся общностью происхождения, полным семантическим различием и несовпадением валентности» [2, с. 40]. Ударение не учитывается. В качестве примеров можно привести следующие паронимические пары: *адресант – адресат, скрытый – скрытный, достичь – настичь*.

Подгруппу *неполных истинных паронимов* представляют однокорневые генетически родственные слова, «в которых не произошло полного семантического размежевания объема значений» [2, с. 41]. Данные слова в отдельных значениях выступают как синонимы. Примерами могут служить следующие паронимы: *аристократический – аристократичный* (совпадают в значении: «свойственный

аристократам»), *драматический* – *драматичный* (совпадают в значении: «полный драматизма, напряженности»).

К *полным псевдопаронимам* относятся разнокорневые фонетически сходные слова, не обладающие общностью происхождения, например: *контузить* – *конфузить*, *бойлер* – *бройлер*, *жакет* – *жилет*.

Неполными псевдопаронимами являются разнокорневые семантически неродственные слова, характерной особенностью которых является формальное корневое тождество (полное звуковое совпадение корня). Таковыми можно считать следующие паронимические пары: *отчетливый* – *отчетный*, *парный* – *парной*.

Паронимические пары образуют имена прилагательные, образованные от прилагательных наречия, имена существительные, глаголы и причастия. Примечательно, что в толковые словари паронимов включают только лишь нарицательные имена существительные.

Однако в паронимические отношения, как отмечают Л. А. Введенская и Н. П. Колесников, могут вступать и имена собственные. Это могут быть как антропонимы (фамилии людей), так и топонимы (географические названия) [1, с. 8 – 9]. В качестве *антропонимических паронимов* выступают, например, следующие пары: *Эйзенштейн* – *Эйнштейн*, *Трифонов* – *Трофимов*. *Топонимическими паронимами* являются, например: *Бретань* – *Британия*, *Будапешт* – *Бухарест*, *Швейцария* – *Швеция*. Согласно классификации по семантическому признаку антропонимические и топонимические паронимы будут относиться к разряду полных псевдопаронимов.

На первый взгляд, кажется, что невозможно смешать в речи подобные слова. Однако практика доказывает обратное. В ходе наблюдений за повседневной речью было отмечено смешение паронимических антропонимов *Чайковский* – *Чуковский*:

«Когда мой старший сын был еще совсем маленький, я читала ему книги Чайковского: «Телефон», «Мойдодыр». А в три года он рассказывал отдельные части из них» (из разговора с молодой мамой).

Еще чаще смешиваются в речи топонимические паронимы. Так в 2013 году швейцарский новостной портал «20 Minuten» сообщил о проведении консульствами Швеции и Швейцарии имиджевой кампании в Шанхае. Жителям Китая в юмористическом ключе предлагалось изобразить то, что отличает эти страны. Проблема заключалась в том, что китайцы иногда не знают, куда едут, и путают Швецию со Швейцарией. В основу конкурса были положены лежащие на поверхности ассоциации: так, например, Швейцария вызывает такие ассоциации, как «страна банков» и «страна дорогих часов», а Швеция ассоциируется с фрикадельками и мебелью ИКЕА. В качестве приза победитель получил 12-дневное путешествие по этим двум странам с целью лично убедиться в существенных различиях между Швецией и Швейцарией.

Еще чаще туристы путают Австрию и Австралию. Поэтому не удивительно видеть на сувенирах в Австрии наряду с изображениями Моцарта и принцессы Сиси изображение сумчатого животного и надпись «No kangaroos in Austria», что в переводе с английского означает «В Австрии нет кенгуру». Примечательно, что смешение в речи данных топонимических паронимов существует на протяжении долгого времени. Л. Кренек, географ и альпинист из Австрии, в период второй мировой войны находился в Индии. В своей книге «В Индии» он рассказывал, что находящиеся там австрийцы перестали себя так называть, поскольку об Австрии никто там не имел даже представления. Слово *Австрия* ассоциировалась у местных

жителей с Австралией и, прежде всего, с хорошими одеялами, которые ввозились из этой страны [4, с. 25].

Не менее часто происходит путаница и с паронимами *Будапешт* – *Бухарест*, которая иногда приводит даже к неприятным последствиям. Так, например, около 400 болельщиков баскского футбольного клуба «Атлетик Бильбао» перепутали город, где в 2012 году проходил финальный матч Лиги Европы по футболу, и приехали вместо Бухареста (столица Румынии) в Будапешт (столица Венгрии). Осознав свою ошибку, они, к сожалению, не успели добраться до нужного города вовремя.

В повседневной жизни мы нередко сталкиваемся с тем, что человек употребляет слова, не зная их точных значений. Они представляются ему знакомыми. Речь идет о так называемом «мнимом» знании.

Паронимическое смешение подобного рода, т.е. восприятие индивидом этих слов как равнозначных и, следовательно, взаимозаменяемых объясняется субъективной близостью значений, что с позиции синонимии смыслов (С. В. Лебедева) объясняется взаимодействием признаков и признаков признаков внутри значения слова. Признаки «выступают в неразрывном единстве и влияют на выбор того или иного слова» [5, с. 132]. В результате происходит перенос знаний о сходстве признаков. Предметы или явления становятся похожими субъективно в ситуации «здесь и сейчас». Выбор слов реальным человеком, который, как показывают примеры, иногда приводит к смешению с созвучными словами, зависит от ряда факторов: от знаний индивида, его переживаний, а также от реальной ситуации.

И здесь необходимо учитывать, что значение слова для человека функционирует не само по себе, оно является средством выхода на *индивидуальную* картину мира, которая проявляется во всем богатстве ее не только сущностей и отношений, но и эмоционально-оценочных нюансов и *переживается лично* (А. А. Залевская).

ЛИТЕРАТУРА

1. Введенская Л. А. Колесников Н. П. Учебный словарь паронимов русского языка. – 2-е изд. – Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ»; Феникс, 2010.
2. Конева Е. А. Специфика функционирования паронимов в ментальном лексиконе (экспериментальное исследование) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Курск, 2010.
3. Красных В. И. Толковый словарь паронимов русского языка : 1100 паронимических рядов, более 2600 паронимов. – М. : Астрель : АСТ, 2007.
4. Кренек Л. В Индии. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.
5. Лебедева С. В. Синонимы или проксонимы? – Курск : Изд-во Курского пед. ун-та, 2002.

E. A. Koneva

Kursk State University

PSEUDOPARONYMS: RIGHT TO EXIST

The article deals with a problem of pseudoparonyms' definition as a subgroup of paronyms. The author demonstrates the existence of such type of elements in the language system from the psycholinguistic point of view based on the semantic type classification and gives reasons for the necessity of the term «pseudoparonym».

Paronym, pseudoparonym, confusing of paronyms, paronymic anthroponym, paronymic toponym

УДК 811.512.3

Э. Лхагвацэрэн

Монгольский Государственный Университет Образования,
erdenechimeg@gmail.com

А. Самбуу

Монгольский Государственный Университет Образования,
s_amraa2000@yahoo.de

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА “ЭРДЭМ-ЗНАНИЕ”, КУЛЬТУРА И ПРИМЕНЕНИЕ

В данной статье нами рассмотрены значения слова “знание”, его культура и применение, вопрос о том, что с древних времен монголы понимали под словом знание и как это понятие меняется в настоящее время. В дальнейшем, учитывая этот фактор, нам следует провести реформу образования.

Знание, пословицы, человек со знаниями

Дизайн исследования: Целью данного исследования является прояснение значения слова «знание», его смысл и происхождение, исследование данного слова в древних и современных монгольских письменных и устных произведениях.

При прояснении значения слова «знание» как предмета нашего исследования, его смысла и происхождение, рассматриваемых в древних и современных монгольских письменных и устных произведениях, нами использованы методы и средства исследования документов, когнитивной лингвистики, анализа и синтеза, логических выводов и др.

Факты, собранные о слове «знание», рассмотрены нами с точки зрения созданных монголами теории трилогии, тройного мышления и эти результаты, полученные вышеупомянутыми методами, мы выдвигаем на обсуждение как обзор следующим образом.

Факты исследования, результаты: Монголы являются одним из народов, которые с древних времен предпочитали и применяли знание как ценность. Хотя монголы вели кочевой образ жизни, занимались скотоводством, перемещались свободно на своей обширной территории для них были редки случаи строительства городов, централизованных школьных и культурных учреждений, создания исследовательских организаций как у граждан с постоянным местожительством. Они создали громадное интеллектуальное наследие своих знаний и опыта, традиционно передавая их из поколения в поколение в устной и письменной формах так же, как и более цивилизованные нации. Например, свои знания о предвидении изменения в природе, обоснованные на наблюдение природы, погоды, ветра, состояния неба, движения облаков и поведения животных и домашнего скота (знания о прочтении

неба), свои знания об установлении продуктивности скота, об определении потомства, полученные из наблюдений за жизнью птиц и животных, оценку внешнего вида скота (знание об определении поведения животных) они применяли в ведении кочевого образа жизни, в занятии скотоводством. И, со временем обогащаясь, эти знания стали наукой воспитания (сделать из человека личность) и развития их детей-потомков.

Слово «знание» было всесторонне изучено зарубежными и отечественными учёными и выявлено, что оно происходит из древнего тюркского языка со значением “героизм, мощь, мастерство, способность”. В словарях монгольского языка оно объясняется как “преисполнение души, воплощение в жизни” [3, с. 332], “преуспеваемость в учёбе” [13, с. 82], “знания, умения и навыки, полученные в результате обучения, по уйгуро-тюркски (erdem) [11, с. 260], по-персидски (yerdem) [9, с. 161], как “глубокое знание, которое имеет способность правильно отражать любые вещи, умения и навыки размышлять и действовать в соответствии любых законов” [8, с. 304], как “овладение определенным уровнем познания и получение определенного умения применять освоенное знание на практике” [6, с. 44]. В.Шарма в своей работе “Таван сургамж-Пять наставлений” подчёркивает, что “Нет необходимости быть живым тому, кто не владеет знанием и умом, не соблюдает нравственные принципы”.

В большой энциклопедии монгольского языка и в краткой энциклопедии монгольского языка Я.Цэвэл слово **Эрдэм-знание** как существительное определяется следующим образом: **1.** Совокупность специализированных знаний, полученная в результате обучения в школе, практических занятий: **2.** Сила некоторых вещей, а в словаре 21-ом растолкуется: “Знание является соотношением преисполнения души и воплощения его в жизни.” В словаре 28-ом “Эрдэм” рассматривается как соотношение преисполнения души и воплощения его в жизни, с добавочным объяснением того, что знание является то, что полученное в души путем соблюдения общепринятых правил. В большой истоковой письменности подчёркнуто, что главное заключается в выявлении святого знания. А также в письменном толковании рассматривают *качественное знание* как пощаду и мораль, честь, мудрое доверие. Отметим, что назвать простого грамотного и авторитетного человека «учёным» является проявлением почтения в широком смысле этого слова, но это не является смыслом слова «знание». Учёным называют того, кто овладеет знанием и способностью. В буддийской традиции знанием считают теорию пророчества. То, что изучено путем преподавания, является знанием теории пророчества а то, что получено путем глубокого размышления, является *теоретическим знанием*.

Из приведённых выше определений понятие “ЭРДЭМ-ЗНАНИЕ” означает а) знание, б) волшебство, колдовство.

В традиционной педагогике монголов (сделать из человека личность) “Эрдэм” толкуется двумя вышеизложенными значениями.

Особенность монгольского традиционного мышления в педагогике заключается в выдвижении идеи “сделать из человека личность”, то есть идеального развития личности. Другими словами, прежде всего настоящий “человек” - это тот, у кого 1. Хорошая наследственность, 2. Крепкое здоровье, 3. Острое зрение, 4. Хороший слух, 5. Мудрый разум, 6. Добрая душа, 7. Крепкая сила воли, 8. Здоровый организм, 9. Красноречие, 10. Немногословие, 11. Приверженность обычаям, 12. Дружная семья. Исходя из этих требований, были обработаны основные критерии определения

понятия «человек» и человеком со “Знанием” считали того, кто соответствует этим критериям. Например, следующим образом распределяют благородные качества человека со “знаниями”, причем каждого в отдельности: “Тридцать пять знаний короля”, “пятнадцать знаний королевы”, “девять знаний чиновника“, “пять знаний монаха” и в них указаны самые важные качества.

В открывающем разум учении «Оюун тулхуур» выделяют следующие параметры:

Самое главное для монаха – милосердие. Из тридцати пяти знаний, для короля самое главное – заботливость о других. Из пятнадцати знаний, для королевы самое главное – доброта. Из девяти знаний, для чиновника самое главное – уравновешенность. Идея учения такова, что “знанием” является не только хорошо изученное и приобретённое знание, но и качество “внутренней” природы и нравственности человека. Далее говорится, что для того, чтобы “сделать из человека личность” мы должны дать предпочтение последней из вышеуказанных идей. Например, в монгольской народной сказке “В поиске знания” рассказывается о том, чему научился пропавший без вести сын, вернувшись домой через три года. Оказывается, в первый год он научился грамоте, во второй год научился петь и играть на музыкальном инструменте и в третий год научился играть в шахматы. И благодаря трём разным знаниям он живёт хорошо и достойно. В рассказе С. Эрдене “Красный зонтик” – ... Хоролмаа не ошибается в том, как другие думают о ней. Для неё зависть, заинтересованность, ненависть всё известно только со взгляда человека. Хоролмаа не считает это своим **знанием**, думает, что все такие чувствительные как она....; в “Старик и каменная баба”- ... Разъезжая по разным местам он встретился и познакомился со многими людьми, накопил опыт об их характере, о быте, об интересах и стремлений и каждый раз сравнивая их с собой научился **знаниям** по ведению хозяйства и гостеприимства, развлечения...; в рассказе “Последние дожди осени” – ...У девушки шаги легкие и плавные как перья и характер вежливый. Для девушки это тонкое **знание**, которая научилась выразить свою красоту не слышном открытым образом. ...“; в” ...Размышление во время путешествия или лирическая связь” –... Хотя у меня нет **знания** о скакуне, посмотрев на умные глаза коня, я был уверен, что именно этот конь выиграет... .

Традиционная культура – ТРАДИЦИЯ, ЗНАНИЕ (качественное знание, теоретическое знание) кочевых монголов складывалась на основе ДРУЖЕЛЮБИЯ. Другим словом, монголы являются народом с традиционной культурой, который следовал традициям, предпочитал знание и всегда стремился к дружелюбию. Это сформулировано ими как толкование глубоких пониманий следующим образом: “дружелюбие не знает границ, знание не имеет конца”, “недружелюбный человек – плохой, человек без знания – бесславный”, “по одежде встречают, по уму провожают”, “богатство имущества существует недолго, а богатство знания – вечно”, “людей, изучающих наук много, но мудрых, создающих великое дело – мало”, “не отчаивайся, что знание бесконечно, не думай, что ошибка – мелочь”, “знание добывают изучением, а разысканное – слухом”, “знание не стареет, как драгоценный камень не меняет свой цвет”, “бестолковый глупец, бродящий везде, который разносит услышанное, лучше искусного мудреца, который даёт своё знание другим”, “человек без знания – самовольный, как река без берегов”, “в поиске нужен бинокль, а в изучении – книга”, “тот, кто делает правильный шаг с самого начала, может идти дальше и тот, кто следует словам человека со знанием, может воспитываться”.

На сегодняшний день наблюдается тенденция, что мы как-то не обращаем внимание на нашу традиционную культуру. Например, если изучать тенденцию, определяющую современное развитие человека, в большинстве случаев мы рассматриваем его со стороны “образования” и отвергаем рассмотрение его со стороны “сделать из человека личность”. На самом деле необходимо определить развитие человека одновременно рассматривая стороны, относящиеся к «знанию» и «образованию». По мере овладения знаниями улучшается образование. Мы часто забываем, что образование находится внутри знания. Это подтверждается следующими фактами.

А. Частота слов “знание” и образование“, встречающихся в семи изданиях [4] академического журнала МГУО – “Лавай”:

Б. В рамках проекта ДАНИДА “Повышение социальных компетенций местных граждан с опорой на традиционную культуру Монголии” при содействии Дании нами было проведено исследование по следующей методологией. Участников распределили на группы по 4-6 человек и провели опрос каждого члена группы по следующим вопросам: “Кто в вашей местности является учителем, обладающим знаниями?, Почему вы считаете его учёным?, Какие качества вы считаете критериями человека со знаниями?”. Затем провели обсуждение в своих группах, где каждый представил свои ответы и после обмена мнениями выбрали самого лучшего. На следующем этапе опроса группы представили друг другу выбранного ими человека. После совместного обсуждения группы решили назвать 15 человек учителями, обладающими знаниями.

1. *Общие сведения о человеке, обладающим знаниями*

Из выбранных в результате исследования 15 человек 5 имеют управляющую должность, 5 - учителя естественных наук, 3- учителя начального образования и 2 - учителя гуманитарных наук по профессий.

2. *Факты о том, почему они считаются людьми, обладающими знаниями*

Диаграмма показывает, что учитель должен не только иметь образование, но и должен обладать знаниями, другими словами учителем, обладающим “ЗНАНИЯМИ” является тот, кто обучается наряду со своей работой, развивает постоянно своё мастерство обучения и любит свою работу всей душой. Основываясь на фактах и результатах нашего исследования, мы выдвигаем на **обсуждение** следующие предложения:

- Знание является **методом** осуществления любых дел. Эту идею можно обнаруживать из “знания о прочтении неба”, “знания об определении поведения животных”, “знания педагогики” (“сделать из человека личность”), “знания об определении скакунов”... др.

- Знание является **внутренним миром** человека в “преисполнении души, воплощении в жизни” [3, с. 332], как показано в учении «Оюн түлхүүр».

- Знание является **критерием нравственности**. Об этом можно сказать, опираясь на “знание –совокупность всех благородных качеств человека”, “Тридцать пять знаний короля”, “пятнадцать знаний королевь”, “девять знаний чиновника“, “пять знаний монаха”.

Обосновываясь на наши 2 микроисследования мы пришли к следующим выводам:

На сегодняшний день Монголия нуждается в гражданах, обладающими большими знаниями, чем “высокообразованные”. Поэтому необходимо пересмотреть

цели, задачи, программы, методологии и оценки всех уровней образования, внести улучшения в программы по обучению, умениям и навыкам, по нравственности и по практической деятельности.

Участники опроса в проведённом нами исследовании считают “человеком, обладающим знаниями” того, кто самостоятельно научился любым делам, нашёл своё рабочее место и способен управлять своей жизнью. Это авторитетный и всегда готовый оказать помощь другим человек.

Образование находится внутри знания. Чтобы человек овладел этими ЗНАНИЯМИ, на это должны обратить внимание и родители, и педагоги, и он сам.

ЛИТЕРАТУРА

1. 21ий толковый словарь. Город Хух. 80 стр.
2. 28ий толковый словарь. (1994). Город Хух. 270 стр.
3. 36ий толковый словарь. 2005. Том 1-5 . Эрх. Б.Сумъяабаатар. УБ., стр.332
4. Академический журнал Лавай МГУО №6-12
5. Баттулга.Ч., Исследование смысла, культуры и применения слова знание монгольского языка. Linguistics and literary studies. Улаанбаатар. 2015. Tom.VIII (40). 138-146 стр.
6. Дашням, Л. 2000. Знание монголов по созданию из человека личность. УБ., стр. 44 .
7. Дэмчигдорж.Ч., (1995).Сокровенный словарь- шастырь . Улаанбаатар. 67 стр.
8. Норжин.Ц., (1999). Словарь монгольского языка. Город Хух . 304 стр.
9. Поппе, Н. Н. Монгольский словарь “Мукаддимат Ал – Адаб”.
10. Сүхээ.Ш., (1996). Словарь пристойности. Улаанбаатар. 3стр.
11. Сэцэнцогт, (1988). Словообразовательный словарь монгольского языка. Город Хух.
12. Толковый словарь монгольского языка. (С-Я). (2016). Улаанбаатар. 968 стр.
13. Шагж, С. (1973). Грамматический словарь монгольских букв.

L.Erdenechimeg, S.Amarjargal
Mongolian State University of Education,

THE SIGNIFICANCE OF THE WORDS "ERDEM-KNOWLEDGE", CULTURE AND APPLICATION

The paper intends to prove how ancient Mongolians had understood and perceived the meanings, cultural expressions, and usage of the concept ‘genuine wisdom’ and how the meanings have been changed at present time while presenting the results of the two studies. The studies mainly discuss that the meaning of ‘genuine wisdom’ can be interpreted as (1) a method of accomplishment such as ‘to read the sky motions’, ‘to describe animal behaviors’, ‘to form a child into a man’; (2) as heart – ‘intension to adhere or follow the rules and procedures’ (Guchin Zurgat, 2005:332), and ‘compassion, love, good temper, peacefulness’; and finally (3) an indicator of morality – a set of best qualities of humans’.

‘35 wisdoms of a king’, ‘15 wisdoms of a queen’, ‘9 wisdoms of a knight’ and ‘5 wisdoms of a monk’.

Knowledge, proverbs, a person with knowledge

УДК 811.111-26:821.111

E. Lifshits

Saint Petersburg State University

kitty-95@mail.ru

THE STORM BY D. DEFOE: JOURNALISM OR LITERATURE, TRUTH OR FICTION

In this article, the work of D. Defoe, usually studied from historical or meteorological points of view, is analyzed from linguistic positions, including V. Humboldt's theory of the national spirit and linguocultural approach within the framework of cognitive linguistics, which regard language as a means of access to the conceptosphere of the nation. The language features of the Defoe's book and their intermediation by the author's cultural and social affiliation are analyzed with the help of the apparatus of cognitive linguistics, which allowed us to reveal some unusual genre features of the work and to show its innovative method of forming the British natural and climatic concept as a unit of the national consciousness.

Cognitive linguistics, text linguistics, conceptosphere, British national consciousness, linguocultural approach, journalistic text, Daniel Defoe, the Great Storm of 1703

The storm by Daniel Defoe is almost forgotten now and has not even been translated into Russian. It is usually mainly interested us because it represents a detailed description of a powerful natural cataclysm of 1703. In this article, we try to look at this book from a different point of view. We try to see how much The Storm fulfills the promises made by its author in the preface, to what extent we can regard this great novel as true to the facts or false, as a journalistic work or fiction writing.

In the work we will rely, first of all, on the theory of the national spirit of the German philosopher W. Humboldt, who wrote about the internal language form as a feature of the worldview of a particular nation [2, p. 303]. According to Humboldt the inner language form is a means of expressing the national spirit. We will also adhere to the positions of cognitive linguistics studying complex relationships language and thinking and treating language as a cognitive mechanism playing a role in coding and transforming information [3, p. 53-55].

We will examine the British national concept of weather in the light of the linguocultural approach of cognitive linguistics, which explores linguistic units of concepts as elements of national linguoculture in their relation to national values and peculiarities of this culture and goes in the direction “from language to culture” [1, p. 6].

The Great Storm of 1703 and Daniel Defoe's works have a deep connection. Not only did this powerful natural cataclysm change the British life drastically, but it also became

the beginning of the most “truthful” storyteller in British literature. It is so despite the fact that Defoe’s “true” stories are not literally truthful: many Defoe’s contemporaries and modern journalists and historians accuse the Defoe’s book of being biased, untruthful and even claim that most of his “true eyewitness accounts” were written by himself [8, p. 67-68]. But our point of view is that these eyewitness stories even edited and changed by Defoe are absolutely honest and always globally true. In this paper we try to prove it.

The book consists of letters sent by eye-witnesses from all over England - from sailors, clergymen, gentlemen, ‘honest countrymen’, an apothecary and others, caught by the storm throughout the England. Defoe selected, excerpted, and put in the book about 60 eyewitness’s accounts from around England. He shows heroism, self-sacrifice and generosity as well as cowardice, selfishness and inhumanity of people caught by the storm and even some comical moments. As a good reporter, in his writing Defoe use impressive features of drama and human-interest stories. For example, one story tells of a chimney that crashed through a house and buried a maid or about a noble man not rescue sailors stranded on a sandbar. To impress the readers Defoe also use a force of laughter power of anecdotes: one tale in the book is about a captain of a leaky ship who tried to escape his fate by committing suicide but it failed because his vessel survived. Collecting observations of different genres and from different other eyewitnesses’ accounts was Defoe's real innovation. At the time of Defoe’s writing journalism in Britain as well as in the world was in its infancy, and full and objective reporting on contemporary events was absent.

The more innovative was the method of Defoe’s collecting and constructing of the data. He went to newspaper ads asking readers to submit stories about the storm and then based his literary work on the multiple eyewitnesses’ account. It was an original and promising trick and it was a beginning not only of the British devoting to the weather but also to a new British journalistic. Due to the Defoe innovation, his book might be called the world's first instant book [7, p. 6]. So in the end, this detailed account of what happened during the week-long storm in London was the first step to a world modern journalism genre.

In the preface, the author states that he did not change a word in the sent texts and that everything he wrote in the book was the most accurate truth. He promises that he had “not Arrogance enough to attempt a Correction either of the Sense or Stile”, and if he “had gone about it, should have injur’d [sic] both Author and Reader”. He promises “to keep close to the Truth”, and that all the letters “come dressed in their own Words” [5, p. 8].

Really Defoe seems in every possible way to have masterfully edited, organized and arranged the letters to suit them for his aims. He may have even written some of them himself. He seems to have done people’s letters to present the main gist for his own stance on the event.

However, his “untrue” editing did not affect the main Truth of his work that he promised to keep intact – historical and spiritual one. In our opinion, Defoe's “inventions” actually only revealed the historical truth more clearly. With the help of his journalistic fantasy talent, he made it stronger and more impressive by arranging the eyewitnesses’ letters to be more impressive, readable and colorful. The “untruth” was that he may have rewritten the stories to be more understandable to his target auditory. As the journalist and Defoe’s biographer Richard West wrote, the writer “excelled in the art of telling a story” [10, p. 35].

Defoe helped an ordinary person to be part of history and made the history available to anyone. His text was both journalism and a novel; he was trying the pioneer-journalism method to influence readers that often did not involve concise truth-telling. The fact is that Defoe not only combined the stories of eyewitnesses and not only embellished them. He jointed them under the main concept of a new era brought by the storm. He made the storm a symbol of a coup, a revolution in the era, technologies and people's consciousness. So, the Storm is not a novel in fact but it is also not only a collection of eyewitness accounts. Defoe described the British society of the era in the grip of the great natural catastrophic event: he could act upon the fact that people all over Britain were affected by the storm not only physically but also socially and spiritually. He could found that the Great Storm influenced the British both physically and spiritually. He could capture this influence to create a turning point for British literature and national identity. As Ellison wrote [6, p. 91], Defoe could to build, 'a collective memory of the event' by drawing together 'multiple narratives of personal suffering' [6, p. 107].

That is why his edited stories are really true. Russian researcher Dmitry Urnov wrote that Defoe, as a writer, considered art to be "more truthful than the truth" [4, p. 10]. Defoe was a master of plausible fiction. In *The Storm* he did not give just stories of people, but combined them with logic of actions, without which the stories would not be so convincing. His art pursued a noble goal: he edited not the essence, but only the styles or details uniting all the works with an overall line that made the book to be even more truthful.

It is more important that Defoe collected the letters, extracted the ideas and rearranged them in such a way that would support his cause. It was to shock the world, to impress it in a greatest way by the events. It seems that stating that his aim was to present an accurate, unedited and true account of the events Defoe had yet another aim, a greater and more abstract. It was to impress people to feel unity and closeness to each other, to lighten the feeling of united nation.

The fact that it was Defoe's "lifelong agenda" to create a national identity was mentioned by the famous British journalist and writer Cynthia Wall [9, p. 36-53]. She wrote that he did it by providing various geographical and historical views on the storm expressed by city-dwellers and people from the countryside and many others. This journalistic method created the aura of credibility around his work, thus helping his main agenda – to make different people feel as one, as united nation. Not only did he try to unite people by editing the letters he received, he also tried to recreate the atmosphere of the epoch – the Enlightenment aura which came with the winds of the storm. Defoe with the help of the eyewitnesses of the storm could get the important analysis of the British social, psychological and language relations among the nation, its landscape, and its climate.

To sum up, *The Storm* is a really true detailed account of the 1703 terrible tempest although Defoe edited the collected eyewitness stories and even made up some of them. The storm by Defoe is equally a journalistic work and realistic fiction and in the both cases it is honest and truthful. Despite Defoe's altering and editing of the accounts, the historic truth not only remained intact but was greatly supported. It means that, globally speaking, he did fulfill the promises to be most truthful as possible he made in the preface. So, the Defoe book is a really true work which now can be seen as a milestone in the development of both journalism and the novel. It connected verifiable reality of journalism and invention of realist fiction literature. Although the Storm by Defoe didn't become a bestseller he found and showed a new way – a truthful one – to uncovering and constructing the British national world views, and modern linguists and especially journalists are his descendants.

LITERATURE

1. Балашова Е. Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
2. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984
3. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
4. Урнов Д. Дефо. М: Молодая гвардия, 1990.
5. Defoe D. The Storm. London: Penguin Classics, 2005.
6. Ellison K. Fatal News. Reading and Information Overload in Early 18th Century Literature. London: Routledge, 2006.
7. Miller J. Writing up the Storm // The Wall Street Journal. New York, 2011. August 13th.
8. Vickers I. Defoe and the New Sciences. London: Cambridge university press, 2003.
9. Wall C. Daniel Defoe (1660-1731): Journalism, Myth and Verisimilitude. Cambridge University Press, 2012.
10. West R. The Life and Strange Surprising Adventures of Daniel Defoe. London: HarperCollins, 1997.

Е. В. Лифшиц

Санкт-Петербургский государственный университет,
kitty-95@mail.ru

ШТОРМ Д. ДЕФО: ЖУРНАЛИСТИКА ИЛИ ЛИТЕРАТУРА, ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

В данной работе произведение Д. Дефо, обычно изучаемое с исторической или метеорологической точки зрения, анализируется с лингвистических позиций, включая теорию В. Гумбольдта о народном духе и лингвокультурный подход в рамках когнитивной лингвистики, рассматривающих язык как средство доступа к концептосфере нации. Языковые особенности книги Дефо и их опосредованность культурной и социальной принадлежностью автора проанализированы с помощью аппарата когнитивной лингвистики, что позволило выявить необычные жанровые особенности произведения и показать его новаторский метод формирования британского природно-климатического концепта как единицы национального сознания.

Когнитивная лингвистика, лингвистика текста, концептосфера, британское национальное сознание, лингвокультурологический подход, журналистский текст, Даниэль Дефо, Великий шторм 1703 года

УДК 821.161.1

Ли Хо

Южный Федеральный Университет

lihuo232355@mail.ru

СНЫ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ПО ДЕЛАМ СЛУЖБЫ» КАК ФРАГМЕНТ КАРТИНЫ МИРА ПЕРСОНАЖЕЙ

В статье анализируется представление жизненного пространства персонажа рассказа. Обращается внимание на то, что основными событиями являются события, связанные с работой и жизнью судебного следователя Лыжина. Реалии, связанные с исполнением служебных обязанностей в качестве следователя, жизнь следователя как частного лица дана через его внутренне восприятие в состоянии полусна и сна. Сновидения и его осмысление открывают читателю объемность мироощущения персонажа.

Сон, полусон, реальность, жизнь

Герой рассказа «По делам службы» судебный следователь Лыжин, приехавший с доктором Старченко расследовать самоубийство земского страхового агента Лесницкого, который застрелился от тоски, проходит через духовное перерождение. Это связано во многом со сновидениями Лыжина. Рассмотрим сны персонажа в формировании его картины мира.

В начале рассказа даётся описание времени события: время года – зима, время дня – вечер, «они долго кружили и приехали к месту не в полдень, как хотели, а только к **вечеру**, когда уже было **темно**» [2. с. 86]; «**Мороза** большого не было, но дул сильный, пронзительный **ветер** и гнал вдоль улицы облака **снега**, которые, казалось, бежали в **ужасе**» [2. с. 94]. Данная картина погоды свидетельствует о том, что писатель не только «одушевляет» картины погоды, но и знает объяснения небесных сюжетов для атмосферы текста.

Обращаем внимание на то, что при описании события, а также при толковании снов следователя Лыжина, в рассказе «По делам сл ужбы» писатель постоянно возвращает читателя к описанию метели:

«По дороге их захватила **метель**»; «длинный **вечер**, потом длинная, темная **ночь**, скука, утренний **холод** и прислушиваясь к **метели**»; «пела **метель** на чердаке»; «**метель**, **снегу** намело — **страсть**»; «У-у-у-у! — пела **метель**»; «и **метель**, и изба, и старик, и мертвое тело, лежавшее в соседней комнате»; «**ветер**, **метель**, опасность сбиться с дороги»; «над потолком и в печке **метель** шумела»; «**метель** кружила над ними»; «а мы идем в мороз, в метель, по глубокому снегу...»; «Ну, какую тут можно вывести мораль? **Метель** и больше ничего...» [2. с. 86-101]. Лыжин не выполняет свою работу вовремя (он следователь и должен присутствовать при вскрытии тела самоубийцы), ему мешает метель.

Очевидно, что в приведенных цитатах слово «метель» все время повторяется и в реальности (на дороге персонажа) и в ирреальности (во сне персонажа). У Чехова «метель» приобретает три контекстных смысла: нейтральный, субъективный – сравнительно-оценочный и третий – сюжетный, когда в небесном пространстве

разыгрываются земные трагедии или драматические сюжеты, в которых метель всегда играет активную роль.

Лыжин остановился на ночлег в земской избе, там он познакомился с местным Ильей Лошадиным, терпеливым и трудолюбивым сотским, который «всю свою жизнь, как он сам говорит, каждый день ходит от человека к человеку».

Сотский, или сотской, выборный из крестьян, низший полицейский чин в дореволюционной России. В рассказе «По делам службы» выведен забитый мужичок, сотский Лошадин, именующий себя "цоцкай". Должность эта, судя по рассказу, была незавидная [2. с. 6].

Лошадин рассказывает, как ему приходилось встречать и преодолевать тяжелые испытания. Именно общение с таким человеком, как «цоцкий», помогло широко и ясно развернуться в сознании Лыжина мысли о какой-то невидимой, но значительной связи, которая существует между всеми в этой жизни.

Было неприятно спать на кровати с подушкой и одеялом, потому что возле нее лежал труп земского страхового агента Лесницкого. *«И всё тут было нехорошо, жутко: и темные стены, и тишина, и эти калоши, и неподвижность мертвого тела»* [2. с. 86]. Лыжин чувствует себя неудобно, ему становится страшно. *«Нужно было теперь ждать до утра, ... и им представлялись длинный вечер, потом длинная, темная ночь, скука, неудобство их постелей, тараканы, утренний холод»* [2. с. 88]. Глагол «представить» обозначает воспроизвести в мыслях, вообразить. Так что такие явления, как длинный вечер, темная ночь, скука, все было в воображении персонажей, но всё это было и в жизни. Лыжин решил ночевать в черной части избы, где не было покойника. Ему казалось, что то, что происходит в соседней комнате, было далеко от него.

Спать не хотелось, но от нечего делать, герой впадает в забытье и воображает свою жизнь в будущем, и вдруг вспоминает о том, что он знал самоубийцу, даже вспомнил голос этого бедного человека. Показалось, что рядом с ним ходит мертвый человек. *«Впадая в забытье, когда уже у него стали путаться мысли, он вообразил длинные коридоры московского суда, себя, говорящего речь, своих сестер, оркестр»* [2. с. 93]. У слова «забытье» есть два значения: 1. Неполная потеря сознания, беспамятство. 2. Дремота, легкий сон, полусон. Герой находится в состоянии полусна и мысли его путаются. В этот момент сюжеты жизни перемешиваются в его голове. Лыжин грезит о Москве и считает, что причиной его подавленного состояния является пребывание в провинциальном городке: *«О, как дорого они дали бы теперь, чтобы только пройтись по Невскому или по Петровке в Москве, послушать порядочного пения, посидеть час-другой в ресторане...»* [2. с. 92]. Сам он все время мечтает о жизни в Москве, о светлой, шумной жизни среди счастливых, довольных людей. Примечательно, что герой представляет свою московскую жизнь как очень быструю, наполненную постоянными встречами, приятную.

Пришел доктор Старченко и решил взять Лыжина с собой к фон Тауницу. Дорога была темной аллеей, деревья шумели гулко, дул сильный ветер в спины. *«Тройка понесла по темной аллее, понесла быстро, и горячая пристяжная была по передку саней»* [2. с. 96].

Дом Фон Тауница, напротив, видится им как «культурная среда», где все осмысленно, объяснимо, даже *«и вдруг эти великолепные светлые комнаты, звуки рояля, красивые девушки, кудрявые дети, веселый, счастливый смех — такое*

превращение казалось ему сказочным» [2. с. 97]. Обращает на себя внимание то, что мысли героя мешаются с общими суждениями и положениями, и неслучайно в его несобственно-прямой речи использование слов с семантикой «неуверенности» и «предположительности»: *«Он полагал, что если окружающая жизнь здесь, в глуши, ему непонятна и если он не видит ее, то это значит, что ее здесь нет вовсе»* [2. с. 97].

И мысли о различии земской избы и дома Фон Тауница постепенно сменяются новыми мыслями о жизни как «организма, чудесного и разумного» и о человеке как «случайности», «отрывке».

Когда герой находится в доме Фон Тауница, ему кажется тем не менее, что он находится в земской избе, темной и холодной. Он даже задавал себе вопрос: не сон ли все это? И мечты, и надежная жизнь только появляются во сне, то есть в ирреальности. Несмотря на погоду живется здесь так тепло, чисто, удобно, но всё-таки следовательно спал беспокойно: *«Было жарко, неудобно, и ему казалось во сне, что он не в доме Тауница и не в мягкой чистой постели, а всё еще в земской избе»* [2. с. 98]. Далее ему снится нехороший, беспокойный сон.

Во сне Лыжину снятся два персонажа, которые в избе произвели на него сильное впечатление: покончивший самоубийством Лесницкий и сотский Лошадин. Они повторно участвуют в сюжете сна Лыжина: идут в поле по снегу, бок о бок, поддерживая друг друга; метель кружила над ними, ветер дул в спины, а они шли и подпевали: *«— Мы идем, мы идем, мы идем. Вы в тепле, вам светло, вам мягко, а мы идем в мороз, в метель, по глубокому снегу... Мы не знаем покоя, не знаем радостей... Мы несем на себе всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей... У-у-у! Мы идем, мы идем, мы идем...»* [2. с. 98-99].

В образе Лошадина показан человек, который мужественно выносит все тяготы жизни. Он постоянно в дороге, и Лыжину не один раз снится, как он говорит: *«Мы идем, мы идем, мы идем»*. *«Он лег и стал засыпать; и вдруг опять они идут вместе и поют: «Мы идем, мы идем, мы идем... Мы берем от жизни то, что в ней есть самого тяжелого и горького...»* [2. с. 99].

Оба героя внутренне близки: один уже «свою жизнь считают частью этого общего и понимает это», живёт по принципу «неправдой не проживешь», другой герой активно размышляет об этом и стремится к этому. Оба героя желают идти вперед и нести на себе «всю тяжесть этой жизни».

Сон персонажа прерывают звуки метели и сильного ветра. *«У-у-у-у! —пела метель. — У-у-у-у!»* [2. с. 92]. Сон персонажа дан на фоне звуков метели темной ночи, и ее кружение организует ритмику повторов мотивов в сновидении: *«Мы несем на себе всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей... У-у-у! Мы идем, мы идем, мы идем...»* [2. с. 99]. Рожденное метелью кружево из сновидения и мыслей-откровений рассыпается после утреннего пробуждения и окончания метели. *«Ну, какую тут можно вывести мораль? Метель и больше ничего...»* [2. с. 100].

Лыжин чувствует, что это самоубийство и мужицкое горе лежат на его совести. Эти люди, и Лесницкий, и Лошадин, покорные своему жребию, взвалили на себя самое тяжелое и темное в жизни. А.П. Чехов показывает, что нужно «перевернуть жизнь», пишет о необходимости для человека полной свободы от всякого насилия и неравенства, говорит о достоинстве человека. Он видит во сне чужие жизни, жизни тяжелые, одна из которых уже закончилась самоубийством. Свою жизнь он при этом представляет совсем другой.

В рассказе показано, что герой должен выполнять свои обязанности, должен думать о других людях, помогать им, жить по правде. А.П. Чехов в рассказе так и написал: «*Лыжин уедет рано или поздно опять в Москву, а этот старик останется здесь навсегда и будет всё ходить и ходить*» [2. с. 92]. Мы понимаем, что хотя герой хочет помогать бедным людям, у которых в жизни трудности и невзгоды, старается избежать равнодушия, непротivления злу, но на самом деле ничего не изменяет.

Рассказы Чехова, по словам Горького, возбуждали «отвращение к этой сонной, полумертвой жизни», лечили читателей от нравственной слабости, пассивности, звали к поискам истинно человеческой и прекрасной жизни. Сновидения как события в рассказе А.П. Чехова связаны с реальной жизнью персонажа, они представляют его прошлую, настоящую жизнь, даже будущую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. — М., 1974.
2. Чехов А. П. По делам службы // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1982. Т. 10. [Рассказы, повести], 1898—1903. — М.: Наука, 1977. — С. 86—101.

Li huo

Southern Federal University
lihuo232355@mail.ru

DREAMS IN THE STORY A.P. CHEKHOV "ON OFFICIAL BUSINESS" AS A FRAGMENT OF THE PICTURE OF THE CHARACTERS WORLD

In the article the performance of the life space of the character in the story is analyzed. The attention of the article is drawn to the fact that the main events are the ones connected with the work and life of the examining magistrate Lyzhin. Realities related to the performance of official duties as a magistrate, the life of the magistrate as a private person is given through his internal perception in the state of half-sleep and dream. His dreaming and thinking open up the three-dimensional nature of the character's worldview for the reader.

Dream, half-sleep, reality, life

УДК 811.

Е. О. Матвеева

Московский филиал Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
elena8056@icloud.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ МЕДИАТЕКСТА: СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена специфике развития новой отрасли языкознания - лингвокультурологии медиатекста. В информационном обществе медиатексты разного рода оказывают весьма значительное влияние на формирование языковой личности, лингвистическую культуру общества и характер повседневной коммуникации. Особое внимание уделяется актуальным задачам лингвокультурологии медиатекста. В статье рассматриваются и перспективные направления лингвокультурологии медиатекста.

Лингвокультурология, языкознание, медиатекст, коммуникация, культура, текст

Начало нового столетия ознаменовано динамичным развитием лингвокультурологии, методология которой позволяет успешно сопрягать научные представления о неразрывной связи языка и культуры, двух важнейших социально-психологических феноменах, определяющих жизнь человека. Язык и культура, оперативно фиксируя социальные изменения, выстраивают алгоритм взаимодействия человека с миром, позволяя благополучно адаптироваться в различной обстановке, успешно осваивая ролевые модели коммуникации.

В наше время внимание лингвокультурологов закономерно обращено на медиатексты: газетная и журнальная публицистика, тексты, звучащие на радио и телевидении, рекламные и PR-послания, тексты сети Интернет оказывают сегодня значительное влияние на возникновение стандартов коммуникации и формирование языковой личности. Т.Г. Добросклонская, рассматривая специфику современных медиатекстов, справедливо отмечает: "Важнейшей составляющей мирового информационного пространства является его лингвокультурный компонент, значение которого трудно переоценить, поскольку любая словесно выраженная информация является воплощением определённого языка и культуры. Понимаемая как ареал распространения того или иного языка и культуры в мировом медиаландшафте, концепция лингвокультурного пространства позволяет продемонстрировать практическое несовпадение территориальных государственных границ с границами информационных сфер влияния" [2, с. 9].

Большинство медиатекстов связано с массовой культурой, они транслируют наиболее распространённые стереотипы, психологические аспекты восприятия окружающей действительности, стиль общения, характерный для определенных социальных слоёв. Выделим далее ключевые черты медиатекстов, значимые для понимания их как языкового, культурного и социально- психологического феномена:

-короткий срок жизни: медиатекст актуален лишь во время освещения конкретного информационного повода, либо в период рекламной кампании;

-определённая шаблонность текстов, обусловленная традициями коммуникации или спецификой рекламной кампании;

-высокая суггестивность, иначе говоря, значительный внушающий потенциал послания. Например, любая реклама по своей психологической сути суггестивна, она призвана алгоритмизировать поведение адресата;

-доминирование в ряде случаев утилитарных целей и задач над художественно-эстетическими и культурными;

-частое обращение к прецедентным текстам, к феномену языковой и культурной прецедентности: многие медиатексты вполне успешно воспроизводят разнообразные архетипические представления, мифологемы, бродячие сюжеты, бытующие в мировой культуре;

-широкое использование приемов языковой игры, способствующей эмоционализации восприятия информации.

Массовая распространенность медиатекстов в информационном обществе, их безусловное влияние на формирование языковой личности нашего современника привели к выделению в рамках уже существующей отрасли языкознания – лингвокультурологии – нового направления исследований – лингвокультурологии медиатекста, сопрягающей представления о языке средств массовой информации и культуре. Лингвокультурология медиатекста возникла как рефлексия, как попытка понять специфику влияния культуры, прежде всего культуры массовой, общедоступной, на стиль современных медиа – и шире – на коммуникацию общества.

Разумеется, для новой отрасли языкознания важнейшим остаётся вопрос о характере и специфике влияния культуры на язык. Тезис Г.О. Винокура о том, что "всякий языковед, изучающий язык, непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык" [1, с. 241], подтверждается современными исследованиями медиатекстов.

Обозначим ключевые задачи лингвокультурологии медиатекста:

-рассмотрение влияния средств массовой информации на актуальную динамику языковых процессов;

-анализ медиатекста как основной единицы средств массовой информации;

-описание лингвомедийных свойств основных типов медиатекстов;

-анализ информационного поля медийной языковой личности;

-рассмотрение особенностей восприятия медиатекстов различными целевыми аудиториями;

-анализ взаимосвязи медиатекста с массовой культурой;

-рассмотрение семиотической специфики медиатекстов.

Последняя задача, непосредственно связанная с трансляцией культурного кода, является одним из перспективных направлений изучения медиатекстов. Анализируя взаимосвязь языка и культуры, В.А. Маслова подчеркивает: "Язык и культура - это движение в одну сторону. Хотя находятся они в сложных взаимоотношениях. Поскольку язык отображает мир, а культура есть неотъемлемый компонент этого мира, то язык - зеркало культуры. Но с другой стороны, он в значительной степени детерминирует культуру, ибо в процессе своего существования формирует культурные коды- слова, фразеологические единства, позволяющие видеть и отражать в текстах культуры мир в особом свете... Таким образом, с одной стороны, культура зависит от языка, а другой, влияет на него" [4, с. 147].

Исследование семиотической составляющей медиатекстов весьма привлекательно для представителей разных отраслей гуманитарного знания: культурологов, психологов, но в первую очередь, конечно, для лингвистов. Нет сомнений в том, что семиотический код, характерный для данного исторического периода, во многом определяет специфику коммуникации, способствуя появлению ее новых моделей, становясь отправной точкой формирования языковой культуры социума. По стилю периодической печати, заголовкам и содержанию журналистских материалов практически каждый человек, даже не будучи сотрудником средств массовой информации, способен понять, к какой исторической эпохе относится данный текст. Е.А. Покровская видит несомненную связь между семиотикой медиатекста и особенностями культуры: "Одним из внешних факторов, определяющих тенденции языка эпохи, является ее культура, ее доминирующая культурная парадигма" [5, с. 6].

Не стоит доказывать, что семиотическая сторона восприятия информации тесно связана со знанием устойчивых фраз, отражающих ментальные и психологические особенности народа. Большое значение для исследования специфики актуализации устойчивых фраз в медиатексте имеет положение о пространстве культурных смыслов, обоснованное в работах М.Л. Ковшовой, подчёркивающей: "Культура понимается как пространство культурных смыслов или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания, и кодов, или вторичных знаковых систем, в которых используются различные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов... Одним из универсальных базовых кодов является язык и поэтому в естественном языке культура находит знаки для воплощения своих смыслов, имеющих ценностное содержание" [3, с. 70].

Изучение актуализации идиом в медиатекстах проводится сегодня в следующих направлениях:

- рассмотрение художественно- эстетического потенциала устойчивых фраз, возможности передачи ими идеи медиасообщения;
- рассмотрения восприятия идиом различными целевыми аудиториями медиатекста;
- анализ возможности использовать идиом для создания эффекта языковой игры в текстах СМИ;
- анализ использования устойчивых фраз для достижения прагматических целей коммуникации.

Ещё одно перспективное направление изучения медиатекстов связано с их влиянием на коммуникацию отдельных социальных групп, конкретных целевых аудиторий, для которых работают журналисты и копирайтеры . Например, весьма важной представляется проблема влияния языка СМИ на культуру речи и коммуникацию студенческой молодёжи. В 2015-2017 годах в Московском государственном институте культуры проводилось исследование "Медиатекст как фактор формирования сленга студенческой молодёжи", в процессе которого было установлено, что студенты не только с удовольствием воспринимает разнообразные сленговые слова, особенно, если они появляются в сети Интернет, но и часто воспроизводят их в своей речи, а студенты, обучающиеся по специальностям "Журналистика", "Реклама и связи с общественностью", сами активно создают медийный сленг.

Довольно перспективное направление лингвокультурологии медиатекста – изучение суггестивного эффекта массовой коммуникации. Суггестивный эффект более всего присущ рекламным посланиям: суггестия в рекламе обусловлена прагматическими целями данного вида текстов: за короткое время реклама должна выполнить сложную задачу: алгоритмизировав поведение потребителя, внушить ему необходимость совершить покупку или стать участником социальной акции. Отсюда значительное количество суггестивных приемов в рекламе. Весьма популярен в рекламных текстах прямой призыв, выраженный глаголом в повелительном наклонении. Почти каждое продающее послание призывает или пытается убедить нас: "Звоните немедленно!", "Покупайте прямо сейчас!", "Не упускайте свою очевидную выгоду!"

В качестве суггестивного приёма взаимодействия с адресатом часто используется пресуппозиция – аргумент, затрудняющий отказ от рекламного предложения, снижающий критичность восприятия информации. Среди таких приемов ссыла на авторитетное мнение, отзывы благодарных клиентов, обращение к данным научных исследований. Реализация последнего приёма характеризуется использованием большого количества специальных терминов из различных отраслей науки. Например, "коэнзимы", "триклозан", "кислородный эффект", "наноэффекторы". Научная лексика в рекламных текстах эмоционализирует восприятие адресата, подчеркивает весомость информации, повышает самооценку целевой аудитории.

Значительная распространённость медиатекста в современном российском обществе, их существенное влияние на культуру, а также появление новых средств массовой информации создают благоприятные предпосылки для развития лингвокультурологии медиатекста в ближайшее десятилетие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. Русский язык: исторический очерк // Избранные работы по русскому языку.- М.: Учпедгиз,1959. - С. 5-25.
2. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации. - М.: КДУ, 2015. - 116 с.
3. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры.- М.: ЛЕНАНД, 2016. - 456 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология.- М.: Академия, 2001. - 202 с.
5. Покровская Е.А. Динамика русского синтаксиса в 20 веке: лингвокультурологический анализ: Автореферат на соискание учёной степени доктора филологических наук. Ростов-на-Дону.: РГУ,2001.- 42 с.

E. O. Matveeva

Moscow branch of St. Petersburg humanitarian University of trade unions.

CULTURAL LINGUISTICS OF THE MASS MEDIA: STATUS AND PERSPECTIVES

The article is devoted to the specifics of the development of a new branch of linguistics - the linguistics of the mass media. In the information society media texts of different kinds have a very significant impact on the formation of linguistic personality,

linguistic culture of the society and the nature of everyday communication. Special attention is paid to the actual problems of linguoculturology of media text. The article discusses and future directions of cultural studies of the media text.

Linguocultural studies, linguistics, media, communication, culture, text.

УДК 808.1

Н. В. Меркулова

*Воронежский государственный технический университет,
ndvv@mail.ru*

А. С. Кванина

*Воронежский государственный технический университет,
al.kvanina@yandex.ru*

РОЛЬ И ФУНКЦИИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ДЕТАЛИ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ»

В результате исследования индивидуально-авторской специфики использования ономастических деталей в рассказе А. П. Чехова «Толстый и тонкий» выявляются основные идейные векторы, заложенные автором произведения. Детальный анализ художественного текста позволяет рассмотреть описываемых в нем событий в качестве реальной обобщенной картины жизни России конца XIX столетия. Изучение роли и функций ономастических деталей в пространстве текста классического художественного произведения способствует адекватному восприятию смысловой составляющей в диахроническом аспекте.

Ономастическая деталь, антитеза, оним, художественный текст, интерпретация, Чехов

В процессе интерпретации художественного текста классического произведения одним из основных направлений выступает раскрытие смыслового содержания посредством анализа эстетических онимов в аспекте присущего им эффекта синергии [4; 11]. К основным задачам относится выявление роли и функций ономастических деталей в процессе анализа художественного текста с учетом семантических, символических, идеологических, историко-культурных, социально-философских и пр. коннотаций, что приобретает особую значимость и иллюстративность на примере текста рассказа А. П. Чехова «Толстый и тонкий».

Антон Павлович Чехов – признанный во всем мире классик русской литературы, автор многочисленных рассказов, повестей, пьес, характеризующихся индивидуально-авторской особенностью выражения тончайших психологических оттенков человеческих взаимоотношений посредством мельчайших деталей и нюансов (в частности, в подборе ономастических единиц), которые могут показаться, на первый взгляд, совсем незначительными. Однако в ходе филологической интерпретации выявляется их особая значимость как ключевых элементов в раскрытии характера того или иного персонажа, причем ономастическая деталь

приобретает статус эффективного средства выразительности художественного образа [3; 12], что четко прослеживается на примере рассказа А. П. Чехова «Толстый и тонкий».

Название произведения как главный оним построено на стилистическом приеме антитезы, что в некотором роде может быть истолковано в качестве заявки автора на идейную генерализацию [5; 10]: противопоставление неких еще не известных героев по физическому признаку (толщина), при этом читатель пока не знает, о ком конкретно пойдет речь в рассказе.

Начало рассказа по стилю напоминает сказочный зачин: *«На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля...»* [9]. Однако само название данной железной дороги: Николаевская, – представляет собой реальный оним, что придает правдоподобия событию, которое вполне могло иметь место в действительности того времени. Чеховские герои сталкиваются на вокзале, то есть случайно, причем автор намеренно не называет своих героев сразу по именам, т.к. в данном контексте прием нулевой онимизации более эффективен с точки зрения придания реалистичности повествованию. Персонаж, именуемый «толстым», заведомо позиционируется как более богатый, успешный, довольный жизнью: *«Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем»* [9]. В тексте очевидно прорисовывается, что на вокзале продукты питания и напитки (как и прочие товары) продаются всегда с большой наценкой, а полноценный обед в привокзальном ресторане, дополненный дорогим хересом, представляется как своего рода непозволительная роскошь. Подобные штрихи в описании образа («херес», «флер-д'оранж» [9]) явно указывают на немалый достаток господина, на его сытость и удовлетворенность жизнью, благодное, приятное расположение духа. В описании персонажа «тонкого» дается контрастная картинка: *«Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей»* [9]. Особо следует отметить, что в описании данного героя А. П. Чехов употребляет слово «навьючен» [9], более уместное по отношению к верблюду (тягловому животному), а не к человеку. Применение стилистического приема градации (ряд однородных членов: «чемоданами, узлами и картонками» [9]) не просто показывает огромное количество имеющейся поклажи, но и свидетельствует о довольно жесткой ограниченности персонажа в средствах (отсутствие денег даже на носильщика, употребление более дешевых продуктов питания домашнего приготовления: «ветчина», «кофейная гуща» [9]).

Дополнительным нюансом, раскрывающим характер персонажа, а именно: присущую ему приниженность, – выступает тот штрих, что его жена и сын идут налегке, в то время как тонкий надывается. Помимо того, изображение «длинного подбородка» [9] жены явно показывает, кто главенствует в данной семье: чтобы подбородок женщины казался таковым, она должна идти высоко задрав голову, т.е. смотря на всех вокруг (и на своего мужа в частности) свысока. К тому же сын – «высокий гимназист с прищуренным глазом» [9] – также смотрит на всех сверху вниз, при этом оценивая окружающую обстановку с позиции собственной выгоды.

При встрече первым тонкого замечает не обремененный тягостными мыслями и заботами толстый: тонкий не мог смотреть по сторонам, так как был нагружен вещами и вынужден был, скорее, смотреть под ноги. Изначально приятели по-настоящему рады неожиданной встрече, причем А. П. Чехов сознательно применяет

в описании момента возвышенную лексику: «воскликнул», «изумился», «облобызались», «ошеломлены» [9], чтобы подчеркнуть искренние приятные чувства друзей детства.

Именно в момент встречи раскрываются имена всех героев, причем с возможными дополнительными коннотациями: Миша (толстый) и Порфирий (тонкий). Заметим, что для творчества А. П. Чехова весьма характерно использование так называемых «говорящих» имен, имеющих явное значение (к примеру, в фамилиях с ясной семантикой: дьячок *Вонмигласов* и фельдшер *Курятин* в рассказе «Хирургия» и пр.), либо содержащих некие скрытые аллюзии, как в данном произведении. Так, обращаясь к специальной литературе [7], можно проследить этимологию и возможные коннотации личного имени *Михаил*: данное имя придаёт его носителю два противоположных свойства: подобно медведю, он может быть медлительным и выглядеть добродушным увальнем («душонок и щеголь» [9]), но в ярости он стремительный и опасный хищник. Заметим, что подобное понимание онима вполне объясняет отчасти резкий поворот в настроении толстого: от безмятежного благодушия и радости - к гневу и презрению. Личное имя *Порфирий* также является отражением характера и внутренней сущности персонажа тонкого [8]: он аккуратен, импозантен, любит всё делать своим руками, изобретателен (отсюда – «портсигары приватно из дерева делаю» [9]).

Герои А. П. Чехова также вспоминают прозвища, которые носили в детстве: *Геростратом* прозвали толстого за то, что «казенную книжку папироской прожег» [9]: от др.-греч. *Ἡρόστρατος* — молодой житель Эфеса, который сжёг храм Артемиды в своём родном городе 21 июля 356 года до н. э. для того, чтобы ... его имя помнили потомки. [1]. *Эфиальтом* звали тонкого за то, что «ябедничать любил» [9]: от др.-греч. *Εφιάλτης* — мелиец, изменнически указавший персам обход в Фермопильском ущелье, вследствие чего Леонид со своими спартанцами погиб, окруженный с двух сторон неприятелем [1].

Примечательно, что имя персонажа тонкого *Порфирий* в святцах восходит к мученику Порфирию, который родился от внебрачной связи римского императора Флавия и его любовницы Елены; отец не признавал в нем сына; хорошее образование Порфирий получил благодаря матери [2]. Данный оним содержит явный намек на то, что с детства тонкий рос без мужской опеки, исключительно под женским влиянием матери (отсюда осуждаемая, явно не мужская черта – «ябедничать» [9]).

Как важная ономастическая деталь, дополняющая характеристику центрального образа тонкого, выступают имена его жены и сына. Так, оним *Нафанаил* в переводе с древнеевр. имени נְתַנְיָאֵל (*Нетаньель*) «Бог дал» [6], что явственно свидетельствует о том, что сын - избалованный папин любимчик.

С образом гимназиста *Нафани* связано немало говорящих деталей: вначале он «немного подумал» [9], стоит ли толстый того, чтобы его приветствовать (по его мнению, друг детства отца, скорее всего, такой же неудачник, ничего не добившийся в жизни) и только потом «снял шапку» [9]. А когда услышал, как друзей «дразнили» в гимназии, и вовсе «спрятался за спину отца» [9]. Но когда гимназист понял, что перед ним важный чиновник, он «вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира», и даже «шаркнул ногой и уронил фуражку» [9].

Весьма примечателен тот факт, что в процессе диалога говорит все время тонкий, рассказывая о себе, о своей жизни. Своеобразным рефреном трижды в разговоре повторяется фраза: «Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах...

лютеранка...»; «А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка...»; «жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...» [9]. Персонаж Порфирия акцентирует внимание собеседника на данной ономастической детали, хвастаясь дворянским происхождением жены-немки. С большой долей вероятности можно предположить, что сам герой по социальному происхождению из мещан, так как он хвалится, что служит «*коллежским ассессором*» [9], т.е. имеет чин, дающий право на личное дворянство. Будучи человеком в возрасте, данный чин он мог получить в виде поощрения за многолетнюю службу, также как за служебное рвение «*сюда переведен столоначальником*» [9], то есть руководителем низшего структурного звена в государственном учреждении, хотя на такую должность обычно ставили чиновников не 8-го, а 7-го разряда (надворных советников).

У персонажа толстого в диалоге всего 4 короткие реплики, лишь в одной из которых он рассказывает о себе: «*Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею*» [9]. Данная реплика и становится поворотной в диалоге: тонкий «окаменел», «*съезжился, сгорбился, сузился...*», даже его вещи «*съезжились, поморщились...*» [9].

С точки зрения трансформации ономастических употреблений, дружеское обращение «*Миша!*» превращается в подобострастное «*ваше превосходительство*», панибратское «*ты*» заменяется на «*вы-с*» [9]. Естественное общение сменилось насквозь фальшивым чинопочитанием: «*лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой*»; «*Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги...*» [9].

Напротив, персонаж толстого, который был искренне рад встрече с одноклассником, испытывает острое недовольство от подобной смены тона общения: «*Мы с тобой друзья детства - и к чему тут это чинопочитание!*» [9]. Но в отношении тонкого к своему более удачливому бывшему товарищу проступило «*столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило*» [9], вызвав чувство брезгливости и презрения.

Проявляя благородство, «*Толстый хотел было возразить что-то... Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку*», но «*Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал...*» [9], - данная сцена призвана подвести некий итог жизни этих двух человек, и весьма примечателен отказ автора от упоминания личных имен персонажей как символ генерализации художественных образов, являющихся возможным олицетворением реальных обывателей.

Таким образом, употребление главных (заявленных в заглавии рассказа) субститутов личных имен собственных воспринимается как индивидуально-авторский стилистический прием, способствующий созданию комического эффекта - высмеивания подобного типа поведения людей в реальной действительности.

В результате изучения ономастических деталей на примере рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий» становится очевидной значительная роль, отведенная онимам в раскрытии замысла автора. При этом у писателя не существует неконнотирующих, второстепенных аспектов в семантике ономастических единиц: каждая ономастическая деталь в рассказе, исходно наделенная неким подтекстом, обладает функцией характеристики, реализующейся на том или ином этапе развертывания повествования (при этом реплики, жесты, предметы и пр. служат подспорьем для активации значений имен собственных и их связей с художественным образом).

Наряду с этим, художественный текст классического произведения А. П. Чехова требует глубокой филологической проработки с целью адекватной интерпретации заложенных автором смысловых векторов (в частности, раскрытие смысловой нагрузки, заложенной в семантике личных, фамильных и прозвищных имен персонажей). Тем не менее, скрупулезный анализ каждой отдельной ономастической единицы и их совокупности позволяет генерализацию характерных черт художественных образов, находящих свое обобщенное именование в главном ониме произведения – его названии «Толстый и тонкий», что позволяет рассматривать описываемые в рассказе А. П. Чехова события как реальную обобщенную картину России конца XIX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой Энциклопедический словарь — Академик URL: dic.academic.ru» копия dic.academic.ru
2. Значение имени URL: bazaimen.ru/znachenie-imeni.php?...
3. Меркулова Н.В. Процесс создания эстетической онимии как средство выразительности художественных образов (на материале романа Г. Флобера «Госпожа Бовари») // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Воронеж, 2016. Вып. 1 (29).
4. Меркулова Н.В. Синергический эффект эстетической ономастики в ониматургии французского романа // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Воронеж, 2017. Вып. 1 (33).
5. Меркулова Н.В. Французская эстетическая ономастика в экзистенциальном видении мира (на материале романа А. Камю «Посторонний») // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Воронеж, 2014. Вып. 3 (23).
6. Переводы имени URL: kurufin.ru/html/Translate/kir.html
7. Флоренский П.А. Имена. URL: <http://lib.rin.ru>
8. Хигир Б. Полная энциклопедия имен: Мужские имена. М., 2003. URL: <http://netler.ru/slovari/onomasticon.htm>
9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 2. [Рассказы, юморески], 1883–1984. М.: Наука, 1975.
10. Merkulova N.V. French Aesthetic Onomastics in the Existential View of the World (on the material of the novel «the Stranger» by A. Camus) // Scientific Newsletter. Series: Modern linguistic and methodical-and-didactic research. Voronezh, 2014. Vyp. 3 (6).
11. Merkulova N.V. Synergic Effect of Aesthetic Onomastics in the Onomaturgy of the French Novel // Scientific Newsletter. Series: Modern linguistic and methodical-and-didactic research. Voronezh, 2017. Vyp. 1 (16).
12. Merkulova N.V. The Process of Aesthetic Onymy Invention as a Means of Art Images Expressiveness (based on the novel «Madame Bovary» by G. Flaubert) // Scientific Newsletter. Series: Modern linguistic and methodical-and-didactic research. Voronezh, 2016. Vyp. 1 (12).

N. V. Merkulova

Voronezh State Technical University,
ndvv@mail.ru

A. S. Kvanina

Voronezh State Technical University,
al.kvanina@yandex.ru

THE ROLE AND THE FUNCTIONS OF THE ONOMASTIC DETAIL IN THE STORY «FAT AND THIN» BY A. P. CHEKHOV

As a result of the study of the individual author's specificity of using onomastic details in the story «Fat and Thin» by A. P. Chekhov, the main ideological vectors laid down by the author of the work are revealed. A detailed analysis of the artistic text allows us to consider the events described in it as a real generalized picture of the life of Russia at the end of the nineteenth century. The study of the role and the functions of onomastic details in the space of the classical artwork text contributed to an adequate perception of the semantic component in the diachronic aspect.

Onomastic detail, antithesis, onym, art text, interpretation, Chekhov

УДК 811.133.1

Е. А. Невежина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Liza031190@rambler.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕГИОНАХ ФРАНКОФОНИИ: БЕЛЬГИЯ И О. МАРТИНИКА

Культурные процессы, проходящие в современном мире, характеризуются не одной лишь глобализацией. Всё сильнее проявляется тенденция к «реабилитации» локальных культур и идентичностей и подчеркиванию местных особенностей речи. Среди говорящих возникла потребность самовыражения, самоидентификации, обращения к коллективной памяти народа из-за угрозы потери идентичности. На примере разных франкоязычных регионов (Бельгия, о. Мартиника) изучается проблема идентичности, способов ее защиты в контексте развития вариантов французского языка. Рассматриваемые регионы характеризуются полилингвизмом с многовековой историей.

Эпилингвистический дискурс, языковая уверенность/неуверенность, идентичность, французский язык

Материалом исследования стали результаты социолингвистических анкетирований. Проведённый анализ подтвердил взаимосвязь между эпилингвистическим дискурсом, т.е. речью говорящих о языке, языковых установках сообществ и динамикой происходящих в них культурных и языковых процессов. Так,

жители Мартиники убеждены, что креольский язык нуждается в защите, с которым они связывают свою идентичность. Французский язык в школах преподается по европейским учебникам, что вызывает у школьников чувство «чужестранца на родине». В Бельгии остро стоит вопрос об утрате национальной идентичности и социокультурной стабильности. Значимую роль в укреплении идентичности играют историческая память сообщества, связи с культурно-языковым центром и культурная и языковая политика региона, сохранение того компонента, которые говорящие связывают со своей идентичностью, т.е. языка.

Франкоязычная Бельгия: Валлония и Брюссель

Языковая ситуация в Бельгии характеризуется сосуществованием нескольких языков: на официальном уровне их три – французский (на нем говорит 41% населения), нидерландский (58%) и немецкий (менее 1%). Но важную роль в изучаемом ареале играет валлонский диалект, и языковая политика французского сообщества нацелена на 1) развитие французского языка (с сохранением его особенностей на территории королевства), 2) сохранение валлонского диалекта как культурного наследия.

Бельгия – относительно молодое королевство, получившее независимость в 1830 году. Франкобельгийцы пограничных ареалов Валлонии и Брюсселя находятся на пересечении языков и культур, им характерны чувство языковой и даже культурной неуверенности, т.е. чувство уязвимости, колебание в выборе выражений в речи, потеря опоры в осознании своей идентичности.

В связи с тем, что французский язык Валлонии и Брюсселе отличается от референтного французского языка Парижа, восприятие говорящими своего языка, особенно в разговоре с французами, меняется и имеет различные проявления. М.-Л. Моро, А. Бришар, К. Дюпаль считают, что есть три ресурса, которые «подпитывают» языковые представления франкофонов Бельгии [5]:

1) нормативные инстанции: грамматики, академии, языковые временники, школы и т.д. – металингвистические представления о языке, представления о норме и ее «отклонениях» за границами Франции;

2) окружающая языковая культура (формирование мнения о языковом многообразии, о разговорном французском самих французов, среди молодежи, рабочих, жителей Брюсселя, в СМИ и т.д.). Именно благодаря этому ресурсу зарождаются так называемые «бельгицизмы», условный термин, который обозначает языковые инновации или архаизмы, которые характерны для бельгийского французского. Выбор речевых единиц может быть обусловлен обществом, уровнем образования, стилем речи и т.д.;

3) личный опыт, соотношения между вариантами и узусами.

В своем эпилингвистическом дискурсе франкобельгийцы могут отзываться как положительно, так и отрицательно о своей речи. Высказываясь о своей манере говорить негативно, демонстрируя дискомфорт в использовании французского языка, говорящий создает тем самым отрицательный имидж варианта французского языка на своей территории. Для публичных людей в Бельгии характерны громкие высказывания по поводу отсутствия бельгийской идентичности, но, как правило, это объясняется рекламой своей персоны.

Повышенное внимание к изменениям в языке приводит носителей французского языка в Бельгии к двум последствиям: комплексу неполноценности или намеренному сохранению особенностей для маркирования собственной

идентичности. Первый фактор влечет за собой восприятие небельгийцами французского языка на территории Бельгии как языка некорректного, или «экзотического».

В 2015 году было проведено социолингвистическое исследование среди 80 франкобельгийцев из 33 городов франкоязычной части Бельгии [1]. В рамках анкетирования с целью определения языкового самосознания говорящим было предложено оценить свои языковые способности. Так, наибольшей уверенностью в своем владении французским языком обладают мужчины, связанные в своей рабочей деятельности с иностранными языками (оценка 10). Оценку 9 («*есть сомнения*») поставило себе большинство говорящих (мужчины и женщины в равных долях), работающих в сфере образования. Самыми неуверенными (оценка 7) показали себя женщины, также работающие в сфере образования.

При анализе анкетирования очевидным оказалось признание франкобельгийцами превосходства языка Парижа. Один из отвечающих написал: «*Необходимо знать, что все, что не по-парижски, находится в сфере языковой неуверенности*».

Чувство неуверенности зачастую компенсируется использованием иронии со стороны бельгийцев: «*Даже хоть немного образованный валлонец знает, что должен изменить свою речь, чтобы не попасть под насмешки француза, который высмеивает бельгийский акцент*». Даже выбор лексических единиц может быть обусловлен чувством иронии: «*Кафе/кабак* («*caberdouche*») – я уже его (слово) слышал или читал, но не часто и лично я его не использую (только чтобы посмеяться)»; «*Для меня дело чести пустить в ход всю свою артиллерию бельгицизмов, когда я общаюсь с французом: использую «до скорого» (à tantôt вместо à tout à l'heure)* [с другим предлогом – Е.Н.]». Бельгийцы остро чувствуют саркастическое отношение французов, однако реакция франкобельгийцев не всегда негативна: существует немало анекдотов про французов, в основном, без злого умысла. Ирония может служить для прикрытия чувства собственной неуверенности, комплекса; самоирония, напротив, – признак спокойного отношения к своей речи и осознания ее особенностей. Бельгийцы осознают, что французы над ними шутят не всегда безобидно: «*Они открыто насмеваются, с забавным снисхождением, с некоторой симпатией к экзотике*».

Англицизмы во французском бельгийском сообществе становится камнем преткновения между теми, кто оправдывает их использование, и теми, кто им противодействует.

Исследованный материал по Бельгии показывает, что отмечается тенденция к нивелированию «особенностей», или «бельгицизмов», в разговорной речи франкобельгийцев, снижение чувства лингвистической и культурной неуверенности и более нейтральное отношение к речи французов, что делает жителей франкоязычной Бельгии менее уязвимыми.

Мартиника

Остров Мартиника появился на карте в 1502 году, в 1664 он окончательно перешел под власть Франции. Французский имеет статус официального языка на острове. Становление культуры происходило под влиянием различных факторов: американские индейцы, рабы из Африки, европейская и африканская цивилизации, насаждение рабства, островной тропический климат. Сосуществование европейцев и африканцев на острове положило начало явлению креолизации в начале XVIII века.

Креолизация – это 1) создание языка в результате взаимодействия разных языков и диалектов, 2) процесс привнесения и ассимиляции другой культуры. Мартинику безуспешно захватывали англичане, после отмены рабства в колониях в 1848 г. начались новые волны иммиграции: индийцы, конголезцы, китайцы, которые привезли свои ценности и обычаи. В конце XIX в. прибыли жители Ближнего Востока (Сирия, Ливан, Палестина). Во второй половине XX в. начался период франсизации и глобализации.

С 1976 г. (год проведения международного colloquium по вопросу преподавания креольского языка, создание Международного Комитета по Исследованию Креольских языков) ведется политика по сохранению и развитию мартиниканского креольского языка силами лингвистов, писателей, профессоров университета Антильских островов и Гвианы. Креольские традиции, несмотря на влияние франсизации и глобализации, бережно хранятся населением: театры на креольском языке, радиопередачи (выделенное утреннее и вечернее время), спортивные мероприятия (гонка на челнах – «*cOURSE de yoles*»), песнопения и выбор блюд на Рождество. Креольский язык воспевается, прежде всего, в устном творчестве (сказки, поговорки, песни, загадки). Письменная литература создается на французском языке с вкраплениями из креольского языка (П. Шамуазо, Э. Глиссан, Э. Сэзер, Ж. Бернабэ, Ф. Фанон, Ж. Зобель, Р. Маран – лауреат премии Гонкура), произведения полностью на креольском малочисленны (Р. Конфьян, Ж. Грасьян, С. Рюпэр). По мнению авторов, использовать креольский язык в литературе – значит «*выражать душу, интересы, жизнь мартиниканского народа*» [4].

С 1984 г. креольский язык преподается в школе как дополнительный предмет и как второй язык в Университете Антильских островов и Гвианы. В 2005 году насчитывалось 5% (2240) школьников, изучающих креольский (родители предпочитают креольский английскому языку).

По отношению к островной культуре креольского языка в противовес уже устоявшемуся термину франситэ (*francité*) появился термин креолитэ (*créolité*), впервые употребленный Э. Пулле в 1975 году. «*Креолитэ не сводится к одному языку. Не является он и многоязычным целым, в котором каждый компонент занимает свое купэ. Его потребность – овладеть всеми языками мира*» [3, С. 48]. Стоит отметить, что креолитэ изменялся с течением времени в связи с динамичным процессом креолизации и изменяется до сих пор.

В 2003 г. Д. Баррто (Франция) и Д. Хеерома (Нидерланды) провели анкетирование среди 214 учащихся третьего года обучения 6 коллегей на Мартинике, чтобы 1) уточнить, каким образом в ситуации диглоссии креольский и французский языки используются в устной речи и на письме, и 2) описать отношение студентов к введению преподавания креольского языка в образовательную систему [2].

На момент проведения анкетирования в 2003 г. языковая ситуация на Мартинике была следующей: французский с течением времени стал языком «родным» (в 2008 г. из 400 000 жителей 87% считали креольский родным языком), и учащиеся чувствовали себя комфортно при его использовании. Креольский язык отходил на второй план, в семье, в магазине он использовался все меньше и меньше.

Тем не менее, в начале XXI в. желание студентов изучать креольский язык стало наиболее очевидным, не отмечалось восприятия креольского языка прежде всего как языка рабского. Сами мартиниканцы на вопрос «*Что такое креольский* –

язык или *patwa*?» отвечают так: «Креольский – это... жизнь страны» («*Le créole... c'est un... c'est une... c'est la vie du pays*»).

С целью социолингвистического исследования островного ареала летом 2017 г. на Мартинику мной была отправлена анкета на французском языке, составленная с учетом опыта Д. Баррто и Д. Хеерома, а также анкетирования, проведенного в 2015 г. среди жителей Бельгии. Было получено 75 ответов.

При сравнении данных анкет 2003 и 2017 гг. можно сделать следующие наблюдения: родной язык для большинства респондентов – французский (с учетом разницы поколений в анкетах 2003 и 2017 гг.). В речи чаще используется французский язык, но процент использования креольского языка в 2017 г. снизился. Мотивация использования языка различается, но подобный субъективный фактор сложно отнести к общим тенденциям развития отношения к языку. Выбор языка в семье остается прежним: в предпочтении – французский язык, на втором – французский наряду с креольским. В неформальной обстановке выбор говорящих падает чаще всего на чередование французского с креольским (2003 и 2017 гг.), процент использования французского языка к 2017 г. увеличился. В общественных местах (рынок и пр.) реже отмечается чередование французского и креольского языков, чаще обращаются только к французскому. В административных учреждениях соотношение в выборе языков остается прежним: на первом месте – французский. Наиболее комфортный язык для говорящих: 1) французский, затем 2) использование одновременно французского и креольского, 3) креольский; отмечен и английский язык. В основном, отвечающие в 2003 и 2017 гг. хотели бы изучать креольский язык.

Результаты анкетирования 2017 г. продемонстрировали следующее:

1. Большинство респондентов довольны своей устной и письменной речью на французском языке, и они считают, что очень важно правильно говорить и писать по-французски;
2. Большая часть отвечающих не согласна с тем, что французы Франции лучше владеют французским языком;
3. Респонденты в большинстве случаев утверждают, что креольский язык находится в кризисе и нуждается в защите;
4. Большинство согласно с утверждениями, что «Язык – это достояние, которое нужно сохранять» и «Чем больше мы учим язык, тем лучше говорим»;
5. Респонденты делятся на две равнозначные группы: те, кто выступает против англицизмов, и те, кто относится к ним нейтрально.

На вопрос о мотивации при выборе языка респонденты дали следующие ответы: «Нужно сохранить французский и креольский языки, они богатые, и нужно, чтобы они изучались в мире»; «Я использую креольский язык, когда я раздражена, поскольку чувствую себя комфортнее в выражении моих эмоций». Последний комментарий раскрывает креольский язык как сокровенный, личный, душевный.

Как и бельгийцев, мартиниканцы оценили свои знания во французском языке.

Так, самыми уверенными в своих знаниях (10 баллов) оказались 8% отвечающих, все – коренные жители острова, из них 50% – женщины. В ситуации наименьшей уверенности (5 баллов) пребывают 4% респондентов, женщины в возрасте 32–43 лет. Большинство отвечающих находятся в пограничном состоянии уверенности и неуверенности, эта группа демонстрирует общее состояние языка на острове – ситуация диглоссии, в которой французский язык – это язык повседневного

общения, доминанта, а креольский – маркер идентичности, компонент культуры и креолитэ, и местное население прикладывает свои силы для его сохранения, процветания и создания положительного имиджа.

Выводы

Так, франкобельгийцы эмоционально привязаны к своей речи (т.е. к бельгийскому варианту французского языка), поскольку считают ее маркером своей идентичности. Вместе с тем они показывают большую степень языковой неуверенности, чем, например, жители Мартиники. Франкобельгийцев характеризуют ирония и самоирония как средства защиты от языковой неуверенности, мартиниканцев – трепетное отношение к своей речи, неприятие критики. Осознание ценности языкового и культурного своеобразия регионов привело к усилению идентифицирующей функции местных языков, постепенно утративших негативные социальные коннотации.

Изучение языковых трансформаций в дальнейшем прольет свет на многие лингвистические вопросы: закономерности развития языка, его варианта, сохранность/утрача диалектов, языковая политика государств и регионов, языковая уверенность/неуверенность, наконец, проблема региональной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Невежина Е. А. Динамика языковых процессов в Валлонии и Брюсселе как пограничных ареалах Романии: дисс... канд.фил.н. URL: <http://dissovet.philol.msu.ru/501.001.80/111/>.
2. Barreateau D., Heeroma D. Des élèves de troisième s'expriment sur le français et le créole en Martinique. 2003. URL: <http://www.manioc.org/recherch/HASH952f1810b0d88fa1654dc3>.
3. Bernabé J., Chamoiseau P., Confiant R. Eloge de la Créolité. Paris : Editions Gallimard, 1989.
4. Cavalli M. Politiques linguistiques et représentations sociales // Les Cahiers du GEPE, Politiques linguistiques éducatives. Strasbourg, 2013. URL: <http://www.cahiersdugepe.fr/index.php?id=2507>.
5. Moreau M.-L., Brichard H., Dupal C. Aimeriez-vous avoir un fils qui parle comme ça? La norme des francophones belges, La Belge et la norme, Analyse d'un complexe linguistique // Français et Société. 1999. №. 9, pp. 27-36.

E. Nevezhina

Lomonosov Moscow State University

LANGUAGE IDENTITY IN FRANCOPHONE REGIONS: BELGIUM AND MARTINIQUE

The linguistic and cultural processes in the modern world are characterized not only by globalization. The tendency to "rehabilitate" local cultures and identities and emphasize local features of speech is becoming more and more evident. Among the speakers there was a need for self-expression, self-identification, appeal to the collective memory of the people because of the threat of loss of identity. On the example of different francophone regions (Belgium, Martinique), the problem of identity, ways of its protection in the context of the development of varieties of the French language is studied. The regions under

consideration are characterized by multilingual history.

Epilinguistic discourse, linguistic security/insecurity, identity, French

УДК 81.367.32

Л. В. Носкина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им В. И. Ульянова (Ленина),
leti-inyaz@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТЕ

Рассматриваются различные аспекты в исследовании прилагательных. Особое внимание уделено описанию функционирования прилагательных в русле теории актуального членения.

Функционирование прилагательных в тексте, актуальное членение предложения, новое

Среди исследований, касающихся функционирования прилагательных, следует выделить труды Н.Д. Арутюновой, которая рассматривает функции определений (и в частности, выраженных прилагательными), основываясь на 4-х выделенных ею логико-синтаксических типах отношений в предложении: экзистенции, характеристики (предикации), номинации и идентификации [1, с. 18-20].

Для данной работы существенным является рассмотрение функций определений в трех структурах – экзистенциальной, идентифицирующей и предикатной, в которых роль определений неоднотипна.

Так, экзистенциальная структура по сути своей описательна, и поэтому для нее характерны определения, указывающие на зрительно воспринимаемые признаки предмета.

Иные функции, по мнению Н.Д. Арутюновой, выполняют определения внутри идентифицирующей структуры, то есть имени собственном или дескрипции, относящихся к известному для коммуникантов объекту. В этом случае определение употребляется для того, чтобы сообщить адресату признаки, позволяющие ему выделить подразумеваемый предмет или лицо, то есть это так называемые “поисковые” определения.

Так как целью предикатной структуры является выявление существенных свойств предмета, то в этом случае, как считает упомянутый автор, внимание адресата сосредотачивается на одном признаке предмета с тем, чтобы выделить его. Соглашаясь в целом с изложенной концепцией, мы тем не менее отмечаем, что, на наш взгляд, дальнейшая классификация функций определений, разработанная этим исследователем, требует уточнения. Так, Н.Д. Арутюнова устанавливает, в свою очередь, внутри бытийных предложений четыре функции определений:

выделительную, индивидуализирующую, тотально-характеризирующую и номинативную [2, с. 29-45].

Выделительная функция предполагает, по мнению Н.Д.Арутюновой, что определение характеризует только некоторую, неопределенную часть класса (“В этом озере есть крупная рыба”).

Индивидуализирующей или описательной функцией определение обладает при имени, которое относится к предмету, известному говорящему, но не знакомому адресату речи (специфическая неопределенная референция) (“Среди его друзей есть один высокий блондин”).

Определение имеет тотально-характеризирующую функцию, если оно относится ко всей совокупности предметов, обозначаемых именем (“На этой улице старинные особняки”).

Номинативная функция определения выделяется на том основании, что определение вместе с именем входит в составную номинацию некоторой разновидности объектов, например, когда коммуникативный фокус ограничен значением бытия (“Да, красный карандаш у меня есть”).

Представляется, что применение данной классификации при анализе текста вызовет большие затруднения, поскольку, на наш взгляд, критерии разграничения приведенных функций нечеткие и не позволяют однозначно трактовать указанные функции определений, так как только в зависимости от коммуникативной интенции говорящего/пишущего, а не в результате описанных условий определения приобретают либо выделительную, либо описательную функцию.

Еще один аспект в исследовании прилагательных развивается в работах Е.М.Вольф, которая анализирует прилагательные с точки зрения их обязательности/факультативности в предложении [5, 6]. Для выявления обязательного/факультативного употребления прилагательного в предложении применяется метод элиминации, опущения прилагательного. В результате исследователем выявлены следующие условия обязательного присутствия прилагательного в предложении: прилагательное необходимо в предложении, если при его устранении 1) предложение становится сообщением о другом предмете, при этом может нарушаться его истинность, 2) предложение становится бессмысленным, 3) предложение становится неинформативным, банальным. Прилагательное признается факультативным, если при его опущении предложение остается истинным и информативным, но его смысл сокращается на смысл прилагательного.

Как представляется, приведенная интерпретация функционирования прилагательных соприкасается с их исследованием в русле теории актуального членения, поскольку прилагательное, которое является обязательным в предложении, обычно несет большую коммуникативную нагрузку, чем факультативное прилагательное.

В том же русле, а именно с точки зрения информативной значимости, прилагательные рассматриваются целым рядом ученых [3, 4].

Нужно отметить и те работы, в которых функционирование прилагательных изучается с точки зрения их участия в формировании смысловой структуры текста [7, 8]. Это направление представляет особый интерес для данного исследования, в котором прилагательные анализируются в плане выполнения ими коммуникативной нагрузки, определение которой связано, в частности, и с рассмотрением контекста.

Следует отметить, что мы придерживаемся гипотезы о том, что прилагательные имеют тенденцию выражать “новое”, при этом под “новым” понимается то, что неизвестно ни из контекста, ни из жизненного опыта реципиента. Однако в ходе исследования было установлено, что элементы, обозначающие “новое”, по-разному функционируют в дальнейшем развитии текста. Так, выделяется “новое”, способствующее продвижению дальнейшего повествования, и “новое”, не получающее развитие в последующем тексте. При этом для развития текста более существенны те новые элементы, которые продвигают коммуникацию в тексте, и менее весомы элементы, передающие “новое”, но не имеющие продолжения в тексте.

Рассмотрим это явление на конкретных примерах, показывающих особенности функционирования прилагательных в роли “нового”.

These journals live on stories about the new stars, a new star is in a dangerous position for two years, three years. Always a star has some danger, but the first two, three years, most danger [10, p. 100].

Эти журналы живут на историях о новых звездах, новая звезда находится в опасном положении в течение двух, трех лет. Для звезды всегда есть опасность, но наибольшая - в первые два, три года.

В приведенном примере прилагательное “dangerous” (опасный) заключает в себе новую информацию. Функционируя как “новое”, это прилагательное продвигает коммуникацию в тексте, поскольку его значение упоминается в дальнейшем изложении благодаря употреблению однокоренного с ним существительного “danger” (опасность).

Данный пример интересен и в другом плане, а именно он демонстрирует положение о нетождественности таких понятий, как новизна и информационный центр сообщения или, если воспользоваться зарубежной терминологией, фокус. Так, существительное “danger” (опасность), обозначая “данное”, является в то же время фокусом сообщения.

Подобная интерпретация анализируемого явления согласуется с новейшими исследованиями в области коммуникативного синтаксиса, в которых показывается, что языковой элемент, выполняя основную смысловую нагрузку, не обязательно передает новую информацию. В результате специального исследования, посвященного этому вопросу, в частности, было обнаружено, что почти каждый четвертый из элементов, выражающих “данное”, является смысловым центром сообщения, причем, как оказалось, это редко связано с явлением контраста, а скорее объясняется намерением говорящего “направлять течение” разговора [9, с. 316-324]. Так, повтор элемента и вследствие этого его выделенность имеет место, если говорящий хочет сосредоточить на нем внимание слушающего из-за важности информации, заключенной в этом слове, или же, если говорящий не уверен, присутствует ли данный концепт в сознании слушающего. Это, например, происходит при смене темы разговора, когда говорящий вновь обращается к уже упомянутому ранее событию, явлению. Итак, повторное употребление смыслового компонента обусловлено прагматикой речевого акта и отражает намерение говорящего воздействовать на слушающего с целью наиболее адекватного восприятия последним передаваемой информации.

Развитие новой информации, введенной прилагательным, может осуществляться в тексте в виде рекуррентности признака.

В ряде случаев “новое”, обозначенное прилагательным, раскрывается в тексте за счет экспликации признака.

Продвижение новой информации, передаваемой прилагательным, в последующем тексте наблюдается в случае установления катафорической смысловой связи между введенным признаком и последующей описанной в тексте ситуацией.

Выражение “нового” прилагательными может получать развитие в дальнейшем тексте в виде описания явления-причины, обусловившей названное ранее в тексте явление-следствие.

Новая информация, заключенная в прилагательном, может раскрываться в тексте в виде переосмысления значения прилагательного на противоположное или вследствие актуализации семы оценочности в нейтральном в плане оценочности прилагательном.

Как показало исследование, основными условиями, обуславливающими то, что прилагательное в роли “нового” не находит продолжения в последующем тексте, являются: 1) смена темы разговора и 2) передача прилагательным сопутствующей информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Арутюнова Н. Д. Функции определений в бытийных предложениях // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М., 1982.
3. Большакова Н. В. Роль определения в предложении и тексте (на материале релятивных предложений английской научной прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985.
4. Бурсак Т. Д. Информативная значимость прилагательных в тексте (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981.
5. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательных. М., 1978.
6. Вольф Е. М. Прилагательное в тексте // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
7. Фефилова А. З. Роль атрибута в формировании смысла высказывания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1980.
8. Эйхбаум Г. Н. Текстовые функции атрибутов // Вопросы функциональной грамматики немецкого языка. Л., 1986.
9. Lehman Ch. A Re-analysis of Givenness: Stress in Discourse // Chicago Linguistic Society. Papers from the 13-th Regional Meeting. 1977.
10. Spark M. The Public Image // The Public Image. Stories. Moscow, 1976.

L. V. Noskina

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

SOME SPECIFIC FEATURES OF THE ADJECTIVES FUNCTIONING IN THE TEXT

The article deals with different aspects of adjectives functioning. Special attention is paid to the description of adjectives using from the point of view of actual division of the sentence.

Adjectives functioning in the text, actual division of the sentence, new

УДК 811.111

Мэни Ван

Санкт-Петербургский государственный университет,
st044056@student.spbu.ru

А. В. Шитова

Санкт-Петербургский государственный университет,
a.shitova@spbu.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНЫХ СЛОВ С ОДНОБУКВЕННЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ

В статье изложены результаты проведённого лингвистического исследования сложносокращённых слов английского языка. Рассматривается их место в системе словообразования. Приводятся примеры слов с однобуквенными сокращениями; анализируются их семантические особенности и этимология; предлагаются варианты классификации.

Словообразования, аббревиация, сложносокращённые слова, семантический анализ, этимология

Являясь средством общения, словарный состав языка, как известно, находится в состоянии постоянного изменения, поскольку для выполнения своей основной функции он должен быстро реагировать на процессы, происходящие во всех сферах жизнедеятельности своих пользователей. Новые понятия, облекаясь в языковую материю, превращаются в слова, которые, в свою очередь, становятся неиссякаемым материалом для научных изысканий, хотя для науки в равной мере важны как процессы появления новых слов, так и процессы вытеснения из употребления устаревших понятий.

Целью настоящего исследования было определить структурно-семантические особенности двухкомпонентных английских сложных слов с однобуквенным сокращением. Поскольку сложные аббревиатуры являются разновидностями сложных слов (сложносокращённых слов), то для более глубокого понимания объекта исследования нами, прежде всего, были рассмотрены два способа словообразования, а именно словосложение и аббревиация.

Одним из способов словообразования в английском языке является словосложение двух или более слов, основ или частей. Образовавшиеся в результате сложные слова могут быть классифицированы совершенно по-разному: например, как составные слова с дефисом, слитные слова, а также как сложносокращённые слова (составленные из сочетаний полных слов и/или их частей) и аббревиатуры. Особенно часто сложносокращённые слова встречаются в профессиональной и специальной лексике.

Сокращение слов (или аббревиация) как способ морфологического словообразования возникло в английском словообразовании примерно в XVIII в. и приобрело широкое распространение в XIX–XX в. [1, с. 87–88]. Сегодня данный словообразовательный приём продолжает играть важную роль в языковой культуре и общественной жизни любой страны, а всё новые исследования появляющихся в языке аббревиатур позволяют заполнить пробелы в научных представлениях о данном способе словообразования. В целом в английском языке сокращение развито значительно больше, чем, например, в русском языке. Многие сокращения обладают яркой стилистической окраской.

Традиционно считается, что аббревиация (или сокращение слов) непосредственно связана с экономией языковых средств, поскольку на тенденцию к сокращению слов влияет целый ряд экстралингвистических и внутриязыковых факторов, что отвечает прагматическим требованиям современности к информативности сообщения. Сокращение слов и словосочетаний за счёт аббревиации увеличивает скорость их восприятия, т.е. обеспечивая скорейшее поступление информации от адресанта к адресату. Иными словами, основной задачей аббревиатур является экономия устной речи и письменного текста. Согласно исследованиям, при произношении и написании аббревиатура становится приблизительно в пять раз короче соответствующего ей понятия [4, с. 116]. Следовательно, распространённость аббревиатур приписывается всё убыстряющемуся темпу жизни людей [2, с. 187–191].

Известно, что аббревиация присутствует преимущественно в сфере существительных. Как было сказано выше, аббревиатуры состоят либо из усечённых слов, входящих в исходное словосочетание, либо из усечённых частей исходного сложного слова, а также из начальных букв данных слов (или же их частей). Для аббревиатур характерно неморфемное усечение слов, а также закреплённый порядок компонентов. По типу аббревиатуры также делятся на инициальные и сложносокращённые. Последние состоят из частей слов, начальных звуков или же сочетания начальной части слова с целым словом. В ходе аббревиации часть звукового состава исходного слова естественно опускается. Дополнительно сокращения (аббревиатуры) могут различаться по типу, по орфоэпическим признакам и другим характеристикам [3, с. 4–5].

Особым видом аббревиатур являются сложносокращённые слова, представляющие собой слияние одной буквенной аббревиатуры с полносоставным словом, что может происходить с устойчивыми назывными словосочетаниями, обозначающими единое понятие [1, с. 89–90]. Объектом нашего исследования стали именно такие двухкомпонентные сложные слова, в которых первый элемент сокращён до одной буквы. Данная разновидность аббревиатур практически не встречается в русском языке, но широко распространена в английском языке, особенно в газетной и военной лексике. Являясь броскими и запоминающимися, подобного рода слова часто фигурируют в качестве названий всемирно известных торговых марок (*Q-tip*), фирм, магазинов, предприятий (*K-rauta*, *S-market*, *K-market*), музыкальных направлений и коллективов, а также фестивалей, однако не все из них нашли отражение в лексикографических источниках. При этом набор исследуемых слов в разных словарях представлен в разном составе, а их графический облик также может различаться: в некоторых вариантах написания сокращение дано прописной

буквой, а в других – строчной. Также в некоторых вариантах написания отсутствует дефис.

Несмотря на свою распространённость, сложносокращённые слова с однобуквенной аббревиатурой на сегодняшний день всё ещё остаются малоизученными и неклассифицированными, что обуславливает несомненную новизну и актуальность настоящего исследования.

Дабы восполнить пробелы в науке, а также в целях достижения поставленных исследовательских задач, методом сплошной выборки из англоязычных словарей (в том числе словарей сокращений) нами было отобрано 84 примера двухкомпонентных сложных слов, содержащих однобуквенные сокращения. Поскольку структурно-семантические взаимоотношения элементов внутри сложносокращённых слов могут быть весьма разнообразными (один элемент может уточнять значение, выраженное вторым в отношении материала, формы, происхождения, качественной характеристики, места, времени, назначения и пр.), при анализе примеров мы старались определить часть речи, к которой слово относится, описать компоненты, из которых оно состоит, и, по возможности, выяснить этимологию компонентов и семантические связи между ними.

В результате проведённого нами структурно-семантического анализа все найденные примеры сложных слов, содержащих однобуквенные сокращения, мы смогли классифицировать на разном основании. В качестве основания выбирались различные существенные типологические признаки.

Так, прежде всего, найденные примеры можно классифицировать как устаревшие, исчезнувшие из жизни понятия (например, *J-pen*, *Q-band* и пр.) и новые, возникшие относительно недавно (например, *K-pop*, *E-book* и пр.). Помимо этого, большинство примеров, за редким исключением, представляют собой имена существительные, что обусловлено самой природой аббревиатур (например, кроме *A-line*, *G/R/X-rated* и *Y-shaped*).

Также большинство найденных нами сложных слов обладают довольно прозрачной этимологической структурой, позволяющей с точностью сказать, какое слово претерпело сокращение (например, *A-bomb* – атомная бомба, *E-mail* – электронная почта, *L-word* – любовь, *V-day* – день победы и пр.). В некоторых редких случаях мотивировка их формы остаётся неясной, что подтверждается лексикографическими источниками. В качестве примеров приведём следующие слова: *D-day* (день высадки войск), *Q-boat* (противолодочное судно), *Z-car* (патрульная полицейская машина) и др.

Отдельно можно выделить слова с сокращениями, в которых просто учитывается порядок следования букв в алфавите, где “A” означает «первый или лучший», а “B” – «вторичный или второстепенный». Например: *A-list*, *A-plan*, *A-player*, *A-okay*, *B-list*, *B-road*, *B-movie* и пр.

В целом семантическая структура двухкомпонентных сложных слов с однобуквенным сокращением позволила нам разделить весь корпус примеров на три группы.

В первую группу (Группа I) мы объединили слова, в которых, при внешнем сходстве с аббревиатурой, использованный однобуквенный компонент технически не является сокращением, а лишь показывает родство формы данной буквы и называемого предмета или действия [4, с. 106]. Так, например, в словах *A-line*, *S-bend/curve*, *T-bone*, *T-shirt*, *V-neck*, *V-sign*, *Y-fronts*, *U-turn*, *X-bit*, *Z-bar* буква означает

форму трапеции, клина, крюка, перекрестья или зигзага. Вышесказанное в равной мере относится и к названиям хромосом (*X/Y-chromosome*).

Также ещё в одном примере, в слове *J-pen*, буква “*J*” изначально представляла собой надпись на пере (возможно, название фирмы-производителя), что также лишает её семантического наполнения. Ко всему прочему, использование буквы *X* в некоторых сложносокращённых словах предполагает графическую этимологию (крест) и подразумевает нечто запрещённое (*X-files*, *X-rated*).

Далее, ко второй группе (Группа II) мы посчитали возможным отнести сложные слова с однобуквенным сокращением, в которых аббревиатура используется вместо табуированной лексики, а также лексики, потенциально оскорбляющей чувства других людей. Т.о. аббревиатура превращает сложносокращённое слово в своего рода эвфемизм. Например: *F-word* (ругательство), *L-word* (любовь, о которой не всегда принято говорить откровенно), *G-string* (набедренная повязка, чтобы «прикрыть срам»), *J-food* (нелицеприятное название вредных продуктов общественного питания), *V-sign* (во втором своём значении – неприличный жест) и другие примеры.

Самое обширное количество материала, ожидаемо, оказалось представленным в третьей группе (Группа III), в которой аббревиатура используется по своему прямому назначению – для обеспечения информационной насыщенности и, одновременно, компактности сообщения с перспективой быстрого его понимания, что играет особенно важную роль в некоторых профессиональных сферах [4, с. 121–122]. В результате сложносокращённые термины медицинского, технического, математического и военного характера выполняют номинативную, конспиративную и некоторые другие функции жаргона или аргот. Например: *A-bomb*, *C-section*, *D-day*, *F-stop*, *G-man*, *Q-boat*, *U-boat*, *X-ray*, *Y-axis*, *Z-time* и др.

Хотя настоящее исследование ни в коей мере не является исчерпывающим, однако и оно вносит свой посильный вклад в решение непреходящей задачи изучения формальных, семантических и других закономерностей образования и функционирования лексических единиц, возникающих в процессе развития языка. Появление в английском языке (а, соответственно, впоследствии и в лексикографических источниках) новых двухкомпонентных сложных слов с однобуквенным сокращением послужит материалом для дальнейших исследований и позволит уточнить, расширить и дополнить предложенную нами классификацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. – М.: «Издательство литературы на иностранных языках», 1956. – 220 с.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 376 с.
3. Ярмашевич М. А. Структура и семантика аббревиатур. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. Выпуск № 3, том 13, 2013 г. с. 3–5.
4. Cannon, G. Abbreviations and Acronyms in English Word Formation. *American Speech*. Volume 64, No. 2 (Summer, 1998), pp. 99–127.

Mengyi Wang, undergraduate student, St. Petersburg State University
A. V. Shitova, Senior Lecturer, St. Petersburg State University

STRUCTURAL SEMANTICS OF TWO-PART COMPOUNDS WITH A SINGLE LETTER ABBREVIATION

The paper overviews the results of a recent linguistic study which focused on English language compound words with a letter abbreviation. The article shows compounds' position in the word formation system. The study proposes a variant of classification of compounds, with examples, structural and semantic analysis, and etymological insights.

Word formation, abbreviation, compound words, structural semantics, etymology

УДК 811.11-112

Т. Н. Осинцева

к.ф.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Veter.65@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЗАВЕРШЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительный анализ языковых явлений предполагает разработку проблемы в двух плоскостях: семантической - насколько совпадает или отличается объем понятий в национальных языковых картинах мира, и функциональной - какие средства предлагает язык для актуализации понятия в речи. В данном исследовании представлен подробный анализ языковых средств передачи концепта завершенности действия в английском и русском языках на всех уровнях : от грамматического до синтаксического, а также выявлены особенности ФСП завершенности действия в каждом из упомянутых языков.

Функционально-семантическое поле, языковая картина мира, концепт, завершенность, структура события, сопоставительный анализ

Начало и конец – основные философские, физические и, наконец, грамматические понятия, сопровождающие человека в процессе становления и жизни, отражающие его восприятие времени и событий через призму языковых средств, предоставляемых национальным языком и встроенных в национальную картину мира. Чтобы понять что такое начало и конец следует обратиться к концепту времени, одному из самых противоречивых, как в лингвистике, так и в физике, философии, математике. Один из величайших ученых нашего времени, Стивен Хокинг, писал: «Невозможно сказать, что в действительности представляет собой время. В наших силах лишь описать то, что является очень хорошей математической моделью для времени» [5,12] Аналогичным способом, мы попытаемся представить функционально-семантическую модель (поле) лишь одного из элементов события – его конца, не вдаваясь в теоретические рассуждения о взаимосвязи концепта времени

и структуры события в национальной картине мира. Здесь мы остановимся лишь на одном аспекте проблемы: какие средства предоставляет язык для актуализации конца события в речи, а также проанализируем особенности функционально-семантического поля завершенности в английском и русском языках.

Структура функционально-семантического поля (ФСП) завершенности в английском языке определена на основе анализа словарных дефиниций, данных собственной картотеки примеров актуализации изучаемого концепта в письменной речи (более 500 единиц выборки из произведений современной художественной литературы) и данных анализа национального корпуса английского языка.

Доминанту функционально-семантического поля завершенности действия составляет, согласно результатам нашей выборки,

1. грамматическая категория вида. Из 500 примеров завершенности действия примеры с грамматической категорией вида составляют 42% (210 предложений). Это полностью совпадает с широко известными и устоявшимися взглядами на категорию аспектуальности, частью которой и является ФСП завершенности действия. Функционально-семантическая категория аспектуальности «охватывает различные средства выражения характера протекания действия. ... в качестве морфологического ядра данной категории выступает глагольный вид» [1, 4]

2. Лексико-грамматические средства - предельные глаголы, частотность употребления которых составила 25% (125 примеров)

3. Лексические средства, которые представлены глагольной и неглагольной лексикой 30% (150 примеров)

Периферийными элементами поля завершенности являются:

Синтаксические средства, к которым относятся определенные синтаксические конструкции, которые влияют на выбор того или иного синонима, и контекстуальные средства - обычно не содержат формальных показателей, их значение реализуется в контексте.

Лексико-грамматические средства в английском языке связаны с понятием предела и актуализацией этой семы в речи.

Семантика аспектуальных отношений обычно определяется как характеристика протекания и распределения действия во времени. Понятие предела, как объективной характеристики действия, связано с языковой категорией предельности\непредельности. Семантическим признаком, доминирующим в поле аспектуальности в данном языке, является признак отношения действия к его внутреннему пределу, т. е. противопоставление ограниченности \ неограниченности в проявлении действия.

«В английском языке существует очевидное различие между глаголами, в семантике которых имеется логический предел, *terminative verbs* (to come, to bring, to give, to take, to receive, to find, to kill, to die, to become) и глаголами, не имеющими этого предела, *durative verbs* (to live, to exist, to sleep, to love, to possess, to speak, to hope, to respect). Таким образом, предельные глаголы в перфекте означают завершенность». [2, 37]

Примеры с лексико-грамматическими средствами составляют 25% в нашей выборке.

Лексические средства выражения завершенности действия в английском языке делятся на глагольные и неглагольные лексические средства выражения конца действия.

Чтобы определить закономерность выбора того или иного лексического средства, мы провели компонентный анализ глаголов, обозначающих тот или иной аспект завершения действия на основе словарных дефиниций. Следует отметить, что каждый исследуемый глагол обладает своим собственным перечнем сем, отличающих его от других глаголов. Компонентный анализ помогает не только выделить эти различия, но и выявить наиболее общую интегральную сему для всех глаголов, обозначающих завершение действия.

На выбор того или иного синонима непосредственно влияет и дистрибуция глаголов завершения. Проведенный дистрибутивный анализ позволяет выявить особенности употребления глаголов в тех или иных синтаксических конструкциях, определить наиболее частотные случаи.

В результате анализа собственных примеров из произведений английской художественной литературы и анализа словарных дефиниций нами в 30% примеров были выделены глаголы to stop, to finish, to end, to be over, to manage, to conclude, to terminate, to quit, to cease, to discontinue.

Метод компонентного анализа обнаруживает ряд закономерностей функционирования слов в речи. На их основе устанавливаются условия правильного выбора того или иного слова. Наиболее общей семой для всех глаголов является переход от действия к состоянию покоя. Так же выделяются семы логического завершения действия (у глаголов to complete, to conclude, to finish, to end, to accomplish) и внезапного его прекращения (у глаголов to stop, to discontinue, to terminate, to quit). Интересно отметить наличие антонимичных сем в выражении завершенности действия: успешно достичь поставленной цели to manage to do smth.) и бросать, прекращать к.-л. действие (to stop to stop, to discontinue, to terminate, to quit).

К неглагольным лексическим средствам мы относим фразеологические единицы и прочие части речи (кроме глагола), выражающие конец действия. Обычно они встречаются либо в сочетании с Доминантой, либо в фазовом контексте. Лексическая группа, выделенная нами - это существительные, обозначающие конец и фразеологические единицы с этими существительными. Словарь - тезаурус Роже представляет такой синонимический ряд: [8]

«end (N) - accomplishment, achievement, adjournment, attainment, bottom line, cease, cessation, close, closing, closure, conclusion, consequence, consummation, culmination, curtain, denouement, desistance, desuetude, determination, discontinuance, execution, ending, expiration, expiry, finale, finis, finish, fulfillment, issue, last word, omega, outcome, payoff, perfection, realization, resolution, result, retirement, sign-off, stop, target, termination, terminus, upshot, wind-up, windup, wrap-up». Многие слова в этой подборке могут означать конец действия только в определенном контексте.

Так как ФСП является разноуровневым образованием, в него входят и элементы других языковых уровней. При рассмотрении **синтаксического уровня** нами были выделены в первую очередь сочетания: Vasp + Vto; Vasp + Ving; Vasp + N и N + Vasp, которые были рассмотрены в качестве основных вариантов дистрибуции глаголов - аспектуализаторов и вторичных аспектуализаторов.

Следующим уровнем, который содержит аспектуальные средства выражения завершения действия в английском языке, является **контекстуальный**. «Контекст выступает как компенсатор отсутствующих в английском языке формальных способов передачи ряда сторон и оттенков распределения действия во времени» [5,

35]. Мы выделили несколько видов аспектуального фазового контекста, «т.е. контекстуальных условий, способствующих выявлению семы фазы (конец) или усиливающих ее. Контекст рассматривается нами с опорой на классификацию, предложенную А.В.Бондарко [1,128], а также на результаты выборки. Мы выделили следующие виды аспектуального контекста завершенности в английском языке: «цепь», «предшествование-следование», «длительность - неожиданное наступление события и наоборот».

Функционально-семантическое поле завершенности действия в русском языке структурно похоже на описанное выше аналогичное ФСП в английском языке и включает в себя в качестве **доминанты** грамматическую категорию вида и морфологические средства – словообразовательные единицы с семантикой завершенности.

Славянские языки последовательно различают в глаголе два вида. Несовершенный вид выражает действие в процессе совершения и на линии времени, а совершенный вид - действие в его завершенности, как некую точку вне всякого становления; но обозначение результата является одним из основных значений совершенного вида, но не единственным. Основная функция совершенного вида – ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе, что концептуально коррелирует с лексико-грамматической категорией предельности/непредельности в английском языке. Нельзя сказать, что несовершенный вид всегда сообщает нам о завершенности действия, но лишь в сочетании с другими элементами ФСП.

В русском языке очень много семантических оттенков времени или степени, свойственных глагольным словообразовательным единицам. Полная картина относящихся сюда грамматических явлений может открыться лишь в результате исчерпывающего изучения всех связей разных глагольных основ со всеми продуктивными аффиксами в современном русском языке. Для общего обзора достаточно выделить хотя бы некоторые аффиксы и те их значения, которые связаны или с ограничением действия во времени, или с количественным определением способа проявления действия.

Ниже перечислены регулярные и продуктивные словообразовательные единицы, образующие глаголы совершенного вида со значением:

- *Проникнуть внутрь ч.-л., поместить ч.-л. куда -л.*

В- (вливать, втолкнуть)

- *Резко, внезапно или интенсивно совершить действие*

ВЗ- (взволноваться, вскрикнуть, взывать)

- *Довести до результативного завершения действия, а т. ж. до предельной полноты, исчерпанности действия*

ВЗ- (взбесить, вскипеть, вспотеть)

ВЫ- (вызубрить, выловить, вытащить)

ДО- (доделать, допить)

ЗА- (заминировать, зашифровать, загипнотизировать)

ОТ- (отгрести, отвести, отшуметь)

ПО- (поблагодарить, повредить, позеленеть)

ПРИ- (-приготовить, примирить)

С- (сварить, сделать, сшить) и пр.

• *Не только однократно, но и резко, неожиданно и резко совершить действие-АНУ(ТЬ) (долбануть, резануть, тряхануть)*

Периферию ФСП завершенности действия составляют лексические и фразеологические средства. На этом уровне выделяются следующие синонимы:

Заканчивать-доводить до конца, оканчивать, завершать, довершать, доделывать, ставить точку (на чем), добивать (нов. разг.), закругляться (нов. разг.)

Прекращать- бросать, оставлять, кончать (с чем) переставать, завязывать (нов. разг.)

Во фразеологическом аспекте, ФСП завершенности можно рассмотреть как характеристику явлений и ситуаций. Идеографический принцип классификации фразеологических единиц позволяет выделить тему «конец, окончание, завершение». Перечислим основные фразеологические единицы и их значения.

В конечном счете - в итоге, результате

В конце концов (разг.) – в конечном счете, наконец

Поставить точку (на чем), поставить точку (точки) над i- окончательно выяснить, уточнить все подробности, не оставить ничего недосказанного, довести ч.-л. До логического завершения

Поставить крест на (ком, чем) разг.- отказаться от к.-л. или чего-л., перестать думать или надеяться на к.-л. или что-л.

Подвести черту – заканчивать, прекращать ч.-л., подытоживать

К шапочному разбору (разг.)- к самому концу ч.-л., к завершению к.-л. дела, события

На закуску- под конец, на самый конец, в заключение

Идти \ катиться под гору - близиться к концу (о жизни, хозяйстве, отношениях), резко ухудшаться

Изжить себя - становиться устарелым, ненужным, лишним, морально закончить свое существование

С плеч долой - об освобождении от каких-либо обязанностей, забот; о долго ожидаемом завершении, окончании забот, хлопот, дел.

Дело в шляпе - все заканчивается хорошо, предположение о легком и успешном окончании, завершении дела.

Песенка спета (чья) - наступает конец ч.-л., к.-л. О жизни, деятельности, работе, существовании. Выражение сожаления, иронии, презрения

Заключительный аккорд- событие, явление, акт, завершающий к.-л. длительное действие, событие.

Сопоставительный анализ употребления средств выражения завершенности действия в английском и русском языках проводился на материале оригинальных текстов и их переводов.

По определению БЭС Языкознание, сопоставительный анализ исследует и описывает язык через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности. Анализ проводился на материале репрезентативной выборки из произведений английской и русской аутентичной художественной литературы [3, 46]. Мы провели статистические исследования, разделив общее число употреблений определенного элемента ФСП завершенности действия в языке оригинала на число его переводов с помощью соответствующего элемента ФСП завершенности действия в русском языке. Эти данные показывают, насколько совпадают или отличаются при

перевод с английского языка на русский языковые репрезентации элементов ФСП начала действия в соответствующих языках.

В результате вышеизложенного, мы пришли к следующим выводам:

1. Как в английском, так и в русском языках существует набор аспектуальных средств для выражения функционально- семантического поля завершенности действия, принадлежащего к ФСК аспектуальности.
2. Доминанта ФСП завершенности действия, а именно, перфект, на русский язык переводится глаголами совершенного вида и приставочными глаголами.
3. На лексическом уровне мы видим разнообразие средств выражения завершенности действия в русском языке, что связано с широкой семантической структурой синонимов глаголов to finish, to stop и to end.
4. Отличительным элементом русского языка является префиксация, поэтому большинство глагольных лексических средств переводятся на русский язык приставочными глаголами.
5. Остальные средства, составляющие Периферию поля в английском языке, на русский язык, как правило, переводятся тем же элементом.
6. Остальные средства, составляющие Периферию поля в английском языке, на русский язык, как правило, переводятся тем же элементом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. – М.: Просвещение, 1971. – 231с.
2. Давыденко Л. Н. Лексические и синтаксические средства выражения начала и конца глагольного действия в современном английском языке: Дис. ...канд. фил. наук.- М., 1982. –220л.
3. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь Морфем Русского Языка. М.: Русский Язык, 1986, 1135с.
4. Моисеева Н.П. Средства выражения продолжительности и законченности действия в современном немецком языке // вопросы германского языкознания. – Киев,1961. –Вып. 1.- с.39-54.
5. С.Хокинг Краткая история времени. - АСТ, Москва, 2017 - с.201
6. Comri B. Aspect. An Introduction to the study of verbal aspect and related problems. –Cambridge University Press. - 1978. – pp 142
7. Freed A. F. The Theory of English Aspectual Complementation., Montclare State college, 1979- pp 165
8. Leech G. V. Meaning of the English Verb.- London? 1971. -pp131
9. Roget's 21st Century Thesaurus in Dictionary Form. – Edited by the Princeton Language Institute. –Dell Book, 1999.-p. 957

T. N. Osintseva

Saint-Petersburg State Marine Technical University
Veter.65@mail.ru

FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF THE COMPLETENESS OF ACTION IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

A comparative analysis of linguistic phenomena involves the development of a problem in two planes: the semantic one - how much the scope of concepts in various national world perceptions coincides or differs, and functional - what instrumentation does a language offer for the actualization of the concept in speech. This study presents a detailed analysis of the linguistic means of conveying the concept of completeness in English and Russian at all levels: from grammatical to syntactic, and also features of the FSP of completeness in each of the mentioned languages

Functional-semantic field, aspect, language picture of the world, concept, completeness, event structure, comparative analyses

УДК 811.512.33

Р. Сарангэрэл

Монгольский Государственный Университет Образования

sravjir@gmail.com

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКОВ РЕЧИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ГРАММАТИКИ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье мы попытались сравнить место и способ образования основных вариантов фонем монгольского языка с толкованием звуков речи, данным в традиционной грамматике "Огторгуйн маани", которое основано на теории пяти первоэлементов.

Теория пяти первоэлементов, место и способ образования фонем, основной вариант

1. Предисловие

Изучение языковой системы и разработка вопросов грамматики монгольского языка продолжались на протяжении нескольких столетий. Ярким примером стремления монгольских лингвистов усовершенствовать родной язык служит трактат тибетского ученого Сажа бандида Гунгаажалцана (1188-1251) "Зурхний тольт", что буквально означает "зеркальце сердца", который не смог в оригинале дойти до нас. Однако из кратких заметок, сделанных в "Огторгуйн маани", автором которого является Рабжамба Данзандагва, ясно, что Гунгаажалцан, озвучив 14 букв гласными звуками (а, е, и) и добавив еще (wa, we), в своем трактате определил 44 буквы. Но лабиализованные 4 звука (о, у, ò, ù) и озвученные этими гласными звуками другие 52 буквы не обозначались самостоятельными буквами. В "Зүрхэн тольт" Санжа бандида Гунгаажалцан не только классифицирует звуки монгольского языка на согласные и гласные, но и подразделяет гласные звуки на мужские (а, о, у), женские (е, ө, у) и средний (и).

Языковед Д.Төмөртоого в своей работе “Вопросы теории и истории монгольской лингвистики” [9, с. 407-445] отметил, что “Зурхэн тольт”, обновляясь новыми положениями, выдвинутыми учеными-исследователями, был традиционно унаследован до начала XX века.

В упомянутых трудах звуки монгольского языка классифицированы на основе пяти первоэлементов. Многими исследователями отмечено, что третья глава “Огторгуйн маани” представляет собой трактовку о фонетике монгольского языка. Данзандагва, опираясь на принципах пяти первоэлементов, описал яркую картину звуков речи. Опираясь на это, мы были сделали попытку сравнения места и способа образования основных вариантов фонем современного монгольского языка с положениями, выдвинутыми Данзандагвым.

2. Основная часть

Махбод, санскритское слово “*Ransa mahabhuta*”, исходящее из Древней Индии, означает “тело, вещество, предмет, элемент, материя”. По философским зрением древних греков, индусов и китайцев мир и все различные явления в нем рассматривались как результат взаимодействия первоэлементов. *В Древней Греции первоосновой считали огонь, воду, землю, в Древней Индии – пространство, воздух, огонь, воду, землю, а в Древнем Китае – металл, дерево, воду, огонь, землю* [6, с. 17-19].

Рассмотрим трактовки ученых-исследователей о концепции пяти первоэлементов. Например, Г. Лхагвасүрэн отмечает, что “*формирование и структура любых существенных предметов объясняются взаимодействием элементов: земли, воды, дерева, огня и воздуха. Согласно буддийской философии эти элементы влияют друг на друга и с положительной и с отрицательной сторон*” [там же]. С.Мөөмөө пишет, что “*согласные и гласные звуки классифицированы по концепции пяти элементов. Махбод /махаавхуута/ - слово-санскрит, означающее тело, вещество, предмет, элемент, материя. В Древних Греции, Индии, Китае было философское направление, считающее, что мир и все происходящие в нем явления являются результатом взаимодействия основных элементов. Для древних греков эти элементы - огонь, вода, земля; для древних индусов - воздух, огонь, вода, земля; а для древних китайцев - металл, дерево, огонь, вода, земля. Эта точка зрения проложила начало первому материалистическому взгляду о происхождении мира всего*” [там же]. Д.Ганболд указывает: “*махбод - индийское слово, означающее большое вещество. Монгольское слово “вещественный” корнем исходит именно из этого слова. Атом, или иными словами мельчайшая пылинка, сохраняет в себе корневые свойства земли, воды, огня, воздуха. По философскому толкованию, мельчайшая пылинка имеет массу (землю), влагу (воду), тепло (огонь), легкость (воздух), и состоит из бесчисленного множества. Космос представляет собой вакуумную среду, которая в любых условиях сохраняет пространственность*” [6, с. 17-19].

В трактате “Огторгуйн маани” Рабжамба Данзандагва классифицировал звуки по концепции Древних Индии и Китая.

Философия Древней Индии:

«*Из всех осязаемых свойств, характерных для любых предметов действительности, мудрые мыслители Древней Индии выбрали стойкость, влажность, тепло, легкость за первоисточника мироздания. А выражением этих физических свойств являются земля, вода, огонь, воздух*», - пишет Л.Чулуунбат [10,

с. 53]. Сравнивая это положение с современной теорией атома, он также отмечает, что «Суть первоисточников мироздания заключается в том, что элементы, являющиеся различным проявлением первичной материи, способны к взаимопревращениям: стойкость порождает твердость, влажность - плавкость, тепло - огненность, легкость - воздухообразность. Если это рассмотреть в полном соответствии с особенностью свойств частиц внутри атома, то протону и нейтрону, как компонентам ядра, присущ элемент-земля; мезону, имеющему свойство пара, - элемент-вода, электрону, который вращается вокруг ядра, - элемент-воздух; а ядру, имеющему силу притяжения, - элемент-огонь. А пятый растворимый элемент, пространство, есть и бытие» [1, с. 54].

Языковеды, в том числе ученый Ж. Санжаа, так оценивают трактовку Данзандагвы, который классифицировал звуки речи, придерживаясь к философской концепции Древней Индии: «несмычные звуки обозначены буквами, которым присущ элемент пространство; звуки, производимые легким движением языка, обозначена буквами элемента-воздуха; звуки, производимые движением языка вверх к небам, обозначены буквами элемента-огня; звуки, производимые при понижении языка и при смыкании губ, обозначены буквами элемента-воды; звуки, производимые при смыкании языка и зуб, обозначены буквами элемента-земли. Такое определение места произношения звуков, данное в традиционной грамматике, полностью совпадает с современной теорией классификации звуков речи» [7, с. 58]. Значит, заслуга Данзандагвы и Чойжи-Одсэра заключается в том, что они смогли объяснить основу современной фонетики с точки зрения концепции пяти первоэлементов.

Философия Древнего Китая [3, с. 10-12]:

Согласно космогенезу китайской философии «мир основывается на взаимопорождении и взаимопреодолении пяти первоэлементов (начал, стихий): земли, металла (неба), воды, огня и дерева. Природа воды – быть мокрой и течь вниз. Природа огня – гореть и подниматься вверх. Природа дерева – поддаваться сгибанию и выпрямлению. Природа металла – подчиняться внешнему воздействию и изменяться. Природа земли проявляется в том, что она принимает посев, дает урожай и присутствует во всем» [1, с. 11].

Ученый Ж. Санжаа и другие отмечают, что «в медицине рассматривалось, что печени характерен элемент-дерево, сердцу - огонь, селезенке – земля, легким – металл, почкам – вода...И звук, согласно философской концепции китайцев, порождается струей воздуха, выходящей из сердца, селезенки, легких и почек, т.е. внутренняя чувственность и звуки трактуются в тесной связи с энергией произношения» [6, с. 17-19], «данное толкование интересно тем, что звуки характеризуются участием речевых органов в органической связи с деятельностью внутренних органов человека» [там же], «при взаимодействии 5 элементов происходят два процесса: круг порождения (или питания), т.е. огонь порождает землю, земля – металл, металл – воду, вода – дерево, дерево – огонь и круг замыкается; и круг разрушения, т.е. огонь разрушает металл, металл – дерево, дерево – землю, земля – воду, вода – огонь и опять всё замыкается. Получается, что у каждого элемента есть 2 близких ему элемента: один, который питает его и второй которого питает он. Есть один «враждебный» – который его разрушает. И есть один зависимый, который разрушается им самим».

По концепции, «мать огня - дерево, земля – мать дереву, огонь – мать земле, а вода – враг огню, земля – враг воде, дерево – враг земле, металл – враг дереву, огонь – враг металлу, т.е. каждый элемент представляет собой одно из состояний единой первомагии – определенное сочетание основных качеств – тепла, холода, влажности и сухости: Тепло + сухость = Огонь, Тепло + влажность = Воздух, Холод + влажность = Вода, Холод + сухость = Земля» [1, с. 128].

Сравнение характеристик звуков по участию органов речи, основанных на теории пяти первоэлементов

В трудах монгольских лингвистов, в том числе у ученого Ж.Санжаа, подчергнуто, что «в традиционной грамматике, основанной на концепции пяти первоэлементов, дана нам яркая картина речепроизводства: звуки речи, производимые струей воздуха, в зависимости от признаков и действий присущего им определенного первоэлемента, со звуком-союзником соединяются сразу, а с враждебным звуком путем адаптации образуют слово или морфему, которые являются языковыми единицами, имеющими конкретное значение. Попытка сформулировать место и соединение звуков с точки зрения структурологии является главной заслугой древних лингвистов-монголов» [1, с. 128]. А ученый Д.Төтөртөгөө отметил, что «подразделение звуков монгольского языка по концепции пяти первоэлементов служит не только признанием вещественной стороны звуков речи, но и лингво-физиологической классификацией, отражающей место образования и способ произношения каждого звука» [там же].

Из всего вышесказанного следует, что «различие по концепции пяти первоэлементов» полностью совпадает с ассимиляцией гласных. Гармония, при которой ударный гласный в первом слоге монгольского языка определяет, какой гласный должен быть в следующем слоге, называется ассимиляцией гласных. Например, по принципу «Монгольского письма», если слово начинается с «о», то в следующих за ним слогах пишется «у»; если начинается с «а» – в следующих за ним слогах «о, у», и, если в начале слова «ө», то в следующих за ним слогах «ү». Также по кириллице, если в первом слоге а, у, то в следующих за ним слогах – краткий а /уран, намар/. В первом слоге ө – в следующих слогах краткий ө /өрөг, өнөр/. Если в первом слоге э, ү, и, то следует – краткий э /хэрэг, илбэ, үзэм/. Также, если в первом слоге о», то следует краткий о/орон, бороо/. К тому же, в сложном слове, состоящем из двух основ, могут сочетаться мужской и женский гласные /санахгүй, учиргүй/; поскольку «-жээ, -чээ», указывают на время действия, то, не имея других вариантов, пишутся они в словах и мужского и женского родов /гарчээ, иржээ/. Для иноязычных слов ассимиляция гласных монгольского языка не действует.

В таблице дано сравнение особенностей звуков, трактованных на основании концепции пяти первоэлементов, с местом и способом образования основных вариантов фонем современного монгольского языка:

Сравнив трактовку об особенностях произношения звуков, основанную на концепции пяти элементов, с местом и способом образования фонем современного монгольского языка, мы пришли к нижеследующему выводу:

1. Труды С.Мөөмөө наглядно показывают, насколько творчески относился Данзандагва к анализу классификации звуков индийского санскрит языка. Наблюдая особенность произношения звуков «А, Э, НГ, ГА, ХА и родственных» сумел точно определить, что «букве, обозначающей звук, который производится без каких-либо препятствий, характерен первоэлемент воздух». К тому же, гласный звук "е"

современного монгольского языка отнесли к ряду таких звуков, как "a,ŋ,q,kg g", относящихся к звукам задней части языка. Предполагаем, это, может быть, связано с происхождением и эволюцией гласного "е", при порождении которого струя воздуха, выходящая из легких, не встречает препятствий. Ученые Ш. Лувсанвандан, О.Мандах предполагают, что когда-то звук "е" произносился в среднем и за средним рядом языка. Н.Н.Поппе, детально изучивший квадратное письмо, которое сочинил Пагва лам Лодойжалцан, подчеркнул, что " в квадратном письме существовали два звука "е", один из которых довольно открытый "е", а второй - узкий "е".

2. Исходя из подразделения гласных звуков на мужские (а, о, у), женские (е, о, у) и средний (і), данных в "Огторгуйн маани", мы предполагаем, что громкий мужской (і) потерял самостоятельную функцию фонемы.

3. По месту образования губные и смычные звуки образованы при смыкании губ, звуки переднего ряда языка - при смыкании кончика языка, зуб и неб. Иными словами, смычка или фрикация речевых органов являются ярким примером того, как подробно толковались место и способ образования согласных в традиционной грамматике. Также, точно были определены способы произношения вибрикативного звука г и билатерально-фрикативного звука л.

Взаимопорождение и взаимопреодоление пяти элементов заключается в следующем: дерево, порождая огонь, побеждает землю; огонь, порождая землю, побеждает металл; земля, порождая металл, побеждает воду; металл, порождая воду, побеждает дерево; вода, порождая дерево, побеждает огонь. Мы предполагаем, что детальное изучение этого взаимопорождения в тесной связи с признаками звуков речи, поможет нам раскрыть и другие стороны таких языковых явлений, как чередование и изменение звуков

ЛИТЕРАТУРА

1. Dan9anda3ba, Jiru2ken-u2 toltu-yin bic4ig nigen debter orusibay, Mong3ol kelen-u2 sudulul-un durasqaldu bic4ig-u2d. O2bu2r mong3ol-un keblel-u2n bu2lu2glel, O2bu2r mong3ol-un soyol- un keblel-u2n qoriy-a, Mong3ol tulgar bic4ig-un c4ubural. 2015.
2. Ганболд, Д., Монгол сан тахилгын судар үгийн урлагийн туурвил болох нь. УБ., 2006, с.111
3. Дарьхүү. Р., Эрдэнэбаяр., Г. Философийн түүх. УБ., 2014, с.10-12
4. Монгол хэл шинжлэлийн дурсгал, ред. Ц. Өнөрбаян. УБ., 1997, с.52
5. Мөөмөө, С. Орчин цагийн монгол хэлний авиан зүй, ред. С.Галсан. УБ., 1979, с.65, 66
6. Пагба Т. "Зүрхний тольтын тайлбар"-ыг судалсан тухай тэмдэглэл, ред. Ц.Дамдинсүрэн. УБ., 1957, с.19
7. Санжаа, Ж., Надмид, Ж. Монгол хэлний авиазүй ба авиалбарзүй, ред. С.Мөөмөө. УБ., 2008, с.58-59
8. Санжаа. Ж. Монгол хэлний их авиалбар, авиалбар, авианы тогтолцоо. УБ., 2011, с.169
9. Төмөртоого, Д. Монгол хэл шинжлэлийн онол түүхийн асуудлууд. УБ., 2008, с.407-421
10. Чулуунбат, Л. "Үсгийг махбодоор ялгах ёсны тухай" // ХЗС /1-19/ боть, 1987, с.53

R. Sarangerel

Mongolian State University of Education,

CHARACTERISTICS OF SPEECH SOUNDS FROM THE POINT OF VIEW OF THE TRADITIONAL GRAMMAR OF THE MONGOLIAN LANGUAGE

The paper presents the analysis of how the explanation of the language sounds in “The Lotus Sutra”, a traditional grammatical writing of Mongolian Language, from the perspectives of a theory of The Five Elements (The Five Wind Branches) has been compared with the ways and positions of producing sounds in modern Mongolian language. As shown in “The Lotus Sutra”, the vowel sounds were classified into ‘masculine’ - (a, o, u); ‘feminine’ - (e, ö, ü); and ‘neutral’ - (i), however, a strong masculine sound (i) lost its fundamental phonetic role and changed into ‘neutral’. As properly prescribed the ways and positions of sound production in ancient grammar, it can be concluded that there were several ways and positions to produce consonant sounds, for instance, the labial – sounds produced with lip-to-teeth contact; labiodental – sounds with lip-to-teeth contact; dental – while front sounds made with the tongue touching the front teeth; and finally, alveolar – sounds made with the tongue touching.

Theory of The Five Elements, formation phoneme, variant of phoneme

УДК 81-23

О. О. Секиро

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

olgasekiro@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ИСТИНА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Статья посвящена анализу семантического наполнения концепта «истина» в языковом сознании студентов 4 курса филологического факультета СПбГУ. Теоретической базой послужила концепция В.В. Колесова, положения которой определили алгоритм исследования. Материалом исследования послужил опрос студентов, на основании анализа которого были сделаны выводы о современном наполнении данного концепта.

Концептуальные исследования, концепт «истина», языковая ментальность, когнитивная лингвистика, современный русский язык

Когнитивные исследования сегодня являются одним из основных направлений развития лингвистической мысли, в связи с чем в современной научной парадигме существует огромное количество определений концепта — базовой единицы исследования языкового сознания. В рамках настоящего исследования в качестве базового избрано определение В.В. Колесова: концепт — это «исходный смысл, не обретший формы; это сущность, явленная [...] в своих содержательных формах: в [...] образе и символе, и в [...] в понятии» [4, с. 23]. Содержательные формы концепта определяются «первосмыслом», концептумом, «идеальной сущностью концепта» [2,

с. 45]. Понимание концепта в единстве логического и лингвистического предполагает следующее соответствие содержательных форм концепта и логических категорий: концептум соответствует логическому основанию, образ - условию, понятие - причине и символ - цели, что необходимо учесть при исследовании. В ходе анализа, конечной целью которого является выявление понятия концепта, необходимо предварительное разложение понятия концепта, на содержание (десигнат, представленный эпитетами-определениями перед словом-репрезентантом концепта) и объем (денотаты, представляющие собой предикаты после слова-репрезентанта). Конечное толкование концепта возможно в результате совмещения десигнатных и денотатных признаков, полученных в результате анализа конкретных текстов.

Источником денотатов послужили высказывания, полученные в результате анкетирования студентов 4 курса филологического факультета СПбГУ в декабре 2016 г. Информантам были предложены 4 вопроса, семантически ориентированные на построение таких высказываний, на основе которых можно выявить денотаты основания, условия, причины и цели соответственно содержательным формам концепта.

Установление денотатов

В результате проведенного анализа высказываний, включающего их редукцию, были определены:

Пары инвариантных денотатов. Внутри пар один из денотатов отражает понимание, ориентированное на план реального (далее — Р.), другой — на план идеального (далее — И.) в соответствии с базовой оппозицией русской ментальности «реальное-идеальное». В качестве инвариантных были выбраны семантически родовые денотаты.

Факты сближения семантики денотатов, имеющих разные логические соответствия (например, из ответа на вопрос, ориентированный на денотат основания, можно было выявить денотат, соответствующий условию и др.). Характерный случай сближения — появление причинной семантики у денотатов условия и основания.

Основания: представление, соответствие, понятие, мысль, правда, ответ, смысл, гармония, залог существования, сверхчеловеческая реальность, сущность мира, смысл в себе, альфа и омега мироздания, эманация Бога, благо, субстанция, основа устройства жизни.

Инварианты: правда (Р.), благо (И.)

Условия: диалог или спор, любовь, добро, откровение, созидание, искренность, святость, остранение от представлений, отсутствие барьеров, открытость, готовность, восприятие, понимание, понятие, постоянная возможность, осуществление, реализация, соответствие себе

Инварианты: любовь и добро (Р.), соответствие себе (И.)

Причины: стремление, желание, попытка, усилие, умозаключение, творческая энергия, очищение и проникновение внутрь себя, открытие богочеловеческой природы, природа, необходимость свершения, несовместимость с сознанием, универсальность, невозможность в относительности, неподвластность разуму, независимость, существует вне мира, внеположность миру.

Инварианты: универсальность (И.), открытие необходимости в умозаключении (Р.)

Цели: смысл мира, понимание мира, смысл и значение, поиск смысла, раскрытие сути явлений, реализация осознания невозможности абсолютного познания мира, абсолют над смыслом, развитие человека, ориентир для действий, счастье, баланс бытия, противостояние хаосу, жизнь всего сущего, Царство Божие, возвращение в лоно истины

Инварианты: Царство Божие (И.), смысл баланса всего сущего (Р.).

Определение десигнатов

В результате опроса студентов (информантам было предложено подобрать эпитеты-прилагательные к существительному «истина») были получены следующие прилагательные. Ниже приведена итоговая классификация прилагательных по четырём типам (типичные, глубинные, интенсивные, длительные). Глубинные и интенсивные признаки, как и денотаты, распределяются по двум полюсам (реальные и идеальный планы). Отметим, что у истины как у абстрактного концепта отсутствует предметное значение, а значит, типичных признаков, означающих определение из самой предметности, нет.

Глубинные:

Р.: великая, святая

И.: абсолютная, объективная, универсальная, всеохватная, единственная, первозданная, первоначальная

Интенсивные:

И.: холодная, горькая, ужасная непреложная, неопровержимая, неоспоримая, недостижимая

Р.: божественная, высшая

Длительные: вечная

Построение образных понятий

Построение образных понятий осуществляется путём совмещения признаков десигната и денотата по следующему принципу: типичный признак — цель (символ), глубинный признак — причина (понятие), интенсивный признак — условие (образ), длительный признак — основание (концептум). В результате совмещения получим 2 группы образных понятий:

Первая группа: вечная правда (осн.), высшее добро и божественная любовь (усл.), абсолютная необходимость, великое открытие, универсальное умозаключение (прич.)

Вторая группа: вечное благо (осн.), неопровержимое соответствие самому себе (усл.), первозданная универсальность (прич.)

Денотаты цели не образуют образных понятий, т. к. типичные признаки отсутствуют. В состав ментальных формул инвариантные денотаты цели войдут без определений.

Этимологическая справка

Согласно Этимологическому словарю праславянских языков, слово «истина» - «производное с суф. -ina от прилаг. *jъstъ» [5, с. 242]. На происхождение от прилагательного (шире — определения, см. ниже о местоименности) обращает внимание и В.В. Колесов: «Исходный корень -ист- при латинском iste ‘тот же (самый)’ выдаёт местоименное своё происхождение — это указание на “суть” в её чистом и полном виде, без всякого отношения к бытийности» [2, с. 523]. В.В. Колесов также отмечает, что «“истина” последовательно уводит мысль в интеллектуальную,

объективно существующую или умопостигаемую, требующую разумных обоснований или доказательств сферу» [2, с. 525].

Выводы

В результате анализа семантики предикатов установлено, что все значения полученных денотатов концепта «истина» варьируются в пределах двух пар эквиолентных оппозиций: «конкретное-абстрактное» и «реальное-идеальное». В пределах варьирования факты сближения денотатов, соответствующих разным логическим значениям, объясняются сильной интенцией конкретизации в понятии. Конкретизация так велика, что вызывает обратный результат: так значения, свойственные причине, появляются у денотатов условия и основания, и цельность каждого компонента разрушается.

В результате совмещения инвариантных денотатов и десигнатов были две инвариантные ментальные формулы, представляющие собой итоговое толкование смысла исследуемого концепта:

Истина — вечная правда в высшем добре и божественной любви, явленная вследствие абсолютно необходимого великого открытия в универсальном умозаключении как смысл баланса всего сущего (Реальн.)

Истина — вечное благо в первозданной универсальности, неопровержимо соответствующее самому себе как Царство Божие (Идеальн.)

Определение этимологического первосмысла «истины» и соотнесение его с содержанием полученных ментальных формул позволило выявить, что древняя семантика 'соответствия' (см. выше о местоименном «тот же самый») содержится в причинном компоненте данной ментальной формулы («неопровержимое соответствие себе»).

Противопоставление «правды» и «блага» как денотатов основания в итоговых ментальных формулах противоречит сближению «правды» и «блага», например, у В.И. Даля: «истина относится к уму и разуму, а добро или благо к любви, правде и воле» [1, с. 52]. Прояснить полученное противопоставление можно, если обратиться к мысли В.В. Колесова о том, что «общая ориентация на ratio истины делает избыточным понятие “правды” [...] рассудочность философствования в таком духе приводит к полному забвению категории “благодать”» [3, с. 529]. В.В. Колесов отмечает, «за [...] признаками Благодати скрывается та самая “правда”» [3, с. 530]. Таким образом, «реальное» и «идеальное» понимания с точки зрения исторической перспективы развития ментальности связаны с соотношением блага и благодати. Глубинное отличие блага от благодати кроется в взаимосвязи человека и божественного. Благодать есть благо, данное в действии любви и добра (условие), то есть благо достижимое, реальное. «Благо» же (как основание «идеальной» ментальной формулы) скорее разъединяет, всегда «неопровержимо соответствуя самому себе». Человек такому «благу» не может соответствовать ни при каких условиях. Это восходящее к Илариону противопоставление Закона и Благодати. Благо в современную эпоху понимается более жестко (см. определения горькая, холодная, ужасная истина). В современном языковом сознании из-за ориентации на понятийность (чем понятие точнее определено, тем оно недоступнее) благодать, данная в символах любви и добра, сосуществует в концептуальном поле с идеально-недоступным «благом».

Закономерно, что анализ на данном этапе коснулся именно в основном предикатов основания: поиск этимологического первомысла соотносится с «зерном первомысла» - концептумом, который логически соответствует основанию.

Анализ содержательных форм концепта «истина», проведённый на материале высказывания студентов, позволил определить, что современное понимание указанного концепта, наблюдаемое у информантов, тяготеет к «идеальной» рациональности, характерной для средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 2. М., 2001.
2. Колесов В.В. Концептология: учебное пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова. Кемерово, 2012.
3. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб., 2004.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
5. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 8. М., 1981.

O. Sekiro

Saint Petersburg State University (SPBU)

CONCEPT «TRUTH» IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE MENTALITY

The article is devoted to analysis of semantic content of the concept «truth» in language mentality of 4-year students of the philological faculty of SPBU. The theoretical basis of the research is V. Kolesov's conception, in accordance with which the algorithm of analysis has designed. Researching the material of interviewing students we have discovered the modern content of this concept.

Conceptual studies, concept «truth», language mentality, cognitive linguistics, modern Russian language

УДК: 81'42

М. С. Сигаева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
msigaeva@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена некоторым аспектам политического дискурса в английском языке. Рассматривается проблема определения термина политический дискурс. Выделяется ряд наиболее часто используемых языковых

приемов. Описываются языковые особенности, присущие мировым лидерам, на примере их наиболее известных речей.

Дискурс, политика, дискурсивный анализ, политическая лингвистика

В настоящее время политический дискурс является одной из наиболее интересных и динамичных видов дискурса. Речь, риторика являются важными инструментами политического воздействия. В эпоху современных технологий в ходе борьбы за власть и внимание в ход идут не только традиционные средства массовой информации такие как бумажная пресса и телевидение, но и новейшие системы коммуникации с обществом такие как социальные сети, мессенджеры и т.д. Способы выражения и передачи мысли в интернете в целом имеют ряд отличительных черт, проявляющихся на всех уровнях языка: лексическом, грамматическом, синтаксическом.

Политический дискурс возник на стыке нескольких видов наук таких как лингвистика, политология, социология. Многие лингвисты считают, что его изучением занимается отдельная наука – политическая лингвистика, зародившаяся в начале прошлого века, благодаря трудам Уолтера Липмана, занимавшегося созданием пропагандистских листовок во Франции, П. Лазарсфельда, изучавшего эффективность агитационной компании в 1940х годах. В настоящий момент существуют разные подходы к определению данного феномена. Е.И. Шейгал считает, что политический дискурс имеет два измерения: реальное и виртуальное. При этом «в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации» [4]. Нидерландский лингвист, Т.А. ван Дейк, напротив, определяет политический дискурс как: «дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентский дебатов, партийных программ, речей политиков» [1]. Такое определение подчеркивает институциональный характер политического дискурса, ограничивая его профессиональными рамками. В то время как при более широком рассмотрении к политическому дискурсу относятся также разного рода тексты на политическую тематику, созданные журналистами, обычными людьми, политическая литература, а также мемуары. Несомненно, данные произведения могут различаться не только планом содержания, но и планом выражения. Газетная статья, посвященная предвыборной гонке будет содержать иные средства языка, нежели, например, мемуары, написанные политиком. В данной статье были рассмотрены основные языковые приемы, используемые политиками в своих самых значимых выступлениях. Политический дискурс, будучи отнесенным к институциональному типу с точки зрения социолингвистики, в данном случае смешивается с персональным. Таким образом, данный термин может рассматриваться в узком и широком смысле. В первом случае к политическому дискурсу будут относиться тексты, целью которых является завоевание, осуществление и сохранение власти. В широком смысле к данному виду дискурса будет относиться такие формы общения, где одна из составляющих имеет отношение к политической сфере: субъект, адресат или содержание.

Политический дискурс существует столько же давно сколько и сама политика. Уже в Древней Греции, например, Цицерон и Аристотель рассматривали различные

способы воздействия на аудиторию с целью достижения определенных целей. В двадцатом веке Д. Оруэлл в статье «Политика и английский язык» говорит о «порче английского языка», подчеркивая, что она «обусловлена в конечном счете политическими и экономическими причинами, а не просто дурным влиянием того или иного автора» [2]. Начало и середина XX века стали периодом зарождения и расцвета того политического дискурса, который, по мнению писателя, испортил язык. Войны, смена власти, классовая борьба – все это несомненно отражалось в статьях, выступлениях, брошюрах, главная задача которых – воздействовать на читателя, слушателя, побудить его изменить точку зрения. Язык того времени характеризуется большим количеством штампов, устойчивых выражений с одной стороны и расплывчатостью формулировок с другой. Оруэлл подчеркивает, что: «в наше время политическая речь и письмо в большой своей части — оправдание того, чему нет оправдания. Поэтому политический язык должен состоять по большей части из эвфемизмов, тавтологий и всяческих расплывчатостей, и туманностей» [3]. Политики и главы государств не хотят признавать военных преступлений, свою вину в развязывании войн и конфликтов. Поэтому всем понятные и простые предложения, отражающие нелицеприятную правду трансформируются с помощью использования «умирающих метафор (*stand shoulder to shoulder with, Achilles' heel, swan song*), претенциозных слов (*eliminate, liquidate, triumphant*), операторов или словесных протезов (*deserving of serious consideration, brought to a satisfactory conclusion*), бессмысленных слов (*romantic, values, patriotic, realistic,*)» [3].

Одним из величайших ораторов того периода, о котором говорит Оруэлл, несомненно был Уинстон Черчилль, который успешно использовал в своих речах некоторые из вышеперечисленных приемов. Многочисленные повторы, использование простых слов и коротких предложений – вот основные черты знаменитых выступлений на примере знаменитой речи, прозвучавшей в Палате Общин 13 мая 1940 года.

«You ask, what is our aim? I can answer in one word: Victory. Victory at all costs— Victory in spite of all terror— Victory, however long and hard the road may be, for without victory there is no survival». (Вы спросите, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа, победа любой ценой, победа, не смотря на весь ужас, победа, каким бы долгим и трудным не был путь; потому что без победы не будет жизни)

«We shall go on to the end. We shall fight in France, we shall fight on the seas and oceans, we shall fight with growing confidence and growing strength in the air...»(Мы пойдем до конца, мы будем биться во Франции, мы будем бороться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе)

Современный британский политик Борис Джонсон в дискуссии, посвященной книге о Черчилле, отмечает, что его предшественник использовал в своих речах: «первобытный язык, язык, погребенный Нормандским завоеванием» («*the primal language, the language that is buried beneath the Norman conquest*»). Например, в одной из самых знаменитых своих речей, посвященных спасению британских войск с побережья Франции: «*We shall defend our Island, whatever the cost may be; we shall fight on the beaches, we shall fight on the landing grounds, we shall fight in the fields and in the streets, we shall fight in the hills; we shall never surrender...*»(будем защищать наш Остров, какова бы ни была цена, мы будем драться на побережьях, мы будем драться в портах, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем биться на

холмах; мы никогда не сдадимся,) он использует лишь одно слово латинского происхождения «surrender»[2].

Особенности речи современных политиков, а также сравнение с их предшественниками, также вызывают интерес и могут быть рассмотрены на примере выступлений двух американских президентов. Одним из событий, всколыхнувших весь мир, а с ним и мировой журнализм несомненно была победа нынешнего президента США. Одной из основных особенностей всех выступлений Д. Трампа также является использование простых синтаксических структур, отсутствие сложных слов и словосочетаний, а также частое использование повторов.

Together, we will determine the course of America and the world for many, many years to come. We will face challenges. We will confront hardships, but we will get the job done. (Вместе мы выберем курс Америки и мира на многие годы вперед. Мы встретим трудности. Мы будем противостоять лишениям, но мы справимся.)

...it's going to be only America first. America first. (Только Америка будет первой. Америка первой). *We will bring back our jobs.*

We will bring back our borders. We will bring back our wealth - and we will bring back our dreams! We will build new roads, and highways, and bridges, and airports, and tunnels, and railways all across our wonderful nation. We will get our people off of welfare and back to work... [7]. (Мы вернем нашу работу. Мы вернем наши границы. Мы вернем наше богатство, и мы вернем наши мечты. Мы будем строить новые дороги и автомагистрали, мосты, аэропорты и туннели, а также железные дороги по всей нашей замечательной стране. Мы избавим наших людей от пособий по безработице и вернем им работу). Эти черты, по мнению зарубежных лингвистов отличают нынешнего президента от его предшественников, особенно Б. Обамы, использовавшего в своих выступлениях противоположные приемы. Дженнифер Склафани в своей книге о Д. Трампе отмечает, что «Трамп использовал язык, чтобы «создать бренд» как политик». Гиперболы, намеренная прямота в речи направлены на создание ощущения силы нации, уверенности, чувства, что работа выполнена. Общий посыл инаугурационной речи Трампа был «*success*» (успех). В то время как для его предшественника это «*hope*» (надежда). Рассматривая речь Обамы, можно отметить частое использование сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, сложной, порой высокопарной, лексики.

«My fellow citizens: I stand here today humbled by the task before us, grateful for the trust you've bestowed, mindful of the sacrifices borne by our ancestors» (Сотраждане: Сегодня я стою здесь со смирением от стоящей перед нами задачей, благодарный за ваше доверие, помня о жертвах, которые принесли наши предки.).

On this day, we come to proclaim an end to the petty grievances and false promises, the recriminations and worn-out dogmas that for far too long have strangled our politics [7].

(В этот день мы пришли, чтобы провозгласить конец мелким обидам и ложным обещаниям, обвинениям и измученным догмам, которые слишком долго душили нашу политику).

Ни один политических текст не обходится без метафор. По словам С. Томпсона политика без метафор как рыба без воды [6]. Действительно, какая бы цель не преследовалась: сокрытие нелицеприятных фактов, агитация, привлечение внимания, умело подобранная метафора всегда задает нужный тон публикации, выступлению, заголовку. Метафоры убедительны, так как используют аналогию, и аналогия

фундаментальна для мысли. Мы с готовностью понимаем и принимаем концепции и идеи, которые относятся к чему-то еще, что мы уже понимаем, и это процесс аналогии. Когнитивный ученый Дуглас Хофстэдтер утверждал в 2001 году, что все мышление аналогично: «Каждое понятие, которое у нас есть, по существу представляет собой не что иное, как плотно упакованный пучок аналогов ... все, что мы делаем, когда мы думаем, что мы должны двигаться плавно от концепции к концепции - в другими словами, прыгать от одного аналога-пучка к другому» [5].

И нынешний и предыдущий президенты США использовали метафоры в своих выступлениях. Многие из метафор, используемые Д. Трампом нацелены на привлечение внимание, порой через отрицательные эмоции, шок.

We can't continue to allow China to rape our country and that's what they're doing (Мы не можем позволить Китаю насиловать нашу страну, а это то, чем они занимаются).

Прозвучавшие в его речи обещания *to 'drain the swamp' and end the 'flood of refugees'* (осушить болото и положить конец «наплыву беженцев»), вызвали неоднозначную реакцию в обществе и незамедлительно стали заголовками газет.

When you open your heart to patriotism, there is no room for prejudice. A new national pride will stir our souls, lift our sights, and heal our divisions we all bleed the same blood of patriots, we all enjoy the same glorious freedoms, and we all salute the same great American Flag.

Together, we will make America strong again. We will make America wealthy again. We will make America proud again. We will make America safe again. And, yes, together, we will make America great again [7]. (Когда вы открываете свое сердце патриотизму, нет места для предрассудков. Новая национальная гордость пробудит наши души, поднимет наши взгляды и исцелит наши разногласия

В нас течет одна кровь патриотов, все мы наслаждаемся одинаковыми великими свободами, и все мы приветствуем один великий Американский Флаг.

Вместе мы снова сделаем Америку сильной. Мы снова сделаем Америку богатой. Мы снова заставим Америку гордиться. Мы снова сделаем Америку безопасной. И да, вместе, мы снова сделаем Америку великой).

В отличие от Д. Трампа Б. Обама обращается к более сложным метафорам и отсылкам к личностям, имена которых не являются широко известными за пределами страны.

That spirit of discovery is in our DNA. We're Thomas Edison and the Wright Brothers and George Washington Carver. We're Grace Hopper and Katherine Johnson and Sally Ride.

We're every immigrant and entrepreneur from Boston to Austin to Silicon Valley racing to shape a better world [7]. (Этот дух открытия находится в нашей ДНК. Мы Томас Эдисон и Братья Райт и Джордж Вашингтон Карвер. Мы Грейс Хоппер и Кэтрин Джонсон и Салли Рид. Мы иммигрант и предприниматель от Бостона до Остина и Силиконовой долины, состязающиеся чтобы создать лучший мир.)

Здесь самой большой метафорой является использование ДНК для обозначения «национального духа». Однако при дальнейшем рассмотрении можно увидеть множество меньших метафор, целью которых является прославление нации и напоминание об особых качествах американского духа.

Президент не говорит людям, что они должны развивать эти качества, которые включают безграничную энергию, научное любопытство, инновационное мышление,

точную точность и мужество. Вместо этого он приводит примеры людей, обладающими этими качествами.

Таким образом, даже несколько примеров демонстрируют, что сила языка, употребление определенных языковых приемов способны сделать речь политика запоминающейся. Определенные повторяющиеся приемы и структуры позволяют вызывать те или иные эмоции, обогащать текст, привлекать и сохранять внимание слушателей, их эффективность очевидна на примере самых знаменитых и значимых выступлений политиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк Ван Т.К. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», URSS, 2013
2. Джонсон Б. Фактор Черчилля. Как один человек изменил историю / Пер. с англ. А. Галактионов. - М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2017. - 5 с
3. Оруэлл Д. Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии. - Изд. «Московская школа политических исследований». - Москва, 2003. - 341с
4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. - М.: ИТДГК "Гнозис", 2004. - 326 с
5. Hofstadter D. R. Fluid Concepts and Creative Analogies: Computer Models of The Fundamental Mechanisms Of Thought. - Basic Books, 1995.
6. Sclafani J. *Talking Donald Trump: A Sociolinguistic Study of Style, Metadiscourse and Political Identity* - **Routledge. 2017.**
7. Thompson S. *Metaphor: Implications and Applications*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1996. – 185 с.
8. <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/>

M. S. Sigaeva

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

THE PECULARITIES OF POLITICAL DISOURSE IN ENGLISH

The article is devoted to some aspects of political discourse in the English language. The problem of the term is considered. A number of the most frequently used language techniques is considered. The linguistic peculiarities of world leaders' speeches are used as an example.

Discourse, politics, discourse analysis, political linguistics

УДК 81'42

А. Л. Соколова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
alexandra.l.sokolova@yandex.ru

МИФОЛОГЕМА ДЕРЕВА КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОГО МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

Данная работа посвящена исследованию мифологемы дерева как элемента создания вторичного мира (secondary world). Приводится краткая характеристика дерева как ключевого культурного символа. Мифологема описывается с точки зрения реализации положительного или отрицательного семантического значения. В рамках этих категорий рассматриваются основные характеристики мифологемы: помощь, защита, объект поклонения и угроза.

Лингвокультурология, мифологема, фэнтези, вторичный мир

Жанр фэнтези выступает разновидностью фантастики, констатирующей фантастическое допущение на основе вымысла за счет мифологии, мистики, магии и волшебства. Подобные черты присущи эпическим произведениям, легендам, мифам и сказкам. Однако в случае с фэнтези автор, в первую очередь, создает собственный, уникальный и новый мир, который затем становится местом реализации истории. Как самостоятельный жанр фэнтези оформилась только к концу XX века, но на данный момент уже представляет собой полноценное направление в искусстве и культуре, включающее литературу, живопись, кино (преимущественно экранизации), музыку, театр и компьютерные игры.

В литературе жанр сформировался под влиянием Дж. Р. Р. Толкина. Трилогия «The Lord of the rings» считается исходной моделью для фэнтези-произведений. И именно Толкин, в эссе «On Fairy tales», своеобразном манифесте жанра, впервые вводит понятия Primary и Secondary world, предлагая разделять мир реальный (первичный) и созданный автором (вторичный). Фэнтези конструируется из элементов первичного мира, параллельно трансформируя их в компоненты мира вторичного, интерпретируя привычные простые предметы и явления сказочным образом. Согласно Толкину, каждый автор, создавая новый мир, стремится достигнуть максимального уровня реалистичности, правдивости, сообщить своему миру, то, что Толкин предлагает называть «inner consistency of reality» – «внутренняя логичность реального». Поскольку, только сказка, которая «пахнет правдой реального мира», сохраняя мифическую и аллегорическую значимость, дает ощущение подлинности (сотворенного мира). Достижение последней позволяет автору оперировать фантастическим, как не противоречащим законам созданной реальности. Фэнтези использует в качестве источника элементов сюжета миф, сказку и легенду. Но в самом мире фэнтези они перестают таковыми быть. Реальность происходящего не подвергается сомнению, что роднит его с мифом, поскольку, согласно А. Лосеву: «миф начисто и всецело реален и объективен; и даже в нем никогда не может быть поставлено вопроса о том, реальны или нет соответствующие

мифические явления» [1, с. 43]. Каждый автор выбирает свой способ работы с мифом, перерабатывая его целиком, перенося мифических героев и существ в реальный мир, используя отдельные элементы мифологии. Именно таким элементом и является дерево. Необходимо отметить, что дерево в том или ином виде становилось объектом исследования самых разных научных дисциплин, среди которых и культурология, и психология, и антропология, и филология, и лингвистика. Среди ключевых ученых стоит упомянуть Юнга, относившего дерево к одному из ряда древнейших архетипов, Фрезера, уделившего особое внимание деревьям и лесу как компонентам религиозного культа, Торопова, рассматривавшего этот образ в рамках мифопоэтического сознания представителей разных лингвокультур.

В мировой культуре дерево – многогранный образ, который характеризуется наличием обширного спектра символов. Дерево – фрагмент растительного мира и одновременно часть мифологии, где ему отводится одна из ключевых ролей (например: мировое дерево, дерево жизни, дерево познания у разных народов). Дерево может символизировать связь между мирами и жизненный цикл человека.

Дерево это один из древнейших символов, занимающих особое место в жизни человека. Оно является отражением целостного восприятия мира, некой универсальной формой, охватывающей границы мироздания. Всевозможные модификации этого символа встречаются почти в каждой культурной традиции различных стран мира. В выжженном солнцем Египте царил священный сикомор, в скованной льдами Скандинавии – ясень Иггдрасиль, у корней гигантского баньяна в Индии достиг просветления Будда, по китайским преданиям, в центре Срединной империи и всего мира росло прямостоящее дерево (Къен-Му), у мексиканских индейцев мировое древо поднималось из чрева богини-Земли, объединяя низшее царство с высшим. В Африке почиталось дерево предков (своя разновидность у каждого племени), у американских индейцев существовало поверье о рождении человека из дерева.

Отождествление дерева и божества привело к появлению в разные периоды времени священных лесов (рощ) практически во всех уголках земного шара. Кроме широко известных кельтских, германских, древне римских и греческих, подобные сакральные места встречаются у персов, китайцев, африканских народов, индийцев, эвенков, бурят, нанайцев, австралийских аборигенов, монголов, эстонцев и славян.

Священные рощи традиционно были округлой или продолговатой формы, состояли из особенно крупных и красивых деревьев, имели четко выделенный центр (большое дерево или открытое место – своеобразный алтарь), обладали целым рядом строгих правил и табу. Собственно говоря, являлись природным прообразом храмов.

В народных представлениях деревья нередко воспринимаются как живые существа: они чувствуют, дышат, говорят друг с другом и даже с людьми, обладающими особыми способностями. По этой же причине с деревьями связаны многочисленные табу: их нельзя бить, рубить, осквернять. Д. К. Зеленин связывал с тотемизмом т.н. "строительные жертвы", рассматривавшиеся как компенсация за рубку деревьев, из которых строился дом, мост и т.п. Кроме того, растения рассматриваются и как жилище нечистой силы, злых духов (осина, бузина, корень мандрагоры) [2, с.591- 629].

Все упомянутые аспекты функционирования образа дерева в мифе находят свое отражение в создании вторичного мира произведений жанра фэнтези. В данной работе будут рассмотрены примеры из следующих циклов: «Властелин Колец»

Дж.Р.Р. Толкина, «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса, «Песнь Льда и Пламени» Дж. Мартина, «Гарри Поттер» Дж. Роулинг.

В качестве общего признака классификации предложено использовать положительное или отрицательное семантическое значение данной мифологемы.

В блоке положительных значений можно выделить следующие характеристики мифологемы дерева: **защита, антропоморфный персонаж-помощник, объект поклонения.**

Основная роль, которая отводится дереву во всех упомянутых произведениях – защитник. Они могут охранять свою страну и ее жителей, вступать в противоборство с силами зла, оберегать только определенного героя или место, хранить порядок вторичного мира.

В произведениях Толкина деревья реализуют функцию защиты и помощи несколькими способами. Тут необходимо вспомнить золотой лес Лориен, хранящий волшебство даже внутри вторичного мира, но только на ограниченной территории и только в союзе с его обитателями – эльфами. Лориен обладает всеми признаками священной рощи из мифа, в первую очередь, сакральностью и недостижимостью для простых смертных и создает сказку в сказке.

- It is told that she had a house built in the branches of a tree that grew near the falls; for that was the custom of the Elves of Lórien, to dwell in the trees, and maybe it is so still. Therefore they were called the Galadhrim, the Tree-people. Deep in their forest the trees are very great [3, с. 341].

- We hear that Lórien is not yet deserted, for there is a secret power here that holds evil from the land [3, с. 341].

И лес Фангорн, незаметно несущий свою службу долгие годы, а в ключевой момент выступающий против темных сил на стороне добра, на момент повествования тоже является мифом для героев произведения.

- Saruman shall not set foot beyond the rock without my leaf. Ents will watch over him [4, с. 473].

- We keep off strangers and the foolhardy [4, с. 472].

- The king was silent. “Ents!” he said at length. “Out of the shadows of legend I begin a little to understand the marvel of the trees, I think. – You are not without allies, even if you know them not” [4, с. 549].

У Льюиса в первой же книге цикла появляется Tree of protection, которое олицетворяет покой и безопасность, будучи безмолвным и пассивным щитом для обитателей Нарнии (вторичного мира, созданного автором).

- “Son of Adam” said Aslan, “you have sown well. And you, Narnians, let it be your first care to guard this Tree, for it is your Shield” [5; с. 99].

У Мартина и Роулинг деревьям отведена более воинственная роль, они не столько защищают «своих», сколько проявляют враждебность по отношению к «чужим».

- These trees will kill us if they can [6, с.310].

- “I told you, months ago, that the Whomping Willow was planted the year I came to Hogwarts. The truth is that it was planted because I came to Hogwarts. This house” — Lupin looked miserably around the room, — “the tunnel that leads to it — they were built for my use. Once a month, I was smuggled out of the castle, into this place, to transform.

The tree was placed at the tunnel mouth to stop anyone coming across me while I was dangerous” [7, с. 245].

Деревья представлены как нечто легендарное, часть эпического прошлого. Они не всемогущи, но наделены могуществом и способностью противостоять злу в разнообразных вариантах.

Антропоморфные черты, как в физическом, так и в ментальном плане, свойственны, преимущественно, деревьям-защитникам в мирах Толкина и Льюиса. Они делают все, что присуще людям: чувствуют, мыслят, выражают эмоции, разговаривают, передвигаются, даже играют на музыкальных инструментах и поют.

У Льюиса, заимствовавшего элементы античной мифологии, деревья являются полноправными, но позабытыми обитателями волшебной Нарнии. Лесной народ или лесные люди (wood people) представлены дриадами и гамадриадами, принимающими непосредственное участие в событиях ряда произведений цикла.

- Out of the trees wild people stepped forth, gods and goddesses of the wood [8, с.387].

- She was like a woman but so tall that her head was on a level with the Centaur's yet she was like a tree too. It is hard to explain if you have never seen a Dryad but quite unmistakable once you have - something different in the colour, the voice, and the hair [8, с.388].

- There were Tree-Women there and Well-Women (Dryads and Naiads as they used to be called in our world) [8, с.403].

- The greatest of all the wood-people, Pomona herself, came to put good spells on it [8, с.390].

- Trees were really moving ... in and out through one another as if in a complicated country dance [8, с.375].

Об уничтожении деревьев говорится как об убийстве: «...he was of course thinking more about the murder of the Trees» [9, с. 680].

Интересно, что и Льюис превращает древесных духов в героев сказок и легенд для основных персонажей произведений. И требуется немало времени, чтобы одни вымышленные герои «поверили» в других.

У Толкина разумные и одушевленные деревья Среднеземья обладают полным набором антропоморфных элементов.

В первом описании Энта присутствуют все черты человеческой внешности

- They found that they were looking at a most extraordinary face. It belonged to a large Man-like, almost Troll-like, figure, at least fourteen foot high, very sturdy, with a tall head, and hardly any neck. Whether it was clad in stuff like green and grey bark, or whether that was its hide, was difficult to say. At any rate the arms, at a short distance from the trunk, were not wrinkled, but covered with a brown smooth skin. The large feet had seven toes each. The lower part of the long face was covered with a sweeping grey beard, bushy, almost twiggy at the roots, thin and mossy at the ends. But at the moment the hobbits noted little but the eyes. These deep eyes were now surveying them, slow and solemn, but very penetrating. They were brown, shot with a green light [4, с.463].

Дерево не просто похоже на человека, оно обладает точно такими же частями тела, у него есть глаза и кожа, руки и ноги, ступни, пальцы, и даже борода. Вполне конкретный образ антропоморфного существа мужского пола.

Энты могут говорить, чувствовать и передвигаться. У них есть жены, и могли бы быть дети. Когда речь заходит об их гибели, вновь употребляется глагол to die.

- “Oh, no!” said Treebeard. “None have died from inside, as you might say. Some have fallen in the evil chances of the long years, of course: and more have grown tree-ish. But there were never many of us and we have not increased. There have been no Entings — no children, you would say, not for a terrible long count of years. You see, we lost the Entwines.” [4, с.468].

И даже если дерево не вводится в повествование как участник событий, о нем все равно говорят, как о живом существе

- He laid his hand upon the tree beside the ladder: never before had he been so suddenly and so keenly aware of the feel and texture of a tree's skin and of the life within it. He felt a delight in wood and the touch of it, neither as forester nor as carpenter; it was the delight of the living tree itself [3, с. 351].

Деревья в «Песне Льда и Пламени» сами по себе не обладают ярко выраженными антропоморфными признаками (не передвигаются, не говорят), их им придают люди, например, вырезая лица: *a pale giant with a carved face and leaves like bloody hands* [6, с.474]. Здесь лес и деревья выступают внимательными наблюдателями за жизнью данного Вторичного Мира: *the carved red faces watching, listening* [6, с.248]; *A face had been carved in the trunk of the great tree, its features long and melancholy, the deep-cut eyes red with dried sap and strangely watchful* [10, с. 34]. Они показаны как средоточие земной мудрости и памяти, по сравнению с человеком деревья всё видят и ничего не забывают: *Only the trees remember* [6, с. 397], *the trees remember, but men forget* [6, с.399], *the trees will teach him* [6, с.403].

На этом этапе, можно отметить переплетение семантических значений защиты, антропоморфного помощника и объекта поклонения. Деревьям молятся, перед ними дают клятвы и проводят обряды бракосочетания, им приносят дары. В цикле «Песнь Льда и Пламени» деревья являются частью религии северных народов: *northern worship trees* [6, с.206], своеобразными представителями древних богов, которых просят о защите и помощи, частью организации мира расы, которая так и называется *the children of the forest* [6, с.24]. Но стоит отметить, что сами деревья силой не наделены, они – проводники воли северных богов, если они не растут, то и помочь боги не в состоянии: *in the forest they see all....but there are no trees here* [11, с.417], *the godswood, but no heart tree* [11, с.483].

Следуя мифологическим канонам Дж. Мартин вводит в повествование понятие богороща «the godswood». В культе старых богов – богороща служила местом отправления религиозных обрядов, представляя собой изолированное пространство в виде участка леса. Располагались богорощи в непосредственной близости от замков, а иногда и прямо внутри крепостных стен. Центром этого своеобразного капища являлось олицетворявшее старых богов сердце-дерево или чардерево, имевшее антропоморфные черты. Традиционно, при описании таких деревьев упоминается белая (как вариант серебряная) окраска стволов и ветвей: *bone-white trees* [6, с.412]. Богорощи являются священными, любые действия, наносящие ущерб деревьям, на их территории запрещены.

У Льюиса есть аналогичный мотив – волшебный сад Нарнии отождествляется с райским садом из Библии – Эдемом, ключевую роль в первой повести цикла играет как раз Древо Жизни и нарушение наложенного табу. И снова вторичный мир живет по законам первичного.

Интересно, что базируясь на сложившемся еще в мифологическом сознании восприятии леса как единого организма, не всегда дружелюбного по отношению к

человеку, мифологема дерева обладает не только положительной, но и отрицательной коннотацией. В процессе анализа текстов художественной литературы жанра фэнтези были выделены две основные группы, реализующие отрицательное семантическое значение мифологемы: лес, представляющий опасность для героев, и отдельное дерево-враг. Обе группы являются оппозициями по отношению к описанным выше категориям защиты и помощи.

Рассмотрим следующие примеры:

- The trees do not like strangers. They watch you. They are usually content merely to watch you, as long as daylight lasts, and don't do much. Occasionally the most unfriendly ones may drop a branch, or stick a root out, or grasp at you with a long trailer. But at night things can be most alarming, or so I am told [3, c.110].
- They were being watched with disapproval, deepening to dislike and even enmity [3, c.110].
- Forest is queer. Everything in it is very much more alive, more aware of what is going on, so to speak, than things are in the Shire [3, c.110].
- “You let them out again, Old Man Willow!” he said. “What be you a-thinking of? You should not be waking. Eat earth! Dig deep! Drink water! Go to sleep!” [3, c.120].
- “Aaargh!” said Ron as another twisted limb punched a large dent into his door; the windshield was now trembling under a hail of blows from knuckle-like twigs and a branch as thick as a battering ram was pounding furiously on the roof, which seemed to be caving in [12, c. 68].
- Whomping Willow – very violent tree.....mad tree. [7, c.123].
- Black Forest/ Forbidden Forest называется запретная для учеников территория по соседству со школой Хогвартс. В этом лесу происходит ряд столкновений главных героев и темных сил.

Здесь надо отметить, что «природное» зло ни у Толкина, ни у Роулинг не целенаправленно, оно не служит главной темной силе напрямую, не связано с ней. Но частично ею подпитывается. Эти деревья ни на чьей стороне, для них нет «плохих» и «хороших» персонажей. Они вредят всем, кто попадает на их пути. Их боятся по традиции, по привычке, потому что так заведено. В повествовании Толкина мы встречаем этот образ в первую очередь в Старом Лесу (The Old forest), позже в Темнолесье (Mirkwood) и частично в лесу Фангорн. У Роулинг существует Запретный Лес (Forbidden forest) и только одно активно участвующее в развитии сюжета дерево – Дракучая Ива (Whomping Willow). Интересно, что вслед за Толкином (или в рамках традиционных скандинаво-германских мифологических представлений) Роулинг использует род ивы (Willow), не делая отрицательный персонажем дубом или ясенем. А лес становится олицетворение безотчетного и иррационального страха перед неизвестным, большим и непонятым, что способствует не только абстрактной (психологической и мифологической), но и вполне конкретной (географической) разметке вторичного мира.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сказать, авторы произведений жанра фэнтези, создавая вторичный мир, конструируют его, исходя из традиционных мифологических представлений. Для достижения «внутренней логичности реального» писатели обращаются к традиционным архетипам, перерабатывая их таким образом, чтобы создать многослойность бытия, при которой наличие у придуманных персонажей привычных читателю форм мифологических

представлений позволит, до некоторой степени, отождествлять себя с ними, а привычную реальность с реальностью книжной, создавая эффект узнавания и доверия вторичному миру в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. – СПб: Азбука, 2014. – 320 с.
2. Зеленин Д. К. Тотемический культ деревьев у русских и белорусов // Известия АН. Сер. 7, отделение обществ. наук. 1933. №6. С. 591-629.
3. Tolkien J. R. R. The Fellowship of the ring // The Lord of the Rings. Vol.1 – London: Harper Collins, 2005 – 407 p.
4. Tolkien J. R. R. The Two Towers // The Lord of the Rings. Vol.2 – London: Harper Collins, 2005 – 747 p.
5. Lewis C. S. The Magician's Nephew // The Chronicles of Narnia. – London: Harper Collins, 2008 – 767 p.
6. Martin R. R. G. The Song of Ice and Fire. A Dance with Dragons. – London: Harper Collins, 2011. – 1040 p.
7. Rowling J.K. Harry Potter and Prisoner of Azkaban. – Bloomsbury, 2004. – 320 p.
8. Lewis C. S. Prince Caspian // The Chronicles of Narnia. – London: Harper Collins, 2008 – 767 p.
9. Lewis C. S. The Last Battle // The Chronicles of Narnia. – London: Harper Collins, 2008 – 767 p.
10. Martin R. R. G. The Song of Ice and Fire. A Game of Thrones. – New York 1997. – 864 p.
11. Martin R. R. G. The Song of Ice and Fire. A Feast for Crows. – London: Harper Voyager, 2006. – 946 p.
12. Rowling J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. – Bloomsbury, 2004. – 368 p.

A. L. Sokolova

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

MYTHOLOGICAL CONCEPT «TREE» AS ONE OF THE KEY COMPONENTS OF THE FANTASY SECONDARY WORLD STRUCTURE

The article is devoted to the role of the mythological concept «tree» in secondary world creation. The importance of «tree» as mythological symbol is explained. Its usage in fantasy worlds for authenticity and internal consistency purposes is analysed. The key semantic features of mythological concept are given and illustrated.

Mythological concept, myth, mytheme, secondary world, cultural linguistics, cognitive linguistics

УДК 81'42

Н. В. Степанова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
nathalie.tresjolie@icloud.com

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В МЕДИАТЕКСТАХ КРИЗИСНОГО ПЕРИОДА

Рассматривается явление интертекстуальности. Анализируются медиатексты кризисного периода. Выявляются различные аспекты интертекстуальности и диалогичности кризисного дискурса.

Дискурс, кризисный дискурс, интертекстуальность, диалогичность, медиатекст

Термин «интертекстуальность», предложенный Ю. Кристевой и в дальнейшем многократно рассматриваемый постструктуралистами, на сегодняшний день не только не теряет своей актуальности, но и приобретает новое звучание в рамках медиадискурса.

Интертекстуальность представляет собой своего рода диалогичность текста, его взаимосвязь с другими многочисленными текстами посредством прямых цитат, аллюзий, реминисценций.

Исследователи, работающие в рамках критического дискурс-анализа, Н. Фэркло и Т. Ван Дейк, также обращаются к интертекстуальности. Интересно, что у Фэркло интертекстуальность трактуется не только как «диалог» текстов, но и как специфика конструирования самого текста (так называемая интердискурсивность), которая проявляется в использовании автором тех или иных глаголов передачи чужого мнения, тактик и стратегий, а также жанровых и дискурсивных особенностей, влияющих на структуру текста.

Любопытно проследить, каким образом происходит «диалог» различных медиатекстов, речь в которых идет о таком важном социально-экономическом явлении как кризис, и как осуществляется построение каждого такого текста.

В качестве материала обратимся к медиатекстам журнала “The Economist” из выпусков, изданных в период экономического кризиса 2008–2009 гг. [1]. В рамках данной статьи результаты исследования будут проиллюстрированы на материале двух наиболее ярких медиатекстов.

Для начала рассмотрим статью “**The big bear**”, опубликованную 18.10.2008 г. *Коммуникативная функция текста* – анализ рынка и сопоставление различных фаз его развития (*bear & bull markets*), а также попытка прямо или косвенно помочь инвесторам избавиться от пессимистических настроений (*Snapping investors out of their bear-market mentality...*) [4].

Содержательно текст раскрывает различия между *bear markets* (рынок с тенденцией к понижению курсов) и *bull markets* (рынок с тенденцией к повышению курсов), перечисляет и описывает основные периоды функционирования обеих фаз в истории мировой экономики, и наконец, противопоставляет разграничение этих типов делению экономической эпохи на кризисную и не кризисную. Автор утверждает, что свои лучшие годы рынок акций пережил именно в разгар Великой

депрессии: *Two of the very best years in American stockmarket history were 1933 and 1935, right in the middle of the Depression* [4].

В конце статьи рассматриваются прогнозы на дальнейшее развитие экономики, на распространение рецессии. По мнению создателя статьи, фазы рынка с тенденцией к снижению курсов (*bear market*) чаще всего затягиваются (*the shortest of the 20th century phases was 17 years*), и инвесторам трудно из них выходить.

Адресат статьи – аудитория, имеющая представление об основных экономических понятиях. Повествование ведется в монологической форме. Уровень формальности текста достаточно высок, очевидно стремление к объективному и беспристрастному изложению фактов и цифр. Прослеживается тенденция убедить аудиторию в том, что общий кризис в экономике не сильно влияет на развитие рынка и деятельность инвесторов, а иногда и способствует его росту и процветанию (пример с Великой депрессией). Тенденция снизить значимость кризиса может быть истолкована как тактика, побуждающая читателя неосознанно принять точку зрения автора статьи Филиппа Коггана. Этим статья отличается от более поздних медиатекстов, в которых рецессия представлена как сугубо отрицательное явление.

Авторские стратегии – повествование, описание и анализ, частично убеждение. *Основная дискурсивная стратегия* – определение особенностей «рынка медведей» и «рынка быков» в синхронии и диахронии и выявление воздействия кризиса на функционирование рынков и, в частности, на пессимизм инвесторов.

Голоса, т.е. те лица и организации, чьи мнения в том или ином виде представлены в тексте, достаточно многочисленны: американские и британские фондовые биржи “Dow Jones” и “FTSE” и соответствующие фондовые индексы, рейтинговое агентство “S&P”, инвестиционный банк “Merrill Lynch”, компания-производитель “Pepsi” и, наконец, журналисты и экономисты, в числе которых Robert Shiller, и персонажи комикса (Lucy, Charlie Brown). Довольно часто, при указании отметки, на которой шли торги, упоминается компания “Dow Jones”, на данных которой основана большая часть статистики в статье.

В медиатексте приводится ряд ссылок на другие публицистические и литературные источники. Среди них отметим популярный деловой журнал “Business Week”, название которого помещено в самое начало статьи. В тексте, как уже было отмечено, присутствует также отсылка на книгу американского ученого-экономиста Роберта Шиллера «Иррациональное изобилие» (“Irrational Exuberance”), в которой автор рассчитывает соотношение цены и прибыли в истории «рынка медведей». Аллюзия на комикс и одноименный мультфильм “The Peanuts”, с героями которых сравнивается поведение рынка и инвесторов, также представляет собой яркий пример интертекстуальности в дискурсе статьи.

Репрезентация дискурса осуществляется в косвенной речи, без использования цитации и прямой речи. Нередко автор излагает собственную позицию с опорой на статистические ресурсы или апеллирует к именам и названиям. Наиболее типичные глаголы для передачи чужой речи и взглядов – *calculate, call, think*.

При изучении дискурсивной практики, а именно процесса создания медиатекста, необходимо обратиться к *фреймингу* [2]. В первом абзаце автор пишет о том, что “Business Week” *proclaimed* (провозгласила) “*Death of Equities*” «смерть обыкновенных акций», а не просто объявила (*announce*) или рассказала (*tell*) о ней. При этом к глаголу добавлено наречие *famously* («как всем теперь известно»). При сопоставлении поведения рынка с действиями героев комикса автор вводит глагол

persuade (убеждать) в пассивной форме. Посредством такой конструкции демонстрируется контраст между ожиданиями инвесторов и реальной ситуацией.

Интересен предпоследний абзац, в котором рассмотрены прогнозы и перспективы кризисной эпохи. Здесь встречаются типичные для фрейминга кризиса единицы *worried, disappointing, wrong, losing jobs* и глагол *to fear*.

Общий анализ жанра показал, что жанровая структура статьи мало отличается от структуры других медиатекстов журнала “The Economist”: заголовок и конкретизирующий его подзаголовок, вводный абзац, последующие абзацы, раскрывающие суть проблемы, и заключение с краткими выводами.

С точки зрения жанровой гетерогенности текст содержит элементы повествования, объяснения, убеждения. Отдельные абзацы написаны в одном из этих жанров, однако чаще всего имеет место сочетание всех трех жанров в границах абзаца (комбинация времен, тактик и акцентов).

Лексический состав статьи в основном участвует в реализации главной функции текста – репрезентации дискурса. В ряде эпизодов текста присутствует идеологическая составляющая, например, когда автор пытается провести грань между кризисом (*crisis*) и стадией рынка с тенденцией к снижению курсов (*bear market*) и полностью развести эти, казалось бы, взаимосвязанные фазы развития экономики.

Характерной чертой статьи является высокий процент специфических терминов финансово-экономической сферы. Уже в заголовке статьи фигурирует метафора *bear market*, далее по тексту – *bull market*. Среди других терминов можно отметить: *equities, commodities, shares, dotcom bubble, p/e ratio, volatile, the Dow, stockmarket, FTSE index*.

Несмотря на обилие терминологии здесь прослеживается ориентация статьи на широкую целевую аудиторию, о чем свидетельствуют авторские пояснения. Сокращения (например, *p/e ratio*) возможны только после однозначного наименования термина (*price/earnings ratio*).

Стиль статьи формальный, с периодическими вкраплениями образных средств и редкими образцами разговорной лексики (например, фразовых глаголов, *kick in* – разг. делать взнос, *snap up* – раскупать, *snap out* – отрезать) и экспрессивных единиц (*catastrophe, disappointing, worried*). В качестве других примеров использования разговорного стиля приведем *top-down view, sluggish* (пассивный, вялый, застойный), *dodgy* (изворотливый, ловкий). Одним из ярких образцов использования разговорного элемента является глагол *clobber* (разбить, разгромить): *the downturn will clobber corporate profits*. Элемент гиперболизации в этом контексте придает выражению особую образность.

В рамках исследования интертекстуальности любопытно проследить, каким образом данный медиатекст связан с другими статьями, освещающими кризис. Проблема, рассмотренная в статье, будет в дальнейшем фигурировать в статьях журнала “The Economist” (инвестиции, рынки, займы в ходе кризиса). Отличие этой статьи от большинства других рассмотренных текстов состоит в том, что она в значительной степени опирается на исторический контекст, в то время как в других статьях акцент сделан на настоящем моменте и собственно на рецессии.

Статья написана первой в ряду всех изученных текстов. Однако признаки беспокойства в ней уже прослеживаются, в особенности в заключительных выводах. Автор прогнозирует вероятность дальнейшего усугубления кризиса, но еще надеется

на лучшее и поэтому позволяет себе не заострять внимание на кризисе, вместо этого рассматривая сопряженные с ним вопросы. Однако уже есть ощущение, что экономика вступает в кризисную стадию, которая должна повлиять на развитие рынка и настроения инвесторов. Креативная дискурсивная практика полностью соответствует неясной ситуации, в которой, казалось бы, еще все спокойно, но напряженность уже начинает ощущаться.

Следующая статья, избранная нами для иллюстрации явления интртекстуальности в экономических медиатекстах кризисного периода, опубликована несколько позже (**“Margin for error”** от 25.10.08.) Этот медиатекст существенно отличается от предыдущего (18.10.08.). Если в *“The Big bear”* речь шла в основном об истории развития рынка, и кризис там упоминался лишь вскользь, то данный медиатекст уже полностью фокусируется на рецессии. Всего за одну неделю в мировой экономике многое изменилось и прогнозы значительно ухудшились. Автора статьи беспокоит не только будущее инвесторов, но и перспективы экономики в целом: *The global economy is slowing and many countries are either already in recession or about to enter it* [3]. Критическая ситуация влияет и на создание текста (дискурсивную практику) и на лингвистические средства выражения.

В этой статье гораздо больше негативно окрашенных лексических единиц, риторических вопросов, цитат, конкретных имен и названий, чем было в предыдущем тексте. Повествование сконцентрировано на настоящем моменте и отчасти обращено в будущее. Исторических данных почти нет, т. к. важен данный синхронический срез, то, что происходит сейчас и то, что ожидается в дальнейшем.

Подзаголовок *Banking profits have already suffered. Now it is the rest of the market's turn* [3]. без вступления заявляет об актуальных проблемах в экономике, об общеэкономическом спаде и рецессии во многих государствах. В первом абзаце автор задается вопросом – *But how great will the impact be and how much is already reflected in share prices?* [3]. Именно о том, каким образом кризис отразится на акциях в будущем и о том, насколько это воздействие уже ощутимо, и пойдет речь в статье *“Margin for error”*.

Последующие абзацы вкратце описывают то, что уже произошло к настоящему моменту, и фокусируются на рассуждении о настоящей обстановке, ее анализе с целью выявления причин и последствий рецессии.

В заключительном абзаце, очень небольшом по объему, автор представляет сложившуюся в экономике ситуацию в самом невыгодном свете: *In short, although investors may be braced for bad news at the aggregate level, there is a lot of scope for individual companies to shock. As the saying goes, “Recessions uncover what auditors do not”* [3].

Коммуникативная функция текста состоит в выявлении причин и последствий кризиса, а также, главным образом, в определении степени сложности обстановки для рынка акций и инвесторов. Статья адресована широкому кругу читателей, поэтому в ней мало специфической лексики, а рассмотренная тема, безусловно, интересна очень многим.

Основная дискурсивная стратегия автора заключается в рассмотрении специфики кризисной обстановки в экономике в целом и на фондовых рынках, в частности посредством детального анализа различных фактов, мнений и взглядов.

В статье *“Margin for error”* присутствует высокий процент голосов, т.е. прямых или косвенных ссылок на отдельных людей и организаций. По сравнению с *“The Big*

bear” в данном медиатексте автор значительно чаще опирается на другие тексты и упоминает конкретные имена и названия. К ним относятся ведущие технические компании “Texas Instruments” и “Sun Microsystems”, а также большое количество людей – экономистов, представителей финансовых учреждений, таких как лондонская фирма “Absolute Strategy Research”, американский инвестиционный банк “Merrill Lynch”, коммерческий банк “Goldman Sachs”, банки “Morgan Stanley”, “Société Générale”, “Dresdner Kleinwort”. Эти голоса звучат постоянно, причем в отличие от других статей, в этом медиатексте есть прямая речь, более точно и объективно передающая содержание высказывания, чем косвенная передача чужой позиции. Так, автор предлагает прямую цитату мнения одного из стратегов “Goldman Sachs”: *“the markets are assuming that all of the structural benefits of globalization have been whittled away and will not be repeated”* [3]. Чаще всего для передачи чужой речи применяются нейтральные глаголы: *report, says, are predicting, reckons, calculates, argues, as the saying goes*.

Общий тон повествования в тексте достаточно пессимистичный и гораздо более негативно окрашенный, чем в более ранних статьях, включая “The big bear”: *the downturn could be unusually sharp, to name just a few companies that collapsed...* [3]. Лишь в редких случаях автор старается объективно, без паники, оценивать кризис, сопоставляя его с предшествующими проблемами мировой экономики: *While that sounds hugely pessimistic, the decline in 1997-98 was actually worse, with profits falling 67 %* [3].

В статье почти отсутствует повествовательный жанр. Соответственно, доминирующие позиции занимают объяснительный и убеждающий жанры, примерно в равных пропорциях. В отличие от статей 2008 г. и большинства текстов 2009 г., настоящая статья характеризуется относительной гомогенностью дискурса: в ней используется общеэкономический дискурс и дискурс экономики кризисных периодов.

В целом медиатексты конца 2008 г. (как и последующие тексты 2009 г., оставшиеся за рамками данной статьи), характеризуются большим количеством интертекстуальных отсылок, чем более ранние тексты 2008 г. Статьи, написанные на пике рецессии, содержат высокий процент аллюзий на различные исторические события, указаний имен и названий организаций, прямых цитат.

В дискурсе этого периода очевидно прослеживается желание авторов медиатекстов сосредоточиться на настоящем моменте, детально проанализировать сложившуюся ситуацию в поисках выхода из кризиса, объяснить читательской аудитории суть происходящего, а потому сам дискурс становится более жестким, более конкретным и более диалогичным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанова Н.В. Англоязычные экономические медиатексты кризисного периода: когнитивно-дискурсивный анализ. - Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Наталия Валентиновна Степанова. — Санкт-Петербург, 2014. — 171 с.
2. Fairclough, N. Media Discourse. L: Edward Arnold, 1995. – 215 pp.
3. Margin for error // The Economist. - October 25th-31st, 2008. - p.80.
4. The big bear // The Economist. - October 18th-24th, 2008. - p.82.

N. Stepanova

Saint-Petersburg State Electrotechnical University "LETI"

INTERTEXTUALITY AND CRISIS MEDIA TEXTS

The paper considers the phenomenon of intertextuality in media texts. Various aspects of intertextuality and dialogical nature of crisis media discourse are examined.

Intertextuality, discourse, crisis discourse, media text

УДК 811.111

Т. А. Сухомлина

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
tanya-sukhomlina@yandex.ru*

КАТЕГОРИЯ ФУТУРАЛЬНОСТИ КАК КАТЕГОРИАЛЬНО-ТЕКСТОВАЯ ЕДИНИЦА ОБЩЕНИЯ

Рассматривается текстообразующий потенциал категории футуральности, который выражается в ее участии в создании текста как самостоятельного речевого произведения, обеспечивая его структурное и содержательное единство благодаря создаваемому в тексте образу будущего. Автор утверждает, что категория футуральности дает представление не только об информационной составляющей текста, но и об авторской оценке передаваемой информации, а также о связанных с этой информацией эмоциях автора и персонажей.

Категория футуральности, текст, смысл, образ будущего, идея автора

Значимость английского языка очень велика в современном мире. С развитием человеческих отношений, науки в целом меняется и наполненность самого языка. Это легко проследить, так как в современном английском появилась категориально-текстовая концепция, основанная на принципе отражательности. Благодаря этой концепции, текст понимается как единица общения и сопряжения коммуникативной деятельности автора и реципиента (в монологе) или активных собеседников (в диалоге), и таким образом, отражая в себе коммуникативный акт. Происходит постепенная модернизация языка, начиная от первых лингвистических исследований глобальных категорий (целостность, связность, завершенность), образующих в совокупности грамматику текста (И.В. Арнольд, М.П. Брандес, И.Р. Гальперин, О.И. Москальская и др.). Весь этот опыт анализируется учеными, снова перерабатывается и воплощается в описании дополнительных категорий текста, их целостной систематизации и структуризации (Т.М. Николаева, З.Я. Тураева, Н.М. Разинкина, Т.В. Матвеева, Л.М. Лапп и др.). Таким образом, помимо названных видов категорий, выделяется категория локации, проспекция/ретроспекция, интенциональность, членимость, диалогичность, гипотетичность и др. Среди них описание проспекции (футуральности) с позиции ее текстовых возможностей является наиболее

интересным, так как восприятие и понимание человеком семантики будущего особенно актуально.

Важно отметить, что категория футуральности является важным составляющим текста. Она отражает определенную часть общетекстового смысла различными языковыми средствами. Как и для выделенных в функциональной грамматике различных видов категорий, главное для категории футуральности – это общность семантической функции языковых средств, которые ее выражают. Именно эта особенность определяет текстообразующий потенциал категории как особый феномен.

Общность семантической функции категории футуральности воплощается в образе будущего, представляющем текст как единую систему, учитывая критерий целеориентированности (кто, кому, зачем, о чем и как говорит автор, полагая, что последует далее). Образ будущего представляет собой олицетворение мировоззрения и идеи автора, то есть нечто целое, пребывающее в рамках собственно текста. Читатель в процессе прочтения осваивает образ и неизбежно погружается в мир автора. В этом смысле образ будущего, лежащий в основе культуры, представляет собой богатое культурное наследие народа. Он выполняет конкретизирующую и миромоделирующую функцию. В совокупности с модальными оттенками образ будущего способствует воплощению авторского отношения к сообщаемому и формированию у читателя реакции оценочного характера на прочитанный им текст.

Как категория текста, функционально-семантическая категория футуральности воплощается в трех типах образа будущего: объективном, событийном и перцептуальном. Выделенные типы образов будущего являются проекцией когнитивного восприятия семантики будущего в англоязычном сознании. Они находят свое выражение в тексте и представляют лингвокультурную национальную особенность. Согласно объективному образу будущего, события в тексте существуют во времени и реальном пространстве как некие явления или материальные объекты, которые имеют собственное, или, другими словами, индивидуальное время. Это время гипотетично. В качестве примера можно привести философский трактат Р.Штайнера «Календарь для души» [10], где повторяемость события представлена годичным циклом. Длительность его протекания составляет четыре времени года, двенадцать месяцев и пятьдесят две недели. Каждой из недель соответствует специальное изречение, которое подходит событию временного цикла. По замыслу Р.Штайнера, календарное время циклично, каждый человек проходит одни и те же точки годового круга (но на новом уровне) и пытается совершенствовать свою душу, свое собственное «я», таким способом, постепенно приближаясь к духовному центру вселенной.

Образ будущего событийного типа отражает в тексте события, которые составляют его содержание. Отличие событийного и объективного типа времени заключается в моменте речи и различной отнесенности с экстралингвистической действительностью. Это отличие связано с отражением в тексте той действительности, которую олицетворяет автор, на фоне происходящих временных событий. Событийное будущее может в начале или в каких-либо моментах развития сюжета быть проецировано на хронологическую ось, но это не является обязательным условием построения текста, в то время как необходимым фактором является релятивная и таксисная связь всех его предикатов. Рассмотрим следующий пример:

We can play Reverend Wright's sermons on every channel, every day, and talk about them from now and until the election... We can pounce on some gaffe by a Hillary supporter as evidence that she's playing the race card, or we can speculate on whether white men *will flock* to John McCain... We can do that. But if we do, I can tell you that in the next election, *we'll be talking* about some other distraction. And then another one. And then another one. And then nothing *will change* [11, с.17].

В приведенном отрывке Барак Обама дает народу очередное обещание, в реализации которого участвует целый ряд языковых средств: категориальные средства будущего времени (Future Simple, Future Continuous), модальный глагол *can*, а также сослагательное наклонение, многосоюзие, союз *and then* в начале фразы. Формы будущего времени, сослагательное наклонение, модальный глагол *can* с семантикой возможности выражают события, которые, при определенных условиях, произойдут в будущем. Если же указанные условия не будут соблюдены, то в жизни людей не произойдет положительных перемен. Неоднократное использование союза *and then...* с семантикой будущего создает обстановку напряженного ожидания, желания узнать, что же нас ждет. Таким образом, в данном примере, событийное будущее способствует выражению политиком обещания и передается при помощи форм глагола будущего времени, сослагательного наклонения и модального глагола с семантикой возможности.

Образ будущего перцептуального типа выражает реальную или мысленную позицию говорящего по отношению к событиям, выраженным в тексте. Говорящий стремится показать эти события с разных точек зрения, и довольно часто это происходит от имени одного из персонажей. Еще более существенное отличие перцептуального будущего от объективного и событийного образов будущего состоит в том, что автор текста может сообщать не только о том, что реально происходит, но и о мыслимых или предполагаемых событиях. Например:

She has always realized that Louise *will not hear* of her sacrificing herself for a tiresome old woman, and the girl simply *won't listen* to her [12, с.61].

Степень перцептуальности будущего может быть различной. В медийном и научном тексте она невысока. В художественном тексте степень перцептуальности будущего максимальна и нередко сочетается с индивидуальным восприятием говорящего. В результате чего рождается новое явление – художественное время, с его особыми чертами, не свойственными реальному времени: многомерностью, обратимостью, неравномерностью. Рассмотрим следующий пример из художественного текста:

Your husband *is not going to* bother you anymore. *You'll stay* here until we find a place for you and your children to live, where you're well enough, *you're going to* have a job here at hospital. Absolutely. *You'll have* your own apartment with your children. *You won't have to* put up with the kind of horror you've been living through, and *you'll have* a decent, respectable job [13, с.238].

В данном отрывке модальный глагол *will* выражает предположение с высокой степенью уверенности героя: *You'll stay* here until we find a place for you... *You'll have* your own apartment with your children... *You won't have to* put up with the kind of horror.... Модальное слово *absolutely*, кроме того, указывает на уверенность говорящего в осуществлении будущих действий.оборот «to be going to + инфинитив», который выражает намерение действовать, является модально окрашенным: подразумевается, что возможность совершения действия уже в какой-

то мере обеспечена: *Your husband is not going to bother you anymore. (because) You'll stay here until we find a place for you and your children to live, where you're well enough, you're going to have a job here at hospital.* Таким образом, отрывок, содержащий образ будущего, отражает авторское мировосприятие и представляет собой авторский, личностно окрашенный вариант объективизации мира действительности в речи. В личностном характере представления действительности состоит особенность любого образа будущего, в котором автор воплощает свои мысли, замыслы, представляет окружающий мир и себя в этом мире.

Итак, функционально-семантическая категория футуральности как категория текста, соотносясь с образом будущего, расширяет познания о семантическом пространстве текста, способствует глубинному пониманию его содержания. Она дает представление не только об информационной составляющей текста, но и об авторской оценке передаваемой информации, а также о связанных с этой информацией эмоциях автора и персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Изд-во Флинта, 2002.
2. Брандес М.П. Стилистический анализ. М.: Изд-во Высшая школа, 1971.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – 4-е изд. – М.: Изд-во КомКнига, 2006.
4. Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «Субъект речи». Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1993.
5. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: монография. Свердловск: Изд-во Урал, 1990.
6. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Изд-во Высшая школа, 1981.
7. Николаева Т.М. Лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2013.
8. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика. М.: Изд-во Высшая школа, 1989.
9. Тураева З.Я. Лингвистика текста. М.: Изд-во Просвещение, 1986.
10. Штайнер Р. Календарь души. М.: Изд-во Пресс, 2014.
11. The Daily Express, June 27, 2013.
12. Maugham S.A. Louise. М.: Perspective publications Ltd, 1994.
13. Sheldon S. Nothing Lasts Forever. Harper Collins Publishers, 1995.

T. Sukhomlina

Samara State University of Social Sciences and Education

THE CATEGORY OF FUTURE AS CATEGORIAL UNIT OF COMMUNICATION IN TEXT

The article deals with the text-forming potential of the category of Future, which is expressed in its participation in the creation of the text as an independent speech work. The author considers that the image of future provides structural and meaningful unity through creation of this image in the text. The author believes that the category of Future gives not only an idea about the information component of the text, but also about the author's

assessment of the provided information, as well as about the emotions of the author and the characters associated with this information.

The category of Future, text, meaning, the image of future, the concept of author

УКД 81

И. М. Теплыгина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ»,
imteplygina@etu.ru

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Рассматривается понятие «туристический дискурс». Приводятся примеры его пересечения с другими вариантами дискурса. Дается краткий обзор языковой и культурной среды в туристическом Санкт-Петербурге. Приводятся примеры изменения и улучшения в городе с точки зрения развития инфраструктуры, а также анализируются изменения в сфере гостеприимства за последние годы. Обсуждается влияние изменяющейся ситуации в мире на конъюктуру туристического рынка. Подчёркивается важность налаживания межкультурных связей между представителями различными культур на примере Санкт-Петербурга.

Туризм, спортивные объекты, инфраструктура, межкультурная коммуникация, дискурс, туристический дискурс, политический дискурс

Зима 2018 года знаменовалась многими событиями в сфере туризма. В столице России совсем рядом с главной площадью страны прошли празднования и выставка, посвященные Китайскому Новому году. Такие события нашли свое отражение в индустрии туризма и в Санкт-Петербурге.

За последние десятилетия мир совершил большой скачок вперед в сфере современных технологий и комфорта, при этом стал более взаимозависим, появляются новые области знания на стыке различных фундаментальных наук (психолингвистика, биоинформатика), гуманитарные и естественнонаучные сферы находятся в постоянном взаимодействии (лингвистическая генетика, математическая лингвистика). То есть происходит пересечение различных видов деятельности и областей знания. В этой связи расширяется сфера применения Дискурса, который поможет проанализировать результаты такого взаимодействия.

В данном докладе подробнее хотелось бы остановиться на туристическом дискурсе. Так как Санкт-Петербург – это большой туристический город, в котором значительная часть населения работает в сфере туризма (музеи, гостиницы, информационные центры, тур агентства, рестораны, клубы, магазины и тд). Первой важной характеристикой является факт применения нескольких иностранных языков. Зачастую люди, работающие в этой сфере, говорят на одном или более

иностранном языке. Это зависит от рода деятельности. Например, гиды-переводчики в основном владеют 1-2 языками, но на очень высоком уровне. Что касается сотрудников сферы обслуживания и гостеприимства (магазины, рестораны, гостиницы), то они могут владеть в той или иной степени несколькими языками, но в рамках своей специальности.

Интересным представляется тот факт, что на сегодняшний день можно наблюдать пересечение политического и туристического дискурса в сфере обслуживания. Еще совсем недавно самым востребованным языком в этой сфере был без сомнения английский. Если возникала необходимость дублировать таблички, указатели и надписи на улице и витринах магазинов на русском языке, то это был исключительно английский язык. В 19 веке русскоязычные витрины и названия улиц на Невском проспекте дублировались на французском и немецком языках. На сегодняшний день наряду с английским языком повсеместно появляются таблички и вывески на китайском. Так как взаимоотношения с Китаем за последние годы укрепились и сфера взаимодействия расширилась, соответственно в Северную столицу хлынули потоки китайских туристов. Комитет по туризму проводит форумы и собрания, на которых представители тур индустрии могут узнать о возможностях работы в этом направлении. Стоит также упомянуть магазины брендовой одежды. Иногда на витринах нет надписей ни на русском, ни на английском, только на китайском. Также там работают продавцы, которые свободно владеют этим языком. Раньше такую ситуацию можно было наблюдать только в Европе. Примеров такой интеграции можно привести достаточно много для того, чтобы обратить на это внимание.

В условиях пересечения культур, глобализации, интернета, размытия границ (на примере Европы), расширения культурного обмена, увеличения туристических потоков подчеркивается актуальность исследования туристического Дискурса.

Туристический поток в Санкт-Петербурге растёт ежегодно. Среди русскоязычных туристов Петербург – очень популярное направление, так как это самая полноценная замена путешествию в Европу, которая стала менее доступна в связи с последними политическими и экономическими изменениями в стране. Среди иностранцев за последние 2-3 года тоже наблюдается невероятный рост. Причиной такой популярности служат как доступные цены, так и растущий интерес к культуре России в целом. Люди, побывавшие во всех концах света, ищут своеобразной экзотики и приезжают в Россию. К тому же Россия как страна открылась для международного туризма сравнительно недавно, и потенциал роста все ещё очень большой. Безусловно, гости города оказывают большое влияние на развитие Санкт-Петербурга, на его инфраструктуру, культуру и язык.

Инфраструктура.

В последние годы власти города предпринимают много усилий для того, чтобы сделать Санкт-Петербург более удобным, создать все условия для комфортного туризма и пребывания в стране. В городе появились специальные информационные киоски (их уже 12), где можно бесплатно получить различные карты и брошюры, купить билеты на экскурсии, а также обратиться за помощью к сотрудникам, которые обычно владеют несколькими языками. В 2016 году была сделана карта наземного транспорта для туристов, разработанная в том числе одним из выпускников ЛЭТИ. Большинство табличек в центре города, а также в метро продублированы как минимум на английском языке. Также с 2016 года запустили проект «Служба

Ангелов», которая направлена не только на помощь туристам, но и служит хорошей языковой практикой для студентов, стимулирует межкультурное общение. В Петербурге с 2008 года работают туристические автобусы системы «Hop-on Hop-off», предлагающие обзорную экскурсию с аудиогидом на нескольких языках. Помимо автобусных туров, существуют также прогулки с аудиогидом на корабликах по рекам и каналам. В то же время, следует отметить, что в городе катастрофически не хватает мест парковки для туристического транспорта, и особенно это чувствуется в высокий туристический сезон и в дни проведения крупных культурных международных мероприятий (Экономический форум, Юридический форум, спортивные соревнования, визиты первых лиц, концерты и шоу в центре города). Летом 2017 года в Санкт-Петербурге находилась площадка для мероприятий, связанных с проведением Кубка Конфедерации (Fan-зона на Конюшенной площади). Этот опыт очень важен для города, так как в 2018 году Россия будет принимать одно из главных спортивных мероприятий в мире - «Чемпионат Мира по Футболу». Специально для этого события подготовлено и введено в эксплуатацию большое количество инфраструктурных объектов по всей стране. Во многом изменился и облик Санкт-Петербурга, особенно в северной части города, где будут проходить основные мероприятия, связанные с Чемпионатом.

В Петербурге активно развивается торговля, связанная с туризмом. Наряду с обычными туристическими магазинами работают открытые лавки на улицах, сувенирные магазины в музеях, уличные торговцы, предлагающие путеводители, открытки, меха, матрёшек. Появились и специализированные магазины, которые торгуют исключительно янтарём, или предлагают картины современных петербургских художников, магазины, которые организуют мастер-классы по росписи матрёшек, маленькие магазинчики с авторскими поделками (галстуки-бабочки, расписанные видами города, шоколадные плитки и фигурки по мотивам достопримечательностей, разные hand-made типа вещей ручной вязки, мастерской оловянной миниатюры, войлочных игрушек). Есть магазины, рассчитанные на определённую аудиторию: магазины класса люкс, гигантские магазины, рассчитанные на большие группы, причём в основном с гостями из Китая, магазины для русских групп, в которых более демократичная ценовая политика. В последние годы одним из самых популярных сувениров, которые гости приобретают в магазинах, являются изделия из янтаря. Большой стимул такой популярности дала история, связанная с Янтарной комнатой в Екатерининском дворце. На сегодняшний день эта достопримечательность привлекает миллионы гостей из разных стран. Но янтарь стал невероятно популярным именно среди гостей из Китая, поток которых в последние годы только растёт.

Ресторанный бизнес тоже всё больше ориентируется на туристов. Каждый год появляются новые рестораны русской, китайской, корейской кухни. Такие рестораны обычно предлагают два варианта обслуживания: а la carte (для индивидуальных туристов, которые могут выделить на обед больше часа из своей программы тура) и сет-меню для больших групп (для них накрывают столы к определённому времени, а обслуживание обычно укладывается в час). Также стало больше видовых ресторанов, и появляется всё больше сетей. Рестораны, работающие с туристами, обычно имеют меню как минимум на английском языке, чаще всего принимают карты, располагаются на основных туристических маршрутах, имеют бесплатный вай-фай.

Музеи тоже вынуждены меняться и приспосабливаться. Открываются новые маршруты, во-первых, чтобы распределить поток, во-вторых, чтобы предлагать новое тем, кто в Петербурге уже не в первый раз. Ведётся большая работа по оснащению музеев пандусами и лифтами, чтобы сделать их более доступными для людей с ограниченными возможностями. Увеличиваются часы работы музеев. Например, Эрмитаж работает до 21:00 в среду и пятницу, Русский музей открыт до самого вечера в четверг, Большой дворец в Петергофе принимает гостей в субботу также до 21:00. Гранд Макет, Музей «Фаберже», Исаакиевский Собор, Храм Спаса на Крови, Петровская Акватория работают в вечернее время почти каждый день. Многие музеи вводят так называемое «раннее открытие». Например, Эрмитаж и Большой дворец в Петергофе открываются в 9 утра для того, чтобы принять большой поток организованных групп. Ввод такого расширенного расписания связан в том числе с тем, что Санкт-Петербург стал одним из самых популярных направлений для круизных путешествий. Но круизы останавливаются в городе на срок до 72 часов. Этот период покрывает безвизовый режим для круизных и паромных пассажиров. А за 1-3 дня очень сложно посетить то большое количество достопримечательностей, которое предлагает город. Поэтому музеи расширяют часы работы, чтобы гости, которые приехали даже на небольшой период смогли посетить все основные достопримечательности. Помимо этого открывается всё больше филиалов музеев: конюшенное крыло Юсуповского дворца, малые дворцы и павильоны Петергофа и Пушкина, филиалы Эрмитажа. Становится больше возможностей для индивидуальных туристов – интернет-билеты, которые можно приобрести самостоятельно на сайте музея, аудиогиды на различных языках.

Культура.

Санкт-Петербург всегда был многонациональным городом: шведское и финское допетровское население, люди, которых согнали на строительство города со всей России, специалисты, которых Пётр I приглашал из Европы. Сейчас существенно увеличивается приток туристов из Юго-Восточной Азии. Многие отели хотят войти в программу «China friendly», рестораны подстраивают меню под вкусы азиатских туристов. В мире растёт доля самостоятельных туристов, которые хотят всё исследовать сами, погрузиться в культуру. Теперь в Петербурге часто можно встретить европейскую молодёжь, живущую в хостелах по соседству с русскими путешественниками, американцев с рюкзаками, передвигающихся на общественном транспорте и пешком, в очереди в музеи слышно по 5-6 языков. Всё это ведёт к тому, что всё чаще возникают ситуации общения между жителями города и его гостями. Туризм перестаёт быть таким обособленным, каким он был раньше.

Петербург чаще всего оставляет приятное впечатление, так как ожидания большинства гостей зачастую несколько занижены. Многие едут в Россию, воспринимая её как наследницу СССР, и ожидают совершить некое путешествие в прошлое. На месте они видят бурную жизнь современного мегаполиса, людей, которые также сидят в интернете, смотрят «Игру престолов» и платят Apple pay. Петербург во многом ближе по своей культуре к Европе, чем к России, в принципе, но в современном мире город и вовсе воспринимается как часть «глобальной деревни». Многие гости отмечают, что город очень чистый, сравнивая его в этом отношении с такими мегаполисами как Лондон и Нью-Йорк.

Язык.

На сегодняшний день тремя самыми распространёнными языками в туристической среде Петербурга можно считать китайский, английский и испанский. Портреты типичных туристов, говорящих на этих языках, будут сильно отличаться. Китайцы путешествуют преимущественно в группах, едят в основном в китайских же ресторанах, покупают много ярких и дорогих сувениров, много фотографируют. Сейчас средний класс в Китае составляет около 400 млн человек, но путешествуют не только они. Существуют также социальные путёвки, и тогда это группы учителей, пенсионеров, партийцев. На китайском языке говорят туристы из Гонконга, Тайваня, Малайзии и многих других стран.

Испаноязычные туристы по большей части приезжают к нам из Центральной и Южной Америки. Они путешествуют как группами, так и индивидуально. Не любят спешить, зато любят хорошо и вкусно поесть. Это люди открытые, эмоциональные, которые Россию воспринимают очень положительно.

Англоязычные туристы могут быть как из англоязычных стран (Великобритания, США, Канада, Австралия), так и из многоязычных стран (Филиппины, Малайзия, Индонезия, Латинская Америка, Индия). Зачастую такие туристы очень интересуются историей, современной политической ситуацией, повседневной жизнью, культурой и искусством. Чаще всего к концу двух-, трёхдневного тура у гостей складывается впечатление, что Санкт-Петербург – это часть современного мира, и жизнь здесь никак принципиально от жизни других стран не отличается.

Конечно, специфика восприятия формирует и основные темы дискурса. В сфере истории и политики всех очень интересуют два периода – «революция и СССР» и «перестройка и современная Россия». Самые частые вопросы: как вы относитесь к СССР? Революция – это было хорошо или плохо? Как сейчас в России относятся к царям? Какое место в жизни общества занимает религия? Как в стране относятся к верховной власти? В сфере быта интересуют наши отношения к частной собственности, налоги, система образования, система здравоохранения. Довольно часто встречаются люди, интересующиеся спортом (хоккей, теннис, шахматы, футбол).

Туристы часто пытаются освоить какие-то слова из русского языка. Их интересуют приветствия и вежливые слова, а также названия блюд. Как правило гости выучивают: *привет, спасибо, доброе утро, как дела, борщ, щи, пельмени, икра*. Некоторые гости могут знать мелодии типа *Катюши* или *Калинки-Малинки* и пытаться подпевать. Интересным является тот факт, что гости могут знать некоторые слова из русскоязычной культуры, но использовать их совершенно в другом смысле, например: *babushka* – это шаль или платок, *babushka doll* – это матрешка. Несмотря на огромную разницу менталитетов гостей, приезжающих в Санкт-Петербург, удивляет в городе примерно одно и то же: чистота на улицах, стройные девушки на шпильках, высокий уровень знания языка у местного гида, относительно низкая стоимость платных дорог, а также парковка автомобиля вторым рядом, относительно небольшое количество мопедов и велосипедов на улицах. Гости из Азии удивляются, что можно носить сумки через плечо или просто в руке, не особо беспокоясь, что их могут вырвать проезжающие мимо мотоциклисты. Почти все гости удивляются, что уровень безопасности в городе на достаточно высоком уровне.

В контексте языка стоит упомянуть и об образовании в сфере туризма. В Санкт-Петербурге существует несколько колледжей, которые готовят будущих

специалистов в туристической области. Высшие учебные заведения обучают студентов на языковых факультетах. Некоторые университеты имеют отдельные факультеты, посвященные образованию в сфере туризма и гостиничного хозяйства. Несомненно основной упор в таком образовании делается на изучение 1 или 2 иностранных языков. Многие выпускники Восточного факультета СПбГУ в дальнейшем выбирают профессию в туризме. Что касается студентов, то у них есть отличная возможность получить практику, работая на мероприятиях, которых так много проходит в Санкт-Петербурге в летнее время. Большую часть посетителей этих мероприятий составляют гости с других стран. Поэтому у студентов появляется возможность применить свои языковые навыки и навыки межкультурного общения на практике.

Туризм призван стирать границы в сознании людей, которые приезжают в другую страну, чтобы узнать о ней, о ее языке, культуре и традициях. С нескольких сторон туристический дискурс пересекается с политическим. Во-первых, визовый режим, который за последний годы был изменен и упрощен. Гости из многих стран могут въезжать в страну только по паспорту, не оформляя никаких виз. Например: Израиль, Бразилия (как и многие страны Латинской Америки), Гонгконг, страны BRICS, страны СНГ и многие другие. Визовый режим устанавливается между странами на взаимных основаниях, поэтому во многом зависят от дипломатических взаимоотношений между государствами. Также у граждан всех стран есть возможность воспользоваться безвизовым режимом, который был введен для круизных и паромных пассажиров. Круизные пассажиры могут находиться на территории РФ 72 часа, если они берут экскурсии у авторизованного туроператора, который имеет право оформлять безвизовую поддержку. Что касается паромных пассажиров, то они могут воспользоваться безвизовым режимом на более выгодных условиях. Во-вторых, политический дискурс проявляется в количественных показателях туристического потока из конкретных стран. На сегодняшний день большую часть гостей в Санкт-Петербург составляют граждане КНР. Это напрямую связано с дружескими отношениями между Россией и Китаем на самом высоком уровне. Сегодня можно назвать 3 основных языка в туристическом дискурсе Санкт-Петербурга: русский, английский и китайский.

Можно также выделить пересечение туристического и спортивного дискурса. Санкт-Петербург и Россия в последние годы принимают большое количество важных спортивных мероприятий. Это также приводит к увеличению популярности СПб как туристического направления. Самую престижную международную премию в сфере туризма World Travel Awards в номинации «Лучшее европейское городское направление 2017» Петербург получает уже в третий раз. Эту награду еще называют туристическим «Оскаром».

В условиях пересечения культур, глобализации, интернета, размытия границ (на примере Европы), расширения культурного обмена, увеличения туристических и информационных потоков подчеркивается актуальность исследования туристического Дискурса, а также необходимость изучать иностранные языки и культуру носителей этих языков. Современная ситуация в Санкт-Петербурге способствует наращиванию и укреплению связей между европейской и азиатской культурами и подчеркивает важность города как центра пересечения этих культур.

I. M. Teplygina

Saint-Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

TOURISM DISCOURSE AND HOSPITALITY INDUSTRY IN ST PETERSBURG

The definition of “Tourism discourse” is given. Its interaction with discourse from other spheres is considered. Tourism in Saint-Petersburg is reviewed from the cultural and linguistic points of view. The recent developments of infrastructure and sport facilities are considered. Hospitality industry in St Petersburg is analyzed. The effects of contemporary political and economic situation on the tourism market are discussed. The importance of cross-cultural dialogue between different cultures in St Petersburg is underlined.

Tourism, sport facilities, infrastructure, cross-cultural communication, discourse, tourism discourse, political discourse

УДК 811.122.2'04:929.713

Е. С. Тихонова

*С.-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина),
middjungards@gmail.com*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ТАС «ДЕНЬ», ZÎT «ВРЕМЯ» И VRIST «СРОК» В «СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКЕ»

В настоящей статье рассматривается функционирование темпоральных существительных тас «день», zît «время, час» и vrist «срок» в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике». Анализируется их употребление и реализуемые ими в разном контекстуальном окружении семы. Делается вывод о преимущественной неточности обозначения темпоральных отношений в Хронике.

Средневерхненемецкий, «Старшая Ливонская Рифмованная хроника», Немецкий орден, темпоральные существительные, обстоятельства времени

Темпоральные существительные тас «день», zît «время, час» и vrist «срок» входят в специализированную тематическую группу, обозначающую естественные временные отрезки. Как известно, именно с помощью группы существительного достигается наибольшая точность временной ориентации [2, с. 71].

«Старшая Ливонская Рифмованная хроника» (далее – СРХ) принадлежит к жанру рифмованных хроник, состоит из 12017 строк и написана в конце XIII в. на средненемецком диалекте с примесью нижненемецкого. Она описывает деятельность Немецкого ордена в Прибалтике и охватывает события с 1143 по 1290 годы [5, с. 35 и сл.].

На настоящий момент проанализировано 6000 строк, т.е. половина всего объёма СРХ. Рассматриваемые существительные являются наиболее частотными среди

темпоральных существительных в данном тексте. Так, существительное *tac* «день» представлено в исследованном отрывке 54 реализациями, передающие разные временные отношения: длительность, время и кратность действия, а также отношения следования [2, с. 65].

В 26 примерах лексема *tac* в составе обстоятельств времени характеризует длительность действия, причём ровно в половине случаев (13 примеров) она указывает на неточное количество времени за счёт сочетания с неопределённым местоимением в аккумулятиве в единственном или во множественном числе *manchen tac/manche tage* «несколько/много дней»:

(1) *er was gewesen manchen tac // in Nieflande, daz ist wâr: // dâ von weste er den site gar.* (3170-72) – Он пробыл много дней в Ливонии, это правда: от этого он и знал [её] обычаи. – (здесь и далее все переводы выполнены автором по изданию [6]).

Числительные в сочетании с лексемой *tac* встречаются в проанализированном объёме всего четыре раза, а ведь именно сочетание существительных с числительными способствует наибольшей точности временной локализации действия, поскольку только таким образом можно передать точное измерение времени и датировку [2, с. 71]. Более того, во всех этих примерах представлены лишь числительные 3 (*an den dritten tac* «до третьего дня», *des dritten tages* «третьего дня», *an dem dritten tac* «на третий день») и 9, нагруженные массой сакральных и мифологических коннотаций и часто обозначающие некое идеальное число. Судя по всему, несмотря на то, что автор СРХ был очевидцем или участником описываемых событий, эти три или девять дней имеют мало общего с реальностью и должны обозначать просто «некую протяжённость времени»:

(2) *sie quâmen an dem dritten tac // dâ daz her der heiden lac.* (1511-12) – На третий день они прибыли туда, где находилось войско язычников.

(3) *daz triben sie in dem lande // mit roube und mit brande // nûn tage.* (4275-77) – Так они делали в этой стране, грабя и поджигая девять дней.

Подобная неточность в обращении с временными показателями хорошо согласуется с тем, что в хронологии СРХ царит путаница (*Durcheinander*) [10, S. 184] или, по словам Дж. Смита и У. Урбана, «хронология СРХ ошибочна» ('The author's chronology is in error') [9, p. 7]. Частое использование словосочетания *manchen tac* также доказывает, что точность временных показателей в СРХ не требовалась.

В 15 примерах лексема *tac* «день» используется для характеристики времени действия (4). В 7 из этих примеров реализованы грамматикализованные генитивные конструкции с контекстуальной точкой отсчёта *des anderen tages* «на другой день» или *eines tages* «одним днём» (5):

(4) *der meister krankte an den tagen.* (3578) – Магистр заболел в эти дни.

(5) *des anderen tages dô wânten vrû // die cristen dannen riten, // dô mûsten sie strîten // mit den heiden ân irn danc.* (1928-31) – На другой день христиане собирались рано уехать, [но] тогда им пришлось сражаться с язычниками против своей воли.

Для выражения кратности действия (3 примера) в исследованном отрывке используются предложная конструкция *von tage zu tage* (6) и сочетание с неопределённым местоимением *alle tage* (7). Ещё в одном примере (8) парную формулу *nacht und tac* «день и ночь» можно истолковать как указание на кратность действия, если трактовать глагол *streben* «стремиться, бороться» как подразумевающий некую итерацию:

(6) *die wart von tage zu tage breit*. (254) – Оно [=христианство] распространялось изо дня в день.

(7) *zû râte giengen sie alle tage // biz daz sie boten santen hin // zû Bremen abir* (584-86) – Они совещались каждый день, пока снова не отправили послов в Бремен.

(8) *ir Sameiten ir sullet streben // umme êre unde bejac // ûf die cristen nacht und tac*. (4664-66) – Вы, жемайты, должны ради славы и добычи нападать на христиан ночь и день.

Ещё в трёх случаях лексема *tac* в составе предложной конструкции указывает на следование действия в значении «скоро, немедленно». Во всех этих примерах она сочетается с прилагательным *kurtz/kurtzlich* «короткий»:

(9) *ich sende in kurtzlîchen tagen // alsô vil brûdere dar, // daz wol irvullit wirt die schar*. (1978-80) – Я вскоре пошлю туда столько братьев, что войско будет укомплектовано.

Tac также может выполнять функцию подлежащего или предикатива (8 примеров), часто сообщая при этом о наступлении нового дня. В подобном употреблении данная лексема не входит в состав обстоятельства времени:

(10) *dô der morgen ane brach unde den tac man kûme sach, // sie nâmen Lengewînen // dô er lac in den pînen, // und vûrten in zû Rîge zû hant*. – Когда начало светать, и день был едва виден, они взяли Лугвена [там], где он лежал в муках, и немедленно отвели его в Ригу.

Примечательно, что лексема *tac* «день» регулярно имеет при себе прилагательное, которое сообщает «дню» некую качественную характеристику (*ein vil lieber tac* «очень хороший/благоприятный день» (11), *bôsen/swâren tac* «тяжёлый день» (12), *grôzen hungers tage* «дни сильного голода», *in alden tagen* «в давние дни», *ûf einen bescheidenen tac* «в определённый день»). Не имеют при себе качественного определения генитивные конструкции типа *des tages* и реализации, имеющие при себе местоимение (*manchen tac, jenen tac*):

(11) *ich wil legen mîne craft // dar an sô ich beste mac. // diz ist mir ein vil lieber tac*. (3526-3528) – Я хочу приложить к этому мои силы наилучшим образом. Этот день мне очень мил.

(12) *wâ der gast gebieten mac // dâ hât der wirt vil swâren tac*. (1717-18) – Где бы гость ни изволил остановиться, у хозяев там был тяжёлый день.

Немного особняком стоит пример, в котором реализована мифологема *der jungeste tac* «Страшный суд»: хоть *jungest* «последний» и является определением, всё сочетание носит характер устойчивого:

(13) *die lantscheide wart beschriben, // die ummer sider stête ist bliben, // die kein man gebrechen mac // biz an den jungesten tac*. (2061-64) – Была определена граница земли, которая с тех пор оставалась неприкосновенной, и которую никто не смеет нарушить до Страшного суда.

Существительное *zît* «час, время» является вторым по частотности: в исследованном отрывке оно представлено 40 примерами. Для него наиболее характерно указание на время действия в конструкциях с предлогом *zu* (14) либо употребление в функции подлежащего или предикатива. В последнем случае свойства времени (то, для чего это время) задаются непосредственным контекстуальным окружением (15):

(14) *da sach man in vil stoltzer schar // daz her sich stellen zû der zît, // als ez solde in einen strî.* (4210-12) – Тут все увидели, как отряд тут же принял боевое построение, как положено в битве.

(15) *got der half der sinen dû // gegen den heiden, des was zît.* (1702-03) – Господь помог тогда своим против язычников, для этого пришло время.

В сочетании с предлогом *bie* и притяжательным местоимением *sîn* «свой» *zît* используется в значении «жизнь, время жизни»:

(16) *ir hât da alle wol verstân, // waz got genâden hât begân // bie sîner zît, des weiz man vil* (1963-65) – Вы все, наверно, поняли, какую милость Господь явил при его жизни (букв.: в его время), об этом много известно

Как и в случае с «днём», «час/время» часто имеет при себе какую-либо характеристику, например, *von kindes zîten* «с детских лет» (17); *des somers zît* «в летнее время» (18):

(17) *des wart vil mancher unvrô, // der von kindes zîten // nie quam zu keinen strîten, // der mûste lîden den tôt* (3362-65) – Этому были не рады многие, кто с детских лет никогда не участвовал в сражениях, они должны были понести смерть.

(18) *daz wart im doch gemachet kunt, // daz alsô starke gevrure der sunt, // dâ mite daz lant bevlozzen ist; // zwû mîle mûz man sundir vrist // des somers zît mit schiffen varn.* (1633-37) – Ему всё же сообщили, что пролив, омывающий сушу, так сильно замерзал; в летнее время две мили нужно идти без срока на кораблях.

Лексема ***vrist*** «срок» (7 примеров) также регулярно имеет при себе какую-либо характеристику (*von Âdames vrist, kurze vrist, unlange vrist*) (19). Примечательно, что и *tac*, и *zît*, и *vrist* – в определённой мере десемантизированные существительные и, вероятно, в таких употреблениях, где они обозначают некую точку или отрезок на временной оси (в значении «время, час, срок» и т.п.), в принципе взаимозаменяемы. Подобные случаи следует отличать от тех, где, например, лексема *tac* актуализирует семы «сутки» (20) и «световой день» (21), т.е. сочетания с числительными и реализации в качестве подлежащего или предикатива:

(19) *dâ von mûz ich der rede dagen // allen menschen waz der ist // geborn von Adâmes vrist // und noch zû dem lesten zil, // daz got ein ende machen wil // der werlde an der lesten stunt.* (20-25) – Об этом я не должен говорить всем людям, что родились со времён Адама и до самого конца, когда Господь хочет устроить конец света в последний час.

(20) *der sturm der werte einen tac, // sperwechsels vil man dâ pflac.* (5391-92) – Штурм длился один день, противники метали друг в друга много копий.

(21) *des morgens, dô der tag ûf brach // die wartlûte man komen sach.* (4271-72) – Утром, когда начало светать, увидели, что идут часовые.

С точки зрения поэтики текста особый интерес представляет распределение по строкам обстоятельств времени, содержащих темпоральные существительные. Для СРХ характерно повторение некоторых конструкций через несколько строк или несколько десятков строк. Так, обстоятельства *an den dritten tac* и *dritten tages* повторяются через 3 строки (22); *in kurtzen tagen* и *bie kurtzen tagen* – через 14 строк; *manchen tac* – через 30 строк; *von tage zu tage* – через 37 строк (к тому же, в одинаковом синтаксическом окружении), *des anderen tages* – через 39 строк. Учитывая, что в СРХ используются короткие строки, это не очень большое расстояние. Также можно рассмотреть пример, где благодаря повтору лексемы *tac* в

разном окружении подчёркивается длительность и непрерывность действия: сначала конструкцией *manchen tac*, а через 6 строк – парной формулой *nacht unde tac* (23):

(22) *dâ lâgen sie an den dritten tag; // daz volc dô gûter rûwe pflag. // die Lîven zogeten vaste zû. // des dritten tages reit man vrû // zû Winden hovelîche*. (1069-73) – Там они находились до третьего дня; войско тогда как следует отдыхало. Ливы быстро подтянулись. На третий день рано [утром] [братья] как пристало выехали в Венден.

(23) *sie wâren alsô manchen tac, // daz man urlouges mit in pflac. // sie herten vaste umme sich, // tâlanc arm, morne rîch. // waz vesten in dem lande lac // die pîneten sie nacht unde tac, // daz sie sie gewonnen an*. (2681-87) – Так они провели много дней, воюя с ними. Они много ходили в походы поблизости: днём – бедные, наутро – богатые. Сколько ни было крепостей в той стране, они досаждали им днём и ночью, захватывая их.

Подобные близкорасположенные друг от друга повторы отчасти подтверждают предположение, что поэтический талант автора СРХ был невелик. Об этом писали уже самые первые исследователи СРХ: утверждалось, что автору «не хватило таланта» [8, S. 63], что он был «скорее хронистом, чем поэтом» [7, S. 149], и использовал выразительные средства рыцарского эпоса, «как готовые языковые штампы», механически нанизывая их друг на друга [1, с. 201]. Временами кажется, будто автор «вспоминал» какое-либо выражение и применял его несколько раз подряд «в одних и тех же метрических условиях» – а именно таким образом у А. Лорда описывается плохой или неопытный поэт: «Если бы он ограничился тем, что всего лишь перенимал бы от предшественников словосочетания и целые стихи, накапливая такой запас этих элементов, чтобы потом иметь возможность перетасовывать их и механически соплагать друг с другом, как нерушимые единицы, — он, я убежден в этом, никогда не стал бы сказителем» [4, с. 51].

Таким образом, существительным *tac*, *zît* и *vrist* за счёт их непосредственного окружения придаётся определённое качество, которое и несёт, собственно, основную смысловую нагрузку, в отличие от самого темпорального существительного. В подобных случаях данные лексемы можно считать отчасти десемантизированными: сема «естественный временно отрезок времени» у них не актуализируется. Это в очередной раз подтверждает нашу гипотезу о том, что для текста СРХ важно не точное время, и не точная локализация действия во времени, но каково это время или действие. Такое представление о времени, как об имеющем некое качество, является очень архаичным. Именно так, по словам А. Гуревича, воспринимали время древние германцы – не как пустую длительность, но заполненность некоторым конкретным содержанием, всякий раз специфическим, определённым [3, с. 87].

Данная гипотеза хорошо согласуется с выводами, сделанными нами ранее: что структурными элементами СРХ являются отрывки, описывающие правление магистров Немецкого ордена: можно предположить, что каждому подобному отрывку также присуще некое качество, придаваемое ему личностью магистра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. – М.–Л.: Наука, 1966. – с.169-240.

2. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М.: Просвещение, 1969.
3. Гуревич А. Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2007.
4. Лорд А.Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. – М.: Восточная литература, 1994.
5. Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. – М.: Индрик, 2002.
6. Die Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar / Hrsg. v. Leo Meyer. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1876.
7. Helm K., Ziesemer W. Die Literatur des Deutschen Ritterordens (Gießener Beiträge zur deutschen Philologie 94). – Gießen: Wilhelm Schmitz, 1951.
8. Linder R. Zur älteren livländischen Reimchronik (Diss.) – Leipzig: Hirschfeld, 1891.
9. Smith J.C., Urban W.L. The Livonian Rhymed Chronicle / ed. by J.R. Krueger. – Bloomington: Indiana University, 1977.
10. Tarvel E. Livländische Chroniken des 13. Jahrhunderts als Quelle für die Geschichte des Schwertbrüderordens und Livlands // Werkstatt des Historikers der mittelalterlichen Ritterorden. Quellenkundliche Probleme und Forschungsmethoden / Hrsg. v. Z. H. Nowak. – Toruń, 1987. – S.175-184.

E.S. Tikhonova

Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»

FUNCTIONS OF TEMPORAL NOUNS *tac* ‘DAY’, *zît* ‘TIME’ AND *vrîst* ‘PERIOD’ IN THE “LIVONIAN RHYMED CHRONICLE”

The article considers the functions of Middle High German temporal nouns *tac* ‘day’, *zît* ‘time, hour’ and *vrîst* ‘time, period’ in the “Livonian Rhymed Chronicle”. Their usage and their senses in different contexts are analyzed. Based on these data, we might conclude that the most temporal relations in the “Chronicle” are not especially precise or accurate.

Middle High German, “Livonian Rhymed Chronicle”, Teutonic Order, temporal nouns, time adverbials

УДК 81

М. М. Тонкова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

marinatonkova@yahoo.com

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ МАРКЕР В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рассматривается связь между невербальной коммуникацией и социальным положением индивида в обществе. Выявляются особенности функционирования

компонентов невербальной коммуникации как социальных маркеров в художественном тексте. Собранный материал подтверждает идею зависимости невербального поведения от социального статуса.

Невербальная коммуникация, социальный статус, метафора, социальная роль, текст

Изучение невербальной коммуникации ведется в различных направлениях, в частности, рассматривается ее прикладной и концептуальный характер, взаимосвязь с речевой коммуникацией [1], физиологический и социальный аспекты [2].

Материалом настоящего исследования является художественный текст как авторское видение реальности. Отражение процесса коммуникации в тексте порождает ряд проблем, таких как связь текста и реальной коммуникации, образование имплицитной информации, образование общего смысла текста, различие в восприятии сообщения между читателем и непосредственным участником коммуникативного процесса.

Целый ряд параметров влияет на использование автором тех или иных компонентов невербальной коммуникации в описании поведения персонажа. Это может быть и ситуация общения с ее эмоциональной составляющей, и межличностные установки, и индивидуальные характеристики героев. Но весьма часто автор произведения хочет подчеркнуть при помощи невербального поведения персонажей их возраст, пол, социальную роль или социальный статус. В последнем случае компоненты невербальной коммуникации становятся социокультурными знаками, маркирующими статус персонажей.

Необходимость обращения к подобным социокультурным маркерам возникла у известной английской писательницы Сью Таунсенд при создании романа “Мы с королевой”. Творческая фантазия автора лишила королевскую семью после всеобщих выборов 1992 года королевского статуса, заставила покинуть Букингемский дворец, переехать в муниципальное жилье и жить жизнью рядовых граждан. В романе описываются три месяца жизни членов королевской семьи в необычных для них условиях. Королева Елизавета, ее сестра принцесса Маргарет, принц Филипп, их дети и внуки, королева-мать оказываются в экстремальной ситуации и по-разному реагируют на нее. Непросто в ситуации культурного шока сохранить королевское достоинство, манеры поведения монарших особ и стиль общения, характерный для высших слоев английского общества.

Центральной фигурой романа является королева Елизавета. По воле автора она, как и другие члены семьи, лишается привилегий, привычного образа жизни и окружения и оказывается в обычном муниципальном доме депрессивного района Лондона. Она на личном примере узнаёт, как в действительности работают социальные службы и система здравоохранения и как жить на скудную пенсию. Ее жизнь меняется кардинально. Но что же остается? “Stiff lip” - умение держать удар и сохранять достоинство. Кто, как не английская королева, представляет собой квинтэссенцию английского национального характера? И хотя она утратила официальный статус с точки зрения новых властей, в глазах окружающих и по своему мироощущению она, на какой-то период, этот статус сохранила. Правда, королева понимает, что это не приветствуется в ситуации, в которой она оказалась: “The Queen nodded, reluctant to open her mouth and advertise her class” [3, с.110]. Не только акцент, характерный для высших слоев общества, но и более медленный темп

речи, артикуляционный контроль сигнализируют окружающим о реальном статусе коммуниканта. Обычно в ситуации светского общения, которое носит ритуализированный характер, люди стремятся соответствовать нормам того общества, к которому они принадлежат, и, естественно, это находит отражение в художественном тексте. Если поведение персонажа не соответствует социальной ситуации, то это можно считать мотивированным отклонением от нормы, несущим определенную информацию. Но что считать отклонением от нормы в невербальном общении королевы Елизаветы в романе Сью Таунсенд? Сохранение невербальных компонентов коммуникации, передающих информацию о социальном статусе, в экстраординарной ситуации, в которой оказалась королева, или изменение невербального поведения под воздействием данной ситуации?

Основной характеристикой невербального поведения королевы является сдержанность, которой ее учили с детства: “Crawfie had taught her to control her emotions, and the Queen was grateful for Crawfie’s wise guidance” [3, с.46]. Августейшим особам не пристало показывать свои эмоции подданным. Именно поэтому так часто встречаются в тексте репрезентанты невербальных компонентов коммуникации, передающие эту статусную характеристику. Королева не демонстрирует свои эмоции и когда ей смешно: “The Queen almost laughed. But she didn’t laugh. She pulled her features into a scowl” [3, с.46] и когда она расстроена: “Was the bloody Queen, Philip”, said the Queen quietly. “I am now Mrs Windsor” [3, с.54]. Даже если в общении с близкими королеве и случается нарушать этот код сдержанности, автор подчеркивает случайный характер подобных проявлений чувств: “She threw herself into her daughter’s arms with uncharacteristic passion” [3, с.81].

Существует разница между восприятием невербальных компонентов коммуникации в реальной ситуации и в тексте. Восприятие невербальных компонентов коммуникации в реальной ситуации является результатом сложного процесса, происходящего подсознательно, а в тексте невербальные компоненты (вернее, их репрезентанты) воспринимаются вполне осознанно. Для того чтобы невербальное поведение было более осязаемым, понятным читателю, что необходимо для создания целостного портрета персонажа, автор произведения использует различные стилистические приемы. Королева слышит за стенкой рыдания соседки и ничем не может ей помочь: “The Queen bit her lip, but a single sympathetic tear rolled down her face and dripped into saucepan. The Queen quickly stirred this evidence of her lack of control into the soup” [3, с.88]. Здесь эпитет “sympathetic” передает состояние героини, которая преисполнена сочувствием, а перифраз “evidence of her lack of control” подчеркивает, насколько нетипичным было подобное поведение для королевы. Одной из особенностей отражения невербальных компонентов коммуникации в тексте является то, что фиксируется только часть невербального компонента, наиболее ярко характеризующая поведение и состояние коммуниканта в конкретной ситуации. При отражении невербальных компонентов коммуникации в художественном тексте наблюдается отбор автором произведения тех элементов, которые наилучшим образом служат цели раскрытия содержания произведения. Когда слеза скатилась по щеке королевы, это было не единственное проявление чувств. Мы можем предположить, что изменилось выражение лица, опустились уголки губ, может быть, она замерла на секунду и перестала размешивать суп. Авторская интерпретация невербальных компонентов коммуникации весьма

показательна с точки зрения выбора конкретного компонента, в данном случае слезы, которую трудно сдержать. Эта слеза - самый яркий показатель переполнявших королеву эмоций, придающий описанной ситуации образность и зримость. Способность же контролировать даже такие искренние эмоции в настоящем контексте приобретает социальную значимость.

Королева-мать в изображении Сью Таунсенд достойно переносит удары судьбы и своей готовностью примириться с тяготами новой жизни раздражает даже стойкую королеву Елизавету: "The Queen was irritated by her mother's refusal to give in to one moment of despair. The bungalow was truly appalling, cramped, smelly and cold. How would her mother manage? She had never so much as drawn her own curtains. Yet here she was putting a stupidly brave face on this truly awful situation" [3, с.60]. В данном случае выбор автором недостаточно конкретного компонента невербальной коммуникации (putting a stupidly brave face) предлагает читателю возможность его широкой интерпретации.

Чрезвычайно информативным социальным маркером является улыбка. Улыбка не только выражает эмоции, но и является частью этикета. Королева-мать привыкла первой начинать разговор, что является признаком доминирования, и одаривать своих подданных улыбкой, выказывая свое расположение. И даже теперь, в изменившейся ситуации, не получая ответной реакции, она продолжает улыбаться и вести себя так же, как и раньше: "The Queen Mother waved, but the black woman ducked away, out of sight. The Queen Mother's smile faltered slightly, then recovered" [3, с.61]. Улыбка относительно легко контролируется говорящим, поэтому часто используется авторами как знак, маркирующий статус одного из коммуникантов: She was slightly disturbed by her next-door neighbour's unfriendly attitude, but as she came in from the garden her smile was firmly back in place" [3, с.61].

В романе "Мы с королевой" присутствуют персонажи, которые представляют государство в той или иной сфере. Это работники социальных служб, школьного образования, представители судебной власти. Никакой симпатии эти чиновники у Сью Таунсенд не вызывают, что находит свое отражение и в описании их "профессиональных" улыбок: "He knew his smile was good, he used it often" [3, с.30]. В большинстве случаев автор предпочитает дать более конкретное описание улыбки героя, поскольку обычно улыбка без качественного уточнения содержит просто положительную коннотацию. Этому элементу невербальной коммуникации свойственна некоторая многозначность, и Сью Таунсенд снимает ее при помощи эпитетов, описывая улыбку директора школы следующим образом: "Mrs Strickland smiled icily at Charles" [3, с.121] или "профессиональную" улыбку социального работника "Trish smiled her horrible understanding smile" [3, с.151]. Отсутствие улыбки, когда нормы поведения ее требуют, является социально значимым и либо выражает доминирование, либо несет негативную информацию. Продавец, отпуская товар королеве, демонстрирует свое недовольство ничтожностью ее покупки: "He took the change from a bag of coins and handed it to her without a smile" [3, с.113].

Одним из важных компонентов невербальной коммуникации является голос, роль которого в социальном взаимодействии чрезвычайно велика. Например, люди, облаченные властью, в данном случае директриса, говорят громко, чтобы обозначить свое доминирование. "He's a free school dinner child!" announced Mrs Strickland loudly.

Mr Newman said quietly, "They're all free school dinner children; he's among friends" [3, с.123].

Местные жители не так, как члены королевской семьи, воспринимают правила приличия, и им свойственно более бурное проявление эмоций, которое, в известной степени, тоже является ритуализированным. В авторской интерпретации это поведение выражается в использовании в тексте большого количества репрезентантов компонентов невербальной коммуникации, из которых наиболее употребительными являются глаголы и словосочетания *to scream, to shout, to burst into tears, to laugh loudly, to snort*. Во многих случаях автор восполняет семантическую неполноту невербальной части высказывания, обозначая эмоцию, вызвавшую данный жест: "For a car?" Violet's chins wobbled in indignation [3, с.50].

Постепенно жизнь в переулке Ад (Helleborne Close, сокращенный до Hell Close) и общение с его обитателями меняет поведение королевы. Это изменение происходит постепенно. Сначала королева начинает задумываться о разнице между тем, как ведет себя она и как ведут себя ее соседи. Королева спрашивает себя, что чувствует человек, когда кричит: "What must it feel like to open one's mouth and *scream*?" и пытается воспроизвести этот крик [3, с.96]. В дальнейшем, все чаще и чаще, ее невербальное поведение больше соответствует ситуации, и она перестает так жестко, как раньше, его контролировать. Она громко смеется в суде, слушая нелепые обвинения полицейского в адрес ее сына, рыдает прилюдно, принимая соболезнования в связи со смертью матери, швыряет радиоприемник о стену в минуту ярости. В конце романа в качестве репрезентантов компонентов невербальной коммуникации королевы появляются глаголы *to shout, to snarl, to yell, to rage*, нехарактерные для описания ее невербального поведения в начале повествования.

Обращение к социальному взаимодействию индивидов в обществе в очередной раз ставит вопрос о возможности управления своими эмоциями под воздействием общественных норм. Для человека естественно выражать гнев криком, а печаль плачем, но во многих случаях социальный статус не позволяет это делать. Роман Сью Таунсенд "Мы с королевой" продемонстрировал нам, как изменение социального статуса и обстановки меняет невербальное поведение персонажа. Возможно, в реальной жизни этот процесс занял бы гораздо более длительный период, однако, художественный текст обладает определенной степенью самостоятельности, и автор может позволить себе такое отступление от реального времени. В тексте романа невербальные компоненты коммуникации являются социальными маркерами, вносящими новые черты в характер персонажа и помогающими понять замысел автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 2009
2. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М., 2002
3. Townsend Sue. The Queen and I. London, 1992

M. M. Tonkova

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

NON-VERBAL COMMUNICATION AS A SOCIAL MARKER IN LITERARY TEXTS

The issues of links between non-verbal behavior and social identity are reviewed. The research is based on the analysis of literary text where non-verbal communication serves as a social marker. The received data support the idea that non-verbal behavior is dependent upon the social status.

Non-verbal behavior, social status, social markers, metaphor, social role, text

УДК 811.161.1

T. Triberio

Foreign Languages and Literatures Department - University of Verona, Italy
tania.triberio@univr.it

RUSSIAN 'PREDICATIVES' IN L1 AND L2 TEACHING SYLLABUS

This short essay speculates possible strategies to be applied in the teaching syllabus of the so-called Russian 'predicatives', both for L1 and L2 learners, also in a comparative perspective with other languages. This class of words, mostly ignored in the Italian teaching programmes of Russian, could rightly represent an interesting topic of study, through comparisons (i) among formally identical structures, (ii) among different grammatical functions, (iii) with other foreign languages, using particular methods and investigating corpora.

Russian predicatives, L1 and L2 teaching programs, *ruscorpora.ru*

From the ample treatment in Russian literature of 'predicatives' [Виноградов 1972-1999, Щерба 1957, Галкина-Федорук 1948, Исаченко 1955] we know that these words, included in the so-called 'Category of Condition' (from now on СКС: Слова Категории Состояния), are peculiar for their use within impersonal contexts, carrying the invariable meaning of condition both when referring to nature or to people feeling this same state, usually expressed by a non-canonical subject marked in the dative case (DSP: Dative Subject Phrase). Indeed, the possibility to select a dative case is crucial; if we consider the sentences in (1), we should be careful not to confuse the two datives, logical subject in (1a), circumstantial in (1b):

(1)

- a. Мне холодно ходить по городу
to me.DAT it's cold [PRED] to walk [V] around the city
(I'm cold walking around the city)
- b. Мне важно ходить по городу
to me.DAT it's important[PRED] to walk [V] around the city

(For me it's important to walk around the city)

While in (1a) the condition of 'cold' is experienced by the logical subject 'Мне', in (1b) what is 'cold' does not refer to the dative (Мне) but to the action of 'walking' (ходить). The fact that холодно, alternatively, selects different arguments (Мне/ходить) is explained through the modern grammatical dependency and valence theories [Grimshaw 1990, Dowty 1991, Salvi e Vanelli 2004]. Indeed, in each sentence, the dative 'мне' is assigned a different semantic role: in (1a) it is the experiencer (the one who is cold), in (1b) it is the beneficiary (the one who takes advantage of a certain condition), being the infinitival (ходить по городу) the argument selected by важно (what is important, here, is 'walking'). Though formally identical, the two sentences show different syntactic structures.

Moreover, these forms are mostly perfectly superimposable to homonymous ones, but they belong to different grammatical categories: predicative in (2a), adjective in (2b) and adverb in (2c):

(2)

a. Мне холодно ходить по городу
to me.DAT it's cold [PRED] to walk [V] around the city
(I'm cold walking around the city)

b. Мороженное холодно
ice-cream.NOM is cold.N[ADJ SHORT]
(The ice-cream is cold)

c. Он холодно отреагировал
He.NOM coldly[ADV] reacted [V]
(He reacted coldly)

If, therefore, from the morphological point of view 'predicatives' are absolutely identical to both adverbs and neuter short form adjectives, from the syntactic point of view they differ from their homonyms by virtue of new combinatorial properties.

Distinguishing and cataloguing these forms can certainly make their acquisition more effective in the teaching practice. Babajceva (2000) proposes to use the transformation scheme exemplified in (3), where we note a semantic proximity of the CKC with the neuter short form of the adjective. This practice could be useful for both Russian L1 and Russian L2 learners. In the passage of these forms from the CKC (3a) to the adjective (3b), the teacher should point out that while a change in the number and gender of the subject is implied (3b), the CKC do not show agreement between subject and verb (3a):

(3)

a. В селе было пусто [...]
In the village [LOC] it was empty[PRED]
(The village was empty)
(М. Е. Салтыков-Щедрин «Святочный рассказ»)

Transformation:

- b. Село было пусто [...]
 The village.NOM was empty.N[ADJ SHORT]
 (The village was empty)

The teacher could then explain the way ‘пусто’ incorporates different grammatical properties with respect to syntax, while its semantics remains almost unchanged. A good way to find other possible contexts for ‘пусто’ could be the investigation of the main Russian website containing a *corpus* of the modern Russian language: *ruscorpora.ru*. The search, for few filters, would give, among many others, results as in (4), exemplifying uses as predicative in (4a), as adverb in (4b), with an infinitival in (4c), with a subordinate in (4d) introduced by ‘что’ and finally as adjective in (4e):

(4)

- a. В городе стало тоскливо и пусто [...]
 [Фазиль Искандер. Письмо (1969)] [омонимия снята – предик]
- b. [...] почтовый всё ещё пусто глазел [...]
 [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001] [омонимия снята – н]
- c. [...] пусто жить и пусто умереть [...]
 [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010] [омонимия не снята - н, прил]
- d. На душе Карташева стало вдруг так пусто, что он испугался
 [Н. Г. Гарин-Михайловский. Студенты (1895)] [омонимия не снята - н, прил]
- e. [...] место пусто, чему там быть?
 [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871-1874)]
 [омонимия не снята - н, прил].

Corpora offer a selection of examples of live language, spoken and written, already analyzed and available according to the grammatical category looked for. A meta-linguistic approach can certainly affect teaching of both Russian as first language and in a comparative perspective with other languages. It is important, however, to well understand how a *corpus* does work, how grammatical and syntactic information is organized, possible limits, to avoid being misled with examples as the one in (5), where пусто is disambiguated as an adverb (напечение), while its functions are, unequivocally, predicative:

(5)

Там было так пусто, как на этом необитаемом острове
[Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003] [омонимия снята - н].

These few examples are enough to give an idea about how the understanding of these forms is often the result of complex operations. It is indeed with respect to the ‘interpretative variability’ of these forms that we can read the observations of Babajceva 2000, Zolotova 1982 and Matchanova 1999 about the so-called ‘passage zone’ (переходная зона), for which the semantics of these forms can more or less approach or move away from the words belonging to CKC. Various semantic realizations, which are exemplified in many different syntactic structures, selecting arguments that, alternately, cover a precise positions, determining the transition from односоставное (холодно) vs двусоставное (мороженное холодно) sentences.

If, until the end of the ‘90s Russian manuals and grammars did not yet differentiate this category of words, starting from the 1999-2000 school-year in the Russian Federation an educational program in which these words find their *status* as a ‘Category of Condition’, distinct from other parts of speech, began to be adopted [Шершакова 2004]. Among the most known and significant manuals: M.T. Baranov *et alii* (1999), V. V. Babajceva-L. D. Česnakova (2013) and V. V. Babajceva (2014).

In a comparative perspective, the teaching of predicates in Russian as L2, also presents interesting questions, as there is no often a syntactic identical form for them in L1. It’s enough to analyze the examples in (6) and compare the different translations of the Russian expression “мне холодно” in English, Italian and German:

(6)

- a. Мне холодно
to me.DAT it’s cold[PRED]
- b. (Io) ho freddo
I.NOM am[V] cold[NOUN]
- c. I am cold
I. NOM am cold[ADJ]
- d. Mir ist kalt
to me.DAT it is cold[NOUN]

Teacher should here underline differences and similarities among languages. First, (i) both Russian and German mark the experiencer in the dative case, while it is in the nominative case both in Italian (6b) and in English (6c); then (ii) while the copula in Russian is omitted in the present tense (6a), in both German (6d) and English (6c) it is mandatory; (iii) still Italian differs by requiring a transitive construction with the auxiliary verb ‘to have’ (6b). It will therefore be the teacher’s task to highlight the fact that despite the syntactic structure of “мне холодно” in the various L1 languages does not correspond to the L2 one, their argument structure still remains unchanged.

Grammatical abbreviations:

ADJ = ADJECTIVE

ADV = ADVERB

DAT = DATIVE (CASE)

LOC = LOCATIVE

N = NEUTER

NOM = NOMINATIVE (CASE)

PRED = PREDICATIVE (FORM)

V = VERB

REFERENCES

1. Бабайцева В. В. Классификация частей речи с учётом переходных явлений, явления переходности в грамматике русского языка. Москва. Дрофа. 2000.
2. Бабайцева В. В., Чеснакова Л. Д. Русский Язык, Теория. Учебник для общеобразовательных учреждений. Москва. Дрофа. 2013.
3. Бабайцева В. В. Русский Язык, Теория, Углублённое изучение. Москва. Дрофа. 2014.
4. Баранов М.Т., Т.А. Ладыженская, Л.А.Тростенцова. Русский язык. Рабочие программы. Предметная линия учебников, 5— 9 классы: пособие для учителей общеобразоват. учреждений. Москва. Просвещение. 1999.
5. Виноградов В.В. Русская грамматика. Москва. Высшая школа. 1972.
6. Виноградов В. В. История слов. Москва. ИРЯ РАН. 1999.
7. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения с безлично-предикативными словами на -о, —Ученые записки МГУ, Вып. 128. Москва. 1948. pp. 70-85.
8. Grimshaw J. Argument Structure, Cambridge (MA). The MIT Press.1990.
9. Dowty D. R. Thematic Proto-roles and Argument Selection, — Language 67l, 1991. pp. 547-619.
10. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва. УРСС. 1982.
11. Исаченко А.В. О возникновении и развитии категории состояния в славянских языках, — Вопросы языкознания № 6. Москва 1955. pp. 48–65.
12. Матханова И. П. Семантика части речи и интерпретация действительности (на материале русских высказываний с безлично предикативными словами), in Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск. НГПУ. 1999. pp. 181-196.
13. Salvi G., Vanelli L., Nuova grammatica italiana. Bologna. Il Mulino. 2004.
14. Шершакова Н. Е. Категория состояния: проблемы изучения, in Арзамасские Филологические Чтения: Материалы филологических чтений, посвященных 90 летию доцента Нины Степановны Востоковой, Арзамас. АГПИ. 2004.
15. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. О частях речи в русском языке, Москва, АН СССР, 1957.
16. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

УДК 811.511.1:908

Л. А. Ульяницкая

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ»,

ulianitskaia_liubov@mail.ru;

А. А. Шумков

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ»,

noizen@mail.ru

ПОДЛЕЖАЩЕЕ В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Проводится краткое рассмотрение основных предписаний идеи двухчастности в отношении образования сказуемого и подлежащего в утвердительных вопросительных предложениях. Устанавливается, что характерной чертой английских вопросительных предложений является фиксирование главного субстантивного семифинитива, в первую очередь, в сверхсильном, во вторую – в сильном, и в третью – в слабом пространственном уточнителе. Вопросительные предложения разделяются на два подтипа – с известной и разыскиваемой главной субстантивной единицей, для каждого подтипа обсуждается информативность относящихся к нему конструкций.

Идея двухчастности, семифинитив, подлежащее, английский язык, вопросительные предложения, простая и сложная инверсия.

В 1993 году в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» была высказана так называемая идея двухчастности, согласно которой любой глагольный или субстантивный член предложения состоит из двух частей — уточнителя (прауточнителя) и семифинитива. Впервые в синтаксисе было заявлено, что главные члены предложения образуются в зависимости от типа предложения.

Сказуемое/подлежащее образуется посредством фиксирования глагольного/субстантивного семифинитива во временном/пространственном уточнителе. Второстепенный глагольный/субстантивный член образуется посредством фиксирования глагольного/субстантивного семифинитива во временном/пространственном прауточнителе. Различие между уточнителями и прауточнителями состоит в том, что прауточнители могут пребывать лишь в рассеянном (слабом) состоянии, а уточнители – в рассеянном (слабом), концентрированном (сильном) и переконцентрированном (сверхсильном).

Слабый уточнитель является нестабильным и представляет собой флексию, явную или неявную, а сильный или сверхсильный уточнитель является стабильным и представляет собой слово, преимущественно десемантизированное.

Наличие трех состояний уточнителя объясняется также наличием трех состояний семифинитива — сверхслабого, слабого и сильного, что, в идеале, приводит к следующему балансу концентраций при фиксации семифинитива в уточнителе — сильный семифинитив в слабом уточнителе, слабый семифинитив в сильном уточнителе, сверхслабый семифинитив в сверхсильном уточнителе. Допустимы, однако, и следующие фиксации — слабый семифинитив в слабом

уточнителе и сверхслабый semifinitiv в слабом уточнителе. Время и пространство, содержащиеся в semifinitivах, называются внутренними, а время и пространство, содержащиеся в уточнителях и прауточнителях — внешними.

Следует отметить, что идея двухчастности существенно усложняется допущением, что фиксация semifinitiva в уточнителе может обернуться модификацией уточнителя semifinitивом. Разница между фиксированием и модифицированием состоит в том, что процессу фиксации соответствует арифметическая операция умножения, а процессу модификации — арифметическая операция сложения. Тем самым, в результате фиксации мы получаем трехмерный языковой образ, а в результате модификации — модифицированный, но по-прежнему одномерный уточнитель. Однако, включение в теоретический потенциал процесса модификации позволяет объяснить ряд специфических синтаксических явлений.

Отметим также, что слабый уточнитель, модифицированный сильным semifinitивом, становится стабильным, т.е. преобразуется из флексии в слово, перенимая от semifinitiva преимущественно модальную семантику. Слабый уточнитель, модифицированный сверхслабым semifinitивом, остается нестабильным и преобразуется в двойную флексию, при этом неизбежно его превращение в сверхслабосуррогатный сверхсильный уточнитель (который также может быть модифицирован сильным semifinitивом и преобразоваться в слово с модальной семантикой).

Вернемся к зависимости образования сказуемого и подлежащего от типа предложения. Памятуя о теме настоящей статьи, ограничимся утвердительными вопросительными предложениями, главными и придаточными.

Рассмотрим фиксацию semifinitивов в немодифицированных уточнителях. В главных вопросительных предложениях глагольный и субстантивный semifinitивы фиксируются, в первую очередь, в сверхсильных уточнителях, во вторую — в сильных и в третью — в слабых уточнителях. В придаточных вопросительных предложениях глагольный semifinitив фиксируется, в первую очередь, в слабых уточнителях, во вторую — в сильных, и в третью — в сверхсильных уточнителях; субстантивный semifinitив фиксируется, в первую очередь, в сверхсильных уточнителях, во вторую — в сильных, и в третью — в слабых уточнителях. Наряду со сверхсильными уточнителями употребляются сильносуррогатные сверхсильные и сверхслабосуррогатные сверхсильные уточнители.

Фиксацию semifinitивов в модифицированных уточнителях можно отдельно не рассматривать, поскольку ее очередность та же, что и в немодифицированных уточнителях.

В английском языке обнаруживаются следующие уточнители: сверхсильный временной (не подвергается модификации), сильный временной (не подвергается модификации), слабый временной (может подвергаться сильной модификации), сильносуррогатный сверхсильный пространственный (не подвергается модификации), сильный пространственный (не подвергается модификации) и слабый пространственный (подвергается сверхслабой модификации).

Вопросительные предложения априори разделяются на два подтипа — в первом подтипе главная субстантивная единица известна ((Когда) потеряны книги? (Кого) видит Петер?), во втором подтипе — разыскивается с помощью обязательного вопросного элемента (Какие книги потеряны? Кто видит Петера?). Поскольку во втором подтипе фиксирующийся semifinitив заведомо пуст, этот случай

представляется наиболее сложным, и мы начнем рассмотрение с него, не оставляя без внимания возможность трансформации главных предложений в придаточные.

В главных вопросительных предложениях с разыскиваемой главной субстантивной единицей мы движемся, по очередности фиксации, от сильносуррогатного сверхсильного пространственного уточнителя к слабому, с учетом их давления на фиксирующийся глагольный семифинитив. Разумеется, нет никаких оснований ожидать, что фиксирующийся пустой субстантивный семифинитив, заполняясь в ответном предложении главной субстантивной и другими единицами, станет обязательно сверхслабым, поскольку главные инфинитивные единицы, в отличие от всех других главных субстантивных единиц (существительных, местоимений и пр.), специально не разыскиваются. Можно ожидать, однако, что фиксирующийся пустой субстантивный семифинитив станет в ответном предложении слабым, если разыскиваемая главная субстантивная единица — существительное, тяготеющее к неопределенности. Наличие сильного пространственного уточнителя в английском языке приводит к фиксации слабого семифинитива именно в этом уточнителе. В полной мере все вышесказанное наблюдается в конструкциях

Who does there see ø Peter?*

Which books are there ø lost?*

What is there ø lost?

Важно отметить, что конструкция

Who does there see ø Peter?*

невозможна, поскольку семифинитив see не выдерживает давления сильного пространственного уточнителя there [б].

Конструкция

Which books are there ø lost?*

также практически невозможна, поскольку высокая информативность вопросного элемента which books и способность семифинитива be lost воспрепятствовать давлению внешнего пространства могут служить достаточными основаниями для недопущения сильного пространственного уточнителя there в состав подлежащего.

Впрочем, как было сказано выше, допустима фиксация слабого семифинитива в слабом уточнителе. Также можно ожидать, что фиксирующийся пустой субстантивный семифинитив станет в ответном предложении сильным, если разыскиваемая главная субстантивная единица является существительным, тяготеющим к определенности, именем собственным или личным местоимением. Этот семифинитив будет фиксироваться в слабом уточнителе. Тем самым, наблюдаются конструкции

Who does 'ø' see Peter?, преобразующаяся в Who sees 'ø' Peter?

Which books are 'ø' lost? или

What is 'ø' lost?

На наш взгляд, отсутствие или наличие there в английских вопросительных конструкциях связано с возможным воспрепятствованием фиксирующегося глагольного семифинитива давлению внешнего пространства в целях неослабления лексического значения. Если лексическое значение главной глагольной единицы не может быть ослаблено, there не используется даже в нарушение баланса концентраций; если ослабление возможно — наличие there в английских вопросительных конструкциях весьма органично. Не исключено, что отсутствие или

наличие *there* связано также с информативностью вопросного элемента. Несомненно, что вопросный элемент *which books*, сужая круг поиска разыскиваемой главной субстантивной единицы, информативен в большей степени, чем вопросный элемент *what* или *who*.

В придаточных вопросительных предложениях с разыскиваемой главной субстантивной единицей мы движемся, по очередности фиксации, от сильносуррогатного сверхсильного пространственного уточнителя к слабому, с учетом их давления на фиксирующийся глагольный семифинитив, отчего следует ожидать появления конструкций

I want to know, which books there $\emptyset$ are lost.*

I want to know, what there $\emptyset$ is lost.

I want to know, who $\emptyset$ sees Peter.

Конструкция

I want to know, which books there $\emptyset$ are lost.*

практически невозможна, поскольку, как указывалось выше, высокая информативность вопросного элемента *which books* и способность семифинитива *be lost* воспрепятствовать давлению внешнего пространства могут служить достаточными основаниями для недопущения сильного пространственного уточнителя *there* в состав подлежащего.

Если фиксирующийся глагольный семифинитив в целях неослабления лексического значения воспрепятствует давлению внешнего пространства, мы можем ожидать появления конструкций

I want to know, which books ' $\emptyset$ ' are lost.

I want to know, what ' $\emptyset$ ' is lost.

А учитывая степень информативности союзного (бывшего вопросного) элемента, мы ожидаем, что обсуждаемые конструкции могут появляться в следующей соположенности:

I want to know, which books ' $\emptyset$ ' are lost.

I want to know, what there $\emptyset$ is lost.

Следует отметить, что иногда в придаточных вопросительных предложениях с разыскиваемой главной субстантивной единицей появляется конструкция

I want to know, what ' $\emptyset$ ' is there lost.

Эта конструкция, с первого взгляда, не может получить разумного объяснения, поскольку наличие единицы *there* здесь представляется семантически и синтаксически излишним. В самом деле, подлежащее в этой конструкции образовано посредством фиксирования пустого сильного субстантивного семифинитива в слабом пространственном уточнителе и наличия других единиц не требуется. В скандинавских языках, однако, в той же конструкции будет предпринята замена пустого сильного субстантивного семифинитива на единицу наречно-субстантивной природы. В шведском языке в качестве такой единицы выступает *som*, а в датском – *der*. Тем самым, придаточные предложения в скандинавских языках обеспечиваются, как нам представляется, полноценной главной парой, в которой нет пустых единиц. Не исключено, что оставление *there* в обсуждаемой английской конструкции служит той же цели, но с известной разницей – в скандинавских языках пустой сильный субстантивный семифинитив заменяется на наречно-субстантивную единицу, а в английском – сопровождается ею, обеспечивая, таким специфическим способом, полноценность главной пары.

Рассмотрим подтип вопросительных предложений, где главная субстантивная единица известна и либо сопровождается, либо не сопровождается вопросным элементом. В этом случае возможность трансформации главных предложений в придаточные также не будет оставлена без внимания.

Обнаруживаемые главные вопросительные предложения содержат немодифицированное подлежащее, образующееся по принципу очередности и с учетом давления внешнего пространства на глагольный фиксирующийся семифинитив:

(Why) is it difficult to follow your own way?

(When) are there lost (any) books? или

(When) are 'books' lost?

(When) are 'these books' lost?

(What/Which books/Whom) does 'Peter' see?

(What/Which books/Whom) does 'he' see?

Информативность вопросного элемента на отсутствие или наличие *there* в этих конструкциях не влияет.

Конструкция

(Why) is it difficult to follow your own way?

заменяется, иногда, конструкцией

(Why) is 'following your own way' difficult?

По нашему предположению, главной субстантивной единицей здесь является субстантивированный герундий, сходный с существительным и возводящийся в сильный субстантивный семифинитив, способный фиксироваться лишь в слабом пространственном уточнителе. Утраты герундием *following* окончания *-ing* при субстантивации не происходит.

Впрочем, гипотетически обсуждаемую конструкцию можно заменить конструкцией

(Why) is 'it' difficult for to follow your own way?

где главной субстантивной единицей является личное местоимение *it*, возводящееся в сильный субстантивный семифинитив, который фиксируется в слабом пространственном уточнителе. Сверхслабый субстантивный семифинитив *to follow your own way* фиксируется в слабом пространственном прауточнителе *for*. В современном английском языке *for* элиминируется и мы имеем дело с конструкцией (Why) is 'it' difficult to follow your own way?

По существу, семифинитив *to follow your own way* выводится из состава подлежащего, не приобретая никакой единицы, а параллельный ему семифинитив *following your own way* компактизирует состав подлежащего, никакой единицы не утрачивая.

Отметим, что при трансформации главных вопросительных предложений в придаточные по тому же принципу очередности и с учетом давления внешнего пространства следует ожидать появления конструкций

I want to know, why/whether it is difficult to follow your own way.

I want to know, when/whether there are lost (some) books или

I want to know, when/whether 'books' are lost.

I want to know, when/whether 'these books' are lost.

I want to know, what/which books/who/whether 'Peter' sees.

I want to know, what/which books/who/whether 'he' sees.

Конструкция

I want to know, why/whether it is difficult to follow your own way

может заменяться на конструкцию

I want to know, why/whether following your own way is difficult.

Следует отметить, что при фиксации герундиального семифинитива в слабом пространственном прауточнителе в английском языке герундиальное окончание не утрачивается:

for following your own way или

after following your own way.

Мы предполагаем, что слабый пространственный прауточнитель при фиксации в нем сверхслабого субстантивного семифинитива модифицируется в этих языках ничтожным сверхслабым субстантивным семифинитивом, что позволяет избежать утрату герундиального окончания. Сходное явление наблюдается в повествовательных предложениях при фиксации сверхслабого субстантивного семифинитива в слабом пространственном уточнителе. В английском языке слабый пространственный уточнитель при фиксации в нем сверхслабого субстантивного семифинитива модифицируется ничтожным сверхслабым субстантивным семифинитивом:

'To follow your own way' is difficult.

Последняя конструкция может быть заменена конструкцией
'Following your own way' is difficult.

Ее трактовка допускает два варианта — мы можем иметь дело не только с сильным субстантивированным герундиальным семифинитивом, не утратившим герундиальное окончание в результате субстантивации и зафиксированным в слабом пространственном уточнителе, но и со сверхслабым герундиальным семифинитивом, зафиксированным в слабом пространственном уточнителе, модифицированном ничтожным сверхслабым субстантивным семифинитивом. В вопросительных предложениях первый вариант преобразуется в конструкцию

Is 'following your own way' difficult?,

а второй — в конструкцию

Is it difficult following your own way?,

где задействуется сильносуррогатный сверхсильный пространственный уточнитель. Сверхслабосуррогатный сверхсильный пространственный уточнитель, который мог бы образоваться из слабого пространственного уточнителя, модифицированного ничтожным сверхслабым субстантивным семифинитивом, в английском и нидерландском языках, по всей видимости, не задействуется, иначе наблюдались бы конструкции

Is 'to follow your own way' difficult?*

Аналогично, в придаточных предложениях не наблюдается конструкций
I want to know, whether 'to follow your own way' is difficult?* и

Подлежащее в вопросительных предложениях английского языка, как было показано в настоящей статье, довольно адекватно описывается моделью, принятой в идее двухчастности. Рассмотрение особенностей модификации слабого пространственного уточнителя и субстантивации сверхслабого субстантивного семифинитива позволяет объяснить ряд специфических моментов, относящихся к структуре вопросительных предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шумков А.А. Вопросительные предложения французского языка в свете идеи двухчастности главных членов предложения // Вопросы методики преподавания в ВУЗе. Вып. III: Сб. ст. - СПб.: Изд-во «НЕСТОР», 2001. - С.143-147.
2. Шумков А.А. Формально-логическая модель французского подлежащего // Вопросы методики преподавания в вузе. Вып. IV: Сб. ст. - СПб.: Изд-во «НЕСТОР», 2002. - С.144-151.

L. A. Ulianitskaia

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»;

A. A. Shumkov

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

ON THE ISSUE OF MODIFIED SUBJECTS IN INTERROGATIVE ENGLISH SENTENCES

A short consideration of the basic prescriptions of the binomiality idea in relation to the formation of predicate and subject in the sentences of different types is conducted. It is established, that a characteristic feature of English interrogative sentences is the fixation of the main substantive semifinitive, firstly, in the super-strong space specifier, secondly – in the strong space specifier, and thirdly – in the weak space specifier. Interrogative sentences can be divided into two subtypes, in which the main substantial unit is either known or being searched; the informative value of constructions within each subtype is discussed.

The binomiality idea, semifinitive, subject, French, interrogative sentences, simple and complex inversion

УДК 81.42

И. А. Шпаковская

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»,

shpakovskaya_ira@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ АСТРОЛОГИЧЕСКИХ АЛЬМАНАХОВ XVII ВЕКА

В статье рассматриваются такие языковые особенности астрологических альманахов, как словоупотребление, оценочная лексика, структура предложения, актуализация информации, также анализируются причины популярности этого вида литературы.

Популярная пресса, информация и пропаганда, общественный интерес, актуальность печатного слова

В настоящей статье будут рассмотрены причины популярности астрологических альманахов среди читающей публики в Англии XVII в. Но начнем с

примера, показывающего начало упадка, а именно – яркую критику интереса к такому виду литературы. То, что вызывало жаркие споры в XVII в., к началу XVIII-го превратилось в первоапрельскую шутку.

Это одно из объяснений, почему мы позволяем себе различные розыгрыши именно на первое апреля, а также иллюстрация к нашей теме.

В начале 1708 года некто под именем Исаак Бикерстафф опубликовал альманах. В нем сначала были общие рассуждения об истинности такого рода литературы, затем хвастливые заявления, что автор успешно предсказал множество вещей, что он запечатывал свои предсказания и, когда друзья в назначенный день вскрывали их, видели, что почти все сбылось. Затем шли собственно предсказания. Согласно положению звезд, 29-го марта в 11 вечера должен скончаться Джон Партридж, создатель альманахов. Далее шли еще несколько предсказаний, чем дальше, тем туманнее.

В начале апреля некий «достойный джентльмен» засвидетельствовал факт совершения предсказанного и с волнением спросил: неужели и остальное сбудется?

Вскоре появилось «опровержение», написанное Партриджем, в котором он жаловался на то, что с него требуют денег за гроб, изготовленный для него, спрашивают, как ему удалось сбежать с кладбища, передают привет его вдове и даже исключили из профессиональной гильдии. (7) Есть мнение, что этот розыгрыш испортил жизнь настоящему Партриджу.

На самом деле настоящий Партридж бежал за границу по религиозно-политическим соображениям при Якове II, публиковал свои альманахи с 1678 до смерти в 1715 году, [4, р. 323] а автором всех упомянутых произведений был великий Дж. Свифт, издевавшийся над огромной популярностью альманахов – прогностиконов среди англичан. В Сети бытует мнение, что «это была первая первоапрельская шутка», но данные не проверены.

Мы привели эту историю для того, чтобы показать, насколько сильно еще было влияние предсказаний в английском обществе начала XVIII века, несмотря на триумф «научного метода», а также рассмотреть становление языка средств «массовой» информации того времени. Автор, знаменитый сатирик, прекрасно владел методом скрытого комментария. Так, он пишет, что надеется, что читатели «будут считать его таким же честным и разумным, как обычный создатель альманахов» [7]. В контексте это звучит как издевка, потому что автор хвастается своими правильными предсказаниями поражений Англии (в битве при Тулоне в 1707 г. и потеря 5 кораблей адмирала Шовеля в результате бури).

Нами уже высказывалась мысль, что популярная пресса в Англии XVII века имела многие признаки современной «бульварной» прессы. Издания «для народа» могли не иметь текста, а только иллюстрации, но они поучали, приводя примеры, как поступать надо и не надо, рассказывали скабразные истории, запугивали расплатой после смерти, печатали псалмы, исполняющиеся на известную народную мелодию. [8, р. 66]

Необходимо подчеркнуть, что альманахи предназначались для разных слоев населения, и даже их части были разными по социальной направленности. Некоторые прогностиконы были посвящены политическим событиям и были предтечами современной аналитической статьи, другие сочетали в себе ученое предисловие автора и вполне «народные» советы по каждому месяцу. На протяжении XVII века астрологические альманахи постепенно теряли массовую популярность, но авторы

пытались приспособить их к новым научным веяниям, используя, например, коперниканскую систему определения местоположения планет, а не систему Птолемея. [4, p. 180-181]

Альманахи содержали прикладную информацию – то, с чего собственно началась печатная информация в XVI веке. Они также содержали хронологические таблицы. Можно было бы увидеть в них пропагандистскую составляющую, если бы они все не были одинаковыми. Некоторые альманахи содержали пространственные рассуждения о «методах астрологического познания». Можно предположить, что многие грамотные люди интересовались этими проблемами, учитывая, что при всех европейских дворах содержались предсказатели и астрологи, а такие личности, как А. Валленштейн, очень серьезно относился к предсказаниям.

Основная причина огромной популярности альманахов в Англии середины XVII века – политическая ситуация. Как во Франции при беспокойной политической обстановке появлялись листовки, памфлеты, либели, «мазаринады», так и в Англии, только они приняли форму альманахов. Те слои населения, которые осознавали себя в мире и политической ситуации, интересовались событиями, комментариями, возможным ходом развития событий. Современные СМИ учитывают социальный состав своих читателей, их социально-политическую ориентацию, знания и представления о мире и политике. «Создатель новостей выстраивает свои сообщения вокруг некой главной фигуры, выбирая событие, заслуживающее упоминания, пользующееся в обществе спросом и уместно подавая это событие» [2. С. 72-73]

Еще не было ни газетных или журнальных статей как таковых, не было разнообразия жанров и стилей подачи материала, а понимание того, что читатель воспринимает мир через усвоенный им частный или общественный опыт – было. В соответствии с этим авторы популярных изданий строили свои сообщения.

Астрологические альманахи, как многие произведения популярной литературы XVI – XVII веков, дошли до нас в сборниках, переплетенных владельцами-собираателями и составленных по их вкусу. Анализ направленности политических сочинений в таких сборниках показывает, что единая политическая линия почти не наблюдается [5. Р. 41]. Значит, людям были интересны произведения как таковые, их читали не как пропагандистские памфлеты, а как литературные произведения, переплетали вместе с поэтическими произведениями и какими-либо заметками. [там же].

Джон Донн в 1651 году в письме «к некоему достойному лицу» писал: истинно действенные памфлеты (“libels”) – это те, которые приносят наслаждение и развлекают нас самой темой. [1. С. 106.] Читатели не на последнее место ставили развлекательную функцию произведений популярной прессы, что, несомненно, учитывали авторы.

В современных СМИ жанровая принадлежность определенного элемента информации стала обязательным явлением, правда, часто жанры смешиваются именно в популярных изданиях. Но на заре истории СМИ это было не так важно, если авторы хорошо представляли себе интересы и вкусы своих читателей.

Однако нельзя отрицать, что «журналисты» XVII века не владели приемами скрытого воздействия на читателя. Здесь мы пользуемся результатами исследования Ольги Семеновой, защитившей в 2008 году под руководством автора дипломную работу о лексических средствах создания положительного образа правителя в английском официозе *The London Gazette* (вторая половина XVII в.). Для создания

эффекта беспристрастности изложения, но при этом несомненно проводя собственные взгляды, использовались такие методы как оценочный отбор фактов, описание под определенным углом зрения, замалчивание.

Интересен анализ использование приема семантической оппозиции. Семантическая оппозиция - противопоставления лексем, в составе которых присутствуют семы положительной и отрицательной оценки. Оценочные лексемы встречаются при описании схожих ситуаций, но разных образов : «своих» и «чужих». В проанализированном отрывке из *The London Gazette* рассматриваются лексемы, описывающие причины присоединения к мятежным войскам и действия королевских войск. Схожие структуры предложений заставляют думать, что к мятежникам идут исключительно из страха перед ними или насильно, в то время как действия войск короля описываются с применением позитивно-оценочной лексики.

Также в работе были проанализированы разные регистры лексических пластов, использованных для придания текстам определенной направленности. Разговорный пласт лексики нес особую стилистическую функцию и способствовал восприятию образов с негативной стороны. При описании действий короля, наоборот, использовалась нейтральная и книжная лексика, что придавало текстам оттенок торжественности и пафоса.

Один из самых популярных альманахов середины – конца XVII в. был *Merlini Anglici Ephemeris* Уильяма Лилли. Он предназначался для образованного читателя, объяснял астрологические тонкости, много внимания уделял политическим прогнозам. С точки зрения структуры предложений и отбора лексики можно сказать, что это были «ученые» тексты, со множеством латинизмов и длинных предложений-«периодов». “Graciously condescended”, “contemptible prediction”, “stupendous contingency”, “could be rationally deduced from Ingresses”, латинские цитаты. Пример предложений с абсолютной конструкцией и сложноподчиненного: “The purses and exchequers of Princes almost empty, for a general complaint both of officers and common soldiers arrives to Princes’ courts, with sad lamentations for want of their pay.” [6, 1675] “Those pretending to religion or such as are famous for schisms, heresies..., from the profession of that religion which is established by Authority, will for some years grumble and repine for that restriction of or upon their conscience...”[6, 1683]

В текстах рассматриваемых альманахов мы также можем найти примеры разговорной лексики, поговорки и даже проклятия. В большинстве политических текстов автор не стремился к показной беспристрастности, и эти приемы способствовали достижению цели. Во время завоевательных походов в Ирландию альманах У. Лилли называл ирландцев «вонючими» и предсказывал англичанам, которые поселятся на захваченных у местных жителей землях, успех и процветание. [4. Р. 78] Французы, датчане или ирландцы, вторжения которых Англия могла опасаться в бурные 1640-е годы, названы у него “fiddle faddling”, «болтающими вздор», и предлагается “make store of graves to bury the foreigners in” [там же, с. 80].

Альманах Н. Кальпепера позволил себе колкое замечание по поводу окончания войны между Англией и Голландией: common people had merely “leapt out of the frying-pan into the fire” [там же, с. 87].

Томас Тригг в своем альманахе на 1667 г. писал: Англия устршит и победит всех своих вероломных, эгоистичных и непостоянных соседей, а голландцам придется “stoop, and (with reverence) lick our English dust”. [там же, с. 91].

Присутствовала в альманахах и еще одна черта, роднящая их с современной бульварной прессой и несомненно привлекавшей читателей тогда и вызывавшей большой интерес. Это сплетни, обвинения и ссоры авторов, принадлежавших к разным партиям. Вышеупомянутый Дж. Партридж, будучи в изгнании, отвечал на политические обвинения Гэдбери, называя последнего “papist, pimp, plotter and philanderer” (папистом, сутенером, заговорщиком и бабником). [4.Р. 96]

Политическая информация и пропаганда через такой печатный источник как астрологический альманах должна была являться очень действенной – не даром все правители хотели прибрать их к рукам и направлять по-своему. [4. Р. 100]. Современный читатель может задать справедливый вопрос – а если предсказания не сбывались, почему альманахи оставались популярными? Или, почему расплывчатость предсказаний никого не смущала? Мы полагаем, что в прогностиконах предсказания играли иную роль – они сообщали читателю актуальную информацию под видом «вестей от звезд». Например, общество было против католических тенденций будущего Якова II – альманахи яростно предсказывали их поражение и даже смерть Якова в 1688 г. Альманахи писали о том, что было на волне интереса, а рассуждения о том, что может произойти, всегда пользуются успехом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Л.Л. Иофик. Сложное предложение в новоанглийском языке. Ленинград, ЛГУ, 1968.
2. Язык средств массовой информации. Под ред. М.И. Володиной. М. «Академ. Проект» 2008.
3. The Cambridge History of the English Language. V. 3. Ed. by R. Lass. 1999.
4. Capp B.S. Astrology and the popular press. Faber and Faber. London, 1979.
5. A. McRae. Literature, satire and the early Stuart state. Cambr., 2004.
6. Merlini Anglici Ephemeris or Astrological Judgment for the year 1675, 1683, by William Lilly.
7. J. Swift. The Bickerstaff – Partridge papers. //ebooks.adelaide.edu.au/s/swift/jonathan/s97b
8. T. Watt. Cheap print and a popular piety. 1550-1640. Cambr. 1996

Shpakovskaya Irina

St. Petersburg state electro-technical university.

ENGLISH ASTROLOGICAL ALMANACS OF 17th CENTURY: SOME LANGUAGE DETAILS

The article studies such language details of English astrological almanacs as lexis, the use of vocabulary, sentence structure, information actuality, and analyses the reasons of the almanacs popularity.

Popular press, information and propaganda, public interest, actuality of the media

УДК 81.42

Н. Ф. Щербак

Санкт-Петербургский государственный университет

alpha-12@yandex.ru

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА (ИГРА СО ВРЕМЕНЕМ В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА «АДА»)

Изучение литературного текста лингвистами проводится не столько с точки зрения «субъективной ориентации» на говорящего (или слушающего), как при анализе быденной речи, а с учетом «точки наблюдения». Художественный текст рассматривается с точки зрения «нарративной проекции», при которой происходит ориентация на литературного героя, от пространственно-временных координат которого идет отсчет времени и локализуется пространство. Пространственно-временные особенности художественного нарратива Набокова часто сравнивают с принципом временной обратимости или обратной перспективы. Подобная «свобода» реализуется в поздних романах Набокова посредством, например, а) безглагольной реализации, что указывает на нерелевантность временной соотнесенности, б) эффекта гетерогенности, полиязычия, лексической насыщенности, с) ненормативной пунктуации.

Пространственно-временные субсистемы, нарративная проекция, эгоцентрики, лексическая насыщенности, иконичность

Целью исследования является выявление некоторых особенностей художественного нарратива романа Владимира Набокова «Ада», в английском варианте *Ada or Ardour: A Family Chronicle*. Изучение литературного текста лингвистами проводится не столько с точки зрения «субъективной ориентации» на говорящего (или слушающего), как при анализе быденной речи, а с учетом «точки наблюдения». Так, Лангакер сравнивает подобный анализ с ситуацией наблюдения зрителем происходящего на театральной сцене: «Точка наблюдения не обязательно располагается там, где находится говорящий. Мы можем с легкостью принять фиктивную точку наблюдения и представить, как сцена будет выглядеть оттуда» [7, р. 76]. Сходным образом, Е.В. Падучева исследует художественный текст с точки зрения «нарративной проекции», при которой происходит ориентация на литературного героя, от пространственно-временных координат которого идет отсчет времени и локализуется пространство. Поздние тексты Набокова это неумеренный инвариант игры с нормами классического нарратива.

Пространственно-временные координаты повествователя и персонажа могут почти полностью совпадать, их пространства «схлопываться», образуя единую систему. Прозу Набокова исследователи относят к сфере действия «свободного косвенного дискурса». В отличие от традиционного нарратива, в котором повествование ведется в 3-м лице или от первого лица», у Набокова «повествователь частично уступает персонажу свое право на речевой акт, при этом возникает чисто литературная фигура (говорящий в 3-м лице), которая невозможна в быденном языке: персонаж 3-го лица замещает говорящего [5]:

Did he like elms? Did her know Joyce's poem about the two washerwomen? He did indeed. Did he like it? He did. In fact he was beginning to like very much arbors and ardors and Adas. They rhymed. Should he mention it? [8, p. 48]. Присутствие в вопросительных предложениях глаголов мысли (знает) и глаголов, передающих чувства (нравится) обнаруживает, что автор думает и даже любит за персонажа!

Пространственно-временные координаты персонажа и автора-повествователя могут вдруг стать совершенно различными. Выделение «эгоцентриков», то есть слов, которые указывают на определенные точки пространственно-временных координат (я, здесь, вон, вот, наверно, кажется, да, пожалуй, внезапно, неожиданно, незаметно, прекрасно, правда, между прочим, например, увы др.) позволяет говорить о сосуществовании нескольких различных субсистем в тексте:

I, Van Veen, salute you, Ada Veen, Dr. Lagosse, Stepan Nootkin, Violet Knox, Ronald Oranger. Today is my ninety-seventh birthday, and I hear from my wonderful new Everyrest hair a spade scrape and footsteps in the snow-sparkling garden, and my old Russian valet, who is deafer than he thinks, pull out and push in nose-ringed drawers in the dressing room. This Part Five is not meant as an epilogue; it is the true introduction of my ninety-seven percent true, and three percent likely, Ada or Ardor, a family chronicle. Of all their many houses, in Europe and in the Tropics, the chateau recently built in Ex, in the Swiss Alps, with its pillared front and crenelated turrets, became their favourite, especially in midwinter, when the famous glittering air, le cristal d'Ex, "matches the highest forms of human thought – pure mathematics and decipherment" (unpublished ad) [8, p. 445]. Сначала повествование ведется от первого лица, от имени персонаж Вана, который упоминает о своем романе (в тексте Эта Пятая Часть), эгоцентрик «эта» указывает на пространственно-временные координаты Вана, как и эгоцентрик «сегодня»: в этот день ему исполнилось 97 лет. Затем повествование ведется уже от имени автора, (который словно вдруг «выпрыгивает» из персонажа, делая шаг назад, чтобы понаблюдать за своей тенью!), что вытекает из употребления эгоцентрика их. Автор говорит о Ване и Аде в третьем лице (Из множества домов, имевшихся у них), эгоцентрик недавно фиксирует настоящий момент автора, вне связи с событиями в жизни персонажей. Рядом в тексте настоящее время героя, по всем законам традиционного нарратива, выражено прошедшим временем (стало любимым). Когда оба пространства, автора и персонажа разграничены подобным образом, их время течет по-разному [5]. Интересно, что в данном отрывке есть еще одна система пространственно-временных координат, а именно несуществующее пространство! Слова «как бы становится вровень с высшими проявлениями человеческой мысли – чистой математикой и разгадыванием шифров» имеют источник цитирования: реклама, которая так и не была опубликована! (в тексте (неопубл. реклама). Впрочем, когда Ван сообщает читателю, что написанная им пятая часть романа это «не эпилог: это самое настоящее вступление»), прошедшее и будущее вовсе меняются местами. Читатель как будто забывает, что в эпиграфе автор упомянул о том, что «все люди, поименованные в этой книге, уже мертвы»: сдвиг интерпретации происходит не по логике событий, а в текущий момент текста.

Пространственно-временные особенности художественного нарратива Набокова часто сравнивают с принципом временной обратимости или обратной перспективы. Как замечает Б.Бойд [1, p. 329], время интересует Набокова, когда он изучает возможности сознания, соперничающего с реальностью и одерживающего над ней победу: прошлое существует в памяти, и эта форма существования может

оказаться более ценной, чем реальное. Действительно, «игра» со временем, одновременность существования прошлого, настоящего и будущего отражает особенность мышления Набокова как художника XX века. «Прошрое, настоящее и будущее возникают в моментальной вспышке, так и воспринимается весь круг времени, другими словами, время перестает существовать» [4, р. 71]. Говоря о принципе обратной перспективы можно вспомнить слова П.Флоренского, который приходит к выводу о том, что перспективность изображения представляет собой лишь один из возможных приемов символической выразительности, один из возможных символических стилей, существование которого ни в коей мере не должно отрицать иные возможности изображения, имеющие собственные смысловые и стилистические цели [6, р. 40]. Если в искусстве обратная перспектива является способом «демонстрации невозможного в возможном мире искусства», то в прозе подобный замысел осуществляется благодаря относительной свободы от лексических или грамматических ограничений, накладываемых законами английского (или русского) языка [3, р.52]. Подобная «свобода» реализуется в поздних романах Набокова посредством, например, а) безглагольной реализации, что указывает на нерелевантность временной соотнесенности, б) эффекта гетерогенности, полиязычия, лексической насыщенности, с) ненормативной пунктуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. Биография. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2001. С.329
 2. Лаврова С.В., Щербак Н.Ф. Выразимые и невыразимые элементы музыкального и литературных языков. Роман «Ада» Владимира Набокова и. Новая Музыка. СПб: Вестник СПбГУ. Сер. 15., Вып.2, 2015. С. 19-33.
 3. Масленникова, А.А. Невозможное в возможном мире Дж. Джойса // Этюды по поводу. СПб: СПбГУ, 2008. С. 52
 4. Набоков В.В. Неизданное в России // Звезда. 1996. №11.
 5. Падучева Е.В. Игра со временем в первом главе романа Набокова «Пнин» // Язык. Личность. Текст: сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005.
 6. Флоренский, П. А. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996.334 с.
 7. Langacker, R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. P.70-77
 8. Ada—- Nabokov, V. Ada or Ardour: A family Chronicle. Penguin Books. 1969
- Падучева Е.В. Игра со временем в первом главе романа Набокова «Пнин» // Язык. Личность. Текст: сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005.

STRUCTURAL AND SEMANTIC REALIZATION OF SPACE AND TEMPORAL RELATIONS IN THE NOVEL ADA BY VLADIMIR NABOKOV

The aim of this article is to identify some characteristics of the narrative by Vladimir Nabokov (his novel Ada or Ardour). The focus of the article is on lexical richness and metaphorical multilingualism occurring in the text by Nabokov as well as on different special and temporal subsystems developed by the author in the text. Nabokov's texts are viewed as anti-narrative practice with a use of necessary tools to develop a new kind of

prosaic language by means of incorporating lexical proximity and general heterogeneity principles, iconic use of the language, etc.

Heterogeneity, space and temporal relations, egocentrics, lexical density, lexical proximity, iconicity

УДК 811.161.1

Ю. Языкова

Санкт-Петербургский государственный университет
avokyzja@hotmail.com

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОПРАВДАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОДИСКУРСА)

В статье рассматриваются невербальные средства выражения оправдания. Анализ проводится на материале современных российских кинофильмов. Исследование показало, что наиболее частотными способами невербального выражения оправдания являются: взгляд в глаза, взгляд вниз, избегание взгляда, задумчивый взгляд и заламывание рук.

Оправдание, жесты, мимика, невербальные средства коммуникации, кинодискурс

Общаясь, мы воспринимаем не только словесную информацию, но и считываем невербальные знаки: взгляды, жесты, мимику, тембр голоса и т.д. Лингвистические исследования все чаще обращаются к невербальной составляющей общения, под которой будем понимать несловесное общение, дополняющее (а иногда и заменяющее) общение словесное.

Г.Е. Крейдлин выделяет следующие науки, занимающиеся проблематикой невербальной коммуникации: паралингвистика (наука о звуковых кодах невербальной коммуникации), кинесика (наука о жестах), окулесика (наука о языке глаз), аускультация (наука о слуховом восприятии звуков), гаптика (наука о языке касаний и тактильной коммуникации), гастика (наука о знаковых и коммуникативных функциях пищи и напитков), ольфакция (наука о языке запахов), проксемика (наука о пространстве коммуникации), хронемика (наука о времени коммуникации), системология (наука о системах объектов, которыми люди окружают свой мир) [3, с. 22]. В нашем исследовании обратимся только к некоторым из этих наук, а именно к кинесике и окулесике.

Невербальные средства коммуникации способны передать колоссальную информацию об адресанте: о его состоянии, эмоциональном и психологическом, о его отношении к адресату, о его социальном статусе и т.д. Для фиксации этих состояний нужно учитывать коммуникативную ситуацию, в которой находятся участники коммуникации, т.е. «коммуникативную рамку речевого произведения, динамический комплекс факторов, регулирующих общение» [2].

В нашем исследовании обратимся к ситуации оправдания, являющейся частотной интенцией в повседневном общении. Оправдание может быть направлено

на себя (оправдывать себя) – самый частый вид оправдания. В этом случае оправдание представляет собой реакцию на упрек, критику, обвинение и т.д. Человек оправдывающийся – тот, чьи действия негативно воздействовали на адресата или стали причиной нежелательного положения дел [4, с. 138-139]. У такого оправдания можно выделить следующие интенции:

1) Адресант оправдания отрицает сам факт произошедшего поступка:

Директор школы: Я видела / Как вы сейчас улыбнулись / Когда речь об игре зашла / О бикини / Об этой неосознанной привлекательности // Не понравилась мне что-то ваша ухмылка.

Учитель физкультуры: Я не ухмылялся.

Фильм «Ученик», реж. К. Серебренников, 2016

2) Адресант признает совершенный поступок, но выступает против оценки поступка как неприемлемого/предосудительного:

Жена: Ты чо это / Проституцию-то позвал?

Муж: Это не проституция // Это учительница немецкого // Позвал для себя // Я мужчина одинокий // Полный сил // Женщина / Лучший подарок.

Фильм «Географ глобус пропил», реж. А. Велединский, 2013

3) Адресант, признавая совершенный поступок, приводит умаляющие вину факты:

Служкин: Привет / Куда пропал?

Будкин: О /Д-дела / Привет.

Фильм «Географ глобус пропил», реж. А. Велединский, 2013

Такие же интенции выделяются при оправдании кого-то, но объектом оправдания служит уже третье лицо.

Еще одной немаловажной интенцией оправдания, включенной во все три вышеупомянутые интенции, является нейтрализация конфликтной ситуации, тем самым оправдание выполняет регулятивную функцию в межличностном взаимодействии.

Исследование базируется на материале кинодискурса. Были взяты кинофильмы в период с 2011 по 2016 год, чтобы приблизить материал к современному дискурсу. Критерии отбора были следующие (по сайту kinopoisk.ru): 1) рейтинг фильмов больше семи; 2) голосов больше 15 000 (число людей, поставивших фильму оценку); 3) наличие хотя бы одной награды; 4) время, затрагиваемое в фильме, – с 70-ых гг. по наше время. Не брались эксцентрические комедии (комедии-буффонады) – фильмы, основанные на утрировании действий и черт характера персонажей, что создает комический эффект, несвойственный коммуникативному взаимодействию людей в реальной жизни. Таким образом, были учтены: художественная ценность фильма, признание фильма большим числом зрителей и приближенность коммуникативного поведения персонажей к современному дискурсу.

Всего в исследовании было задействовано десять фильмов, а именно фильмы «Экипаж», «Ученик», «Дурак», «Географ глобус пропил», «Майор», «Легенда № 17», «Метро», «Рассказы», «Дом», «Елена». В среднем на каждый фильм приходится пять ситуаций оправдания. В каждой ситуации может быть несколько оправдательных реплик и на каждую реплику может быть несколько невербальных средств оправдания, однако не во всех случаях возможно считать невербальные знаки. Их не получается считать, если: камера направлена не на адресанта оправдания, адресант

стоит слишком далеко или виден со спины и невозможно увидеть невербальные средства, которыми он пользуются, и т.д.

Были проанализированы 32 ситуации оправдания, в которых были видны невербальные средства коммуникации. В данных ситуациях было выделено 66 знаков невербальной коммуникации.

Наиболее частотным знаком оправдания оказался пристальный взгляд в глаза адресату (21 случай). Этот знак объясняется не только русской традицией смотреть собеседнику прямо в глаза [5, с. 50], такой взгляд может означать:

1) Желание продемонстрировать честность (или псевдочестность в случае вранья) своих намерений [1, с. 22]:

Приглашенная на день рождения подруга Служкина Ветка просит у Нади, жены Служкина, чтоб ее муж проводил Ветку до дома.

Ветка: Надя / Отпустишь его?

Надя: Да на здоровье // Женщина / Лучший подарок // Иди / Если у тебя так зудит.

Ветка: Надя / Да он просто проводит (*смотрит Наде в глаза*).

Фильм «Географ глобус пропил», реж. А. Велединский, 2013

2) Уверенность в собственной правоте [1, с. 22]:

В кабинете у директора собрались учителя, мама Вениамина и он сам.

Учитель физкультуры: Я предлагаю / Чтоб он извинился <...>

Вениамин: Я не стану извиняться.

Мама: А чой та? / Как миленький извинишься.

Вениамин: Ну просто я / Я не сделал ничего плохого // Это вы все делаете не так / А не я (*держит руки за спиной, смотрит всем в глаза*).

Фильм «Ученик», реж. К. Серебренников, 2016

3) Решимость, желание вывести собеседника на откровенность [1, с. 22]:

Отец обсуждает с ректором сочинение дочери, которое она написала, чтобы поступить на филологический факультет. Ректор смотрит ее сочинение.

Ректор: Две страницы сочинения // Семь строчек без ошибок // Филологический факультет.

Отец: Понимаете / Она совсем недавно решила поступать на филологический // Интерес / Недавно проснулся (*смотрит прямо в глаза ректору, заламывает руки*).

Фильм «Рассказы», реж. М. Сегал, 2012

Подобный взгляд характерен как при равностатусном общении, так и при общении разностатусном, а также для всех типов общения – бытового, полуофициального и официального, при этом личностные качества адресантов также весьма разнообразны, среди них: люди эмоциональные, спокойные, пугливые, уверенны и т.п.

Следующий по частоте знак выражения оправдания – опущенный взгляд (взгляд вниз) (пять случаев), в трех случаях сопровождающийся опущенной головой – выражением состояния грусти и подавленности:

Елена беседует с врачом. Ее муж умер, т.к. Елена намеренно подложила ему в лекарства таблетку «Виагры», которая в содействии с остальными лекарствами вызвала остановку сердца.

Врач: Не могу поверить // Неужели вас не предупредили / Что надо бы воздержаться // Подобные препараты категорически исключить.

Елена: Я же вам говорю // Я даже не знала / Что это у него есть (*взгляд и голова опущены, заламывает руки*)

Фильм «Елена», реж. А. Звягинцев, 2011

Подобная реакция характерна для бытового и полуофициального общения. При этой реакции личностные качества адресантов оправдания также не поддаются классификации – характеры персонажей, использующих такое поведение, как и их социальные статусы, весьма разнообразны.

Частотной реакцией стало избегание взгляда адресата оправдания (четыре случая). Избегание взгляда характерно для ситуаций, в которых:

1) Адресант не хочет контактировать с собеседником [5]:

Муж: Вера / Деньги где?

<...>

Жена: Я не брала.

Муж: Я тебе щас рожу разобью.

Жена: Я тебе клянусь // Не бей // Не надо (*смотрит вниз, избегает взгляда мужа*).

Фильм «Дурак», реж. Ю. Быков, 2014

2) Адресант использует избегание взгляда как средство защиты, что также является маркером неловкой, постыдной ситуации [5]:

Учительница увидела своего ученика Гришу, едущего на мопеде без шлема.

Учительница: Гриша // А ты почему без шлема едешь?

Гриша: Ну / П-потому что / Я бы / Опаздывал тогда (*идет, избегает взгляда учительницы, смотрит вниз*).

Фильм «Ученик», реж. К. Серебренников, 2016

Избегание взгляда характерно для бытового общения. При этом адресант оправдания слабее адресата, он чувствует его превосходство в социальном или в эмоциональном плане.

Из числа частотных реакций также можно выделить заламывание рук (три случая), что показывает сильное волнение адресанта [1, с. 84]:

Майор, спешивший на роды к своей жене, сбил ребенка на глазах у матери. Он позвонил своему подчиненному-полицейскому, чтоб тот приехал.

Полицейский: Рассказывай.

Майор: Короче / Еду / А эти двое дорогу переходят к остановке (*взгляд бежит по сторонам, заламывает руки*).

Фильм «Майор», реж. Ю. Быков, 2013

Заламывание рук также встречается в разных типах общения: в бытовом и в полуофициальном. Социальные и личностные характеристики адресантов также остаются разнообразными и не поддаются классификации.

Также при оправдании для адресанта характерен задумчивый взгляд (адресант смотрит «в себя») (три случая). Такой взгляд эксплицирует обдуманность сказанного, а также поиск подходящих слов.

Елена разговаривает с мужем. Она просит у него денег для своего внука, чтобы оплатить ему учебу в университете.

Муж: Лена / Мне не жалко денег // Но пойми же.

Елена: Конечно / Нет // Ты же все их отдаешь своей безрассудной дочери.

Муж: Оп-ля / Здрасте // Приехали // Во-первых / Далеко не все // А во-вторых / Ты ее просто плохо знаешь // Она девица очень разумная (*задумчивый взгляд, скидывает голову*).

Фильм «Елена», реж. А. Звягинцев, 2011

Задумчивый взгляд является атрибутом бытового общения с равными социальными статусами участников коммуникации. Обычно такой взгляд служит оправданием у адресантов, склонных к рефлексии.

В остальных случаях невербальные средства оказывались более редкими (представлены одним или двумя случаями употребления). Среди них руки, скрещенные на груди, взгляд вверх, сморщенный нос, поджатые губы и др.

Таким образом, наиболее частыми средством выражения оправдания стали взгляд (взгляд в глаза собеседника, взгляд вниз, избегание контакта глазами с собеседником, задумчивый взгляд) и жест заламывания рук. Данные реакции оправдания в большинстве своем универсальны (кроме случая избегания контакта глазами и задумчивого взгляда) – их используют люди разных личностных характеристик и разных социальных статусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1991.
2. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи: Сб. науч. статей. Саратов: «Колледж», 1999. № 1 (2). URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-2>
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
4. Лаврентьева Е.В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве. Дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
5. Сериков А.Е. Практика избегания взгляда в русской культуре // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27124939>

J. Jazokova

Saint Petersburg State University

NONVERBAL MEANS OF EXPRESSION OF THE JUSTIFICATION (BASED ON THE FILMS)

The article deals with the problem of nonverbal means of expressing justification. The material for the study was taken from the modern Russian films. The analysis demonstrates that the most frequency means of the nonverbal communication are intent gaze, straight downward, avoidance of the eye contact, thoughtful look and twisting the arms.

Justification, gestures, facial action, nonverbal communication, film discourse

СЕКЦИЯ 2. КОНТАКТНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ; ПРАКТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ; ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 800.92:519.682

Е. Е. Алтухова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»,

altukhovae@gmail.com

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ ТЕЗАУРУСНОГО ТИПА ПРИ РАБОТЕ СО СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЙ

В статье речь идет об особенностях практической работы с терминами, о необходимости учитывать системные отношения между терминами. В связи с этим, рассматривается ряд онлайн ресурсов тезаурусного типа, объединяющих данные не только многих словарей, но и источников энциклопедического характера.

Специальная лексика, термин, терминология, терминосистема, общеупотребительная лексика, тезаурус

Известно, что лексика является самым подвижным и изменяющимся пластом языка. Подсчитано, что более 90% появляющихся за последние несколько лет слов являются терминами. Вследствие этого проблема адекватного перевода специальной лексики стоит в последнее время особенно остро. Более того, выходя за рамки собственно лингвистической, терминологической необходимости, проблема знакомства с новыми понятиями науки и техники становится общесоциальным явлением. По мнению С.В. Гринёва [2, с. 5], рост числа терминов различных наук обгоняет рост числа общеупотребительных слов языка и поэтому в настоящее время число терминов отдельных наук (химии, биологии) может превышать число неспециальных слов языка. При этом все большее число терминов проникает в общеупотребительный язык.

Современная лексикографическая деятельность, издание тематических словарей отстают от необходимого сегодня темпа реагирования на появление и развитие новых понятий и значений. Как в короткий срок ознакомиться с новой специальной областью и ее терминологией? Как точно и адекватно подойти к переводу специальной лексики? Знакомство с научной областью и поиск энциклопедической, учебной информации в данной сфере становится основным средством для поиска основных и узкоспециальных понятий, для уточнения данных автоматических переводчиков и электронных словарей.

Данное утверждение более верно для терминов, чем для общеупотребительной лексики, поскольку каждый термин существует не сам по себе, но как элемент общей терминосистемы. "Термины возникают и функционируют не в языке в целом, а внутри отдельных подязыков, т.е. тематически ограниченных наборов специальных

и общезыковых средств, необходимых для общения в определенной сфере (предметной области) человеческой деятельности" [3, с.6]. И подходить к переводу термина нужно тем более осторожно, не нарушая общесистемные связи. Определение того, как обстоят дела с упорядочиванием терминологии в данной терминосистеме и с каким типом терминов мы имеем дело – необходимая часть переводческой деятельности.

Во-первых, необходимо разделить понятия *терминологии* и *терминосистемы*. Слово «терминология» произошло от греческих слов «τέρμῶν», что означает «предел, граница» и *logos*, что означает слово. Слова, которые используются для наименования различных научных и технических понятий, называются терминами. Под терминологией могут понимать 1) либо науку о терминах, терминоведение, 2) либо совокупность терминов, терминосистему. Г.О. Винокур определяет терминологию как стихийно сложившуюся совокупность терминов, отражающую процесс накопления и осмысления знаний в определенной области [1]. Терминология пополняется за счет общеупотребительной лексики и в свою очередь обогащает ее. Терминология складывается постепенно вместе с соответствующей системой понятий и соответствующей областью и выступает как незаконченная система.

По мнению Д.С. Лотте, научные терминологии - терминосистемы являются упорядоченными иерархическими совокупностями терминов, с фиксированными отношениями между терминами, отражающими отношения между называемыми этими терминами понятиями. Терминосистемы упорядочиваются терминоведами. [5] По мнению В.М. Лейчика «терминосистема как модель некоторой области знаний и (или) деятельности появляется, когда эта область сложилась в достаточной степени, имеет свою теорию, выявила и осознала основные свои объекты и связи между ними» [4, 119].

В большинстве разных терминосистем можно выделить семь групповых единиц [3]: 1) основные термины (обозначают главные понятия систем понятий) – *computer* (компьютер), *malfunсtion* (неисправность); 2) производные термины (обозначают видовые и аспектные понятия, сопоставляемые с основными понятиями) – *accounting* (от. *account*-аккаунт) – учет аккаунтов пользователей интернета, *housekeeping* (от гл. *housekeeper* – вести домашнее хозяйство) – служебные действия (например, ведение журналов регистрации системных событий, таких как действия пользователя, перемещение файлов и т. п.); 3) сложные термины (представляют собой сумму по крайней мере двух основных или производных понятий определенной системы понятий) – *software documentation* – документация по программному обеспечению, *computer-managed instruction* - обучение, направляемое компьютером; 4) базовые термины (обозначают используемые в терминосистеме понятия базовых наук, т.е. наук и других областей знания, которые образуют фундамент данной области знания) - *cybernetics* – кибернетика, *algebra* - алгебра; 5) привлеченные термины (заимствуются из смежных областей знания, но представляют собой неотъемлемую часть терминосистемы) – *digital* – цифровой, *fiber-optic cable* - оптоволоконный кабель; 6) общенаучные и общетехнические термины (обозначают общенаучные понятия, имеют одинаковую семантику во всех областях знания, но конкретизируют ее, входя в состав терминов отдельных областей) – *button* – кнопка (элемент графического интерфейса пользователя в виде небольшого прямоугольника, используемый для выбора конкретного действия), *clone* – клон (семейство компьютеров, полностью совместимое с каким-либо иным семейством, но

произведённым другой фирмой); 7) термины широкой семантики (лексические единицы, которые используются во многих терминосистемах) – system – система, interaction – взаимодействие.

Имя в виду системность термина, а так же необходимость наиболее точно определить его значение в данной предметной области, электронный словарь представляется наиболее адекватным средством переводческой работы. Например, словарная статья термина communication в Cambridge Dictionary определяется следующим образом: 1. the act of communicating with other people (общение, связь), – The school is improving communication between teachers and parents. 2. formal. a message sent to someone by letter, email, telephone, etc (сообщение, передача) [7].

Объединенный словарный ресурс <http://www.dictionary.com> [12] – основанный на The Random House Unabridged Dictionary, так же American Heritage and Harper Collins Dictionaries, которые, в свою очередь являются объединенными ресурсами, включающими десятки тематических словарей, например, Stedman's Medical Dictionary, – можно рассматривать как бесплатный качественный ресурс для поиска нужных значений. Здесь, после шести общеупотребительных значений термина **communication**, дается узкоспециальное значение: *Biology*. 1. activity by one organism that changes or has the potential to change the behavior of other organisms. 2. transfer of information from one cell or molecule to another, as by chemical or electrical signals. *Medicine*. 1. The exchange of thoughts, messages, or information, as by speech, signals, writing, or behavior. 2. An opening or a connecting passage between two structures. 3. A joining or connecting of solid fibrous structures, such as tendons and nerves.

Ресурс также дает полную отсылку к этимологии слова, дает список лексических единиц, соотносящихся с данным термином (communicational, noncommunication, overcommunication, precommunication, self-communication), а так же гиперссылки к словарным статьям, касающимся данной лексики в составе сложных терминов communicating artery, communicating branch, communicating hydrocephalus, communication cord, communication disorder, communication engineering, communication skills. Далее следует раздел Examples from the Web for communication, где перечисляются случаи употребления слова в контекстах современной прессы с отсылкой к источнику.

Важным обстоятельством является то, что данный ресурс работает вместе с сайтом <http://www.thesaurus.com/> [13], базовым источником которого является Roget's 21st Century Thesaurus, Third Edition, 2013 by the Philip Lief Group.

Тезаурус (от греч. *θησαυρός* — сокровище) — специальная терминология, словарь, собрание сведений, корпус или свод, полномерно охватывающие понятия, определения и термины специальной области знаний или сферы деятельности. Тезаурусы являются одним из действенных инструментов для описания отдельных предметных областей.

Для термина communication тезаурус дает 38 синонимов, имеющих статус гиперссылок, а так же подробно разъясняет основные лексические связи в отдельных блоках More words related to communication. Например, смежным понятием для выбранного нами термина является advertisement noun. public notice of sale – ad, announcement, bill, blurb, broadcast, circular, classified ad, commercial communication, declaration, display, endorsement, exhibit, exhibition, flyer, literature, notice, notification, placard, plug, poster, proclamation, promotion, promulgation, propaganda, publication, publicity, squib, throwaway, want [14].

В отличие от словаря, тезаурус позволяет выявить смысл не только с помощью определения, но и посредством соотнесения слова с другими понятиями и их группами. В случае электронного тезауруса, такие связи осуществляются не только между многими словарями данного языка, но и между словарями на разных языках. Таким образом, картина представления семантики слова может быть расширена на счет межкультурных и кростерминологических связей.

Например, слово «этап» имеет в Тезаурусе русского языка [10] примерно 2 900 ссылок к самым разным общим, специальным словарям и текстам, где можно увидеть его толкования, синонимы, значения, а так же значения сложных терминов. Для данной лексемы это экономические термины «этап упадка» или «этап зрелости» [11] <http://en.academic.ru/> [8] в отличие от других ресурсов представляет базу словарей и энциклопедий. Данная база создана для прикладных, т.е. практических нужд всех, кто хочет проконсультироваться не только по поводу перевода, понимания какого-либо слова, термина, персоналии, реалии, но и получить всю возможную через доступ к сети информацию энциклопедического характера. Это особенно важно для перевода терминов. Поскольку термин, как мы указывали ранее, не существует сам по себе, а входит в определенную систему терминов. Во-вторых, знакомство со всеми особенностями области, с которой мы сталкиваемся, имеет прямое отношение к качеству перевода.

Приведем в пример, представление такого термина как **button**. In modern *clothing and fashion design*, a button is a small *fastener*, most commonly made of *plastic*, but also frequently of *seashell*, which secures two pieces of fabric together. In *archaeology*, a button can be a significant *artifact*. In the *applied arts* and in *craft*, a button can be an example of *folk art*, *studio craft*, or even a *miniature work of art*. They are good for sewing classes. Выделенные курсивом термины в данном ресурсе означают гиперссылки к соответствующим статьям и литературе.

В целом, ресурс представляет 200 статей, где представлена данная лексема во всех специальных значениях, в составе сложных терминов в самых разных областях, в составе фразеологизмов, устойчивых сочетаний и названий различных реалий [9]. Сайт дает отсылку к национально-культурной информации, - к знаменитой пуговице *Wedgwood button with Boulton cut steels*, depicting a mermaid & family, England, circa 1760. Actual diameter: just over 32mm (1 1/4") и дает ее иллюстрацию. Сайт подробно представляет обзор особо ценных экспонатов британских музеев, а так же музеев и коллекций по всему миру в рубрике *Buttons in museums and galleries* с отсылками к нужным каталогам и музейным сайтам. Другие рубрики в статье, оформленные как гиперссылки и снабженные необходимым иллюстративным материалом: *Materials and manufacture*, *Decoration and coating techniques*, *Styles and Attachment*, *Types of fabric buttons*, *Button sizes*, *Buttons as containers*, *Buttons_in_politics*, *References*, *Bibliography*, *External links*.

При двойном нажатии на любое слово или термин в словарной статье можно перейти к разъяснению и уточнению его значения в словарях, - некоторые из них: *The Collaborative International Dictionary of English*, *New Dictionary of Synonyms*, *New Collegiate Dictionary*, *Encyclopedia of Contemporary Chinese Culture*, *Encyclopedie Universelle*, *Pierer's Universal-Lexikon*, *Lexikon der gesamten Technik*, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen sprache*, *Meyers Großes Konversations-Lexikon*, *Historical Dictionary of Scandinavian Literature and Theatre* и т.д. Всего ресурс содержит около 100 наименований общих и специальных, толковых и двуязычных словарей и

энциклопедий на двух десятках языков. Ресурс так же располагает словарем аббревиатур <http://abbreviations.enacademic.com/> [6], словарем новых слов, словарем персоналий.

В целом, наряду со словарями, системами автоматического перевода и платными базами данных, онлайн порталы тезаурусного типа представляются необходимым и удобным средством по улучшению работы переводчика. Это качественные продукты, базирующиеся на академических словарях, справочниках, энциклопедиях, но постоянно обновляющиеся, учитывающие самые последние изменения, происходящие в языке, в той или иной тематической области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. - Труды/МИВДИ, 1939, т.5, с. 3-54
2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
3. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд.4, 2009. 256 с.
4. Лейчик В.М. Некоторые вопросы упорядочения, стандартизации и использования научно-технической терминологии. - В кн.: Термин и слово. Горький, 1981, 128с.
5. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. 210 с.
6. <http://abbreviations.enacademic.com/>
7. <https://dictionary.cambridge.org/ru>
8. <http://en.academic.ru/>
9. <http://www.enacademic.com/searchall.php?SWord=button&stype=0&btype=1&p=0>
10. <https://slovar.cc/rus/tezaurus.html>
11. <https://slovar.cc/rus/tezaurus/1401785.html>
12. <http://www.dictionary.com>
13. <http://www.thesaurus.com/>
14. <http://www.thesaurus.com/browse/communication?s=t>

E.E. Altukhova

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

ONLINE THESAURUS AS THE MEANS OF WORKING WITH TERMS

The article states terms as units acting not by themselves but always as a part of the whole special system of terms related to each other in a definite way. Taking this into account, we describe some of online resources thesaurus type where we can consult data comprising the multiple recourses such as special terminological dictionaries and encyclopedias, crosslanguage bases, ethymological, abbreviations and personality dictionaries as productive tool while dealing with special lexis.

Special lexis, term, terminology, terminological system, thesaurus

УДК 303.446.23

О. В. Андреева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ленина (Ульянова)

osa3f@mail.ru

МУЗЫКА XX ВЕКА КАК СФЕРА ДИАЛОГА КУЛЬТУР

В статье рассматриваются некоторые аспекты межкультурной коммуникации на примере классической музыки XX века. Основное внимание уделяется новациям в рамках таких течений как модернизм, авангардизм и постмодернизм. В основе анализа культурного взаимодействия лежит опыт Западной Европы, США и России, наиболее значимый в этом столетии.

Межкультурная коммуникация, классическая музыка XX века, цивилизация, национальная культура, этническая культура, модернизм, авангардизм, постмодернизм

Музыка - идеальная сфера диалога культур, межкультурной коммуникации. Этот термин, появившийся в работе Г.Трейгера и Э.Холла «Культура и коммуникация. Модель анализа» (1954 г.), раскрывался авторами как цель, в которой воплощалось стремление человека наилучшим образом адаптироваться к окружающей среде. В условиях глобального мира это понятие стало базовым в сфере взаимодействия людей. Исследователи его определяют как межперсональную коммуникацию в специальном контексте, когда один участник обнаруживает культурное отличие другого [1, с. 377]. Расшифровка вербальных и невербальных кодов культур требует глубоких знаний о «чужой» культуре, ее цивилизационной и историко-культурной самобытности, религиозном опыте, традициях и ценностных ориентациях.

Музыка как духовное явление несет на себе кодовые знаки этнической, национальной и региональной культуры. В ее палитре отражается и специфика различных субкультур. Однако ведущей тенденцией XX века стала интернационализация культурных процессов. Поэтому в современной музыке отразилось как духовное наследие отдельных народов, так и диалог различных культурных миров. Это - одна из граней межкультурной коммуникации, поскольку личность через диалог культур приобщается к многообразию культурного пространства, созданного человечеством. Рассматривая культуру в контексте сложной коммуникативной и семиотической системы, Ю. М. Лотман отмечал, что она хранит «совокупность всей ненаследственной информации, которая и является одним из основных условий существования человечества» [3, с. 10]. Русский композитор Б. В. Асафьев (1884-1949) подчеркивал, что музыка, являясь одной из форм искусства, не может существовать вне процесса социальной коммуникации, т.к. она – «прежде всего искусство человеческого общения» [4, с. 21].

В музыке XX века шел постоянный поиск новых форм, ритмов, стилистики языка и звучания. Творчество композиторов характеризовалось огромным динамизмом. Были переосмыслены основы музыкального искусства: мелодия, лад, тональность и жанр. Это отражало характер наступившей эпохи – эпохи мировых

войн и социальных потрясений; распада систем колониализма, а в конце века и социализма; научно-технологических прорывов и глобальных изменений основ бытия. Музыка откликнулась на эти изменения полистилизмом – синтезом художественных течений. Неоромантизм и веризм оказались ближе к канонам классической музыки. Наиболее смелые новации были связаны с модернизмом и постмодернизмом. С определенной долей условности к ранним формам модернизма можно отнести символизм, импрессионизм и стиль модерн. Экспрессионизм, конструктивизм, футуризм, неофольклоризм и неоклассицизм оставались в рамках позднего модернизма или, скорее, авангардизма, если рассматривать его как отдельное художественное течение. Последние десятилетия века были отмечены влиянием постмодернизма [2, с. 46, 47]. Творчество композиторов не ограничивалось одним стилем, а отражало многоликие тенденции современного искусства.

Изменения затронули многие музыкальные жанры. Наибольший интерес с позиций исследуемой проблемы представляет вокальное искусство (опера, оратория, кантата) и вокально-симфонические произведения, поскольку они органично связаны с семантической функцией. Австрийский композитор Г. Малер (1860-1911) тяготел к барочным формам, создавая монументальные произведения в духе неоромантизма и используя вокальное начало. Вторая, третья и четвертая симфонии были связаны с циклом песен «Волшебный рог мальчика» – собранием текстов немецких народных песен и баллад.

Восьмая «Симфония 1000 участников» написана для 3-х хоров, 8 солистов и увеличенного оркестра. Основу первой части симфонии составил латинский текст католического гимна *Veni Creator Spiritus* – «Приди, о Дух животворящий». Вторая часть содержала немецкий текст заключительной сцены трагедии «Фауст» Гете. Произведение представляло собой синтез симфонии, кантаты и оратории. Использовались старинные жанры: лид (нем. *lied* – песня) – немецкая полифоническая песня и мотет (фр. *motet*, от *mot* – слово) – жанр духовной и светской многоголосной музыки эпохи западноевропейского средневековья и Возрождения. Малер рассматривал симфонию как «звучащую Вселенную», гимн творчеству и свету.

Свои произведения композитор называл «Симфонии в песнях». Такова «Песня о земле» (1909), в которой он использовал тексты средневековой китайской поэзии – Ли Бо, Чжан Цзи, Ван Вэя, Мэн Хаожаня. Музыка передавала экзотический китайский колорит, наполняя его новым звучанием и философским смыслом. Произведения Малера известны на всех континентах. Благодаря Китайскому филармоническому оркестру под руководством Лонг Ю с ними впервые познакомилась и китайская аудитория (восьмая симфония, 2002; «Волшебный рог мальчика», 2016). Этот дирижер открыл Запад культуре Китая, а Китай – культуре Запада, выступая на самых престижных площадках мира.

Значительные изменения произошли в опере, которую можно рассматривать как «драму, выраженную в музыке». Являясь по своей природе синкретичной, опера соединяет инструментальную и вокальную музыку, драматургию и сценографию, хореографию и живопись, искусство костюма и режиссуру. Благодаря техногенной культуре опера стала визуальным искусством, доступным широкой публике.

Лидирующие позиции в начале века сохраняла итальянская опера, органично связанная с течением веризма (итал. *verismo*, от *vero* – правдивый). Веризм получил развитие в литературе, живописи и музыке на фоне подъема, вызванного объединением Италии. Это была своеобразная форма реализма, по эстетике близкая

к натурализму. В оперном искусстве веризм представляли Р. Леонкавалло («Паяцы»), П. Масканьи («Сельская честь») и Д. Пуччини («Мадам Баттерфляй»). Сюжеты опер повествовали о жизни простых людей, попавших в сложную драматическую ситуацию. Мелодраматизм подчеркивался особой театральностью, сценическими эффектами и яркой эмоциональностью. Оперы вызывали широкий отклик у зрителей. Они были камерными по характеру исполнения и динамичными. Простые мелодии легко запоминались и служили основой для мюзиклов, оперетт и киномузыки.

Бессмертная опера Д. Пуччини (1858-1924) «Мадам Баттерфляй» (1903) раскрывает трагедию любви через столкновение двух культур: японской и американской. Рациональной и прагматичной американской культуре в лице молодого лейтенанта американского флота Пинкертона противостоит ранимая, тонкая душа японской гейши Чио-Чио-сан, прозванной Баттерфляй (по-английски, бабочка). Находясь в Нагасаки, Пинкертон влюбляется в 15-летнюю девушку и готов на ней жениться. Однако согласно брачному договору, этот брак он цинично рассматривает как временный союз. В японском обществе в конце XIX века такие взаимоотношения между иностранцами и японскими подданными были допустимы. Однако Чио-Чио-сан настолько искренна в своих чувствах, что ради любви готова оставить традиции и веру своих предков и принять христианство. Получив проклятие своего дяди, бонзы (япон. bondzu – буддистский священник), Чио-Чио-сан остается в одиночестве. Счастье влюбленных недолговечно. Пинкертон уезжает в Америку, и через время возвращается в Японию со своей американской женой. Узнав о рождении сына, он хочет забрать его у гейши, которой предлагает законные узы брака богатый японец. Чио-Чио-сан не может предать свою любовь и, защищая честь, сводит счеты с жизнью, применив кинжал, которым ее отец в свое время совершил самоубийство по приказу микадо.

В музыкальной ткани произведения сочетаются певучие, свободно льющиеся, в духе кантилены, арии и выразительные речитативы. Итальянские традиции пения налагаются на японские мотивы. Пуччини сознательно использует несколько подлинных японских мелодий, раскрывая экзотику, красоту и своеобразие «закрытой» японской цивилизации.

Опера «Мадам Баттерфляй» обошла все подмостки мира, неоднократно экранизировалась и ставилась выдающимися режиссерами в разных манерах исполнения. Одна из них связана с американским режиссером и сценографом Р. Уилсоном, который поставил оперу в духе авангардистского минимализма. Увлеченный восточной философией, дзен-буддизмом и японским театром (но, кабуки), Уилсон соединяет их эстетику с авангардизмом и постмодернистским театром. В его творчестве находят отголоски и идеи русского конструктивизма 1920-х гг. Сложные психологические переживания и смыслы он передает скупым жестом, позой и пластикой. Роль декораций выполняет экран с его насыщенной цветовой гаммой (сине-фиолетовой или желто-красной). Костюмы заменяют одежды, стилизованные в духе театра но. Таковы его постановки в Опера-Бастиль (Париж, 1993, Чио-Чио-сан - солистка Мариинского театра В. Цыдыпова) и Большом театре (Москва, 2005).

Масканьи (1863-1945) в опере «Сельская честь» (1890) показывает любовную драму в сицилийской деревне. На фоне праздника Пасхи, который сопровождается народными гуляниями, хоровыми песнопениями и церковными звучаниями, в музыке

нарастает ощущение беспокойства и тревоги. Молодая крестьянка Сантуцца, брошенная возлюбленным Туридду, из чувства мести рассказывает возчику Альфио о неверности его жены Лолы – любовницы Туридду. Итальянские мотивы переплетаются с сицилийским колоритом. Согласно старинному сицилийскому обычаю, соперники бросают вызов друг другу. Они обнимаются, и Туридду кусает правое ухо Альфио – знак вызова на дуэль. Альфио мстит за свое бесчестие и убивает Туридду. Стремительность финала завершается ужасным женским криком.

Масканьи, вслед за пьесой Дж. Верга, применяет декламационное начало, использует бытовую речь, местные диалекты и вульгаризмы. Впервые в оперной практике он создает «арию крика» с предельно раскрепощенным голосом, вплоть до выкриков. Драматический сюжет, острый накал страстей, простота мелодики, яркая фольклорная основа обеспечили опере всемирную славу. Этому способствовала и экранизация оперы режиссером Дзеффирелли (1982), в которой главные роли сыграли Е. Образцова (Сантуцца) и П. Даминго (Туридду). В России в современной постановке премьера оперы состоялась в Михайловском театре (2008, Санкт-Петербург). Совместный международный проект осуществили: художественный руководитель Е. Образцова, режиссер-постановщик Л. Кавани, кинорежиссер, ученица Л. Висконти; художник-постановщик – Д. Ферретти; художник по костюмам Г. Пескуччи.

Новации в области «арии крика» продолжил А. Шенберг (1874-1951), американский композитор австрийского происхождения, который разработал концепцию атональности и додекафонии. Шенберг заменил гармоничную музыку атональной, диссонансной. Написанная вне ладовых и гармоничных связей, она заявила о равноправии всех тонов, отсутствии ладового центра и связи между тонами. Атональная музыка не признает контраста консонанса и диссонанса. В додекафонии (от греч. *dodeka* – двенадцать и *phone* – звук) тональность как нечто устойчивое и динамичное исчезает. Мелодия строится из серии определенной последовательности 12-ти звуков различной высоты. Между тем, с точки зрения музыкально-психологической, как отмечают исследователи, консонанс по сравнению с диссонансом представляется выражением устойчивости, покоя, отсутствия стремления и возбуждения. В рамках мажорно-минорной тональной системы различие между консонансом и диссонансом качественное. Оно достигает степени острой противоположности и контраста, обладая самостоятельной эстетической ценностью. Их взаимосвязь – одна из важнейших закономерностей [4, с. 18].

Сознательное нарушение этих взаимосвязей потребовалось Шенбергу для того, чтобы выразить в рамках экспрессионизма (фр. *expression* – выражение) предчувствие надвигающихся катастроф, враждебность окружающего мира отдельной личности. Такое мироощущение передается в одноактной монодраме «Ожидание» (1910) и вокальном цикле «Лунный Пьеро» (1912) на стихи бельгийского поэта А. Жиро. Мистическая атмосфера в «Ожидании» дополняется женским голосом, в котором, на фоне ускоряющегося ритма виден переход от чувственной эротики к нарастающему страху. Придя в лес на свидание с возлюбленным, женщина его увидела мертвым. В «Лунном Пьеро» автор раскрывает переживания героя через особую манеру «речевого» пения. Голос вводится в партитуру, но без фиксированной высоты звука. Создается эффект декламационного пения, подобно взволнованной речи, которая переходит от шепота и крика к визгу и стону. Благодаря диссонансному началу экспрессионизм отразил дух эпохи. В

творчестве Р. Штрауса (1864-1949) он только проявил свои очертания (оперы «Саломея», 1905; «Кавалер розы», 1910; «Ариадна на Наксосе», 1912; «Женщина без тени», 1918), а в сочинениях композиторов «новой венской школы» (А. Берг, А. Веберн, Х. Эйслер, В. Ульман) стал ведущим принципом.

В предвоенные годы невозможно представить музыкальную жизнь без культуры городских слоев, джазовой музыки. Родиной джаза стала Америка. Важная веха в истории национального музыкального театра связана с появлением оперы «Порги и Бесс» (1935). Ее автор – Дж. Гершвин (1898-1937), из семьи еврейских эмигрантов, покинувших Санкт-Петербург в 1890-е гг. В его творчестве соединились веризм, импрессионизм, экспрессионизм и неофольклоризм. Джазовая опера, или «фолк-опера», как ее называют, впервые обратилась к сюжетам из жизни негритянской бедноты. Для проникновения в их культуру Гершвин в течение года проживал в штате Южная Каролина, в рыбацком поселке, в хижине, познавая ритмы жизни простых людей. Так родился шедевр, в котором отразились элементы классической музыки, негритянские песнопения (спиричуэлс), джазовые стили (негритянский джаз, блюз), афроамериканский фольклор, эстрадная музыка Бродвея и городские песни. Знаком времени стало представление оперы «Порги и Бесс» в концертном исполнении (дирижер Фабио Мастранджело, 2017, ноябрь) в Театре «Мюзик-Холл» в рамках VI Санкт-Петербургского Международного культурного форума. Консульство США в Петербурге специально для этого концерта пригласило американских солистов К. Джобсон и М. Присли, поскольку по завещанию Гершвина оперу должны петь только темнокожие солисты.

В довоенный период значительную роль в формировании современной музыкальной культуры сыграл французский писатель, режиссер и художник Ж. Кокто (1889-1963) и сплотившаяся вокруг него «группа шести»: Ф. Пуленк (1899-1963), А. Онеггер (1892-1955), Д. Мийо (1892-1974), Ж. Орик (1899-1983), Л. Дюре (1888-1979) и Ж. Тайфер (1892-1983). Кокто предлагал очистить музыку от «приятностей дебюссизма» и создать «искусство для улиц». Произведения соединяли разные художественные стили – от натурализма и сюрреализма до конструктивизма и реализма. Многообразны были и музыкальные формы: симфонии, оперы, оратории, кантаты, вокальные произведения, джазовая музыка и музыка для кино.

Вторая мировая война внесла трагические ноты в судьбы миллионов людей. Среди них были и композиторы. Трагическая случайность оборвала жизнь А. Веберна (1883-1945), австрийского композитора и дирижера в занятой американскими войсками Австрии. Погиб в концлагере В. Ульман (1898-1944), чешский и австрийский композитор, написавший в лагере на либретто узника, поэта П. Кана, оперу «Император Атлантиды» (1943). Ее постановка была осуществлена в 1975 г. В концлагере сочинил и исполнил «Квартет на конец времени» (1941) французский композитор О. Мессиян. Памяти жертв фашизма посвятил кантату «Огненный замок» (1954) французский композитор Д. Мийо, потерявший родственников в лагерях смерти. Кантата А. Шенберга «Уцелевший из Варшавы» (1947) для чтеца, унисонного мужского хора и оркестра длится всего семь минут. В основе авторского текста – документальные свидетельства. Рассказ от имени чтеца (на английском языке) прерывается по-немецки грубыми выкриками-приказами об уничтожении людей. Четко ритмизированная рецитация по интонационной выразительности напоминает вокальное звучание. В завершении звучит на древнееврейском языке гимн из ветхозаветных текстов «Слушай, Израиль».

В послевоенные годы ярко проявилось дарование Б. Бриттена (1913-1976, Великобритания), П. Хиндемита (1895-1963, Германия), О. Мессиана (1908-1992, Франция), Э. Кшенека (1900-1991, США). Бриттен органично сочетал классическую национальную музыку и современные новации. Таковы его оперы: «Питер Граймс» (1945); «Глориана» (1953), написана к коронации королевы Елизаветы II; «Сон в летнюю ночь» (1960); «Военный реквием» (1961). П. Хиндемит работал в стиле немецкого неоклассицизма и конструктивизма, в зрелые годы обратился к барочным формам (оперы «Художник Матис», 1937; «Гармония мира», 1957, посвящена И. Кеплеру). Масштаб О. Мессиана позволял осмысливать связь времен и цивилизаций (оратория Преображение Господа нашего, 1965-1969; опера «Св. Франциск Ассизский», 1983). В симфонии «Турангалила» (производное с санскрита: «песня о любви, гимн радости, времени, движению, ритму, жизни и смерти») он использовал пение птиц. Наряду с крупными музыкальными формами, появлялись оригинальные камерные произведения (Ф. Пуленк, моноопера «Человеческий голос» на либретто Ж. Кокто, 1959).

Музыкальная палитра XX невозможна без русской школы музыки. Родоначальник русского неофольклоризма И. Ф. Стравинский (1882-1971) одним из первых применил новаторские приемы в музыке (полиритмичность, диссонанс). За рубежом композитор обратился к неоклассицизму и «новой венской школе». Значительным этапом его творческого пути стала опера-оратория «Царь Эдип» (1927) по трагедии Софокла на либретто Ж. Кокто. Созданная на латинском языке, она предполагает обращение чтеца к зрителю на языке той страны, где исполняется произведение. Масштабная, аскетичная, строгая, она, подобно фресковой живописи, несет в себе классический канон и ставит извечные проблемы судьбы и смысла бытия. В последние годы жизни Стравинский обращается к духовным культовым сюжетам, применяя додекафонию и серийную технику. Он создает монументальные философские произведения, которые осмысливают с позиции человеческого опыта трагедии современной эпохи («Священное песнопение», 1955; «Плач пророка Иеремии», 1953; «Заупокойные песнопения, 1967 – все на латыни; и священная баллада «Авраам и Исаак», 1963, на древнееврейском языке).

Обращение к истокам русской народной традиции связано с творчеством Г. В. Свиридова (1915-1998); В. А. Гаврилина (1939-1999); Родиона-Щедрина и С. М. Слоимского. Представители «новой фольклорной волны» дают нам широкое полотно российской многонациональной и разноликой религиозной и этнической культуры для осмысления ее драматической судьбы. Это: «Курские песни», «Песнопения и молитвы» (Свиридов); «Перезвоны», «Скоморохи» (Гаврилин); «Очарованный странник», «Боярыня Морозова» (Родион-Щедрин); «Мастер и Маргарита» (Слоимский).

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушевицкая Т. Г. Культурология: учебное пособие / Т. Г. Грушевицкая, А. П. Садохин. – М.: Альфа – М.: ИНФРА – М, 2011.
2. Зарубежная культура XX века: Учеб. пособие / Под ред. В. В. Калашникова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010.
3. Мулдне М. Феномен музыки в формировании диалога культур. Диссертационная работа на соискание ученой степени доктора философских наук в

области воспитательных наук. Tallin, 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.digar.ee/arhiiv/ru/книги/44599 (дата обращения 01.04.2018).

4. Петренко Г. К., Шумков А.А. Речь и музыка: точки соприкосновения. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014.

O. V. Andreeva

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI", Saint-Petersburg, Russia

20TH CENTURY MUSIC, A SPHERE FOR CULTURAL DIALOGUES

In the present article 20th century music is given as an example of intercultural communications. The main focus here is on innovation, expressed through styles as modernism, avangardism and postmodernism. Have been therefore analyzed the most important experiences of cultural interaction in Europe, USA and Russia during the 20th century.

Intercultural communication, classical music of 20th century, civilization, national culture, ethnic culture, modernism, avangardism, postmodernism

УДК 81.24

Т. А. Ашихмина

Санкт-Петербургская военная академия связи
ashikhmina.tatiana@gmail.com

С. П. Максакова

Санкт-Петербургская военная академия связи
svetlana_maks@mail.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРСАНТОВ: РЕЧЕВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И РЕЧЕВЫЕ НАВЫКИ

Рассматривается необходимость обращения к речевым механизмам при обучении курсантов переводческой деятельности в сфере профессиональной коммуникации. Анализируется процесс преобразования имеющихся речевых механизмов обучающихся в речевые навыки при обучении переводу. Обсуждается использование методически целесообразной системы упражнений для развития уже существующих механизмов речи и их трансформации в навыки для актуализации в переводческой деятельности.

Механизмы речи, речевые навыки, речемыслительная деятельность, семантическая система, механизмы переноса

Обращение к механизмам речи в переводческой деятельности представляется необходимым для практики обучения переводу курсантов Академии связи по дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и важным для методики преподавания этого предмета. Стало

очевидным — сначала на практике, а затем и на теоретико-методическом уровне, — что традиционные способы обучения этой дисциплине не достаточно эффективны и что необходима разработка новых методов, отвечающих природе речевого процесса и функционирования «механизма мыслительных операций». На почве этого вывода не возникает никаких сомнений в актуальности фундаментального труда «Механизмы речи» Николая Ивановича Жинкина [1].

Каждый человек владеет родным языком и речью. Формирование у ребенка навыков родной речи происходит в результате подражания речи родителей и неосознанного моделирования “правил”, лежащих в основе производства речи. Известно, что попытка уподобить процесс обучения иностранному языку процессу усвоения родного не может быть успешной. Иначе говоря, другие языки могут быть усвоены не на основе врожденных механизмов речи, не сами собой, а в ходе целенаправленного обучения на основе мышления, памяти, воли. Обучение переводческой деятельности обязательно направляет нас к изучению речевого процесса [2].

Реальное положение вещей таково, что все речевые механизмы учащихся сформированы, работают на родной язык и отражают национальное видение окружающей действительности. Мышление также продолжает оставаться в плоскости родного языка, актуализируя речевые механизмы в родном языке. Таким образом, родной язык выступает в качестве ориентировочной основы для выполнения перевода на иностранный язык. Это - объективный процесс, который находит выражение в стремлении все осмыслить на родном языке и найти соответствие в системе, построенной его средствами (Л. В. Щерба, А. В. Федоров, Е. И. Ительсон). Именно в этот процесс необходимо вмешаться методике обучения иностранному языку и предложить упражнения на превращение имеющихся речевых механизмов в речевые навыки для переводческой деятельности.

Как известно, овладение иностранным языком, особенно при ограниченном количестве учебных часов в неделю, происходит успешнее, если учащиеся овладевают им осознанно, а не на основе имитации. Осознанность означает обязательное осмысление обучающимися как формы, так и содержания лингвистического материала, осознанный выбор адекватных языковых средств, классификацию их признаков, сознательный поиск ориентиров, что предполагает опору на родной язык учащихся. Следовательно, создание ориентировочной основы для осознанного перевода требует специального подхода и построения учебного процесса.

Николай Иванович Жинкин утверждал, что «задача языкознания состоит в том, чтобы вскрыть механизм возникновения словесных значений и переозначений, т. е. перехода от одного значения к другому, через их замену и разграничение. Фонетика решает часть этой проблемы применительно к звукам речи. Грамматика решает вторую задачу — образование сообщения из элементов, которыми являются слова. Лексика учитывает сложившийся в результате анализа и синтеза словесный фонд» [1, с. 105]. Соответственно, возникает возможность и перспектива овладения речевыми механизмами при целенаправленной подготовке.

Многолетние наблюдения Н. И. Жинкина показали, что наличие механизмов речи в родном языке не гарантирует их тождественное функционирование в иностранном языке. Спустя 60 лет работа «Механизмы речи» остается актуальной. Именно благодаря основательному труду Н. И. Жинкина целенаправленная

перестройка речевых механизмов учащегося приобрела смысл образовательного процесса. Современный учебный процесс предполагает использование методически целесообразной системы упражнений для развития уже существующих речевых механизмов и превращение их в навыки для применения в иностранном языке. Для развития механизма речевого слуха предусматриваются упражнения в аудировании, а также речь преподавателя, обращенная к учащимся.

Велико значение и такого речевого механизма, как проговаривание. Артикулируя или проговаривая воспринимаемый или порождаемый языковой материал, учащийся помогает себе осмысливать его. При изучении иностранного языка механизм вероятностного прогнозирования начинает функционировать на базе незнакомого языкового материала только при целенаправленном воздействии специально отобранной системы упражнений.

Чтобы получить наглядное представление, приведем без всяких комментариев речевые механизмы, предложенные Н. И. Жинкиным в главе VI. Общие контуры механизма речи. «Механизм словоразличения и словоузнавания. В первом случае - это фонемная словоразличительная функция, а во втором - словоузнавательная. Задача первой функции - различить элементы в составе слова. Задача второй - узнать весь состав или «ансамбль этих элементов» [1, с. 110].

Что чрезвычайно ценно для методики в работе Н. И. Жинкина, это разделение целостной системы механизма речи на два противостоящих звена. Первое звено механизма речи — это отбор элементов для составления слова с учетом правил. Причем, при воспроизводстве речи - это отбор речедвижений, а при приеме речи - это различение элементов воспринимаемого слова и узнавание его [1, с. 117].

Второе большое звено механизма речи составляет отбор слов, т. е. отбор слов для сообщения. Такое деление объясняет явление, при котором можно понять (письменный/буквенный) текст, даже не умея нормативно произнести слова. В то же время слово не будет понятно другому человеку, если звуковое произнесение не нормативно. В этом суть механизма приема и воспроизведения (произнесения) речи. Завершим этот перечень уместным выводом, что именно слово является местом связи двух основных звеньев механизма речи [1, с. 104].

В методике обучения иностранным языкам дело обстоит точно так же. Для каждого механизма предлагается своя устойчивая система упражнений с целью формирования навыка на основе имеющегося в опыте учащегося речевого механизма.

В предисловии к своему исследованию Н. И. Жинкин объясняет понимание термина «механизмы речи» в широком смысле, имея, например, в виду все то, что обычно подводится под введенное И. П. Павловым понятие — «вторая сигнальная система». Или как система психофизиологических предпосылок, позволяющих учащемуся формулировать осмысленные высказывания и понимать чужую речь. Или «...единицы, элементы, составляющие систему речевого общения, ...средства речевого общения для процесса формирования мысли, ее передачи и понимания» [1, с. 6].

Не вдаваясь в обсуждение всех речевых механизмов — они выразительно представлены в работе уважаемого Н. И. Жинкина, ограничимся рассмотрением двух основополагающих для обучения переводу положений.

Чрезвычайно продуктивная мысль высказана ученым применительно к обучению переводу: «...нет необходимости при приеме новой фразы удерживать все множество ранее принятых элементов. Особенностью конечного целого является то,

что ... одна и та же мысль может быть выражена разными словами. Целая группа мыслей может быть замещена одним или несколькими словами» [1, с. 129].

В терминах методики обучения переводу это означает, что следует обучать учащихся передавать содержание, мысль высказывания иными языковыми средствами. Более того, важно понять, что именно выделено в сообщении. Это «явление внутренней интонации» играет исключительно важную роль как при чтении про себя, так и при составлении письменного текста. Незнакомое слово должно быть предварительно усвоено «речедвигательным анализатором». Это общее положение имеет практическое значение при обучении иностранному языку.

Не можем не процитировать изящные слова ученого о том, что «Речедвижения ... поистине увлекательное зрелище», и в то же время «...речедвижения являются основой мыслительной деятельности» [1, с. 136].

Предложенные рассуждения убедительно подтверждают, что овладение иностранным языком (вторым языком по отношению к родному) – это, прежде всего, формирование речевых навыков, целенаправленная перестройка речевых механизмов родного языка обучающихся для взаимодействия в иноязычном пространстве, а не только накапливание языкового материала в результате подбора лексических единиц, ситуаций и усвоения грамматических форм и структур. Соответственно, на начальных этапах обучения переводу требуется формирование навыка переключения с языка на язык. Заметим, что владение двумя языками и наличие механизма переключения с одного языка на другой является лишь «...предпосылкой, необходимым условием становления этого навыка». Под навыком переключения Р. К. Миньяр-Белоручев «подразумевает способность автоматизированно находить соответствие во втором языке» [3, с. 101]. Навык переключения – профессионально развитый и сформированный переводческий навык. Собственно говоря, владение таким навыком отличает переводчика от обычного билингва. Большая часть курсантов Военной Академии связи (Дагестан, Удмуртия, Чувашия, Татарстан, страны СНГ) владеют двумя языками: родным и русским. Владение двумя языками предполагает наличие некоторого количества семантических систем. В этом случае появление вербального или предметного раздражителя вызывает реакцию в пределах одной семантической системы. В случае отсутствия или несформированности переводческого навыка переключения с одного языка на другой семантические системы не актуализируются.

Другая картина наблюдается в функционировании речевых механизмов (профессиональных) переводчиков: слово одного языка стимулирует смысловые связи в семантической системе другого языка. Формирование новой семантической системы на двух языках «...и есть становление переводческого навыка переключения», который имеет решающее значение в работе переводчика (особенно устного) [3, с. 105]. Справедливости ради отметим, что в процессе обучения происходит становление не навыка переключения вообще, а навыка переключения внутри ограниченного количества семантических полей, одной области человеческих знаний. Так, методически организованные упражнения позволяют переводчику расширять пространство функционирования своего навыка переключения, привлекая новые смежные смысловые группы, например: укрепление безопасности в мире + контроль над вооружениями + противодействие международной преступности и терроризму + международные гуманитарные и спасательные операции + геополитические факторы и расстановка сил в различных регионах мира +

технический прогресс в военной области. Однако, по утверждению Р. К. Миньяр-Белоручева, старые смысловые связи легко распадаются при подключении новой смысловой группы, если для них не предусмотрены периодические подкрепления в виде «...повторительных действий». Суть этого явления заключается в том, что речевые механизмы (речемыслительная деятельность) функционируют сначала на известном уже изученном языковом материале – старой семантической системе, а затем подключаются новые смежные системы и подсистемы иностранного языка [3, с. 105].

Иначе говоря, на начальных этапах обучения механизмы речи родного языка являются базой для формирования речевых навыков иностранного языка и переносятся с положительным или отрицательным результатом на систему иностранного языка, т.е. механизм переноса может успешно функционировать в среде чужого языка или нарушить закономерности этой системы. В терминах методики эти два явления называются перенос и интерференция. Степень участия родной речи на разных этапах обучения неодинакова и может служить показателем уровня владения иностранным языком (Б.А. Бенедиктов, W. Apelt).

Неудивительно, что при более высоком уровне владения новым языком осознаваемые механизмы речи переносятся и трансформируются, что дает возможность учащимся переключаться с языка на язык, сравнивать специфичность системы понятий родного и иностранного языков. Сложность этой проблемы нашла свое отражение в известных методических принципах обучения: опора на родной язык, его учет или исключение из учебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жинкин Н. И. Механизмы речи. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1958.
2. Максакова С. П. Проблемы перевода: особенности взаимодействия родного и иностранного языков при раннем обучении иноязычной речи. Переводческие решения: проблемы и поиски/Сборник материалов. Пенза, 1998. – С. 15-19.
3. Миньяр Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. – 208 с.

T. A. Ashikhmina, S. P. Maksakova

Saint Petersburg Military Telecommunications Academy

CADETS' TRANSLATION ACTIVITY: SPEECH MECHANISMS AND SPEECH SKILLS

The article focuses on the need to employ the mechanisms of speech in the teaching translation to cadets in their professional communication. The process of transformation of the existing speech mechanisms of learners into speech skills is analyzed. The methodically-based system of exercises for transforming of existing speech mechanisms into speech skills and their use in a foreign language is discussed.

Speech mechanisms, speech skills, semantic system, speech-thinking activity, translation transformation

УДК 81`651.926

Н. Б. Бомова

ЧОУ ВПО Институт иностранных языков,
nbomova@mail.ru

В. А. Жданова

ЧОУ ВПО Институт иностранных языков,
vika.zhdanova.00@mail.ru

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА: ДВУЧЛЕННЫЕ И МНОГОЧЛЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ NOUN+NOUN

В статье анализируются отношения между компонентами в двучленных и многочленных конструкциях Noun+Noun с использованием модели Т. Ю. Лопатиной. На основании выборки из современных тематических докладов сделан вывод о том, что преобладающим видом отношений в и двучленных, и в многочленных конструкциях являются реляционные (75% и 50% соответственно). При переводе конструкций N+N особое значение имеют знания контекста, переводимой тематики или тематик и тезаурусные знания переводчика. Так как конструкция N+N является чрезвычайно продуктивной в современном английском языке, модель Лопатиной оказывается при ее анализе недостаточной. Это положение подтверждается конкретными примерами.

Двучленные и многочленные конструкции Noun+Noun, модель отношений Т.Ю.Лопатиной, статистический анализ, дальнейшее развитие конструкции N+N, контекстные, тематические и тезаурусные знания.

Конструкция N+N, которая является весьма продуктивной для современного английского языка, всегда привлекала внимание исследователей. Все существующие трактовки ее статуса можно обобщить следующим образом:

1. Первый компонент этого комплекса (N1) - прилагательное, а весь комплекс — словосочетание [8], [5];
2. Первый компонент этого комплекса — существительное в функции определения, а весь комплекс — словосочетание [9], [1];
3. Первый компонент этого комплекса — не прилагательное и не существительное, а особая полусинтаксическая категория «атрибутивное имя», и весь комплекс — словосочетание [7];
4. Первый компонент — не самостоятельное слово, а основа существительного, и весь комплекс — сложное слово [6], [4];
5. Образования типа 'stone wall' — потенциально сложные слова или образования, которые «ведут себя» как слова [10];
6. По модели N+N образуются как сложные слова, так и словосочетания; они проявляют тенденцию к сближению, а затем к интеграции со сложными словами

через стадию словостяжения [2].

Как можно заметить, исследователей, в основном, интересует как грамматическая природа первого компонента N1, так и грамматическая интерпретация характера всей конструкции. Мы разделяем мнение Т.Ю.Лопатиной о том, что N1- «это существительное... и служит либо способом заполнения недостающей лексемы в лексической парадигме номинации (компенсаторная функция), либо для более экспрессивного, неконвенционального способа выражения признака денотата» [3, с.77]. В указанной работе автор анализирует характер взаимоотношений в двучленной конструкции N+N и выделяет следующие группы:

- квалитативные;
- реляционные;
- статальные;
- акциональные;
- обстоятельственные.

Квалитативные отношения включают следующие признаки:

- признак цвета;
- признак формы;
- признак размера;
- признак материала;
- признак вкуса;
- признак возраста;
- признак пола;
- признак национальных/расовых особенностей;
- признак административного статуса;
- признак типизации.

Квалитативная группировка представлена структурой, содержащей предикат качества, связывающий в свою очередь 2 субъектных элемента.

Данная группировка включает отношения следующих видов:

4. отношения объекта и его свойства: N2 is N1;
5. отношения объекта к некоторому известному типу (отношение типизации).

Реляционные отношения представлены структурой, в которой каждый предикат выражает различные отношения между предметами действительности:

- отношения внутреннего содержания;
- отношения посессивности;
- отношения назначения/предназначенности;
- отношения партитивности;
- отношения тождественности.

Статальные отношения содержат структуру, которая представлена предикатом состояния и объектом, находящимся в данном состоянии:

- отношения, отражающие отношение субъекта/объекта.

Акциональные отношения представляют отношения, включающие субъекта, объект действия и само действие, между которыми устанавливается взаимосвязь, и также имеют ряд признаков, таких как:

- субъектный признак (предикатно-субъектные отношения) – N1 does N2;
- объектный признак (предикатно-объектные отношения) – N1 is done by

N2;

- субъектно-объектные отношения – N2 does N1;
- объектно-субъектные отношения – N2 is done (made) by N1

Обстоятельственные отношения представляют отношения, определяющие нахождение объекта во времени и пространстве, а также указывают на причину, цель, следствие и инструмент действия.

- отношения (признак) места происхождения/источника;
- отношения (признак) места расположения (существования);
- отношения (признак) маршрута;
- отношения (признак) времени;
- отношения (признак) причины;
- отношения (признак) инструмента.

С использованием указанной модели нами проанализирована случайная выборка из 26 конструкций N+N из современных тематических докладов и презентаций (презентация 'Antica Sambuca' компании Rossi de Asiago (Italy), St. Petersburg, 2015; презентация 'Practical Aspects of Setting up Luxembourg Structures. Totalserve Management (Luxembourg) S.A. St. Petersburg, 2014; презентация 'JLL Overview of St. Petersburg Commercial Real Estate Market'. St. Petersburg, 2015; главы из книги Valerie Gerrand 'Getting a Job in Canada', 'How To Books'. Plymouth, United Kingdom, 2009; доклад Rene-Castro Salazar 'Water and Nature: Growing Scarcity', St. Petersburg, 2018).

Ниже представлены по одному примеру двучленных конструкций N+N из каждой выявленной группы.

Квалитативные отношения

1. Anise distillate – Анисовый дистиллят (Презентация 'Antica Sambuca' компании Rossi de Asiago (Italy), St. Petersburg, 2015).

Между компонентами данной конструкции устанавливаются квалитативные отношения по признаку материала.

Реляционные отношения

2. Total tax rate – Общая налоговая ставка. (Practical Aspects of Setting up Luxembourg Structures. Totalserve Management (Luxembourg) S.A. Corporate Management Services. St. Petersburg Chamber of Commerce 20th February 2014).

В данную конструкцию N+N включено прилагательное 'total', которое относится к словосочетанию 'tax rate'.

Между компонентами конструкции 'tax rate' устанавливаются реляционные отношения, где 'rate' относится к 'tax' по признаку назначения/предназначенности

Акциональные отношения

3. Capital gains – Прирост капитала. (Practical Aspects of Setting up Luxembourg Structures. Totalserve Management (Luxembourg) S.A. Corporate Management Services. St. Petersburg Chamber of Commerce 20th February 2014).

Между компонентами данной конструкции устанавливаются предикатно-объектные отношения (акциональная группа).

Обстоятельственные отношения

4. Luxembourg law – Законодательство Люксембурга. (Practical Aspects of Setting up Luxembourg Structures. Totalserve Management (Luxembourg) S.A. Corporate Management Services. St. Petersburg Chamber of Commerce 20th February 2014).

Между компонентами данной конструкции устанавливаются обстоятельственные отношения, в которых 'Luxembourg' относится к 'law' по признаку места происхождения/ источника.

В указанной выборке соотношение по группам составило: качественные отношения – 6,25%; реляционные – 75%; статальные – не выявлены; акциональные – 6,25%; обстоятельственные – 12,5%. Однако, результаты проведенного нами исследования не поддерживают мнение Т. Ю. Лопатиной о том, что N1в конструкции N+N – «это существительное, транспонированное в адъективную функцию (то есть, функцию прилагательного). Основная группа отношений в исследуемом нами материале – не качественные, а реляционные (75%).

Из указанных выше источников нами была составлена случайная выборка из 9 многочленных конструкций N+N (то есть, конструкций, содержащих более 2 существительных). Они составили 40% анализируемого материала, что свидетельствует об их высокой продуктивности. Следует отметить, что в таких конструкциях часто включаются другие части речи – прилагательные, числительные, причастия и даже наречия. Методика анализа была следующей – вначале в составе многочленной конструкции мы выделяли логические фрагменты (это могла быть двучленная конструкция N+N или прилагательное/числительное/причастие/наречие +существительное), затем устанавливали отношения внутри двучленных конструкций N+N, а затем отношения между логическими фрагментами). Ниже представлены примеры анализируемых многочленных конструкций.

Многочленные конструкции

5. St. Petersburg Prime Office Rent Cycle – Цикл изменения арендной платы офисных помещений с наилучшим местоположением в Санкт-Петербурге. (JLL Overview of St. Petersburg Commercial Real Estate Market. October 2015).

В данную конструкцию многочленную конструкцию N+N+N+N включено прилагательное 'prime', которое относится к существительному 'office'.

Между словосочетанием 'prime office' и существительным, именем собственным, 'St. Petersburg', устанавливаются обстоятельственные отношения по признаку места расположения.

Между компонентами конструкции 'rent cycle' устанавливаются реляционные отношения по признаку внутреннего содержания.

Между компонентами 'rent cycle' и 'prime office' в свою очередь, устанавливаются реляционные отношения, где 'rent cycle' относится к 'prime office' по признаку посессивности.

6. The North America Free Trade Agreement – Северо-Американское соглашение о свободной торговле. (Valerie Gerrand. 'Getting a Job in Canada', 'How To Books'. Plymouth, United Kingdom, 2009).

В данную многочленную конструкцию N+N+N+N включено прилагательное 'free', которое относится к существительному 'trade'.

Между компонентами данной конструкции устанавливаются следующие отношения:

Между 'agreement' и 'free trade' устанавливаются реляционные отношения, в которых 'agreement' относится к 'free trade' по признаку по признаку назначения/предназначенности.

Существительное, имя собственное, 'North America' относится к существительному 'agreement' и представляет собой обстоятельственные отношения по признаку места происхождения.

В конструкции 'North America' между компонентами обстоятельственные отношения по признаку места нахождения.

В указанной выборке соотношение по группам составило: качественные отношения - не выявлены; реляционные – 50%; статальные – 5%; акциональные – 13%; обстоятельственные – 32%.

И последнее, на что хотелось бы обратить особое внимание, - на то, что с развитием языка универсальной, казалось бы, модели Т.Ю.Лопатиной становится недостаточно. Кроме того, при переводе конструкций N+N переводчику абсолютно необходимы тезаурусные знания, так как очень часто N1 отсылает к культурному, технологическому, историческому феномену, суть которого надо знать и понимать. Простой пример из презентации Рене-Кастро Салазара «Вода и природа: растущий дефицит» подтверждает вышесказанное:

Example 1. Brazil methane emissions neutralization in integrated crop livestock forestry systems.

Легко устанавливаются отношения в первой многочленной конструкции N+N: между emissions и methane (качественные отношения, признак материала), между neutralization и methane emissions (предикатно-объектные, акциональная группа), между Brazil и methane emissions neutralization (обстоятельственные отношения, признак местонахождения).

Сложнее обстоит дело со второй многочленной конструкцией N+N, значение которой может быть реконструировано только с использованием индикаторов, имеющих на слайде (изображение стада коров на пашне на границе с лесом) и тезаурусных знаний переводчика. Данная конструкция должна быть переведена как «интегрированная система пашни и выращивания (выпаса) с использованием лесозащитной полосы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова, И.П. О полевой структуре частей речи в английском языке Текст. / И.П. Иванова // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. Л.: Наука, 1981. - С. 125-129.
2. Квеселевич, Д.И. Интеграция словосочетания в современном английском языке Текст. / Д.И. Квеселевич. Киев: Вища школа, 1983. - 84 с.
3. Лопатина, Т.Ю. Семантический потенциал конструкции Noun+Noun и его контекстная актуализация Текст. / Т.Ю. Лопатина // Диссертация. Барнаул, 2007. - 163 с.
4. Мешков, О.В. Словообразование современного английского языка Текст. / О.В. Мешков. М.: Наука, 1976. - 246 с.
5. Смирницкий, А.И. Образования типа stone wall, speech sound в английском языке Текст. / А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Том II. М.: АН СССР, 1952. - С. 97-116.
6. Тер-Минасова, С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах Текст. / С.Г. Тер-Минасова. М.: Высшая школа, 1981. - 144 с.

7. Шубин, Э.П. Атрибутивные имена в языке Шекспира и их генезис. Ученые записки Пятигорского пед. института Текст. / Э.П. Шубин. - Пятигорск: ПГПИ, 1958. - Том 14. - Ч. 1. - Вып.17. - С. 347-504.
8. Jespersen, O. A Modern English Grammar on Historical Principles Text. / O. Jespersen. Part II. Syntax. Vol.1. - Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1952. - 570 p.
9. Sweet, H. A New English Grammar Text. / H.A. Sweet. Oxford, 1940. - P.1.-P. 63-64.
10. Warren B. Semantic Patterns of Noun+Noun Compounds. Text. / B. Warren // Acta Universitatis Gothoburgensis. Gothenburg Studies in English, Vol. 41. - Goteborg, 1978.-266 p.

N. B. Bomova, V. A. Zhdanova

Private Educational Institution of Higher Professional Education 'Institute of Foreign Languages'

PRAGMATICS OF TRANSLATION: TWO-COMPONENT AND MULTI-COMPONENT NOUN+NOUN COMPOUNDS

The article analyzes relations between components in two- and multi-component Noun+Noun compounds, using the model developed by T. Yu. Lopatina. Based on a sample from current thematic presentations, it is concluded that the prevailing type in the two-component, as well as in multi-component compounds is relational (75% и 50% respectively). When translating N+N compounds, contextual, thematic and thesaurus knowledge by the interpreter are of utmost importance. As N+N compounds are very productive in the modern English, the model, developed by T.Yu. Lopatina, becomes insufficient. This statement is illustrated by specific examples.

Two- and multi- component Noun+Noun compounds, model of relations by T. Yu. Lopatina, statistical analysis, further development of N+N compounds, contextual, thematic and thesaurus knowledge

УДК 372.881.111.1

А. И. Дашкина

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого
wildroverprodigy@yandex.ru

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

Рассматривается применение сервиса Context Reverso в качестве дидактического ресурса на занятиях по практике перевода. Проведён пилотный эксперимент с целью сравнения эффективности выполнения задания по переводу в автономном режиме и в парах. В экспериментальных группах студенты работали в парах, отбирали предложения для своего партнёра из сервиса Context Reverso, и проверяли правильность выполнения предложенного ими задания. В контрольных

группах учащиеся получали предложения от преподавателя и переводили их в индивидуальном режиме. Более высокие результаты финального теста в экспериментальной группе указывают на эффективность совместной работы студентов с применением сервиса Context Reverso.

Сервис “Context Reverso”, контрольная группа, экспериментальная группа, лексическая единица, финальный тест, пилотный эксперимент, обучение в сотрудничестве

1. Дидактический потенциал баз лингвистических данных

В настоящее время базы лингвистических данных на нескольких языках постепенно начинают рассматриваться как дидактический ресурс, используемый при обучении иностранному языку, хотя изначально они применялись в основном в компьютерной лингвистике для создания «информационных систем терминологической лексики, систем машинного перевода, систем искусственного интеллекта и т.д. [4, с.102]. Поскольку указанные системы создаются на основе естественных языков, они содержат материалы, отобранные по определённому принципу из большого объёма оригинальных текстов, и их целесообразно использовать при обучении студентов, лингвистических направлений, в частности «Перевод в сфере профессиональной коммуникации».

Такие тезаурусы, как British National Corpus, уже часто применяются при обучении лексике, поскольку они дают возможность проследить поведение слова в различных контекстах и составлять представление о его лексической сочетаемости. Программы машинного перевода могут использоваться для обучения редактированию переведённого текста и нахождения в нём лексических, грамматических и синтаксических ошибок. Также при обучении студентов лингвистических направлений представляется целесообразным использовать контекстные словари, такие как сервис “Context Reverso”.

Возможности указанных словарей могут применяться при обучении лексике, поскольку слова приводятся в предложениях, которые могут быть использованы в исходном виде или с небольшими изменениями для составления лексических упражнений и тестов. Кроме того, они могут использоваться на занятиях по практике перевода, поскольку одна и та же лексическая единица или словосочетание по-разному интерпретируется переводчиками и употребляется в различных контекстах.

Преимущество сервиса “Context Reverso” состоит в том, что, помимо перевода отдельных слов, он содержит их употребление в ряде предложений на двух языках. Использование лексической единицы в различных контекстах в сочетании с разными словами снимает её многозначность. Указанное свойство сервиса значительно облегчает выполнение заданий по переводу. Студенты часто сталкиваются с ситуациями, когда значения отдельных слов не складываются в единый логически связанный ряд. Это происходит потому, что им неизвестны значения отдельных слов в заданном контексте. Сервис “Context Reverso” предоставляет возможность выбрать подходящее по контексту значение слова.

Ещё одним дополнительным преимуществом указанного сервиса является возможность его использования при обучении в сотрудничестве. Поскольку исходные предложения в “Context Reverso” были отобраны из речи носителей языка и переведены профессиональными переводчиками, студенты имеют возможность

определить правильность перевода, сделанного их партнёрами по парам или малым группам.

2. Применение сервиса “Context Reverso” при работе в парах

Занятия по практике перевода ведутся по тематическим разделам, встречающимся в различных публицистических источниках, например, *Social issues, education, crime, mass media*, и т.д. Сервис “Context Reverso” целесообразно применять для практики перевода в рамках определённого тематического раздела. Студентам предоставляется список частотной лексики по изучаемой теме для последующего использования при переводе с русского языка на английский. Далее работа студентов заключается в совместном выполнении домашнего задания путём обмена информацией через Интернет.

Группа разделяется на пары, и каждый студент получает по пять слов или словосочетаний по изучаемой теме. Каждому партнёру по паре предлагается в качестве домашнего задания отобрать пять предложений, включающих полученные ими лексические единицы, для перевода с русского на английский. Студенты вводят слово или словосочетание в командной строке и запрашивают его перевод. Они выбирают из сервиса “Context Reverso” русские предложения, содержащие искомую лексическую единицу для последующего перевода их партнёром по паре, а также их версии на английском языке.

Отобранные предложения должны быть средней длины, поскольку слишком короткие предложения не дают возможности в полной мере практиковать переводческие навыки, а слишком длинные предложения могут отвлечь внимание от изучаемой лексической единицы. Также не рекомендуется выбирать предложения, содержащие большое количество собственных имён, дат или цифр, которые также мешают переводчику сосредоточиться на смысле. Кроме того, предложения должны быть полными, поскольку перевод отдельных фрагментов не достаточен для практики грамматических приёмов.

Преимущество сервиса “Context Reverso” состоит в том, что большинство предлагаемых в нём предложений являются полными, в то время как в других ресурсах такого типа, например, в Linguee, искомые лексические единицы приводятся в основном в виде словосочетаний. Это облегчает студентам задачу нахождения предложений на перевод для своего партнёра. Отбор предложений должен проводиться в первый день после занятия, поскольку партнёру по паре необходимо достаточно времени на выполнение задания.

После отбора предложений студент должен сам перевести их перед отсылкой их партнёру. В процессе перевода можно будет определить, соответствуют ли предложения указанным ранее критериям отбора. Возможно, студент примет решение заменить некоторые предложения, поскольку он обнаружит, что они не соответствуют требуемому уровню сложности или не являются полными. Кроме того, перевод отобранных предложений необходим студенту для того, чтобы впоследствии проверить правильность выполнения задания его партнёром. Только после этого студент сравнивает свой перевод с версией, предлагаемой в сервисе “Context Reverso”. Ниже приводится пример сравнения двух переводов предложения по теме Elections, включающего словосочетание ballot box (избирательная урна):

Отдельные выборы не всегда укрепляют демократию - полезное напоминание, что избирательная урна является только одной частью в любом свободном обществе со смешанными культурами.

“Context Reverso”: Individual elections do not always enhance democracy - a useful reminder that the **ballot box** is only one part in any free, plural society.

The Student’s version: Separate elections don’t always enforce democracy; it is a useful reminder that a **ballot box** is only one part in any free society with diverse cultures.

Сравнение переведённых предложений позволяет проанализировать собственный перевод и выявить возможные ошибки. Так, в предложении, переведённом студентом, можно отметить три явные ошибки. Одна из них – некорректное использование слова “separate”(существующий отдельно от других) вместо “individual” (происходящий время от времени, отдельно взятый). Слово enforce также не является подходящим вариантом в данном предложении, поскольку его основным значением является «обеспечение соблюдения закона или постановления» и оно часто ассоциируется с правоприменительными мерами. В данном случае речь идёт об усилении и совершенствовании, что лучше описывается словом enhance. Кроме того, в переводе, выполненном студентом, было бы более целесообразно поставить определённый артикль перед словом ballot box, поскольку в данном случае наблюдается синекдоха (название части вместо названия целого). Студент, отобравший указанное предложение для своего партнёра, исправил лексические неточности, но не поставил определённый артикль перед синекдохой.

Далее партнёры обмениваются предложениями на русском языке по электронной почте и приступают к их переводу, на который отводится 2 дня. На третий день студенты отсылают выполненные ими переводы своим партнёрам, которые проверяют их и выделяют цветом те части предложений, в которых, по их мнению, были допущены ошибки. После этого учащиеся высылают друг другу исправленные версии своих переводов для окончательной проверки. Предложения обязательно проверяются педагогом на следующем занятии во фронтальном режиме.

Эффективность обучения в сотрудничестве в процессе выполнения заданий по практике перевода с использованием электронных ресурсов была проверена с помощью пилотного эксперимента, проведённого в двух группах, обучающихся по направлению «Переводчик в сфере профессиональных коммуникаций».

3. Пилотный эксперимент по выявлению эффективности обучения в сотрудничестве

Всего в пилотном эксперименте участвовало 30 студентов (16 – в контрольной группе и 14 - в экспериментальной группе). В начале эксперимента был проведён диагностический тест, одинаковый для контрольной и экспериментальной групп, в котором студенты должны были перевести 5 предложений с минимальным контекстом, включающих несложную газетную лексику. Перевод каждого предложения оценивался по десятибалльной шкале по таким критериям, как правильность использования грамматики, обширность словарного запаса, правильная сочетаемость слов, владение различными приёмами перевода (членение, компрессия, генерализация, конкретизация и т.д.). Согласно результатам диагностического теста, в контрольной и экспериментальной группах уровень владения приёмами перевода, а также лексикой и грамматикой был примерно одинаковым. Средний балл в контрольной группе был 5.625 баллов, а в экспериментальной группе он составлял 5.5 баллов.

Студенты экспериментальной группы выполняли домашнее задание в сотрудничестве в соответствии с этапами, описанными в предыдущем разделе. В

контрольной группе каждый учащийся получал по 10 готовых предложений на русском языке, включающих слова и словосочетания в рамках изучаемой лексической темы. Однако, в отличие от экспериментальных групп, их последующая работа по выполнению домашнего задания велась в автономном режиме. Они переводили предложения самостоятельно, при необходимости используя онлайн-словари, и на следующем занятии преподаватель осуществлял проверку перевода во фронтальном режиме.

В конце эксперимента, как в контрольной, так и в экспериментальной группах был проведён финальный тест, идентичный диагностическому тесту. Он позволил сравнить степени эффективности обучения в сотрудничестве и автономного выполнения заданий.

4. Анализ результатов финального теста

Финальный тест, так же как и диагностический, оценивался по десятибалльной шкале и включал пять предложений на перевод с русского языка на английский. В отличие от диагностического текста, каждое из пяти предложений соответствовало одному из тематических разделов, изученных в течение семестра: Elections, Social Issues, Education, Crime, Mass Media. Предложения были более сложными с точки зрения грамматики, чем в диагностическом тесте, поскольку в процессе эксперимента учащиеся получили возможность практиковать приёмы перевода с русского языка на английский.

Средний балл в экспериментальной группе вырос на 2.36 балла (23.6%), в то время как в контрольной группе он повысился на 0.575 балла (5.75%). Такое значительное различие между результатами контрольной и экспериментальной групп объясняется тем, что при выполнении домашнего задания в парах студенты готовятся к тому, чтобы объяснить отобранные предложения своим партнёрам по парам. При этом повышается их ответственность за качество выполнения задания, и они пытаются предугадать вопросы, которые могут быть заданы их партнёрами.

Так, студентам экспериментальных групп после проведения эксперимента был задан вопрос о том, чем отличалась их подготовка перевода предложений для последующего объяснения партнёру от обычной подготовки аналогичного задания в автономном режиме. Они указали, что они прилагали намного больше усилий к тому, чтобы понять такие детали, как употребление артиклей, значения аббревиатур и точность перевода географических названий. По их словам, они испытали значительные трудности при сравнении их собственной версии перевода с вариантом, предлагаемым в сервисе "Context Reverso". Они объяснили это тем, что им приходилось воспользоваться словарями сочетаемости, синонимов и другими Интернет-ресурсами для того, чтобы определить, является ли их версия перевода возможной и правильной, а также выявить ошибки, которые они допустили.

Таким образом, благодаря обучению в сотрудничестве «повышается уровень мотивации в учебной деятельности, а также происходит расширение мотивации за пределы собственно познавательных интересов учащихся» [5, с.98]. Действительно, при необходимости объяснять материал партнёру студент заинтересован не только в том, чтобы улучшить собственные переводческие навыки, но и в том, чтобы как можно более правильно и точно объяснить партнёру материал, быть готовым дать ответы на возможные вопросы и оказать ему помощь в том случае, если возникнут затруднения.

Достаточно низкие показатели в контрольной группе «свидетельствуют о непродуктивном уровне практической деятельности: большая часть учащихся выполняет только минимальные требования, не улавливая языковых особенностей построения алгоритма выполнения заданий» [2, с.19]. Действительно, в процессе эксперимента студенты контрольных групп не сталкивались с необходимостью объяснять материал своим партнёрам, поэтому они не обращали внимания на мелкие нюансы (артикли, аббревиатуры и т.д.), которые являются неотъемлемой частью высококачественного перевода.

Ещё одним фактором, способствовавшим достижению большего прогресса в экспериментальных группах, было использование сервиса “Context Reverso”. Обеспечение доступа к готовым переводам лексических единиц и включение их в состав предложений «позволяет переводчику выбирать примеры переводов нужного слова или словосочетания из данного корпуса текстов, сокращая, таким образом, время, затрачиваемое на перевод» [1, с.14]. Студенты экспериментальных групп, сопоставлявшие свои переводы с версией, предоставляемой сервисом “Context Reverso”, имели возможность перенять приёмы, используемые профессиональными переводчиками и выбрать оптимальные англоязычные эквиваленты изучаемых лексических единиц.

Дополнительным преимуществом использования сервиса “Context Reverso” являлась возможность выбрать предложения для перевода, взятые из естественных ситуаций общения, а не искусственно составленные в дидактических целях. Именно поэтому студенты экспериментальной группы успешно справились с финальным тестом, в котором они столкнулись с необходимостью переводить предложения с повышенным уровнем сложности.

Пилотный эксперимент наглядно продемонстрировал эффективность применения компьютерных ресурсов при совместном выполнении студентами заданий по практике перевода. В данном случае более высокие показатели в экспериментальной группе были достигнуты за счёт «эффективного формирования лексических и переводческих навыков при использовании компьютерного словаря, созданного на основе современных достижений информационных технологий» [3, с.19]. В ходе эксперимента посредством использования сервиса “Context Reverso” студенты приобретали лексические навыки, поскольку изучаемые слова и словосочетания употреблялись в различных контекстах. Учащиеся подсознательно запоминали лексику даже на этапе отбора предложений на русском языке для своих партнёров в сервисе “Context Reverso”. Кроме того, они приобретали переводческие навыки в процессе сопоставления переведённых ими предложений с переводами, содержащимися в “Context Reverso”. Таким образом, эксперимент наглядно продемонстрировал высокую эффективность совместной работы студентов на занятиях по практике перевода с использованием электронных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виландеберк А.А. Принципы и методы гармонизации терминологии на основе корпуса специальных параллельных текстов (на материале документов ООН), Автореферат на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – СПб, 2005

2. Калашникова Е.Г. Учебное сотрудничество как фактор творческого развития личности подростков (на материале английского языка). Автореферат на соискание учёной степени кандидата педагогических наук. Курск, 2005.
3. Левонисова С.В. Компьютерный словарь как средство изучения английского языка студентами неязыковых вузов. Автореферат на соискание учёной степени кандидата педагогических наук. Ярославль, 2004.
4. Марчук Ю.Н. «Корпус текстов и сверхбольшие базы лингвистических данных» (с.102-108) // Доклады научной конференции «Корпусная лингвистика и лингвистические базы данных» Под ред. А.С. Герда – СПб, Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002 – 168 с. (Материалы конференции «Корпусная лингвистика и лингвистические базы данных»)
5. Рыжов В.В. Психологические основы коммуникативной подготовки педагога: Монография. Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 1994, 164 с.

A.I. Dashkina

Saint-Petersburg Peter the Great Polytechnic University

THE APPLICATION OF ELECTRONIC RESOURCES IN STUDENTS' COLLABORATIVE TRANSLATION PRACTICE

We consider applying resource Context Reverso as a tool for teaching translation. A pilot experiment was conducted in order to compare the efficiency of collaborative and individual learning. In the experimental group the students worked in pairs. They selected sentences for their partners from Context Reverso, and then both partners translated each other's sentences and carried out peer assessment. In the control groups the students received the sentences from the teacher and translated them autonomously. At the end of the experiment the students did a final test. The results of the test in the experimental group were much better than in the control one, which indicates that students' collaborative work proves to be more effective than doing assignments autonomously.

Resource "Context Reverso", control group, experimental group, lexical item, final test, pilot experiment, collaborative learning

УДК 316.723

О. М. Журавлева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
zhuralena@gmail.com*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА МИКРОУРОВНЕ НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА

В статье рассматривается сюжетная линия двух американских комедий с точки зрения межкультурной коммуникации. Выявленные в фильмах субкультуры обладают необходимыми характеристиками, а также взаимодействуют между

собой в соответствии с теоретическими положениями межкультурной коммуникации, что позволяет использовать созданные образы для анализа соответствующих субкультур.

Межкультурная коммуникация, субкультура, культурное многообразие, США

В традиционном и привычном понимании межкультурная коммуникация осуществляется между субъектами, принадлежащими к различным национальным группам или этносам. Их взаимодействие осложнено языковыми, бытовыми, поведенческими и другими различиями. Недостаточное понимание представителями различных культур этих различий и особенностей неизбежно приводит к срыву коммуникации, проблемам взаимодействия, непониманию и росту недовольства в адрес культурного многообразия.

Менее полярными, но не менее значимыми оказываются различия между представителями различных субкультур в рамках одной общности, например, среди граждан одной страны. Если коммуниканты не намерены учитывать различия в культуре, традициях, поведении, и др., то добиться успешного взаимодействия им не удастся. Взаимодействие субкультур принято считать микроуровнем межкультурной коммуникации.

Каждая субкультура, также как и более крупная общность, этническая, национальная или религиозная, обладает рядом признаков, которые можно проанализировать с точки зрения теории межкультурной коммуникации. Среди них – и система приоритетов и ценностей, и отношение к власти и времени, а также стереотипы, прецедентные имена, и т.д. [2, 3, 4] Следовательно, и правила взаимодействия между субкультурами те же.

Сложно найти страну, в которой было бы представлено больше разнообразных субкультур, чем в США. Несмотря на то, что в специальной литературе подробно описаны основные характеристики американцев, как нации [1, 2, 4, 6], и большинство иммигрантов стремятся к получению гражданства и перенимают свойственные американскому обществу черты, разнообразие продолжает сохраняться.

Многие американские фильмы, вольно или невольно, демонстрируют межкультурные различия между представителями различных субкультур. Изучение их особенностей и анализ взаимодействия может иметь практическое значение для характеристики американского общества.

Для иллюстрации проанализируем романтическую кинокомедию 2002 года «Стильная штучка» (в оригинале «Sweet Home Alabama»). В сюжет этого фильма вплетается несколько уровней коммуникации между субкультурами американского общества, что намеренно выпукло демонстрируют создатели комедии.

Героиня фильма Мелани родилась в маленьком городке в штате Алабама, на юге США, откуда решительно «сбежала» в Нью-Йорк, большой город с совершенно другим образом жизни, к которому она успешно приспособилась. Противопоставление успешной карьеры Мелани и оставленного ею родного дома, друзей, родителей, мужа проходит в двух плоскостях: при сопоставлении жизненных ценностей и приоритетов крупного мегаполиса и маленького городка, а также характерного для США исторически сложившегося конфликта между Севером и Югом.

На общем фоне незамысловатой комедии выделяются детали, которые позволяют оценить, что межкультурные различия показаны в фильме неслучайно. Главная героиня, чтобы добиться успеха в Нью-Йорке, поменяла фамилию и избавилась от южного акцента, чтобы ничто не выдавало ее происхождения. В одной из сцен, когда она в родном городе (Pidgeon) разговаривает со своим мужем Джейком, ярко демонстрируются различия в манере говорить, при этом совершенно не очевидно, что акцентом надо считать говор южан, а не наоборот. Речь Мелани звучит непривычно, странно и напыщенно для всех ее бывших друзей. Что становится причиной нежелания взаимодействовать и перерастает в конфликт.

Жизнь маленького городка показана настолько правдоподобно, что это находит отклик в отзывах о фильме тех, кто сам вырос в глубинке [5]. Здесь много недостатков, среди которых, в первую очередь, бросаются в глаза скука и однообразие. В мегаполисе, напротив, жизнь бьет ключом, работа становится смыслом жизни, темп жизни не позволяет ни отдохнуть, ни расслабиться. Однако есть возможность посмотреть на особенности жизни в маленьком городе и с другой стороны. Тут все знакомы, помогают и поддерживают друг друга, хотя это и ведет к тому, что про каждого из жителей известно абсолютно все, начиная с раннего детства. Однако в мегаполисе понятие дружбы практически отсутствует, такая ценность как семья перестает считаться приоритетом, что также находит отражение в одной из сцен фильма. Например, Джейку не понять, как Мелани, пробыв в городе почти целый день, могла так и не зайти к своим родителям.

Изучая и анализируя жизненные ценности и особенности поведения персонажей, можно составить перечень характеристик, которые позволят понять, что межкультурные различия у жителей глубинки и мегаполиса настолько существенны, что для успешной коммуникации необходимо всерьез готовиться к общению.

Параллельно с пластом трудностей, возникающих при взаимодействии между субкультурами городка Пиджон и Нью-Йорка, создатели фильма демонстрируют и различия другого плана. Не случайно героиня родилась в южном штате Алабама, а не в штате Мичиган или Массачусетс. Зрителям предлагается оценить противостояние Юга и Севера в современности. Для этого используются не только особенности речи, но и значимые культурно-исторические ценности, различное отношение к работе и семье. Приезжающему в Алабаму из Нью-Йорка Эндрю (потенциальному жениху Мелани) не понятно увлечение историей Гражданской войны, а его поездка на «поле боя», где проходит реконструкция одного из сражений войны с очевидностью доказывает его полное безразличие к такому значимому для южан прецедентному феномену как Гражданская война.

В диалогах Эндрю с матерью, мэром Нью-Йорка, проскальзывает пренебрежение к южанам, которых она с презрением именует «конфедератами», показывая тем самым, что противостояние еще не забыто. Собственно сама свадьба между Мелани и Эндрю могла расстроиться только лишь из-за того, что она «южанка», а он респектабельный и успешный «северянин». Поэтому вполне закономерным выглядит завершающая сцена фильма, показывающая, что сердце Мелани остается на юге, в родном городе, с мужем, а ценности, заложенные с детства, перевешивают амбиции.

Культура американского Севера и Юга настолько различается, что взаимодействие представителей этих исторически сформировавшихся зон представляет немалую трудность. Предубеждение и стереотипы мешают

объективному восприятию. На всех уровнях, во всех компонентах системы типологизации культуры (согласно теории Г. Хофстеде [3]) прослеживаются существенные различия.

В целом, комедийный фильм, несмотря на «легкость жанра», убедительно показывает не только межкультурные различия между разными субкультурами, но и демонстрирует проблемы коммуникации между ними в случае, когда участники (в данном случае – герои фильма) не считают нужным уделять этим различиям должного внимания. Хотя комедия и завершилась ожидаемым благополучным финалом, с точки зрения межкультурного взаимодействия произошел срыв коммуникации, проблема осталась неразрешенной, что, как представляется, также было одной из задумок создателей фильма.

Еще один американский фильм, в котором демонстрируется на фоне сюжета межкультурное взаимодействие, вышел на экраны в 2009 году. «Замерзшая из Майами» (в оригинале «New in Town») – тоже комедия, в отличие от «Стильной штучки» провалившаяся в прокате и получившая больше отрицательных отзывов за безыдейность, предсказуемость и использование многочисленных стереотипов. Однако с точки зрения межкультурной коммуникации именно стереотипы, использованные в этой комедии, и вызывают интерес.

Столкновение субкультур проходит в плоскости жизненных ценностей мегаполиса и маленького городка. Главная героиня – Люси – успешная бизнес-леди из Майами. Соглашаясь отправиться в командировку, она даже не знала, куда едет; а отправили ее в самый холодный американский штат – в Миннесоту. Однако не только климат создает трудности для героини.

В городке Новый Ульм, куда Люси отправилась с целью сократить половину рабочих единственного завода, совсем другой ритм жизни, другие ценности и приоритеты, совершенно другие нормы межличностного общения. Все это героиня понимает уже после того, как совершает множество ошибок, исправляя которые она постепенно начинает пользоваться уважением у жителей городка.

Нехитрый комедийный сюжет, тем не менее, успешно реализует второстепенную задачу – не столько показать трансформацию героини, сколько продемонстрировать тот факт, что жизнь в провинции течет по другим правилам, люди ценят то, на что при других условиях жизни в мегаполисе просто не хватает времени. При этом они успевают создать удобный для них баланс работы и отдыха, находят себе хобби и развлечения. Задача, поставленная перед героиней, ориентирована на достижение цели, и поскольку речь идет не о закрытии завода в крупном городе, где много возможностей, а там, где других возможностей нет, то цель достигается совершенно другим способом – сменой подхода к поставленной задаче. Личностно-ориентированный подход оказывается реалистичным и осуществимым. Идея, стоящая за сюжетной линией, проста – чтобы добиться успеха в небольшом городе, надо стать частью его субкультуры, мыслить и действовать в интересах жителей. Неудивительно, что этот фильм, идейно противоречащий основным принципам и приоритетам американского сообщества, не вызвал у зрителей понимания.

Сравнивая оба фильма, очевидно, что они демонстрируют жизнь в провинциальном городе в одном и том же ракурсе, отличаются только детали. Если допустить использование некоторого преувеличения, в общих чертах субкультура жителей американской глубинки соответствует реальности. С точки зрения

межкультурной коммуникации, результат, т.е. финал обоих фильмов, логичен и закономерен.

Однако проблемы межкультурной коммуникации в фильмах нашли различное решение. В комедии «Стильная штучка» героиня так и смогла изменить себя и осталась верна своему прошлому, сделав выбор в пользу Алабамы, что можно считать «хэппи-эндом» для фильма, но неудачей в ее межкультурном взаимодействии. В комедии «Замерзшая из Майями», кроме положенного «хэппи-энда», состоялась и успешная межкультурная коммуникация. Героиня поняла особенности и ценности культуры жителей Нового Ульма и отказалась от привычных для себя приоритетов, что помогло ей наладить взаимодействие.

Подводя итог содержанию двух американских комедий с точки зрения межкультурной коммуникации, следует отметить, что на микроуровне социальные и региональные сообщества, отображенные в кинематографе, обладают всеми чертами и характеристиками, свойственными субкультурам, что позволяет не только анализировать их, но и сопоставлять между собой, изучая в развитии и взаимодействии. Таким образом, кинематограф можно считать полноценным источником для выявления особенностей межкультурного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федченко А.В. Этнические стереотипы русских и американцев // Вестник РУДН: серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2006. № 1(3). С. 82-86.
2. Hall E.T., Hall M.R. Understanding cultural differences: Germans, French and Americans. Yarmouth, ME: Intercultural Press Inc., 1990. 196 p.
3. Hofstede G. Cultures consequences: International differences in Work-Related Values. Sage Publications, 1991. 325 p.
4. Triandis H.C. Culture and Social Behavior // Lonner W.J., Malpass R.S. Psychology and Culture. Boston: Allyn & Bacon, 1994. Pp. 169-173.
5. Tyler J. Sweet Home Alabama: Review // [Режим доступа]: <https://www.cinemablend.com/reviews/Sweet-Home-Alabama-337.html>
6. Storti C. Americans at Work. A Guide to the Can-Do People. Yarmouth, ME, Intercultural Press, 2004.

O. M. Zhuravleva

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

MICRO LEVEL OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN AMERICAN CINEMATOGRAPHY

The article deals with the content of two American comedies and analyzes them from the point of view of intercultural communication. Both films contain subcultures that match the main characteristics and collide according to the principles of the theory of intercultural communication. This enables to use the characters as samples to study corresponding subcultures.

Intercultural communication, subculture, cultural diversity, USA

УДК 800.811.112.2

Ю. В. Журавлева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),

juzhuk@rambler.ru

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается культурологический потенциал устойчивых сравнений, обладающих национальной ассоциативной спецификой, в рамках межкультурной коммуникации.

Устойчивые сравнения, фразеологизм, межкультурная коммуникация, ассоциативный потенциал

Проблемы межкультурной коммуникации, наряду с изучением соотношения языка и культуры, особенностей национального языкового сознания и языковой картины мира продолжают занимать одно из центральных мест в лингвистических исследованиях. Фразеологический фонд языка всегда был источником сведений о культуре, менталитете и особенностях национального сознания носителей языка. В разных языках в процессе переосмысления значений во вторичной номинации реализуются отличные друг от друга образно-ассоциативные связи, основанные на специфике образных представлений и их эмоционально-экспрессивной окраски, которые в свою очередь связаны с историей, традициями и жизненным укладом народа. Национальное своеобразие жизни и быта народа, факты из истории страны, географии и даже экономики отражаются в семантике многочисленных фразеологических единиц, придавая им национально-культурную специфику и страноведческую значимость. Фразеологизмы отражают исторические трансформации национальных культурных стереотипов, актуальные стереотипы национального обыденного сознания и, тем самым, участвуют в создании языковой картины мира [1]. Изучение фразеологизмов, и в частности, устойчивых сравнений способствует формированию полноценной лингвокультурологической компетенции, которая необходима для адекватной межкультурной коммуникации.

Возникновение устойчивых сравнений обусловлено тем фактом, что сравнение и оценка являются древними способами познания мира и видами интеллектуальной деятельности человека. Устойчивые сравнения используются как образные языковые средства, содержащие оценку объекта с позиций национальных стереотипных представлений, удовлетворяют потребность в более точном описании предметов и явлений действительности, легко закрепляются в памяти индивида, а затем и в национальном языковом сознании. Значительное количество устойчивых сравнений являются универсальными, поскольку отражают общечеловеческие представления об окружающем мире, схожие интерпретации наблюдаемых явлений и используют одинаковые способы их языкового выражения: нем. leben wie ein Einsiedler – рус. жить как отшельник, нем. arbeiten wie ein Pferd – рус. работать как лошадь, нем. schlafen wie ein Murmeltier – рус. спать как сурок, нем. bleich wie der Tod – рус. бледный как смерть.

С точки зрения изучения иностранного языка особый интерес представляют устойчивые сравнения, обладающие национальной спецификой. Высокой коммуникативной ценностью обладают устойчивые сравнения с выраженной национальной спецификой, в особенности, не имеющие эквивалентов в другом языке. Таковыми могут быть устойчивые сравнения, содержащие топонимы и антропонимы, отсылающие к определенным историческим событиям, не столь известным за пределами страны изучаемого языка, обязанные своим возникновением старым обычаям или приметам, имеющие литературный источник и т.д. Национальная специфика ассоциативного потенциала слов определяется как субъективными, так и субъективными факторами [2], то есть культурными различиями, связанными с наличием либо отсутствием соответствующих реалий, и произвольной избирательностью, которая проявляется в репрезентации разных признаков, приписываемых одним и тем же объектам в разных языках [3]. Национальная специфика обнаруживается в случае, если различаются объекты, с которыми сравнивается субъект: нем. *treu wie Gold* (верный как золото) – рус. верный как пес, нем. *dürr wie ein Besen* (тощий как метла) – рус. тощий как палка, или свойства, на основе которых происходит сопоставление: нем. *mager, neugierig, dumm wie eine Ziege* (глупая, худая, привередливая как коза) – рус. скакать как коза, нем. *borstig wie ein Igel, schnarchen wie ein Igel* (сварливый как еж, храпеть как еж) – рус. колючий как еж. Значительным культурологическим потенциалом обладают также сравнения, использующие в качестве эталона реалии и персонажей современности или прошлого: нем. *dünn wie eine Magersüchtige* – рус. худая как анорексичка нем. *dumm wie Daniela Katzenberger* – рус. глупа как Даниэла Катценбергер (немецкая певица).

Важную роль в жизни любого народа играет географический фактор, особенности окружающей природы и ландшафта воплощаются в свою очередь в образности фразеологических сравнений, поэтому в основе многих устойчивых сравнений лежат обозначения представителей флоры и фауны, окружающих человека. Исторически в Германии значительная территория была покрыта типичными для европейской части лесами с преобладанием бука и дуба. Почитание лесов имело важное религиозное значение для древних германцев, для которых главным священным деревом был именно дуб (*Eiche*). Образ последнего, как символа силы и мощи, стал основой для многочисленного ряда фразеологизмов: нем. *er steht fest wie eine Eiche* – рус. он стоит прочно как дуб, нем. *er war stark wie eine Eiche* – рус. он был силен как дуб.

В средние века среди прочих полевых культур было велико значение фасоли, называемой даже «средневековым картофелем». Особенности этого растения, выходящего вокруг подпорки послужили основанием для сравнения: нем. *dürr, lang wie eine Bohnenschlange* – тощий, длинный как жердь. Следующее сравнение связано с тем, что сухие побеги фасоли очень тверды и прочны: нем. *hart, zäh wie Bohnenstroh sein* – быть очень прочным. Существуют с компонентом *Bohnenstroh* и сравнения с отрицательной семантикой: нем. *dumm wie Bohnenstroh* – очень грубый, грубый как извозчик, нем. *grob wie Bohnenstroh* – глуп как пробка.

Особую ценность в средние века имели пряности, привозимые с Востока. Тмин (*Kümel*) был необходим для приготовления пива, и сейчас популярен в Германии как приправа к различным блюдам. Район города Halle, который был известен благодаря тому, что в его окрестностях выращивался тмин, шутливо назывался *Kümel Türkei*, поскольку в древние времена тмин привозили из Турции, а жители этой местности

назывались *Küملتürken*. Впоследствии предистория этого наименования оказалась забытой, а само оно приобрело негативную коннотацию в сравнениях: *arbeiten, rennen wie Küملتürken* – надрываться на работе (букв. «работать как турки»); мчаться изо всех сил.

Животный мир, наблюдение за особенностями повадок животных и птиц, также служит источником для возникновения разнообразных сравнений и, несмотря на то, что с именами животных в разных языках традиционно связаны более или менее похожие образы, детали функционирования животных символов могут различаться [4].

Например, на территории Германии всегда обитало большое количество зайцев и диких кроликов, и их повадки стали основой для образования устойчивых выражений: *wissen, wie der Hase läuft* – знать толк, разбираться в чем-либо (букв. «знать, как бегают заяц»); *sehen, wie der Hase läuft* – смотреть, как идут/пойдут дела. В немецком языке в отличие от русского образ зайца традиционно связан не с «трусостью», а скорее с «опытностью», например, *alter Hase* – опытный работник, мастер своего дела. Опытному индивиду противопоставляется *ein heuriger Hase* – младенец, неопытный человек (букв. «заяц нынешнего года»): *du redest wie ein heuriger Hase* – ты говоришь как маленький, *er ist kein heuriger Hase mehr* – он уже не ребенок, он уже взрослый. Во многих языках, в том числе и в немецком и в русском, в поговорку вошла плодовитость кроликов: *sich vermehren wie die Karnickel (Kaninchen)* – плодиться как кролики.

В европейской фауне, в том числе и в Германии распространен барсук (*Dachs*), некоторые качества которого стали основанием для появления устойчивых сравнений. Выражение «*arbeiten wie ein Dachs*» в русском языке имеет соответствие «работать как вол», однако этот перевод не вполне адекватен, поскольку немецкое сравнение характеризует кого-то как трудолюбивого и настойчивого работника, а русский фразеологизм говорит скорее о выносливости при выполнении тяжелой работы. Выражение «*schlafen wie ein Dachs*» означает много спать, иногда это сравнение переводят «спать как сурок», что не совсем точно, поскольку зимняя спячка у барсуков гораздо менее продолжительна. *Sich wehren wie ein Dachs* – защищаться как барсук, это сравнение отражает тот факт, что при нападении это животное отчаянно сопротивляется любому противнику, даже превосходящему его по силе и может напасть первым, если почувствует опасность; *immer zu Hause sein wie ein Dächschen* – сидеть дома сиднем (это сравнение основано на том, что барсук редко покидает свою нору, в основном по ночам). В зимние месяцы барсук впадает в спячку, поэтому осенью он отъедается, жиреет и спит, эти особенности образа жизни закрепились в сравнениях: *fett wie ein Dachs* – жирный как барсук, *er zehrt von seinem Fett wie ein Dachs* – он живет за счет своего жира (запасов), *essen wie ein Dachs* – отъедаться как барсук.

У Германии богатая военная история и многие сравнения, возникшие в связи с определенными историческими событиями, приобрели впоследствии обобщенно-переносное значение. Сравнение «*hausen wie Hunnen*», имеющее значение «распоясаться, вести себя как варвары (гунны)», восходит ко временам Великого переселения народов, когда этот кочевой народ добился максимального расширения территории; *wütend sein wie ein Berserker* – быть разъяренным, неистовствовать (это сравнение отсылает к исландским и норвежским сагам, герои которых – воины, воплощающие ярость и разрушительную силу). Выражение «*fluchen wie ein Landsknecht*» – ругаться как сапожник, основано на том факте, что ландскнехты (в

15-17 вв. так называлась немецкая наемная пехота со своим оружием) отличались руганью, иногда на разных языках, благодаря военным походам по разным землям. Устойчивое сравнение «*rangehen wie Blücher*» – действовать решительно, букв. ринуться в бой как Блюхер, могло бы ввести в заблуждение, поскольку в России известно имя другого Блюхера – маршала Советского Союза. Историческая личность, к которой относится немецкое сравнение – это прусский фельдмаршал, считавшийся образцом воина и примером наивысшей храбрости и отваги, отличавшийся необычайной решительностью и способностью быстро принимать решения в трудных ситуациях, прославившийся кроме прочего участием в разгроме Наполеоновской армии в 1813 году.

Некоторые материальные предметы, функционирующие в обиходе, обязаны своим названием какому-то конкретному лицу, связь с которым забывается со временем: например сравнение «*verschwiegen sein wie eine Litfaßsäule*» означает «быть болтливым», букв. быть скрытным как тумба для афиш. Это выражение связано с именем реальной личности – владельца типографии Эрнста Литфаса, который впервые установил в Берлине в 1854 году 180 рекламных тумб, которые очень понравились жителям и стали популярны.

У многих народов есть свои особенности повседневного уклада, специфические вкусовые пристрастия, особенности национальной кухни, названия блюд которой нередко представлены фразеологизмами. Для немцев характерна особая страсть к пиву, что стало причиной возникновения многочисленных фразеологизмов с компонентом *Bier*: *etwas wie sauer Bier anbieten* – стараться сбыть что-то по дешевке, букв. предлагать как прокисшее пиво; *fluchen wie ein Bierkutscher* – в русском языке соответствует выражению «ругаться как извозчик», букв. как пивной извозчик. Возникновение этого сравнения связано с появлением в Берлине в конце 19 века первых крупных пивоваренных заводов, которые развозили готовую продукцию на лошадях, а их возчики *Bierkutscher* стали характерной фигурой того времени. Также у немцев есть свои рождественские и новогодние традиции, например, связанные с выпечкой разнообразных по форме кондитерских изделий – булочек, кренделей и фигурных печений: выражение «*das geht wie's Brezelbacken*» означает, что дело идет, делается очень быстро, букв. как печется крендель; сравнение «*lachen, grinsen wie ein Honigkuchenpferd*» значит «смеяться, ухмыляться», букв. сиять как медовый пряник в форме лошади и соответствует русскому «сиять как медный таз, грош». В этих фразеологизмах отразился старинный обычай печь к рождеству пряники различной формы, например, в Оснабрюке традиционной была форма зайца и лошади, в других городах форма кольца, звезды и т.д. Свежая выпечка является неотъемлемой частью немецкого завтрака и пользуется традиционным спросом, отсюда возникло выражение «*etwas geht (ab)weg wie warme (frische) Semmeln*» – что-то продается нарасхват, букв. раскупается как свежие булочки.

Устойчивые сравнения с топонимическим компонентом не так многочисленны, но их ассоциативный потенциал требует семантизации при изучении языка. Выражение «*aussehen wie der Junge von Meissen*» означает «иметь глупый вид, выглядеть глупо». Общеизвестно, что город *Meissen* был центром фарфорового производства в Германии, именно здесь появилась в начале 18 века первая в Европе фарфоровая мануфактура и до 1840 года у входа на фабрику стояла огромная фарфоровая фигура с глупым выражением лица, которая и послужила основой для подобного сравнения. Выражение «*rauchen wie ein kleines Ruhrgebiet*» означает, что

кто-то курит очень много, букв. как маленькая рурская область, известная как индустриальный район Германии с высокой концентрацией отраслей тяжелой промышленности и неблагоприятной экологией.

Коммуникативная значимость устойчивых сравнений, обладающих национально-культурной спецификой, проявляется и при непосредственной коммуникации, и при работе с материалами средств массовой информации, при чтении художественной литературы. Недостаток фоновых знаний, разъясняющих «историю» возникновения устойчивого сравнения, мешает решению коммуникативных задач: приводит к неправильному или не полному пониманию содержания высказывания.

Таким образом, устойчивые сравнения отражают особенности национального сознания, проявляющиеся в стереотипности суждений и ассоциаций, обладают значительным потенциалом для понимания чужой культуры и, как следствие, для повышения качества межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
- 2.Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: Аст-Пресс Книга, 2016.
- 3.Малькова В. В. Устойчивые сравнения как средство выявления ассоциативного потенциала русских и немецких слов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2014.
- 4.Черданцева Т.З. Язык и его образы. М.: Изд-во ЛКИ, 2010

Y. V. Zhuravleva

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

IDIOMATIC COMPARISONS IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

The cultural potential of idiomatical comparisons with national contexts is considered within the framework of cross-cultural communication.

Idiomatic comparisons, idiom, cross-cultural communication, associative potencial

УДК 81

Е. С. Зубкова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
eszubkova@etu.ru*

ОТНОШЕНИЕ КО ЛЖИ В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРАХ

В статье исследуются отношения ко лжи в русской и американской культурах. Был проведён анализ лексикографических источников, научной, научно-

популярной и художественной литературы. В ходе анализа были выявлены основные сходства и различия в отношении ко лжи в русской и американской культурах.

Психология лжи, ложь, правда, истина, русская культура, американская культура

«Истина никогда, по существу, не приносит добра человеку — это идеал, к которому стремятся математики и философы. В человеческих отношениях доброта и ложь дороже тысячи истин».
Грэм Грин «Суть дела»

«Everybody lies» («Все врут!») - провозгласил однажды герой популярного американского сериала Доктор Хаус. И действительно, любой из нас лгал хотя бы однажды, «ложь – норма не только в медицине, но и в жизни» [5]. Можно даже сказать, что ложь – явление универсальное для всех культур, но отношение к ней диктуют нам наше воспитание, менталитет, культура. На протяжении веков у каждого народа складывались собственные представления о добре и зле, о добродетели и пороке, о лжи и правде, а значит, в каждой культуре сложилось собственное отношение ко лжи.

Понятие «ложь» широко используется не только в науке, в социальной и педагогической практике, но и в повседневной жизни человека. Широкое применение данного понятия неизбежно меняет его содержание, делает его размытым. Как следствие, слово «ложь» зачастую используют как синоним близких к нему по сути явлений, таких как, например, заблуждение и обман. Именно поэтому важно отметить, что в данной работе акцент, в первую очередь, будет сделан на понятие «ложь» в узком смысле. Мы обратимся к представлениям об этом понятии как в русской, так и в американской науке и культуре, чтобы выявить основные существующие сходства и различия.

«В обыденном сознании ложь обычно ассоциируется с негативным, социально неодобряемым действием – обманом» [11]. В словарях русского языка ложь чаще всего определяется как «неправда, обман и искажение истины» [9].

Представление о лжи как о сознательно совершаемом действии отражено и в англоязычных словарях. Так, например, в словаре «Macmillan English Dictionary for Advanced Learners» слово *lie*, эквивалентное русскому «ложь», определено как «something that you say or write that is not true and *that you know is not true*» [2]. Именно тот факт, что говорящий/пишущий осознаёт, что он говорит неправду, отличает понятие «ложь» от заблуждения. Многие русскоязычные и англоязычные авторы сходятся в таком взгляде на ложь. Например, П. Экман определяет ложь как «сознательное искажение известной истины» [13]. Подобное определение мы находим и у российского психолога В.В. Знакова [6]. Как пишет В.В. Зеньковский, «под ложью мы должны разуметь заведомо лживые высказывания с целью кого-либо ввести в заблуждение. Мы имеем здесь три основных момента, одинаково необходимых для того, чтобы была возможность говорить о лжи, - ложное (в объективном смысле) высказывание, сознание того, что это высказывание ложно, и,

наконец, стремление придать заведомо ложной мысли вид истины, стремление ввести кого-либо в заблуждение» [11].

Таким образом, уже сейчас можно сделать промежуточный вывод о том, что определение лжи как «*намеренного решения ввести в заблуждение* того, кому адресована информация, без предупреждения о своём намерении сделать это» [11] является господствующим как в русской, так и в англоязычной научной литературе.

Различия же касаются в первую очередь того, на чём делают акцент русские и американские учёные.

Обратимся к представлениям о лжи, которые сформировались в американской науке. П. Экман определяет ложь как действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчётливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды [13]. Таким образом, при определении лжи мы должны принять во внимание не только самого лжеца, но и жертву обмана. Сходной точки зрения придерживается Ф. Л. Карсон, по мнению которого, «ложь есть умышленно ложное утверждение, которое предназначено для того, чтобы обмануть другого, или предполагает вероятность обмана другого» [12].

Акцент на «другого» в определениях данного психологического понятия в работах англоязычных авторов не случаен, поскольку в англоязычной культуре «ложь обычно рассматривается как одна из форм насилия над обманываемым человеком, как нарушение прав личности» [12]. Именно поэтому В.В. Знаков называет западное понимание лжи *морально-правовым*.

В русской культуре феномен лжи нередко содержит указания на аморальный характер лгущего, например, широко распространённой в русской культуре является фраза «лжёт и не краснеет». По В.С. Соловьёву «ложь – в отличие от заблуждения и ошибки – означает сознательное и потому нравственно предосудительное противоречие истине» [12].

Для русского человека понятия «истина» и «ложь» не просто категории формальной логики, но категории нравственности [8]. Они всегда рассматривались в первую очередь с моральной точки зрения. «Для русской культурной традиции характерно рассмотрение лжи как морально предосудительного деяния субъекта. Солгав, человек берёт грех на душу и за это расплачивается муками совести» [12].

Как пишет В.В. Знаков, «В. С. Соловьёв, И. А. Ильин и другие русские мыслители осуждают солгавшего, потому что он отступает от своей божественной и человеческой сути, но в их определениях лжи нет ни слова о том человеке, которому лжёт субъект. Ложь рассматривается прежде всего как категория нравственного сознания человека» [12]. Именно поэтому русское понимание лжи В.В. Знаков называет *субъективно-нравственным*.

Таким образом, для англоязычной историко-культурной традиции типичным является включение в словарные определения лжи или явного, или подразумеваемого указания на того человека, которому лгут. В русских же определениях ложь рассматривается как аморальное деяние лгущего субъекта, искажающего истину.

Как в русскоязычной, так и в англоязычной научной литературе говорят о необходимости выделять и отличать различные виды лжи. Обратимся к самым популярным классификациям отечественных и англоязычных авторов.

П. Экман выделяет две основные формы лжи: умолчание и искажение. При умолчании лжец скрывает истинную информацию, но не сообщает ложной. Однако

если существует определённая предварительная договорённость, умолчание не является ложью. При искажении лжец предпринимает некие дополнительные действия – он не только скрывает правду, но и предоставляет взамен ложную информацию, выдавая её за истинную.

Кроме двух основных форм лжи, Экман выделяет и иные её разновидности, такие как жульничество, сообщение правды в виде обмана (когда правда сообщается таким образом, чтобы в неё нельзя было поверить).

Теперь обратимся к классификации видов лжи в русскоязычной научной литературе. По В.В. Знакову существуют следующие виды лжи: *откровенная ложь* (неправда, основанная на неверном знании, когда субъект узнал о своём заблуждении, но ему уже неловко признаться окружающим, что он и их вводил в заблуждение); *эгоцентрическая ложь* (отражает монологическую эгоцентричную позицию субъекта, стремящегося удовлетворить значимую для него потребность и не думающего о пользе или вреде, причиняемом ложью конкретному человеку или какой-то группе людей. Иногда она может быть обусловлена не личными, а профессиональными обстоятельствами – как в ситуациях с различными психологическими экспериментами, например, по выявлению конформности личности); *добродетельная ложь* (основана на собственном представлении субъекта о том, что является добром, благом для любого человека, включая его самого); *альтруистическая ложь* (ложь, помогающая объекту лжи и не приносящая никакой выгоды «спасателю») [7].

Важно отметить, что как отечественные, так и западные учёные выделяют как особые виды лжи ложь во благо и ложь во спасение.

Ложь во спасение можно понимать как нежелание причинять боль правдой другому человеку. Примером такой лжи может служить применение плацебо, ведь вместо лекарства больным дают нечто более ценное: уверенность, что они смогут выздороветь.

Для русской научной традиции характерно скорее положительное отношение к данным видам лжи, в то время как англоязычной науке отношение к ним является спорным, и зачастую именно эти виды лжи подвергаются критике в западной литературе.

Лживость – это общечеловеческая черта, и поэтому не одно произведение как русской, так и американской художественной литературы посвящено этому явлению. При этом в литературе отношение ко лжи может проявляться не только прямо (когда герои, рассуждая о лжи, фактически высказывают позицию автора), но и косвенно (когда развитие сюжета, действия героев, отношение к ним других героев в той или иной мере отражают то, как автор относится к данному явлению).

В произведениях русской литературы очень часто ложь предстаёт как способ защититься от «правды жизни», то есть истины. Правда не предстаёт как полный синоним истине, а является своеобразным воплощением представления русского человека о справедливости. Именно поэтому столь часто в русской литературе описывается конфликт между безличной объективной истиной и субъективно-личностной правдой, которая в таком случае фактически представляет собой ложь [8]. Так Ф.М. Достоевский неоднократно отмечал, что при необходимости выбирать между истиной и справедливостью, русский человек, скорее всего, предпочтёт ложь, чем несправедливость. Например, один из героев «Преступления и наказания» Разумихин говорит: «...враньё всегда простить можно; враньё дело милое, потому что

к правде ведёт» [4]. И речь идёт именно о правде, правде русского человека, а не об истине.

«Русское национальное самосознание исторически формировалось на основе представления о том, что истина, не связанная с добром (в частности, справедливостью), – это ущербная истина и даже, может быть, вообще не истина» [8]. Возможно, поэтому столь широкое распространение в русскоязычной культуре получила идея лжи во благо, лжи во спасение.

Тема лжи во благо является одним из излюбленных мотивов в русской литературе. Она находит отражение в произведениях большинства русских классиков. Однако нужно помнить, что если ложь, пусть и утешительная, губит человека, его жизнь, тогда русский человек предпочтёт горькую правду.

Ярким воплощением идеи лжи во благо изначально кажется герой пьесы М. Горького «На дне» Лука. Лука стремится помочь жителям ночлежки, оказавшимся на самом дне, предлагая им ту самую сладкую ложь вместо горькой правды: «Она, правда-то, может, обух для тебя...» [3]. Боль можно смягчить, лишь предложив утешительную ложь. Луку можно назвать идеальным воплощением лжи во благо. Однако Горький выстраивает сюжет пьесы таким образом, что Лука и его идея гуманизма фактически терпят крах. Разрушена жизнь и судьба большинства героев пьесы. В конце пьесы становится очевидным, что писателю гораздо больше импонирует гуманизм Сатина, который является полной противоположностью Луке: он призывает смотреть истине в лицо, не прятаться за ложными иллюзиями, бороться с реальностью, а не закрывать глаза на жестокую истину. Горький доказывает читателям, что рано или поздно ложь, какой бы утешительной она ни была, терпит поражение, рано или поздно она нанесёт вред тому, кто поверил в эту ложь. Устами Сатина Горький говорит, что правда, пусть даже самая горькая, должна побеждать: «Ложь – религия рабов и хозяев... Правда – бог свободного человека!» [3].

Разумеется, ложь во благо – это явление, встречающееся в большинстве культур, а не исключительная реалия культуры русскоязычной. В англоязычной культуре существует такое понятие как *white lie* («a lie that you tell in order not to upset someone» [1]), которое очень близко к нашему представлению о лжи во благо и лжи во спасение.

Примером лжи во благо в англоязычной культуре может служить новелла О.Генри «Гнусный обманщик». В начале произведения Малыш Льяно и консул Тэкер договариваются об обмане, они собираются обмануть семью Урикэ, выдав Малыша Льяно за их давно пропавшего сына. На первых страницах произведения читатель не сомневается, что речь идёт о своекорыстной, подлой лжи. Со стороны консула Тэкера так и есть, он мошенник, обманувший, похоже, не одного жителя города. Однако по мере развития сюжета мы видим, что Малыш Льяно, изначально собиравшийся просто нажиться на этой лжи, обманывает своих «приёмных родителей» уже по совершенно иным мотивам. Мы снова видим идею лжи во благо. И если ложь Луки губительна и даже опасна, то ложь Малыша Льяно направлена на то, чтобы защитить чету Урикэ, она становится *истинной* ложью во спасение. Герой готов лгать всю оставшуюся жизнь, ведь он понимает, что если обман раскроется, то родители, только что нашедшие «сына», которого они давно потеряли, не перенесут крушения иллюзий. Обман не раскрывается, правда не торжествует. Однако О. Генри не только не осуждает своего героя, но и награждает его богатством, счастьем, родительским благословением.

В то же время в другой новелле О.Генри из-за, казалось бы, безобидного обмана главный герой теряет любовь девушки, которая ему симпатична. Речь идёт о новелле «Мишурный блеск». Молодой бедный архитектор Тауэрс Чендлер откладывает деньги, чтобы раз месяц надеть дорогой роскошный костюм и притвориться богачом и бездельником. Однажды он знакомится с девушкой. Молодые люди симпатизируют друг другу, однако, в конце героиня новеллы мисс Мэриан признаётся своей сестре: «... я смогу полюбить его [молодого человека], только если у него будет ясное стремление, цель в жизни, полезная работа. Пусть он будет самым последним бедняком; я не посмотрю на это, я всё сделаю, чтобы помочь ему добиться своего. Но, сестрица, милая, нас окружают люди праздные, бездельники, вся жизнь которых проходит между гостиной и клубом, — а такого человека я не смогу полюбить, даже если у него синие глаза и он почтительно относится к бедным девушкам, с которыми знакомится на улице» [10]. Мы видим, что автор фактически наказывает своего героя за его стремление казаться не тем, кем он является на самом деле. В этой новелле ложь гораздо безобиднее, чем та, с которой мы встречаемся в «Гнусном обманщике», однако герой несёт за неё наказание. Возможно, дело в том, что оправданной, по мнению О.Генри, может быть лишь та ложь, которая нацелена на то, чтобы помочь окружающим людям, которая сделает их жизнь лучше. Ложь же корыстная, эгоистичная, которая ставит в более выгодное положение самого лжеца, не делая ничего хорошего окружающим, или, что ещё хуже, ломающая их жизнь, должна быть наказана.

Таким образом, мы видим, что в произведениях как русской, так и американской литературы, может торжествовать *истинная* ложь во благо, ложь во спасение, в то время как ложь-обман, с добром и добродетелью никак не связанная, терпит крах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lie [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary Online. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 1 апреля 2018)
2. Macmillan English Dictionary. For Advanced Learners. – London: Macmillan Education, 2002. – 1692 с.
3. Горький М. На дне. – М.: Эксмо, 2009. – 640 с.
4. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – М.: Эксмо, 2007. – 608 с.
5. Загадка доктора Хауса – человека и сериала. / Под ред. Л. Уилсон. – Спб.: Питер, 2010. – 283 с.
6. Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблема психологии понимания // Вопросы психологии. № 2. – 1993.
7. Знаков В.В. Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана // Психологический журнал. №1. – 1997.
8. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания [Электронный ресурс] // Теоретические исследования. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1994/942/942055.htm> (дата обращения: 1 апреля 2018)
9. Ложь [Электронный ресурс] // Словарь Ушакова URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 1 апреля 2018)
10. О.Генри. Короли и капуста. Новеллы. – Л.: Лениздат, 1986. – 639 с.
11. Определения понятия «ложь». Формы проявления лжи [Электронный ресурс] // Библиотека «Полка букиниста». URL: http://polbu.ru/grachev_manipul/ch42_i.html (дата обращения: 1 апреля 2018)

12. Почему лгут американцы и русские: размышления российского психолога над книгой Пола Экмана [Электронный ресурс] // HR-Portal. Сообщество профессионалов. URL: <http://hr-portal.ru/article/pochemu-lgut-amerikancy-i-russkierazmyshleniya-rossiyskogo-psihologa-nad-knigoy-pola-ekmana> (дата обращения: 1 апреля 2018)

13. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – СПб.: Питер, 2010. – 304 с.

E.S. Zubkova

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

LIE AND ATTITUDE TOWARDS IT IN RUSSIAN AND AMERICAN CULTURES

The article deals with the phenomenon of lie and attitude towards it in Russian and American cultures. The analysis was conducted on the base of lexicographical and scientific literature, non-fiction and fiction. The main differences of lie interpretation and attitude towards it in Russian and American cultures are described.

Psychology of lying, lie, truth, Russian culture, American culture

УДК 372.881.111.1

В. И. Иовлева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
viovleva@mail.ru*

Н. В. Попова

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
ninaspo@mail.ru*

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АСПИРАНТОВ

Переводческие аспекты курса иностранного языка, важнейшим из которых является реферативный перевод, необходимо сочетать с обучением редактированию авторского научного дискурса на английском языке. Атрибутивные конструкции приведены в качестве примера обучения переводу и редактированию.

Аспирантура, публикационная деятельность, реферативный перевод, редактирование, атрибутивные конструкции.

Новый Закон об образовании, действующий с 2013 года, ввел трехуровневую систему образования, и аспирантура стала рассматриваться как третья ступень высшего образования для подготовки кадров высшей квалификации в научно-педагогической сфере. Повышение статуса аспирантуры от самодостаточной формы

послевузовского(постдипломного) образования до третьего уровня высшего образования и введение Федеральных государственных стандартов по аспирантуре (2014) означают, что в настоящее время для аспирантов необходимо разрабатывать конкретные учебные стратегии и материалы по всем дисциплинам.

Согласно требованиям ФГОС, цель обучения иностранному языку в аспирантуре – это формирование знаний, умений и навыков, входящих в универсальную компетенцию аспиранта УК-4, то есть формирование готовности использовать современные методы и технологии научной коммуникации на государственном и иностранном языках. При этом на третьей ступени высшего образования иноязычная подготовка должна включать обучение таким сложным аспектам как научный устный и письменный дискурс, что должно позволить российским аспирантам не только воспринимать научный текст, понимая его лингвистические особенности, но и продуцировать его в устной и письменной форме.

Необходимость интеграции российской науки в единое мировое научное пространство, позиционирование отечественной науки на международной арене, а также знакомство с передовыми научными разработками иностранных коллег, потребность в реализации совместных международных научных проектов делают иноязычное образование неотъемлемым компонентом подготовки аспирантов. Содержание обучения аспирантов письменному научному дискурсу должно включать обучение написанию аннотаций, тезисов, научных статей, заявок на участие в конференциях, грантах, оформление презентаций, научных отчетов и т.п.

В связи с повышением статуса аспирантуры до третьего уровня высшего образования обучение иностранному языку аспирантов стало обязательным, и оно в долгосрочной перспективе должно внести весомую лепту в решение проблемы повышения конкурентоспособности отечественной науки. Эта проблема осознается в настоящее время на всех уровнях развития нашего общества, от правительственного уровня до уровня конкретного Российского вуза как непосредственного участника научного процесса. Согласно Указу Президента № 599 от 07.05.2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» необходимо обеспечить увеличение доли публикаций наших ученых в мировых научных журналах [1], в частности, индексируемых в базах данных *Web of Science* и *Scopus*.

Общепризнанная методика оценки научного труда, которая отражается в показателях рейтинга преподавателя современного вуза, связана с использованием библиометрических показателей научных публикаций, представленных в котирующихся информационных ресурсах. Наиболее важными при этом являются показатель общего количества публикаций, публикации в журналах с высоким импакт-фактором, а также индекс цитируемости работ интеллектуальных работников или индекс Х. Хирша (h-index), который определяется исходя из количества цитирований работ определенного автора [там же]. Отметим, что если еще несколько лет назад указанные категории публикационной деятельности были знакомы всем только понаслышке, то сейчас они стали близки и понятны всем аспирантам.

В связи с проводимой всеми российскими вузами политикой усиления публикационной деятельности научно-педагогических работников, аспиранты предсказуемо становятся ее непосредственными участниками. Научные руководители сейчас настраивают аспирантов не столько на публикации в системе

РИНЦ (Российский индекс научного цитирования, e-library), и даже не в рецензируемых журналах ВАК (высшая аттестационная комиссия), а на публикации в профильных иностранных журналах на английском языке. Способные аспиранты чрезвычайно мотивированы на преодоление языкового барьера и выход в большой международный мир науки. Когда преподаватель иностранного языка просит аспирантов принести статьи для перевода на английском языке, то некоторые из них приносят свои статьи, уже опубликованные в базах данных *Web of Science* или *Scopus*. Исходя из сложившейся ситуации, мы не очень удивимся, если через несколько лет публикации в престижных иностранных журналах станут обязательными для защиты кандидатских диссертаций.

В связи с тем, что курс иностранного языка в аспирантуре для подготовки к кандидатскому минимуму сейчас сокращен, при том, что значительное количество часов отводится на самостоятельную работу, нам необходимо особенно тщательно подходить к отбору дидактического материала для занятий. Осознавая то, что экзамен на кандидатский минимум включает профессионально-ориентированный перевод с иностранного языка на русский, включение в изучение иностранного языка перевода нам представляется полностью обоснованным. Однако если исходить из более общей направленности курса иностранного языка, или его *сверхзадачи*, то кроме собственно перевода аспирантам нужно дать ориентиры по участию в публикационной деятельности, то есть сформировать у них основы письменно-речевой и редакторской компетенций. Последнее особенно важно в связи с тем, что многие ученые, в том числе и будущие, при написании своих статей не занимаются переводом собственного текста статьи, а пишут сразу на иностранном языке.

Таким образом, курс иностранного языка (ИЯ) в современном вузе должен, на наш взгляд, фокусироваться не столько на конкретных лексико-грамматических и стилистических аспектах перевода, сколько на его применении для написания аспирантами собственных статей на иностранном языке. Если учесть то, что каждая серьезная научная статья должна включать обзор литературы, аспирантов необходимо обучить основам реферирования иностранных статей по своему профилю. Реферативный перевод является для них даже актуальнее полного перевода, поскольку аспиранты, как узкие специалисты по определенной тематике, могут выбрать из реферируемой статьи зарубежного автора только самую существенную информацию, а остальное не рассматривать в своем обзоре. Свертывание информации при реферативном переводе необходимо сопровождать заданием на комментирование полученного реферативного перевода источника с целью его критической оценки для дальнейшего использования в собственной научной продукции. Сжатие информации при реферировании и развертывание информации при оценивании являются важными компонентами научного труда [5].

Сжатие или свертывание информации – это особенно важный этап работы с текстом, поскольку при его проведении обучаемый занимается интенсивным интеллектуальным трудом. Практикуются такие учебные действия как *сравнение* информационно-емких фрагментов текста по степени их релевантности в раскрытии темы, *обобщение* информации, *перефразирование* с одновременным *сокращением* информации, возможное *реструктурирование* информации для более корректного составления реферата или аннотации текста. Основными формами представления свернутой информации являются различные варианты аннотаций и рефератов,

которые затем переводятся самим автором научной статьи для обзора литературы [там же].

При выполнении учебных заданий на реферативный перевод концентрируется внимание аспирантов, у них формируется взвешенный подход к отбору наиболее важных ключевых слов, профилирующих для отражения темы текста терминологических сочетаний. Регулярное обращение к этим заданиям на занятиях по иностранному языку снимет сложности работы аспирантов со специальной литературой на иностранном языке по тематике диссертационных исследований. Включение данных аспектов в программы по иностранному языку будет способствовать массированному формированию универсальных учебных действий [7] и универсальных компетенций, указанных в новых ФГОС 3+ для всех категорий обучающихся.

Что касается полного подробного перевода научного дискурса, то его также нужно практиковать, но концентрироваться, прежде всего, на тех аспектах, которые значительно отличаются от соответствующих элементов русского языка и поэтому вызывают повышенные сложности. Приведем в качестве примера перевод атрибутивных конструкций (*noun chains* или *noun compounds*), которые часто встречаются в заголовках, названиях статей и в самих научно-технических и специальных текстах.

Атрибутивные конструкции относятся к именным словосочетаниям, т.е. к словосочетаниям, у которых ведущим словом является существительное, а в качестве зависимого компонента могут быть различные части речи: прилагательные, причастия, инфинитив, герундий. «Атрибутивная связь, возникающая между определением и определяемым, является наиболее тесной связью между словами. В этом контексте одно слово так подчинено другому, что не имеет самостоятельного значения для предложения. Члены атрибутивного комплекса максимально сливаются, образуя целостную единицу внутри предложения, но при этом связь не достаточно тесная, чтобы речь шла о сложном слове» [3].

Атрибутивные сочетания могут состоять из морфологических единиц разных классов (Number + noun; Pronoun + noun; Participle1 + noun; Participle2 + noun; Adjective + noun), а также из единиц одного морфологического класса, а именно noun + noun. Связь между элементами в атрибутивных группах односторонне зависимая, т.е. выделяется главный элемент и зависимый элемент. Расположение главного и зависимого элементов осуществляется по схеме: прилагательное + существительное. Не всегда возможно поменять их местами. В атрибутивном сочетании основной смысл несет существительное, как элемент, подчиняющий себе зависимое от него прилагательное.

Особый интерес представляет атрибутивная группа: noun + noun, где одно существительное определяет другое. Определяющее и определяемое существительные иногда соединяются дефисом, иногда не соединяются, твердого правила нет. Для обозначения вида словосочетания, представляющего собой ряд трех или более существительных, было введено понятие noun chain. Структура таких словосочетаний следующая: Определение 1- Определение 2- ...Определение N - Главное слово. При этом главное существительное, выполняющее непосредственно функцию существительного, всегда стоит в конце данной цепочки, а все предшествующие стоящие слева являются определениями. Нарушение при переводе данной структуры ведет к искажению смысла высказывания.

Существительные, выступающие в роли определения, переводятся: прилагательным (sound waves – звуковые волны); существительным в родительном падеже (valve replacement – замена клапана); предложным оборотом (purchase agreement – договор о покупке); 4) причастным оборотом (sale benefit – выгода, полученная от продажи). Однако внутри цепочки могут встречаться существительные, определяющие не главное существительное, а одно из существительных цепочки (a super high voltage transmission line – линия передачи сверхвысоких напряжений).

Существительные-определения чаще всего используются в единственном числе, даже если по-русски имеется в виду множественное число (a test result indicator – индикатор результатов контроля). Но студент, не знающий правило о цепочках существительных, может перевести неправильно, например, как «результатирующий тест индикатора». Если цепочка имеет другую конструкцию, например, состоит из трех слов, среднее из которых – прилагательное, причастие или герундий, то перевод такого ряда все равно начинают с последнего слова и придерживаются строго обратного порядка: the round-feeding system (feeding – причастие I) – система подачи снаряда; an air-cooled system (cooled – причастие II) – система, охлаждаемая воздухом.

При переводе на английский язык следует избегать очень сложных цепочек, состоящих из несколько глагольных форм, так как они затрудняют понимание текста. Цепочка может быть и более сложной, так в цепочке определений могут дополнительно участвовать прилагательные, которые могут относиться, как к существительным-определениям, так и непосредственно к главному слову. (The gear must perform straight line motion. –Этот механизм должен выполнять движение по прямой линии.)

При переводе цепочек существительных с английского языка следует придерживаться следующего алгоритма семантического анализа: 1. Выявить ключевое слово. 2. Выявить смысловые группы и проанализировать смысловые связи (слева направо) между словами, составляющими цепочку. 3. Перевести, начиная с последнего ключевого слова, справа налево [2].

Таким образом, при переводе с английского языка необходимо тщательно анализировать структуру предложения для выявления сложных цепочек существительных, а при переводе с русского языка на английский обязательно следует их формировать (чтобы избежать многочисленных предлогов *of*), но стараться использовать цепочки не более трех-четырех слов. Не рекомендуется использовать более трех существительных-определений к одному определяемому существительному.

Проанализировав особенности обучения переводу атрибутивных цепочек, обратимся к рассмотрению их важности в ракурсе написания русскоязычным автором собственной статьи на английском языке. Речь идет, фактически, о редактировании статьи, написанной на английском языке, в плане ее приближения к английскому языку носителя языка. Исходя из особенностей нашего русского менталитета, при изложении собственных идей на иностранном языке, нам трудно избежать буквализма, который, в частности, проявляется в прямолинейной передаче многочисленных конструкций с родительным падежом. Примеры передачи атрибутивных цепочек русскоязычным автором: теория обнаружения цели – the theory *of* the detection *of* the target; измерение неустойчивости поляризации – measurement *of* instability *of* polarization.

Для того, чтобы самому автору эффективно отредактировать свой собственный английский текст, мы предлагаем провести проверку на выявление мест излишне многочисленных предлогов *of*, что можно сделать путем применения поиска в режиме «найти» в правой верхней части экрана монитора. Применяв далее функцию «выделить все» можно получить на экране компьютера все концентрации предлога *of*, подсвеченных желтым или иным цветом. Если на некоторых отдельных строчках аспирант обнаруживает 3-4 предлога *of*, то именно в этих местах ему нужно задуматься о применении атрибутивных цепочек, с помощью которых можно аннулировать стилистически избыточные элементы *of*. В результате редактирования, приведенные нами примеры неправильного перевода атрибутивных конструкций русского языка должны превратиться в приемлемые для английского языка *target detection theory* и *polarization instability measurement*.

Предложенное нами стилистическое редактирование текста на английском языке может быть продолжено в плане добавления артиклей, в особенности, определенного артикля *the*, а также снижения количества употреблений союзного слова *which*, вводящего определительные придаточные предложения, за счет более частого использования причастий (например, вместо *...which was described* можно использовать причастие *described*). Отметим, что причастия практически не используются обучающимися, что также необходимо корректировать в курсе ИЯ.

Таким образом, краткий курс ИЯ для аспирантов можно и нужно оптимизировать за счет сочетания в нем переводческих, письменно-речевых и редакторских компонентов. Кроме этого, при переводе с русского языка на английский рекомендуется также использовать современное программное обеспечение, которое может включать онлайн словари, программы машинного перевода типа Гугл и Промт. Возможно также использование программ, определяющих частотность употребления слов и выражений (поисковик Гугл и др). Их применение предполагает тщательное постредактирование [4] и может способствовать не только совершенствованию лексико-грамматических аспектов, но и выбору адекватной стилистики перевода благодаря оценке частотности употребления искомых элементов редактируемого текста. Важным представляется также развитие у студентов самостоятельных переводческих навыков с опорой на существующие технические средства, то есть задача интеграции современных электронных средств в процесс обучения иностранному языку, поскольку связь перевода и методики преподавания иностранных языков неразрывна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопова М.А., Попова Н.В., Соснина М.Н. Переводческие аспекты публикационной активности научно-педагогических работников современного университета. Вопросы методики преподавания в вузе. СПб., Из-во СПбПУ. Вып.3 (17), 2014. С.34-44.
2. Бородина Т.Ю. Ключевые аспекты и трудности перевода технических текстов (на примере технического руководства). Гуманитарный вестник, 2015. Вып.12. URL: <http://hmbul.ru/catalog/edu/phil/319.html>.
3. Зинатуллин В.Ш., Чибисова Е.Ю. Трудности перевода современных английских научно-технических текстов. URL: <http://docplayer.ru/38649167-V-sh-zinatullin-e-yu-chibisova-moskovskiy-gosudarstvennyy-stroitelnyy-universitet-g-moskva-rossiya.html>.

4. Попова Н.В., Пятницкий А.Н. Использование электронных ресурсов для обучения реферативному переводу студентов технического вуза. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика», Т.8. №1(26). Курск, 2018. С.156-177.

5. Попова Н.В., Пятницкий А.Н. Формирование универсальных навыков переработки иноязычной научной информации посредством обучения студентов реферативному переводу и комментированию. Иностранные языки в школе, 2016, №4. С.2-12.

6. Соловова Е.Н. Чтение в составе универсальных учебных действий: позиции ФГОС и традиционной методики обучения иностранным языкам. Иностранные языки в школе, №4, 2014. С.2-15.

TRANSLATIONAL ASPECTS IN SCIENTIFIC ACTIVITY OF POSTGRADUATE STUDENTS

Translation aspects of the foreign language course, with summary translation being most important, should be combined with teaching the editing of the author's scientific discourse in English. Attributive constructions are given as an example of teaching translation and editing.

Postgraduate studies, publications, summary translation, editing, attributive constructions.

УДК 800

А. М. Лесохина

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
alesoj@yandex.ru*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ИНОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье анализируются тексты публицистического и художественного стилей с точки зрения содержания в них лингвокультурологической информации. Автор дает определение лингвокультурологической информации и описывает структуру ее единицы – культурного концепта. В статье делается вывод, что оценочность и образность публицистических и художественных текстов способствуют увеличению объема содержащейся в них лингвокультурологической информации

Лингвокультурологическая информация, культурный концепт, публицистический текст, художественный текст, оценочность, образность

Одной из важнейших функций газеты является информационная. Однако эта исторически изначальная функция газеты постепенно оттесняется другой – агитационно-пропагандистской – или иначе – воздействующей. Публицистике

свойственна ярко и непосредственно выраженная функция воздействия или экспрессивная. Основной стилевой чертой публицистической речи, связанной с экспрессивностью, является наличие стандарта.

Другой не менее важной стилевой чертой публицистической речи является социальная оценочность. Она обусловлена не только информативным, но и преимущественно воздействующим характером публицистической речи. Принцип социальной оценочности вытекает из особенностей публицистического подхода к миру. Журналист осуществляет свою профессиональную деятельность как представитель, выразитель, защитник интересов и ценностей тех или иных социальных или этнических групп. Следовательно, аксиологическая деятельность журналиста укладывается в оценки той или иной группы. Жанры публицистического стиля – определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы произведений, функционирующие в средствах массовой информации. Обычно выделяют три группы жанров: информационные, аналитические и художественно-публицистические.

Рассмотрим подробнее некоторые типы произведений публицистического стиля:

Репортаж – это жанр новостной журналистики, в котором рассказ о событии ведется (в электронных СМИ) или как бы ведется (в прессе) одновременно с разворачиванием действия.

Интервью – полифункциональный жанр. Это могут быть тексты новостной журналистики, т. е. диалогическая форма представления только что совершившегося или текущего события. Это могут быть аналитические тексты, представляющие диалогическое обсуждение проблемы. Объединяются эти произведения только одним – формой диалога, который ведет журналист с информированным лицом.

Некролог – статья по поводу чьей-либо смерти, содержащая сведения о жизни умершего. Некролог, как правило, содержит краткую биографию умершего, сообщает о том, где и как он работал, о его достижениях, наградах.

Статья – аналитический жанр, в котором представлены результаты исследования события или проблемы. Основной стилистический признак жанра – логизированность изложения, рассуждения, разворачивающиеся от главного тезиса к его обоснованию.

Очерк – художественно-публицистический жанр, требующий образного, конкретно-чувственного представления факта и проблемы. Тематически очерки весьма разнообразны: они могут быть проблемными, портретными, путевыми, событийными. Герой и событие рисуются автором в процессе анализа актуальной общественной проблемы. Актуальная общественная проблема, события, люди предстают перед читателем в свете эмоциональной авторской оценки. Авторское «я» в очерке чаще всего сочетается с активным общением с читателем, особенно в форме «мы» со значением «я, автор, и мой читатель».

Эссе – жанр публицистической прозы, который характеризуется свободной трактовкой некоторой проблемы. Эссеистический стиль отличается образностью, метафоричностью, афористичностью, а также близостью к разговорной речи.

В настоящее время существуют прочные связи между лингво-культурным пространством и пространством масс-медиа [2, с. 29-33]. Следовательно, можно говорить о структуре масс-медийного текста как культурно детерминированной сущности. Возможно анализировать языковую составляющую медиа-дискурса,

преследуя цель обнаружить культураносные единицы языковой системы, то есть те единицы языка, в которых представлена лингвокультурологическая информация. Вместе с тем представляется, что лингвокультурологический анализ масс-медийного дискурса требует обращения не только и не столько к отдельным культурологически маркированным текстообразующим и языковым единицам, как анализа своеобразия, возникающего в результате языковой реализации лингвокультурологических категорий. Под лингвокультурологической категорией понимаются особые категории, которые посредством последовательного выражения при помощи различных языковых средств, несут лингвокультурологическую информацию (ЛКИ), характеризующую определенное лингвокультурное сообщество. К таким категориям относятся категории «свой-чужой», прецедентность и ценностность.

Таким образом, лингвокультурологическая информация – это сведения о культуре общества, выраженные языковыми средствами.

Единицей данной информации является не слово, как в лингвистике, и не текст, как в культурологии, а культурный концепт, то есть ментальное образование, разделяемое всеми членами лингвокультурного сообщества.

Существует мнение, разделяемое многими исследователями, что содержание концепта имеет компонентную структуру: в нем выделяют предметно-образную, понятийную (фактуальную) и ценностную составляющую. Предметно-образное содержание концепта сводится к целостному, обобщенному представлению о некотором предмете, явлении, событии и т. п. Понятийная сторона концепта реализуется через его языковую фиксацию, его обозначение, описание, сопоставительные характеристики по отношению к другим концептам. Эта сторона концепта хранится в сознании в вербальной форме и поэтому может воспроизводиться в речи непосредственно, образный же элемент невербален и поддается лишь описанию. Ценностная сторона концепта проявляется в индивидуально или коллективно значимой информации, обладающей определенной ценностью.

Публицистические тексты безусловно представляют интерес с точки зрения содержания лингвокультурологической информации прежде всего своей ценностной составляющей. В данном аспекте наибольший интерес представляют тексты таких жанров как некролог, очерк и эссе. Некролог насыщен фактами и обладает ярко выраженной оценочностью, связанной с личностью покойного, причем эта оценочность, как правило, является социальной. Очерк характеризуется изобразительным письмом, требует образного, конкретно-чувственного представления факта или проблемы. Актуальная общественная проблема, события и люди предстают в очерке в свете эмоциональной авторской оценки. Эссе отличается образностью, метафоричностью, афористичностью. Перечисленные параметры – информационная насыщенность, социальная и авторская оценочность, эмоциональность, образность, метафоричность – делают данные виды текстов ценными с точки зрения содержания в них ЛКИ. Для подтверждения вышесказанного приведем в качестве примера отрывок из очерка о пожилых кубинцах.

Los abuelos, en las buenas y en las malas

Por Astrid Barnet

La personalidad y el carácter del abuelo dentro del núcleo familiar, de la persona de la llamada tercera edad o adulta mayor, jamás deberá ser subvalorado o menospreciado. Constituye la semilla de cada miembro de una familia: la génesis de sus reflejos y ansias,

de su pensamiento y de su ulterior actitud como ser social a partir del medio donde se desenvuelva.

Pero mucho mas que eso, es el abuelo abrigo y aliento para todos. Es el consejero favorable, positivo, sano, hecho persona para los hijos y nietos. O, como decimos los cubanos, en las buenas y en las malas, siempre va a estar presente el abuelo: ante una desavenencia o desilusión amorosa, un divorcio, la perdida de un ser querido, el fracaso en un examen escolar

Автор данного очерка отождествляет себя с определенной группой, т. е. кубинцами, его оценка роли бабушки и дедушки в семье носит социальный характер. В то же время в целом произведение лирически окрашено, насыщено метафорами.

Оценочность является характерной чертой публицистического стиля. Именно это предоставляет возможности для обучающихся узнать ценностные ориентиры представителей иного языкового сообщества в процессе чтения текстов масс-медиа.

В художественном стиле используются языковые средства всех других стилей, в том числе и типичные для них. Однако при этом в художественном произведении эти средства выступают в измененной функции – эстетической. В художественной речи наблюдается широкая и глубокая метафоричность, образность единиц разных языковых уровней, здесь используются богатые возможности синонимии, многозначности, разнообразных стилевых пластов лексики. Кроме того, художественная речь отличается не только образностью, но и явной эмоциональностью, в целом же – эстетически направленной экспрессивностью. Важнейшее свойство художественной речи (и художественного произведения) – системная взаимосвязь языковых единиц как составных элементов целого, обусловленная идейно-образным содержанием. Более широкое свойство художественной речи может быть названо художественно-образной речевой конкретизацией. Последняя составляет самую общую основную стилевую черту художественной речи. Перевод понятийного плана языка в образный происходит при участии единиц всех языковых уровней: от фонетического до синтаксического.

Общеизвестно, что в классификации литературные виды выделяются в пределах *литературного рода*. Выделяются эпические литературные виды (*роман, повесть, рассказ*), лирические (*стихотворение*), лироэпические (*поэма, баллада*), драматургические (*трагедия, драма, комедия*).

В целом художественной речи свойствен динамизм, что проявляется, в частности, в высоком среднем показателе «глагольности» речи.

Динамичность художественного текста, по мнению Ю. М. Лотмана, отражена в двух его особенностях: 1) смысл в тексте не даётся, а вырабатывается; 2) текст является не реализацией некоторого языка, а генератором языков [3, с. 439-441]. В таком представлении о художественном тексте (где особое значение придается активной роли читателя в выявлении смысла) закреплено его важнейшее свойство: плюралистичность смыслов и как следствие возможность множества различных интерпретаций.

Художественному стилю не свойственна рациональная оценка. Её редкое использование в авторской речи всегда сопряжено с привнесением в произведение публицистического начала. Многие исследователи признают, что художественная литература занимает ведущее место среди источников ЛКИ.

Л. С. Журавлёва и М. Д. Зиновьева утверждают, что литературные произведения отражают определенные моменты исторического развития нации,

содержат в себе информацию о стране социального, политического, экономического, культурного, географического и этнографического характера и в связи с этим обладают значительным страноведческим потенциалом [1, с. 20]. Важность аутентичных художественных текстов для извлечения эксплицитно и имплицитно выраженной ЛКИ подчеркивают методисты А. В. Гусева, И. В. Анурова, О. А. Артемьева и другие.

Именно в них содержится и наиболее полно отражается информация о различных сферах жизни в стране изучаемого языка, раскрывается менталитет носителей языка, с их помощью преодолеваются предрассудки и условности в восприятии чужой культуры. Иноязычный художественный текст отражает аутентичную современную текстовую деятельность инофона, объективирует личностное видение мира, несёт сильный эмоциональный заряд.

Таким образом, тексты художественных произведений содержат ценную лингвокультурологическую информацию, т. к. наиболее точно отражают концептуальную картину мира того лингвокультурного сообщества, которое их создало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлёва Л. С., Зиновьева М. Д. Обучение чтению (на материале художественных текстов). 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Рус. яз, 1988. — 151 с.
2. Иванова С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // (Политическая лингвистика. - Вып. 1(24). - Екатеринбург, 2008. - с. 29-33)
3. Структура текста-81: Тез. симпоз. — М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1981. — 184 с.

A. M. Lesokhina

Herzen State Pedagogical University

CULTURAL INFORMATION IN FOREIGN LANGUAGE NONFICTION AND FICTION TEXTS

The article analyses the texts of journalistic and artistic styles from the perspective of cultural information. The author gives a definition of the cultural information and describes the structure of its unit-cultural concept. The article concludes that the evaluation approach and imagery of journalistic and literary texts have contributed to the increase in the volume of the cultural information contained

Cultural information, cultural concept, journalistic text, artistic text, evaluative, imagery

УДК 811.134.2 (075.8)

Л. В. Литвинова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

felar17@ hotmail.com

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена анализу происхождения некоторых фразеологизмов в испанском языке, в основе которых лежат исторические факты и события. Фразеологические единицы, взятые из популярных испанских фразеологических словарей, снабжены историко-этимологическим комментарием. Также в статье рассказывается об истоках фразеологической науки в Испании.

Фразеологизмы, испанский язык, исторические события и личности, национально-культурное своеобразие

Фразеология – отрасль языкознания, в которой особенно ярко отражено национальное своеобразие языка, история народа и языка, особенности культуры и быта. Она имеет большое значение для практического овладения языком. Использование фразеологических единиц делают нашу речь более яркой, образной и выразительной.

Фразеология в Испании имеет богатые традиции. На протяжении многих веков огромное значение придавалось сбору пословиц и устойчивых выражений. Первые сборники испанских пословиц стали появляться уже в XIV – XV вв. – рукописный сборник пословиц «Romancea Proverbiorum (середина XIV в.), «Senelocium» и «Los refranes que dicen las Viejas en el fuego» Маркиза де Сантьяна (XV в.). Наиболее плодотворными являются XVI – XVII века, когда с эпохой Возрождения просыпается живой интерес к народной речи. Кроме того, это время расцвета испанской литературы. В 1549 году издается первый печатный сборник пословиц арагонского священника Мосена Педро Вальеса «Libro de refranes Copilado por el orden A.B.C...». Стоит также отметить собрания Эрнана Нуньеса «Refranes o proverbios en romance» (1555 г.) и Хуана де Маль Лара «La Philosophia Vulgar» (1568 г.). В XVII веке значимыми стали, несомненно, труды профессора университета Саламанки Гонсало Корреа «Vocabulario de refranes y frases proverbiales» (1627 г.) и «Arte de la lengua española castellana» (1626 г.).

В 1726-1739 гг. появляется первый академический словарь испанского языка «Diccionario de Autoridades» в шести томах, изданный Испанской королевской академией. Уже в полном названии словаря указывается на то, что в него включены не только слова, но и устойчивые выражения, пословицы и поговорки: «Diccionario de la lengua castellana en que se explica el verdadero sentido de las voces, su naturaleza y calidad, con las phrases o modos de hablar, los proverbios o refranes, y otras cosas concernientes al uso de la lengua» («Словарь кастильского языка, в котором объясняется истинный смысл слов, их природа и свойства, с фразами и речевыми оборотами, поговорками или пословицами и другими вещами, касающимися употребления языка»). В словаре прослеживается строгая организация

лексикографического материала: устойчивые выражения представлены в отдельной словарной статье после дефиниций ключевого компонента, а соответствующие пословицы и поговорки приводятся после устойчивых выражений в алфавитном порядке. По возможности в словаре даются примеры их употребления в испанской прозе и поэзии.

В XIX веке развитие фразеологии в Испании продолжается. В 1832 г. Королевская академия публикует седьмое издание академического словаря испанского языка, в котором устойчивые выражения и пословицы уже входят в словарную статью ключевого компонента и отделяются двойной вертикальной чертой.

Одной из ключевых фигур XIX века является испанский лингвист Висенте Сальва, который в 1830 г. публикует грамматику испанского языка «Gramática de la lengua castellana según ahora se habla». В своей грамматике Сальва уделяет внимание двум категориям фразеологических единиц: наречным и союзным (типа *tan pronto como* 'как только', *a fin de* 'с целью', *con condición de* 'при условии'). Новый словарь испанского языка, опубликованный тем же самым автором в 1846 г., представляет собой, как гласит его название, «улучшенную и значительно расширенную версию словаря Королевской академии» («la última edición íntegra, muy rectificada y mejorada, del publicado por la Academia Española») и включает несколько тысяч устойчивых выражений и пословиц. Следует отметить еще две работы, касающиеся фразеологии: «Tratado de gramática razonada con aplicación decidida y constante al estudio del idioma español.» (1885 г.) Грегорио Эррайнца и «Arte de hablar. Gramática filosófica del español» Эдуардо Бенота (1910 г.).

Итак, в Испании к концу XIX века был сделан значительный шаг в лексикографическом описании фразеологических единиц. Однако возникновение фразеологии как науки в Испании традиционно связывают с именем известного испанского лексиколога и лексикографа Хулио Касареса, который посвятил фразеологии целый раздел в своей монографии «Introducción a la lexicografía moderna», опубликованной в 1950 году.[3]

Во фразеологических единицах с большой полнотой отражены национальные особенности языка. Многие фразеологизмы современного испанского языка возникли в глубокой древности. Происхождение большинства фразеологических единиц тесно связано с жизнью народа и его историей, так как основу знаменательных фразеологизмов составляют переосмысленные свободные словосочетания, в семантике которых отражены определенные общественные факты. В.С. Виноградов выделяет следующие основные пути возникновения фразеологизмов:

1. Профессиональная деятельность.
2. Обычаи нравы и история народа.
3. Фольклор и мифология.
4. Литературные произведения.
5. Пословично-поговорочные фонды языка.

Большое количество фразеологизмов испанского языка связано с античной мифологией, историей, литературой. Многие фразеологические единицы, восходящие к античной мифологии и библейским сюжетам, вполне понятны при прямом переводе, так как совпадают по значению, лексическому составу, грамматической структуре, образности и стилистической направленности в разных языках. К ним можно отнести, например, такие фразеологические единицы, как

«нить Ариадны» - *el hilo de Ariadna*, «гордиев узел» - *nudo gordiano*, «яблоко раздора» - *manzana de (la) discordia*, «ахиллесова пята» - *talón de Aquiles*, «авгиевы конюшни» - *establos de Augias*, «перейти Рубикон» - *pasar el Rubicón*, «сизифов труд» - *trabajo de Sísifo*, «ящик Пандоры» - *caja de Pandora*, «пиррова победа» - *victoria pírrica*, и др.

В данной статье мы рассмотрим примеры фразеологизмов, содержащих историческую информацию.

Фразеологизм *estar en Babia* означает «быть рассеянным, витать в облаках». Наиболее вероятно, что данное выражение связано с тем историческим фактом, что короли Леона имели обыкновение длительные периоды времени находиться на отдыхе в Бабии, горной местности в Кантабрии, между современными провинциями Леон и Астурия, охотясь на медведей, косуль и кабанов. Когда какое-либо государственное дело требовало присутствия короля, придворные отвечали: «*el rey está en Babia*» («король находится в Бабии»). Это физическое отсутствие в дальнейшем стало означать отсутствие духовное.

Фразеологизм *poner una pica en Flandes* употребляется в наши дни в значении «успешно завершить трудное предприятие». История повествует о трудностях, которые испытывала испанская армия в XVII веке при вербовке солдат для полков, находящихся во Фландрии, особенно солдат-пехотинцев, которые захотели бы взять пику и сражаться в первых рядах. Проблему с нехваткой добровольцев не решило даже значительное повышение жалованья. Эти трудности и породили данное выражение.

Фраза *Manos blancas no ofenden* указывает на то, что обида не производит никакого эффекта на обиженного из-за характера личности обидчика. Эту фразу приписывают одному из самых бессовестных интриганов, которые когда-либо вращались при испанском королевском дворе, дону Франсиско Тадео де Каломарде (1773-1842), министру юстиции короля Фернандо VII. Находясь на этом посту, Каломарде беспощадно преследовал либеральную партию. Под его влиянием тяжело заболевший король издал в 1832 году декрет, которым в Испании восстанавливался салический закон, отменённый в 1830 году. После этого Каломарде стал предметом всеобщей ненависти. Так обстояло дело, когда инфанта Луиза Шарлота, сестра королевы Кристины и невестка короля, сторонница того, чтобы правила ее племянница Изабелла, дала ему пощечину на глазах у всего двора. Как говорят, министр ответил фразой, ставшей знаменитой, «Белые руки не обижают, сеньора». Когда выздоровевший король объявил декрет 1832 года недействительным, Каломарде был вместе с другими министрами уволен и сослан в Арагон, но ему удалось бежать во Францию, где он и умер в 1842 г. в Тулузе. Вся эта история, как теперь известно, привела к карлистской войне в Испании. К этому же периоду в истории Испании относится и фразеологизм *darse el abrazo de Vergara*. Это выражение используется, чтобы дать понять, что между двумя или более людьми было достигнуто примирение, которое казалось почти невозможным, и оно относится к мирному договору, который положил конец первой карлистской войне. Этот договор был подписан в Оньяте 29 августа 1839 года. 31 августа он был ратифицирован в местечке Вергара и скреплен объятиями генералов Бальдомеро Эспартеро (1793-1879) и Рафаэля Марото (1783-1847), главами войск Кристины и Карла, соответственно.

Фразеологизм *tener (pasar) más hambre que un maestro de escuela* со значением «быть очень голодным» является сегодня далеким воспоминанием о тех временах, когда учителям платило не государство, а муниципалитеты. Многие учителя, особенно те, которые работали в маленьких поселениях, подолгу не получали зарплату, и так довольно скудную. Это приводило многих из них к нищете и к тому, что их должны были содержать местные жители. Королевский указ в октябре 1901 года предписывал государству брать на себя обязанность выплачивать зарплату учителям, включая долги по зарплате. Интересен один из вариантов этого фразеологизма *tener más hambre que Rasputín en la corte*, так как в нем фигурирует фамилия нашего соотечественника. Григорий Ефимович Распутин (1871-1916) был известной личностью при дворе последних русских царей. Его считали целителем и даже колдуном, который имел сверхъестественные способности и мог совершать чудеса. По слухам, ходившим в то время, ему не нужна была еда для поддержания жизни. Отсюда и пошло это выражение.

Фразеологизм *los últimos de Filipinas* используется для обозначения людей, которые остаются на одном месте или до последнего защищают какую-либо идею. Это выражение своим происхождением обязано одному из эпизодов испано-американской войны, защите филиппинского форта Балер немногочисленным испанским гарнизоном. 14 августа 1898 года сдалась американцам столица Филиппин, Манила. Это событие завершило войну и положило конец испанскому владычеству на Филиппинах. Однако небольшое количество солдат форта Балер не знали, что война закончилась, и продолжали сопротивляться до последнего. Этих героев после выхода на экран одного из фильмов 30-х годов стали называть «последними с Филиппин», и они стали символизировать борьбу за недостижимые идеалы. К этому же историческому периоду относится появление фразеологизма *Más se perdió en Cuba*. Употребляя этот фразеологизм, мы стараемся успокоить того, кто в чем-либо потерпел неудачу. В действительности с потерей Кубы и Филиппин в 1898 году Испания увидела, как окончательно разваливается ее четырехсотлетняя колониальная империя.

Интересный материал можно обнаружить во фразеологизмах, которые содержат в своем составе имя какого-либо исторического персонажа. Следует заметить, что в русском языке такие фразеологические единицы практически не встречаются. Употребление такого типа фразеологизмов в испанском языке отражает культурную специфику нации, своеобразное отношение испанцев к миру и человеку.

Например, фразеологизм *caro como aceite de Aparicio* используется, чтобы сказать, что что-то стоит очень дорого. Масло Апарисио представляло собой бальзам для заживления язв и ран, изобретенный неким Апарисио де Сувья в 16 веке. Этот бальзам был чрезвычайно популярен, впрочем, как и его создатель, и стоил баснословно. Однако, по-видимому, результаты применения данного снадобья, как терапевтические для больного, так и экономические для изобретателя, были столь невероятными, что это привело к появлению данного фразеологизма.

Escribir más que El Tostado означает «писать много и обо всем». Алонсо Тостадо (1400-1455) был преподавателем университета Саламанки, а затем епископом города Авилы. Рассказывают, что он имел превосходную память и был способен декламировать без ошибок огромнейшие отрывки из Библии и все произведение *Summa Teologica* Святого Томаса Аквинского. В эпитафии на его могиле можно

прочитать следующие слова: «...es muy cierto, que escribió en cada día tres pliegos, de los días que vivió ...» («...достоверно, что он писал каждый день по три страницы все дни своей жизни ...»). Если это так, и если принимать во внимание, что он прожил 55 лет, то можно предположить, что за всю свою жизнь он написал более 70 тысяч страниц. Что действительно известно – это то, что он оставил одно произведение на латыни, которое насчитывает 24 тома ин-фолио, а также бесчисленные сочинения на испанском языке.

Saber más (ser más listo) que Lepe – «быть очень умным, очень находчивым и проницательным». Эта выражение относится к историческому персонажу дону Педро де Лепе и Дорантес (1641-1700), епископу Калаорра, человеку известному среди своих современников широкой образованностью. Он написал Католический Катехизис, который был очень популярен среди его современников. Похожий фразеологизм *saber más que el maestro Ciruelo* – «быть очень образованным», имеет отношение к еще одной известной в прошлом личности, гуманисту и математику Педро Сируэло, который жил в первой половине XVI века и достиг большого признания в свое время. Есть сведения, что он учился в Алкала де Энарес, Саламанке и Париже. Там он получил докторскую степень по теологии и занимался математикой. В дальнейшем он стал наставником Филиппа II и преподавателем теологии в Алкала. Он опубликовал большое количество книг по различным предметам: математике, теологии, анатомии, астрологии, музыке и др. По иронии, сегодня называют *ciruelo* не очень умного человека.

¡Averígüelo Vargas! Это выражение используется, чтобы дать понять, что узнать что-то, получить объяснение или понять мотивы чего-либо чрезвычайно сложно. Дон Франсиско де Варгас был персонажем очень известным при дворе Католических Королей. В обязанности Варгаса входило узнавать и сообщать королеве Изабелле обо всем, что происходило при дворе, а также о жалобах и притязаниях придворных. Эта фраза даже фигурировала в королевских указах как устойчивая формулировка, когда Варгасу поручалась какая-то миссия. Ко времени католических королей восходит и выражение *A buenas horas, mangas verdes*. Оно употребляется в качестве упрека кому-либо за то, что он пришел поздно на помощь другому человеку, или чтобы намекнуть кому-то, что тот говорит что-то не ко времени и не к месту. Этот фразеологизм отсылает нас к концу XV века, когда Католические Короли основали корпус Святого Братства, своего рода сельскую полицию, предназначенный для оказания помощи сельским жителям в чрезвычайных ситуациях. Также ему поручалось преследовать, судить и наказывать за преступления, совершенные за пределами городов. Форма членов корпуса Святого Братства состояла из подобия камзола с зелеными рукавами, и, похоже, они не отличались расторопностью. Во многих текстах той эпохи содержатся прямые намеки на это, то есть на опоздание, с которым они приходили на помощь.

Изучение этимологии фразеологических единиц имеет большое значение, так как фразеологический фонд любого языка является хранилищем и источником информации о национальной культуре и языке, и позволяет выявить национально-культурное своеобразие народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка/ В. С. Виноградов. – М., 1985

2. Михеева Н. Ф. Испанский язык и межкультурная коммуникация. – М.: Academia АПК и ПРО, 2003
3. Жолобова А. О. Об истоках фразеологической науки в Испании, Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Том 155, кн. 5., 2013 <http://cyberleninka.ru> >Грнти >n/ob – istokah...
4. Гишкаева Л. Н. Историко-этимологический аспект фразеологизмов в испанском языке. Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность, 2014 <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriko...frazеologizmov...>
5. Испанско-русский фразеологический словарь/ под ред. Э. И. Левинтовой. – М., 2003
6. Aranda C. Dichos y frases hechas. – Zaragoza: Edelveis, 2002
7. Buitrago Jiménez, Alberto. Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid: Espasa Calpe, 1995

L.V. Litvinova

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

PHRASEOLOGICAL FUND OF SPANISH LANGUAGE AS A SOURCE OF CULTURAL AND HISTORICAL INFORMATION

The article is devoted to the analysis of some phraseological units, based on historical facts and events. Phraseological units, taken from popular Spanish phraseological dictionaries, are provided with historical and etymological comments. It also gives a brief survey concerning the origin of phraseology as a linguistic discipline in Spain.

Phraseology, Spanish language, historical facts and events, national peculiarities of language

УДК 394.91

А. П. Нагдасева

*Санкт-Петербургский Государственный университет,
nag02@inbox.ru*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ГЕРМАНИИ

В данной статье анализируются проблемы межкультурной коммуникации в Германии. Рассматриваются различные типы классификации культур, разработанные Б. Уорфом, Э. Холлом, Ф. Тромпенаарсом и Р. Льюисом. При взаимодействии с деловыми партнёрами из Германии необходимо соблюдать определённые правила вербального и невербального общения. Структура немецкого языка, во многом, определяет мыслительный процесс и влияет на ведение переговоров в политической сфере и в бизнесе.

Немецкий язык, переговорный процесс, навыки коммуникации, бизнес-культура

На сегодняшний день английский язык считается языком дипломатии и международной торговли. Тем не менее, это не означает, что он способен заменить использование других национальных языков в политике и в мировой торговле. Германия относится к числу ведущих государств в мире и вносит значительный вклад в рост мировой экономики. Поэтому немецкий язык достаточно часто используется при заключении договоров и внешнеэкономических контрактов, особенно, в европейских странах. Германия объективно является самой экономически развитой страной Европы. В сфере внешней торговли она ориентируется, прежде всего, на экспорт, поэтому стремится устанавливать и поддерживать взаимовыгодные отношения с торговыми партнёрами по всему миру. В этой связи интересным предметом для исследования становятся особенности германской деловой культуры и основные правила, которые необходимо соблюдать при ведении переговоров с представителями Германии.

Межкультурная коммуникация представляет собой взаимодействие носителей разных культур. Существует множество определений термина «культура». Так, американский исследователь Эдвард Т. Холл писал: «Коммуникация – это культура, культура – это коммуникация». В широком смысле культуру можно представить как систему духовных, материальных, эмоциональных и интеллектуальных особенностей, характерных для определённого общества или социальной группы. Социальная коммуникация является неотъемлемой частью культуры, так как позволяет хранить, распространять и использовать культурные ценности. [4]

Существует представление о том, что в условиях глобализации происходит сближение различных культур, устранение национальных различий. Тем не менее, в политической сфере и в международном бизнесе культурные особенности по-прежнему имеют большое значение. В особенности, это проявляется при организации совместных предприятий или длительных деловых переговоров.

Необходимо отметить, что при исследовании определённого мировоззрения, характерного для представителей данной культуры, учёные вынуждены идти на некоторые обобщения. В одной стране могут существовать предприятия с разными корпоративными культурами. Тем не менее, их общие представления об окружающей действительности непременно проявляются в поведении. [2]

Существует несколько классификаций культур. По способу организации человеком своего времени выделяют:

- моноактивные культуры, ориентированные на задачу, чётко планирующие деятельность;
- полиактивные культуры, ориентированные на людей, общительные;
- реактивные, интровертивные, ориентированные на сохранение уважения.

Согласно данной классификации, Германия относится к числу моноактивных культур. Следовательно, немцы придают большое значение анализу проекта, его делению на этапы. Они стремятся решать проблемы в чёткой последовательности. Особенностью представителей Германии является концентрация на одном конкретном деле в данный момент времени, так как они работают по заранее составленному графику. Для деловой культуры Германии характерны уважение официальности и опора на логику. Одной из основных черт является сильная убеждённость немцев в том, что на переговорах они ведут себя честно и прямо. Они также ожидают от своих деловых партнёров искренности, честности и надёжности.

В то же время можно отметить их склонность к резкости и открытому выражению своего несогласия, а не к любезностям и дипломатии. [2]

В соответствии с классификацией Ф. Тромпенаарса Германия относится к числу стран с культурой достижений. Статус человека определяется успешностью выполнения им своих функций, учитываются личные качества и поступки. В культуре принадлежности, к которой принадлежат, например, страны СНГ и Ближнего Востока, место в обществе зависит от внешних факторов, возраста, происхождения, религии, элитного образования и т. д. [3]

Немцы с уважением относятся к имуществу и собственности. Они придают большое значение солидным зданиям, дорогой мебели, автомобилям и хорошей одежде. Однако они демонстрируют символы власти и успеха более сдержанно, чем американцы. При ознакомлении с продукцией компании необходимо уделять внимание печатным изданиям, а не ярким лозунгам и художественным иллюстрациям. Брошюры должны быть подробными и содержать фактические подробности. Также товар должен полностью соответствовать приложенному описанию.

Представители других культур часто испытывают трудности при работе и заключении сделок с немцами. Данные проблемы связаны с достаточно жёсткими правилами, которыми руководствуются немецкие фирмы. Процедуры переговоров в Германии, как правило, более формализованы, чем в других странах. Для того, чтобы сотрудничество было успешным, необходимо проявлять уважение к основным ценностям данной деловой культуры. Прежде всего, нужно обращать внимание на статус должностного лица. Иностранцы должны обладать определённой квалификацией, чтобы произвести впечатление серьёзного специалиста. В работе нужно проявлять пунктуальность и аккуратность. Порядку придаётся первостепенное значение для достижения благосостояния. Согласие в процессе переговоров достигается путём разъяснения своей позиции, а не убеждением и открытым спором. В рабочем коллективе всегда соблюдается иерархия. При этом возможно указать на совершаемые ошибки своим коллегам. Критика должна носить ясный и конструктивный характер. В сложных ситуациях следует оказывать помощь подчинённым, инструктировать и контролировать их. При выполнении работы не рекомендуется выполнять несколько дел одновременно, так как высоко ценится спокойная целеустремлённость. Следует отметить, что коммуникация в Германии носит не горизонтальный, а вертикальный характер. Это означает, что большинство идей для бизнеса необходимо сообщать начальнику или подчинённому.

Немцы, в основном, отличаются обязательностью и выполняют то, о чём они договорились устно. Они открыто указывают на недостатки товаров, однако могут быть чувствительными к критике в свой адрес. Представители Германии всегда приходят хорошо подготовленными к встрече и ожидают этого от своих деловых партнёров. Несмотря на то, что они обладают хорошими способностями к языкам, они часто могут не владеть достаточной информацией о культуре другой страны.

Язык является важнейшим средством коммуникативной деятельности. Структура немецкого языка отличается строгой дисциплинированностью и логичностью. Она включает в себя длинные составные слова, которые часто выражают сложные понятия. Поэтому при ведении переговоров монолог на немецком языке будет серьёзным и сконцентрированным на важных вопросах. [2]

Тем не менее, язык служит не только для передачи сообщения. Он также отражает национальный характер и философию народа. Язык не только позволяет

выражать мысли человека, но и определяет их ход. [1] Для немцев, как и для французов, характерна опора на логику. Они стремятся собрать как можно больше фактов и тщательнее проработать свои аргументы, чем жители Великобритании или Франции. Если французы готовы к жёсткому ответу в споре, то немцы не отличаются гибкостью и в своих взглядах не согласуются с аргументами собеседника. Они зачастую приводят тяжеловесные доводы в доказательство своей правоты. При этом следует ожидать, что они продумывают возможные контраргументы своих деловых партнёров. Немцы нелегко отказываются от своих аргументов и редко изменяют свою позицию. При ведении беседы необходимо проявлять терпение, так как они склонны возвращаться к обсуждению деталей. Для успешного ведения дел с представителями Германии необходимо уделить время налаживанию сотрудничества.

Языки разных культур отличаются не только грамматикой, лексикой и синтаксисом. Они по-разному воздействуют на слушателя. Известно, что в американском языке часто употребляются гиперболы, при этом британский английский более сдержан. Существует разделение культур на низкоконтекстуальные и высококонтекстуальные. Для низкоконтекстуальной культуры, к которой принадлежат немцы, характерна низкая степень влияния традиций на поведение индивида. Данная культура ориентирована на факты, поэтому представители Германии стремятся получать детальную информацию и инструкции для выполнения определённых задач. При выполнении работы немцы не используют юмор. В немецком языке существует жёсткая система окончаний и строгий порядок слов. Низкое число омонимов и прозрачная словообразовательная система способствуют тому, что немецкий язык хорошо подходит для формулирования чётких приказаний. В деловых документах часто употребляется обращение на «Вы», что свидетельствует об ожидании подчинения и укрепляет иерархию при коммуникации. В отличие от американского английского, немецкий язык менее гибкий в тех случаях, когда необходимо воодушевить подчинённых. Сложность делового общения для немцев состоит в том, что падежные окончания накладывают определённые ограничения, поэтому фразу трудно прервать на середине или изменить. Речь строится с учётом рода подлежащего и морфологии. В немецком языке существует категория рода, как в русском, а также категория артикля, как в английском. Собеседнику необходимо внимательно слушать фразу до конца, чтобы понять её смысл, так как глагол находится на последнем месте.

Разнообразие речевых стилей зачастую усложняют общение на международном уровне. Различия в поведении, обусловленные культурой и языком, могут вызвать затруднения у иностранцев.

Если в процессе переговоров у собеседников не возникает разногласий, а обсуждаемые вопросы достаточно просты, то лингвистические барьеры появляются лишь в небольшом количестве. Но когда возникает непонимание, язык зачастую перестаёт быть нейтральным и особенности национальной культуры проявляются более явно. Представители Германии чаще всего предпочитают решительно, уверенно и последовательно добиваться своей цели. В отличие от них, англичане могут прибегать к юмору и сглаживанию остроты конфликта.

Нельзя не отметить, что общение предполагает не только наличие коммуникативных навыков, но и умение слушать собеседника. Немцы относятся к хорошим и внимательным слушателям, в отличие от французов или испанцев. При

необходимости они задают вопросы, чтобы убедиться в том, что правильно поняли сказанное.

Различные деловые культуры могут по-разному воспринимать общепринятые понятия. Так, слово «контракт» имеет множество значений при переводе на различные языки. В Швейцарии, Германии, Франции или США контракт - это договор, подписанный сторонами и имеющий обязательную силу. При этом в Японии деловые соглашения считают предварительным документом, который можно изменить в зависимости от обстоятельств. В Южной Америке договор рассматривают как идеальный вариант соглашения, который принимается для того, чтобы устранить имеющиеся у сторон противоречия.

В основном, большую часть переговоров занимает словесная дискуссия. Однако считается, что более 80% информации передаётся путём невербальной коммуникации. К данным средствам общения относятся мимика, жесты, поза, интонация и др. На понимание собеседника и чувство комфорта сильное влияние могут оказать место проведения переговоров, порядок рассадки, расстояние до человека. Поэтому необходимо иметь представление о правильном поведении на переговорах с представителями Германии.

В частности, немецкие руководители обычно не рассчитывают, что к ним будут обращаться по имени. Немцы также довольно сдержанно относятся к прикосновениям к собеседнику. Они высоко ценят официальный стиль в одежде, что создаёт впечатление о серьёзности партнёров по переговорам. Кроме того, немцы склонны всерьёз воспринимать речь собеседника, даже если он использует шутливый тон. Поэтому зачастую неформальный стиль поведения американцев не вызывает одобрения у представителей Германии.

Особое внимание следует обращать на выражение лица, резкость голоса и манеру поведения. Улыбки чаще всего выражают прогресс в переговорах, но могут говорить о смущении или гневе. Как в США, так и в Германии молчание в ответ на деловое предложение рассматривается как отказ. Паузы между высказываниями в немецком языке длятся две-три секунды, а в английском языке они почти не заметны. Для западных культур зрительный контакт относится к числу важных элементов общения. Если человек не смотрит на своего собеседника, то это можно принять за неискренность. В то же время у азиатских подчинённых не принято смотреть в лицо начальнику, так как такие действия могут быть расценены как дерзость и неуважение.

Немцы, как представители моноактивной культуры, зачастую чувствуют себя неудобно, сталкиваясь с театральными жестами и поведением представителей полиактивных культур. С самого начала переговоров у них может возникнуть чувство дискомфорта, так как нарушается их пространство комфортного общения. Немцы считают, что иностранцы не должны нарушать территорию в пределах 1,2 м от человека. Приветствие пожатием рук демонстрирует уважение к коллегам. [2]

Очевидно, что межкультурные факторы продолжают влиять на процесс переговоров и ведение бизнеса. Поэтому для того, чтобы установить контакт с иностранным собеседником, необходимо не только изучить его язык, но также иметь общие знания о литературе и истории данной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веретенников А. А. Язык и сознание Бенджамина Уорфа // Эпистемология и философия науки, 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/yazyk-i-soznanie-bendzhamina-uorfa>
2. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию Пер. с англ. — 2-е изд. М.: Дело, 2001.
3. Персидская О. А. Параметры сравнения культур Г. Ховстеде и Ф. Тромпенаарса: сходство и различия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета, 2012. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/parametry-sravneniya-kultur-g-hovstede-i-f-trompenaarsa-shodstvo-i-razlichiya>
4. Dumitrescu V. M. Culture as communication: communication style across and within cultures // The Bucharest University of Economic Studies.
URL: <http://synergy.ase.ro/issues/2013-vol9-no-1/15-virginia-mihaela-dumitrescu-culture-as-communication-communication-style-across-and-within-cultures.pdf>

A. Nagdaseva

Saint Petersburg State University

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN GERMANY

This article analyzes problems of cross-cultural communication in Germany. It considers different types of classification of cultures, according to B. Whorf, Edward T. Hall, F. Trompenaars and Richard D. Lewis. Particular rules of verbal and non-verbal behavior should be used when making contact with a German counterpart. The structure of the German language, in many ways, determines the thinking process and influences the conduct of negotiations in politics and business.

German language, negotiating process, communication skills, business culture

УДК 372.881.1

Е. А. Нешта

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
etta_sun2009@inbox.ru*

ПРАКТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

В статье предпринята попытка рассмотрения практических и теоретических проблем межкультурной коммуникации в процессе обучения, и авторы пришли к выводу, что для осуществления межкультурной коммуникации необходимо обучение людей способам и средствам установления межличностных контактов в новом окружении, овладения ценностями, нормами, ролями в чужой культуре.

Межкультурная коммуникация, межкультурное взаимодействие, культура, обучающиеся.

В современном мире все более осознается тот факт, что многообразие языковых сообществ и культур, являясь бесценным уникальным наследием должно превратиться из фактора, препятствующего диалогу между представителями разных культур, в средство взаимного понимания и обогащения. В наши дни никого не удивишь встречей с иностранцами и иностранными студентами на улице. Но мало кто понимает, как осуществлять коммуникацию с представителями другой культуры. Цель статьи состоит в исследовании проблем межкультурного общения и вовлечении обучающихся в этот процесс и подтверждении факта необходимости и важности научных исследований особенностей межкультурного общения и средств невербальной коммуникации с представителями других стран. И если речь идет о «выходе» в общеевропейскую и мировую сферы общения, то вопрос заключается в последовательном приобщении обучающихся к иностранным языкам.

Межкультурная коммуникация - совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам. И это общение предполагает как прямые, так и косвенные взаимодействия между людьми и сообществами, включая язык, речь, письмо и средства информационных и коммуникационных технологий.

Исходным при решении практических проблем межкультурной коммуникации является тезис о том, что кросскультурная коммуникация должна сопровождаться изучением культуры народа – его носителя [2, С. 26]. Современной моделью овладения иностранным языком, позволяющей рассматривать язык не в абстракции от развивающегося человека, а как сторону человеческой личности, выступает концепт языковой личности, а применительно к обучению иностранным языкам – вторичной языковой личности. Овладеть суммой знаний о картине мира – значит выйти на когнитивный (тезаурусный) уровень языковой личности. При подготовке активного участника межкультурной коммуникации важно научить носителя образа мира одной социально-культурной общности понимать носителя иного языкового образа мира [7, С. 125]. Понять какую-нибудь фразу или текст означает, пропустив ее через свой тезаурус, соотнести со своими знаниями и найти соответствующее её содержанию место в картине мира. В процессе изучения иностранного языка обучающийся не только овладевает знаниями, умениями и навыками оперирования языковыми средствами - с новым языком ему открывается новая картина мира и, соответственно, его сознание «удваивается». Таким образом, перед лингводидактикой на современном этапе выдвигается принципиально новая задача формирования вторичной (удвоенной) языковой личности в результате обучения иностранному языку, что предполагает приобщение обучающегося через новый язык к новым картинам мира [6, С. 124-128]. Обучающийся уже является носителем одного языка, его сознание сформировано родным языком, по отношению к которому он будет осмысливать и оценивать иностранный язык. Вот почему при обучении иностранному языку речь идет о согласовании в пределах индивидуального сознания двух смысловых контекстов, родного и иноязычного, то есть о формировании билингвального сознания [8, С.24-28].

Формирование личности происходит в коммуникативном пространстве языковой среды. Иногда язык отождествляется с собственно средой, которая окружает наше бытие и без участия которой ничего не может произойти в нашей жизни. Она не существует вне нас как объективная данность, а находится в нас самих, в нашем сознании, в нашей памяти, изменяя свои очертания с каждым движением мысли, каждым проявлением личности. Все эти умозаключения характеризуют родную языковую среду, где изначально формируется языковая личность. Что происходит с языковой личностью, когда она попадает в иноязычное языковое пространство и шире – в иноязычную среду? Очевидно, что полная реализация языковой личности в инокультуре и иноязыке не всегда будет соответствовать навыкам и умениям, которые сформированы на базе родной культуры и языка. И иносреда, особенно на первых порах в ней пребывания, будет скорее вне обучающегося, чем внутри него. Взаимодействие накопленного «родного багажа» языковой личности и новых реалий с иноязычной средой происходит в пространстве, расположенном в системе трех координат: действительность, язык и сознание. Таким образом, только осознав основные закономерности новой действительности и нового языка, языковая личность имеет шанс реализоваться и удовлетворить необходимые потребности своего бытия в иноязычной сфере. Причем механизм формирования новой языковой личности в иноязычной среде будет иметь как сходство, так и различие с аналогичным процессом в условиях родной языковой среды [4, С.336]. В родной языковой среде превалирует усвоение языка через действительность, а в иноязычной – наоборот: действительность усваивается через язык. Поэтому можно выделить те факторы воздействия на языковую личность в иноязычной среде, которые способствуют скорейшему усвоению нового языка, аккумулируют ее формирование и реализацию на иностранном языке. Во-первых, это естественный достоверный видеоряд, который включает в себя статичную и мобильную наглядную действительность, невербальные проявления социокультуры в языковой среде. Во-вторых, это естественный достоверный аудиоряд, который включает в себя всю воспринимаемую на слух информацию окружающей языковой среды. В-третьих, это естественный ситуативный ряд. Мы рассматриваем его как совокупность взаимозависимых и взаимообусловленных компонентов: речевой ситуации, коммуникативного поведения, социокультурного стереотипа общения и межкультурного языкового контакта [5, С.234]. В-четвертых, это насыщенный ряд национальных фоновых знаний, инокультуры. В-пятых, это обучающая стихия языка.

Межкультурная коммуникация – это совокупность специфических процессов взаимодействия партнеров по общению, принадлежащих к разным культурам и языкам, осознающих тот факт, что каждый из них является «другим», и понимающих некую «чужеродность», «инаковость» своего партнера по общению [9, С.1533-1540]. Непонимание в момент общения может возникнуть именно из-за разницы культур, и это необходимо понимать, чтобы в дальнейшем решить данную проблему посредством коррекции поведения и речи в соответствии с приемлемыми нормами вербального и невербального взаимодействия. Но любое взаимодействие может ассоциироваться с различными проблемами и разногласиями. Если мы посмотрим на процесс общения как акт кодирования и расшифровки информации, то существует много моментов, которые могут препятствовать результативному общению [3, С.385].

В действительности успешная коммуникация зависит от культурной осведомленности. Даже когда два субъекта из различных культур общаются на общем языке, может возникнуть непонимание. На самом деле язык не может автоматически передавать те культурные знания, которые доступны носителю другого языка. Авторы статьи предприняли попытку снятия барьера непонимания в процессе общения представителей разных культур. Необходимо понять и преодолеть проблемы, которые возникли в процессе межкультурной коммуникации, посредством отслеживания, с нашей точки зрения, неадекватной реакции собеседника, предварительно выявив, что могло ее вызвать.

Родная культура снабжает людей определенными способами мышления, звукового восприятия, видения мира и его интерпретации. Таким образом, одно и то же слово может обозначать разные вещи для представителей из разных культур, даже если они говорят на одном языке. Когда же языки разные и необходимо общаться посредством перевода, может возникнуть еще большее непонимание.

Вступая в межкультурную коммуникацию, человек прорывает охраняемые границы, осваивает новые смысловые поля, сопоставляет и сравнивает их, создает новое пространство, включая иные смыслы в свое - знакомое и привычное [1, С.30]. Так он расширяет психологическую ойкумену своей культуры, осваивая иные нормы и ценности, становясь вдвое, втрое богаче в культурном отношении. Таким образом, межкультурная коммуникация — это общение представителей разных культур, в результате которого возникает новое смысловое культурное пространство, предоставляющее возможность для конструктивного взаимопонимания и взаимодействия.

В науке выделяются основные признаки сходства всех культур:

- любая человеческая культура немыслима без языка;
- ни одна культура не испытывает недостатка в средствах выражения эстетики и достижения эстетического наслаждения;
- каждая культура предоставляет стандартизованные способы отношения к наиболее существенным проблемам (например, таким, как рождение и смерть);
- каждая культура устроена так, чтобы постоянно сохранять группу и ее сплоченность для удовлетворения биологических нужд ее членов и их потребности в упорядоченном образе жизни.

Существует несколько способов подготовки человека к межкультурному взаимодействию и последующей коммуникации:

- 1) Просвещение — приобретение знаний об иной культуре, жизни и обычаях представителей иной этнической общности.
- 2) Ориентирование — быстрое ознакомление человека с новым окружением, основными нормами, ценностями, убеждениями.
- 3) Инструктаж — предупреждение о возможных проблемах и фокусирование на отдельных аспектах приспособления к новому окружению.
- 4) Культурный ассимилятор — обучение человека приемам анализа ситуаций с точки зрения членов чужой культуры, их видения мира, повышения межкультурной сенситивности. Культурные ассимиляторы состоят из описания жизненных ситуаций, в которых взаимодействуют персонажи разных культур. Обычно предлагается четыре интерпретации их поведения. Подбираются такие ситуации, в которых в наибольшей степени выражены различия между культурами. В ситуациях раскрываются взаимные стереотипы, экспектации, обычаи, специфика невербальных

средств общения и пр. Особое внимание уделяется ориентированности культуры на коллективизм или индивидуализм. Так, например, представитель европейской индивидуалистической культуры в процессе работы с ситуациями ассимилятора должен осознавать следующее:

- поведение членов восточных индивидуалистических культур в большей степени отражает групповые нормы, чем индивидуальные установки;
- отношения между родителями и детьми на Востоке почти священны;
- во многих странах Востока принято проявлять скромность при публичной оценке собственных достижений;
- на Востоке принято дарить подарки в тех случаях, когда в Европе платят деньги.

Итак, для осуществления продуктивной межкультурной коммуникации необходимо обучать людей способам и средствам установления межличностных контактов в новом окружении, овладения ценностями, нормами, ролями в чужой культуре. Также необходимо формирование умений справляться с психологическим стрессом и эффективно общаться с местными жителями. Посредством данных действий решаются две основные задачи:

- знакомство обучаемых с межкультурными различиями в процессе проигрывания ситуаций, в которых общение обычно строится различно в двух культурах;
 - знакомство с самыми характерными особенностями чужой культуры и создание условий для переноса полученных знаний на реальные жизненные ситуации.
- Большинство ученых придерживаются мнения, что основными целями исследований в области межкультурной коммуникации являются:
- систематическое изложение основных проблем и тем межкультурной коммуникации, овладение основными понятиями и терминологией;
 - развитие культурной восприимчивости, способности к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в различных культурах;
 - формирование практических навыков и умений в общении с представителями других культур.

Но это лишь теория. На практике, люди при столкновении с барьерами в процессе коммуникации испытывают стресс или страх. Возможно проявление агрессии или другой естественной реакции, поэтому необходимо исследовать, как диалог и коммуникация взаимодействуют друг с другом. Для обычных людей крайне важно обучаться способности общаться, и эти действия должны быть основаны на научных знаниях.

Следует отметить, что проблемы межкультурного непонимания могут возникнуть и в рамках одной культурной среды. И все же в языковой среде, относящейся к разным культурам, повышается уровень угрозы конфликта. Однако, если вы подготовлены, то вы сможете избежать проблем и улучшить коммуникацию посредством простых действий. Лучшее решение - это вовлечение обучающихся в исследование проблем межкультурной коммуникации через личное участие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апанасюк Л.А. Формирование готовности студентов-иностранцев к межкультурному общению при обучении иностранному языку / Вектор науки

Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2015. №4 (23). С.30-33.

2. Apanasyuk L.A., Soldatov A.A., Kireeva I.A., Belozertseva N.V. Problems on Training Specialists in the Social and Economic Area for Intercultural Integration in the Context of Staff Mobility / *Espacios*. 2017. Т. 38. №33. С. 26.

3. Апанасюк Л.А. Алгоритм подготовки студентов-мигрантов к межкультурной коммуникации при преодолении ксенофобии / *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2013. №2 (24). С. 383-388.

4. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: учебное пособие для студентов лингвистических университетов и факультетов иностранных языков / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.

5. Роберт И.В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты). – М.: ИИО РАО, 2007. – 234 с.

6. Смирнова Е.В. Формирование социокультурной среды при использовании электронных средств учебного назначения, детерминирующих развитие вторичной языковой личности // В сборнике: Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество социологов. 2016. С. 8834-8841.

7. Смирнова Е.В. Эффективность и качество компьютерных средств обучения английскому языку // Тезисы докладов региональной научно-практической конференции «Информационные технологии в высшем профессиональном образовании». Тольятти, 2005. – С. 124-128.

8. Смирнова, Е.В. Опора на родной язык и лингвокультуру как компонент основы билингвального образования при использовании средств ИКТ // *Карельский научный журнал*. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 24-28.

9. Ezhov, S.G. Pedagogical correction of university student professional self-alienation / S.G. Ezhov, N.A. Zaitseva, E.V. Smirnova – *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*. 2017. Т. 12. № 7b. С. 1533-1540.

E.A. Neshta

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

PRACTICAL AND THEORETICAL PROBLEMS OF CROSS CULTURAL COMMUNICATION IN EDUCATIONAL PROCESS

The article attempts to view practical and theoretical problems of cross cultural communication in the learning process. Finally, the authors came to the conclusion that cross cultural communication is possible if communicators are taught by means of establishing interpersonal contacts in new environment. They also have to master foreign culture through its norms and values.

Cross cultural communication, inter-cultural collaboration, culture, learners

УДК 008(091)

Е. Н. Палий

*Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина,
elenapaliy07@mail.ru*

ВКЛАД ЛИТЕРАТУРНОГО САЛОНА К.К. ПАВЛОВОЙ В РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ XIX ВЕКА

Литературное мастерство Королины Павловой достигло особенного успеха в переводах русских стихотворений на немецкий язык. Литературный салон Павловой безусловно связан с историей русской общественной мысли, борьбой западников и славянофилов, литературной жизнью того времени.

Литературный салон, Адам Мицкевич, М.Ю. Лермонтов, Ференц Лист

Дом Павловых в Москве на Рождественском бульваре в 40-е годы XIX века был известен всему образованному обществу города. Круглый год - за исключением лета, когда состоятельные москвичи стремились уехать от городской жары и духоты, - журфиксы у Павловых собирали цвет московской интеллигенции. Хозяева салона - Николай Филиппович и Каролина Карловна - известные русские писатель и поэтесса, чье творчество выдержало самую беспристрастную проверку временем и до сих пор вызывает интерес.

Николай Павлов поступил в Московский университет и, окончив в 1825 г. отделение словесных наук, стал служить в Московском надворном суде. При этом новоявленный чиновник активно занимался и литературной деятельностью: много переводил с французского (стал первым русским переводчиком Бальзака [11]), сочинял романсы. Его пылкая, восприимчивая натура не вполне отвечала необходимым при литературной работе прилежанию и упорству. Н.Ф. Павлов, «при остром и легко постигающем уме, мог бы сделаться лучшим и первым журналистом нашим и полемическим писателем, если бы одарен был способностью прилежать к труду, а не довольствоваться редкими и случайными взрывами», - писал с сожалением П. А. Вяземский [2, с.190].

Москвичи ценили в Павлове не только его литературный дар, но и его несравненное умение вести живую, интересную беседу - качество для хозяина салона наипервейшее. Павлову за десять лет работы в журналах случалось встречаться чуть ли не со всеми русскими писателями, так что круг его литературных знакомств был очень широк. Однако бедность, холостяцкая жизнь, да и весь склад характера Николая Филипповича исключали возможность образования какого-либо литературного кружка вокруг него. Обстоятельства изменились после женитьбы в 1837 г. на богатой невесте Каролине Яниш.

К этому времени Каролине исполнилось тридцать лет, и она уже была известна как поэтесса, переводчица на иностранные языки русских стихотворений, превосходно знавшая русскую и иностранную литературу. Именно благодаря Каролине в Германии узнали наших лучших поэтов первой половины XIX века - А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского и др. При этом уровень ее переводов был так высок, что они удостоились похвал самого Гете.

Каролина была одарена замечательной памятью и выдающимися способностями к языкам. Голова ее, по воспоминаниям современника, была чем-то вроде поэтической хрестоматии, и не только русских поэтов, но и французских, немецких и английских [8, с.657]. Известная мемуаристка, писательница А.Я. Панаева так писала о Каролине: «В разговоре она вставляла постоянно строфы из стихов на немецком языке - из Гете, из Байрона - на английском, из Данте - на итальянском, а по-испански привела какую-то пословицу» [7, с.141-142].

Каролина Яниш становится известной среди московских литераторов со второй половины 1820-х гг. Семейство Янишей было хорошо знакомо с Елагиной, в салоне которой и заявляет о себе как о восходящей поэтической звезде Каролина.

А. Мицкевич стал давать Каролине уроки польского языка. Слава ее в Москве растет, чему способствовало и посещение дома Янишей знаменитым немецким ученым-естествоиспытателем А. Гумбольдтом [3, л.1].

Литературное мастерство юной поэтессы крепнет, особенного успеха она достигла в переводах русских стихотворений на немецкий язык. О высоком уровне этих переводов говорит тот факт, что сами переводимые авторы безоговорочно доверяли поэтическому вкусу Каролины. Так, например, Е. Баратынский, узнав, что К. Яниш переводит его поэму, писал своему другу И. Киреевскому: «Поблагодари за меня милую Каролину за перевод «Переселения душ». Никогда мне не было так досадно, что я не знаю по-немецки. Я уверен, что она перевела меня прекрасно, и мне бы веселее было читать себя в ее переводе, нежели в своем оригинале: так в несколько флатированном портрете охотнее узнаешь себя, нежели в зеркале» [1, с.241-242].

В Москве Каролина вместе с мужем поселилась в двухэтажном особняке на Рождественском бульваре. Все в этом доме, от роскошного подъезда с швейцаром и до большого хозяйского кабинета с пылающим камином, говорило о широком довольстве [17, с.172]. Каролина очень ценила аристократическую обстановку, даже завела в доме лакеев в ливреях с гербовыми пуговицами [10, с.17]. Богатый дом на Рождественском бульваре гостеприимно раскрыл свои двери для посетителей.

Центром умственной жизни салон сделался не сразу. Сначала дом Павловых стал известен среди московских литераторов как место, где можно вкусно и разнообразно поесть. Однако вскоре гастрономические интересы посетителей отошли на задний план.

У Павловых часто бывают представители основных прогрессивных направлений общественной мысли того времени - славянофилы и западники. Среди обычных посетителей встречается множество лиц, составивших гордость отечественной культуры. Это А.С. Хомяков, глава московских славянофилов, обладавший огромными знаниями и блестящей памятью, делавшими его непревзойденным в спорах; публицист и философ И. Киреевский, один из основателей славянофильства, а также его младший брат Петр - архивист и публицист, известный собранием русских народных песен; профессор Московского университета М.П. Погодин; историк, критик и поэт С.П. Шевырев; писатель С.Т. Аксаков и его сыновья Иван и Константин, стоявшие на славянофильских позициях; тогда еще молодой Ю.Ф. Самарин, в будущем известный политический и общественный деятель. Из западников частыми гостями Павловых были историк Т.Н. Грановский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, врач и одновременно поэт-переводчик Н.Х. Кетчер; поэт и переводчик, студенческий друг Герцена и Огарева, Н.М. Сатин;

литератор Н.А. Мельгунов, университетские профессора П.Г. Редкий, Д.Л. Крюков, историк и юрист К.Д. Кавелин [19, л.189]. И этот перечень далеко не полон.

Сначала у Павловых собирались по вторникам, затем по четвергам. Споры не утихали до глубокой ночи. Многие их посетители заранее серьезно готовились к предстоящим дебатам.

М.Ю. Лермонтов много раз бывал у Павловых. С Николаем Филипповичем поэт был знаком давно; правда, о его стихах был невысокого мнения. Полагают, что некоторые черты характера Павлова отразились в образе главного героя лермонтовского «Маскарада» Арбенина: он также пользовался репутацией одержимого и подозрительного в карточной игре человека. Заехав в первопрестольную по дороге в ссылку на Кавказ, М.Ю. Лермонтов пробыл в Москве почти весь май 1840 г. Он познакомился с московскими славянофилами, посещал салоны Павловых и Свербеевых [5, с.553]. К жене Павлова М.Ю. Лермонтов относился с большим почтением, высоко ценил ее переводы и некоторые оригинальные стихотворения. В альбоме поэтессы сохранился его автограф стихотворения «Посреди небесных тел», датированный 16 мая 1840 г.

Свой последний московский вечер М.Ю. Лермонтов также провел у Павловых. Настроение поэта было мрачным. Каролина Карловна все теребила его, пыталась вовлечь в разговор, но ее усилия были напрасны. «Он уехал грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльце», - записал Ю. Самарин в своем дневнике, вспоминая этот вечер уже после известия о смерти поэта [13, с.56].

В первой половине 1840-х гг. салон Павловых стал обычным местом встреч образованных москвичей с заезжими иностранцами - литераторами и учеными, артистами, общественными и политическими деятелями. Знакомясь здесь с представителями русской литературы и науки, иностранцы черпали из первых рук сведения о малознакомой стране и в свою очередь вносили струю европейского свежего воздуха в атмосферу наглухо запертой казармы, в какую превратилась Россия при Николае I. Известно, что Павловы принимали у себя в разное время члена французской Палаты депутатов Могена, французского литератора Мармье, знаменитого пианиста и композитора Ференца Листа, а также ученого-путешественника барона Гакстгаузена.

О темах, занимавших внимание посетителей салона, рассказывает еще одно письмо Ю. Самарина к К. Аксакову (1841 г.): «Вчера я просидел битых три часа вдвоем с Каролиной Карловной. Мы перебрали все вопросы, которые занимали и занимают Вас и меня. Говорили о Фаусте, о французах, о Занде, о бессмертии души, о Гегеле, о любви и проч. Она прочла мне несколько отрывков из недавно вышедшей философии Ламене в трех частях, толстых и полновесных. К.К. сказывала мне, что Вы с ней спорили о том, признает ли Гегель Откровение, признает ли в Иисусе Христе Сына Божия, и будто Вы сказали, что признает? Я думаю совсем иначе. Мне кажется, Гегель понимает всю историю как откровение Божие, но не принимает откровения в известное только время одному или нескольким лицам. Говорили мы также и очень долго о бессмертии души, о сотворении мира, потом перешли к Шевыреву. Читала мне несколько новых стихов, очень хороших» [14, с.24].

Поэтическая, возвышенно-сентиментальная натура Павловой была полна противоречий и в житейских отношениях с другими людьми не выдерживала никакой критики. «Тщеславия она была непомерного, а такта у нее не было вовсе», - вспоминал, например, Б.Н. Чичерин [12, с.10].

Особенно много саркастических замечаний современников вызывала навязчивость поэтессы в чтении собственных стихов. Известный мастер эпиграммы Соболевский не обошел эту черту Павловой [16, с.40]. Но несмотря на тяжелый характер, Каролина Павлова умела поддерживать серьезную беседу, любила общество и публичные литературные чтения, - это раскрывало двери ее гостиной поклонникам муз.

В феврале 1843 г. Каролине Карловне был представлен А.И. Герцен (Павлов уже был с ним знаком). Герцен сразу отметил незаурядность личности К. Павловой. «Из людей видел одного, да и тот женщина, т.е. Павлова, - ее голос неприятен, ее вид также не вовсе в ее пользу, но ум и таланты не подлежат сомнению. Больше на первый случай ничего не могу сказать», - записал он в дневнике [6, с.272].

Герцен начал бывать у Павловых довольно часто. «За столом, за которым хозяйка разливала чай, сходились по временам А.И. Герцен и Т.Н. Грановский. Трудно представить себе более остроумного и забавного собеседника, чем Герцен, - вспоминал впоследствии А.А. Фет. - Помню, что увлеченный, вероятно, его примером, Тимофей Николаевич, которым в то время бредили московские барыни, в свою очередь, рассказал своим особенным невозмутимым тоном с пришепетыванием, анекдот об одном лице, державшем у него экзамен из истории для получения права домашнего учителя» [18, с.172-173].

Университетские товарищи Фета, начинающие поэты Я. Полонский и Ап. Григорьев, тоже были частыми гостями на Рождественском бульваре. Павловский салон был для них своеобразной литературной школой, где можно было услышать критические замечания, узнать новейшие литературные новости, опробовать на публике свои новые стихи. Знакомство с представителями старшего поколения, участие в их беседах также благотворно сказывались на творческом потенциале молодых людей. Я. Полонский так писал о павловских вечерах: «У Павловых впервые встретился с Юрием Самариным. Он был очень молод и смешил хозяйку. У Павловых же впервые познакомился я с А. И. Тургеневым» [9, с.658].

Весной 1843 г. вся Москва была взволнована приездом Ф. Листа. Управляющий Императорскими московскими театрами А.Н. Верстовский вспоминал впоследствии: «Лист Москву свел с ума, играет везде и для всех. В публичных и частных концертах. Я не помню ни одного из артистов в Москве, которого бы сразу полюбили. Не знаю, чествовали Листа где-нибудь так, как в Москве? Редкий не запасся его бюстом или портретом». Лист приехал в Москву 24 апреля и пробыл почти месяц [4, с.79, 83-84].

4 мая Ф. Листа принимали у Павловых. Общество собралось довольно пестрое: многие стремились посмотреть поближе европейскую знаменитость. Среди гостей был и Герцен, который на другой день записал в дневнике: «Прием Листа у Павловых выразил всю юность нашего общества и весь характер его. Литераторы и шпионы, все выказывающие себя. Мне было грустно. А Лист мил и умен». Аналогичное впечатление произвел Лист и на А.И. Тургенева, писавшего П.А. Вяземскому: «Я познакомился с ним в концерте его и много болтал третьего дня у Павловых: он умен, сведущ и с воображением». Лист не забыл вечера у Павловых. Спустя недолгое время он написал романс на стихотворение Каролины Павловой «*Les pleurs des femmes*» («Женские слезы») и прислал в Москву ноты с посвящением: «В знак почтительной признательности изящному поэту от неловкого музыканта Франца Листа». Этот романс был издан в Москве в 1844 г. [15, с.24].

Круг прежних постоянных посетителей Павловых постепенно редел. Еще в 1844 г. умер Е. Баратынский, а Ю. Самарин уехал в Петербург; в следующем году умерли Д. Крюков, Д. Валув и А. Тургенев, неизменно бывавший у Павловых во время своих наездов в Москву; зимой 1846-1847гг. после тяжелой болезни скончался Н. Языков; в начале 1847 г. навсегда уехал за границу Герцен, в 1848 г. переселились в Петербург Редкий и Кавелин; реже стал бывать оставивший профессорство М. Погодин [20, л.240].

Салон на Рождественском бульваре прекратил свое существование. Тем не менее Павловская гостиная, безусловно, навсегда связана с историей русской общественной мысли, борьбой западников и славянофилов, литературной жизнью того времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баратынский Е.А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. - М., 1987. - с.241-242.
2. Вяземский П.А. Старая записная книжка. - Л., 1929. - с.190.
3. ГАРФ. - Ф.109 (Секр. архив). - Оп.3. - №2339. - л.1.
4. Дризен Н.В. Франц Лист в Москве //Ежегодник Императорских театров. - 1911. - Вып.4. - с.79, 83-84.
5. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т.1. - С.237, 572; Т. 3. - С.614; Т.4. - с.553.
6. Летопись жизни и творчества А.И. Герцена: В 5 т. Т.1. - М., 1974. - с.272.
7. Панаева А.Я. Воспоминания. - М., 1986. - с.141-142.
8. Полонский Я. Мои студенческие воспоминания /Ежемес. прил. к журн. «Нива». - 1898. - № 12. - с.657.
9. Полонский Я. Указ. соч. - с.658.
10. Рапгоф Б. Каролина Павлова: Материалы для изучения жизни и творчества. - Пг., 1916. - с.17.
11. Решетилова И. Княгиня русского стиха //Чистые пруды: Альманах. - М., 1989.
12. Русское общество 40-50-х годов XIX в. - с.10.
13. Самарин Ю.Ф. Собрание сочинений. Т.12. - М., 1911. - с.56.
14. Там же. - с.24.
15. Смиренский Б. Забытый романс Листа //Смена. - 1957. - №13. - с.24.
16. Соболевский С.А. Эпиграммы и экспромты. - М., 1912. - с.40.
17. Фет А.А. Воспоминания. - М., 1983. - с.172.
18. Фет А.А. Указ. соч. - с.172-173.
19. ЦГАЛИ. - Ф.411. - Оп.1. - Ед. хр.15. - л.189. (Ильин Н. Н. Жизнь Николая Филипповича Павлова).
20. ЦГАЛИ. Ф.411. - Оп.1, Ед. хр.15. - л.224.

Paliy E. N.

Russian state University of oil and gas (national research University) named after I. M. Gubkin.

THE CONTRIBUTION OF THE LITERARY SALON OF K. K. PAVLOVA IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX CENTURY

Literary mastery of Carolina Pavlova has achieved particular success in translating Russian poems into German. Literary salon Pavlova certainly associated with the history of Russian public thought, the struggle of Westerners and Slavophiles, literary life of the time.

Literary salon, Adam Mickiewicz, M. Lermontov, Ferenc List

УДК 81.322.4 + 378.147

А. К. Подпорина

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого,
podporinaak@mail.ru

Л. Ю. Попова

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого,
larchikk9512@gmail.com

Л. И. Печинская

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого,
pechinskaya.li@flspbgpu.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННЫХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются две проблемы, появившиеся в связи с внедрением технологии искусственных нейронных сетей (ИНС). Прежде всего данная работа посвящена вопросу целесообразности использования технологии при переводе публицистических текстов. Анализируется языковая пара испанский – русский, которая в российском сегменте сети Интернет пока не получила должного развития. Также рассматривается возможность использования программ онлайн-переводчиков на базе нейронных сетей (в частности, Google Translator Toolkit) в процессе обучения письменному переводу бакалавров-лингвистов. Разбираются преимущества данного онлайн-переводчика в сравнении с другими аналогичными программами.

Машинный перевод, искусственные нейронные сети, технология ИНС, обучение письменному переводу, бакалавры-лингвисты, профессиональный переводчик

Актуальность данной темы заключается в растущем потенциале использования искусственных нейронных сетей (ИНС) для письменного перевода. Тогда как сама суть его, заключающаяся в преобразовании текста на иностранном языке, остается

прежней, методы и средства перевода в последние годы стремительно развиваются. В XXI веке на помощь профессиональному переводчику пришел машинный перевод и электронные словари, а с недавнего времени широкое распространение в переводе получили так называемые искусственные нейронные сети. Несмотря на видимые преимущества, технологии ИНС не являются совершенными на данном этапе развития машинного перевода, и содержат определенные недостатки, которые призвана выявить данная исследовательская работа. Также мы осветим некоторые результаты второго направления нашей работы, а именно целесообразность использования данной технологии при обучении студентов-лингвистов. Сегодня профессиональные переводчики все чаще обращаются к программам автоматизированного перевода для оптимизации процесса перевода, поэтому на сегодняшний день так актуальна проблема формирования и развития у студентов языковых направлений умений и навыков использования подобных переводческих программ, которые благодаря таким своим характеристикам как общедоступность и простота в использовании, дают возможность активно применять онлайн-переводчики в процессе обучения студентов-лингвистов письменному переводу.

Технология нейронных сетей, с момента её появления в 2012 году продолжающая набирать популярность и стремительно развиваться, получила широкое распространение благодаря корпорации Google, которая в 2016 году внедрила данную технологию, под названием Neural Machine Translation System, в свой онлайн-переводчик. Подобная модернизация помогла значительно улучшить качество выходного текста благодаря инновационным алгоритмам, заложенным внутри системы. Принцип функционирования ИНС основывается на том, что система анализирует и переводит не отдельные слова, а ориентируется на текст в целом, учитывая при этом и контекст [6]. Не только благодаря комплексному анализу предложения, начиная с морфологии и заканчивая синтаксисом, удалось достичь таких высоких результатов при переводе текстов, но и так называемым "семантическим сетям", или проще говоря, различным значениям слов, которые накапливает система в ходе обработки и перевода текстов. Более того, благодаря технологии глубинного машинного обучения, или Deep Machine Learning, нейросети могут переводить даже те слова, которые ранее системе не встречались.

Этот шаг подтолкнул другие компании, включая российский Яндекс, также заняться разработкой собственных нейронных сетей для оптимизации и улучшения процесса письменного перевода, так как с момента перехода Google Translate на ИНС качество конечного текста заметно возросло. Секрет успеха NMTS заключается в технологии "глубинного обучения" или Deep Machine Learning, которая, говоря простым языком, накапливает опыт в ходе выполнения различных задач (в нашем случае - переводов), анализирует его, и на основе этого опыта совершенствуется [2, 4]. Компания Яндекс решила совместить принцип работы ИНС с традиционным статическим переводом для повышения качества выходных текстов. В основе данного переводчика лежит так называемая "гибридная" нейронная сеть, заключающая в себе принципы искусственной нейронной сети, основанные на самообучении, а также алгоритмы статического машинного перевода, который занимается поиском перевода в базах данных, например, для более точного перевода слов предлагается добавить в систему нейронных сетей языковые корпуса, чтобы система не только анализировала смысл предложения, но и сравнивала свой перевод с переводом, сделанным до нее.

В ходе этой работы нами был проведен эксперимент, состоящий из нескольких этапов. На первых этапах нашей задачей было выявить сильные и слабые стороны онлайн-переводчиков, использующих искусственные нейронные сети, сравнить их с классическими моделями машинного перевода, базирующимися на статическом переводе и сделать выводы о целесообразности использования ИНС для оптимизации процесса письменного перевода. В начале была выбрана политическая статья на аргентинском варианте испанского языка, опубликованная в аргентинской газете *La Nación*. Выбор данной статьи был обусловлен, во-первых, не только очевидной сложностью политического дискурса, содержащего большое количество специализированной лексики или его стилистическими особенностями, которые сами по себе усложняют процесс перевода, но также геополитической обстановкой в мире: так профессиональный переводчик "адаптирует" статью под реалии страны, на язык которой он переводит, используя определенные эмфатические конструкции в нужных частях текста, оперируя так называемой "политкорректной" лексикой. Во-вторых, в выбранной статье содержатся слова, отражающие реалии испаноговорящего мира, что само по себе усложняет процесс перевода, так как языковая пара испанский - русский в российском сегменте сети Интернет не получала до сих пор должного развития. В-третьих, выбор именно аргентинской газеты обусловлен тем, что в онлайн-переводчиках присутствуют наиболее популярные языковые варианты испанского - помимо общепринятого кастильского - валентийский, галисийский, и т.д., используемые на европейской части испаноговорящего мира. Однако такие варианты языка, как колумбийский, мексиканский, аргентинский не получили собственной ниши в онлайн-переводчиках, несмотря на то, что они также содержат отклонения от нормы как в лексическом, так и в грамматическом плане. Таким образом, перевод осложнялся сразу несколькими факторами: политическим дискурсом, реалиями испаноговорящей части Южной Америки, а также вариантом испанского языка, используемым в Аргентине и не отраженным в системах онлайн-перевода.

Перевод вышеупомянутой статьи на русский язык был осуществлен с использованием онлайн-переводчиков Google, Yandex и PROMT соответственно. На первой стадии был осуществлен прямой перевод с испанского языка на русский, вторая стадия заключала в себе непрямой перевод исходного текста на аргентинском варианте испанского языка на английский язык, с английского языка осуществлялся перевод на русский. Данная многоступенчатость перевода обуславливается заявленной ранее способностью искусственных нейронных сетей к самообучению и адаптации к переводимому тексту для лучшей передачи смысла, заложенного в оригинале. Более того, как уже упоминалось ранее, языковой паре испанский-русский в российском сегменте сети Интернет не уделялось достаточно внимания из-за недостаточной частотности её использования в онлайн-переводчиках. В то же время, языковая пара испанский-английский получила широкое распространение в зарубежном сегменте Интернета, где в большом количестве используются переводные статьи с испанского языка на английский, а также достаточно популярной является испанская художественная литература. Таким образом, выбор разных моделей перевода текста можно аргументировать, во-первых, возможностью проверить работу искусственных нейронных сетей с языками, которые не были достаточно проработаны в данных алгоритмах, во-вторых, проанализировать перевод

с языка, который нашел широкое применение, а также активно развивался в системах нейроперевода в последние несколько лет - английского.

На основе проведенного этапа эксперимента мы сделали следующие общие выводы:

- онлайн-системы, в которых используются искусственные нейронные сети (Google и Yandex) имеют видное преимущество перед системами, в основе которых лежит статический машинный перевод (PROMT);
- Google Translate справился со своей работой гораздо лучше системы Яндекс, т.к. в его прямом переводе практически отсутствовали стилистические ошибки, была сохранена специфика политического дискурса, конечный текст был максимально приближен к оригиналу, т.е. потери смысла были сведены к минимуму.
- перевод политической статьи, взятой из аргентинской газеты La Nacion на аргентинском варианте испанского языка, вызвал определенные трудности и привел к ошибкам в конечных текстах в обоих онлайн-переводчиках.

Таким образом, мы можем сделать предварительный вывод, что технологии ИНС на данном этапе развития действительно представляют собой наиболее совершенный метод машинного перевода, в котором заключен большой потенциал для дальнейшего развития. Использование онлайн-переводчиков для перевода текстов даже узкой направленности существенно сокращает время и упрощает непосредственно сам процесс письменного перевода, что было доказано на примере использования онлайн-переводчика Google. Однако, стоит отметить, что не каждый онлайн-переводчик, использующий алгоритмы нейронных сетей, способен выдать качественный перевод. Так, показательным явился пример системы Яндекс, конечный текст которого содержал большое количество переводческих ошибок и требовал тщательной проверки.

Вторым направлением нашего исследования была попытка проанализировать возможность использования онлайн-переводчиков с технологией ИНС в качестве инструмента обучения бакалавров-лингвистов письменному переводу. Для проверки данной гипотезы был выбран Google Translator Toolkit, обладающий определенными преимуществами с точки зрения использования его студентами.

Стоит отметить, что в процессе перевода (как самостоятельного, так и с использованием программ-переводчиков) студент сталкивается с таким явлением как переводческая ошибка [1, 5]. В процессе обучения письменному переводу подобные ошибки, с нашей точки зрения, могут стать полезным инструментом для формирования и развития умений и навыков, необходимых профессиональному переводчику как в процессе письменного перевода, так и на этапе постредактирования текста. При проведении постредактирования студент сталкивается с различными конструкциями и лексическими единицами, перевод которых без учета контекста не является очевидным, а в следствие этого они могут быть неправильно истолкованы программой онлайн-переводчика, поэтому студенту приходится производить различные переводческие трансформации. Такие манипуляции позволяют будущему профессиональному переводчику сравнить грамматический строй родного и иностранного языков (порядок слов, грамматические категории, лексическая сочетаемость), отметить неоднородность словаря, и другие аспекты родного и изучаемого языков. Такое сопоставление помогает развить критическое мышление,

а также улучшает владение грамматикой и лексикой иностранного языка и повышает знание родного языка.

В данный момент проводится следующий этап эксперимента, целью которого является анализ потенциала использования технологии ИНС при обучении профессиональных переводчиков. Нами были отобраны основные ошибки, которые, с нашей точки зрения, являются наиболее типичными и частотными для программ онлайн-перевода:

- неправильный перевод артиклей, либо их отсутствие в переводе;
- сохранение пунктуации оригинала;
- буквальный перевод (Сохранение порядка слов оригинала либо перестановка слов, неправильный перевод устойчивых выражений);
- незнание общеизвестных сокращений и неумение их переводить [3];
- использование вариантов перевода другой тематики (неправильный перевод терминов);
- ошибки при переводе топонимов / антропонимов;
- несогласованность по лицам, числам, падежам;
- неправильный выбор предлогов.

Данная выборка может помочь правильно определить вид переводческой ошибки и тем самым успешно произвести трансформацию. Именно поэтому перед началом работы с текстом важно провести его подробный анализ. Только после анализа перевода студент может приступить непосредственно к обработке текста и его постредактированию. В процессе данной деятельности студент не только редактирует исходный перевод, но и постоянно обращается к оригиналу для того, чтобы на выходе получить перевод, который будет как можно точнее передавать содержание оригинального текста. Все эти манипуляции позволяют улучшить понимание исходного текста и, следовательно, улучшают качество перевода. Стоит также отметить, что выявление и подробный анализ неточностей перевода дает возможность студентам впоследствии избегать подобных ошибок в собственных переводах. Кроме того, использование онлайн-переводчика в процессе обучения переводу также сокращает время, затрачиваемое на перевод, что позволяет на занятии уделить больше времени на обсуждение и разбор тех частей текста, которые представляют наибольшую сложность для студентов. Более того, Google Translator Toolkit дает возможность создавать собственные словари-гlossарии, при составлении которых, студент постоянно обращается к справочной литературе, что влияет на общее понимание текста, а также расширяет его кругозор и учит правильно подбирать литературу. Кроме того, такие glossарии могут быть впоследствии использованы преподавателем для составления упражнений на отработку определенной лексики и грамматических конструкций.

Таким образом, проведенный эксперимент показал, что, во-первых, использование технологии ИНС при переводе текстов может сократить временные затраты непосредственно на трансформацию текста на иностранном языке в текст на языке реципиента. Однако, качество выходного текста будет достаточно низким, из-за чего потребуются постредактирование профессиональным переводчиком соответственно, временные затраты на перевод не уменьшатся. А, во-вторых, данную технологию можно использовать в процессе обучения письменному переводу бакалавров-лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахманова О.Р. Роль переводческой ошибки в обучении переводу // Вестник ЧелГУ. 2014. №6 (335). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-perevodcheskoj-oshibki-v-obuchenii-perevodu> (дата обращения: 14.02.2018).
2. Баранова А. Р. Нейросетевые механизмы перевода и их значения/ Баранова А.Р., Астафьев А. М., Корчагин Е.С.// Бюллетень науки и практики. Электрон. журн.- 2017. - № 6(19). С. 349-352.
3. Борисова И.А. К опыту постредактирования на материале англо-русского перевода с помощью автоматических систем Google translate и Promt // Вестник московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. №13 (699). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21681016>
4. Сабуров Н.И. Нейронные сети как способ повышения качества автоматизированного перевода / Сабуров Н.И., Побоква О.А // Молодежный вестник ИРГТУ. - 2017. - №2 (26). С. 60
5. Щетникова О.Г. Применение программ машинного перевода в процессе обучения будущих переводчиков редактированию текста // Индустрия перевода. 2016. Том 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26181109&> (дата обращения: 14.02.2018).
6. Google's Neural Machine Translation System: Bridging the Gap between Human and Machine Translation / Y. Wu, Schuster M., Chen Z., Le Quoc, Norouzi M. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://arxiv.org/pdf/1609.08144v2.pdf>

A. Podporina, L. Popova, L. I. Pechinskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

USING ARTIFICIAL NEURAL MACHINE TRANSLATION METHOD IN PROFESSIONAL AND EDUCATIONAL TRANSLATOR ACTIVITY

The article considers two problems that have appeared in connection with Artificial Neural Machine Translation (ANMT) method. First of all, this paper is dedicated to the question of using this technology while translating journalistic texts. The Spanish - Russian language pair which has not been developed properly yet is analysed. We also consider the possibility of using online translator programs in the process of teaching the translation to bachelor's linguists.

Machine translation, neural machine translation, ANMT method, teaching translation, bachelor's linguists, professional translator

УДК 811.133.1

О. А. Преображенская

Санкт-Петербургский электротехнический университет «ЛЭТИ»,

mminsh@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ СЕНСОРНОЙ КАРТИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Рассматривается сенсорика как один из видов невербального общения и ее особенности во французской культуре, а также лингвистическая интерпретация данного вида коммуникации

Невербальная коммуникация, сенсорика, национальная специфика номинации перцепции вкуса, запаха, цвета

Акты коммуникации в любом социуме осуществляются как вербально, так и невербально. Последний способ передачи информации является более древним и «правдивым», чем естественный язык, вследствие чего интерпретация подобных знаков привлекает особое внимание ученых, полагающих, что успех коммуникации в значительной мере зависит от их адекватной трактовки.

Невербальная информация транслируется по пяти каналам восприятия – визуальному, слуховому, тактильному, вкусовому, обонятельному, причем вкус и обоняние несравненно менее информативны у человека по сравнению с коммуникацией в биологическом мире [1]. В соответствии с каналами восприятия выделяются виды невербальной коммуникации – проксемика, кинесика, такесика, окулистика, а также сенсорика [2], которая является самым древним видом невербального общения, основываясь на чувственном восприятии запаха, вкуса, цвета, звуковых сочетаний. Сенсорные факторы действуют совместно и создают сенсорную картину культуры

На стыках ряда наук сформировалось представление о том, что каждая культура обладает как универсальными, так и национально-специфическими невербальными знаками. Последние, кроме экспонента и плана содержания, обладают вербальной номинацией. Лексема или фразеологизм (что значительно частотнее), может характеризоваться культурно окрашенной мотивировкой, лексическим фоном, коннотацией и т.д.

Полное и исчерпывающее описание любой культуры в аспекте невербального поведения представляет собой сложнейшую задачу, поэтому в рамках ограниченного объема возможно исследовать лишь некоторые фрагменты национально-специфического характера.

Особенностью французской культуры является один из десяти доминирующих (выделенных самими представителями нации) концепт «умение жить» [3]. Исключительно значимой для французов составляющей данного концепта является кухня. В стране гурманов относятся к процессу приготовления и поглощения пищи серьезно и ответственно, так же как и к выбору ресторана и составлению меню. Практически каждый уроженец Франции считает себя знатоком в кулинарном деле, что отражается в высокой номинативной плотности понятия «тонкий знаток еды»:

gourmand, gourmet, gastronome [4]. Всему миру известны знаменитые «мишленовские» звезды, классифицирующие рестораны по качеству еды, и конкурсы кулинарного искусства, проводимые на родине знаменитых гурманов. Показательно, что во Франции высокая кухня – профессия преимущественно мужская, женщины допускаются в эту сферу деятельности неохотно.

К концу XVIII в. французы поставили гастрономию на научную основу. А. Брийа-Саварен, французский общественный деятель и тайный автор первого теоретического труда по кулинарии «Физиология вкуса», описал основы рационального питания, разработал нормативные правила гастрономии, ввел в бытовой обиход понятие «вкус».

Окончательное возведение гастрономии в ранг научной дисциплины произошло в XXI в., когда во Франции был создан первый в мире гастрономический университет. Его цель – сохранить и преумножить традиции французской кухни, объявленной национальным достоянием. В конце 2006 г. прославленные французские кулинары предложили, чтобы французская кухня была внесена в список мирового наследия ЮНЕСКО. В феврале 2008 года президент Н. Саркози поддержал эту инициативу [5].

В современном французском языке лексема «вкус» – *gout* (синонимы *sapidite, flaveur*) обладает высокой степенью полисемии, выступая как конкретное, так и абстрактное значение.

Дефиниции вкуса как конкретного понятия предполагают следующие значения.

1. Ощущения, благодаря которым человек и животные воспринимают вкусы пищи.
2. Собственно вкусы (*acide, âcre, aigre, amèr, âpre, doux, fade, fort, fruité, relève, sucré*); их оценка (положительная: *bon, délectable, délicieux, exquis*), (отрицательная: *dégoutant, mauvais, sale, de pourri, de moisi, de bule, désagréable*),
3. Аппетит, желание

Абстрактные значения формулируются в пяти словарных статьях, образуют множество фразеологизмов и отражают менталитет нации, имея лишь косвенное отношение к конкретным сенсорным компонентам.

Важным аспектом для французов являются запахи, что отражается в языковой семантике. Глагол *sentir* имеет ряд как конкретных, так и абстрактных значений. Первая словарная статья соответствует перцептивному понятию «воспринимать, чувствовать, ощущать» в самом широком смысле слова; лексема имеет ряд синонимов (*flairer, humer, renifler*). Вербальное выражение понятия «обонять, нюхать, ощущать запах» является одним из значений.

Для французов это и ароматы, которые источает еда (вино, сыры, свежая выпечка), когда оценивается не только вкус, но и запах, возбуждающий аппетит и делающий трапезу приятной. Характерной чертой гурманов любой страны является «положительное» восприятие невыносимых для представителей иных культур запахов пищи, например, сыров или определенных даров моря.

Франция – родина лучших парфюмеров мира, приносящих колоссальный доход стране. В популярном романе современного немецкого прозаика П.Зюскинда «Парфюмер» запах выступает «...как универсальная подсознательная результирующая всех свойств человека: не только пола, возраста, здоровья, красоты, но и его моральных качеств – пропорции доброты и злости, ума и глупости, скромности и надменности, трудолюбия и лени и т.д.» [1, с. 109]. Действие романа разворачивается во Франции (где и живет писатель); в произведении присутствуют

французские термины парфюмерного производства, ставшие интернациональными (*enfleurage, sublimation, distillation, rectification, essence* и т.д.).

Во французском языке существует обширная тематическая группа лексем, характеризующих запах духов (*arôme, fragrance, senteur, effluve, exhalaison, capiteur, enivrant, entêtant, suave, subtil, discret* и др.), а также веществ-ароматизаторов растительного или животного происхождения (*lavande, violette, iris; amber, musc*, и др.).

Специальные названия используются для парфюмерных флаконов (*vaporisateur, atomiseur à parfum*), над которыми работают выдающиеся дизайнеры, чтобы делать продукцию той или иной фирмы визуально узнаваемой. Так, флакон знаковых духов «Шанель N 5» хранится в Музее современного искусства в Нью-Йорке.

Понятие «парфюмерия», как специфическая составляющая культуры Франции, находит отражение в языке; так, в 50-х гг. XX в. возникает фразеологизм *être au parfum* (быть в курсе дела, быть информированным).

Особое место при производстве ароматов занимают «носы» (*les nez*) – знатоки композиции тех или иных духов. Их настоящие имена засекречены, при создании собственного производства они обязаны выплатить значительную сумму.

Высокая номинативная плотность понятий «вкус» и «запах» свидетельствует о национально-специфических особенностях французской сенсорной картины и ее значении в иерархии концептов.

Важным компонентом сенсорики является перцепция цвета, что отражается в языке. Для обозначения различных цветов во французском языке используются не только отдельные лексемы, но и большое количество словосочетаний и фразеологизмов.

Помимо наименований элементарных цветов (*rouge, blanc, vert*), в языке присутствуют прилагательные, указывающие на интенсивность цвета: как суффиксально оформленные (*bleuâtre*), так и сложные обозначения из двух прилагательных: *bleu-claire* (светло-голубой), *gris foncé* (темносерый). Характерной особенностью цветообозначения является специализированное поле геральдических цветов *gueule* – красный, *sinople* – зеленый, *sable* – черный. Последняя лексема восходит к русскому «соболь».

Существуют и тематические группы, обозначающие цвет волос человека: рыжий *roux*, чернявый *noiraud*; кожи: смуглый *halé, bronzé*; ткани: пунцовый *écarlate*.

Ярким примером специфики цветообозначений во французском языке могут служить синонимические ряды, отражающие оттенки цветов основного спектра. Подобные группы синонимов отличаются однословными номинациями, включающими дифференциальные семы: *rouge* (красный): *amarante, brique, carmin, cerise, corail, cramoisi, écarlate, erubescence, fraise, framboise, garance, groseille* и т.д.

Значительное количество названий оттенков дается по цвету растений: *citron* – лимонный, *mauve* – сиреневый, *marron* (каштановый), *paille* (соломенный); по окраске животных: *chamois* – светло-желтый, *souris* – серый; по цвету минералов: *rubis* – рубиновый, *jade* ярко-зеленый; явлений природы: *aurore* – золотисто-розовый, *feu* – ярко-оранжевый.

Классическая русская литература изобилует французскими лексемами – цветообозначениями, некоторые из них ассимилированы русским языком. К

материальным заимствованиям, например, относятся *палевый, фиолетовый, лиловый, маренго, бежевый*; к семантическим калькам - *каштановый, лимонный*, и др.

Изучение семиотического аспекта цветообозначений является исключительно привлекательной задачей для исследования, поскольку символика цвета связана с историей, географическим положением, культурой, менталитетом нации. Однако данная проблема требует междисциплинарного комплексного подхода.

«Апофеозом сенсорики» можно назвать известный каждому французу процесс дегустации вина. Ритуал превращается каждый раз в священнодействие, включающее восприятие цвета, вкуса, запаха. Вот как описывает этот «обряд» англичанин, живущий во Франции. «...Бокал подносится к свету и немного наклоняется, чтобы оттенить оттенки и насыщенность **цвета**. Далее его следует слегка покрутить, чтобы насытить вино кислородом и **разбудить букет**, а потом...**быстро вдохнуть. ...”пожевать”** вино, ... омыв им всю внутреннюю полость щек, язык, десны и зубы, проанализировав всю гамму вкусовых ощущений» [6, с.215].

Для оценки вкуса и качества вина во французском языке существует своего рода подъязык, где наряду с классическими, ставшими интернациональными, терминами знатоков и дегустаторов, употребляются и авторские метафоры (*le gout de la planche* - привкус доски; *le gout de tapis* - привкус ковра и др.) [6, с.207]. Лексема «сомелье» (знаток вин), имеющая французское происхождение, стала интернационализмом.

Сенсорика как разновидность невербального поведения включает в себя также звуковой аспект. Благозвучность французского языка бесспорна; музыкальность нации в любом жанре не вызывает никаких сомнений. Национально-специфической особенностью культуры является **шансон** (лексема заимствована практически всеми европейскими языками) - направление в песенном искусстве, сохраняющее традиции со времен Великой французской буржуазной революции и отражающее все стороны жизни нации.

Существование многочисленных тематических групп, высокая номинативная плотность обозначений вкусов, запахов, цветов свидетельствует об исключительном значении сенсорной картины культуры Франции. Можно предположить, что последняя (наряду с Италией), сохраняя свою самобытность, является доминирующей среди европейских стран в данном виде невербальной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: Учеб.пособие для студ.филол.лингв. и переводовед. Фак.высш.учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 432 с.
2. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов /Под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
3. Кирнозе З.И. Россия и Франция: диалог культур. Статьи разных лет: сборник научных трудов/ Сост. В.Г.Зусман и др. – Нижний Новгород: изд-во НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2002. – 272 с.
4. Le Nouveau Petit Robert. Le dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française.- Paris: Le Robert - 1998.
5. Все рестораны и кафе. Электронный ресурс.

<http://allcafe.ru/readingroom/kitchen/french/>

6. П.Мейл. Французские уроки: Путешествие с ножом, вилкой и штопором: роман – Спб.: Азбука- Аттикус, 2016. – 320 с.

O. A. Preobrazhenskaja (Saint-Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

NATIONAL SPECIFIC ELEMENTS OF SENSORIC IN FRENCH LINGUOCULTURE

The article considers sensor systems as a form of nonverbal communication and its particularities in the French culture, as well as linguistic interpretation of this type of communication

Nonverbal communication, sensor systems, the national specifics of the nomination of taste, odour, colour

УДК 37.03

У. Равданжамц

Монгольский государственный университет образования,
rurgamal2018@mail.ru

Л. В. Московкин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Moskovkin.leonid@yandex.ru

Ли Цзинзин

Санкт-Петербургский государственный университет,
qingshui@mail.ru

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ»

В статье рассматривается проблема соотношения межкультурной и коммуникативной компетенции. Делается вывод о том, что межкультурная компетенция является разновидностью коммуникативной компетенции, включающей умения воспринимать и интерпретировать информацию о реалиях русской или родной культуры, самостоятельно находить информацию о них, сравнивать их и интерпретировать результаты сравнения.

Межкультурная компетенция, коммуникативная компетенция, межкультурные умения, преподавание русского языка как иностранного

В последние 30 лет одним из наиболее перспективных направлений методики преподавания иностранных языков вообще и русского языка как иностранного в частности стало направление, связанное с формированием у учащихся межкультурной компетенции. О его значимости и популярности свидетельствует большое количество научных публикаций и защищенных диссертаций, и это работы

не только методического, но также педагогического и психологического характера. Существует множество определений межкультурной компетенции, причем в зависимости от ракурса рассмотрения данного понятия в этих определениях подчеркиваются либо методические, либо педагогические, либо психологические его характеристики. Тем не менее, все авторы признают, что межкультурная компетенция — это способность человека успешно осуществлять межкультурную коммуникацию, и под межкультурной коммуникацией понимают процесс общения представителей разных культур [2, с. 26], [10, с. 5-14], [4, с. 10].

Некоторые ученые полагают, что межкультурная компетенция существенно отличается от коммуникативной, так как она обеспечивает не только обмен информацией, но и понимание ценностей, образа жизни других народов. Так, А. Л. Бердичевский отмечает, что в настоящее время «наблюдается отход от абсолютизации коммуникативного подхода и чисто коммуникативной компетенции в качестве целей обучения». Он констатирует наступление «посткоммуникативного этапа» в методике преподавания иностранных языков, для которого характерна ориентация на формирование межкультурной компетенции, которая представляет собой «умение общаться с представителями другой культуры, включающее способность к пониманию ограниченности своей собственной культуры и своего собственного языка, и умение переключиться при встрече с другой культурой на другие не только языковые, но и неязыковые нормы поведения» [1, с. 37]. Подчеркивая особую роль культуры в процессе обучения иностранному языку, А. Л. Бердичевский указывает на принципиальные отличия межкультурной компетенции от коммуникативной [6, с. 4-5]. Еще более резко высказывается о коммуникативности создатель теории коммуникативного обучения иностранным языкам Е. И. Пассов: «... дальнейшее движение в направлении коммуникативности нецелесообразно, ибо рано или поздно заведет в тупик» [8, с. 32]. Для Е. И. Пассова, разрабатывающего теорию иноязычного образования, основным понятием современной методики также является понятие «культура», причем культура понимается широко — в нее включается и язык.

В попытках отделить межкультурную компетенцию от коммуникативной, противопоставить оба эти понятия, с одной стороны, и определить межкультурную коммуникацию как процесс общения, с другой стороны, мы усматриваем противоречие, для разрешения которого необходимо проанализировать оба понятия с позиций системного подхода, предполагающего выделение не только различий, но и сходств этих понятий. Попытаемся в данной статье применить системный подход к рассмотрению межкультурной и коммуникативной компетенций.

Очевидно, что понятие «коммуникация» шире понятия «межкультурная коммуникация». Основных разновидностей коммуникации с культуроведческой точки зрения две: общение с представителями своей культуры и общение с представителями чужой культуры. Различия между ними существенны — они обусловлены наличием в сознании людей универсальных категорий «свое» и «чужое» [7, с. 127-143]. Даже если мы хорошо владеем языком (или подязыком) представителей чужой культуры, мы ведем себя в общении с ними не так, как со своими — во многих случаях то, что мы можем сказать своим, мы не всегда будем говорить чужим. При этом под чужими понимаются представители не только разных

¹ В настоящей статье термины «общение» и «коммуникация» употребляются как синонимы.

этносов, но и различных социальных групп в рамках одного этноса, то есть носители разных субкультур.

Общение с представителями чужой культуры может осуществляться по-разному. В одном случае в процессе общения учитываются межкультурные различия, в другом не учитываются, то есть общение ведется с позиций одной культуры. В связи с этим отметим, что в советской и российской методике преподавания русского языка как иностранного до начала XXI века доминировал подход к обучению иностранцев общению на русском языке с позиций русской культуры. Так, создатели лингвострановедения Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров писали о необходимости аккультурации иностранцев [3]. Понимая сложность этой проблемы, разработчики различных вариантов суггестопедического обучения русскому языку предлагали иностранным учащимся «легенды» — каждый из них получал русское имя и биографию и должен был себя вести в процессе обучения так, как ведет себя русский человек. Признавая возможность такого подхода, отметим, что коммуникативное обучение предполагает моделирование на учебных занятиях реальных ситуаций общения, и это означает, что реализация коммуникативного подхода требует включения в процесс обучения русскому языку как иностранному таких речевых ситуаций, в которых одним из участников общения будет иностранец. Этот альтернативный вариант обучения предполагает учет межкультурных различий в процессе общения.

В современных учебниках и учебных пособиях по русскому языку как иностранному для начального этапа обучения речевые ситуации, в которых одним из участников общения оказывается иностранец, встречаются намного реже, чем ситуации общения между русскими, и в них не находит отражения требование учитывать межкультурные различия. Однако только такое общение, учитывающее межкультурные различия, можно считать межкультурной коммуникацией.

Специфика общения иностранцев на русском языке недостаточно учитывается и в практике обучения на продвинутом этапе, а также в практике сертификационного тестирования (ТРКИ-3 и ТРКИ-4). Студентам иногда предлагаются ситуации конфликтного характера без учета того, что, находясь в русской языковой среде, они чаще выбирают речевые стратегии сотрудничества, избегания конфликтов или противодействия им.

Возвращаясь к проблеме различий между коммуникативной и межкультурной компетенциями, отметим, что высказываемое рядом ученых положение о том, что коммуникативная компетенция в отличие от межкультурной обеспечивает только обмен информацией, представляется недостаточно убедительным. На наш взгляд, интерпретация общения между людьми только как обмена информацией является явным упрощением. Многие специалисты в области лингвострановедения, лингвокультурологии, теории коммуникативного поведения подчеркивают наличие аксиологического (ценностного) аспекта процесса коммуникации, без которого она вообще невозможна [9], [11].

Наконец, очевидно, что формирование и развитие межкультурной компетенции возможно только на базе коммуникативной компетенции. Если у студентов не сформированы коммуникативные умения и речевые навыки, начальные знания о стране изучаемого языка, говорить о становлении межкультурной компетенции вообще не имеет смысла.

Таким образом, межкультурная коммуникация является разновидностью процесса общения, и в таком случае межкультурную компетенцию целесообразно рассматривать как частный случай коммуникативной компетенции. Косвенно это признают и сами специалисты по теории формирования межкультурной компетенции. Например, в коллективной монографии по теории межкультурного образования, авторами которой являются А. Л. Бердичевский, И. А. Гиниатуллин, И. П. Лысакова и Е. И. Пассов, показательной является ее структура: главы этой книги посвящены формированию межкультурных лексических и грамматических навыков, межкультурных умений говорения, аудирования и чтения [6]. Это означает, что в ее основе все-таки лежит формирование коммуникативной компетенции, хотя и осложненное условиями межкультурного общения.

Рассмотрение межкультурной коммуникации как разновидности общения позволяет признать, что она может быть не только устной, но и письменной, то есть осуществляться через тексты, в которых может быть не только представлено сравнение элементов двух разных культур, но и выражено отношение представителей одной культуры к представителям другой культуры. Это также означает, что и формирование межкультурной компетенции будет в основных чертах сходным с формированием коммуникативной компетенции — будут сходными учебные речевые ситуации, приемы работы, виды упражнений и учебных текстов.

Специфика же межкультурной компетенции состоит в том, что она предполагает постоянное сравнение родной и чужой культур и учет результатов этого сравнения в процессе общения. Эта специфика отражается в трех аспектах межкультурной компетенции:

- когнитивном (знания об общем и различном в ценностях, нормах и образцах поведения в контактируемых культурах);
- аффективном или эмоциональном (умения встать на позицию партнёра по межкультурному общению и идентифицировать возможный конфликт как обусловленный ценностями и нормами его культуры);
- коммуникативно-поведенческом (умения осуществлять конкретные действия в межкультурной ситуации) [6, с. 8].

Все три аспекта имеют методическую значимость, определяя, в частности, стадии формирования межкультурной компетенции: знание — понимание — действие. Без знаний невозможно проявление эмоций и коммуникативное поведение человека, без эмоций коммуникация также невозможна.

Для формирования и развития межкультурной компетенции необходимо знать ее основные компоненты — набор умений, необходимых для межкультурного общения. Помимо коммуникативных умений это будут умения:

- воспринимать и интерпретировать информацию о реалиях русской или родной культуры на учебных занятиях по русскому языку;
- самостоятельно находить информацию о реалиях русской или родной культуры (извлекать ее из учебных текстов, справочных изданий, поисковых систем сети Интернет и др.);
- сравнивать реалии русской и родной культур (условиями этого сравнения являются знание особенностей русской и родной культур, норм поведения, особенностей национальных менталитетов; результатом сравнения будут знания о сходствах и различиях русской и родной культур и их оценка);

– интерпретировать результаты межкультурного сравнения с позиции русской или родной культуры.

В условиях обучения русскому языку все эти умения развиваются на базе коммуникативных умений (умений говорения, чтения, аудирования и письма).

Рассмотрение вопроса о содержании понятия «межкультурная компетенция» позволяет рассматривать межкультурную компетенцию не как принципиально новое педагогическое явление, а как разновидность коммуникативной компетенции, что предполагает наличие в ее составе тех же компонентов, что и в составе коммуникативной компетенции, и формирование ее теми же путями и способами, что и формирование коммуникативной компетенции. При этом, как любая разновидность общего, родового понятия, межкультурная компетенция включает особые признаки. К ним относятся специфические межкультурные умения, которые необходимо формировать в процессе обучения: умения воспринимать и интерпретировать информацию о реалиях русской или родной культуры на учебных занятиях по русскому языку, самостоятельно находить информацию о них (извлекать ее из учебных текстов, справочных изданий, поисковых систем сети Интернет и др.), сравнивать их и интерпретировать результаты сравнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердичевский А. Л. Новое вино в старые мехи?! // Русский язык за рубежом. 2010. № 5. С. 37.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990. С. 26;
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1983.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. С. 10.
5. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного / Под общ. ред. А. Л. Бердичевского. М., 2011. С. 4–5, 1011.
6. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного / Под общ. ред. А. Л. Бердичевского. М., 2011.
7. О проявлении этих универсальных категорий в русском языке и в русской культуре см.: Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 127–143.
8. Пассов Е. И. Коммуникативность: прошлое, настоящее и будущее // Русский язык за рубежом. 2010. № 5. С. 32.
9. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русское коммуникативное поведение М., 2002;
10. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: подготовка переводчиков: Автореф. дис. ...д-ра пед. наук. М., 1990. С. 5–14;
11. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация в современной России. М., 2010.

R. Urgamal
Mongolian State University of Education

Leonid V. Moskovkin, Li Jingjing
Saint Petersburg State University

MEANING OF THE CONCEPT «INTERCULTURAL COMPETENCE»

The article discusses the problem of the relation of intercultural and communicative competence. The conclusion is that intercultural competence is a kind of communicative competence, including abilities to perceive and interpret information about the realities of Russian or native culture, to find information about them, compare them, and interpret the results of the comparison.

Intercultural competence, communicative competence, intercultural abilities, teaching Russian as a foreign language

УДК 81.38:389

М. В. Слизкова

Южно-Российский государственный политехнический университет имени
М. И. Платова (НПИ),
ruslo74@mail.ru

LANGUAGE, MENTAL AND OBJECTIVE REALITY: PROBLEM OF CORRELATION

In this article we research the problem of correlation between languages, mental information and objective reality. We see the way of this problem's decision in composing of linguistic metrological scale. It's the correlation between objective values and lexical characteristics of different languages. We consider the problem of translating accuracy in aspect of Linguistic metrology. Linguistic metrology researches the correlation between the device characteristics and meanings of the words of different languages.

Linguistic metrology, translating accuracy, linguistic metrological scale

The problem of correlation between languages, mental and objective reality is very actual for modern linguistic science. We see the way of this problem's decision in composing of linguistic metrological scale, which researches correlation between objective values and lexical characteristics of different languages. It's built during our experiment "Defining of different nation's people reaction to the color".

We confirm this problem's actuality by its development's history. B. Berlin (1969), P. Key (1969), E. Sepir (1985), E. Rosh (1973), R. Frumkina (1990) devoted their works to the language's research using psycholinguistic experiment [1]. They have carried out their experiments with color-patterns in linguistic cultural aspect.

We consider problem of translating accuracy of the words with the meaning "color" in the aspect of Linguistic metrology. *Linguistic metrology* is the branch of linguistics, which develops the way of the correct words meaning identification in the direction "word – denotation" [2].

The aim of this research is to build the color linguistic metrological scale, improve process of translating. Color linguistic metrological scale defines the correlation between indexes from the Pantone fan (it comprises 3000 color patterns) and the words with meaning "color". We have chosen the Pantone fan because of the great spectrum of colors (composing parts of this fan are blue, purple, yellow and black; their percent's correlations).

Color linguistic metrological scale may be used in the process of teaching for the foreign languages and Russian as the foreign language. Objectified data of experiment will promote to more accurate translation, time economy at the lessons, more effective understanding of the text. Color linguistic metrological scale will replenish vocabulary of the words with the meaning "color". We can't observe full list of the words with the meaning "color" in the traditional dictionaries. It's important to note that it's not monosemantic in processing of the word understanding (the words with meaning "color") in different languages. It reflects in the words interpretations by different dictionaries.

For example, we note the different word's semantics in different dictionaries.

Pink – a reddish color of various shades;

coal black – black or dark-brown;

brick red – a yellowish or brownish red.

So, we turn to the linguistic experiment for the identification of the correlation between verbal and objective information. The verbal reactions to the different color stimulus were registered and written in protocols of experiment's participants from Russia, England and France.

300 students from Russia, England and France took part in this experiment. They characterized 52 color-patterns with the aim to define the verbal reactions to the quality of color. Then we have treated data – lexical characteristics, which were received in the result of the experiment. For example, if 200 people from 300 participants characterized the color pattern with index 100 100 0 0 as «*navy blue*», we marked it as «*navy blue*» on the color linguistic metrological scale. But in conclusion following after the description of the experiment, we note that the compatibility of this color pattern with the meaning «*cornflower blue*» - 2%, «*navy blue*» - 10%, «*light blue*» - 1%, «*azure*» - 3% and so on. Per cents – it's quantity of people who characterized color pattern. All color patterns are numbered. Thus we received extra linguistic scale of color [2].

We note, that we have received not only color spectrum (color scale in nanometers, indexes from the Pantone's fan), but numerous lexical characteristics (basic and peripheral) in Russian, English and French.

We classified all words with the meanings "color" for two principles: *from the word to denotation* and *from the denotation to the word*.

Classification "from the word to denotation":

a) words with complex etymology: *oxford blue*, *autumn*, *Sistine*, *Algerian*, *Rome purple*, *rouge azteque*.

We should explain that *oxford blue* we must not translate as *цвет Оксфорда*, but as *синий цвет* (color of students sport uniform in Oxford). We should translate *autumn* as *темно-медный*. Antroponym *Sistine* we translate as *синий* (blue color of background in Sistine chapel), toponym *Algerian* means skin's color, produced in Algeria. French *rouge azteque* means the red color, (color of the products of asteque in ancient civilization); English *Rome purple* means purple color of cloak of Rome emperor.

So, these words have more complex chain and don't need the simple transformation.

б) metonymical words: *валенковый, bubble-gum, лавандовый, винный, васильковый, подсолнуховый, цвет луковой кожуры*.

We represent the second classification "from the denotation to the word".

Lexico - semantic field with the dominant *blue*.

1. The words which mean the dark blue color: Oxford blue (синий), navy blue (темно-синий), indigo (индиго), royal blue (яркий оттенок синего), medium blue (умеренный синий), blue (синий), cobalt (цвет кобальта), state blue (торжественный синий),
2. The words which mean the light blue color: cyan (циан), blue sky (цвет синего неба), light blue (светло-синий), cornflower blue (васильковый), turquoise (бирюзовый), azure (лазурный), smoky-blue (дымчатый).
3. The words - associations: sea, bruised (цвет синяка), aquamarine (цвет аквамарина), plum (сливовый), Sistine (синий), baby blue (детский голубой), neutral (нейтральный), watery (водянистый), petunia (петуния), peacock (павлин), lavender (цвет лаванды), robbins blue (цвет малиновки), dark orchid (цвет темной орхидеи).

Lexico - semantic field with the dominant *yellow* (желтый).

1. The words which mean the dark yellow (темно-желтый): daffodil yellow (цвет одуванчика желтого), bronze (бронзовый).
2. The words which mean the light yellow: yellow (лимонный), light yellow (светло-желтый), citron (лимонный), gold (золотой), golden (золотой, золотистый), jonquil yellow (бледно-желтый, палевый), sandy (песочный), light gold yellow (светло-золотой), carnation yellow (телесный), honey (медовый), amber (янтарный), wheat (пшеничный),
3. The words - associations: marigold (цвет цветка ноготка), eggshell (цвет яичной скорлупы), mimosa (цвет мимозы), like molted gold (бледно-желтое золото), banana (банановый), gold-leaf (цвет осеннего золотого листа), corn gold (сверкающий золотой), straw (цвет соломы), rye (ржаной), sunny (солнечный), canary (канареечный), maize yellow (цвет желтой кукурузы), mellow-gold (цвет золотого спелого фрукта), primrose (первоцвет), cream (кремовый), Isabella (желтый), wax (цвет воска).

Lexico - semantic field with the dominant *red* (красный).

1. The words which mean the rose hues: rosy (розовый), light pink (светло-розовый), granite rose (гранитный розовый), pearl (жемчужный), soft pink (мягкий розовый), Persian pink (розовый персидский), misty rose (мутно-розовый), electric pink (электрический розовый), peach (персиковый), deer pink (насыщенный розовый), hot rose (горячий розовый), cherry (черешневый), bubble gum pink (розовый цвет жвачки)
2. The words which mean the dark red color: bordeaux (бордовый), magenta (мажента), tomato (томатный), wine (винный), mulberry red (цвет шелковицы, багровый, темно-красный), claret (цвет бордо), garnet (гранатовый), beetroot (свекольный), mahogany (цвет красного дерева), red violet (красно-фиолетовый), gules (красный в геральдике), purplish-red (фиолетово-красный).
3. The words which mean the bright red color: bright red (ярко-красный), cardinal red (ярко-красный), Indian red (индийский красный), coral (коралловый), cerise, crimson pink (малиновый), raspberry red (малиновый), cherry-colored (вишневый), amaranth (пурпурный), scarlet (алый), blood (цвет крови), mauve (розовато-лиловый), peony red (цвет красного пиона), liver-colored, ruby (рубиновый), rubicund (румяный), gules (красный), cardinal (ярко-красный), poppy (маковый), flamboyant (ярко-красный).

4. The words – associations: pimento red (цвет красного стручкового перца), powder pink (цвет розовой пудры), reddish (цвет редиса), mallow pink (цвет мальвы), red as a lobster (красный, как рак), peach (персиковый).

Lexico - semantic field with the dominant *orange* (оранжевый), lexico - semantic field with the dominant *green* (зеленый), lexico - semantic field with the dominant *black* (черный), lexico - semantic field with the dominant *grey* (серый) [2].

We must notice that our experiment solves the problem of preference in the field of color, which is dictated by cultural and historical traditions. Color's perception of the nation has specific features. It concerns with perception's system and color's system.

Languages are differed by delimits of semantic spheres and by methods of the divisions of this space into categories. We illustrate it by example: the same color shade is called *light green* in general use English; *mint green* is used in the language of trade ads; *serpentine* is used in the language of tailors; *griseo viridis* is used in special biological literature. Analyzing the words with the meaning "color" on the scale, we define the exact name of the color and the tone and discover the language picture of participants of experiment. It connects with the semantic prototype. For example, the English participant associate the Russian word *розовый* with the bubble gum. The French participants associate the word *Bordeaux* with wine and call it *color of wine*.

Some colors are formed from the specified names of beverages. They don't have any sense for other language speakers. For example, *кисельный* (Russian), *claret* (French). Place, plants, which are observed by the definite nation, meal, which it eats, influence to the character of experiment's results.

Thus we defined internal organization of lexical units analyzing linguistic metrological scale of color and all words with the meaning "color" received by the experiment. Linguistic metrological scale assists to extension of lexical semantic field "color". It also promotes more accurate translating.

We present the result of our experiment as the fragment of the dictionary.

Russian – English – French dictionary of colors.

1. Абрикосовый – цвет абрикоса, желто-красный. Color of apricot (англ.), d'abricot (франц.).
2. Агатный - черный, блестящий. Agate (англ.). D'agate (франц.).
3. Аквамаринный – зеленовато-голубой. Aquamarine (англ.), d'aigue-marine (франц.).
4. Алмазный – прозрачный, переливающийся, блестящий. Diamond (англ.), de diamant (франц.).
5. Алый – ярко-красный. Scarlet (англ.), rouge coquelicot (франц.).
6. Алюминиевый – имеющий цвет алюминия; серебристо-белый. Aluminium (англ.), d'aluminium (франц.).
7. Амарантовый – пурпурный. Purple (англ.), d'amarante (франц.).
8. Аметистовый – темно-фиолетово-синий. Amethyst (англ.), d'amethyste (франц.).
9. Антрацитовый – черный с блеском. Anthracitic (англ.), d'anthracite (франц.).
10. Апельсиновый – оранжевый. Orange (англ.), mandarine (франц.).
11. Аспидный – черно-серый. Slate (англ.), d'ardoise (франц.).
12. Багровый – густо-красный, пурпурный с фиолетовым оттенком. Murrey (англ.), orange cru (франц.).

13. Багряный – ярко-красный. Purple (англ.), purpurin (франц.).
14. Баклажановый – фиолетовый. Aubergine (англ.), d'aubergines (франц.).
15. Бежевый – светло-коричневый с желтым оттенком. Cream (англ.), beige (франц.).
16. Беловатый – приближающийся цветом к белому. Whitish (англ.), blanchatre (франц.).
17. Белый – цвет чистого снега. White (англ.), blanc (франц.).
18. Бесцветный – не имеющий цвета, неокрашенный. Colorless (англ.), incolore (франц.).
19. Бледный – слабо окрашенный, недостаточно интенсивный. Pale (англ.), pale (франц.).
20. Блеклый – лишенный яркости окраски, бледный. Faded (англ.), fletri (франц.).
21. Болотный – напоминающий цвет болота; темно-зеленый с желтоватым отливом. Army green (англ.), vert nil (франц.).
22. Бордовый – темно-красный цвет красного вина. Plum (англ.), bordeaux (франц.).
23. Бронзовый – имеющий цвет бронзы; золотисто-коричневый, золотисто-желтый. Bronze (англ.), de bronze (франц.).
24. Брусничный – ярко-красный. Red bilberry (англ.), d'airielle rouge (франц.).
25. Бурый – серо-коричневый. Brown (англ.), brun (франц.).
26. Бурый (о масти) – темно-коричневый с красноватым отливом. Brown (англ.), brun (франц.).
27. Бутылочный – темно-зеленый. Color of bottle (англ.), de bouteille (франц.).
28. Васильковый – ярко-синий. Cornflower (англ.), couleur bleuet (франц.).
29. Валенковый – серый. Аналога в английском и французском нет.
30. Верблюжий – серо-желтый. Camel (англ.), de chameau (франц.).
31. Вишневый – темно-красный. Cerise (англ.), couleur cerise (франц.).

LITERATURE

1. Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley, 1969.
2. Слизкова М.В. Теоретико-методологические основы лингвистической метрологии (на примере номинаций звука и цвета в русском, английском и французском языках): докт. дис. ... филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2014.
3. Oxford Advanced Learner's dictionary of Current English. Oxford University press Oxford, 1997.

M.V. Slizkova

*Platov South-Russian State Polytechnic University
(NPI)*

ЯЗЫК, МЕНТАЛЬНАЯ И ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМАМ КОРРЕЛЯЦИИ

В статье мы исследуем проблему корреляции языка, ментальной информации и объективной реальности. Мы видим путь решения проблемы в построении лингво-

метрологической шкалы. Она представляет собой соотношение объективных величин и лексических характеристик различных языков. Проблема точности перевода рассматривается в аспекте лингвистической метрологии. Лингвистическая метрология исследует соотношение показаний прибора и значений слов разных языков.

Лингвистическая метрология, точность перевода, лингво-метрологическая шкала

УДК 811.161.1'373.215(470.11)

ББК Ш.81.2Рус-67

О. А. Теуш

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н.

Ельцина,

olga.teush@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В СФЕРЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Статья посвящена лексике Европейского севера России, обозначающей объекты географического пространства. Рассматриваются межъязыковые связи, оценивается роль контактных языков в формировании системы обозначений географических объектов. Выявленный комплекс лексем анализируется с точки зрения происхождения слов и их семантического наполнения.

Лексема; семантика; значение; русский язык, финно-угорские языки

Диалектная лексика Европейского севера России для исследователей русского языка на протяжении многих лет является лингвистической лабораторией, в которой ставятся и решаются различные проблемы истории русского языка, исторической лексикологии, диалектологии, ареальной лингвистики, контактологии, общего языкознания. Этому способствуют архаичность и богатство лексических фактов, их разнообразие, а также этническая специфика региона. В древности, до русской колонизации, Европейский север России населяли финно-угорские и самодийские племена, современные говоры Русского Севера находятся в окружении далеко разошедшихся языков, представляющих две языковые группы – финно-угорскую и самодийскую. Являясь территорией этнических контактов, Европейский север России одновременно переживал интенсивные языковые контакты, причём условия и типы контактирования были чрезвычайно разнообразны. Воздействию иноязычных лексических систем оказались в той или иной степени подвержены все языки региона, каждый из них включён в систему подвижных лексических связей. Преемственность и сохранность в севернорусской среде фактов, относящихся к исчезнувшим ныне языкам, делают лексику Русского Севера ценнейшим источником изучения истории русского и финно-угорских языков, а также их взаимодействия на этой территории. Комплексное изучение лексики всех языков региона позволяет установить масштабы лексических взаимодействий, максимально извлечь лингвистическую и

экстралингвистическую информацию, исследовать происхождение и судьбу каждого слова, обнаружить ценные факты, относящиеся к истории заселения и освоения региона, его этническому прошлому.

Географическая терминология в силу ее активного использования при хозяйственной и бытовой деятельности является одной из наиболее важных и крупных составляющих диалектной лексики. Исследование географической терминологии языков Европейского севера России предоставляет возможность сопоставления различных представлений о природном мире, а изучение языковых контактов в сфере географической лексики позволяет выявить изменения в видении и использовании окружающего ландшафта. Народы, населяющие Европейский север России, пришли на эту территорию в разное время, и им всем пришлось осваивать этот сложный в климатическом и географическом отношении регион. При всем разнообразии ландшафт Европейского севера России достаточно однороден: здесь много болот и низин, разветвленные речные системы, обширные леса, сравнительно невысокие возвышенности. У каждого народа, населяющего регион, выработалась своя система географических терминов, семантическое наполнение которой определялось не только особенностями ландшафта, но и образом жизни, хозяйственными занятиями населения. Большую роль в формировании географической лексики различных языков сыграли в этом регионе и межъязыковые контакты.

Сравнительный анализ семантики русских заимствований в финно-угорских языках и финно-угорских заимствований в русском позволяет выявить ряд тенденций русско-финно-угорского взаимодействия, имеющих как лингвистические, так и экстралингвистические причины.

В русский язык вошло незначительное количество названий поселений, распространенных в финно-угорских языках (напр., *кулига* деревня, куст деревень < фин. *kylä* 'деревня', карел. *külä*, вепс. *k'ülä*, *k'ülä* 'чужая деревня' [14, с. 141]), в то время как заимствования из русского многочисленны (источником в русском послужили лексемы *волость*, *область*, *округ*, *округа*, *деревня*, *починок*, *поселение*, *поселок* и др. – 18 слов). Большинство русских лексем в современной или дореволюционной России бытовали в качестве официальных терминов административно-территориального деления и их широкое распространение в других языках связано, скорее всего, не столько с непосредственными контактами народов, сколько с унификацией номенклатурной терминологической системы в России в независимости от этнического состава населения российских регионов. В отношении таких терминов можно говорить об императивном характере процесса их заимствования, обусловленном не контактами народов, а языковой политикой государства.

Взаимодействие народов Европейского севера России, определяемое совместной хозяйственной деятельностью, в наибольшей степени проявляется в группе географических терминов, связанных с земледелием и огородничеством. Заимствованиями из русского в финно-угорские языки являются карел. *ogrodu* [8, с. 241], *ogoroda* [KKS 3, 20], *ogorda* [7, с. 187], коми *огород* [11, с. 257], ненец. *огород* 'огород' [6, с. 425]; вепс. *zapol'k* 'заполье (отдаленное поле или пожня)' [2, с. 549] (< русск. *заполька* 'расположенный за полями земельный участок'); вепс. *polost* 'полоса (участок земли)' [2, с. 430], карел. *polosta* 'полоса, надел земли' [7, с. 216] (< русск. *полоска*) и др. (более 30 слов). Русские полеводческие термины, послужившие

источником, относятся, прежде всего, к сфере пашенного земледелия. Причины заимствования в этом случае во многом экстралингвистичны: пашенное земледелие и огородничество было перенесено на Европейский север России русскими, и вместе со знакомством с новыми видами деятельности финно-угорские народы заимствовали соответствующую терминологию. Русские термины подсечного земледелия распространены в меньшей степени, что, вероятно, говорит о том, что терминология подсечного земледелия у прибалтийских финнов и коми была достаточно хорошо разработана до прихода русских, а ландшафт Русского Севера уже был хозяйственно видоизменен настолько, чтобы быть пригодным для пашенного земледелия. Финно-угорские термины подсечно-огневого земледелия нередко заимствовались русскими диалектами (ср., напр., русск. *каска* ‘срубленный для пожоги лес, подсека’ ~ карел., ливв. *kaski* ‘подсека; пожар’, люд. *kask*, *kašk* ‘подсека (до выжига)’, вепс. *kašk* ‘подсека’; русск. *кедовина* ‘распаханное поле на месте выкорчеванного и выжженного лесного участка’, ‘заброшенная нива’ < карел. *keto*, *kedo*, ливв., люд. *kedo*, фин. *keto* ‘заросшая подсека, поляна, залежь’³). Если учесть, что русская полеводческая терминология обширна и детально разработана на исконном материале, в качестве причины ее пополнения финно-угорскими лексемами можно видеть потребности межэтнической коммуникации, универсализации комплекса лексем в языках одного региона. Обилие общих земледельческих терминов указывает на то, что совместная деятельность по обработке земли была одной из наиболее существенных сфер контакта народов на Европейском севере России.

С потребностями межэтнического общения связано, вероятно, и заимствование из русского в языки региона наименований ориентационно значимых объектов: названий дорог (напр., вепс. *dorog*, карел. *dorog*, *dorogu* ‘дорога, путь’ [5, с. 25], коми *вӧлӧк*, *вӧлэк* ‘волок (путь лесом от селения до селения)’ [11, с. 65] < русск. *волок* ‘то же’ и др. – около 20 лексем), некоторых родовых географических терминов (карел. *kora*, *gora* ‘гора, обрыв, сопка’ [5, с. 42], коми *gӧra*, *gora* ‘гора, возвышенность’ [11, с. 88], карел. *beŋoga* [7, с. 18], *beŋga*, *berega* [15, т. 4, с. 209], коми *берег*, *берӧг* ‘берег’ [11, с. 20]), терминов описания ландшафта (карел. *mesta* [15, т. 3, с. 295], коми *места* [1, с. 392] ‘место, местность’, карел. *raja* ‘граница (государства, земельного надела); край, конец (моря, леса и т.д.)’ [5, с. 77], коми *край* ‘край’ [4, с. 325], карел. *storona* ‘край, местность, сторона’ [15, т. 5, с. 527], коми *стӧрӧна*, *стӧрена* ‘сторона; страна’ [11, с. 347]). Все приведенные лексемы семантически избыточны в языках-реципиентах⁴. Другие русские родовые географические термины, такие, как *лес*, *болото*, *река*, *озеро*, не стали источником заимствования: лес и болото обладают достаточно большой протяженностью, в то время как гора – компактный, зрительно выделяемый и потому ориентационно значимый объект на местности. Река и озеро как элементы ландшафта могут быть наиболее точно описаны именно через их берега.

² О терминах земледелия в прибалтийско-финских языках см., напр.: Мамонтова Н. Н. Названия пахотных и сенокосных угодий у карел-ливвиков (отапеллятивные образования) // Вопросы ономастики. Вып. 14. Собственные имена в системе языка. Свердловск, 1980. С. 43-44.

³ Об этих и других терминах финно-угорского происхождения см. подробнее: Мызников С. А. Лексика подсечно-огневого земледелия финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада России (опыт лингвогеографического описания) // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2002. Вып. 2. С. 69-78.

⁴ Подтверждает эту лексическую избыточность такое образование в карельском языке, как *beŋogaranda* ‘берег’ [15, т. 4, с. 209; 7, с. 18] – сложное слово, состоящее из двух синонимов: заимствованного из русского и исконного карельского.

Край, сторона и *бок* – универсальные термины, позволяющие очертить любой протяженный объект на суше: поле, луг, лес, болото и т. п. Лексема *место* может являться обозначением любой географической реалии. Дорога – объект, значимый для перемещения по местности и знание его наименования на другом (кроме родного) языке существенно для межкультурной коммуникации. Таким образом, описанный набор терминов является наиболее значимым в качестве средства передачи информации о ландшафте и передвижении по нему.

Лес представлен в русских по происхождению терминах финно-угорских языков исключительно как хозяйственно используемое пространство. В качестве основных идеограмм можно выделить ‘участок леса, находящийся в частном владении’ и ‘вырубка / делянка’: карел. *duačča* ‘участок леса, лесная дача’ [7, с. 35], коми *дача* ‘дача (купеческий лес)’ [11, с. 98]; карел. *d’el’ anki* ‘делянка (участок вырубленного леса)’ [8, с. 40], *d’el’ anka* ‘делянка (лесная)’ [7, с. 33], коми *делянка, делянка, гелянка* ‘делянка, лесосека’ [11, с. 99]; вепс. *pašek* ‘лесосека’ [2, с. 402], коми *пасека* ‘пасека, отведенная под сруб полоса леса’ [11, с. 276] (< русск. *пасека* ‘участок леса, предназначенного для вырубки’). Несколько номинаций для идеограммы ‘вырубка / делянка’ указывают на то, что маркированно русским является представление о лесе не как локусе хозяйствования, а как о месте добычи лесоматериалов.

Большинство лексем, заимствованных из финно-угорских языков, обозначают объекты естественного ландшафта, преимущественно виды болот и лесные участки (ср., например, русск. *павна* ‘поросшая травой болотистая местность’ < приб.-фин., ср. люд. *rauii* ‘поросшее травой место’, *raui* ‘яма с водой’ [16, с. 507]; русск. *уйта* ‘моховое или травянистое болото’, ‘заболоченное место в лесу’, ‘залив реки, озера’, ‘узкий рукав болота, покоса’ < приб.-фин., ср. карел., ливв. *uitto* ‘ложбина между возвышенностями; заливной покос на низком месте; небольшой пруд’, люд. *uitto* ‘узкий и длинный сырой луг между возвышенностями; промоины в обрывистом речном берегу’, вепс. *uit* ‘пруд; окно в болоте’ [5, с. 97]). Во многом благодаря финно-угорским заимствованиям севернорусская географическая терминология отражает чрезвычайно дробное восприятие ландшафта с различением видов объектов по микропризнакам.

Большую группу финно-угорских заимствований представляют названия водных микрообъектов (русс. *лахта* ‘небольшой морской залив (обычно мелководный)’, ‘залив в реке или озере’, ‘окно воды в болоте или среди луга’, ‘небольшое озеро, заросшее травой’ < приб.-фин., ср. ливв. *lahti*, люд. *laht*, *laht’i*, вепс. *laht* ‘залив’ [16, с. 296]; русск. *кара* ‘залив, заводь на реке или озере’, ‘глубокое место в реке или озере’, ‘поворот реки’, ‘извилистый берег’ < приб.-фин., ср. вепс. *kar*, *kara* ‘небольшой залив, бухта’ [2, с. 179] и др.). Думается, что в основе распространения этих слов лежит то, что они обозначают традиционные локусы рыболовов: залив, заводь – это места, где вытаскивают на сушу невод, нередко в «горле» залива устанавливались и рыболовные ловушки.

Причины заимствования финно-угорских терминов в севернорусские диалекты связаны частично с лакунами в системе языка-реципиента и потребностями в детализации пространства, частично с тем, что болота, леса, заводы являются хозяйственными объектами охотников и рыболовов, какими были прибалтийские финны и коми и какими стали многие из русских переселенцев. “Естественность”

⁵ Этимологию см. в [12, т. 4, с. 155]; Попов А. И. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // Acta Linguistica Hungaricae. T. V. Budapest, 1955. S. 10.

этих объектов во многом кажущаяся: это хозяйственно используемые объекты, но не создаваемые (в отличие от поля, дороги, канала и т. п.).

Общность географической терминологии народов Европейского севера России проявляется не только в едином комплексе лексем, возникшем в результате взаимообогащения языков, но и в сходстве моделей номинации объектов ландшафта. Ранее нами было отмечено совпадение внутренней формы русских и прибалтийско-финских лексем, называющих сезонные дороги: русск. *ледница*, *ледянка* 'дорога, по которой ездят только зимой' ~ карел. *jiäkeli* 'ледяной путь', *jiämatku* 'путь по льду' при *jiä* 'лед' [8, с. 102], русск. *летник* ~ карел. *kezädorogi* 'летняя дорога, летник' при *kezä* 'лето' [8, с. 135-136], русск. *санник*, *санница* 'зимняя дорога' ~ карел. *regikeli* 'санная погода', *regidorogi* 'санная дорога, санный путь' при *regi* 'сани' [8, с. 302], русск. *зимник*, *зимарь* ~ карел. *talvikeli* 'зимний путь', *talvidorogi* 'зимняя дорога, зимник' при *talvi* 'зима' [8, с. 375]⁶. Подобные соответствия многочисленны и могут быть выявлены в других группах географических терминов.

Одной из семантических универсалий, свойственных и русскому и финно-угорским языкам, является использование анатомической метафоры в географической терминологии. На Европейском севере России обнаруживается ряд семантических моделей такого рода, локализованных в русском языке только на этой территории. Речь идет, прежде всего, о семантических переходах 'нос' > 'мыс' (русск. *нос*, *носок*, *носовина* 'мыс, излучина реки' [3; 10, т. 21, с. 285, 292] ~ фин. *niemennepä*, *niemennokka* 'оконечность мыса' [13, с. 399] при *nenä* 'нос' [13, с. 398], *nokka* 'клюв; нос' [13, с. 403], вепс. *ńok*, карел. *ńokki* 'нос, клюв', 'мыс' [2, с. 364; 5, с. 65], карел. *niemen nenä* 'оконечность мыса' при *nenä* 'нос' [8, с. 225]), 'глаз' > 'окно воды в болоте' (русск. *глаз*, *глазина*, *глазник*, *глазовина*, *глазок*, *глазун* 'окно воды в болоте' [3; 10, т. 6, с. 187-188] ~ фин. *silmänne* 'родник, ключ; окно в болоте', *silmäke*, *silmäkkö* 'омут, окно в болоте', *silmäs* 'ключ, родник в болоте' при *silmä* 'глаз' [16, с. 1026], вепс. *süumlähte*, *silmlähte* 'окно в болоте' при *süüm*, *sil'm* 'глаз' [2, с. 535-536], коми *му син* 'окно на болоте, трясина; родник, ключ' при *син* 'глаз' [11, с. 336]). Если первый из этих переходов, скорее всего, является семантическим заимствованием из финно-угорских языков⁷, то второй представляет собой семантическую универсалию⁸, поддержанную в русском языке финно-угорским влиянием.

В севернорусской географической терминологии отмечен ряд терминов, реализующих модель 'внутренний' > 'лесной' > 'отдаленный, глухой', которая, насколько нам удалось определить, не зафиксирована за пределами Европейского севера России. Эта модель представлена следующими лексемами: *нутра* 'отдаленное место в лесу, глушь', *нутро* 'лесная глушь, чаща', *нутровый* 'идуший через глухой лес (о дороге)', *нутрянной* 'текущий по глухому лесу (о речке, ручье)' [КСГРС], *нутренка* 'лесное озеро без стока', *нутренник* 'лесистый остров на болоте' [9, т. 4, с. 54]. Прямые параллели, представляющие ту же модель, обнаруживаются в прибалтийско-финских языках, ср.: вепс. *süd'äin* 'нутро, внутренность, начинка; сердце', *süd'äinso* 'болото в глухом лесу', *süd'äinkangaz* 'бор среди болота' [2, с. 532], карел. *süväin* 'внутренняя часть чего-л.; сердцевина, ядро', *süväintečči* 'дальний,

⁶ См. подробнее: Теуш О. А. Названия дорог и троп в севернорусских говорах: заимствования из финно-угорских языков // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2002. Вып. 2. С. 49-51.

⁷ См.: Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 396.

⁸ См.: Матвеев А. К. Русск. диал. чильма // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. С. 56-59.

глухой лес' [8, с. 357], фин. *sydän* 'сердце', 'ядро, сердцевина', 'сердце, сердцевина, центр', *sydänmaa*, *sydänseutu* 'периферия, глухая провинция, глушь, глухомань, захолустье' [13, с. 604]. Семантическая специфичность модели, распространенность ее в финно-угорских языках и ограниченная локализация в русском позволяют в данном случае думать о калькировании финно-угорского восприятия соотношения 'внутренний' – 'дальний' (относительно объектов ландшафта) в русских диалектных данных.

Таким образом, взаимодействие языков Европейского севера России в области географической терминологии происходило по принципу дополнительности: термины, заимствовавшиеся из русского языка, относились преимущественно к искусственно создаваемым объектам и объектам, значимым для ориентации в пространстве, из финно-угорских языков – к естественным микрообъектам, используемым охотниками, рыболовами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000.
2. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.
3. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского университета).
4. Коми-русский словарь. М., 1961.
5. Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
6. Ненецко-русский словарь / Сост. Н. М. Терещенко. М., 1965.
7. Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994.
8. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.
9. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1-6. Л., СПб., 1994-2005.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-34. М.; Л., СПб., 1965-1998.
11. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
13. Финско-русский словарь. Таллинн, 1998.
14. *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.
15. *Karjalan kielen sanakirja.* LSFU, XVI. О. 1–5. Helsinki, 1968-1997.
16. *Suomen kielen etymologinen sanakirja.* LSFU, XII. О. 1–7. Helsinki, 1958–1981.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Языки и диалекты.

вепс.	–	вепсский язык
карел.	–	карельский язык
ливв.	–	ливвиковский диалект карельского языка
люд.	–	людиковский диалект карельского языка

ненец.	–	ненецкий язык
приб.-фин.	–	прибалтийско-финские языки
русск.	–	русский язык
фин.	–	финский язык
2. Прочие		
др. – другие		
см. – смотри		
ср. – сравни		

Olga Teush

Ural Federal University named after The First President of Russia B. N. Yeltsin,
olga.teush@yandex.ru

INTERACTION OF LANGUAGES OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE FIELD OF GEOGRAPHICAL VOCABULARY

The article is devoted to the vocabulary of the European North of Russia, denoting the objects of geographical space. The article deals with interlanguage relations, evaluates the role of contact languages in the formation of a system of designations of geographical objects. The revealed complex of lexemes is analyzed in terms of the origin of words and their semantic content.

Lexeme; semantics; meaning; Russian language, Finno-Ugric languages

УДК 316.723+791.43

М. А. Ткаченко

*Петербургский государственный университет путей сообщения императора
Александра I,*
targhis@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК ИЗ ТОЛПЫ: ОБРАЗ ТИПИЧНОГО АМЕРИКАНЦА 1920-Х ГГ. В КИНОФИЛЬМАХ ХАРОЛДА ЛЛОЙДА

Прослеживается и анализируется творчество выдающегося комедианта эпохи Нмого кино Харолда Ллойда с точки зрения наличия характерных для Соединенных Штатов 1920-х годов образов и установок, ставших залогом популярности Ллойда как фильммейкера.

Харолд Ллойд, межкультурная коммуникация, эпоха Нмого кино, немая комедия, стереотип американца, «ревущие двадцатые»

20 апреля 2018 года исполняется 125 лет с рождения Харолда Ллойда — киноактера и фильммейкера эпохи Нмого кино, одного из трех великих мастеров трюковой комедии. В отличие от своих коллег и соперников Чарли Чаплина и Бастера Китона, Ллойд был основательно позабыт в течение XX века, хотя

значимость его заслуг в развитии кинематографа неоспорима, и в лучшую свою пору он являлся одним из наиболее влиятельных деятелей Голливуда. Ллойдом был создан один из самых знаменитых кадров в истории кино: парень в круглых очках висит на стене дома, отчаянно цепляясь за стрелки гигантских часов. Это кадр из фильма «Безопасность пренеже всего!» (Safety Last!) 1923 года.

Ллойда иногда видят как воплощение т. н. «американской мечты»: в детстве он знал жизнь, близкую к нищете, а к тридцати пяти годам стал миллионером. Его всегда отличала почти фанатичная целеустремленность. Вполне соответствуя излюбленному американскому образу человека-который-сделал-себя-сам (self-made man), впервые упомянутому в отношении Бенджамина Франклина и получившему развитие в течение XIX века, Харолд в детстве брался за самую разную работу, включая попытки малого бизнеса, но приоритет для него всегда имела любая возможность трудиться в театре — как на сцене, так и за кулисами. Впервые появившись на экране в 1913 году, Ллойд обнаружил в киноиндустрии завораживающие перспективы. В ранней кинокомедии существовало правило: комедиант должен был выглядеть необычно, и каждый актер старался придумать для себя какой-то оригинальный подход. Более других в этом преуспел Чаплин, найдя свой гениальный образ Маленького Бродяги, и многие копировали его шутки и манеры. Именно в этом направлении двигался и Ллойд поначалу, но вскоре он понял, что исчерпал возможности подражательства. Ллойд было сложнее найти себя в жанре кинокомедии, чем его коллегам, потому что практически все именитые комедианты эпохи немого кино пришли на съемочную площадку из водевиля, с готовыми персонажами, тогда как у Ллойда было драматическое актерское образование [9].

Тем не менее, Ллойд не отказался от избранного нелегкого пути. Уолтер Керр в своем почти энциклопедическом труде «Немые клоуны» утверждает, что у Ллойда не было особого таланта в области комедии, и он добивался результата невероятными усилиями, за счет большого трудолюбия [4, Р. 99]. Хэл Роуч, друг и первый продюсер Ллойда, уверял что Харолд, не будучи настоящим комедиантом, «как никакой другой актер, играл роль комедианта» [7]. Отчасти это верно, но едва ли без истинного таланта Ллойд сумел бы создать шедевры комедии действия, которые и ныне поражают воображение. Зато, будучи аутсайдером среди комедиантов, он мог обладать свежим взглядом, позволившим ему найти и развить собственный оригинальный подход.

Секретом его успеха были дешевые роговые очки. В отличие от удивительных усов, необычных шляп и мешковатых клоунских брюк, любимых другими комедиантами, этот обычный аксессуар мог носить любой человек на улице. Очки превращали Ллойда, обладавшего внешностью романтического героя, в среднестатистического юношу, человека из толпы (everyman).

Первым полнометражным фильмом Ллойда был «Бабушкин внучек» (Grandma's Boy) 1921 года. Действие происходит в американской глубинке, герой Харолда (почти все персонажи Ллойда носили это имя) — застенчивый, боязливый юноша, который не смеет противостоять издевательствам соперника в ухаживаниях за девушкой. Мудрая бабушка, желая помочь слабохарактерному внуку, дарит ему талисман, который якобы защищает от бед и в свое время сделал из дедушки Харолда — такого же безнадежного труса — настоящего героя. Вооружившись талисманом, Харолд в одиночку справляется с опасным бандитом и побеждает соперника, чтобы

выяснить в конце, что артефакт являлся всего лишь ручкой от бабушкиного зонтика, и проявленное им мужество было неподдельным.

«Бабушкин внучек» стал не только поворотным пунктом карьеры Ллойда, но и значимой вехой в истории немой комедии. До тех пор комедии действия были короткометражными, их демонстрировали совместно с серьезным кино, для психологической разрядки. Ллойд же удалось рассказать сложную историю с психологическим подтекстом, при органичном слиянии отработанных в короткометражных фильмах гэгов (комических эпизодов) и более изысканной светской комедии [6, Р. 81], и он закрепил свой успех, первым из кинематографистов занявшись исключительно выпуском полнометражных фильмов. Новаторским подходом был и флэшбек, посвященный подвигам дедушки главного героя в Гражданскую войну, некоторые моменты которого легко опознаются в знаменитом «Генерале» Китона, увидевшем свет пять лет спустя.

«Бабушкин внучек» имел огромный успех, прежде всего, потому что многие зрители легко отождествляли себя с героем. Сюжет из Гражданской войны тоже был хорошо принят зрителями, так как с той поры прошло чуть более полувека, и эта тема была близка и понятна.

Фильм послужил моделью для многих последующих работ Ллойда, где демонстрировалось внутреннее перерождение героя, преодоление слабостей и недостатков. Стараясь избегать пафоса и сатиры, Ллойд не стремился изобличать или исправлять пороки общества. Основное послание, которое несут все работы Ллойда — не сдаваться, искать в себе силы продолжать борьбу и добиваться успеха. Эта миссия отражала общий настрой 20-х годов, и особенно сильно метод Харолда проявился в его самом знаменитом фильме — «Безопасность прениже всего!».

Как и многие другие, юноша из деревни отправляется в большой город, рассчитывая сделать состояние. Грандиозные планы оборачиваются крохотной комнатухой, должностью мелкого служащего в магазине, нехваткой денег на еду и квартиру и нехваткой мужества признаться собственной невесте в неприглядной правде.

Шанс заработать хорошие деньги и создать себе положение выпадает Харолду, когда он предлагает начальству рекламный трюк с целью привлечения публики в магазин. В то время трюки были популярным методом рекламы, особенно ценились верхолазы — люди, взбиравшиеся без страховки по фасадам высотных зданий. Друг Харолда, верхолаз, согласился подняться по стене двенадцатиэтажного здания, однако обстоятельства мешают ему выполнить свою работу, и Харолд вынужден подниматься вместо него, не имея профессиональной подготовки. Фильм снят с точнейшим психологическим расчетом: многочисленные комедийные моменты усиливают драматизм происходящего, не зря Уолтер Керр назвал Ллойда «архитектором симпатии» [4, Р. 203]. Ллойд скрупулезно переносил на экран каждое усилие и судорожный вдох — публика ясно видела, как страшно и тяжело его герою, и это сообщало просмотру нешуточное напряжение. И публика реагировала как должно — после первых обмороков у кинотеатров дежурили фургоны скорой помощи, а «Безопасность прениже всего!» считается первым в истории полнометражным триллером.

На восприятие воздействует и достоверность поведения героя во время подъема — вначале ему страшно, в какой-то момент он готов отказаться от дальнейшего подъема, потом он злится, потом ему уже все становится безразлично — остается

только усталость, смертельная опасность и долг. Любому мужчине в зрительном зале было легко представить себя на его месте, любая зрительница могла увидеть в нем своего жениха, мужа, сына, и цель героя была хорошо понятна публике того времени. Не зря именно к героям Ллойда чаще всего применяется популярный в те времена термин «go-getter», известный с 1919 года и подразумевающий предприимчивого и пробивного человека, добивающегося цели тяжким трудом. В «Безопасности...» присутствует серьезный социальный подтекст: в подъеме Харолда по отвесной стене легко увидеть аллгорию карьерного роста человека и ту цену страха и усилий, которую он должен заплатить на этом пути.

Герой следующего фильма Ллойда «О чем беспокоиться?» (Why Worry?) является полной противоположностью скромному служащему из «Безопасности...». Это представитель «праздного класса», от праздности своей страдающий ипохондрией и решивший удалиться ради поправления здоровья в некую райскую банановую республику. В избранной им тихой заводи происходит революция, и Харолду приходится пережить множество приключений, мало совместимых с положением безнадежно больного, и навести в стране порядок, впервые почувствовав собственную силу и здоровье. Идея была вдохновлена характерным для того времени массовым — «эпидемическим», как выразился сам Ллойд, — увлечением методом самовнушения, предложенным Эмилем Куэ [5; Р. 149].

Следующий проект Ллойда назывался «Робеющий девушек» (Girl Shy). Главный герой страдает тяжелым заиканием и в силу своей ущербности панически боится женщин, на протяжении фильма он вынужден бороться за успех и любовь и со сложными обстоятельствами, и с собственными комплексами.

В 1925 году вышел фильм «Новичок» (Freshman), ставший самым прибыльным из немых фильмов Ллойда. Харолд играл с мыслью о приключениях студента еще на заре своей карьеры, однако тогда эта идея не получила развития, а в середине двадцатых, когда выросла популярность академического образования, настал самый подходящий момент для истории о колледже. Наивный юноша мечтает не столько о покорении гранита науки, сколько о положении всеобщего фаворита. Искушенный университетский народец видит его потуги насквозь и потешается над дурачком, подыгрывая ему. В кульминации фильма, открыв жестокую правду, Харолд добивается вожаденной славы и уважения, обеспечив своей команде победу в футбольном матче. В этом фильме Ллойд удалось установить особенно прочную связь между героем и зрителем: после первых превью пришлось даже пожертвовать некоторыми эпизодами, так как публика слишком жалела героя, чтобы смеяться над ним.

В 1927 году вышел фильм «Братишка». После ряда историй о городской жизни Ллойд вернулся к сельскому антуражу и идее, использованной в «Бабушкином внуке». Однако, здесь проблема рассматривается с другой стороны: не Харолд сомневается в собственных способностях; его ни во что не ставят близкие — отец-шериф и могучие братья; зрители же с первых кадров видят, что Харолд умен, находчив и далеко не так прост, как кажется членам его семьи. В кульминации фильма Харолду приходится отстаивать честь своего отца в жестоком бою с бандитом-убийцей.

Последний немой фильм Харолда Ллойда «Спиди» вышел в 1928 году, когда экраны уже начало оккупировать звуковое кино, и словно в предчувствии конца эпохи, этот фильм насквозь пронизан ощущением ностальгии. В этот раз Ллойд

сделал своим героем типичного городского повесу из Нью-Йорка — легкомысленного, беспечного парня, любителя спорта, неспособного усидеть на месте. «Спиди» (шустрый, проворный) — прозвище самого Харолда, которое он одолжил своему герою. И именно Спиди приходится защищать традиции и реликт прошлого — последний в Нью-Йорке конный трамвай, который железнодорожная мафия пытается убрать с городских улиц. Важным эпизодом фильма является сцена, в которой на защиту трамвая от боевых «шестерок» мафии встают старики-лавочники из окрестных кварталов — ветераны Гражданской войны, и комический бой становится олицетворением столкновения эпох — бережно хранимых традиций и агрессивных тенденций нового времени. Сюжет особенно ценен своей своевременностью: фильм был создан как раз на рубеже эпох — не только в истории кино, но и в истории страны, перехода от подъема «ревуших двадцатых» к Великой депрессии.

В «Спиди» особенно заметно проявляется и характерная для Ллойда привязанность к нынешнему моменту, дух эпохи. Именно в его фильмах живут сиюминутные тенденции, веяния моды, особые детали, характерные для того периода, все они являются ценнейшим материалом для историков, и к «Спиди» это относится в наибольшей мере. Лишь однажды за свою карьеру выбравшись со съемочной группой в Нью-Йорк, Ллойд взял от него все — прогуляв своих героев по Кони-Айленду, дав Спиди работу таксиста и завершив фильм грандиозной и крайне опасной гонкой через весь город, а историки Нью-Йорка теперь не нарадуются на этот замечательный источник, на массу деталей, случайно или намеренно оказавшихся в кадре.

Рассмотрев наиболее значимые из фильмов Ллойда, мы видим, насколько разнообразны его персонажи. Герой Чаплина постоянен вплоть до костюма, его успех преходящ, ибо в следующем фильме публика снова увидит его в качестве бродяги без крыши над головой. Китона ограничивают его фирменное выражение лица и рисунок поведения. Комедии Ллойда несколько проще для восприятия, они оптимистичны, а положение и проблемы у их героев самые разные: робкий парнишка, заика, студент-первокурсник, дитя городских улиц, карьерист из глубинки, пресыщенный миллионер — каждый из них с каждым фильмом завоевывал для Ллойда новую секцию зрительного зала. В то же время образ, предложенный Ллойдом, был универсальным образом молодого американца, популяризированный к 20-м годам произведениями таких известных и любимых публикой авторов, как Гарри Леон Уилсон, Гомер Крой и Горацио Элджер, заложивший миф о юноше из бедной семьи, добивающемся права принадлежности к среднему классу [2; Р. 459]. Этот образ Ллойд пропагандировал по всему миру, так как его фильмы пользовались большим успехом и в Европе, и в странах Азии, тем более что особая выразительность немого кино и минимум текста значительно сокращали проблемы перевода и межкультурного восприятия.

Дэвид Пирсон сравнивает позицию Ллойда по отношению к другим комедиантам, чьей школой была европейская традиция водевиля, с позицией американского искусства начала XX века, ударившегося в откровенно бунтарские формы, отвергнув копирование европейских течений [9]. Ллойд сумел выйти за пределы заданных этой традицией рамок — он словно бы шагнул с экрана в зрительный зал, давая понять: «Я один из вас, то, что происходит со мной, может произойти и с вами».

Во время съемок Спиди увидела свет автобиография Ллойда, написанная в соавторстве с Уэсли У. Стаутом, и в ней Ллойд снова находит способы поставить себя на один уровень со зрителем. Само название книги «Американская комедия» является откровенным намеком на знаменитую трилогию Теодора Драйзера; этим заглавием Ллойд показывает стремление развенчать миф о собственном восхождении к «американской мечте» «путем Золушки» (еще один излюбленный американский стереотип, подразумевающий легкое достижение высот благополучия). Ллойд подчеркивает, что в его случае речь не идет об удаче или подарках судьбы, а о готовности работать и учиться — что справедливо и в отношении его героев.

Название первой главы — «Главная улица» (Main Street) является отсылкой к популярному роману Синклера Льюиса, в котором критикуется образ жизни провинциальной Америки. Озаглавив так раздел, посвященный истории своего детства, Ллойд словно бы и поддерживает позицию писателя, и признается в собственной былой принадлежности к объекту критики.

По мнению американского исследователя Тома Дардиса, автора книги «Харолд Ллойд: человек на часах», Ллойд намеренно приукрашивал в автобиографии обстоятельства своей ранней юности, строя из себя выходца из среднего класса, к которому относилось большинство зрителей [3 ; с. 3].

Симптоматично было и то, что карьера Ллойда завершилась с приходом звука. В тридцатые годы фильмы Ллойда больше не имели успеха, и в возрасте сорока пяти лет он оставил киноиндустрию. Приход звука положил конец комедии действия как жанру, и комедианты немой эпохи потеряли свою уникальность. Другим фактором упадка немой комедии стало наступление Великой депрессии — сменилась эпоха, и зритель, неспособный найти надежную работу и гарантированный кусок хлеба, уже не узнавал себя во всепобеждающем герое Ллойда.

Расставшись с делом своей жизни, Ллойд перепробовал множество увлечений, в каждое из которых он погружался с энтузиазмом отчаяния, скорее всего, стремясь заполнить оставшуюся пустоту. Жесткие условия, которые ставил Ллойд для демонстрации своих фильмов, привели к тому, что их нельзя было транслировать по телевидению, и целые поколения потеряли возможность приобщиться к наследию этого выдающегося мастера. Однако, избранный им метод работает до сих пор: фильмы Ллойда покоряют публику и в наши дни, в то же время сохраняя в себе неповторимый и подлинный, близкий к реальности образ эпохи. Несомненно, фильмы Ллойда достойны внимания и анализа историками, исследующими характерные взаимоотношения, логику поведения, жизненные установки 1920-х годов. Не напрасно на фестивале в честь 75-летия кинематографа, проводившемся в Лондоне, Ллойд, отследив реакцию публики на представленного им «Братишку», отметил: «Я просто брал жизнь и находил в ней смешную сторону. И наши фильмы понимали во всем мире, без языковых барьеров. Но мне кажется, нам удалось преодолеть и барьер времени» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. D'Agostino Lloyd, Annette. Harold Lloyd: The Magic Behind the Pair of Horn-Rimmed Glasses. — Albany, Georgie, 2009. — 412 p.
2. Brownlow, Kevin. The Parade's Gone By. New York, 1968. — 577, xiii p.
3. Dardis, Tom. Harold Lloyd: The Man on the Clock. — New York, 1983.- 334 p.
4. Kerr, Walter. The Silent Clowns. — New York, 1975. — 382 p.

5. Lloyd, Harold. Stout, Wesley Winans. An American Comedy. – New York, 1928. – vii, 204 p.
6. Vance, Jeoffry. Lloyd, Susanne. Harold Lloyd: Master Comedian. – New York, 2002. – 239 p.
7. Hal Roach Interview // Harold Lloyd: The Third Genius : TV documentary. – Thames Television, 1989.
8. D'Agostino Lloyd, Annette // Harold Lloyd Dot US // <https://haroldlloyd.us/the-life/the-biography-of-harold-clayton-lloyd/>
9. Pearson, David B. Harold Lloyd: the American Anti-Auteurist // Harold Lloyd Dot US // <https://haroldlloyd.us/contributors-corner-2/harold-lloyd-the-american-anti-auteurist/>

M. Tkachenko

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

EVERYMAN: A REPRESENTATION OF TYPICAL AMERICAN OF 1920-S IN THE FILMS OF HAROLD LLOYD

The work of Harold Lloyd, an outstanding master comedian of the Silent Cinema era is traced and analyzed from the point of view of the images and directives characteristic to the United States of 1920-s, that became the key to Lloyd's popularity as a filmmaker.

Harold Lloyd, intercultural communication, Silent Cinema era, silent comedy, American stereotype, "roaring twenties"

УДК 81:1

М. Н. Тренихина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
margotr3004@gmail.com*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕГРАДЫ НА ПУТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ РАЗРЫВА В ОБЪЯСНЕНИИ СОЗНАНИЯ

В настоящей статье проблема разрыва в объяснении сознания, сформулированная Дж. Левином, рассматривается с точки зрения лингвистики. В качестве материала для исследования используются: мысленный эксперимент Л. Витгенштейна «Жук в коробке», семантический треугольник Г. Фреге, классификация высказываний Дж. Остина. Расширяется понятие семантики возможных миров, как когнитивного пространства Другого, наполненного квалиа, недоступными для декодирования от первого лица.

Язык, значение, сознание, разрыв в объяснении, Витгенштейн, Фреге, семантика возможных миров, понимание, лингвокогнитивный анализ.

Одной из наиболее обсуждаемых проблем современной науки является проблема сознания. О соотношении мозга и сознания написано большое количество литературы, совместная работа ученых нейробиологов, когнитивистов, психологов и философов в некоторой степени расширила проблемное поле. Не остались без внимания и проблемы лингвистического характера – в том числе вопрос смыслопорождения и «называния» объектов действительности. Как происходит этот процесс? Почему мы думаем, что та или иная вещь называется тем или иным образом? Почему за определенным знаком всегда стоит концепт? Почему даже наши первоначальные ощущения – так называемые «квалиа» нельзя объяснить никак иначе, как с помощью кодированных языковых единиц?

Все эти вопросы привели к формулировке так называемой «трудной» проблемы сознания, сформулировал которую австралийский философ Дэвид Чалмерс: «Неоспоримо, что некоторые организмы являются субъектами опыта. Но остаётся запутанным вопрос о том, каким образом эти системы являются субъектами опыта. Почему когда наши когнитивные системы начинают обрабатывать информацию посредством зрения и слуха, мы обретаем визуальный или слуховой опыт — переживаем качество насыщенно синего цвета, ощущение ноты «до» первой октавы? Как можно объяснить, почему существует нечто, что мы называем «вынашивать мысленный образ» или испытывать эмоции?» [5].

Фактически, решение трудной проблемы сознания зависит от устранения «разрыва в объяснении» – термин, введенный Джозефом Левином. В качестве примера, он предложил дефиницию чувства боли, в физиологическом смысле предоставляя достаточную информацию, но при этом полностью игнорируя, как именно ощущает боль сам субъект [7]. Разрыв в объяснении затрагивает основные категории философии о сознании – смысл, квалиа, ощущение – категории актуальные и для современной философии языка.

Разрыв в объяснении может быть также связан и с невозможностью обработки информации, полученной первоначально и выраженной посредством языка, третьим лицом. Неизбежная деформация «чистого» ощущения в процессе его перевода на доступный обеим сторонам язык представляется проблемой лингво-когнитивного порядка. В ходе трансформации ощущения в языковую форму происходит и сам процесс приписывания смысла, соотношения знака и референта, сознательный поиск подходящих концептов и метафор.

Прежде всего, представляется логичным рассмотреть вопрос смыслопорождения. В лингвистической науке история вопроса о смыслопорождении столь же глубока, как и история изучения самого фундаментального вопроса сознания. Разумеется, смысл, как понятия языкознания, неразрывно связан с семантикой. Семантика, кроме непосредственного «прямого значения слова», изучает и его когнитивное значение, актуализирующегося в тех или иных обстоятельствах и контекстах.

Когнитивные процессы напрямую связаны с «приписыванием» слову смысла. В философии языка существует точка зрения, что неназванные предметы могут вовсе не существовать.

Индивидуальность процесса осознания и называния объектов действительности наглядно демонстрирует философ Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях» [1], в знаменитом мысленном эксперименте «Жук в коробке». Витгенштейн описывает опыт от первого лица, отделяя термины интерсубъективности (понятные и

«названные» для всех – например, стул) от терминов, переживаемых перволично – например, боль. Очевидна значимость настоящего аргумента для лингвистического анализа сознающей деятельности мозга – Витгенштейн упоминает тот самый «разрыв в объяснении» при попытке описать «квалиативные» состояния сознания – процесс «донесения» смысла личного ощущения от первого лица всегда трансформируется в ходе его декодирования третьим лицом.

Перволичные переживания не могут быть описаны вне рамок общепринятой языковой игры – то есть, «жук» в коробке одного человека, может быть совсем не похож на то, что называет «жуком» другой человек, что обусловлено также отсутствием *реального* референта для слова «жук» в рамках мысленного эксперимента. Значение слова «жук» диктует социальная практика. «Если грамматику выражения ощущения трактовать по образцу “объект и его обозначение”, то объект выпадает из сферы рассмотрения как не относящийся к делу» [1].

Таким образом, с точки зрения Витгенштейна, язык есть не более чем социальное соглашение, где общество – субстрат формирования смыслов, материал для «выуживания» и «придумывания» смысла.

Рассмотрим различие между смыслом и референцией, введенное Г. Фреге. Фреге приводит знаменитый пример: «Вечерняя Звезда – это Утренняя Звезда» [3]. Семантически это выражение значит гораздо больше, чем «Вечерняя Звезда – это Вечерняя звезда», хотя, с логической точки зрения, оно кажется менее информативным. Фреге объясняет это следующим образом: помимо имени и объекта (референта) существует еще и третий элемент – *смысл* имени, его дескриптивное содержание, посредством которого имя соотносится со своим референтом. То есть имя детерминировано референтом, но их непосредственное соотношение происходит посредством смысла, являющимся некоторым обязательным, фундаментальным свойством любого названного объекта. Процесс смыслопорождения же относится к сфере сознания и язык, в таком случае, обладает чисто инструментальной функцией, функция преодоления разрыва между объектом и референтом, функцией самого наделения Витгенштейновского *смысла*.

Очевидно, релятивность семантического значения слова представляется актуальной проблемой не только философского дискурса, но и лингвистического. Неоднозначность семантического значения привела к появлению нового подхода – так называемой «семантики возможных миров».

Фактически, этот подход представляется логическим осмыслением и развитием интуиций Витгенштейна – говоря об относительности интерпретации «названного» понятия, Витгенштейн как бы предвосхищает будущее развитие более глубокой теории возможных миров – язык объективирует наши представления о возможных мирах, вписывая их в рамки нашего понимания.

Говоря о соотношении смыслопорождения и сознающей деятельности мозга, введем дихотомию «действительный мир – возможный мир». Очевидно, что в вопросах изучения сознания семантика возможных миров получает абсолютно новую интерпретацию – фактически, вся информация, воспринимаемая мозгом – визуальная, акустическая, перцептивная – является продуктом действительного мира, а ее обработка сознанием – порождает «возможный мир».

Процесс обработки информации, ее сознательного декодирования, осмысления, выведения вовне и объяснения третьему лицу, неизменно сопровождается

некоторыми искажениями – что ведет, опять же, к разрыву в объяснении не только феномена сознания, но и, рискнув предположить, к проблемам в объяснении смысла, как отдельного компонента в трихотомии Фреге.

В современной науке отделение физически воспринимаемой информации от обработанной в процессе сознательной деятельности, то есть – информации «реального мира» от информации «возможного мира», сознательного, признано пережитком картезианских практик.

Разумеется, существуют высказывания, смысл которых возможно *прочувствовать* лишь перволично. Это достаточно очевидные высказывания, например:

Я вижу *оранжевый* цвет.

Я чувствую *сладкий* вкус.

Грамматически их можно обозначить как предложения с «предикатом чувственного восприятия» и дополнением, которое описывает квалиа. Также, условно их можно назвать *лингвистически нередуцируемыми высказываниями*, подразумевая их невозможность интерпретации третьим лицом. Здесь «оранжевый» и «сладкий» – это «конструкты семантики возможных миров», мы только предполагаем *как* в субъективных мирах Другого переживаются эти ощущения.

Интересным представляется тот факт, что слова, маркирующие чувственное восприятие, как правило, воспринимаются как достоверные. Устранение разрыва в понимании и возможности объяснения того или иного чувства происходит по средствам приписывания таким словам априорной истинности. Так, к примеру, разделяя высказывания вслед за Дж. Остином на перформативы – класс высказываний, к которым не применимо понятие истинности, и констативы – высказывания, в которых что-то утверждается [4], стоит уделить особое внимание перцептивным высказываниям.

Так, к примеру, высказывание «Я приду завтра» - является констативом, пример самого Остина [4] «Я обещаю, что приду» - перформативное высказывание. Констативное высказывание впоследствии может приобрести или истинность или ложность, в зависимости от дальнейшей актуализации этого высказывания.

Рассмотрим высказывания с предикатами, маркирующими чувственное восприятие. По аналогии:

«Вчера я любил тебя»

«Я обещаю, что буду любить тебя».

Первое высказывание – чисто констативно. Оно не перформативно, оно сообщает информацию, значит, по Остину, истинность или ложность этого высказывания можно оценить. Второе высказывание – перформативно. Однако, рассматривая высказывание целиком, упускается возможность анализа самого предиката, в данном случае, чувственного восприятия. Глагол «любить» имеет под собой какой-то определенный семантический базис, декодируемый всеми не одинаково, но очень схоже (семантическое поле, синонимы, ассоциации с этим глаголом можно свести к набору определенных лингвистических единиц). Однако банально – чувство Другого не сводимо к первоначальному ощущению, Жук в коробке Другого пусть и поддается описанию, но это невозможно сделать наверняка.

Приписывание категории истинности таким предикатам и целым высказываниям представляется ошибочным. Предполагается, глаголы, маркирующие

чувственное восприятие, находятся вне категорий истинности и ложности ввиду невозможности *узнавания* субъективного референта предиката.

Настоящий пример освещает лишь малую часть лингвистической проблематики в вопросе о разрыве сознания. Проблема трактовки подобных предикатов довольно очевидна и, в некоторой степени, романтизирована в большом количестве художественной литературы. Однако подобные примеры достаточно точно характеризуют масштаб проблемы декодирования перволичных ощущений, выраженных при помощи языка. В этом смысле философы-физикалисты (например, Д. Денетт) предлагают свой подход к изучению сознания – рассматривать не то, *что именно* мы чувствуем, а то, *почему* мы думаем, что мы это чувствуем, и, как следствие, *как* мы это описываем [6].

Итак, сознание наполнено квалиа, доступными лишь перволичному «семантически возможному миру», где квалиа – это жук Витгенштейна, а возможный мир – коробка с Жуком. Нередуцируемые квалиа-ощущения признаются «наполнением» семантического мира Другого, с его помощью он конструирует высказывание, наполняя его смыслом, лишь *относительно* понятным собеседнику. Язык же – это мост между миром объекта и референта, инструмент, унифицирующий высказывание, «мистификатор», благодаря которому квалиа представляются intersubjectively и поддающимися декодированию от третьего лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы, Ч. I. М., 1994
2. Карнап Р. Значение и необходимость // М., 1959
3. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика, Вып. 8. М., 1977
4. Austin J.L. Performative utterances // Philosophical papers. Oxford: Clarendon Press, 1961
5. Chalmers D. J. Facing up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies, Vol. 2, № 3, 1995
6. Dennett D.C. Instead of Qualia // Consciousness in Philosophy and Neuroscience. Ed by Revonsuo A. and Kamppinen M. Hillsdale. N.J., 1994
7. Levine J. Materialism and Qualia: The Explanatory Gap // Pacific Philosophical Quarterly, 64(4), 1983

M. N. Trenikhina

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

LINGUISTIC BARRIERS WHILE OVERCOMING THE EXPLANATORY GAP

The problem of the explanatory gap, formulated by J. Levin, is considered in this article in terms of linguistics. Following materials were used in this article: the thought experiment of L. Wittgenstein "The Beetle in the Box", the semantic triangle of G. Frege, the classification of speech acts by J. L. Austin. The term of Possible World Semantics is

examined as a cognitive space of the Other, filled with qualia, which can't be decoded in the third person.

Language, meaning, consciousness, explanatory gap, Wittgenstein, Frege, The Possible World Semantics, understanding, lingvocognitive analysis

УДК 811.511.1:908

Л. А. Ульяницкая

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
ulianitckaia_liubov@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

В статье рассматриваются методы построения лингвистических моделей и виды этих моделей. Предлагается применение моделирования для изучения языковой интерференции при помощи идеи двухчастности, оперирующей формально-логическими моделями в рамках элементарной теории языка. На примере синтаксических конструкций фламандских диалектов прослеживается интерференция нидерландского и французского языков. Делается предположение, что явление интерференции обусловлено общностью глубинных структур в языках различных групп и семей.

Лингвистическое моделирование, формально-логическая модель, идея двухчастности, интерференция, французский язык, нидерландский язык

Лингвистика, будучи наукой, относящейся одновременно и к естественной и гуманитарной областям знания, вырабатывает свой особый методологический аппарат, включающий в себя широкий спектр способов изучения языка в зависимости от его особенностей, интересующих исследователя.

В совокупности с другими методами изучения языка моделирование выступает как средство углубления познания скрытых механизмов речевой деятельности, причем движение от относительно примитивных к более содержательным моделям полнее раскрывает сущность языка. Метод моделирования в лингвистике возникает в силу недоступности прямого наблюдения главного объекта изучения – языка, не в смысле лексического или грамматического его насыщения, а с точки зрения общих законов, лежащих в глубинных языковых структурах и способствующих его гармоничному строю. Многие механизмы языковой самоорганизации скрыты от прямого наблюдения (например, процесс восприятия текстов в мозгу человека или формирование семантики слова из сем) [4, с. 9]. Поэтому ученые могут лишь делать предположения о возможных его особенностях и функциях при помощи языковых моделей. Однако далеко не все свойства языка поддаются моделированию (например, метафоричность, передача различных типов информации, в частности имплицитной, стилистическая гибкость языка и др.). Из-за невозможности образно-ассоциативного

мышления машина воспринимает информацию строго в исходном словарном значении, не умея распознавать скрытый подтекст, метафоричность, иронию и прочие средства имплицитной передачи информации (например, эллипсис, вопросительные конструкции с имплицитной семантикой, неоднозначные выражения) [5]. В частности, именно этим обусловлены многочисленные ошибки систем машинного перевода, производящих низкокачественный, пословный перевод без учета контекста, что, безусловно, является главным недостатком машинного перевода [4, с. 8].

Языковая модель позволяет изучать факты языка, что может служить не только средством отображения языковых явлений, но и быть объективным практическим критерием проверки истинности знаний о языке.

Модель в языкознании – «абстрактное понятие эталона или образца какой-либо системы (фонологической, грамматической и пр.); представление самых общих характеристик какого-либо языкового явления; общая схема описания системы языка или какой-либо его подсистемы» [3, с. 25].

По классификации Ю.Д. Апресяна [1, с. 128], различаются три типа моделей, отличающихся друг от друга по характеру рассматриваемого в них объекта: модели речевой деятельности человека, имитирующие конкретные языковые процессы и явления; модели лингвистического исследования, имитирующие те исследовательские процедуры, которые ведут лингвиста к обнаружению того или иного языкового явления; метамодели, имитирующие теоретическую и экспериментальную оценку готовых моделей речевой деятельности или лингвистического исследования.

В зависимости от того, какая сторона языкового организма является предметом моделирования, модели речевой деятельности подразделяются на модели грамматической правильности, имитирующие умение отличать правильное от неправильного в языке, и функциональные, имитирующие умение соотносить содержание речи (план содержания) с ее формой (план выражения).

В зависимости от типа информации на «входе» и на «выходе» модели грамматической правильности делятся на распознающие и порождающие. Распознающая модель, например, в «категориальной грамматике» К. Айдукевича [9], получает на «входе» некоторый отрезок текста на естественном языке или его абстрактное представление на искусственном языке и дает на «выходе» ответ, является ли данный отрезок грамматически правильным или аномальным. Порождающая модель, например, в «порождающей грамматике» Н. Хомского, является обратной по отношению к распознающей [6].

Модели речевой деятельности представляют собой важнейший тип собственно лингвистической модели. По отношению к ним модели лингвистического исследования и метамодели выполняют вспомогательную роль [1, с. 68].

В зависимости от того, какой смысл вкладывается в понятие «владения языком» (включается ли в него признак владения значением слов или нет), модели речевой деятельности приобретают тот или иной вид и могут быть разделены на: 1) несемантические, или чисто синтаксические, имитирующие владение грамматикой, т. е. способность носителей языка понимать и строить грамматически правильные, но не обязательно осмысленные фразы, и 2) семантические, которые имитируют способность носителей языка понимать и строить осмысленные предложения [1].

Проблема моделирования языка активно разрабатывалась в рамках структурной лингвистики в 50-70 годы в нашей стране и за рубежом. В эти годы вышли крупные работы по языковому моделированию таких ученых, как Ф. Уитфилд, Н. Хомский, С. Маркус, Чжао Юань Жень, Д. С. Уорт, Г. Джекобсон, И. И. Ревзин, П. Н. Денисов, Н. Д. Андреев, В. В. Бородин, Т. В. Булыгина, Р. Г. Пиотровский, А. Ф. Лосев, а также общетеоретические работы А. И. Умова, Н. М. Амосова, В. А. Штоффа, В. А. Веникова и др.

Обращаясь к факторам, способствующим формированию языковых моделей, нельзя не обратить внимание на системность языка, выраженную в его некотором структурировании. Это позволяет описывать лингвистические явления на различных уровнях абстракции; при этом могут задаваться не только границы между отдельными моделями, но и границы между отдельными лингвистическими дисциплинами, в рамках которых модели разрабатываются. Так, на наш взгляд, структурная лингвистика создает и задействует абстрактно-обобщающие модели, математическая лингвистика — формально-логические, а компьютерная — алгоритмические. Видимо, в глубинах языка и речи сокрыты механизмы, действующие по неслучайным схемам и стремление лингвистов разрабатывать лингвистические модели вызвано, среди всего прочего, и предчувствованием природной гармонии.

Одним из языковых процессов, затрагивающих как поверхностный, так и глубинный уровни языка является языковая интерференция. Интерференция — это наложение одной языковой системы на другую с последующими изменениями в одной из них под влиянием другой. Язык, будучи сложившейся и устоявшейся системой, однако, обнаруживает способность к изменению и принятию элементов из другого языка. Интерференция может происходить между совершенно разными языками, в том числе и принадлежащим к разным языковым семьям, что лишний раз указывает на возможность построения единой универсальной модели, способной объяснить общие закономерности в функционировании языков.

Одной из таких моделей может явиться, на наш взгляд, так называемая идея двухчастности, высказанная в 1993 году в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» и обращающаяся к глубинным языковым структурам. В настоящее время на основе идеи двухчастности разрабатывается элементарная теория языка, претендующая как на генетическую, так и на типологическую универсальность. Согласно этой идее любой глагольный или субстантивный член предложения состоит из двух частей — уточнителя (прауточнителя) и семифинитива. Впервые в синтаксисе было заявлено, что главные члены предложения образуются в зависимости от типа предложения.

Сказуемое/подлежащее образуется посредством фиксирования глагольного/субстантивного семифинитива во временном/пространственном уточнителе. Второстепенный глагольный/субстантивный член образуется посредством фиксирования глагольного/субстантивного семифинитива во временном/пространственном прауточнителе. Различие между уточнителями и прауточнителями состоит в том, что прауточнители могут пребывать лишь в рассеянном (слабом) состоянии, а уточнители — в рассеянном (слабом), концентрированном (сильном) и переконцентрированном (сверхсильном).

Слабый уточнитель является нестабильным и представляет собой флексию, явную или неявную, а сильный или сверхсильный уточнитель является стабильным и представляет собой слово, преимущественно десемантизированное.

Наличие трех состояний уточнителя объясняется также наличием трех состояний семифинитива — сверхслабого, слабого и сильного, что, в идеале, приводит к следующему балансу концентраций при фиксации семифинитива в уточнителе — сильный семифинитив в слабом уточнителе, слабый семифинитив в сильном уточнителе, сверхслабый семифинитив в сверхсильном уточнителе. Допустимы, однако, и следующие фиксации — слабый семифинитив в слабом уточнителе и сверхслабый семифинитив в слабом уточнителе. Время и пространство, содержащиеся в семифинитивах, называются внутренними, а время и пространство, содержащиеся в уточнителях и прауточнителях — внешними.

Следует отметить, что идея двухчастности существенно усложняется допущением, что фиксация семифинитива в уточнителе может обернуться модификацией уточнителя семифинитивом. Разница между фиксированием и модифицированием состоит в том, что процессу фиксации соответствует арифметическая операция умножения, а процессу модификации — арифметическая операция сложения. Тем самым, в результате фиксации мы получаем трехмерный языковой образ, а в результате модификации — модифицированный, но по-прежнему одномерный уточнитель. Однако, включение в теоретический потенциал процесса модификации позволяет объяснить ряд специфических синтаксических явлений.

Отметим также, что слабый уточнитель, модифицированный сильным семифинитивом, становится стабильным, т.е. преобразуется из флексии в слово, перенимая от семифинитива преимущественно модальную семантику. Слабый уточнитель, модифицированный сверхслабым семифинитивом, остается нестабильным и преобразуется в двойную флексию, при этом неизбежно его превращение в сверхслабосуррогатный сверхсильный уточнитель (который также может быть модифицирован сильным семифинитивом и преобразоваться в слово с модальной семантикой).

Вернемся к зависимости образования сказуемого и подлежащего от типа предложения, ограничившись утвердительными предложениями.

Рассмотрим фиксацию семифинитивов в немодифицированных уточнителях. В главных повествовательных предложениях глагольный и субстантивный семифинитивы фиксируются, в первую очередь, в слабых уточнителях, во вторую — в сильных и в третью — в сверхсильных уточнителях. В придаточных повествовательных предложениях глагольный семифинитив фиксируется, в первую очередь, в слабых уточнителях, во вторую — в сильных, и в третью — в сверхсильных уточнителях; субстантивный семифинитив фиксируется, в первую очередь, в сверхсильных уточнителях, во вторую — в сильных, и в третью — в слабых уточнителях. В главных вопросительных предложениях глагольный и субстантивный семифинитивы фиксируются, в первую очередь, в сверхсильных уточнителях, во вторую — в сильных и в третью — в слабых уточнителях. В придаточных вопросительных предложениях глагольный семифинитив фиксируется, в первую очередь, в слабых уточнителях, во вторую — в сильных, и в третью — в сверхсильных уточнителях; субстантивный семифинитив фиксируется, в первую очередь, в сверхсильных уточнителях, во вторую — в сильных, и в третью — в слабых уточнителях. Наряду со сверхсильными уточнителями употребляются сильносуррогатные сверхсильные и сверхслабосуррогатные сверхсильные уточнители.

Фиксацию семифинитивов в модифицированных уточнителях можно отдельно

не рассматривать, поскольку ее очередность та же, что и в немодифицированных уточнителях.

В нидерландском и французском языках разница в образовании главных членов предложения проявляется уже на уровне уточнителей, т.е. на глубинном уровне, что, на нашей взгляд, задает, среди всего прочего, «область определения» синтаксической интерференции. Второстепенные глагольные и субстантивные члены предложения также могут обуславливать и ограничивать процесс синтаксической интерференции, но по сравнению с главными членами, вступающими в предикативную связь и встраивающими предложение в пространственно-временной континуум «прямой» (по Аристотелю) природы, оказывают на «порядок мысли» существенно меньшее влияние.

Во французском языке обнаруживаются следующие уточнители: сверхслабосуррогатный сверхсильный временной (подвергается сильной модификации), слабый временной (подвержен сильной и сверхслабой модификации), сильносуррогатный сверхсильный пространственный (не подвергается модификации) и слабый пространственный (подвергается сильной и сверхслабой модификации).

В нидерландском языке обнаруживаются следующие уточнители: сверхсильный временной (может подвергаться сверхслабой модификации), слабый временной (может подвергаться сильной модификации), сильносуррогатный сверхсильный пространственный (не подвергается модификации), сильный пространственный (не подвергается модификации) и слабый пространственный (подвергается сверхслабой модификации).

Тем самым, уже на немодифицированных уточнителях образование сказуемого и подлежащего во французском и нидерландском языках хоть и происходит по общей схеме, но воплощается в различных конструкциях. Модифицирование уточнителей лишь добавляет разницы. Поверхностные структурные различия французских и нидерландских главных членов предложения могут служить причиной синтаксической интерференции, но до известных пределов, обусловленных глубинной структурной общностью. По причине линейности речи при контакте нидерландского и французского языков следует ожидать усложнения или упрощения их поверхностных синтаксических конструкций [8]. Границы усложнения и упрощения устанавливаются, среди всего прочего, двухчастной структурой глагольных и субстантивных членов предложения, в которой первая часть может подвергаться модифицированию, а вторая подлаживается под этот процесс. Это оказывает влияние и на формирование фламандских диалектов.

Так, в восточно-фламандском диалекте воздействие французского синтаксиса на конструирование нидерландских придаточных вопросительных предложений весьма очевидно. В конструкции

Hebt ge verstaan wat dat ge moet doen? (Вы поняли, что вы должны делать?) (здесь и далее перевод автора статьи – Л.У.)

(Avez-vous compris ce que vous devez faire?)

(Hebt U verstaan, wat U moet doen?)

очевидно присутствие антецедента, отсутствующего в нидерландской норме.

Также удивительным, но предсказуемым, является наличие сложной инверсии, например, в главном вопросительном предложении:

No je hie da doewn? (Ты сделаешь это?)

(Vas-tu faire cela, toi?)

(Ga jij dat doen?)

Более того, сложная инверсия наблюдается даже в искусственных безличных конструкциях, что, по нашему мнению, является наивысшим пределом синтаксической интерференции:

't Kon ie oltied zekke dīng'n hebeur'n. (Такое всегда может случиться.)

(De telles choses peuvent toujours arriver.)

(Er kunnen altijd zulke dingen gebeuren.)

Здесь, по всей видимости, потенциальная возможность сильной модификации слабого пространственного уточнителя, фиксирующего семифинитив существительного, что могло бы выразиться в конструкции

De telles choses, ils peuvent toujours arriver, реализуется в сильной модификации слабого пространственного уточнителя, фиксирующего семифинитив личного местоимения:

Lui, il peut arriver de telles choses.

При этом по отношению к нидерландской конструкции баланс «семифинитив — уточнитель» не нарушается. В подлежащем 'il' сильный семифинитив зафиксирован в слабом уточнителе, а в подлежащем er zulke dingen слабый семифинитив зафиксирован в сильном уточнителе.

Синтаксическая интерференция, как мы старались показать, имеет одним из своих пределов непреложность глубинных частей главных членов предложения. Это две разноуровневые части — семифинитив и уточнитель, немодифицированный или модифицированный. Преобразование глубинных частей подлежащего и сказуемого в поверхностную структуру представляет собой процедуру, ограниченную известными правилами и синтаксическая интерференция в предложениях французского и нидерландского языков ограничена конечностью возможных преобразований двухчастных глубинных структур главных членов предложения.

Стоит отметить, что несмотря на высокую эффективность формально-логического моделирования языковых явлений в рамках различных теорий, в том числе, элементарной теории языка, современная лингвистика не ограничивается только структуральными подходами. Несмотря на то, что структурное моделирование может быть распространено практически на все сферы использования языка и речи и предстает одним из универсальных способов изучения глоссы как в лингвистике, так и в смежных дисциплинах — контактологии, социолингвистике, психолингвистике и т.д., в других парадигмах современной лингвистики находят свое выражение самые разнообразные модели. Поэтому в языковых исследованиях мы встречаем моделирование сюжета, модели диалога, коммуникативные модели языка, концептуальные модели языка, трехмерную стратификационную модель языка, лингвистические модели машинного перевода, эталонные модели языков в современной типологии и т.д., отчего моделирование, в общенаучном смысле, является весьма актуальным методом современной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. — М.: Просвещение, 1966. — 301 с.
2. Городецкий Б. Ю. Актуальные проблемы прикладной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. Переводы с английского языка под редакцией и с

предисловием Б.Ю. Городецкого. – М: Радуга, 1983. – Вып. 12. – С. 5-22.

3. Марчук Ю. Н. Методы моделирования перевода. – М.:Наука, 1985. – С 25.

4. Пиотровский Р. Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении) — СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. — 256 с.

5. Смирнова А. О. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ЕЕ СВОЙСТВА // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. № 2(6). – Новосибирск: СибАК, 2018. – С. 42-50.

6. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / Пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1972. – 259с.

7. Шаляпина Трёхмерная стратификационная модель языка и его функционирования. – М.: Восточная литература РАН, 2007. – 480 с.

8. Шульженко Т. В., Шумков А. А. Алгоритмические основы упорядоченности главных членов предложения в английском языке. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2006. – 24с.

9. Ajdukiewicz K. *AbriB der Logik*. Berlin: Aufbau - Verl., 1958. – 204s

L.Ulianitckaia

Saint-Petersburg State Electrotechnical University “LETI”

LINGUISTIC MODELING AS A METHOD OF STUDYING LANGUAGE INTERFERENCE

In the article some methods of construction of linguistic models and the types of these models are considered. It is proposed to use modeling to study language interference with the help of the binomiality idea, which operates formal-logical models based on the elementary theory of language. The examples of the syntactic constructions of the Flemish dialects trace the interference of the Dutch and French languages. It is suggested that the phenomenon of interference can be revealed due to the similarity of deep structures in the languages of various groups and families.

Linguistic modeling, formal-logical model, binomiality idea, interference, French, Dutch, Flemish

УДК 630.945.22+617.751

Ю. В. Филиппова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),

russianlanguage@mail.ru

И СТАНУТ ЗРИМЫМИ НЕЗРИМЫЕ МИРЫ

В статье рассматривается проблема становления и развития тифлокомментирования в России. Описываются виды тифлокомментирования, а также требования, предъявляемые к специалистам в данной области. Приводятся правила создания тифлокомментариев. Затрагивается проблема

востребованности специалистов в этой сфере. Статья может представлять интерес для лиц, интересующихся созданием “доступной среды” для инвалидов по зрению, а также для желающих освоить новую профессию тифлокомментатора.

Тифлокомментирование, тифлокомментарий, тифлокомментатор, аудиодескрипция, инвалиды по зрению, доступная среда

Согласно данным Российского научного общества офтальмологов в настоящее время в России проживает около 103 тысяч абсолютно слепых людей, инвалидов по зрению – около 600 тысяч. [8] Долгое время проблемам адаптации этих людей в обществе не уделялось должного внимания, а зачастую проблема и вовсе замалчивалась. Когда в 1806 году французский педагог, автор первого шрифта для слепых, Валентин Гаюи прибыл в Санкт-Петербург, чтобы открыть школу для слепых детей, из канцелярии министерства просвещения ему пришел ответ: “*В России нет слепых детей*”. Впервые в дореволюционной России проблемой слепых стали заниматься в конце XIX века, что было связано с появлением большого числа ослепших в ходе русско-турецкой войны. В 1881 году в Санкт-Петербурге было создано первое общество слепых, которое существует и по сей день. Новое развитие проблема адаптации слепых в обществе получила в 70-е годы XX века.

Начиная с 2015 года в России реализуется государственная программа “Доступная среда”, которая направлена на создание условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышение уровня их жизни. [6]

В 2017 году подписан федеральный закон, обязывающий создателей фильмов, производство которых финансируется из бюджета, снабжать ленту субтитрами и тифлокомментариями для лиц с ограниченными возможностями. Кроме того, начиная с 1 января 2018 года кинотеатры должны быть оснащены специальным оборудованием для просмотра фильмов инвалидами по зрению. [3, с.11] Предполагается, что данное нововведение будет способствовать снижению информационной изоляции инвалидов по зрению, что в свою очередь поможет более эффективно преодолевать барьеры между незрячими людьми и людьми с нормальным зрением.

В связи с этим, возникает потребность в квалифицированных кадрах, специально обученных специалистах, осуществляющих тифлокомментарий. Обратимся к содержанию термина “тифлокомментирование”.

Тифлокомментирование (от греч. *typhlos* - слепой, от лат. *commentarius* - заметки, толкование) - это лаконичное, но при этом подробное описание предметов, действий и явлений - всего того, что происходит на экране телевизора, киноэкране или театральной сцене. [5]

Тифлокомментирование зародилось и развивалось практически одновременно на Западе и в Советском Союзе. Поскольку эти процессы не пересекались, появились два термина, обозначающих эту деятельность: тифлокомментирование - в СССР, и аудиодескрипция - за рубежом. Считается, что термин «тифлокомментирование», который введен в научный оборот С. Н. Ванышиным в 2002 году, - понятие более широкое по смыслу, чем «аудиодескрипция». Он подразумевает использование не только звукового тифлокомментария, но и письменного, печатного (например, описание для слепых картины, фотографии, географической карты, чертежа и т. п.), выполненного на бумаге [2, с. 15].

В России впервые тифлокомментирование было организовано в Москве в 1978 году в кинотеатре «Буревестник». В эксперименте принимала участие группа специалистов Всероссийского общества слепых под руководством кандидата технических наук В. А. Усика - заведующего лабораторией в НИИ Медицинского приборостроения. Первым тифлокомментатором стал кандидат искусствоведения доцент Московского государственного института культуры А. И. Чечётин, который имел актёрское образование. Первым фильмом, на который организаторы решили пригласить незрячих, была двухсерийная костюмированная историческая мелодрама «Клеопатра» производства США.

На Западе появление аудиодескрипции связывают с именем профессора Института искусств Сан-Франциско Грегори Фрейзера. В 1971 году Фрейзер посмотрел со своей незрячей подругой классический вестерн «Ровно в полдень». Во время просмотра фильма он пересказывал ей события на экране, описывал место, где разворачивается действие, пытался передать выражение лица персонажей. Фрейзер с большим словарным запасом, правильной речью и хорошей лекторской дикцией помог ей увидеть фильм во всех подробностях. До этого она могла судить о кино только по музыке, шумам и репликам. Фрейзер осознал, что существует необходимость в разработке методики создания комментариев, которые помогли бы слепым смотреть фильмы, телепередачи, театральные представления и спортивные матчи. [7] Кстати, при просмотре фильмов слепыми важно использовать именно глагол “смотреть” (книги они тоже “читают”). Люди с ограниченными способностями, как правило, очень болезненно реагируют, когда каким-либо образом подчеркивается их отличие от здоровых людей.

Через год Фрейзер вместе с Огюстом Копполой (братом знаменитого режиссёра) основал некоммерческую компанию Audiovision. Вскоре вышло методическое пособие Фрейзера «Основы аудиодескрипции для незрячих». На сегодняшний день эта работа является основополагающей для большинства мировых школ комментирования, включая российскую. [4]

Виды тифлокомментирования.

Что касается видов тифлокомментирования, то его можно подразделить в зависимости от условий, в которых проводится комментарий, а также от места и целевой аудитории.

Тифлокомментирование может быть прямым и автоматическим. Автоматическое подразумевает специальную звуковую дорожку, на которую записывается тифлокомментарий. В этом случае хронометраж для каждой фразы высчитывается по секундам. Прямое тифлокомментирование, в свою очередь, может быть подготовленным или “горячим”. В первом варианте у тифлокомментатора есть возможность заранее подготовить тифлокомментарий к фильму или другому произведению. Во втором случае комментарий дается непосредственно при просмотре. Конечно, предпочтительны ситуации, когда тифлокомментатор может заранее посмотреть фильм или спектакль, продумать и качественно подготовить свой комментарий. “Горячее” комментирование под силу только опытному и хорошо подготовленному специалисту.

Тифлокомментирование также делится на виды по типу мероприятия, которое оно сопровождает:

- при посещении музыкальных спектаклей;
- в театре;

- на концертах, эстрадных представлениях, шоу;
- в цирке;
- на спортивных состязаниях;
- в кинотеатре;
- во время телепередачи;
- на показе мод;
- в музеях и на выставках.

При посещении театров, концертных залов, стадионов, музеев возможны два варианта тифлокомментария:

- групповой, с использованием применяемого для экскурсовода и экскурсантов оборудования;
- индивидуальный, когда предусматривается комментирование для одного, максимум двух человек. [9]

Требования, предъявляемые к работе тифлокомментатора.

В целом, требования к речи тифлокомментатора сопоставимы с требованиями, которые в недавнем прошлом предъявлялись к профессиональным дикторам радио.

Голос тифлокомментатора должен быть чистым и звучным, дикция – четкой. Голосовые связки должны быть способны работать без перерыва не менее 1,5 - 2 часов. Часто из-за спешки тифлокомментатор «зажевывает» слова, что недопустимо, поэтому необходимо следить за произношением окончаний слов.

К тому же, важно найти баланс, гармоничное сочетание, между речью персонажей и пояснениями комментатора. Одно не должно превалировать над другим.

Профессиональные качества ТКР можно свести к 5-ти группам:

1. наблюдательность,
2. умение выбрать самое важное в зрительном образе и редактировать речь,
3. правильность русского языка, лаконичность выражений,
4. правильность использования интонации голоса, отсутствие фальши в мелодике русской речи,
5. умение видеть и интерпретировать увиденное. [10]

Правила создания аудиодескрипции.

В настоящее время работа над развитием тифлокомментирования, разработка техники создания тифлокомментариев ведется во многих странах. Так в Беларуси, основываясь на польском опыте, в рамках проекта “Развитие техник приспособления информации и искусства к потребностям незрячих и глухих в Беларуси” были разработаны следующие стандарты создания аудиодескрипции:

1. Общие правила
 - Смотрим фильм или телепередачу от начала до конца, чтобы хорошо познакомиться с сюжетом.
 - Описываем то, что видим на экране.
 - Не накладываем АД на диалоги. Исключением являются только очень существенные действия, происходящие на их фоне.
 - Представляем героев фильма
 - Описываем по схеме:
 - ГДЕ: место, смена сцены/ ракурса
 - КОГДА: время суток КТО описание персонажа (наряд, физические качества, выражением лица, язык тела, происхождение, возраст)

- ЧТО: описание действия (описываем трудные в отождествлении звуки, читаем появляющиеся на экране надписи, надписи на досках объявлений и т.д.)
- Обращаем внимание на цвета.
- Руководствуемся принципом: ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ.
- Не интерпретируем, не представляем своих выводов, мнений, тем более описываемых персонажей.
- Описание должно помещаться среди диалогов: исключением являются сцены, где накладка АД на диалог просто необходима, чтобы понять содержание фильма.
- Не используем на АД каждый перерыв в оригинальном сюжете фильма/спектакля.
- Не повторяем информацию содержащуюся в диалогах и несловесных звуках.
- Читаем текст перед записью в студии с умеренным и медленным темпом.
- Читаем заглавие, начальные и конечные титры (по мере возможности).
- Описываем элементы логотипов, напр. Появляющийся высоко над городом подсвеченный монумент, на нём надпись: 20th century FOX. Внизу экрана надпись: A new corporation company.

2. Принципы, относящиеся к редакции текста

- Используем настоящее время.
- Язык: понятный, сжатый; избегаем метафор.
- Предложения: избегаем сложноподчинённых предложений.
- Лексика: подходящая, яркая, продуманная, лаконичная.

Несмотря на языковые различия, основные принципы создания тифлокомментария в разных странах совпадают:

1. Наблюдение – восприятие всех элементов, создающих сцену.

2. Отбор – выбор того, что является существенным и необходимым для понимания сцены.

3. Язык – выбор слов, которые максимально соответствуют описываемому визуальному содержанию.

4. Эмиссия голоса – чтение описания, приспособленное к описываемой сцене, как в отношении силы и тона голоса, так и времени появления описываемых объектов. [1, с. 4]

Чаще всего, когда речь заходит о тифлокомментировании, говорится о тифлокомментировании кинофильмов, реже о тифлокомментировании спектаклей или выставок. Но помимо этого, есть ещё большой объём визуальной информации, востребованной инвалидами по зрению. Это различные фотографии и видеозаписи, без которых невозможно представить современный интернет.

Существует очень интересный интернет-проект «Опиши мне» (<http://опиши-мне.рф>) где публикуются такие описания, а у незрячих пользователей появляется возможность не только в любое время ознакомиться с уже размещёнными описаниями, но и попросить волонтеров описать ещё не представленный на сайте контент. Авторами проекта являются незрячие с рождения психолог Маргарита Мельникова и вебмастер Сергей Сырцов.

Можно говорить о том, что в настоящее время идет становление новой, интересной, востребованной профессии тифлокомментатора. Развитие тифлокомментирования, несомненно, будет способствовать социокультурной

реабилитации и интеграции незрячих и слабовидящих людей в общество, обеспечит им доступ к культурному наследию, а также расширит возможности познания окружающего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варенова, Т.В. Ценностные ориентации в развитии специального образования и аудиодескрипция как одно из средств их реализации /Т.В. Варенова. / Методология и стратегии развития современного образования: материалы междунар. науч. конф., Минск, 11 декабря 2014 г. / отв. ред. Л.А. Худенко. – Минск, Национальный институт образования, 2015.
2. Россия заново открывает для себя тифлокомментирование: опыт Московского губернского театра/ Тифлокомментирование (аудио дескрипция) как новая социальная услуга для людей с проблемами зрения Сборник материалов Летней международной школы 20-21 августа 2014 г. Екатеринбург 2014
3. Тифлокомментирование как новая социальная услуга для людей с проблемами зрения Сборник материалов III Летней международной школы (г. Екатеринбург, 29-30 августа 2017 г.) Екатеринбург 2017.
4. http://audio-description.blogspot.ru/2016/12/blog-post_29.html?view=sidebar
5. <http://cinemaplex.ru/2017/04/21/tiflokommentirovanie.html>
6. <http://government.ru/programs/215/events/>
7. <http://inde.io/article/491-slepoe-kino>
8. www.oor.ru
9. <http://www.rehacomp.ru/services/indevelop/tiflocomment/>

J. Filippova

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

SHOULD INVISIBLE WORLDS BECOME VISIBLE

The article considers the advent and development of audio description in Russia. Types of audio description are described as well as the requirements for specialists in this field. The rules of audio description production are provided. The demand for audio visual specialists is touched upon. The article might be of interest to people concerned about the creating of an “accessible environment” for the visually impaired, as well as for those wishing to master a new profession of an audio descriptor.

Audio description, audio descriptive commentary, audio descriptor, sight-disabled people, accessible environment

УДК 81:811.161.1:327

А. Л. Хонарджу

Минский государственный лингвистический университет

honarjoo.arash@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Устанавливается значимость невербального поведения в дипломатической сфере. Рассматривается влияние национальной специфики невербальных средств общения на результат дипломатических переговоров. Выявляются национально-культурные особенности персидского и русского невербального дипломатического дискурса.

Дипломатический дискурс, невербальное поведение, национальная специфика, дипломатическая компетенция.

Незнание специфики национально-культурного поведения является острой проблемой современного мира, негативно сказывающейся на установлении дружеских отношений и сотрудничества между народами и государствами. В наше время коммуникативное поведение является очень важным компонентом социального взаимодействия, особенно в дипломатических отношениях.

Особенности вербальных и невербальных средств общения каждого народа влияют на эффективность интеллектуального дискурса на дипломатической арене. Другими словами, дипломатия без знания специфики национально-культурного поведения не всегда может действовать в пользу человечества, а сама дипломатия – это образ коммуникативного поведения с целью ведения переговоров для предотвращения или урегулирования конфликтов, поисков компромиссов и взаимоприемлемых решений, расширения и углубления отношений между двумя и более интеллектами.

Как пишет А. Тойнби в своей книге «Постижение истории», «коммуникация означает участие в каком-либо совместном деле, но преимущественно и в наибольшей степени – в каком-то политическом союзе» [4, с. 240]. Дипломатические отношения подразумевают собой соблюдение уважения и почтительности в отношении лиц представляющих государства и всего того, что его символизирует. По словам известного автора трудов по дипломатии англичанина Гарольда Никольсона, британского дипломата и историка, «задача дипломатии – поддерживать связь между двумя суверенными государствами при помощи переговоров» [3, с. 55].

Целью статьи является рассмотрение невербального поведения как важнейшего компонента дипломатической компетенции, выделение таких характеристик языка тела в дипломатическом общении как осознанность, двусмысленность и наконец, определение корреляций сигналов и символов в дипломатическом дискурсе.

Социальное взаимодействие, включая дипломатическое общение, включает в себя передачу сообщений, к которым прилагаются определенные значения. Эти сообщения могут быть вербальными или невербальными. Огромную смысловую нагрузку имеют словесные компоненты общения, однако невербальные сигналы в обычном разговоре между людьми несут чуть более трети социального значения,

поэтому невербальные сообщения или «язык жестов» составляют важные аспекты дипломатического общения тоже.

В дипломатическом сообщении «говорить – значит действовать», и «действовать – значит говорить». «Семантическая одержимость» дипломатов основывается на осознании того, что «речь – это форма действия». С другой стороны, каждый жест или действие дипломата отправляет значения передованного сообщения. Как утверждает П. Вацлавик, «действие или бездействие, слова или молчание, все имеют значение: они влияют на других людей, а другие, в свою очередь, не могут не реагировать на эти сообщения и таким образом они общаются» [2, с. 44].

Невербальная коммуникация имеет определенные преимущества. Она часто привлекает и удерживает внимание и интерес различных аудиторий лучше, чем вербальное общение. Еще одно преимущество невербальных сигналов, с точки зрения дипломатов, заключается в том, что они по своей сути неоднозначны и не учитываются и, таким образом, позволяют сохранять гибкость.

Дипломатическое невербальное поведение охватывает все: от личных жестов до манипуляций военными силами, местом и форматом встреч, а также формой переговоров и уровнем делегаций. Существуют и многие другие аспекты, которые могут быть использованы для тонкого невербального поведения. Например, рукопожатие обычно используется как метафора качества межгосударственных отношений, перенося язык личных отношений на международную арену. Некоторые аналитики выявили целых двенадцать различных типов рукопожатий, среди которых мы можем найти политическое, или дипломатическое, рукопожатие. Рукопожатие политика – это чрезмерно интимное и сверхсерьезное двуручное рукопожатие, которое прозрачно неискреннее. Левая рука манипулирует, толкает или тянет, направляет каким-то образом, в то же время требуя чрезмерной близости, хватая руку, запястье, предплечье, плеч или даже шею другого, в то время как правая рука держит его правую руку. Рукопожатия политиков часто специально продлеваются для фотографов.

Первой характерной особенностью невербальных сигналов является сознательность. Приемник сигнала или наблюдателя должен принять предположение об интенциональности. Но дипломатия предполагает общение между культурами, и не всегда легко быть уверенным, что дипломатический сигнал имеет одинаковое значение в разных странах. Необходимо, чтобы эффективные сигналы не были специфическими для культуры или трудно различимыми в других культурах.

Ношение определенного наряда при значимом событии, когда изображения транслируются по всему миру, может означать скрытый замысел для позитивной проекции или по отрицательным причинам. Когда национальные лидеры посещают свои войска на поле, такие как президент Джордж Буш в Косово в июле 2001 года, они надевают обычную боевую верхнюю одежду, чтобы подчеркнуть идентификацию с обычным солдатом. На одной переговорной сессии в Израиле, президент Египта Анвар Садат был сфотографирован в галстуке, который имел дизайн, который некоторые комментаторы назвали мотивом «свастики». Это было категорически отвергнуто египетскими представителями.

Вторая особенность касается идеи двусмысленности. Иногда двусмысленность намерения также является частью сигнала, чтобы передать некоторую степень сомнения или оставить место для отказа в сигнале в какой-то момент в будущем. Если жест явно признан сигналом, он может потерять свою эффективность;

следовательно, он часто неоднозначен и неприемлем. Например, болезнь позволяет одной стороне предложить оправдание, которое, вероятно, является оправданием; но другой не может быть абсолютно уверен. И сторона, делающая сигнал, может настаивать на подлинности недоумения с прямым лицом.

Наконец, наблюдатель должен сделать вывод о сигнале, исходя из времени, контекста и соглашения. Здесь необходимо тщательно учитывать правила протокола, обычную конвенцию дипломатического дискурса и, конечно же, время и способ передачи сигнала. Дипломатия предлагает богатый потенциал для творчества в сигналах. Например, отклонение от протокола становится способом отправки положительного или отрицательного сигнала. Это может иметь форму иерархического уровня, на котором встречается иностранный сановник в аэропорту, или который получает иностранного гостя за встречу. Аналогичным образом, социальный жест в честь посетителя, например, обед или какая-либо другая функция, также является сигналом, особенно когда он не является обязательным по местному обычаю.

Самый распространённый жест на дипломатических встречах – это рукопожатия. Но не у всех народов он демонстрируется одинаково. Русские дипломаты жмут руки собеседнику, не зависимо от гендерных признаков или социального статуса, простым всем известным рукопожатием, а в иранской дипломатической культуре половой и социальный признак играет важную роль. Например, рукопожатия могут быть только между дипломатами одного пола, при этом они сопровождаются тремя поцелуями в щеки среди мужчин и двумя поцелуями в щеки среди женщин, а с человеком старше по статусу собеседника необходимо подать руку с небольшим поклоном. Или выявление жеста «скрещенные на груди руки» в беседе между иранскими дипломатами может означать скромность, уважение к собеседнику и внимательность, в то время как данный жест в русской культуре интерпретируется как закрытость, неуверенность или даже несогласие с говорящим.

Особенности коммуникации каждого народа – это очень сложное сочетание национальных традиций, обычаев, которые сформируются под влиянием социально-исторических факторов. Однако, как говорил Всеволод Овчинников, «мы живём в такое время, когда недостаточно одного лишь знакомства с зарубежными народами, когда требуются не просто знание, а понимание друг друга» [1, с. 3-14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С. А., Багдасаров А. Р. и др. Язык – культура – этнос. – М., 1994. – 233 с.
2. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Л. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, матологий и парадоксов взаимодействия. / Пер. С англ. А.Суворовой. – М.: Апрель-Пресс. Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 320 с.
3. Никольсон Г. Дипломатическое искусство. Четыре лекции по истории дипломатии / Г. Никольсон. – М.: Институт Международных отношений, 1997. – 117 с.
4. Тойнби А. Постижение истории / А. Тойнби. – М. : Айрис-Пресс, 1991. – 360 с.

A. L. Honarjoo

Minsk State Linguistic University

NATIONAL PECULIARITIES OF NON-VERBAL DIPLOMATIC BEHAVIOUR

The importance of non-verbal behavior in diplomatic sphere is determined. The influence of national peculiarity of non-verbal communicative means on the result of diplomatic negotiations is considered. The cultural identity of Persian and Russian non-verbal diplomatic discourse is revealed.

Diplomatic discourse, non-verbal behavior, national peculiarity, diplomatic competence.

УДК 372.881.11

Е. Ю. Шиянова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
eugenia.shyanova@gmail.com*

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ФРАНЦУЗОВ

В статье рассматриваются проблемы коммуникативного поведения в ситуациях межкультурного общения и некоторые особенности невербального коммуникативного поведения французов, которому необходимо обучать наряду с обучением французскому языку, так как в каждой культуре есть определенные нормы поведения, знания которых в конкретных ситуациях межкультурной коммуникации являются необходимыми для лучшего взаимопонимания русских и французов.

Межкультурная коммуникация, коммуникативное поведение, вербальные и невербальные средства коммуникации, французский язык

В последние десятилетия особый интерес стали представлять проблемы межкультурной коммуникации. Это связано с тем, что между разными странами бурно развивается сотрудничество в самых разных областях человеческой жизни: науке, технике, спорте, культуре, туризме и т.д., а, следовательно, открываются все новые возможности общения людей, принадлежащих к разным культурам.

Залогом эффективности такого общения является взаимопонимание, уважение к культуре участников коммуникации. В связи с этим возрастает потребность осмысления проблем достижения взаимопонимания между народами.

За рубежом накоплен огромный опыт в решении проблем межкультурной коммуникации, так как именно западная наука положила начало в изучении этой проблемы.

В отечественной же науке интерес к проблемам межкультурной коммуникации возник только в 90-х годах XX века, когда пришло понимание, что самобытность и своеобразие нации отражается в ее культуре, незнание которой порой может быть препятствием при общении, то есть мешать межкультурной коммуникации представителей разных стран.

Это первыми осознали именно преподаватели иностранных языков, так как увидели, что даже прекрасное знание языка не исключает непонимания в процессе общения с иностранцами, ведь речь идет не только о знании языка, но и об умении расшифровать культурную информацию, которую посылает собеседник в процессе общения. Вследствие этого появилась необходимость обратиться к проблемам взаимодействия языка и коммуникационной культуры общения, так как «язык не существует вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [1, с.211].

Впервые понятие «межкультурная коммуникация» появилось в 1954 г. в работе Г.Трейгера и Э. Холла «Культура и коммуникация. Модель анализа». Ученые определили ее как цель, к которой необходимо стремиться человеку в своем желании как можно лучше адаптироваться к окружающему миру, когда в коммуникации участвуют представители разных культур.

Встречаясь с чужой культурой, человек видит в ней много необычного и странного и начинает осознавать существующие культурные различия между ним и его собеседником – представителем иной культуры.

На основании выше изложенного можно сказать, что, поскольку на современном этапе необходимо владеть языками как средством межкультурной коммуникации, необходимо формировать у обучаемого лингвострановедческую компетенцию, в основе которой лежат так называемые фоновые знания или знания социокультурного фона, так как проблема межкультурной коммуникации не сводится исключительно к языковой проблеме. Это способствует лучшему взаимопониманию в контексте межкультурной коммуникации.

У каждого народа своя культура и, следовательно, своя языковая картина мира. Когда человек изучает иностранный язык, он знакомится с чужой культурой, с чужой картиной мира и пытается ее понять и совместить со своей. Это и вызывает наибольшие трудности в изучении иностранных языков.

Процесс передачи и приема информации, то есть коммуникация, осуществляется как при помощи вербальных коммуникативных средств, так и невербальных.

К вербальным средствам коммуникации относятся различные формы языкового общения, в том числе человеческая речь. Невербальное же общение осуществляется без использования слов и представляет собой обмен невербальными сообщениями в процессе коммуникации, а также их интерпретацию.

При невербальном общении информация передается с помощью жестов, мимики, одежды, причесок, поз для того, чтобы точнее и понятнее выразить свои мысли и эмоции. Информация, полученная собеседником с помощью невербальных средств общения очень важна в процессе межкультурной коммуникации, так как «люди, принадлежащие к разным культурам не только говорят на разных языках, но, что, без сомнения, важнее, живут в различных чувственных мирах» [9, с. 14].

По мнению ученых при помощи невербальной коммуникации передается 55% информации, и только 7% при вербальной. Остальная информация (38%) передается тоном голоса собеседников.

Невербальное общение является составной частью межкультурной коммуникации и тесно связано с вербальным общением, дополняя его.

Ученые выделяют следующие элементы невербального общения:

кинесика – совокупность жестов, мимики, телодвижений, поз и т.д., которые используются как дополнительные средства общения;

тактильное поведение – рукопожатия, поцелуи, объятия, похлопывания по плечу или спине. Так в некоторых странах прикосновения к плечу или спине являются признаками выражения дружеского отношения.;

сенсорика – это тип невербальной коммуникации, который основан на чувственном восприятии представителей других культур;

проксемика – это использование пространственных отношений при коммуникации.

Общение людей всегда происходит на определенном расстоянии друг от друга, которое зависит от культурных особенностей собеседников.

Э. Холл выделяет 4 зоны коммуникации:

1. *Интимная зона (15-45 см)*. Она ближе всего к телу человека и вторгаться в нее не принято.

2. *Личная зона (45-120 см)* – это расстояние между собеседниками при общении. При межкультурном общении необходимо знать границы этой зоны, иначе незнание этого может привести к непониманию и даже конфликту.

3. *Социальная зона коммуникации (120-210 см)* – это дистанция общения с незнакомыми людьми.

4. *Публичная зона коммуникации (от 350 см)* – это расстояние при общении с большой группой людей (лекция, собрание, митинг и т.д.).

Любой человек, вторгающийся в зону, которая ему не предназначена, совершает ошибку, и человек, в зону которого вторгаются, чувствует себя некомфортно.

Наряду с пространством нужно учитывать и время в невербальной коммуникации, то есть *хронемике*.

Так, например, в некоторых странах опаздывать на важную встречу недопустимо, а есть страны, где это возможно. Например, французы опаздывают почти всегда и повсюду: как на работу, так и на дружескую встречу или званый обед.

Во Франции даже существует правило, которое необходимо соблюдать, если вы приглашены на вечеринку, на ужин или на коктейль: не приходить вовремя! Обычно французы приходят с 10-ти или 15-ти минутным опозданием. Если же они опаздывают на полчаса и более, вежливым считается предупредить хозяев дома о своем опоздании. Во Франции также не принято приходить в гости даже к близким людям, не договорившись заранее, а тем более без приглашения. Также не принято долго задерживаться в гостях, особенно если близится время обеда, а вы на него не приглашены.

Поведение людей определяется различными факторами в процессе межкультурной коммуникации, а именно культурными нормами поведения и общения.

Все это многообразие поведенческих норм принято разделять на следующие виды: традиции, обычаи, нравы, законы и т.д. Мораль также регулирует отношение между людьми, их ценностные ориентиры и правила поведения.

Каждая культура в процессе своего исторического развития выработала определенные нормы поведения, с помощью которых человек автоматически действует в различных ситуациях, в том числе в ситуациях межкультурного общения. Такое поведение называется «коммуникативным».

Термин «коммуникативное поведение» впервые был введен в 1989 году доктором филологических наук Иосифом Абрамовичем Стерниным.

Коммуникативное поведение можно разделить на вербальное и невербальное. Эти два типа поведения очень тесно связаны друг с другом. В основе вербального коммуникативного поведения, несомненно, лежит вербальная коммуникация, основой же невербального поведения является невербальная коммуникация.

Невербальное коммуникативное поведение И.А.Стернин определил как «совокупность норм и традиций, регламентирующих требования к организации ситуации общения, физическим действиям, контактам и расположению собеседников, невербальным средствам демонстрации отношения к собеседнику, мимике, жестам и позам, сопровождающим общение и необходимым для его осуществления» [2, с. 5].

Знание норм поведения в конкретных ситуациях являются необходимыми наряду со знанием языка для адаптации человека к чужой культуре. Это облегчает общение, способствует лучшему взаимопониманию в ситуациях межкультурного общения.

В рамках стандартных коммуникативных ситуаций очень важно знать факторы, регламентирующие общение, такие, как место общения, расстояние между собеседниками, физический контакт, мимика, жесты и т.д., то есть совокупность норм и традиций, определяющих коммуникативное поведение представителей той или другой национальности.

Представителям различных культур свойственно различное коммуникативное поведение, в том числе и невербальное. Так, например, в латинских культурах, в частности во Франции, в разговоре очень часто используют руки для усиления воздействия на собеседника. Англичане часто показывают свои эмоции мимикой лица, например, хмуря брови, или используют какие-либо позы или телодвижения. В культурах народов северных стран вербальная коммуникация преобладает над вербальной. При общении они более спокойны, невозмутимы и редко используют средства невербальной коммуникации, но, безусловно, существуют и какие-то общие нормы коммуникативного поведения, о которых не следует забывать в ситуациях межкультурного общения.

При разговоре следует избегать нервозности, так как некоторые бессознательные жесты или знаки могут быть неправильно интерпретированы собеседником, и уметь управлять тоном своего голоса. Безусловно, в разговоре необходимо показывать открытость ваших намерений, поэтому следует избегать следующих вещей: нельзя держать руки за спиной или их скрещивать, а также слушать собеседника с низко опущенной головой. Все это создает не очень хорошее впечатление и негативно влияет на процессе коммуникации.

Что же касается особенностей коммуникативного поведения французов как определенной лингвокультурной общности, то в общем и целом можно сказать, что

французы скорее галантны, чем вежливы, так как часто их улыбчивость и приветливость это всего лишь дань традиции, а не выражение искренних чувств к собеседнику. Даже свое недовольство французы скрывают за улыбкой и подчеркнутой вежливостью. При общении они держаться на большем расстоянии от собеседника, чем русские. Даже в переполненном общественном транспорте французы избегают стоять слишком близко друг к другу, стараясь не допускать физического соприкосновения, уважая личное пространство человека, стоящего рядом.

Недостаточное уважение к интимной или личной зоне собеседника по ошибке или по незнанию норм поведения вызывает у французов искреннее желание избегать всяческих контактов со всеми, кто невольно или специально покушается на эти зоны.

При разговоре французы очень оживлены и, если собеседник не отвечает им тем же, не показывая своей заинтересованности в беседе, они могут испытывать некоторое замешательство. Разговаривать с собеседником, держа руки в карманах, недопустимо. Для французов это признак неуважения к собеседнику.

Для французов очень важен в разговоре визуальный контакт. Неприлично избегать взгляда собеседника, но, с другой стороны, недопустимо и пристально рассматривать человека, который при этом будет чувствовать себя смущенным.

Большую роль в общении французов играют приветствия. Даже на улице при встрече с родственницей, коллегой или подругой француз непременно ее расцелует. Во Франции принято целовать 2 раза, по одному разу в каждую щеку, при этом не касаясь щеки губами.

Мужчины же при встрече обмениваются рукопожатием. Во Франции это обязательный ритуал. Протянутая рука при встрече – это символ дружеского расположения и доверия. Не вздумайте при встрече с коллегой приветствовать его, сделав знак рукой или, что хуже, не сделав при этом никакого жеста, а просто сказав “Bonjour!” и назвав его имя. Это будет истолковано как холодность отношений между вами.

Во Франции нередко можно увидеть, как это утреннее приветствие занимает у французов много рабочего времени. Француз не успокоится пока не обойдет всех своих коллег и не пожмет им руку. Многие иностранцы считают эти ежедневные приветствия потерянным временем “le temps perdu”.

Как заметил Пьер Данинос в своей книге «Записки майора Томсона», француз проводит примерно 30 минут в день или 1 год из 60 за этим занятием. Французы жмут друг другу руки в 9 часов утра, в полдень, в два часа дня, в 6 часов вечера.

Разговаривая, французы почти всегда используют мимику и жесты. У них есть жесты для выражения самых различных эмоций: удивления, растерянности, недоверия, сожаления и т.д.

Мимика и жесты являются неотъемлемой частью коммуникативного поведения французов. Вербальная информация дополняется невербальной. Чтобы межкультурная коммуникация проходила наиболее эффективно, необходимо знать значение жестов и выражение лица французов в той или иной ситуации общения. Чтобы донести до собеседника свои мысли и эмоции, французы используют руки, глаза, брови, губы и иногда даже ноги.

Чтобы выразить сомнение или удивление, французы выпячивают нижнюю губу. Иногда они надувают щеки и выпускают глухой звук, выпуская часть воздуха. Таким образом они хотят сказать, что не знают ответа на ваш вопрос.

Если француз надувает щеки и дотрагивается до щеки указательным пальцем будто хочет ее сдуть, при этом также испуская глухой звук, это означает, в довольно грубой форме, что он не доверяет своему собеседнику.

Массируя горло рукой, покашливая при этом, он хочет сказать, что не верит своему собеседнику. Дотрагиваясь указательным пальцем до нижнего века, немного оттягивая его книзу, француз тоже показывает, что он вам не верит. То же самое молодые люди выражают по-другому: они поглаживают свой подбородок тыльной стороной ладони, присвистывая при этом.

Жест, выполненный с помощью большого и указательного пальцев, которые, касаясь друг друга, образуют окружность, выражает положительную оценку, если речь идет о каком-нибудь блюде или кулинарном рецепте.

Если француз делает вид, что что-то бросает рукой через плечо, он показывает тем самым, что отказывается оказать услугу. Чтобы показать кому-то, что он пьян, француз покрутит у носа рукой, сложенной в кулак.

Подобные примеры ясно показывают различия в коммуникативном поведении, вызванные национально-культурными особенностями русских и французов как представителей разных лингвокультурных общностей. Чтобы эти различия не мешали общению и не становились барьерами в межкультурной коммуникации, надо наряду с обучением непосредственно иностранному языку (в частности французскому) обучать коммуникативному поведению жителей страны изучаемого языка. Это сможет упростить понимание в ситуациях межкультурного общения, откроет новые возможности для диалога культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи// Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
2. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж: «Гарант», 2000. – 26 с. Изд.2. испр. 2015. – 52 с.
3. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativfunktional Sprachbetrachtung. – Halle, 1989.
4. Фрик Т.Б. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие / Т.Б. Фрик; Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во томского политехнического университета, 2013.
5. Япп Н, Сиретт М. Эти странные французы. – М.: Эгмонт Россия ЛТД, 1999.
6. Barrier Gue. La communication non verbale. Issy-les-Moulineaux : ESF, 2010.
7. Calbris G., Montredon J. Des gestes et des mots pour le dire. – P.: Cle International, 1986.
8. Daninos P. Les carnets du major Thompson. – Paris, Librairie Hachette, 1988.
9. Dramane Coester. Quelques reactions a partir du livre « Ces droles de Francais »// Русское и французское коммуникативное поведение. Вып.1 – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002.
10. Hall. La dimension cache, Paris: Seuil, 1971.
11. Mauchamp N. Les Francais. Mentalites et Comportements. Paris, 1995.

E.Y. Shiyanova

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

Problems of communicative behavior in cross cultural communication, and peculiarities of French communicative behavior are considered in the paper. Communicative behavior is to be taught along with the language due to the fact that every culture has certain rules of behavior which are necessary for a better mutual understanding of Russians and the French.

Cross cultural communication, communicative behavior, verbal and non verbal means of communication, the French language

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81'342.6

Е. И. Беседина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
elivbesedina@mail.ru

И. В. Кузьмич

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
irinakuzmich@inbox.ru

ТАЙНА ЗВУКА: ФОНОСТИЛИСТИКА ДЕТЕКТИВА

В статье анализируется звукоизобразительная лексика англоязычного детектива как фоностилистическое средство создания экспрессии. Делается вывод о том, что звукоизобразительная сатурация текста является жанровым маркером детектива и элементом идиостиля писателя.

Жанровый маркер, звукоизобразительность, идиостиль, фоносемантика, художественный текст

Детектив как жанр известен всем – его или любят, или ругают, но равнодушных здесь нет. Этой «несерьёзной» и развлекательной, на первый взгляд, литературе посвящены статьи в солидных литературоведческих изданиях, монографии и диссертации. В чем же секрет такого непреходящего интереса исследователей к «лёгкому» жанру? На наш взгляд в том, что детектив – это жанр, основанный на решении загадки, которая всегда манила и волновала людей [7, с. 11-12]. Кроме того, как далее указывает в своей монографии «Поэтика детектива» П. А. Моисеев, «детектив считается (и, безусловно, является) жанром «занимательным».... (и) занимательность детектива строго функциональна: она должна помочь увидеть красоту загадки» [7, с. 26]. Следует при этом отметить, что исследовались разные аспекты детективных произведений – виды детективов (психологический, интеллектуальный, исторический, иронический и т. д.), лексико-семантические и композиционные особенности, однако единичными являются работы по изучению звуковой структуры детектива [5, с. 292-296]. Между тем, исследования крупных прозаических произведений, проводимые в рамках фоносемантики, фундаментальные основы которой были разработаны С. В. Ворониным [3], убедительно демонстрируют авторские особенности актуализации фонетических средств, которые становятся неотъемлемой частью авторского идиостиля и служат жанровым маркером [1, с. 257-266].

Роль и значимость звукового оформления в детективе долго время оставалась на втором плане исследовательских работ. Об использовании фонетических средств, как правило, мельком упоминалось при анализе стилистических особенностей автора. Между тем, красоту сюжетной загадки определённо окутывает тайна звука. Фонетически мотивированные слова обладают повышенной экспрессивностью и

усиливают эмоциональный фон повествования. Символика звука может являться самостоятельным инструментом создания заданной характеристики образа.

В качестве материала для данного исследования был выбран роман-детектив “*The Cuckoo’s Calling*” (в русском переводе «Зов кукушки») Джоан К. Роулинг, опубликованный ею в 2013 году под псевдонимом Роберт Гэлбрейт (*Robert Galbraith*). Выбор исследовательского материала не является случайным, поскольку широкое использование звукоизобразительной лексики (ЗИ-лексики) в романах писательницы, относящихся к другим литературным жанрам, уже отмечалось ранее. Такими исследованиями являются пилотный анализ ЗИ-лексики на материале романа “*Harry Potter and the Philosopher’s Stone*” («Гарри Поттер и философский камень») и последовательный и более глубокий анализ ЗИ-лексики четвертого романа из этой серии “*Harry Potter and the Goblet of Fire*” («Гарри Поттер и Кубок огня»). ЗИ-происхождение слов верифицировалось по списку ЗИ-слов И. В. Кузьмич [4], насчитывающему 2466 единиц и включающему слова, ЗИ-происхождение которых подтверждается пометами в этимологических словарях или доказано исследователями в специальных работах. Результаты исследования показали, при оформлении звукового строя текста ЗИ лексики Дж. К. Роулинг использует 34,5% от общего числа ЗИ единиц, входящих в данный список. По отношению к общему числу слов романа с учетом всех служебных слов, употребления ЗИ лексики составляют 9,7% [2 с. 68-70].

Материал настоящего исследования был получен методом сплошной выборки из электронной версии романа (141 976 слов). Полученная выборка насчитывает 864 ЗИ единицы (10 904 употребления), что составляет 35% от всех слов ЗИ-происхождения, зафиксированных в вышеупомянутом списке. Насыщенность ЗИ-лексикой текста романа составляет 7,7%, что лишь незначительно ниже, чем в романах так называемой «Поттерианы» (романов Дж. К. Роулинг о мальчике-волшебнике Гарри Поттере), написанной в жанре фэнтези и являющей произведением детской литературы. Такая доля ЗИ-лексики представляется неслучайной, поскольку 2466 единиц списка составляют лишь 0,25% от числа всех слов английского языка, которое, по данным компании «Глобальный языковой монитор» (*Global Language Monitor*) на январь 2017 года, составило 1 041 257 слов. В данном же случае мы имеем дело с превышением словоупотребления практически в 31 раз. Однако если из текста романа изъять все незначительные части речи (союзы, предлоги, артикли и частицы), то число слов романа сокращается до 94 339, а число употреблений ЗИ-единиц без учета междометий составит 10 714. Таким образом, насыщенность текста романа ЗИ-элементами повышается до 11,4%, то есть в 1,4 раза.

Следует отметить, что ЗИ-лексика романа представлена всеми частями речи (существительными: *chuckle, chunk, crack, crap, curb, fag, flash, flip-flops, pod, rubbish, slug, sliver*; глаголами: *bang, blab, cackle, caw, chew, chit-chat, chuckle, clatter, gaggle, garble, giggle, jab, shudder, whinge*; наречиями: *abash, bashful, briskly, bulky, blindly, blurrily, dozily, fambly*; прилагательными: *baggy, blotchy, chatty, cheery, clumsy, dank, dingy, flabby, fluffy, flurry, frumpy, earsplitting, knobble-knuckled, slimy, sluggish, scurry, shabby, sullen*; причастиями: *clacking, cropped, crumpled, howling, rattling, spluttering*; герундием: *scrabbling*; междометиями: *ooh, blah blah, mwah mwah*), однако подавляющее большинство слов представлено следующими тремя глагольными группами:

- глаголами коммуникативной деятельности, в особенности глаголами, входящими в реплики героев, что позволяет автору романа ярко и точно характеризовать персонажей с точки зрения их манеры говорить или особенностей их речи (*gabble, hiss, lull, mutter, murmur, ramble, rap, slur, snap, splutter, stutter, twitter, whisper, etc.*)

- глаголами различного вида движения, во многом определяющими характеры героев и добавляющими повествованию динамики и эмоциональности (*dangle, fiddle, fidget, flip, fumble, grasp, hobble, hop, jerk, jostle, judder, jump, kick, lash, leap, limp nudge, pat, plunge, propel, pulse, punch, rock, roll, shake, shatter, shiver, shrug, slide, slither, snatch, spin, spring, squeeze, stab, stagger, stroke, sway, sweep, swing, teeter, tilt, toss, tremble, trod, tumble, twist, waddle, whirl, whisk, wriggle etc.*)

- глаголами-люмосемизмами, обозначающими свет и свечение (*glimmer, gleam, glisten, glint, glow, flicker, shimmer, sparkle, etc.*)

Кроме того, как и в предыдущих романах, использование ЗИ-лексики сочетается с аллитерацией и ассонансом (*big bang, clutching and crumpling the envelope, creative crowd, fluttering fliers, greeting and gripping, knobble-knuckled, snowy smoothness, sound deep snoring, swelled sleeves, wolf-whistling, clinking and jingling bumped knuckles, jutting and sucking movement, hobbling cobbles, little sips, splashdash*).

В романе также встречается достаточно большое количество насыщенных ЗИ-словами предложений :

- *Lula pressed the bell and I buzzed her in.*
- *Helium-filled balloons, tied to the gate, bobbed in the light breeze.*
- *Indistinct sounds of movement, clunks and scrapings, then the flick of turning pages.*
- *Strike traversed the narrow walkways barricaded by metal fences, past the rumbling diggers full of rubble, bellowing workmen and more drills, smoking as he walked.*
- *He fidgeted in his seat, lit yet another cigarette, clamped it between his lips and squinted at Strike through billows of menthol smoke.*
- *Taking her cue from the silently munching Strike, she brushed herself free of crumbs, then gave him the morning's messages in a brisk and impersonal tone*

Значительное количество ЗИ-лексем, используемых автором с целью эмоционально-образного воздействия на читателя, придает повествованию особую выразительность. Этот эффект усиливается тем, что автор наделяет героев своего романа именами, включающими ЗИ-элементы: частный детектив Корморан Страйк (*Cormoran Strike*), модель, убийство которой расследует Страйк, Лула Лэдри (*Lula Landry*), отрицательный герой романа инспектор полиции Рой Карвер (*Roy Carver*) и подруга Корморана Страйка Шарлотта Кэмпбелл (*Charlotte Campbell*). Насыщенность этого романа «говорящими звуками» отмечают даже непрофессиональные лингвисты на просторах интернета – рецензия на роман в популярном блоге о детективах называется «Крики и подсказки Джоан Роулинг», а в тексте автор указывает, что имя героини Лула Лэндри очень напоминает аллитерационные имена из серии о Гарри Поттере (например, *Luna Lovegood*) [8]. То, что аллитерация, являющаяся ярким средством фонетической стилистики, принадлежит к числу излюбленных приёмов Дж. К. Роулинг, уже неоднократно отмечалось исследователями её творчества [6, с. 68].

Анализ выборки ЗИ-единиц вышеупомянутого романа выявил высокую частотность использования писательницей ЗИ-лексики при оформлении звукового строя его текста: Дж. К. Роулинг использует 35% от общего числа ЗИ-единиц, входящих в вышеупомянутый список ЗИ-слов. Полученный результат позволил авторам сделать вывод том, что ЗИ-лексика является одной из важных идиостилистических составляющих детективной прозы писательницы.

Полученные результаты коррелируются с анализом звукоизобразительной лексики американского интеллектуального детектива на материале романа Дэна Брауна «Ангелы и демоны» [5, с. 292-296], где прослеживается последовательное использование автором фоносемантических единиц в качестве экспрессивных доминант повествования, а также рассматривается возможность эквивалентного перевода звукоизобразительных слов, что намечает перспективы дальнейших исследований ЗИ-лексики в художественной прозе в целом, и в детективах, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беседина Е. И. Фонетические средства стилистики в текстах романов Дж. К. Роулинг // Актуальные проблемы языкознания. Материалы VI межвузовской научно-практической конференции с международным участием 20.04.2017. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.
2. Беседина Е. И., Ноланд Н.Н. Звукоизобразительная лексика в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и Кубок огня»: идиостилевой аспект // Материалы Международного научного семинара «Проблемы фоносемантики» / Отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. Орехово-Зуево: ГОУВО МО «Государственный гум. тех. унив». М.: Ин-т языкознания РАН, 2016.
3. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1982.
4. Кузьмич И. В. Звукоизобразительная лексика американского слэнга: фоносемантический анализ. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 1993.
5. Кузьмич И. В. Звукоизобразительная лексика современного американского интеллектуального детектива // Актуальные проблемы языкознания. Материалы VI межвузовской научно-практической конференции с международным участием 20.04.2017. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.
6. Левченко М. Н., Скрыльник А.В. Особенности перевода авторских неологизмов произведения Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» // Вестник МГОУ (Московского государственного областного университета) Серия: Лингвистика, № 2, 2015. Электронная версия vestnik-mgou.ru
7. Моисеев П. А. Поэтика детектива. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
8. URL: <http://detectivemethod.ru/first-line/cries-and-hints-jk-rowling/>

E. Besedina, I. Kuzmich

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

MYSTERY OF SOUND: PHONETIC STYLISTIC DEVICES IN DETECTIVE STORIES

Sound symbolism as a means of expressiveness in British and American detective stories is being analysed. Sound symbolic saturation of the text is regarded a characteristic feature of the detective genre and an integral part of the writer's idiosyncrasy.

Genre feature, sound symbolism, idiosyncrasy, phonosemantics, fiction

УДК 811.161.1'23

И. А. Ваулина

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург
phonosemant@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОЙ ЭКСПРЕССИВНОСТИ

В статье рассматривается звуко-символическое слово в аспекте его порождения. Предметом научного интереса автора является взаимосвязь между определенным признаковым впечатлением об объектах и акустико-артикуляционными свойствами звуков. Разработана экспериментальная процедура, предполагающая конструирование респондентами окказиональных номинаций, отражающих их звуковое представление о предложенных означаемых.

Фоносемантика, экспрессивность, звуко-символическое слово, языковое сознание, психолингвистический эксперимент

Одним из самых сложных и спорных вопросов лингвистической науки с древнейших времен и по сей день является вопрос о мотивированности языкового знака, о наличии закономерной, произвольной взаимосвязи между звучанием и значением слова (см., например, знаменитый древнегреческий спор между школами *physei* и *thesei*, исследования А.А. Потебни о внутренней форме слова, с другой стороны – принцип произвольности языкового знака, о котором писал Ф. де Соссюр и т.д.). Данная проблема является ключевой для фоносемантики. В современной науке накоплен богатый экспериментальный материал, подтверждающий существование устойчивой ассоциативной взаимосвязи между определенными звуками (звукокомплексами) и признаковыми значениями [см. 2, 4, 5, 6, 8 и мн. др.], разработаны электронные программы, позволяющие верифицировать степень фоносемантической экспрессивности слова (ВААЛ, Диатон). При этом феномен звуко-символической выразительности до сих пор остается для ученых некой «неразгаданной загадкой», поскольку не поддается прямому описанию, представлен в языке весьма непоследовательно, требует обращения к языковому сознанию, разработки новых экспериментальных методик.

Идея нашего исследования состоит в том, чтобы предложить респондентам переименовать реалии, уже имеющие в языке название. Такого рода эксперимент

нацелен на то, чтобы, во-первых, верифицировать взаимосвязь между определенным признаковым впечатлением об объектах и акустико-артикуляционными свойствами звуков (какие звуковые ассоциации вызывает у носителей языка представление о некоторых явлениях незвуковой действительности), во-вторых, установить, насколько выявленные в фоносемантических исследованиях и какие именно коннотативные значения звуков и звукокомплексов актуальны непосредственно в момент называния.

В качестве экспериментального материала (путем фоносемантического анализа с привлечением данных, полученных при верификации слов по системе ВААЛ) отобраны стимульные единицы трех типов: 1) фоносемантическая выразительность звуковой оболочки слова гармонирует с его смысловым содержанием, оценочно акцентирует тот или иной признак (денотативный или коннотативный): *кактус* «Южное растение с безлистными мясистыми стеблями, покрытыми колючками» [9, т. II, с. 20] (по данным ВААЛ, шероховатый 23%, угловатый 34%), *идиллия* «Мирное, безмятежно-счастливое, ничем не омрачаемое существование» [9, т. I, с. 631] (хороший 52%, красивый 45%, добрый 36%, светлый 42%, нежный 34%, веселый 28%, яркий 36%, радостный 40%); *жара* «Горячий, сильно нагретый воздух где-л.» [9, т. I, с. 472] (горячий 26%, сильный 29%); 2) звуковая оболочка слова нейтральна по отношению к его лексической семантике (степень выраженности признака, по данным ВААЛ, приближена к нулю): *великан* «Человек очень большого, превышающего обычную меру роста» [9, т. I, с. 146] (маленький 1%); *угол* (округлый 4%); *женщина* (женственный 2%); 3) третий тип иллюстрирует соотношение лексического и фонетического значений по принципу контраста: *круг* (угловатый 45%), *мальши* (большой 31%), *демон* (хороший 19%, красивый 15%, безопасный 14%, добрый 58%, светлый 31%).

Таким образом организованный стимульный материал позволит проследить, насколько номинации, данные респондентами, окажутся более (или менее) удачными с фоносемантической точки зрения, будут ли сделаны попытки «снять» контраст между звучанием и значением, привести их в соответствие.

В исследовании приняли участие 60 студентов-филологов, еще не изучавших курс «Фоносемантика» и, предположительно, не знакомых с основами данной науки. Задание для испытуемых было сформулировано следующим образом: «*Представьте, что Вы создаете новый язык. Ваша задача – сделать так, чтобы звучания слов максимально соответствовали их значениям. Напишите, какие звукокомплексы / звуки соответствуют Вашему представлению о следующих явлениях, назовите их по-новому: круг, угол, демон, женщина, великан, мальши, идиллия, кактус, жара. P.S.: Ваши ответы не должны быть похожи на слова нормативного языка, не должны быть сконструированы путем перестановки букв в уже имеющихся словах*». Предлагаемая инструкция апеллирует к лингвистической интуиции испытуемых, направлена на выявление закрепленных в языковом сознании ассоциативных связей между звучаниями и значениями.

В результате эксперимента получено 517 номинаций. Обработка эксперимента включала в себя следующие этапы: верификация ассоциативной выразительности звукокомплексов по программе ВААЛ, их фоносемантический анализ (включающий статистический подсчет) на предмет того, какие звуки и звукокомплексы преимущественно использовали испытуемые для выражения того или иного содержания. При верификации по программе ВААЛ учитывались данные по одному

или несколькими признакам, наиболее релевантным по отношению к лексическому содержанию стимулов.

Первый этап анализа позволил выявить следующие тенденции. «Удачными» с фоносемантической точки зрения (к таким мы относили реакции, которые получили больший процент по искомому признаку, чем стимулы), оказались 70% номинаций, что подтверждает тезис о том, что содержание и форма «всегда стремятся к взаимному соответствию» [4, с. 37]: *угол* (округлый 4%)/ *кр* (угловатый 65%), *коз* (угловатый 53%), *крак* (угловатый 53%), *кырк* (угловатый 43%); *великан* (маленький 1%)/ *отон* (большой 63%), *ом* (большой 61%), *ара* (большой 56%), *оговал* (большой 49%), *волболдол* (большой 48%); *кактус* (широховатый 23%, угловатый 34%)/ *кхтчк* (широховатый 62%, угловатый 56%), *жвец* (широховатый 56%, угловатый 24%), *харах* (широховатый 52%, угловатый 38%), *кокк* (широховатый 51%, угловатый 60%); *демон* (хороший 19%, красивый 15%, безопасный 14%, добрый 58%, светлый 31%, низменный 11%)/ *жузезм* (плохой 22%, отталкивающий 25%, страшный 27%, злой 27%, темный 4%), *рафт* (плохой 32%, отталкивающий 31%, страшный 68%, злой 39%, темный 45%).

При этом по нескольким стимулам результаты противоречивы. Так, на стимул *круг* получено лишь 55% «круглых» ассоциатов и 45% «угловатых»; на стимул *жара* – 60% «холодных» ассоциаций, 40% – «горячих». Номинации, предложенные респондентами для стимула *женщина* имеют преимущественно «мужественное» и «сильное» фоносемантическое значение (80% реакций), при этом часто коннотированы отрицательно: *грозк* (плохой 5%, отталкивающий 5%, злой 36%, грубый 39%, мужественный 54%, сильный 39%), *расона* (страшный 45%, злой 29%, грубый 51%, мужественный 63%, сильный 59%).

Данная ситуация может быть объяснена, во-первых, воздействием на респондентов в процессе ассоциирования узуальной звуковой оболочки (в частности, ряд реакций на слово *круг* имеют сходный с ним звуковой состав: *гворг*, *гун*, *мрук*), во-вторых, погрешностями в работе системы ВААЛ (например, такими, как неслитывание экспериментально зафиксированной символики губно-губных согласных в аспекте изображения округлого [8, с. 142] – *бубл* (угловатый 14%), *бум* (угловатый 13%)), в-третьих, с актуальностью фоносемантики отдельных звуков и звукокомплексов для носителей языка, в-четвертых, коннотациями, навеянными характером употребления стимула, языковой привычкой («Понаблюдайте, как употребляется в речи обращение *женщина*. Вы заметите, что избирательно. Так почти никогда не обратятся к изящной, красиво выглядящей, милой представительнице прекрасного пола, а скорее к грубой, излишне полной, не следящей за одеждой и внешностью <...> В стихотворении Некрасова речь идет о силе, мужестве, твердости духа русской женщины, которая *Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет*, т. е. о качествах, считающихся, в основном, мужскими» [4, с. 61]). Кроме того, «непопадание» респондентов в установленные стереотипы ассоциативного восприятия звуков и звукокомплексов, возможно, позволит несколько скорректировать список звучаний, соответствующих определенным значениям, но для этого нужны дополнительные исследования.

На втором этапе обработки экспериментальных данных был проанализирован звуковой состав реакций: характер артикуляции (место и способ образования), физические свойства (высота тона, звонкость/ глухость и т.д.) составляющих их звуков, характеристика звуковой оболочки в целом (слоговая структура, наличие

редупликации, соответствие нормам эвфонии русского языка и т.д.). Проиллюстрируем актуальные для испытуемых фонетические средства ассоциативной имитации некоторых признаков,

Угловатый

- по способу артикуляции – заднеязычные согласные: *киоксок, куктик, кок, лукокк*; вибрант [р] в разных сочетаниях (в 50% номинаций): *гверд, чарха, порз*; гласный [ы] напряженной артикуляции: *врыл, чыхи, стры, ыщ, кырк, мынгыла*; сочетания заднеязычных с вибрантом, часто – в абсолютном начале слова: *кр, крак, крав, кремб, кырк*;

- на уровне звуковой оболочки в целом – сочетания заднеязычных с вибрантом, часто – в абсолютном начале слова: *кр, крак, крав, кремб, кырк*; нагнетание согласных, создающих «артикуляционное препятствие»: *лоскхма, гнб, кыхтп*.

Большой

- с точки зрения физических свойств актуальны звонкие согласные: *волболдол, будуран, боган, оговал*; гласные низкого тона [ы], [у] [см. о них 2, с. 102]: *вылч, грыд, лыш, групп, туук*;

- по способу артикуляции частотны взрывные согласные (*гродл, бабай, боган*); «широкие» гласные [а], [о] (их образование сопровождается максимальным раскрытием ротовой полости): *дамор, роом*. Нижний подъем гласного [а] – основа его ассоциативной размерной семантики: «...большое расстояние между спинкой языка и нёбом символизирует понятие «большой» [8, с. 139]: *бабай, бранг, абрам, агар, ара*.

- на уровне звуковой оболочки в целом – сочетания твердых взрывных согласных с вибрантом: *бвагру, бранг, грыд*

Шероховатый, колючий

- по способу артикуляции – взрывные заднеязычные согласные [г], [к], вибрант [р]: *кокк, киксфокинс, шиггл, киртэк, разанка, феррус, камкамус, куразив*; подтверждается отмеченная в фоносемантических исследованиях [см., например, 4, 5] звукосимволическая выразительность щелевых (шипящих и «свистящих») согласных в аспекте имитации шероховатой поверхности: *жвец, пишш, шишин, шиггл, зус, сукт, сю*;

- на уровне звуковой оболочки в целом – труднопроизносимые неблагозвучные сочетания взрывных с вибрантом [кр], [рк], [тр], [рт], [бр] (*крезел, шортус, киртэк, кырк, бражс*) нагнетание согласных (зачастую слово целиком состоит из согласных): *кхтчк, пишш суткк*;

Положительная оценка: хороший, добрый, светлый, безопасный, яркий, радостный

- с точки зрения физических свойств – преобладание сонорных согласных (положительно коннотированных [4]: *мимилон, лиминия, яллими*;

- благозвучная, мелодичная звуковая оболочка: *люа, айлис, нима, лидал*.

Отрицательная оценка: плохой, отталкивающий, страшный, злой, темный

- с точки зрения физических свойств значимым в создании звукообраза (ассоциативной имитации таких его свойств, как сила и активность) является противопоставление согласных по звонкости/глухости: *кочк (слабый, хилый, печальный), гонгол (сильный, активный, грубый)*;

- по способу артикуляции – используются три группы отрицательно-коннотированных согласных: активны заднеязычные [к], [к'], [г], [г'] (*гонтул*,

китчек), вибрант [р] (*брахтар, гррхч, аргорос, врг*), шипящие [ж], [ш], [ч], [щ] (*шеж, желон, шухришван, шахас*). Интересно, что в соответствии с оттенками коннотативной окраски указанных групп согласных выделяются «активный» и «пассивный» звукообразы «демона»: доминирование вибранта [р] несет в себе такие характеристики, как *страшный, темный, злой*, при этом *грубый, мужественный, сильный, громкий, могучий, активный и яркий*; образ, построенный на шипящих – *плохой, страшный, темный, но низменный грустный, пассивный, печальный*. Заднеязычные согласные в зависимости от звонкости/ глухости могут поддерживать и тот, и другой образ.

– звуковая оболочка реакций характеризуется неблагозвучием, нагнетанием разных типов отрицательно маркированных консонантных сочетаний: *гррхч, шухришван, крик*.

Полученные данные отражают основные акустико-артикуляционные средства, использованные испытуемыми для звукоизображения того или иного содержания. При этом для образной имитации разных признаков актуальными могут оказываться физические свойства звуков, особенности их артикуляции или те и другие характеристики в комплексе (например, высота тона гласных + степень подъема). Дополнительным источником фоносемантической выразительности может выступать структурная организация звуковой оболочки в целом, экспрессивные ресурсы звуковой комбинаторики.

Проведенное исследование не дает готовых ответов на поставленные вопросы, а лишь позволяет под другим углом рассмотреть соотношение «означаемое/ означающее», понаблюдать за особенностями актуализации в сознании испытуемых взаимосвязей «звучание/ значение» и, кроме того, выявить эмоционально-оценочное отношение респондентов к некоторым реалиям действительности (следовательно, может применяться и при психологической диагностике). Перспектива заключается в возможности уточнения, дополнения существующего перечня фоносемантических средств имитации тех или иных значений на материале большего количества признаковых характеристик, с участием большего количества испытуемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваулина И.А. Фоносемантическая экспрессивность русского слова: психолингвистический аспект // Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. – 2017.
2. Воронин С.В. Основы фоносемантики. СПб., 1982.
3. Гридина Т.А. Методика завершения высказывания: стратегии текстопорождения // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2012. №10.
4. Журавлев А.П. Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991.
5. Журавлев А.П. Содержательность фонетической формы знаков в современном русском языке (психолингвистическое исследование): дисс. на соиск. уч. степ. д. филол. н. Калининград, 1974.
6. Левицкий В.В. Звуковой символизм: основные итоги: монография. Черновцы, 1998.
7. Малов В.И. Лингвистическое исследование асемантического текста: дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. Екатеринбург, 2001.

8. Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля: дисс. на соиск. уч. степ. д. филол. н., Пятигорск, 1995.
9. Словарь русского языка (МАС): В 4-х т. М., 1999.

I. A. Vaulina

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg

EXPERIMENTAL STUDY SOUND-SYMBOLIC EXPRESSIVITY

The article deals with a sound-symbolic word in the aspect of his birth. The subject of the author's scientific interest is the relationship between a certain characteristic impression of objects and the acoustic-articulatory properties of sounds. An experimental procedure has been developed that involves the construction of respondents by occasional nominations that reflect their sound representation of the proposed signifiers.

Phonosemantics, sound-symbolic word, linguistic consciousness, psycholinguistic experiment

УДК 81'37

А. Н. Ливанова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
alex_livanova@yahoo.com*

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ЗНАЧЕНИИ НОРВЕЖСКИХ ГЛАГОЛОВ ВРАЩЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

В норвежском языке глаголы вращения представлены в количестве около 28, что выше среднего показателя. Список был разбит на семь неравных групп в соответствии с их семантикой. При рассмотрении фонетического состава изучаемых единиц и их этимологии были выявлены определенные фоносемантические закономерности. За немногими исключениями глаголы группы входят в звуко-символическую систему языка. Не подтверждается ранее постулировавшаяся нерелевантность фактора среды для семантики глаголов вращения. Напротив, подтверждаются выводы относительно отражения в консонантных группах основ рассмотренных глаголов иконических аспектов обозначения действия.

Глаголы вращения, этимология, звуко-символическая система, иконичность, консонантные группы, итеративность

Вращение кратко определяется в Википедии как круговое движение объекта; для целей данной работы этого достаточно. В норвежском языке глаголы вращения представлены в количестве около 28; точнее сказать трудно, поскольку диффузная периферия группы охватывает единицы, не обладающие всеми семантическими

признаками ядерных элементов. Этот показатель значительно выше среднего, составляющего 10 единиц [3, с. 242]. Включенные в список лексемы (*dreie*, *kretse*, *kveile*, *rotere*, *rulle*, *runde*, *sirkle*, *sirkulere*, *slynge*, *sno*, *snu*, *snurre*, *spinne*, *svanse*, *sveive*, *sverme*, *svinge*, *svinse*, *svirre*, *trille*, *tvinne*, *veive*, *vende*, *vifte*, *vimse*, *virre*, *virvle*, *vri*) возможно разбить на несколько групп в соответствии с их семантикой. Для краткости приводится лишь основной русский однословный переводной эквивалент, а также опущено возвратное местоимение *seg* «себя» для тех глаголов, которые употребляются с ним. В данной статье делается попытка сопоставить классификацию семантическую с фоносемантическими характеристиками входящих в выделенные группы глаголов. Известно, что фоносемантические признаки являются частыми особенностями глаголов движения; движение в первую очередь обозначается звукосемантическими словами, см., например, [1, с. 87-88], с обзором литературы по вопросу.

1. Первая группа представлена разнородными глаголами, обозначающими в первую очередь прототипическое вращение, то есть в большей или меньшей степени регулярное, равномерное круговое движение вокруг некоего достаточно явно выраженного центра (внешней или внутренней оси).

Глагол ***dreie*** *вращаться*, родственный английскому *throw*, происходит от и/е **trê*, **tere* [10], предположительно означавшего дыру, образуемую вращательным движением. Обычно подобное действие сопровождается соответствующим звуком, возникающим от трения инструмента о твердую среду. В работе [11, s.140] предложено следующая цепочка развития значений: 'cut/scratch' > 'curved line' > 'round'. Глагол ***rotere*** *вращаться* (о механическом вращении) представляет собой заимствование из романских языков, исходно же он возводится к и/е обозначению колеса, в свою очередь, предположительно развившемуся от основы **ret[h]* со значением *бежать*, *катиться* [2, с. 718-719]; R-формант связывается с передачей итеративности, и, уже, "дрожащего звука движения, вращения" [1, с. 56]. Для глагола ***kretse*** *кружить* (по поверхности или над ней), содержащего германскую инициальную группу **kr-* с различными огласовками [10], предлагается значение *высеченная/нацарапанная линия*, что соответствует диссонантному фонетическому составу. Далее, ***sirkle*** *кружить* и ***sirkulere*** *циркулировать* оба заимствованы разными путями из латыни, где в основе производящего слова лежит восстанавливаемое и/е *(s)*ker-* (2) *гнуть*, возможно, связанное с русским *кривой* [4, с. 376]; напрашивается аналогия с предыдущим словом, где в основу обозначения положено звучание, сопряженное с процарапыванием кривой линии, более диссонансное, чем прямой, поскольку для преодоления сопротивления материала необходимо приложение большей силы. Глагол ***snurre*** означает быстрое вращение вокруг своей оси – *вертеться*; его основа представляет собой перегласовку от *snorre*, означающего *рычать* [10]. Это и неудивительно, так как инициальная группа в нем являет собой "The second most sound symbolic cluster, in absolute numbers" [6, s. 119], передающий в том числе такие семантические характеристики как звучание и быстрота. Итеративный R-формант уже упоминался выше. Наконец, нечастотный глагол ***spinne*** *вращаться* возводится к прото-и/е *(s)*penə*. Этот глагол относится к древнейшему слою индоевропейской лексики, а его исходным значением было, видимо, *тянуть нить* [10]. В древнескандинавский праязык он и вошел со значением *плести*, *пряхать*. Обозначение вращения, таким образом, является для *spinne* вторичным, это вращение вокруг своей оси на большой скорости. Новое значение

глагола *spinne* в норвежском связано с развитием квантовой физики и является семантическим заимствованием из английского языка, где используется тот же по происхождению и практически так же звучащий глагол *to spin* *вращаться* о движении элементарных частиц. Огласовка на *i* соответствует тому, что "обозначения "малого" содержат закрытый узкий неинтенсивный гласный" [1, с. 192]; на материале скандинавских языков см. об этом [6, s. 165]. Глагол развил также значение *мурлыкать*: издаваемые довольной кошкой звуки напоминают мерное жужжание веретена.

2. Вторую группу составляют глаголы **sverme**, **svirre** и **virre**, близкие к русскому *виться*. Все они описывают хаотическое вращение в воздухе множества мелких (относительно человека) объектов, прототипически – насекомых. Первый глагол образован от существительного *sverm* рой (пчел), возводимый к прото и/е **swer-* [10], означавшему какого-то рода звучание (ср. свирель в [4, III]).

Значение глагола *svirre* является менее узким и норвежскими словарями толкуется обычно как "летать, порхать беспокойными и неровными круговыми движениями и часто (о насекомых) с жужжащим звуком". Этимологи возводят его к тому же прото и/е **swer-* [10].

Для малочастотного глагола **virre** передача значения вращения не является основной. Если он все же употребляется в этом смысле, то также для обозначения непрямолинейного, суебливого движения масс насекомых и т.п. Предположительно это либо контаминация двух слов: д/норв **hvirfa* от **hverfa* *hverve* и/е **svegr* *вращать*, и современного *vire* *мотать* от и/е **veia* с тем же значением [10].

Снова обнаруживаем уже упоминавшийся формант -R-, соотносимый с звуко-символическим обозначением итеративности (здесь: мелких порхающих движений) и гласный *i*, также ассоциирующийся с мелкими объектами и движениями.

3. Глагол **virvle**, от праскандинавского **hverfa* и и/е **svegr* [10T], несколько особняком стоит среди прочих норвежских глаголов вращения: он специализирован для обозначения вращения газообразных и жидких веществ по воронкообразной траектории, или же вращения в газообразной или жидкой среде реальных объектов. В русском языке эквивалентами этого глагола являются *кружиться* (вихрем), *вертеться*, *вихриться*, *клубиться*. Звуко-символический характер этой основы подробно обоснован в работе [5, с. 13]. Как древнейшая и/е основа со значением вращения **vr* рассматривается в фундаментальном труде [2, с. 719]. Содержащийся в финальной группе согласных формант -l обычен в функции звуко-символической передачи движения воды или воздуха [1, с.70, 192], более плавного, чем при использовании диссонантного -R.

Согласно новейшему норвежскому этимологическому словарю [9, s. 128], *svirre*, *virre* *virvle* связаны по происхождению с д/сканд звукоподражательными основами со значением *жужжать*, *бормотать*, *журчать*.

4. Глаголы **rulle** и **trille** служат в норвежском языке для обозначения вращательного неконтролируемого движения круглых или округлых в сечении тел на плоскости, в том числе наклонной. На первый взгляд эти глаголы кажутся синонимичными, переводятся на русский язык *катиться*, в толковых словарях нередко определяются с отсылкой от одного к другому. Примеров, где они выступают синонимами, немало. Однако в значении и употреблении этих глаголов имеются отличия.

Так, хотя **rulle** вполне способен описывать движение микрообъектов, он все же чаще используется применительно к объектам, соразмерным руке человека или более крупным.

Глагол **trille** тоже может обозначать качение крупных объектов, однако типичными актантами этого глагола выступают существительные, обозначающие объекты небольшого и мелкого размеров. Этот же глагол обычно употребляется при описаниях катящихся из глаз слез.

Оба глагола содержат так называемые "итеративные RL-форманты" [1, с. 111 и след.], поддерживающие значение множественности оборотов. Даже если не отвлекаться на рассмотрение сочетания *tr*, очевидным с точки зрения фоносемантики является та разница в содержании этих глаголов, которая проявляется в противопоставлении гласных корня, *i* и *u* [6, с. 164]. Кроме того, инициальная группа *tr-* также отнесена Абелин к фоносемантическим [6, с. 249], хотя в ее подборке выявляется лишь значение пейоративности.

5. Малочастотные глаголы **svanse**, **svinse** и **vimse** обозначают схожие типы суежливого разнонаправленного движения живых существ, в основном людей; переводятся обычно как *суесться*. В текстах первые два чаще всего встречаются парой: **svinse og svanse** *сноваť взад-вперед*. Гласный в корне при этом повторяет наиболее часто встречающееся в норвежском чередование по умляуту: *i* - *a* (ср. *hípp* *hópp прыг-скок*, *trípp* *trapp цок-цок* и т.п.; произошедший в некоторых формах переход *a > o* в данной связи несуществен), в нашем случае передающее в самом общем виде идею охвата в значении этого выражения разнообразных типов движения, как мелкими, так и крупными шагами, как быстрым, так и медленным шагом, и т.п. Об этом чередовании как имеющем звукоподражательное или звукосимволическое значение в датском языке, близкородственном норвежскому, см. [12].

Этимология глагола **vimse** трактуется исследователями неоднозначно. В словаре [10] предполагается, что он представляет собой контаминацию двух основ, одна из которых неоднократно упоминалась здесь при указании на вращение [2, с. 719], а вторая родственна в том числе обозначению осы с ее жужжанием. Согласно тем же [2, с. 535], обозначения осы являются общими для диалектов праиндоевропейцев и, видимо, являются производными от основы со значением ткать, что может служить типологическими параллелями к развитию значений ранее рассмотренных глаголов **spinne** *вращаться/прясть/мурлыкать* и отчасти **sverme** *роиться* (с жужжанием). Словарь [9, с. 168] также толкует **vimse** как контаминацию, однако иных глаголов: древнескандинавского *hvíma* колебаться и современного *vimre* *дрожать* – снова с формантом итеративности -R. Совершенно иначе видит этимологию этого глагола словарь [8, с. 893-895], подробно излагающий его возможные лексические связи. В связи с этой публикацией главное, что этот глагол, по мнению авторов, обозначает быстрое беспокойное движение, возможно, исходно в воде. Наличие в корне гласного -*i* закрепляет звукосимволическое указание на совершение мелких движений.

6. Глаголы **vri**, **sno**, **snu** и **vende** обозначают поворот (одно- или многократный) в контакте с плоскостью, без перемещения, в разных направлениях: *вертеть(ся)*, *ворочать(ся)*, *поворачивать(ся)*. Первый из них со всей очевидностью возводится (в актуальной на момент создания словаря в 1903-1906 годах датско-норвежской форме *vride* [10]) к неоднократно упоминавшейся древнейшей и/е основе со значением вращения *Hue- [2, с. 719].

Представляющие собой, собственно, разные диалектные формы одного слова **sno** и **snu** связаны по происхождению с древним и/е корнем со значением *скручивать* [10], [2, с. 704]. Согласно выкладкам Абелин, инициальная группа **sn-** является второй по количеству среди звукосемантических в шведском языке, передавая значения звучания и быстрого движения [6, с. 119]. При этом оба эти глагола обозначают в первую очередь однократные обороты, чем отличаются от имеющего итеративный формант **snurre** из первой подгруппы.

Глагол **vende** по данным словаря [10] являет собой форму каузатива от устаревшего ныне глагола с иной огласовкой (**vinde**), возводимого к и/е **veiê vить*. Иную исходную форму дает [9, с. 1173] – **wendh-*.

7. Наконец, последнюю, периферийную группу глаголов вращения, в которую попали довольно разные в смысловом отношении глаголы, которые объединяет то, что о вращении тут можно говорить лишь в смысле движения не по прямой, а спиралеобразной траектории, составляют **kveile** и **tvinne** *скручивать*, **slynge** *петлять*, **sveive** и **veive** *вращать*, **svinge** *извиваться*.

Что касается **slynge**, начальная группа **sl-** представлена в наибольшем количестве фоносемантических шведских слов [6, с. 118-119], представляя такие семантические характеристики как быстрое движение, вялость и потенциальное движение. Норвежский глагол употребляется главным образом применительно к тропинкам и дорогам, что как нельзя лучше соответствует выявленному Абелин.

kveile [10, 9, с. 765] заимствовано из латинского словосочетания, опрошенного в старофранцузском и далее в английских диалектах.

tvinne [10, 9, с. 529], собственно, *удваивать* (свивая две нити), родственно числительному *два*.

sveive и **veive** [9, с. 114] возводит к общему источнику и/е **weip-* *поворачивать*; подробнее этот процесс изложен в [10].

svinge родственно ранее описанному **svanse** [9, с. 745] и в [10] возводится к и/е корням как с начальным **s-**, так и без него.

При исходной разнородности происхождения пяти последних глаголов этой группы обращает на себя внимание схожесть их современного фонетического облика, в котором так или иначе присутствует начальный смычный/свистящий, за которым следует губной, что можно интерпретировать как звукосемантическое указание на сжатие, сдавливание в современном норвежском. В типологическом плане подобные обозначения напряжения рассмотрены в [1, с. 103-107]. Относительно **-kv** это доказывается у Абелин [6, с. 116]. Вопрос несомненно требует дальнейшего изучения.

Краткий обзор норвежских глаголов вращения не претендует на глубину этимологических изысканий; в нем почти не рассмотрены финальные группы согласных. Сведения по этимологии касаются далеко отстоящих друг от друга временных, географических и языковых срезов. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что из 28 рассмотренных глаголов лишь для немногих в этимологической литературе не нашлось звукосемантической, а в некоторых случаях, и звукоизобразительной составляющей значения.

В немногочисленных работах, посвященных этой лексико-семантической группе, постулируется нерелевантность для их семантики среды, см., например, работу [3, с. 242]. Очевидно, что с точки зрения происхождения слов этой группы

среда как раз играла важную роль: разного рода вращение, типичное для разных сред, сопровождается и разного рода звучанием.

Подтверждаются как выводы Осы Абелин относительно отражения в консонантных группах основ рассмотренных глаголов иконических аспектов обозначения действия – звучание, быстрое и сильное движение [6, s. 247], так и выкладки С.В. Воронина относительно иконической роли формантов R/L в глагольной основе.

Многочисленность глаголов вращения в определенной мере объясняется в ряде случаев происхождением разных глаголов от одного источника в условиях сложной истории становления норвежского национального языка.

Представляется необходимым как более подробное исследование рассмотренной группы, так и других лексико-семантических групп глаголов на предмет вхождения их в звукосимволическую систему языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ленинградского университета, 1982.
2. Гамкрелидзе Т.В., иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Часть вторая. Тбилиси: Изд-во тбилисского университета, 1984.
3. Круглякова В.А., Рахилина Е. В. Глаголы вращения: лексическая типология // Труды междунар. конф. «Диалог 2010». М., 2010. С. 241-247.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1986.
5. Шляхова С.С. Фоносемантические маргиналии в русской речи. Автореф. докт. дис. Пермь, 2009.
6. Abelin Å. Studies in Sound Symbolism. Göteborg: Department of Linguistics, Göteborg University, Sweden, 1999.
8. Bjorvand H., Lindeman F. O. Våre arveord. Etymologisk ordbok. Oslo, 2000.
9. De Caprona Y. Norsk etymologisk ordbok. Oslo: Novus forlag, 2013.
10. Falk H., Torp A. Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog. Oslo: Bjørn Ringstrøms antikvariat, 1991 <1903-1906>.
11. Mikhalev A.B. Modeling a proto-conceptual space of language // Anglistics of the XXI century, vol. 2. St.Petersburg, 2016. S. 135-146.
12. Schachthausen R. Sniksnak, ævl og kævl // URL: <http://schwa.dk/tag/omlyd/>.

A. Livanova

Saint Petersburg State University

PHONOSEMANTIC COMPONENT IN THE MEANING OF NORWEGIAN VERBS OF ROTATION: POSING A QUESTION

In Norwegian, verbs of rotation are represented in an amount of about 28, which is above the average. The list was divided into seven unequal groups according to their semantics. When considering the phonetic composition of the units studied and their etymology, certain phonosemantic regularities were revealed. With a few exceptions, the verbs of the group are included into the sound-symbol system of the language. The

previously postulated irrelevance of the environment factor for the semantics of the verbs of rotation is not confirmed. On the contrary, conclusions are confirmed regarding the reflection in the consonant clusters of the verb stems in question, the iconic aspects of the designation of action.

Verbs of rotation, etymology, soundsymbolic system, iconicity, consonant clusters, iterativity

УДК 81'22 + 81'373.6

А. Б. Михалёв

Пятигорский государственный университет,

abmikhalev@pgu.ru

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКИХ НАЗАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ

В статье исследуются фоносемантические системы, образуемые праиндоевропейскими корнями с начальными назальными согласными [n] и [m]. Выводятся очевидные черты сходства и индивидуальные отличия в семантических структурах установленных систем.

Фоносемантика, фоносемантическое пространство, гиперсема, назальные согласные, праиндоевропейские корни

Продолжая изучение фоносемантических пространств, образуемых различными типами начальных согласных в праиндоевропейских корнях (лабиальных [3], дентальных [4, 5], велярных [6, 7]), данная статья обращается к звукам назального типа: N и M.

Согласно выработанной методике исследования [4, с. 93],

1) из этимологического словаря [8] были выбраны все праиндоевропейские корни с начальными дентально-назальным N и лабио-назальным M, а также их деривационное распространение в ие. языках, в результате чего были сформированы N- и M-корпусы. Оказалось, что количественно два сформированных корпуса неравноценны: 46 N-корней против 139 M-корней (т.е. превышающих в 3 раза). В таком случае мы попытались проанализировать также корни, где N-формант находится во второй позиции после любого начального гласного. Их количество составило 45 единиц. Предварительный анализ N- и VN (гласный+N)-корпусов показал внушительное сходство их семантических структур. Поэтому мы посчитали допустимым объединить их в один N-корпус количеством 91, что сокращает разрыв с M-корпусом в 1,5 раза.

2) из N- и M-корпусов были выделены корни с предположительно иконическими значениями, относящимися к: а) буккальной (ротовой/носовой), б) мануальной (ручной) и в) звукоподражательной (звуковой) сферам. Например, а) nas- (*h₂enah₂-) «нос»; neu-ks-, neu-s- «нюхать, пахнуть»; anghen- «запах; человек»; mels- «пробовать»; menth-² «жевать; рот»; б) nem-¹ «брать»; nem-² «гнуть»; angh- (*h₂engh-

) «*давить»; cep^{-2} «бить»; $\text{ma}\hat{\text{g}}$ - «давить; мять»; $\text{merk}^{\wedge}$ - «хватать, схватить»; mai^{-1} «срезать»; в) ned^{-2} «звучать, грохотать»; neu^{-1} «звать, хвалить»; ono- , $\text{on}\text{ə-}$ «ругать, бранить»; $\text{m}\ddot{\text{u}}^{-1}$ «шептать, мычать»; $\text{mer}\text{ədh-}$, $\text{mr}\text{ādh-}$ «кипеть, трясти» и т.п.

3) были проанализированы артикуляционно-миметические схемы звуков [n] и [m] в сопоставлении с аспектами образной схемы денотатов (действий, объектов, признаков). Так, дентально-назальный, смычно-проходной, сонорный [n] характеризуется, с одной стороны, напряженным контактом языка с альвеолами/зубами, что позволяет символизировать действие сжатия. Оказалось, что 16% корпуса N-корней образуют группу с общей гиперсемой СЖИМАТЬ (nem^{-1} «братъ», nem^{-2} «гнуть», neu-d- «приобретать, использовать», nei^{-1} , $\text{nei}\text{ə-}$: $\text{n}\ddot{\text{ı-}}$ «вести, управлять», enos- или onos- «ноша, груз», $\text{a}\hat{\text{ng}}\text{h-}$ ($^*\text{hen}\hat{\text{g}}\text{h-}$) «узкий; *давить» и т.п.). С другой стороны, участие носа в артикуляции звука делает возможной символизацию носовой деятельности (дышать, нюхать, сморкаться и т.п.) и самого органа – носа. Обнаруженная группа N-корней с соответствующими значениями (гиперсема НОС) составила всего 3% (nas- ($^*\text{ḥenaḥ-}$) «нос», neu-ks- , neu-s- «нюхать, пахнуть», $\text{a}\hat{\text{ng}}\text{hen-}$ «запах; человек»). Но следует учитывать, что это только ядерная часть семантической структуры, дающая развитие для более обширной периферийной зоны (см. ниже). Артикуляция лабио-назального, смычно-проходного, сонорного [m] составлена, соответственно, губным и носовым фокусами. Первый способен символизировать различные виды буккальной деятельности (речевая деятельность, жевание, сосание и т.д.), действие сжатия, признаки «мягкий», «округлый». В М-корпусе действительно обнаруживается 3% корней с общей гиперсемой БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (meldh^{-1} «ритуальные слова», mels- «пробовать», mend- , mond- (mn.d-?) «сосать; кормить; каша», menth^{-2} «жевать; рот»), 14% – с гиперсемой СЖИМАТЬ ($\text{ma}\hat{\text{g}}$ - «давить; мять». $\text{m}\ddot{\text{a}}\text{k}^{-2}$ «мять, давить», $\text{men}(\text{ə})\text{k-}$ «месить, мять», $\text{merk}^{\wedge}$ - «хватать, схватить» и т.п.), 4% – с гиперсемой МЯГКИЙ ($\text{m}\ddot{\text{e}}\text{i-}^7$: $\text{m}\ddot{\text{o}}\text{i-}$: $\text{m}\ddot{\text{ı-}}$ «мягкий», $\text{m}\ddot{\text{e}}\text{ms}\text{o-}$, $\text{m}\ddot{\text{e}}(\text{m})\text{s-ro-}$ «мякоть (мяса)», melk^{-1} «гладить, ласкать», moz-g-o- «мозг») и 3,5% – с гиперсемой ОКРУГЛЫЙ ($\text{mel}\hat{\text{g}}\text{h-}$ «разбухать, надувать», med^{-2} «набухать, надувать», mop- «шея» и т.п.). Однако второй – носовой – фокус в М-корпусе не получает семантической реализации. В то же время не вполне объяснима небольшая (3,5%) группа корней (mai^{-1} «срезать, использовать острый инструмент», $\text{mere}\hat{\text{g}}\text{-}$ «край, граница», mut-o-s «обрезанный», $\text{meuk}^{\wedge}$ - «царапать, разрывать», mat^{-2} «кирка, мотыга»). Общий семантический признак, который объединяет эти значения – РЕЗАТЬ/ОСТРЫЙ, хотя в артикуляционно-миметической схеме [m] как будто нет предпосылок для подобной символизации. Так, В. В. Левицкий, тоже обращавшийся к корням и лексике праиндоевропейского языка, отмечает следующие виды фонетического (отприродного) значения этого звука: «мягкость, вялость, нежность, речевая деятельность, плавность, приятный, удар» [2, с. 117]. Пожалуй, только последнее значение «удар», будучи одним из аспектов синкретичного понятия БИТЬ/РЕЗАТЬ [5], способно оправдать появление этой группы корней в М-корпусе.

Наконец, звукоподражательная (звуковая) сфера составляет 6,6% N-корней (ned^{-2} «звучать, грохотать», neid^{-2} : $\text{n}\ddot{\text{ıd-}}$ «течь, поток», neu^{-1} «звать, хвалить», enq- ,

onq- (*hok-) «вздыхать, стонать» и т.д.) и 5% М-корпуса (mek- «блеть», mormor-, murmur- «шептать», mū⁻¹ «шептать, мычать» и т.п.).

Дальнейший семантический анализ остальных корней обоих корпусов обнаружил периферийное расширение ядерных иконических гиперсем. Так, гиперсема НОС в N-корпусе получает развитие в виде следующих микрополей:

1. ОСТРЫЙ (9%): neġh- «колоть, протыкать», ŋsi-s «меч», neid-¹ «ругать, позорить», andher-, ŋdher- «стебель; острое», onogh- (*henegh-) «ноготь, коготь» и т. д. Основание для семантического перехода – форма носа (заостренная).

2. ДЕЙКСИС (4%, только в составе V+N-корней): epo- : opo- : po- : -ne- «тот». an-² «там, на другой стороне», an-⁴, anu, anō, nō «предлог (по наклонной поверхности)», ant-s «вперед; перед»; внешняя сторона». Нос расценивается как указатель направления, куда смотрит субъект.

3. Отдельные корни, соотносимые с понятием НОС:

а) ОТРИЦАНИЕ: ne¹, nē, nei отрицательная частица. Развитие от пейоративности, символизируемой назальной артикуляцией (см., напр. [1, с. 94]), к отрицанию;

б) ДЫШАТЬ/ДУТЬ: an(ə)-³ (*ĥenah-) «дышать». В свою очередь, может служить основанием для перехода к УВЕЛИЧИВАТЬСЯ (andh-, anedh- «расти, цвести; расцвет»).

Наибольшую производительность демонстрирует гиперсема СЖИМАТЬ:

1. СВЯЗЫВАТЬ/СВЯЗЬ (6,5%): ned-¹ : ned- «сворачивать, прикреплять, связывать», nerōt- (*nepotis) «дядя, племянник, *потомок», nā-¹ «помогать, быть полезным», ent- (ant-?) (*ĥ-ent) «ткать, плести», an-¹ (*ĥ-an-) «предок (ж. и м.)» и т.д.

2. ПОКРЫВАТЬ/СКРЫВАТЬ (11%): ner-³ «скрывать, покрывать, тайник, пустой, полый», n_odhos, n_odheri «под», nak- «мех»; ong^w- (*ong^wh-) «намазывать, темная мазь» и т.д. Вполне вероятно, что эта гиперсема, в свою очередь, обеспечивает переход к микрополю ТЕМНЫЙ (10%): n_osi- «грязный, черный», nek^w-(t-), nok^w-t-s «ночь», andho- «слепой; темный», ansu-, n_osu- «привидение, демон», ang- (*heng-) «уголь» и т. д.

3. ВМЕСТИЛИЩЕ/ВНУТРИ (5%): nāus-¹ «лодка, корабль», en¹ «в, внутри, внизу», antro-m «пещера, дыра», oner- «сон, сновидение» и т.д.

4. КОЛЕБАНИЕ (6,5%): neu-² «толкать, кивать», neig^w- «мыть, стирать», neik- «веять, просеивать зерно», ɟe-n-g- «быть согнутым? хромать» и т.д.

5. ГНУТЬ (5,5%; только у V+N-корней): ank-², ang- «гнуть; наклонять, *изгибать; извиваться; вертеть; хитрость, змея, виток, якорь», ɟendh -¹ «вертеть, изгибаться, заплетать», ang^w(h)i- (*eg^whi-, og^whi- and eġhi-) «змея; червь; *рыба» и т.д. Возможно, от этой гиперсемы происходит переход к микрополю ОКРУГЛЫЙ (3%): eng^w-, ŋg^wén (eng^wh-) «выпуклый, выступающий», ond-, n_od- «камень», en-² «год».

Ядерная гиперсема ЗВУК/ШУМ в N-корпусе, вероятнее всего, является основанием для перехода к значению «светить» (общий признак – «распространять, излучать»): nei-², neia- : nī- «оживленно двигаться, быть возбужденным, светить».

В корпусе М-корней аналогичная высокая продуктивность принадлежит гиперсеме СЖИМАТЬ:

1. СВЯЗЫВАТЬ/СОЕДИНЯТЬ (6%): mei-⁴ «связывать», mel-⁵ «член; соединять», meг-¹ «плести, связывать; веревка», mezg-² «связывать, прикреплять» и т.д.

2. ВМЕСТИЛИЩЕ (5%): mak- «кожаная сумка», mātér- «мать», moiso-s or maiso-s «овца; шкура; кожаное изделие», mand- «плетень, сплетенные ветки», динд. mandurú «конюшня», mandirám n. «дом, помещение», meit(h)-¹ «пребывание (где-л.)» и т.д.

3. ТОНКИЙ/ДЛИННЫЙ (4%): mazdo-s «столб, мачта», māḱ - : māk - «длинный, тонкий», mei-¹ «усиливать; шест», mo[u]-lo- : mū-lo- «корень, растение», mrk- «съедобный корень, морковь».

4. МАЛЕНЬКИЙ (6%): mei-⁵ mi-neu- «уменьшать, маленький», maghos, -ā «молодой», meп-⁴ «маленький, уменьшать», mēlo-, smēlo- «маленькое животное» и т.д.

5. ВЛАЖНЫЙ/МОКРЫЙ (9%): mā-po-, mā-pi- «влажный, мокрый», māḱ-¹ «влажный; замачивать», mad- «мокрый, гладкий, толстый, откормленный», meigh- «мочиться» и т.д. Переход СЖИМАТЬ > ВЛАЖНЫЙ/МОКРЫЙ возможен по ассоциации с выжиманием сока или доением молока (см., напр. [2, с. 112-113]).

6. ДЕРЖАТЬ/ЗАДЕРЖИВАТЬ (2%): meп-⁵ «оставаться, стоять», mel-³ «колебаться, собираться», mē-¹ «запретительная частица».

7. УСИЛИЕ (1%): mō-, mo-lo- «натягиваться». гр. μῶλος «усилие, тяжелый труд», meц-², meцэ- «двигать(ся)». От этой гиперсемы мог произойти переход к микрополю СИЛЬНЫЙ (4%): magh- : māgh- «мочь; помогать; сила», mapu-s or mopu-s «мужчина», mel-⁴ «сильный, большой, mē-⁵, mō-, mē- «обладать сильной волей; иметь намерение», makh-o-s, -(s)lo- «дикий, неукротимый, смелый». Впрочем, высока вероятность непосредственной связи данного микрополя с ядерным СЖИМАТЬ.

Ядерная гиперсема ОКРУГЛОЕ инициирует два микрополя:

1. БОЛЬШОЙ (7%): meġ(h)- : meġ(h)- «большой», men(e)gh-, mon(e)gh-, mn.gh- «изобильный, чрезвычайный», mē-⁴, mō- «большой, важный», mūḱ- «куча, грудa» и др.

2. КРУТИТЬ (4%): mei-g^w- «обмениваться», mei-² «менять, обменивать», meit(h)-² «обменивать», menth-¹, meth- «смешивать, мешать» и др.

Производным от гиперсемы РЕЗАТЬ/ОСТРЫЙ, вероятно, является микрополе с условным названием ПОРТИТЬ (7%): mai-² (moi-?) «мазать, пачкать; грязный», math-¹ или moth- «вид вредного насекомого», merk-¹, merġ-, merāk-, merəġ- «гноить, портить», mō[u]-го- : mū-го- «глупый, сумасшедший» и др. Оно же, в свою очередь, могло развиваться в микрополе ТЕМНЫЙ (3,5%): mel-⁶, melə- «темный цвет», meг-³, mor-(u)- «затемнять, темное пятно», mau-го- «слабый; темный» и др. Возможна и другая интерпретация: ПОРТИТЬ > «грязь» > ВЛАЖНЫЙ/МОКРЫЙ > «грязь» > ТЕМНЫЙ.

Развитие гиперсемы ЗВУК > СИЯТЬ/СВЕРКАТЬ (3%) аналогично рассмотренному переходу у N-корней: *meigh-*, *meik-* «мерцать, моросить», *meldh-*² «молния», *mer-*² «мерцать, светить», *meis-* «мерцание, мелькание, туман».

Таким образом, сопоставив фоносемантические системы N- и M-корпусов, можно заключить их сходство в ядерной области, а именно наличия гиперсем СЖИМАТЬ и ЗВУК. При этом и предполагаемые производные от них микрополя так же демонстрируют значительное сходство, не только качественное, но и количественное: макрополе СЖИМАТЬ с его производными микрополями составляет у N-корней 60%, а у M-корней – 52%; макрополе ЗВУК + производное СВЕТИТЬ у N-корней – 5,5%, а у M-корней – 8%.

Главным отличием рассмотренных систем является отсутствие у праиндоевропейских M-корней значений, связанных с назальностью, и явная тенденция к символизации лабиального аспекта артикуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006 (1982).
2. Левицкий В.В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка. Черновцы: Рута, 2008.
3. Михалёв А.Б. Звукоизобразительный фонд индоевропейских корней и их производные // Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество: материалы VI Международного конгресса. Симпозиум XI «Теоретические и прикладные аспекты исследования языков мира». Пятигорск, 2010. С. 46-53.
4. Михалёв А.Б. От фоносемантического поля к протоконцептуальному пространству языка // Вопросы когнитивной лингвистики, №1 (038), 2014. С.91-104.
5. Михалёв А.Б. Протоконцептуальный синкретизм [БИТЬ-РЕЗАТЬ-СЖИМАТЬ-ТЯНУТЬ-ДУТЬ] (фоносемантический анализ индоевропейских *dh-* корней) // Вестник ПГЛУ, №3, 2015. С. 109-117.
6. Михалёв А.Б. Структура концептуального пространства праиндоевропейских корней с инициальным велярным // Университетские чтения-2016. Ч. VI. Пятигорск. С.192-199.
7. Михалёв А.Б. Фоносемантический профиль праиндоевропейских велярных согласных // Языковое бытие человека и этноса. Сб. статей по материалам XIII Международных Березинских чтений. М., 15 мая 2017 г. Вып. 19. М.: ИНИОН РАН. С.151-160.
8. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1-2. Bern – München, 1959–1969.

A.B. Mikhalev

Pyatigorsk State University

THE PHONOSEMANTIC PROFILE OF THE PROTO-INDO-EUROPEAN NASAL CONSONANTS

The article studies the phonosemantic systems formed by the Proto-Indo-European roots with the initial nasal consonants [n] and [m]. The obvious points of similarity and individual distinctions within the semantic structures of the revealed systems are discerned.

Phonosemantics, phonosemantic space, hyperseme, nasal consonants, Proto-Indo-European roots

УДК 81-112.2

М. А. Флакسمан

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
mariaflax@gmail.com

К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются вопросы фонетической эволюции звукоизобразительной (звукоподражательной и звукосимволической) лексики исландского языка; особое внимание уделяется влиянию регулярных фонетических изменений исландского языка на разрушение исходной смысло-звуковой корреляции звукоизобразительных слов.

Звукоподражания, ономотопея, звукоизобразительность, иконичность, фоносемантика, исландский язык, регулярные фонетические изменения

Настоящая статья посвящена рассмотрению звукоизобразительной системы исландского языка с целью выявления основных процессов диахронического развития звукоподражательных и звукосимволических слов.

Звукоизобразительная лексика – это лексика, имеющая иконическую природу, т.е. структурное сходство между формой и значением (например, рус. *кукушка*, англ. *cuckoo*, греч. *kokkux*, лат. *cuculus*, ср.-ирл. *cuach*, санскр. *kokilas* [18], обозначающие птицу по её характерному крику **ku-ku*). Наличие подобной лексики многократно отмечалось в языках различных семей [1], [2], [3], [4].

С целью проведения анализа влияния регулярных фонетических изменений исландского языка на его звукоизобразительный лексикон, мы провели выборку звукоизобразительных слов из словаря [18], основанную на их семантике в синхронии. Несомненно, настоящая выборка не является полной, так как наличие иконической, экспрессивной лексики ещё в прагерманском языке-основе документировалось, например, [5], [16], [19], а наличие такой лексики в древнеисландском подтверждается материалом специализированных словарей [11], [12], [13], [17]. Поэтому отобранные нами для пилотного исследования 250 лексем далеко не являются исчерпывающим списком звукоизобразительных слов исландского языка. Этот список может быть значительно дополнен за счёт включения в него слов, этимологически восходящих к звукоизобразительным основам.

Звукоизобразительную (иконическую) лексику принято разделять на *звукоподражательную* и *звукосимволическую*.

При звукоподражании имитация происходит путём копирования акустического денотата при помощи фонем языка, которые при произнесении в речи имеют характеристики наиболее приближенные к изображаемому звуковому образу.

При создании звукосимволических слов имитация происходит путём копирования неакустического денотата (формы, размера, движения) при помощи фонем языка, произнесение которых в речи влечёт за собой мимическое подражание денотату.

Звукоподражательные слова принято [3] делить на 5 больших классов в зависимости от характеристик имитируемого звука: 1) *инстанты* передают отрывистые звучания (рус. *тук-тук*, англ. *clap*); 2) *континуанты* передают продолжительные звучания – шумы или тоны (англ. *hiss*, рус. *шш!*, англ. *hoot*); 3) *фреквентативы* передают резкие, диссонансные звучания (англ. *chirr* (историч. с /r/), рус. *треск*); 4) *инстанты-континуанты* и 5) *фреквентативы- (квази)интанты-континуанты* передают смешанные звучания. Как показало исследование [6], в английском языке преобладают последние две группы.

Звукосимволические слова подразделяют [3] на два больших подкласса – *интракинесемизмы* и *экстракинесемизмы*.

Их отличие друг от друга заключается в том, что при создании экстракинесемизмов актуализируемые в речи звуковые характеристики фонем играют второстепенную роль, тогда как значимым является, в первую очередь, их место образования (губные, фарингальные и пр.). Происходит это потому, что в основе создания слова-экстракинесемизма лежит незвуковой денотат. Примером звукосимволизма-экстракинесемизма в английском языке может послужить *buble* «пузырь», где два лабиальных (губных) согласных и (исторически) лабиализованный гласный имитируют округлость предмета.

Звукосимволизмы-интракинесемизмы, в отличие от экстракинесемизмов, передают одновременно и звук, и способ его образования. Речь идёт в основном о ряде физиологических явлений – чихании, кашле и пр., при имитации которых передаётся не только слышимый звук, но и само «действие» (напр., англ. *cough*, рус. *кашель*, где фонема /k/ не только передает звук кашля, но и по месту образования является наиболее приближенной к месту возникновения имитируемого звука).

В отдельно взятом языке у исследователя могут возникать сложности при выделении звукосимволизмов обоих подтипов, то статистические данные, полученные при сравнении ряда неродственных языков, помогают выделить основные паттерны, используемые при их создании (подробнее см. [3]).

В процессе исторического развития любые из фонем звукоизобразительного слова могут быть затронуты регулярными фонетическими изменениями. Такие изменения исходного фонетического облика слова ведут к его деиконизации (термин введен в [6]). Из этого может следовать вывод, что абсолютно любое фонетическое изменение приводит к утрате словом иконической, подражательной связи. Однако это не совсем так. Дело в том, что любая имитация звучаний (и тем более незвуковых денотатов!) изначально является во многом приблизительной – любое звукоизобразительное слово создаётся в рамках отдельно взятого языка – сложной символической системы – и *создаётся по его фонотактическим нормам* и исходя из уже имеющегося набора фонем. Именно поэтому подражания одному и тому же звуку в разных языках будут заметно отличаться друг от друга.

В таком случае, что же связывает звукоизображения разных языков, если звукоизобразительность – явление глобальное? Что позволяет опознавать звукоподражания как таковые, отличать их от прочих слов языка, не обладающих иконической связью между формой и значением?

Ответ на этот вопрос лежит на поверхности. Любое отдельно взятое звукоподражательное слово содержит ряд «опорных» фонем, своеобразных маркеров, отсылающих к имитируемым звучаниям. Притом, для разных классов звукоизображений эти (подчеркнём) *группы* фонем будут разные. Так, для звукоподражаний-инстантов это будут смычные (для передачи отрывистых звучаний используются звуки, наиболее «краткие» в акустическом плане), для звукоподражаний континуантов – шипящие (для подгруппы шумовых континуантов) или долгие (если признак долготы-краткости гласного является в языке смыслоразличительным) гласные (для подгруппы тоновых континуантов) и т.д.

Из этого следует, что отнюдь не любое регулярное фонетическое изменение будет приводить к немедленной деиконизации, а только то, которое затрагивает центральные, «смыслонесущие» фонемы звукоизобразительного слова.

Как нами было установлено ранее [6], чтобы считаться фоносемантически значимым, регулярное фонетическое изменение должно:

1. затрагивать центральные, смыслонесущие признаки фонем звукоподражательного слова;
2. тем самым выводить фонему, обладающую смыслонесущими признаками, за рамки фонотипа;
3. происходить в слове, еще не утратившем на момент его протекания своего первичного значения, т.е. значения, напрямую связанного со звуком.

В качестве примера фоносемантически значимого регулярного фонетического изменения приведём исчезновение /r/ в поствокалической позиции, начавшееся в 16 веке в британском варианте английского языка. Сравним современное *bark* /ba:k/ (звукоподражание-фреквентатив), где /r/ отсутствует, с более ранними формами существования слова – *beorcan* (древнеанглийский) и **berkan* (общегерманский реконструированный язык-основа). Утрата этимологического /r/ ослабляет исходную, смысло-звуковую корреляцию звукоподражательного слова (ср. слова со схожей семантикой: англ. *roar* «реветь», исл. *urra* «рычать», нем. *knurren* «рычать» и т.д.).

Примером фоносемантически значимого регулярного фонетического изменения, затронувшего звукоименическое слово, является переход *v > l* в слове *bubble*. Делабиялизация /v/ в данном случае приводит к «прерыванию» артикуляторного жеста, имитирующего округлость предмета.

Таким образом, чтобы оценить степень влияния фонетического изменения на отдельно взятое звукоизобразительное слово, необходимо:

1. установить, к какому классу звукоизображений оно относится;
2. установить, затрагивает ли оно «смыслонесущие» фонемы;
3. установить, выводит ли оно «смыслонесущие» признаки за рамки фонотипа (например, переход смычных в щелевые).

Рассмотрим ряд слов современного исландского языка, частично утративших иконичность в результате регулярных фонетических изменений:

Hrjóta

Hrjóta [ɣjou:t^ha] «храпеть, издавать урчащие звуки во сне» является родственным фарерск. *rjóta*, *róta*, норв. *rjota*, шв. *ryta* «реветь, ворчать», др.-англ. *hrútan* «храпеть, издавать звук, отзываться эхом», д.в.н. *rūzzan* «храпеть, подвывать» [12], а также совр. англ. (диал.) *rout* «реветь, мычать, блять» [16] (ср. исл. *hrútur* «баран» [16]). Все эти слова восходят к общег. **hreutan-/ *hrūtan-* «храпеть» [16]); его также возводят [12] к и.-е. **(s)ker-* «издавать резкий звук», но последнее нам кажется маловероятным из-за семантики слова. *Hrjóta* является звуко-символизмом-интракинесемизмом.

Исчезновение /h/ в начале слова с последующим оглушением /r/ приводит к искажению передачи звука храпа (ср. русск. *хрп*). С точки зрения фоносемантики, *hrjóta* является звуковым жестом, где /h/ передаёт вздох, а /r/ – характерный низкочастотный, дребезжащий звук, возникающий вследствие вибрации мягких тканей гортани и глотки. Относительно качества звука /h/ и датировки не отраженного на письме фонетического перехода не существует единого мнения – возможно, в древнеисландском это был глухой велярный спирант /x/, или же тогда уже имело место его исчезновение с оглушением последующего /r/ [8, с. 138]; однако и /h/ и /x/ одинаково «хорошо» передают звук движения воздуха и отражают место образования храпа. Исчезновение же этого согласного приводит к ослаблению исходной, иконической смысло-звуковой связи.

Hnerra

Hnerra [ɲeɾ:a] (в др.-исл. также *hnøra*) «чихать» является ещё одним звуко-символизмом-интракинесемизмом. Родственным ему является др.-англ. *hnora* «чихание» [12], также восходящее к общег. **hnuzan-* [13]. Утрата /h/, проходившая по той же схеме, что и у *hrjóta* – см. [8, с. 138] также привела к ослаблению исходной, иконической связи.

Gráta

Gráta [g̊ rau:t^ha] «плакать, реветь» это фреквентатив - тоновый континуант, родств. фарерск. *gráta*, шв. *gråta*, дат. *græde*, др.-англ. *grætan*, готск. *grētan*, с.в.н. *grāzen* [13]. Дифтонгизация долгого гласного /a:/ начавшаяся в 14 веке [9, с. 63], привела к изменению качества корневого гласного (a:> au), которое для тоновых континуантов является фоносемантически значимым.

Fnykur

Fnykur [fni:k^huɾ] «вонь» является пейоративом, звуко-символизмом-интракинесемизмом, передающим артикуляторный жест отвращения. Было доказано [3], [10], что при передаче мимики отвращения в различных языках прибегают, как правило, к использованию лабиальных согласных и лабиализированных гласных. Исландское *fnykur* родственно др.-шв. *fnok*, *fnuk* шв. *fnyk*, дат. *fniug* «пыль» (< **fnukja-*, *fnuka-*). Слово за свою историю претерпело ряд фонетических изменений (**u:>y:>i:*), которые привели к исчезновению исходного (огубленного) **u/*, тем самым снизив экспрессивность пейоратива.

Ýla

Ýla [i:la] «выть, завывать, гудеть» является, пожалуй, наиболее ярким примером слова, претерпевшего ряд фоносемантически значимых регулярных фонетических изменений. Родственными данному исландскому слову являются фарерск. *ýla*, шв. и норв. диал. *yla*, шв. и норв. *ila*, восходящие к общему реконструированному **ǫlian* [13]. Несмотря на однозначное признание звукоподражательного происхождения слова словарями [13], [12], дальнейшая его этимология не прослеживается. Слово за свою историю претерпело ряд фонетических изменений *u*:>*y*:>*i*:, приведших к кардинальному изменению его звучания. Тогда как /*u*:/ передаёт низкое, протяжное звучание, характерное для воя или гудения, /*i*:/ передаёт высокое, протяжное звучание, характерное для писка или свиста.

Подводя итог, отметим, что исследование исландского звукоизобразительного корпуса позволяет очертить круг регулярных фонетических изменений, приводящих к деиконизации звукоизобразительной лексики, и позволяет надеяться на дальнейшие открытия в области диахронической фоносемантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hinton L., J. Nichols, J. Ohala (eds.). Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
2. Erhard E. K. & C. Killian-Hatz (eds.). Ideophones. Typological Studies in Language 44. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001.
3. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
4. Voronin S. V. Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: Sundry Papers. СПб.: Изд.-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2005.
5. Lühr R. Expressivität und Lautgesetz im Germanischen. Heidelberg: Karl Winter Universitätsverlag, 1988.
6. Флакман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка. канд...дис. Санкт-Петербург, 2015.
7. Flaksman M. Iconic Treadmill Hypothesis: The Reasons Behind Continuous Onomatopoeic Coinage // Bauer M., A. Zirker, O. Fischer and Ch. Ljungberg (eds.) Dimensions of Iconicity [ILL 15]. John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 15-38.
8. Haraldur Berhardson. Icelandic. A Historical Linguistic Companion. 5th draft. Reykjavik: Háskólaprent, 2016.
9. Hreinn Benediktsson. Linguistic Studies, Historical and Comparative. Reykjavik: Institute of Linguistics, 2002.
10. Шамина Е. А. Дистрибуция лабиальных в фонетическом и фоносемантическом отношении (статистико-экспериментальное исследование на материале английского и русского языков): канд...дис. Л., 1989.
11. **Словари**
11. Ásgeir Blöndi Magnússon. Íslensk orðsifjabók. Reykjavík: Orðabók Háskólans, 1989.
12. de Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: Brill, 1962.
13. Dictionary of the Stofnun Árna Magnússonar í Íslenskum Fræðum URL: <http://www.malid.is>
14. Harper D. Online Etymology Dictionary URL: <http://www.etymonline.com>

15. Icelandic-English Dictionary. Orðabók.is. URL: <http://www.ordabok.is/index.asp>.
16. Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden-Boston: Brill, 2013.
17. Zoëga G. T. A Concise Old Icelandic Dictionary. Oxford: Benediction Classics, 2010.
18. Берков В. П. Исландско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962.
19. Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков: в 3 т. Черновцы: Рута, 2000.

Flaksman, M. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

ISSUES OF THE PHONETIC EVOLUTION OF ICELANDIC ICONIC VOCABULARY

The article is devoted to the study of phonetic evolution of iconic (onomatopoeic and sound symbolic) vocabulary of the Icelandic language. Also an emphasis is made on the impact of regular sound changes on the studied words.

Onomatopoeia, sound symbolism, iconicity, phonosemantics, Icelandic language, regular sound changes

УДК 81'22; 81'25

Е. А. Шамина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
e.shamina@spbu.ru*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ОРГИНАЛЬНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: К ПРОБЛЕМЕ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассматривается использование звукоизобразительных элементов в поэтическом тексте на английском языке и его переводах на русский язык. Обнаруживаются сходные фоносемантические стратегии, применяемые авторами для передачи как общего настроения произведения, так и отдельных семантических категорий и коннотаций. При этом выявляются существенные различия в «фоносемантической нагрузке» английских и русских глаголов движения, что, видимо, следует трактовать как свидетельство различий в фоносемантических картинах мира соответствующих языков.

Фоносемантика, звуковой символизм, звукоподражания, типы ониматопов, глаголы движения, картина мира.

Важность и необходимость для стихотворного текста, помимо собственно смысловой составляющей и образности, особой звуковой организации, включающей самые разнообразные литературные приемы, не вызывает сомнений. Она являлась предметом изучения с момента зарождения филологической науки и до сих пор остается в центре внимания лингвистов (и не только, но освещение прагматических аспектов данного явления не входит в задачи настоящей статьи). Предложены классификации звуковых повторов (рифма, аллитерация, ассонанс и др.), описаны виды их взаимодействия со слоговой структурой, словесным ударением и морфемикой вербальной стороны поэтического текста [4;10], а также его ритмом, мелодическим рисунком и общей композицией [5]. Функциональная нагрузка звукового оформления стихотворения и его связь с основными языковыми функциями также подвергалась всестороннему изучению [2;15].

Естественно, что при переводе стихотворных текстов с иностранного языка или на иностранный язык необходимо учитывать их звуковую ткань как один из важнейших смыслообразующих компонентов [1;9; 14]. Без передачи звукового строя оригинального поэтического произведения на принимающий язык перевод не может считаться ни полным, ни адекватным.

Одним из приемов звукописи в стихотворном (как и любом другом литературном) тексте является использование фоносемантических соотношений звучания и смысла [6], как в области звукового символизма, так и в области звукоподражания. Первый предполагает наличие неконвенциональной связи между планом выражения и планом содержания языковых знаков, не репрезентирующих звучащий денотат, а второе – возможность репрезентации разнообразных звуков внешнего мира посредством языковых фонетических единиц. Р. Якобсон отмечает, что «поэзия не единственная область, где ощутим звуковой символизм, но это та область, где внутренняя связь между звучанием и значением из скрытой становится явной, проявляясь наиболее ощутимо и интенсивно» [15, 96]. Фоносемантические особенности литературного произведения также с необходимостью должны получать воплощение в переводе, а успешность такого предприятия следует изучать и обосновывать с помощью научных методов, в том числе структурных, сопоставительных и экспериментальных (ср., например, [8, 11]). Необходимо подчеркнуть, что исследование переводческих техник в области передачи фоносемантических явлений на другой язык, помимо решения очевидных прагматических задач, может помочь в формулировке вопросов более высокого порядка, а именно вопросов о когнитивных стратегиях носителей разных языков и о различиях в их картинах мира.

Для сопоставительного анализа звукоизобразительных элементов оригинального и переводного поэтического текста в рамках настоящего исследования было выбрано стихотворение «Лодорский водопад» («The Cataract of Lodore») английского поэта-романтика, представителя Озерной школы Роберта Саути (Robert Southey, 1774–1843), написанное в 1809 году, и два его современных перевода. Хотя это произведение достаточно популярно среди английских любителей поэзии, оно мало известно в России, переводилось нечасто и только в последние десятилетия. Для анализа были отобраны переводы, выполненные поэтом и переводчиком М. Т. Польшковским (Иные берега. 2012. No 2 (14). С.81 – 85) и переводчиком НИИ Сибирского отделения РАН Т. В. Лешкевич (<http://www.primavista.ru>).

Стихотворение Р. Саути представляет собой описание водной стихии, изобилующее лексикой с фоносемантическим потенциалом. Оно логично делится на 4 части: (1) вступление, (2) описание спокойно текущей по равнине реки, (3) изображение бурлящего по порогам и падающего с высоты мощного водного потока и (4) заключение, показывающее, как этот падающий поток опять превращается в спокойную реку.

Для проведения фоносемантического анализа текст произведения был затранскрибирован с помощью английских произносительных словарей. Сравнение встречаемости фонем в отдельных частях анализируемого оригинального и переводного текста с нормативной производилось на основании литературных данных для английского и русского языков, соответственно [3; 18].

Существует два подхода к изучению фоносемантической составляющей текста: рассмотрение его общей звуковой организации и ассоциированных с ней коннотативных значений, с одной стороны, и анализ собственно иконических вербальных знаков в его составе, т.е. звуко-символических слов и ономастопов, с другой стороны. Следует заметить, что первый подход является достаточно традиционным для фоностилистических исследований (ср., например, [4]), а ко второму прибегают исключительно последователи теории фоносемантики, или лингвистической иконичности. В настоящем исследовании используются оба подхода.

Во второй и четвертой частях стихотворения, изображающих спокойное течение воды, оказываются существенно повышены частоты сонорных согласных, что хорошо согласуется с общим значением «плавности», ассоциирующемся с такими согласными [7, 53 – 55], в силу практического отсутствия шумовых составляющих в их акустической картине, на общем фоне некоторого снижения частот шумных взрывных. В оригинале чаще ожидаемого встречаются фонемы /l, r, n, ŋ/, в переводе М. Т. Польшковского – /r, m, l/ (но не в заключительной части, где увеличиваются доли звонких взрывных согласных) и в переводе Т.В. Лешкевич – /m/.

В третьей, самой обширной части английского стихотворения автор для создания экспрессивной картины буйства воды использует множество глаголов в форме причастия настоящего времени (Participle 1) с суффиксом -ing, соединенных союзом *and*, что приводит к резкому увеличению частотности сонантов /ŋ/, /n/ и гласных /ɪ/, /ə/. Можно предположить, что автором была выбрана именно такая форма глагола и использовано повторение союза неспроста. Очевидно, что указанные сонорные согласные и безударные гласные создают эффект певучести, эвфонии, передающий на звуковом уровне образ непрерывно льющейся воды. Однако если извлечь формообразующие суффиксы и указанный союз из рассмотрения и принять во внимание только корневые (и другие словообразовательные) морфемы, то оказывается, что основным способом звукописи является существенное увеличение частотности /r/, ответственного в английском и других языках за изображение диссонансов [7; 17]). При этом его доля составляет около 14% от количества согласных в этой части стихотворения, против 8,5% во второй и четвертой частях и против 6,8% в фонотактической норме. Если учитывать так называемую фоносемантическую инерцию [6, 189 – 190; 12], которая предположительно способствует сохранению ассоциативных значений у звуков, которые утратили физические свойства, послужившие основанием для возникновения этих коннотаций (как английский /r/ в ранне-новоянглийский период не только утратил дрожащий

характер, но и вокализовался в поствокалическом положении) (ср. также [7, 75 – 77]), и включить в рассмотрение случаи возможного произнесения вокализованного в британской норме /r/, имеющие место в других национальных и некоторых региональных вариантах английского языка, например, в словах типа *darting* или *curling*, то его доля возрастает до 20% от всех согласных. Авторы переводов следовали данной иконической стратегии, и согласные /r, r̥/ являются самыми частотными согласными в третьей части русских версий произведения Р. Саути. Примечательно, что сонант /l/ в оригинале и сонанты /l, l̥/ в переводах чаще обычного встречаются как в частях стихотворения, описывающих спокойное течение воды, так и в части, посвященной описанию бурного водопада, что еще раз подтверждает наблюдения о связи латеральных сонантов с обозначениями «воды» [6, 70, 109; 16].

Таким образом, следует сделать вывод, что авторы переводов английского стихотворения на русский язык адекватно и точно передают звукопись, использованную английским поэтом. Анализ же фоносемантики лексических единиц, наполняющих в текст рассматриваемого стихотворного текста, приводит к совсем другим выводам.

Глаголы в форме причастия настоящего времени, составляющие основную вербальную часть третьей части оригинального стихотворения (165 единиц), можно классифицировать на пять категорий:

- 1) глаголы, характеризующие процесс, в основном, заимствованные и часто имеющие абстрактные значения, например, *collecting, projecting, advancing*;
- 2) глаголы, имеющие отношение к живому организму или человеку, в метафорическом употреблении, например, *shocking, working, awakening*;
- 3) глаголы, описывающие зрительное впечатление, например, *shining, glittering, twinkling*;
- 4) глаголы, передающие слуховое впечатление, например, *ringing, whizzing, hissing*;
- 5) глаголы движения, например, *tossing, leaping, hopping*.

Первые две категории являются в анализируемом тексте самыми малочисленными (18 единиц в обеих), а последняя – самой многочисленной (110 единиц). Хотя большинство глаголов зрительного и слухового восприятия в стихотворении Р.Саути являются фоносемантически обусловленными, особый интерес для настоящего исследования представляют именно глаголы движения.

Некоторые из них являются частотными, стилистически нейтральными и обладают весьма общей, неопределенной семантикой: *comes down, going, speeding, descending, recoiling*. Таких в анализируемом тексте немного.

Другие явно обладают звуковой символикой того или иного рода. Так, глаголы *flying, flowing, sliding, gliding* содержат в своем звуковом составе фонемы *fl-, sl-, gl-*, регулярно соотносящиеся с «плавным движением», «полетом», «течением». Глаголы *clattering, frittering, wrinkling, tumbling* образованы при помощи так называемых RL – формантов [6, 118], иконически указывающих на длительность или повторяемость действия.

Целый ряд глаголов в оригинальном стихотворении обозначают движения, сопровождаемые звучанием: *bumping, clashing, slapping, shattering*, о чем свидетельствуют их дефиниции в англоязычных словарях. Однако, описание полной и достоверной, выразительной картины водопада невозможно представить без сочетания, взаимодействия слухового и зрительного компонентов. Поэтому

представляется закономерным классифицировать в качестве ономатопов, или звукоподражаний, не только глаголы слухового восприятия, но и глаголы движения, использованные автором. Для этого использовалась универсальная классификация ономатопов С. В. Воронина [7; 19]. В результате такой классификации легко выделяется класс инстантов: *hopping, skipping, shattering*, etc.; класс континуантов: *heaving, cleaving* (тоновые), *twisting, flushing* (шумовые), etc.; гиперклассинтсантов-континуантов: *whisking, tumbling, plunging, jumping*, etc. и наиболее полно представленный класс фреквентативов: *writhing, scurrying, springing, curling*, etc. Предложенный способ анализа оказывается применимым ко всем глаголам движения в произведении Р. Саути.

Переводы анализируемого стихотворения на русский язык содержат меньшее количество глаголов движения, представленных, в основном, в форме деепричастия: 75 единиц в переводе Польшковского и 77 единиц в переводе Лешкевич. Среди них встречаются слова со звуковой символикой, например, *выпучиваясь, болтаясь, набухая* (обозначения округлого, или кавитации при репрезентации течения жидкости), а также слова звукоподражательные, например, *громя, прорываясь, круша*. При этом попытка выявления в числе не очевидно звукоподражательных по происхождению глаголов единиц, которые, тем не менее, можно было бы отнести к тем или иным классам ономатопов, оказывается оправданной лишь в небольшом количестве случаев. Так, к классу континуантов, следует отнести, по всей видимости, такие глаголы, как *разливаясь, расплываясь, обвивая, стелясь*, а к классу фреквентативов – *брыкнув, кружа, крутясь, вертясь, дрожа*. Инстантов не обнаруживается вовсе, за исключением, вероятно, глагола *скача*. Большая же часть глаголов движения в русских переводах оказывается нейтральной относительно репрезентации сопутствующего движению звучания, ср.: *поднимаясь, пустившись, отступая, растекаясь, собираясь, встречаясь, отступая, нарастая*, etc.

Результаты проведенного анализа заставляют еще раз вернуться к мысли о наличии фоносемантического фрагмента в языковой картине мира носителя того или иного языка (ср. [13; 17]). Если английские глаголы движения в большинстве случаев репрезентируют, наряду с качеством движения, и сопровождающие его звуки, то русские глаголы со схожей семантикой способны на это в гораздо меньшей степени.

Вообще говоря, рассматриваемые русскоязычные тексты значительно уступают английскому оригиналу по насыщенности звукоизобразительными элементами. Если англоязычное произведение содержит 165 неповторяющихся глаголов, подавляющее большинство которых является звукоизобразительными, то в переводе М.Т. Польшковского их содержится 138, а в переводе Т.В. Лешкевич – 141, при этом количество звукоизобразительных среди них равняется 45 и 37, соответственно.

Такое положение дел приводит к тому, что авторам перевода приходится прибегать к приему компенсации и переводить отдельные глаголы словосочетаниями со звукоизобразительными существительными, из стремления возместить недостаток фоносемантической оставляющей собственно глаголов, например: *поднимаясь скачками, разлетаясь клочками, идя в сражение, рев усиливая, спеша с крахтением*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык // Тетради переводчика. М.: Высшая школа, 1984. Вып.21. С. 38 – 48.
2. Бернштейн С. И. Эстетические предпосылки теории декламации // Поэтика. №3 («Временник отд. словесных искусств ГИИИ»). Ленинград, 1927. С.25 – 44.
3. Бондарко Л.В., Зиндер Л.Р., Штерн А.С. Некоторые статистические характеристики русской речи // Слух и речь в норме и патологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
4. Векшин Г.В. Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М.: Изд-во МГУП, 2006.
5. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989.
6. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1982.
7. Воронин С.В. Английские ономотопы: Фоносемантическая классификация. СПб.: ГеликонПлюс, 2004.
8. Горохова Л. А. О некоторых закономерностях перевода ономотопов в зависимости от функции, выполняемой ими в тексте // Лингвистика. Перевод. Межкультурная коммуникация. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2000. Вып. 2. С. 110 – 120.
9. Лозинский М. Л. Искусство стихотворного перевода // Перевод – средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. С. 91 – 106.
10. Поливанов Е.Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963, № 1, с. 99 – 112.
11. Титова Е. А. Прагматический аспект передачи звукоизобразительных средств при переводе поэтических текстов: на материале английского и русского языков: автореферат дисс... канд. филол. наук: 10.02.20. Челябинск, 2006.
12. Шамина Е.А. Дистрибуция лабиальных в фонетическом и фоносемантическом отношении. Автореф. кан. дисс. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989.
13. Шамина Е. А. Репрезентация лая в языке: свидетельство в пользу существования звукоподражательной картины мира // Актуальные проблемы языкознания. Материалы 6 Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, СПбГЭУ «ЛЭТИ», апрель 2017. СПб.: СПбГЭУ «ЛЭТИ»: Изд-во, 2017. С. 326 – 329.
14. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. М.: Советский писатель, 1963.
15. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193 – 230.
16. Makarov A. English Names for Water Objects: a Phonosemantic Perspective // Anglistics of the XX1 century. In Commemoration of Prof. Dr. S. Voronin. Vol.2. Phonosemantics. (Англистика XXI века: Материалы VIII Всероссийской научно-методической конференции) СПб.: ANCO University Education Districts, 2016. С. 128 – 135.
17. Shamina E. A., Smekhova M. A. English and Italian Sound Imitations: a Comparative Study // Anglistics of the XX1 century. In Commemoration of Prof. Dr. S. Voronin. Vol.2. Phonosemantics. (Англистика XXI века: Материалы VIII

Всероссийской научно-методической конференции) СПб.: ANCOUniversityEducationDistricts, 2016. С.88 – 94.

18. Tsoi W. C. T. The effects of occurrence frequency of phonemes on second language acquisition: a quantitative comparison of Cantonese, Mandarin, Italian, German and American English. <http://www.thomastsoi.com>.
19. Voronin, S.V. The Universal Classification of Onomatopes 25 Years On // S.V.Voronin. Iconicity. Glottogenesis. Semiosis. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2005. P. 30 – 37.

E. A. Shamina

St. Petersburg State University

**THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PHONOSEMANTIC ELEMENTS
OF A POETIC TEXT IN THE ORIGINAL AND
IN TRANSLATION:
TO THE PROBLEM OF PHONOSEMANTIC WORLD MAPPING**

The article deals with the use of verbal iconic elements in an English poetic text and its translations into Russian. Similar phonosemantic strategies are shown to be applied by the authors for creating both the general atmosphere of the literary work and particular semantic categories and connotations. However, noticeable discrepancies are revealed in the “phonosemantic function” of English and Russian verbs of motion, which seems to be pointing to the differences in the phonosemantic world mapping specific for each of the languages in question.

Phonosemantics, sound symbolism, sound imitation, types of onomatopes, verbs of motion, world mapping

СЕКЦИЯ 4. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО. НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ

УДК 372.881.161.1

Г. Х. Агапова

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет»,
gadelija@mail.ru*

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ ПЕДВУЗА ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОМУ СТИЛЮ РЕЧИ

В статье рассматриваются методические пути обучения студентов педагогического вуза работе с жанрами официально-делового стиля на основе профессионально ориентированного подхода; представлен разработанный комплекс профессионально ориентированных упражнений и ситуационных задач.

Жанры официально-делового стиля, профессионально ориентированный подход, деловая речь, ситуационная задача

Жанры официально-делового стиля: заявление, автобиография, объявление, расписка, резюме, договор, протокол, деловая беседа и другие – сопровождают каждого человека на протяжении всей жизни при решении как официальных, так и личных вопросов. Умение работать с документами, осуществлять деловую беседу является показателем грамотности человека и одним из неотъемлемых требований к уровню готовности выпускника вуза к трудовой деятельности, независимо от профиля получаемой специальности.

При обучении студентов педагогического вуза русскому языку мы придаем особое значение формированию представлений об официально-деловом стиле речи на основе профессионально ориентированного подхода, поскольку успешность деятельности учителя напрямую зависит от уровня сформированности коммуникативной и стилистической компетентности, от умения грамотно и аргументированно излагать свои мысли в деловой сфере, оформлять необходимую документацию, которая является важной составляющей работы учителя (портфолио, письмо-приглашение, протокол, докладная записка, характеристика, деловые письма (отчет, информационные сообщения, запрос) и др.).

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей обучения студентов педагогического вуза официально-деловому стилю речи на основе профессионально ориентированного подхода.

Мы придерживаемся важности при обучении официально-деловому стилю опираться на научные достижения и опыт педагогов, поскольку нашей задачей является достижение максимально продуктивных результатов по овладению студентами навыками работы с жанрами делового стиля. Именно поэтому, прежде чем представить практическую часть работы, обратимся к исследованиям методистов, занимавшихся проблемой обучения школьников официально-деловому стилю речи. Объясним целесообразность рассмотрения данного аспекта: известно,

что студенты, об обучении которых идет речь в настоящей статье, изучили уже в рамках школьной программы официально-деловой стиль речи, и предполагается, что должны уметь работать с некоторыми видами документов. Однако, как показывает опыт работы, подтверждается справедливое замечание Г.И. Николаенко, что обучение официально-деловому стилю в школе не всегда имеет успешный результат: не каждый выпускник школы в состоянии написать грамотно заявление, составить расписку. Основную причину плохой обученности работе с жанрами официально-делового стиля он (Г.И. Николаенко) видит в несовершенстве методики работы с деловыми бумагами. Как правило, в школе используют образец документа, по которому учащиеся составляют свои: например, в 5 классе – это расписка, но к данному виду работы впоследствии не предусмотрено повторное обращение ни в упражнениях, ни в речевой практике, что, безусловно, не способствует запоминанию и тем более формированию практического навыка работы. Такие жанры деловой бумаги, как личный листок, акт, в школьную программу изучения не включены совершенно, хотя выпускники в жизни с ними встречаются довольно часто [3, с.6].

Психологи считают, что залогом успешного обучения является положительное отношение к усваиваемому материалу. Исходя из этого, преподавателю необходимо дать понять студентам, насколько важную роль играет в их будущей профессии владение навыками деловой речи. Реализация профессионально ориентированного подхода к обучению посредством работы с разработанным комплексом упражнений, вызывает перспективный интерес к изучению официально-делового стиля речи [1, с.157]. Понимание важности получаемых знаний и навыков в будущем служит мощным мотивационным фактором когнитивной деятельности студентов.

В системе разработанных нами упражнений для обучения официально-деловому стилю выделяются:

- репродуктивные речевые упражнения, обучающие работе с текстами жанров делового стиля;

- продуктивные, обучающие студентов созданию собственных текстов делового стиля.

Это разделение является условным, так как одно упражнение может быть направлено на решение нескольких задач: обучению продуцированию высказываний в деловом стиле, формированию умения заполнять бланки документов, корректировать тексты жанров делового стиля.

Усвоение студентами требований к написанию документа можно выявить заданием выполнить учебные операции: написать самостоятельно определенный вид жанра официально-делового стиля, проанализировать текст документа и отредактировать при условии наличия ошибок и т.д.

Теперь представим упражнения, предлагаемые нами студентам:

Упражнение 1. Напишите автобиографию с соблюдением всех требований к ее оформлению.

Очень продуктивным видом работы является корректирование умышленно допущенных ошибок в оформлении документа. Анализ содержания и графического оформления требует зрительного воспроизведения из памяти студента регламентированного вида документа с лексическим содержанием.

Упражнение 2. Найдите ошибки, допущенные в оформлении заявления. Напишите его в соответствии с требованиями к нему.

Директору МОАУ «Гимназия №2»

г. Оренбурга
Губаревой Т.О.
от Смирновой Светланы Васильевны,
проживающей по адресу: 460006,
г. Оренбург, ул. Орлова, д.10, кв.23

Заявление

Прошу Вас принять меня на работу учителем начальных классов с 01 сентября 2018 года.

К заявлению прилагаются следующие документы:

- 2 фотографии размером 3х4;
- паспорта (копия);
- страховое свидетельство (копия);
- диплома об образовании (копия);
- свидетельства ИНН (копия).

28.08.2018

Подпись

В отдельную группу выделим упражнения, которые выполняются с опорой на готовые бланки документов.

Упражнение 1. Вам предлагается заполненный образец Протокола родительского собрания. Посмотрите его внимательно, затем, не прибегая к помощи образца, заполните чистый бланк.

Упражнение 2. Вам предлагается два бланка письма-приглашения. Сначала ознакомьтесь с заполненным бланком письма-приглашения на научно-практическую конференцию, адресованное учителю начальных классов, а потом заполните чистый бланк, приглашающий родителей детей младшего звена на выставку творческих работ учащихся. Образец:

Приглашение

Уважаемая Васильева Анна Сергеевна!

Приглашаем Вас принять участие в работе научно-практической конференции «Инновационные технологии в обучении младших школьников», которая состоится 15-16 апреля 2018 года в конференц-зале Областной библиотеки им.Н.К.Крупской. Начало конференции 15 апреля в 11.00 часов. Начало регистрации участников – 10.00 ч.

Тезисы доклада объемом 1 машинописная страница через 1,5 интервала должны быть представлены в оргкомитет конференции не позднее 15 марта 2018 года.

Оргкомитет конференции.

В учительской профессии важно владение деловой монологической речью. Как отмечал Л.В.Щерба, монолог – это «художественное произведение», и ему надо специально обучать по особенной методике. В своей работе мы используем искусственные речевые ситуации с целью совершенствования умений и навыков, подготавливающих будущих учителей к осуществлению деловой речи (*Представьте себе...*).

Активизация мыслительной деятельности студента с помощью постановки преподавателем *ситуационных задач*, моделирующих учительскую деятельность, способствует так же развитию аналитического мышления, повышению

познавательной деятельности, формированию умения работать в коллективе [2, с.18].

Представим некоторые из ситуационных задач:

Задача 1.

Представьте, что Вас приняли на работу учителем начальных классов в школу. Как правило, в последние дни августа в школе проводят организационное собрание, чтобы познакомить детей и их родителей с информацией о предстоящей линейке, посвященной Дню Знаний, о покупке необходимой литературы, рабочих тетрадей и так далее.

В связи с этим:

- *Напишите объявление, информирующее детей и их родителей о необходимости прийти в школу в назначенное время.*
- *Составьте текст выступления перед учениками и их родителями на августовском собрании.*

Задача 2. *Вы, выпускница ФГБОУ ВО «ОГПУ», прочитали в газете объявление о вакансии учителя начальных классов в одной из школ города Оренбурга. Позвоните директору школы, убедитесь, актуально ли увиденное Вами объявление. Напишите свое резюме и отправьте работодателю для рассмотрения Вашей кандидатуры.*

Задача 3. *Вы, еще обучаясь в университете на последнем курсе, устроились работать в одну из школ руководителем кружка «Рукоделие». По окончании университета Вы узнали о возможности трудоустроиться в эту же школу на должность учителя начальных классов. Напишите заявление на увольнение с настоящей работы и заявление о приеме на работу на должность по полученной специальности.*

Поскольку ситуационная задача моделирует профессиональную деятельность, то она является одним из универсальных видов упражнений при обучении деловой речи, позволяя студенту проявить себя в активной позиции, прочувствовать ответственность за выполнение определенной деятельности.

Итак, в курсе обучения русскому языку студентов педагогического вуза мы придаем важное перспективное значение изучению официально-делового стиля на основе профессионально ориентированного подхода: формированию умения продуцировать деловую речь в диалогической и монологической формах, навыков оформления документов, которые являются востребованными в работе каждого учителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова, Г.Х., Кулаева, Г.М. Профессионально ориентированное обучение стилистике русского языка студентов колледжа технического профиля / Г. Х. Агапова, Г.М. Кулаева // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2014. – № 1 (9). – С. 157– 165. (<http://www.vestospu.ru>)
2. Агапова, Г. Х. О формировании у студента-автомеханика коммуникативной компетенции на занятиях по русскому языку / Г. Х. Агапова // Среднее профессиональное образование. – 2016. – № 5. – С. 17-19.

З.Николаенко, Г.И. Изучение деловой документации в школе: Пособие для учителя: Для школ с белорусским языком обучения / Г.И. Николаенко. – Мн. : Нар. асвета, 1987. – 55с.

G. H. Agapova

Federal State educational institution of higher education budget "Orenburg State Pedagogical University

PROFESSIONALLY ORIENTED APPROACH TO TEACHING STUDENTS PEDVUZA OFFICIAL-BUSINESS STYLE OF SPEECH

This article discusses the methodical way of teaching students of Pedagogical University work with the genres of officially-business style based on professionally oriented approach; before it developed a complex of professionally oriented activities and situational tasks.

Genres official-business style, professionally oriented approach, business language, situational problem

УДК 378:811.1/8

П. А. Боронкин

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
boronkin.pavel@gmail.com*

ОПТИМИЗАЦИЯ РАБОТЫ С КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ

Рассматриваются особенности преподавания русского языка как иностранного в группах китайских студентов технической специальности, обучающихся в Китае по программе «Два вуза – два диплома». Анализируется учебная литература, предложены некоторые способы повышения эффективности преподавания РКИ в данной аудитории, даны типы упражнений и заданий на активизацию речевой деятельности.

Китайские студенты, учебник, русский язык как иностранный (РКИ), виды речевой деятельности

Обучение китайских студентов в техническом вузе в условиях отсутствия языковой среды сопряжено с целым рядом трудностей различного характера, к которым следует отнести,

1. недостаточное для начинающих количество аудиторных часов (т.е. далекое от условий интенсивного обучения);

2. большое количество студентов в учебной группе, не позволяющее должным образом контролировать учебный процесс, уровень полученных знаний, тренировать, проверять усвоение и закреплять те или иные навыки;

3. специализация студентов (технические специальности), не имеющих достаточной лингвистической подготовки, привычки лингвистического анализа и склонности к нему; приоритет профильных предметов;

4. невозможность полноценной фонетической работы, корректировки и контроля произносительных навыков;

5. отсутствие опоры на живое бытовое общение: отсутствие языковой среды, важной для закрепления знаний и навыков, полученных в аудитории, в реальной коммуникации;

6. недостаточность учебных пособий, методических материалов, (фильмы, музыка, культурное окружение, неформальное бытовое общение).

Действительно, наполняемость аудитории в китайском техническом вузе далека от идеальной: количество студентов в языковой группе, которое не должно превышать 10-12 человек, в жёстких условиях обучения в Китае, превышает данный норматив в несколько раз и доходит до 50 человек в группе, что не даёт возможности преподавателю использовать все необходимые именно на этом этапе обучения виды работы со студентами.

Разговорные темы, вызывающие искренний интерес китайских студентов, весьма стандартны, как правило, это «Семья», «Дом, квартира», «Город», «Учёба», «Работа», «Человек», «Здоровье», «Покупки», «Блюда национальной кухни», «Природа, погода», «Спорт».

В рамках данной тематики продуктивным было бы возбуждение и поддержание интереса аудитории и установления контакта, обеспечивающие активизацию разговорной деятельности, серьезным препятствием к чему следует признать невозможность организации и прослушивания диалогов [2, с.45],

Основной мотивацией при обучении студентов перечисленным разговорным темам является необходимость продолжения обучения в России – по приезду в Петербург после 1-месячного интенсива по РКИ им предстоит учиться в российском техническом вузе по тем же программам, что у русских студентов: слушать лекции, участвовать в семинарах, дискуссиях, мини-переговорах (деканат, библиотека, магазин, транспорт), выполнять домашние задания и лабораторные работы, писать курсовые работы, писать и защищать диплом – и это всё на русском языке.

Среди видов речевой деятельности, исходя из условий обучения в Китае (большое количество студентов в одной группе) особое внимание приходится уделить рецептивным, пассивным: чтению, слушанию. Применять в подобных условиях активные виды речевой деятельности затруднительно, однако необходимо, поскольку без них не может быть реального, полноценного владения языком, а без активизации речевой деятельности невозможно закрепить навыки, полученные в ходе восприятия теоретической информации на занятиях, посвященных грамматике русского языка. В этом смысле полезно подобрать для самостоятельной работы студентов комплекс электронных материалов и пособий [3, с.240].

Помимо нехватки специализированных учебников, ориентированных на данный контингент учащихся, следует также иметь в виду особенности применяемых в учебном процессе пособий, которые опираются преимущественно на рецептивные виды речевой деятельности (прежде всего, чтение), на описание грамматики и

соответствующие упражнения, в то время как говорению и письму уделяют намного меньше внимания. Метод заучивания наизусть больших текстов и текстовых отрывков и несистематизированных списков слов в Китае традиционно считается одним из наиболее эффективных методов изучения языка.

Таким образом, к основным недостаткам имеющихся в распоряжении преподавателя РКИ в китайском техническом вузе учебников и учебных пособий, в частности, учебника «Восток» (Пекин, 2015), можно отнести:

1. излишне теоретический характер материала (на уровне его отбора и отчасти – описания);
2. слабую ориентацию на речевую разговорную практику (2-3 диалога на каждую тему явно недостаточно);
3. случайный (часто – без учёта уровня подготовки) отбор лексики и текстов; так, для начального уровня предлагаются лексемы типа *палуба* и *иллюминатор*;
4. отсутствие систематизации лексики, предлагаемой студентам для заучивания;
5. слабая опора на аудио-видеоматериалы.

С точки зрения методической целесообразности, студенты должны идти от сформулированной преподавателем коммуникативной задачи – к её реализации, вербальному решению, исполнению (лексическое наполнение, оформление).

Особенно эффективными в этом плане представляются ролевые игры [1; 4] (домашнее задание – подготовка, презентация – в аудитории, возможно в соревновательном формате):

1. Кейс «Покупки к празднику» (продукты, подарки). Роли – кассир, продавец, директор или хозяин магазина, покупатели. Цель – купить все необходимые для приготовления определенного блюда продукты. Описание действий разбито на этапы: формулировка решения, составление перечня продуктов, констатация того, что не всё необходимое есть в наличии, интересуемся, где и когда можно купить недостающее, спрашиваем о скидках и бонусах, выбираем подарки детям, бабушке, учителям; хотим заказать упаковку и доставку; кассир спрашивает, есть ли у нас скидочная карта и о способе оплаты, скидочной нет, наша кредитная карта за границей недействительна, платим наличными, у кассира нет сдачи, покупаем ещё два сувенира, забыли взять чек, нас зовут, мы возвращаемся и берём чек). Заранее – карточки с ролями и лексическим минимумом для выполнения задания. Реквизит – аудиторная мебель, сумка-тележка, нарезанная бумага, деньги, продукты. Данный кейс может быть разделён на несколько мини-кейсов.

2. Кейс «Поход в кино». Роли: кассир, контролёр, влюблённая пара, семейная пара, подружки, мама с сыном-школьником. Ситуация 1 – нужны билеты в последний ряд. Ситуация 2 – недорогие, но удобные места. Ситуация 3 – есть ли буфет. Ситуация 4 – ограничения по возрасту. Ситуация 5 – мы забыли дома билеты. Реквизит – аудиторная мебель, нарезанная бумага, деньги.

3. Кейс «Заказ пиццы по телефону». Роли – работники пиццерии на телефоне и доставка, заказчики с разными вкусами и требованиями).

Основная проблема – невозможность регулярной индивидуальной работы преподавателя с каждым из студентов, в связи с чем полезным представляется следующий вид работы.

Группа разбивается на несколько подгрупп, каждая из которых получает индивидуальное задание, например, описанную на карточке ситуацию, связанную с одной из изучаемых разговорных тем. В рамках этой ситуации называются

персонажи (роли участников этой ситуации) и даётся перечень лексем, обслуживающих ситуацию. Для написания и репетиции диалога даётся несколько минут, после чего подгруппы последовательно представляют эти диалоги на суд зрителей. Помимо устной презентации, участники диалога должны представить написанный вариант диалога – один на всю подгруппу. Работа оценивается.

Методом случайной выборки определяются два слова (глагол и существительное), из которых студент должен составить предложение примерно из четырёх слов (например, добавляются прилагательное и наречие), произнести его вслух; после корректировки предложение записывается. В виде домашнего задания предлагается по заданным параметрам (объём, грамматическое время, зависимые слова и пр.) составить с одним-двумя из записанных предложений один-два небольших рассказа. Например:

1. ГОТОВИТЬ-ПРИГОТОВИТЬ, ЗАДАНИЕ.

Сосед весь день готовил домашнее задание.

Сегодня воскресенье. Погода хорошая. Мы были в парке, гуляли, катались на лыжах. Это был очень хороший день! А наш сосед Марк был дома: весь день готовил домашнее задание. Завтра будет семинар, а мы не готовы, мы не сделали домашнее задание. Марк хороший студент, а мы плохие студенты. Но мы хорошо отдохнули.

2. ЧИТАТЬ-ПРОЧИТАТЬ, ЖУРНАЛ

Иван читает журнал.

Это наша библиотека. Мы здесь занимаемся, читаем книги, журналы, газеты, пишем. Здесь всегда тихо и спокойно. Завтра у нас экзамен. Сейчас мы все в библиотеке, готовимся к экзамену. Иван читает журнал. Я пишу ответы на вопросы. Антон читает учебник. Мы учим правила и переводим тексты. Результат экзамена будет хорошим.

Вариант задания: дана общая схема построения предложения (образец), например, *Каждый день **мы ходим** на занятия и **учим** новые слова.* В соответствии с этой моделью и используя заданные преподавателем глаголы (напр., *жить-учиться, ходить-смотреть, обедать-есть, брать-читать, покупать-готовить*), нужно построить аналогичную фразу. Опыт показывает, что в данном случае, как и во многих других, эффективно устраивать мини-соревнования между командами - группами, колонками, рядами.

В качестве домашнего задания эффективно использовать методику дистанционного обучения: по разработанным заранее упражнениям на основе видеоклипов (отрывки из фильмов, учебные скетчи, мультфильмы) давать задания театрального характера (разыграть сценку в лицах, повторить или продолжить увиденное).

Вывод – при явной невозможности реализовать в аудитории многие необходимые при обучении языку виды работы привлекать игровые методики и новые технологии, возможности дистанционного обучения, в частности, многие виды работы, например, функцию контроля перенести в эту сферу. Можно учить и контролировать через Скайп, например, проводить Интернет-тестирование, вебинары, отвечать на вопросы, проверять домашние задания. В связи с этим особую актуальность приобретает задача создания комплексных учебников нового типа, включающих большое количество электронного материала, и специальных компьютерных программ, ориентированных на данный тип аудитории.

Проблема в том, чтобы эти виды работы были узаконены, признаны вузом частью учебной программы, учтены и зафиксированы. В качестве способа повышения эффективности преподавания русского языка для студентов данного типа можно и должно учитывать все аспекты учебного процесса, вплоть до выбора формы учебной деятельности, которая могла бы имитировать реальную коммуникацию (в паре, группами, коллективно, индивидуально).

Учитывая высокий уровень компьютерной грамотности китайских учащихся, частичное решение обозначенной выше проблемы могло бы дать применение одной из существующих систем e-learning.

ЛИТЕРАТУРА

1. Железнякова С.Н. Ролевые игры на уроках русского языка как иностранного // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2-5. С. 21-24. Институт стратегических исследований.
2. Золотых Л.Г., Лаптева М.Л., Кунусова М.С., Бардина Т.К. Методика преподавания русского языка как иностранного в китайской аудитории: Учебное пособие / Под общ. ред. М.Л. Лаптевой. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – 91 с.
3. Орлова Е.В. Интерактивные методы преподавания русского языка как иностранного // Русский язык в поликультурном мире. X Международная научно-практическая конференция: Сборник научных статей. Ответственный редактор Е.Я. Титаренко. Т.2. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 237-243.
4. Шкаликова А.С. Учебно-речевые игры на занятиях по РКИ как средство активизации речевой деятельности студентов на начальном этапе обучения (китайская аудитория) // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность, 2011, № 4. С. 91-97.

P.A. Boronkin

Saint-Petersburg State Electrotechnical University "LETI"

OPTIMIZATION OF WORK WITH TECHNICAL CHINESE STUDENTS IN NON-RUSSIAN LANGUAGE ENVIRONMENT

The article deals with some peculiarities of teaching Russian as a foreign language in the groups of Chinese engineering students who study on the program "Two Institutes- two diplomas". In addition, the article reviews and analyzes courseware. and offers some ways of teaching efficiency increase in existing listening public. A number of tasks and exercises for language activities expansion are given here.

Spoken Russian, role games, textbook, exercise

УДК 811.161.1

А. А. Брыкова

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна,
kakoslik88@yandex.ru;

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В АБСУРДИСТСКОЙ ПРОЗЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЧИТАТЕЛЕМ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РАССКАЗА Д. ХАРМСА «О ТОМ, КАК СТАРУШКА ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА»)

Исследуется диалогическая форма речи рассказа Д. Хармса «О том, как старушка чернила покупала», доказываемая, что последовательное нарушение правил коммуникации, в первую очередь максим Грайса, при формальном соблюдении принципов диалогической связности, имеет целью вовлечь читателя в сюжет и заставить его самостоятельно вывести законы успешного речевого взаимодействия.

Детская публицистика, диалогическое единство, речевой акт, коммуникативная неудача, речевой этикет

Советская детская публицистика 20-30-х гг. прошлого века представляет собой интересный материал для лингвопрагматических исследований, так как ей приходилось решать множество разнородных задач, как языковых, так и внеязыковых, зачастую выбирая для этого нетривиальные пути. Объяснялось это тем, что в детской публицистике того периода работали талантливые авторы и иллюстраторы, среди которых был Б. Малаховский, А. Введенский, Н. Олейников и Д. Хармс, чье художественные и лингвистические эксперименты в детской литературе отвечали требованиям времени и ожиданиям адресата-ребенка. Лингвистическую специфику советских текстов для детей, созданных с учетом особенностей восприятия адресата, можно проиллюстрировать на примере анализа рассказа Д. Хармса «О том, как старушка чернила покупала», напечатанного в 1928 г. в журнале «Еж».

Детские журналы «Еж» и «Чиж», выходившие в Ленинграде в 20-40-гг. XX в., представляют собой неординарное явление в советской и шире в российской детской публицистике, так как эти журналы создавались в эпоху перемен и экспериментов, что отразилось на материале и способах его подачи. Журнал «Еж» был ориентирован на детей старшего школьного возраста и выходил один, реже два, раза в месяц в период с 1928 по 1935 гг. Авторы журнала видели своей целью не только воспитывать юных читателей, которым нужно было помочь стать полноценными членами нового советского общества, но и развлекать их, взаимодействовать с ними, приглашать к сотворчеству.

Так как журнал «Еж» предназначался для детей старшего возраста, его тексты обнаруживали большее тематическое и жанровое разнообразие, а также более сложные способы речевой организации, требовавшие от читателя больших знаний о правилах коммуникативного взаимодействия.

Рассказ Д. Хармса «О том, как старушка чернила покупала» представляет собой небольшую зарисовку советского общества, показанного глазами представителя другой культурной эпохи. Организация сюжета сближает рассказ с произведениями жанра похождения (старушка ходит по городу в поисках чернил), а нарративные и коммуникативные стратегии делают его неоднозначным для читателя-ребенка.

Тексты в жанре похождения/ путешествия появлялись достаточно часто и в журнале «Еж», и в журнале «Чиж», так как позволяли реализовать познавательную функцию детской литературы, знакомить читателей с реалиями нового общества, с традициями других стран.

В коммуникативном плане для текстов такого типа, как и для детской сюжетной прозы вообще, значимым оказывалась диалогическая форма речи, которая становилась своего рода композиционным центром рассказа. В случае рассказа Хармса это особенно значимо, так как сюжетное развертывание становится возможным только по причине постоянных, повторяющихся коммуникативных неудач, которые мешают старушке узнать, где купить чернила.

Диалогическая форма речи активно используется авторами произведений для детей, так как является для юных читателей наиболее естественной формой общения [8, с. 58]. Ее появление облегчает процесс восприятия текста, так как диалог выполняет поддерживающую функции относительно сюжета.

Диалогическая форма речи коррелирует и с речевым этикетом, так как имитация непосредственного речевого взаимодействия выводит на первый план и самих персонажей, и их социальные роли, учет которых необходим для создания коммуникативно благоприятной атмосферы [6]. Это тем более важно для текстов советской детской публицистики, так как речевой этикет в 20-30-е гг. прошлого века находился на стадии становления (с учетом изменившихся социальных реалий), и детская литература имплицитно, путем представления конкретных коммуникативных ситуаций, знакомила читателя-ребенка с этим этикетом.

В этом отношении показательно, что весь рассказ Хармса строится на коммуникативной неудаче, тем самым актуализируя само понятия речевого взаимодействия. Лингвистический анализ диалогической формы речи в рассказе Хармса указывает, что коммуникативная рассогласованность обнаруживается на фоне строго соблюдения принципов адаптации разговорной речи, текстовой и иллокутивной связности.

Среди принципов адаптации разговорной речи выделяются наиболее распространенные [2] — неполные предложения (стационарные и нестационарные эллиптические структуры), инверсии, синтаксический параллелизм, последовательно использующиеся в репликах одних и тех же персонажей: — *Сюда пожалуйста! Пожалуйста сюда!* [11, с. 139]; — *Во, — говорит, — за рупь отдам* [11, с. 138]; — *Значит, нет у вас чернил, — сказала старушка и дальше пошла. <...> Нет ли у вас чернил?* — *спросила старушка* [11, с. 139]. Довольно часто в репликах встречаются частицы и модальные слова, звукоподражательные междометия, нерасчлененные слова-предложения *да/нет*: — *Да ведь тут чернил не продают,* — *сказал толстый человек* [11, с. 146]; — *Ха, ха, ха!* — *рассмеялся толстый человек* [11, с. 147]; — *Пожалуйста, приехали, шестой этаж, выше некуда* [11, с. 144]; *Берите, — говорит, — недорого прошу. — Нет, — говорит старушка, — мне чернила* [11, с. 139].

В диалогической форме речи рассказа преобладают простые предложения, укладываемые в одну, реже в две, строки. Сложные предложения относительно редки и используются в целях уточнения понятия (неполные сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры с придаточными определительным) или для оформления речевого акта комиссива [9] – сложные многокомпонентные предложения с условным значением: — *Чернила, **которыми** пишут, — пояснила старушка* [11, с. 146]; — *Расскажите вы нам о том, как вы чернила покупали, а мы про вас книжку напишем и чернил дадим* [11, с. 147].

Переход из диалогической в монологическую, повествовательную, форму речи в рамках реплики персонажа был отмечен лишь дважды и реализовывался с помощью конструкций, тяготеющих к паратаксису, характерному как для устных монологов, так и для нарратива произведений для детей в целом [8, с. 59]. Речи идет о многокомпонентных предложениях с преобладающими сочинительными и бессоюзными видами связи: *А у меня рассказ очень интересный, — сказал толстый человек. — Пришел этот мальчик домой, отец его спрашивает, где он был, а лягушка из живота отвечает: ква-ква!* [11, с. 145]

Формальная связность диалогической формы речи достигается в первую очередь за счет речевых повторов, связывающих воедино отдельные реплики, и местоименных повторов, обнаруживаемых внутри реплик отдельных персонажей: — *Ах ты, батюшки, куда же это **снег** делся? А соседи засмеются и кричат ей: — Ну, виданное ли дело, чтобы **снег** летом на земле лежал?* [11, с. 137]; — ***Вы** что, — говорит, — будто с луны свалились! **Вас** же задавить могут* [11, с. 142].

Однако анализ отдельных диалогических единств показывает, что иллюкутивная связность речи выдерживается лишь формально, за счет появления иллюкутивно связанных реплик типа вопрос-ответ [1], которые определяют все развертывание коммуникации, так как старушка адресует свой вопрос о чернилах разным персонажам.

Все зафиксированные в рассказе коммуникативные единства типа вопрос-ответ заканчиваются коммуникативной неудачей, только одна из которых вызваны внеязыковыми факторами [4], четко обозначенными в повествовательной части текста: *Потом [старичок – А.Б.] закурил папиросу и, спрятав спички, **прошамкнул** беззубым ртом: — Шешиши пошאותся в магашише. Старушка **ничего не поняла**, а старичок пошел дальше* [11, с. 143].

Большая же часть коммуникативных неудач объясняется прагматическими причинами [7], а именно нарушением принципа кооперации, разностью прагматических установок говорящих, обнаруживающихся при анализе речевых актов в ответах персонажей: *Скажите, — кричит она дворнику, — где чернила продаются? — Что? — кричит дворник. Старушка ближе: — Чернила! — кричит. — **Сторонись!** — кричит дворник, пуская струю воды. Старушка влево, и струя влево. Старушка скорей вправо, и струя за ней. — **Ты что,** — кричит дворник, — **с луны свалилась**, видишь, я улицу поливаю!* [11, с. 138]. Стандартная структура вопросно-ответного единства предполагает наличие интеррогатива и репрезентатива, напрямую связанного с пропозицией предыдущей реплики. Однако в исследованном материале позиция репрезентатива может замещаться директивом [9] или оценочным восклицанием, указывающим на несовпадение коммуникативных установок говорящих и на нарушение принципа отношения Грайса [3], что подчеркивается в повествовательной части рассказа.

Появляются также так называемые псевдиалоги, построенные на серии повторов-переспросов, последовательно чередующихся со словами-предложениями типа *да/нет* и обнаруживающими нарушения принципа количества, так как они не способствуют успешному развитию коммуникации и используются как один из приемов замедления сюжета: *Наконец-то парень расслышал, что говорила ему старушка. — Чернила? — переспросил он. — Да, чернила. — Чернила? — Чернила. — А рыбы не нужно? — Нет. — Значит, чернила? — Да. — Да вы что, с луны, что ли, свалились! — сказал парень* [11, с. 139].

В качестве еще одного способа замедления сюжета используются диалоги, обнаруживающие нарушения максимы качества: *— Мне чернила нужны, а не ягоды, — говорит она. — Какие чернила — красные или черные? — спросила торговка. — Черные, — говорит старушка. — Черных нет, — говорит торговка. — Ну тогда красные, — говорит старушка. — И красных нет, — сказала торговка, сложив губы бантиком* [11, с. 140]. Абсурдность приведенного диалога, формально построенного с соблюдением принципов речевой и иллокутивной связности, объясняется тем, что нарушается закон исключенного третьего: оба взаимоисключающих варианта (красные или черные чернила) оказываются недоступными, тем самым инициативная реплика в виде альтернативного вопроса выглядит коммуникативно неоправданной.

Отдельные же вопросно-ответные диалогические единства остаются только в статусе потенциальных из-за полного отказа от коммуникации тех или иных персонажей рассказа, что представляет собой нарушения принципа кооперации: *Подошла к нему старушка и говорит: — Где бы мне про чернила узнать? А тот к ней даже головы не повернул, показал только рукой на какую-то дверку, небольшую <...>* [11, с. 144].

Нарушение максим Грайса появляется и в репликах диалогов, не связанных отношениями иллокутивного вынуждения: *— Да, — говорит толстый, — написал я рассказ о мальчике, который лягушку проглотил. Очень интересный рассказ. — А я вот ничего выдумать не могу, о чем бы написать, — сказал тонкий, продевая шнурок через дырочку. — А у меня рассказ очень интересный, — сказал толстый человек. — Пришел этот мальчик домой, отец его спрашивает, где он был, а лягушка из живота отвечает: ква-ква!* [11, с. 145]. Приведенный пример представляет собой две иллокутивно не связанные репрезентативные реплики, превращающие коммуникацию в псевдиалог. Первая реплика может быть охарактеризована как косвенный директив [10], просьба о помощи / совете (маркерами чего становится модальный глагол с отрицательной частицей, усиленный отрицательным местоимением и инверсивным порядком слов). В свою очередь, речевая реакция адресата реплики ограничивается характеристикой и развернутым пересказом собственного произведения, что указывает на несовпадение прагматических целей говорящих, замкнутости говорящих на себя (на это указывает и личное местоимение первого лица), их условную кооперацию.

В этом отношении показательно, что единственным персонажем, последовательно соблюдающим в рамках этого конкретного сюжета все требования прагматически успешной коммуникации, является старушка, о которой в рассказе «люди говорили <...> что она с луны свалилась» [11, с. 137]. Мотивируется эта характеристика в первую очередь неуместными вопросами, которые в начале рассказа задает старушка: *Выйдет старушка другой раз летом на двор, посмотрит вокруг и скажет: — Ах ты, батюшки, куда же это снег делся? А соседи засмеются*

и кричат ей: — Ну, виданное ли дело, чтобы снег летом на земле лежал? **Ты что, бабка, с луны свалилась, что ли?** Или пойдет старушка в керосиновую лавку и спросит: — Почему у вас французские булки? Приказчики смеются: — Да что вы, гражданка, откуда ж у нас французские булки? **С луны вы, что ли, свалились?** [11, с. 137].

Неуместность определяется несовпадением ремы (объекта) вопроса и более широкого коммуникативного контекста, в который включается время года или конкретное место (керосиновая лавка). Однако характеристика персонажа не может считаться постоянной (неверифицируемой и истиной), на что указывает неопределенно-личная форма глагола *говорить*, лексического маркера эвиденциальности, указывающего на косвенные источники информации, которые могут быть подвержены сомнению [5].

Характеристика «с луны свалилась» [11, с. 137], однако, становится сюжетообразующей, так как завершает почти все диалоги персонажей со старушкой, несмотря на то, что максимы Грайса в процессе коммуникации нарушает не она, а ее собеседники.

Соблюдение старушкой принципов потенциально успешной коммуникации прослеживается как на иллокутивном уровне, так и на уровне речевого этикета. На иллокутивном уровне ориентация на кооперацию обнаруживается в адекватной вербальной и невербальной реакции на реплики, требующие ответа, — интеррогативы и директивы: — *А что, ваш сын тоже писатель?* — спросил толстяк. — **Нет**, — сказала старушка, — **он лесничий** [11, с. 146]; <...> а ей уж торговка кричит: — *Сюда пожалуйста! Пожалуйста сюда!* Старушка **подошла** к её ларьку и очки надела, думая *сейчас чернила увидеть* [11, с. 139]. Речевые ответные реплики старушки оформлены в соответствии с максимальной количества, нередко ограничиваются одним-двумя словами, отказы мотивированы с помощью бессознательных предложений: — *Берите*, — говорит [парень — А.Б.], — *недорого прошу*. — **Нет**, — говорит старушка, — *мне чернила...* [там же].

Соблюдение речевого этикета наблюдается в последовательном использовании вежливых форм релятивов, этикетных междометий, выступающих в качестве маркера выхода из ситуации коммуникации: — **Скажите**, — кричит она дворнику, — *где чернила продаются?* [11, с. 138]; — **Прощайте**, — сказала старушка и пошла [11, с. 140]. Этикетные междометия (например, междометие *пожалуйста*) обнаруживаются и в репликах других персонажей, однако не способствуют успешному развертыванию коммуникации из-за нарушения принципа кооперации, то есть используются формально.

Таким образом, в рассказе Д. Хармса представлен весьма неоднозначный вид коммуникации, обнаруживающий соблюдение только внешних (в том числе этикетных), но не глубинных принципов связности, нарушение максим Грайса всеми персонажами за исключением главного, чье поведение, однако, охарактеризовано негативно. Адекватное восприятие такого типа коммуникации требует от читателя-ребенка значительных усилий и критического подхода. Тем самым знакомство читателей с правилами коммуникации происходит нетривиально — путем последовательного нарушения всех негласных принципов успешного речевого взаимодействия.

Лингвистический анализ диалогической формы речи рассказа Д. Хармса показывает, что, решая просветительские и эстетические задачи, автор идет по пути

усложнения нарратива и нарушения негласно принятых коммуникативных правил, создавая абсурдистскую реальность, не только отвечающую запросам читателя-ребенка, но и вовлекающую этого читателя, заставляющую критически оценивать происходящее, одновременно погружаясь в абсурд. Абсурд, который тем более усиливается тем, что рассказ построен по принципу кольцевой композиции (последняя фраза рассказа совпадает с его названием, что подчеркивается на уровне графики), и поэтому обречен вечно повторять сам себя снова и снова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
2. Будагов Р. Л. Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1967.
3. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М: Прогресс, 1985. С. 217–238.
4. Ермакова О. Н., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Отв. ред. Е. А. Земская, Д.Н. Шмелёв. М.: Наука, 1993. С. 30–64.
5. Козинцева, Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Натальи Андреевны Козинцевой / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 6–36.
6. Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. Сборник статей / Под. ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелёва. М.: Наука, 1976. С. 42–52.
7. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 305–313.
8. Руднев Д. В., Брыкова А. А. Особенности построения диалога в современной детской литературе // Русский язык в школе. 2012. № 7. С. 58–64.
9. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17.: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
10. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17.: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195–223.
11. Хармс Д. И. Полное собрание сочинений. Том 3: Произведения для детей / Под. текста А. В. Коскелло, В. Н. Сажина, Д. В. Сажина. Составление и примечания В. Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997.

A. A. Brykova

Higher School of Printing and Media Technologies of Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

COMMUNICATIVE STRATEGIES IN ABSURDISTIC CHILDREN'S LITERATURE AS A WAY OF COOPERATION WITH YOUNG READERS (A CASE STUDY OF D. CHRAMS'S STORY "HOW AN OLD LADY WAS BUYING SOME INK")

Dialogues and monologues of the story by D. Harms "How an Old Lady was Buying Some Ink" are analyzed to show that the serial breaks of communicative rules, first of all

cooperation principles of Grice, were used to make young reader immersed in the plot and make them understand the rules of successful communication by themselves.

Children's magazines, dialogical unity, speech act, communicative failure, speech etiquette

УДК 811.161.1'243

И. А. Волонцевич

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
volontsevich.irina@mail.ru

Н. Ю. Мамонтова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
zodika56@mail.ru

ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ К КУРСУ ЛЕКЦИЙ «МИКРОПРОЦЕССОРНЫЕ УСТРОЙСТВА СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ»

Данная статья отражает актуальные проблемы создания учебного пособия по русскому языку как иностранному (научный стиль речи) преподавателями кафедры русского языка (Волонцевич И. А., Мамонтова Н. Ю.) к курсу лекций «Микропроцессорные устройства систем управления» доцента ФЭА кафедры САУ «ЛЭТИ» С. Е. Голика. В статье представлена система заданий, включающая в себя лексико-грамматические, коммуникативные упражнения, позволяющие студентам-иностранцам подготовиться к слушанию лекций по курсу «Микропроцессорные устройства систем управления».

Русский язык как иностранный, научный стиль речи, учебное пособие

Сотрудничество университетов СПбГЭТУ «ЛЭТИ» и СТИ (г. Сюйчжоу, КНР) началось в 2009 году. Совместная образовательная программа строится по схеме «три плюс один».

Первый этап включает в себя три года обучения на родном языке учащихся в СТИ по согласованному с СПбГЭТУ «ЛЭТИ» учебному плану, а также глубокое изучение русского языка. Занятия по русскому языку проводят преподаватели кафедры русского языка СПбГЭТУ. Каждый семестр университет посылает в Сюйчжоу преподавателей-предметников, которые читают лекции по профильным предметам на русском языке, поэтому для преподавателей кафедры русского языка актуальной задачей является работа над пособиями по научному стилю речи.

Второй этап – это четвёртый год обучения в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» на русском языке и защита диплома в России.

В рамках сотрудничества успешно реализуется совместная программа «Два диплома», которая позволяет китайским студентам после получения степени бакалавра продолжить образование в магистратуре и аспирантуре.

Преподаватель РКИ обучает практическому владению русским языком, то есть обучает деятельности на основе передаваемых знаний и формируемых умений. Работа преподавателя РКИ, обучающего будущих инженеров, имеет свою специфику, так как для нефилологов русский язык не является самоцелью. Они изучают русский язык не ради самого языка; он является средством, помощником в овладении специальностью. Конечно, русский язык нужен иностранцам-нефилологам ещё и для того, чтобы ориентироваться в социально-бытовой сфере. Но всё-таки главная задача преподавателя РКИ заключается в том, чтобы помочь будущему инженеру-иностранцу овладеть языком специальности [2]. Студенты слушают курсы основных дисциплин на русском языке, поэтому главной задачей преподавателей РКИ является обучение студентов-иностранцев слушанию лекций, чтению научной литературы, участию в семинарах, лабораторных работах и т. д.

Данная задача обязывает преподавателей создавать пособия, которые помогли бы студентам непосредственно овладеть языком специальности. Особенно тщательно нужно отбирать тексты, на материале которых можно было бы обстоятельно, чётко и понятно объяснить основные конструкции научного стиля речи, научить студентов слушать (аудирование), воспроизводить (монологическая речь), самостоятельно читать общетехнические и узкоспециальные тексты, составлять планы к ним, беседовать по изученным темам (диалогическая речь) [3].

Преподаватели РКИ кафедры русского языка СПбГЭТУ «ЛЭТИ» имеют достаточно большой опыт в составлении учебных пособий, помогающих студентам овладеть языком специальности.

Работа по обучению языку специальности в рамках программы «Два диплома» начинается на втором курсе СТИ, когда учащиеся овладевают основами языка математики, физики и электротехники [1].

Для студентов третьего курса в настоящее время преподавателями кафедры русского языка Волонцевич И.А. и Мамонтовой Н. Ю. совместно с доцентом ФЭА кафедры САУ СПбГЭТУ С. Е. Голиком разрабатывается пособие на основе курса лекций «Микропроцессорные устройства систем управления».

Общие задачи пособия определяются целью обучения языку специальности. Это:

- а) формирование активного и пассивного словарного запаса;
- б) овладение необходимыми грамматическими средствами, специфическими для подязыка информатики и цифровой техники;
- в) развитие речевых навыков, требующихся для общения в учебно-профессиональной сфере.

Главной организующей единицей пособия является микротема. Пособие включает в себя 7 микротем (микропроцессорные устройства, системно-модульная организация, системная магистраль, системные и периферийные модули, процессорное ядро и другие.)

К каждой микротеме разработан глоссарий, включающий в себя термины и терминологические сочетания, а также необходимую для понимания текстов, представленных в разделе, общелитературную лексику. Кроме этого, каждая тема включает в себя:

- грамматический комментарий, в котором рассматриваются синтаксические конструкции научного стиля речи, даются разъяснения их значения и употребления;
- тренировочные упражнения, направленные на отработку, закрепление и активизацию языкового материала;
- работу с текстом, предназначенным для развития навыков понимания научного текста, речевых умений, а также наблюдения над функционированием изучаемых синтаксических конструкций в специальном тексте.

Текст принимается в качестве основной единицы обучения. Отбор текстового материала определялся практической направленностью обучения. В пособии представлены фрагменты аутентичных текстов по курсу «Микропроцессорные устройства систем управления», так как эту дисциплину изучает большинство студентов, приезжающих обучаться в СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Кроме того, изучаемые в ходе работы с текстами синтаксические конструкции, характерные для научного стиля речи, а также терминологический и общелексический материал, позволяют студентам-иностранцам подготовиться к слушанию лекций не только по курсу «Микропроцессорные устройства систем управления», но и по другим смежным техническим дисциплинам.

Каждый текст сопровождается предтекстовыми и послетекстовыми заданиями. Большое внимание в предтекстовых заданиях уделяется освоению звукового образа терминов, терминологических словосочетаний и других лексических единиц, их семантизации и закреплению, а так же работе с аббревиатурами, которые в большом количестве присутствуют в лекциях по данной дисциплине. Это такие задания, как:

- 1) слушайте слова и словосочетания, повторяйте, ставьте ударение, читайте;
- 2) прочитайте название модулей, входящих в состав процессорного ядра, найдите данные модули на схеме 2;
- 3) подберите к данным словам синонимы/антонимы;
- 4) определите, от каких слов образованы данные прилагательные: *однонаправленный, двунаправленный, двусторонний; эргонезависимый; внутрисистемный* и т.п.
- 5) объясните значение словосочетаний:

Однонаправленная шина адреса — шина, которая передаёт адрес в одном направлении.

Двунаправленная шина данных —

Двусторонний обмен данными —

- 6) Составьте словосочетания *прил. + сущ.*, используя слова, данные в левой и правой частях предлагаемой таблицы (*вычислительный, процессорный, периферийный, системный ... / ядро, модуль, устройство, операция ...*).

Своеобразие научного стиля речи проявляется не только на лексическом, но и на морфологическом и синтаксическом уровнях. Языку науки свойственно использование безличных и определённо-личных предложений, пассивных конструкций, деепричастных и причастных оборотов, словообразовательных моделей имени существительного с суффиксами *-ение/-ание, -ость, -тель*, обозначающих процессы, свойства и деятеля, конструкций-определений, словосочетаний существительных с предлогами. Все перечисленные языковые явления, важные для понимания и продуцирования научного текста, нашли отражение в предтекстовых заданиях. Ниже приводятся примеры некоторых типов заданий.

1) Образуйте существительные от данных глаголов: *управлять* — *управление*, *вычислять* — *вычисление*, *функционировать* — *функционирование* и т.п.

2) Трансформируйте глагольные словосочетания в именные: *выполнять вычислительные операции* — *выполнение вычислительных операций*, *определять разрядность* — *определение разрядности*, *управлять внешними объектами* — *управление внешними объектами* и т.п.

3) Составьте словосочетания *сущ+сущ.:* *элемент/автоматика/техника*, *часть/структура*, *состав/модули* и т.п.

4) Определите, как образованы данные слова, объясните, как вы понимаете их значение: *программировать*, *программирование*, *программируемость*.

5) Замените причастие предложением со словом, который: *управляющие сигналы* — сигналы, которые управляют, *координирующие сигналы* — сигналы, которые координируют и т.п.

6) Трансформируйте предложение с причастным оборотом в сложно-подчиненное предложение со словом **который**:

Каждый тип МК имеет свою систему сигналов управления, определяющую число линий шины управления.

Модули, подключённые к шине адреса, выполняют операцию опознавания адреса.

7) Замените деепричастие глаголом:

Модули, подключённые к шине адреса, могут только воспринимать код адреса, выполняя операцию его опознавания.

8) Замените пассивные конструкции активными:

Количество линий связи шины данных определяется разрядностью МК.

Поскольку все научные тексты базируются на использовании определенного набора речевых конструкций, то и подязык цифровой техники не является исключением. В анализируемом пособии рассматриваются и отрабатываются следующие синтаксические конструкции научного стиля речи, позволяющие осуществлять коммуникацию в учебно-профессиональной сфере:

1) конструкции для определения понятия:

что — это что

что представляет собой что

что является чем

2) конструкции для классификации явлений и предметов:

что делится/подразделяется на что

что относится к чему

что принадлежит к чему

3) конструкции для классификации предмета по составу:

что состоит из чего

что входит в состав чего

что включает в себя что

4) конструкции для характеристики предмета по свойствам:

что имеет что/не имеет чего

что обладает чем

что характеризуется чем

что отличается чем

5) конструкции для обозначения функции предмета:

что служит для чего

что предназначено для чего

что используется/применяется для чего

б) конструкции для обозначения обусловленности функции:

что связано с чем

что определяет что

что определяется чем

и другие.

В пособии представлены задания на ознакомление с конструкциями научного стиля речи, а также задания, направленные на закрепление данного грамматического материала. Большое внимание уделяется синонимии синтаксических конструкций в русском языке. Приведём примеры некоторых заданий:

1) Прочитайте синонимичные конструкции для определения понятия предмета: *Что? (№ 1) – это что? (№ 1)/ Что (№ 1) представляет собой что? (№ 4)/ Что № 1) является чем? (№ 5)*. Запишите примеры и вопросы к ним в тетрадь.

Ассемблер — это символический язык программирования.

Что такое ассемблер?

Микроконтроллер **представляет собой** универсальный элемент автоматики и техники управления.

Что представляет собой микроконтроллер?

Процессорное ядро **является** основной частью структуры микроконтроллера.

Чем является процессорное ядро?

2) Прочитайте предложения, найдите в них изучаемые конструкции, задайте вопросы к компонентам конструкции.

Процессорное ядро — это основная часть микроконтроллера.

ПЗУ является энергонезависимой памятью.

Микроконтроллер **представляет собой** программируемое вычислительное устройство.

3) Прочитайте предложения, замените выделенные конструкции на синонимичные.

Шина адреса **предназначена** для передачи адреса ячейки памяти или регистра модуля.

Шина данных **используется** для передачи данных, которыми обмениваются процессорное ядро и все модули.

Управляющие сигналы **служат** для стробирования передаваемых и принимаемых данных.

Управляющие сигналы **применяются** для тактирования и синхронизации работы модулей.

4) Составьте предложения из данных слов, используя конструкции НСР, характеризующие предмет по его составу.

Системный, магистраль, шина, адрес, шина, данные, шина, управление.

Шина, управление, отдельный, управляющий, сигналы.

Послетекстовые задания предназначены для выработки умения использования изученного лексико-грамматического материала в устной и письменной речи, развития навыков построения устного монологического высказывания, обучения выделению главного смысла и сжатому изложению основного содержания текста. К ним относятся следующие типы заданий:

- 1) Выпишите из текста предложения с конструкциями НСР.
- 2) Продолжите предложения.
- 3) Сократите информацию абзаца.
- 4) Заполните пропуски информацией из текста.
- 5) Ответьте на вопросы по содержанию текста.
- 6) Заполните таблицу. На основании таблицы расскажите о
- 7) Кратко перескажите текст.
- 8) Рассмотрите схему. Расскажите о структуре типового МК по схеме, используя конструкции НСР.

Задания в пособии предполагают различные варианты выполнения: как устно, так и письменно.

Часть заданий выполняется самостоятельно, что сокращает время на чтение текста и расширяет возможности работы с его содержанием.

Пособие сопровождается обстоятельным глоссарием, составленным доцентом ФЭА кафедры САУ С. Е. Голиком. В глоссарии представлено толкование на русском языке основных понятий учебной дисциплины «Микропроцессорные устройства систем управления», дается расшифровка необходимых аббревиатур, перевод на английский и китайский языки.

Многие материалы пособия уже были опробованы на занятиях по русскому языку перед прохождением курса «Микропроцессорные устройства». Преподаватель, читавший лекции по этой дисциплине, отметил улучшение результатов в усвоении содержания курса. Студенты активно участвовали в дискуссиях, с удовольствием использовали на практике полученные знания — создавали свои микропроцессорные устройства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буре Н. А. и др. Основы научной речи: Учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Под ред. В. В. Химики, Л. Б. Волковой. СПб.; М., 2003/
2. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень владения русским языком в учебно-профессиональной сфере. Для учащихся естественнонаучного, медико-биологического и инженерно-технического профилей / И. К. Гапочка, В. Б. Куриленко, Л. А. Титова. М.: Изд-во РУДН, 2003.
3. Лариохина Н. М. Обучение грамматике научной речи и виды упражнений. М., 1989

I. A. Volontsevich, N. Yu. Mamontova

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

FROM THE EXPERIENCE OF CREATION OF THE MANUAL ON THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN TO A COURSE OF LECTURES “MICROPROCESSOR DEVICES OF CONTROL SYSTEMS”

This article reflects the actual problems of creating a textbook on Russian as a foreign language (scientific style of speech) teachers of the Chair of Russian language (Mamontova N. Yu., Volontsevich I. A.) to the course of lectures "Microprocessor devices of control systems" associate Professor of ACS LETI S. E. Golik. The article presents a system of

tasks, including lexical-grammatical, communicative exercises, allowing foreign students to prepare for lectures on the course "Microprocessor devices of control systems".

Russian as a foreign language, scientific style of speech, textbook

УДК 811. 161.1.

М. В. Дудник

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского,
mariadudnik@yandex.ru*

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРАКТИКЕ
ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМЫ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОСТЮМЫ НАРОДОВ
РОССИИ»)**

В статье анализируются возможные методы совершенствования коммуникативной компетенции инофонов на занятиях по русскому языку как иностранному в рамках темы «Национальные костюмы народов России»; выявлены основные трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты при изучении данной темы, представлены фрагменты заданий, способствующих формированию различных видов речевой деятельности на продвинутом этапе обучения.

Русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция, социокультурная компетенция, русская языковая картина мира.

В современной методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) значительную роль играет лингвострановедческий компонент обучения. К определению этого термина обращались в своих работах такие исследователи как Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Л. В. Воскресенская, Т. Г. Фомина, Р. К. Миньяр-Белоручев, Л. А. Береза. Под лингвострановедением понимают методическую дисциплину, реализующую «практику отбора и презентацию в учебном процессе сведений о национально-культурной специфике речевого общения языковой личности с целью обеспечения коммуникативной компетенции иностранцев, изучающих русский язык» [1, с. 128].

В свою очередь межкультурная коммуникация основывается на знаниях лексических единиц с национально-культурными элементами семантики, а также на навыках применения данных фоновых знаний в реальных ситуациях на основе коммуникативной компетенции. В процессе знакомства с традициями и обычаями страны изучаемого языка у иностранного студента формируется и развивается коммуникативная компетенция, совершенствуются умения и навыки во всех сферах речевой деятельности. В практике преподавания иностранного языка важно обучать не только языковым структурам, но и тому, что "лежит за языком", то есть культуру страны изучаемого языка [3, с. 72]. В результате чего у студента формируется не

только культурологический фон, но и складывается определенная этноязыковая картина мира. Именно благодаря фоновым знаниям становится возможным реальное общение и обмен информацией, умениями между представителями разных культур.

Одной из составляющих лингвострановедения является социокультурная компетенция. Социокультурная компетенция – знания социокультурного контекста изучаемого языка и опыт использования этих знаний в процессе общения [2, с. 11-15]. В условиях диалога культур П. В. Сысоев выделяет четыре составляющие социокультурной компетенции: 1) социокультурные знания (сведения о стране изучаемого языка, о духовных ценностях культурных традиций, в том числе у представителей разных этнических групп); 2) опыт общения (выбор приемлемого стиля общения, верная трактовка явлений иноязычной культуры); 3) личностное отношение к фактам культуры; 4) владение способами применения языка [5, с. 42-47]. В рамках изучения РКИ объектом обучения будет русский язык и культура, а объектом усвоения – те знания, навыки и умения, которые в последующем и сформируют социокультурную компетенцию.

Спецификой обучения РКИ в рамках социокультурной компетенции являются те основные черты русской картины мира, которые формируются сквозь призму особенностей культуры, традиций, истории изучаемого языка. Важность изучения особенностей культуры и реалий страны изучаемого языка заключается в наиболее полном изучении картины мира русского человека, в исследовании тайны слова и мысли чужого языка. Целью данного лингвокультурологического метода обучения является более глубокое постижение русской культуры, языка и литературы, стирание в сознании учащихся сложившихся стереотипов в оценке русской культуры, формирование научных представлений о русской ментальности для скорейшей аккультурации иностранных учащихся и интенсификации процесса овладения языком [6, с. 3].

Основными темами для изучения русской культуры в учебных пособиях по русскому языку как иностранному традиционно являются литература, музыка, изобразительное искусство, памятники архитектуры, исторические события, города-многомиллионники, особенности национальной кухни, быт. Однако национальный костюм, на наш взгляд, также может стать источником культуроведческой и страноведческой информации. Наша страна – многонациональна и каждый живущий на ее территории народ славится своей историей, религией, культурой и обычаями. Особенности национального самосознания народов отражаются на полотнах в узорах и рисунках, создавая уникальный образ и стиль каждого представителя культуры.

Изучение темы «Национальные костюмы народов России» на занятиях по РКИ позволит обучающимся не только расширить свое представление о колорите русской культуры, но и познакомит их с обрядами, обычаями и традициями некоторых народов, которые нашли свое отражение в национальной одежде. Методологически целесообразно, на наш взгляд, выбирать самые яркие и распространенные национальные костюмы представителей разных народов, проживающих на территории России. На примере отдельно взятых национальностей (русские, татары, украинцы, казахи, башкиры, чеченцы, якуты) рассмотрим лингвометодические возможности работы с выбранной темой на занятиях по РКИ в группах иностранных студентов/стажеров, владеющих уровнем языковой подготовки В1, В2. Изучение национальных костюмов представителей разных культур знакомит с особенностями и разновидностями одежды, нормами и ценностями, свойственными определенным

народам; формирует у учащихся позитивную установку к народу-носителю языка, а также способность погружаться в новую национальную культуру; позволяет преодолеть межкультурный и психологический барьер в общении, мотивирует иностранцев к изучению русского языка.

Особое внимание необходимо уделять отбору текстового материала, так как он должен носить познавательный характер, быть информативно-содержательным, сюжетным, то есть удобным для изложения, доступным к пониманию, соответствовать современной реальности иноязычного общения, создавать благоприятные условия для знакомства иностранных студентов с новой страноведческой информацией, бытом народа, его культурой, особенностями национально-коммуникативного поведения [7, с. 66-70].

Определенную сложность при изучении данной темы вызывает безэквивалентная лексика (БЭ). Известно, что БЭ лексика вызывает наибольшую трудность в понимании у студентов, изучающих русский язык. Русские слова и словосочетания, обозначающие предметы, процессы и иные реалии жизни, имеют определенные закономерные расхождения в области лексического состава языка и его грамматического строя. Полная невозможность соответствия русского слова родному языку обучающегося маловероятно, однако именно такая группа слов как «Одежда» является исключением. Благодаря тому, что лексика такой группы слов формировалась на протяжении столетий, в современном мире она сохранила черты историзма. Более того, наименование некоторых предметов одежды либо утратили свое значение, либо изменили свое наименование (*ватник, телогрейка, шаровары*). Для облегчения понимания изучаемого материала можно приложить графические изображения, соответствующие тому или иному предмету одежды. Изображения должны быть цветными, яркими и носить познавательный характер. Иностранцам в качестве предтекстовых упражнений можно предложить задания на соотнесения в виде таблицы «одежда – изображение одежды» или ряда синонимичных слов, где обучающимся следует найти пары слов (*сарафан, материал, кичка, ткань, платье без рукавов, шапка*). Тексты должны отражать наиболее типичные и узнаваемые предметы одежды того или иного народа. Так, например, в русском национальном костюме – это *кафтан, сарафан, рубаха, телогрейка, кичка*; в татарском – *кулмэк, бешикет, тюбетейка*; в украинском – *кошуля, шаровары, венки на голову*; в казахском – *тон, шапан, калпак*; в башкирском – *елян, халат, кашмау*; в чеченском – *черкеска, бурка, папах*; в якутском – *халадаай, доха, санныах*.

Работа в группе иностранных студентов/стажеров продвинутого этапа в рамках данной темы представляется нам следующим образом. На подготовительном этапе преподаватель задает вопросы, способствующие знакомству с темой занятия (Какие национальности, проживающие на территории России вы знаете? Какие национальные костюмы вашей страны вам известны? Вы можете их описать? Видели ли вы национальный русский костюм?). Методически целесообразно вывести в формате мультимедийной презентации национальности, проживающие на территории России, и их национальные костюмы. В этой ситуации предлагается выполнить задание на соответствие: на экран выводятся национальности и соответствующие им костюмы в случайном порядке. Задача учащегося выбрать для каждого народа подходящую национальную одежду и объяснить: почему он так решил? Следующий этап предполагает работу с текстовым материалом, в котором отражены национально-культурные сведения, исторические и социально-бытовые

особенности жизни костюма, влияние климата на формирование целостного образа представителя определенной культуры.

Далее предлагается текст для ознакомительного чтения, который включает общие сведения о русской национальной одежде:

Русский костюм — национальный костюм самого многочисленного народа России. Основой гардероба русского человека являлась рубаха, на которую сверху мужчины надевали кафтан, а женщины — сарафан. Украшение и ткань одежды отличались друг от друга. Так, праздничный наряд характеризовало обилие вышивки. Ее основным мотивом являлись народные узоры. Каждая вышивка была уникальной для ее владельца и рассказывала историю его семьи. Также по одежде можно было понять, к какому сословию принадлежит человек (например, богатое население использовало вышивку золотой и серебряной нитями) или его семейное положение (так, кичку носили только замужние женщины). Другая особенность национального костюма — многослойность. Это связано с неустойчивой погодой и холодами, поэтому обязательной частью гардероба являлись кафтан и телогрейка [4].

В качестве примеров послетекстовых заданий, можно привести следующие виды упражнений:

Задание 1. Объясните разницу между предметами одежды:

Кафтан – сарафан, жилетка – фартук, черкеска – бурка.

Задание 2. Объясните значение выделенных слов. Составьте предложения с выделенными словами:

К свадьбе своих дочерей родители *шьют* им особенные праздничные платья.

Чтобы *вышить* такие узоры, нужно много лет учиться этому мастерству.

Обычно порезы на тканях *зашивают* нитками такого же цвета, как и материал.

Каждая бусина и каждый драгоценный камень *пришивается* к халату вручную.

Задание 3. Выберите правильный ответ:

Такой наряд носили только ... женщины.

А) холостые

Б) замужние

В) женатые

Основным мотивом вышивки ... праздничные узоры.

А) являлись

Б) появлялись

В) выявлялись

Такой сложный узор могли ... только опытные мастерицы.

А) вшивать

Б) вышивать

В) сшивать

Задание 4. Напишите слова в скобках в творительном падеже.

Сарафан считается ... (предмет русского костюма);

Ткань вышивали ... (золотая и серебряная нити):

Рубаха является ... (национальная украинская одежда);

Халаты украшались ... (ювелирные изделия, яркая вышивка, камни);

Якуты гордятся ... (уникальность национального костюма).

Задание 5. Образуйте сочетания, используя дательный падеж с предлогом *по*. Составьте предложения, используя данные словосочетания.

Сшито по ... (фигура), подходит по ... (цвет), носится по ... (погода), вышивка по ... (ткань), изготавливается по... (образец).

Задание 6. Прочитайте текст. Найдите в тексте предложения, соответствующие данным конструкциям:

что? – по чему? – для кого?

что? – чего? – что?

что – чем? – от чего?

Баширский костюм шился по одному образцу для мужчин и женщин. Характерно, что баширы в качестве основного материала использовали не только традиционные растительные волокна, но и кожу и мех. В качестве верхней одежды у этого народа были распространены елян и казакин – длиннополые закрытые костюмы с длинными рукавами. Халат или шуба стали важными элементами праздничной одежды (в зависимости от времени года). Халаты расшивались ювелирными украшениями, яркой вышивкой, камнями. У женщин также в праздничный комплект входили платье и фартук с вышитыми узорами [4].

Задание 7. Как вы понимаете значение этих пословиц, поговорок? Скажите, какие пословицы об одежде существуют в вашем языке?

По одежке встречают, по уму провожают.

С миру по нитке – голому рубаха.

Достались от жилетки рукава.

Задание 8. Из предложенных слов составьте предложения.

Женщины, юбки, венки, украинские, длинные, носят, и, на, головах, рубахи.

Одежда, возрастного, была, чеченская, и, социального, показателем, женщины, статуса.

Якутский, не только, национальный, защищает, температур, украшает, костюм, но и, низких, от, воздействия.

Задание 9. Представьте, что вы и ваш друг представители разных национальностей, проживающие на территории России. Расскажите друг другу о своем народе, используя описание национального костюма.

На занятии по данной теме можно дать возможность инофону проявить свою фантазию и продемонстрировать свое творчество (*нарисовать запомнившийся предмет одежды/тот, который больше всего понравился; показать ученику несколько изображений предметов одежды и попросить его описать их*). Тему урока можно закрепить тематическим кроссвордом или загадками.

В качестве письменного или устного домашнего задания преподаватель может предложить учащимся рассказать о своем национальном костюме. Подобная форма работы не только способствует развитию речевых умений и навыков обучающихся, но и позволяет активизировать деятельность на занятии, вызывает интерес к обучению.

Таким образом, изучение темы «Национальная одежда» на занятиях по РКИ позволяет не только развивать социокультурную компетенцию инофона, но и мотивировать к изучению языка, стать основой для развития различных видов речевой деятельности, совершенствовать навыки монологического высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) – М.: Изд-во «Икар», 2009.
2. Бим И. Л. Личностно-ориентированный подход – основная стратегия обновления школы // Иностранные языки в школе. 2002. №2.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990 (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного).
4. Национальные костюмы народов России [Электронный ресурс] // Рамблер. Путешествия, 2017. 17 августа. URL: <https://travel.rambler.ru/article/3275/>.
5. Сысоев П. В. Культурное самоопределение личности как часть поликультурного образования в России средствами иностранного языка и родного языков // Иностранные языки в школе. 2003. №1.
6. Фомина Т. Г. Язык и национальная культура. Лингвострановедение. Учебное пособие. Казань. – 2011.
7. Яхина Д. И. Формирование навыков аудирования сквозь призму рекламных текстов в условиях краткосрочного обучения русскому языку как иностранному / Д. И. Яхина // Фундаментальная и прикладная наука: основные итоги 2016 г.: Материалы II Ежегодной международной научной конференции 15-16 декабря 2016 г., Санкт-Петербург, Россия – Северный Чарльстон, Южная Каролина, США. – North Charleston: CreateSpace, 2016.

M. V. Dudnik

Saratov State University

NATIONAL CULTURAL COMPONENT IN THE PRACTICE OF TRAINING RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN (ON THE MATERIAL OF THE TOPIC «NATIONAL COSTUMES OF THE PEOPLES OF RUSSIA»)

The article analyzes possible methods of improving the communicative competence of foreign languages in Russian as a foreign language within the topic «National costumes of the peoples of Russia»; the main difficulties encountered by foreign students in studying this topic are revealed, and fragments of tasks contributing to the formation of various types of speech activity are presented.

*Russian as a foreign language, communicative competence, socio-cultural competence,
Russian language picture of the world*

УДК 372.881.161.1

М. Е. Дудниченко

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ», им. В. И. Ульянова-Ленина,

marina_dudnichen@mail.ru

КУРС РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена обучению иностранных учащихся русскому языку как иностранному в рамках англоязычной программы подготовки магистров. В статье рассматриваются цели, задачи, а также проблемы обучения русскому языку англоговорящих магистрантов. Одним из путей их решения автор называет создание собственных учебно-методических материалов.

Русский язык как иностранный, подготовка магистров на английском языке, Элементарный сертификационный уровень, цели и задачи обучения, учебно-методические материалы

В нашем университете реализуются программы подготовки магистров на английском языке. В рамках этих программ предлагается курс русского языка как иностранного, проведение которого обеспечивает кафедра русского языка.

Продолжительность курса составляет три семестра, количество часов - 108 (2 часа в неделю).

Цели обучения:

- овладение русским литературным языком в объёме, соответствующем требованиям Элементарного сертификационного уровня, и достаточном для быстрой адаптации в условиях новой социокультурной среды;
- освоение фонетики, грамматического и лексического минимума в объёме Элементарного сертификационного уровня, выработка умений применять полученные знания в условиях реальной коммуникации;
- овладение системой русского языка для беспроblemной коммуникации в условиях русской речевой среды в ограниченном количестве социально-бытовых и учебных ситуаций [3].

Таким образом, главной задачей является обучение, прежде всего, устным видам речевой деятельности (говорению и аудированию). Среди других задач можно назвать отбор и минимизацию лексико-грамматического материала; поурочное планирование, позволяющее работать на каждом занятии с пусть небольшой, но обязательно законченной темой; система заданий для самостоятельной (домашней) работы студентов; адекватная система текущего и итогового контроля. Очень важной задачей при таком небольшом по объёму и растянутом во времени курсе является мотивация студентов.

В курсе русского языка студентам предлагаются следующие темы:

«Рассказ о себе. Биография: детство, учеба, работа, интересы»; «Рассказ о семье»; «Биография. Рассказ о друге, члене семьи или знакомом»; «Рассказ об учёбе»; «Мой

день»; «Мой рабочий день»; «Изучение иностранного языка»; «Погода»; «Родной город»; «Петербург»; «Свободное время, отдых, интересы»; «Здоровье». [3]

Для реализации поставленных целей и задач кафедры располагает такими учебниками, как:

Хавроньина С. А., Харламова Л. А. Русский язык. Лексико-грамматический курс. Начальный этап; Копылова Г. М. Очень просто! Русский язык для начинающих; Караванова Н. Б. Говорите правильно! Курс русской разговорной речи.

Все учебники рассчитаны на начальный этап обучения, на англоговорящую аудиторию и содержат хорошо сбалансированный лексико-грамматический минимум. Кроме того, уже названия разделов в них несут мотивирующую функцию: использование конструкций со словом «как» у С. Хавроньиной («Как назвать человека», «Как выяснить возраст» и т.п.) или побудительных конструкций в учебнике Г. М. Копыловой («Давайте познакомимся»). Н. Б. Караванова в своём учебнике даёт прекрасные лингвострановедческие комментарии на английском языке перед каждой темой.

С. Хавроньина, Л. Харламова реализуют в своём учебнике лексико-грамматический подход к изучению языка. Учебник Г.М. Копыловой построен на основе интенсивной методики. Учебник Н. Б. Каравановой представляет, как думается, смешанный, грамматико - аудиolingвальный подход. Лексико-грамматический подход, представленный в пособии С. Хавроньиной и Л. Харламовой, в условиях курса небольшим количеством часов в неделю и продолжительностью в три семестра является самым оптимальным, так как включает языковой минимум, необходимый и достаточный для формирования первичных речевых умений, а именно понимания русской устной речи, говорения и чтения в пределах изученных тем. Учебный лексико-грамматический материал преподносится «от содержания – к форме», т. е. от замысла к средствам его выражения. [4]

Но, к сожалению, ни одно из этих учебных пособий полностью не подходит для этого курса, прежде всего, потому, что все они:

а) рассчитаны на большее количество часов;

б) рассчитаны на широкую аудиторию, т. е. содержат стандартные речевые ситуации («Магазин», «Работа», «Ресторан», «Деловая встреча» и т. п.) Безусловно соглашаясь с важностью этих тем, авторы курса считают необходимым включать также темы и ситуации, касающиеся жизни и учёбы студентов («Аудитория», «Университет», «В деканате», «В библиотеке» и т. п.)

Таким образом, основной проблемой обучения русскому языку англоговорящих магистрантов становится решение вопроса обеспечения учащихся учебно-методическими материалами. Надо помнить, что русский язык для них – это непрофилирующий предмет, призванный лишь помочь им адаптироваться в условиях русскоязычной среды. Поэтому преподавание языка должно как можно раньше приобщить их к коммуникации, знакомить со спецификой разговорной речи. Очень важно, чтобы учебно-методические разработки отражали коммуникативную направленность обучения. Объект обучения – речевая деятельность, сам язык – её объективная основа [6].

Основой правильного определения содержания учебного материала являются:

1) подбор и систематизация тематики; 2) речевые ситуации, типичные для этой тематики; 3) типы языковых сообщений; 4) типы соответствующих языковых

средств. Учебно-методический материал должен способствовать созданию атмосферы естественной языковой среды [6].

Продолжая тему учебно-методических материалов, хотелось бы коснуться обучения фонетике. Понятно, что в рамках данного курса русского языка невозможен, за отсутствием времени, полноценный вводно-фонетический курс. Поэтому был создан учебно-методический материал по фонетике, позволяющий за короткое время познакомить студентов с русской звуко-буквенной системой. Основой ему послужил подход С. И. Чернышова, представленный в его учебнике «Поехали!»

Как известно, у С. И. Чернышова все звуки русского языка и соответствующие им буквы делятся на пять групп в зависимости от степени сходства со звуками и буквами английского языка. Так, к первой группе относятся звуки и буквы, полностью совпадающие с английскими: А=А, Е =Е(английский [e] в закрытом слоге), К=К, М=М, О=О, Т=Т. Вторая группа включает существующие и в английском буквы, которые обозначают другие звуки (но имеющиеся и в английском): Р=Р, С=S, В=V, И=I, Н=N, У=U, Х=H.

В третьей группе представлены не имеющие соответствий в английском алфавите русские буквы, обозначающие звуки, которые характерны и для английского: Б, Г, Д, З, Л, П, Ф, Э. В четвертой группе объединены йотированные гласные, в пятой – шипящие, Ц и ы. В каждой группе предлагаются в качестве материала для чтения слова, преимущественно интернационализмы и заимствованные. Это, по мнению автора, позволяет облегчить знакомство с буквами нового алфавита, преодолеть психологический барьер, связанный с репутацией русского языка как «экзотического», «восточного», расширить словарный запас. [5]

Безусловно соглашаясь с С. И. Чернышевым, мы несколько поменяли порядок подачи звуко-буквенных групп и расширили лексику за счёт использования слов из повседневной жизни студента. Кроме того, при знакомстве с гласными Я, Ё, Е, Ю мы показываем сразу обе их функции – обозначать йотированные звуки и мягкость согласных. Материал рассчитан на аудиторную работу с преподавателем и самостоятельное повторение дома.

Перед началом работы с учебно-методическим материалом студенты бегло знакомятся с русским алфавитом.

Русские буквы. Russian letters

1) Слушайте, повторяйте, читайте. Listen, repeat, read.

1) А=А, Е=Е, К=К, М=М, О=О, Т=Т: мама, там, кот, тема, томат, метр, кто

2) Р=Р: театр, метро, карта, рок. С=S: тест, текст, тост, сумка. В=V: Москва, вот. И=I: три, такси, система. Н=N: Иван, Интернет, кино, вино, ресторан, комната, окно, нет. У=U: тут, минута, институт, университет, урок. Х=H: характер, монарх.

3) Б: банк, брат, бар, автобус, бизнес, бизнесмен, библиотека. Д: да, дом, деканат, студент, студентка. Г: город, гид, гитара, друг, книга, магистрант, магистр. З: виза, ваза, звук, зима. Л: стол, стул, класс, клуб, коллега, балет, телевизор, килограмм, бизнеследи. П: папа, суп, парк, подруга, поликлиника, спорт, спортсмен, спортсменка. Ф: фото, кофе, телефон. Э: это, экзамен, экономика.

4) Ж: журнал, журналист. Ш: карандаш, машина, шампунь, шапка, шарф, шкаф, кошка. Ч: ручка, ночь, человек, чемпион, чашка.. Ц: центр, цикл, цирк. Щ: борщ, щи, товарищ, общежитие; ы: музыка, музыкант, мы, ты, вы, студенты.

5) й: йогурт, май, музей, трамвай, троллейбус, мой, твой, чай.

Е, Ё, Ю, Я: at the beginning of the word; after а, о, у, и, ь, ъ:

е=й+э: еда, Елена, поесть;

ё=й+о: ёлка, ёжик, моё, твоё;

ю=й+у: юмор, июнь, июль, пью;

я=й+а: я, яблоко, январь, моя, твоя, семья.

After consonants includes their softness (so as и and) and pronounced: е=э, ё=о, ю=у, я=а:

мя-мё – ме – ми – мю – мь: метро, минута;

ня-нё- не – ни- ню – нь: нет;

бя-бё- бе – би – бю – бь: бизнес, бизнесмен;

вя – вё – ве – ви – вю – вь: виза, весна, вещи;

фя – фё – фе – фи – фю – фь: конфета;

дя – дё – де – ди – дю – дь: студентка, девушка;

тя – тё – те – ти – тю – ть: тетрадь, актёр, котёнок, октябрь;

зя – зё – зе – зи – зю – зь: зима, друзья;

ся – сё – се – си – сю – сь: осень, месяц, сестра, семья;

ря-рё –ре – ри – ри – рю – рь: апрель, сентябрь;

ля – лё – ле – ли – лю – ль: лето, июль, февраль, люди, хлеб.

2) Слушайте, ставьте ударение, читайте. Listen, put the emphasis, read.

Метро, кино, поликлиника, бизнес, студент, минута, актёр, мяу, котёнок, тигрёнок, весна, лето, вино, конфета, тетрадь, кровать, день, осень.

Этот материал опробован на первых занятиях в группе англоговорящих магистрантов кафедры БИТС. С его помощью буквы первых четырёх групп были усвоены студентами за двухчасовое занятие. Пятую группу изучали на следующем занятии. Представленная обиходная лексика служит «мостиком» для перехода к теме следующего занятия «Аудитория. Кто это? Что это?», которая является одной из подтем большой темы «Рассказ о себе. Биография: детство, учеба, работа, интересы».

В заключение хочется сказать, что создание эффективного курса обучения англоговорящих магистрантов русскому языку, рассчитанного на 108 часов за три семестра, и достижение поставленной цели – Элементарного сертификационного уровня – стало возможным только благодаря созданию собственных учебно-методических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караванова Н. Б. Говорите правильно! Курс русской разговорной речи. М.: Русский язык, 2016.
2. Копылова Г. М. Очень просто! Русский язык для начинающих. М.: Русский язык, 2016.
3. Рабочая программа дисциплины «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» для магистров по направлениям 27.04.04 – «Управление в технических системах», 12.04.04 – «Биотехнические системы и технологии», 12.04.01 – «Приборостроение». СПб, 2017.
4. Хавроньина С. А., Харламова Л. А. Русский язык. Лексико-грамматический курс. Начальный этап. М.: Русский язык, 2000.
5. Чернышов С. И. Поехали! Русский язык для взрослых. СПб.: Златоуст, 2013.

6. Чеснокова М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: МАДИ, 2015.

M. E. Dudnichenko

Saint-Peterburg State Electrotechnical University "LETI"

COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE FRAMEWORK OF THE MASTERS PROGRAMME IN ENGLISH

The article is devoted to teaching foreign students Russian as a foreign language in the framework of the English-language master's program. The article deals with the goals, objectives and problems of teaching Russian to English-speaking undergraduates. One of the ways to decide this problems, the author calls the creation of own teaching materials.

Russian as a foreign language, training of masters in English, Elementary certification level, goals and objectives of training, teaching materials

УДК 811.161.1

К. Ю. Ереметова

Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного,
karinaeremetova@hotmail.com

РАБОТА С ТЕКСТОМ НА УРОКЕ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО НА ТЕМУ «БЫТЬ ЗДОРОВЫМ - ЗДОРОВО»

Рассматривается построение урока по теме «Быть здоровым – здорово» ("Health means Wealth"). В модуле представлено описание упражнений, которые подготовят студентов к восприятию текста, настраивают на тему «Здоровье» (уровень intermediate high). Целью заданий является получение студентами общего представления о теме и круге вопросов, рассматриваемых в модуле.

Русский как иностранный, языковые упражнения, языковые навыки, компетенции

Одним из важных компонентов обучения русского как иностранного является обучение чтению [1, 2] – ознакомительному, поисковому и изучающему видам чтения. Ознакомительное и поисковое чтение - это виды быстрого чтения, которые различаются степенью полноты и точности понимания текста. Поисковое чтение ориентировано на нахождение в тексте конкретной, нужной информации (например, определений, выводов, фактических данных, сведений страноведческого характера и т.п.). Изучающее чтение подразумевает детальное/полное и точное понимание основных и второстепенных фактов, содержащихся в тексте. В зависимости от того, какому виду чтению происходит обучение, выстраивается система упражнений. Рассмотрим примеры упражнений:

1. Для обучения ознакомительному чтению рекомендуется использовать такие упражнения, как «прочитайте план/утверждение, определите, соответствует ли

он/оно последовательности изложенных в тексте фактов»; «составьте план текста»; «просмотрите текст и озаглавьте его»; «перечислите факты, которые вы хотели бы запомнить»; «составьте аннотацию/краткий реферат прочитанного» и др.;

2. При обучении изучающему чтению целесообразно давать следующие задания: «распределите факты, содержащиеся в тексте, по степени важности»; «найдите в тексте данные, которые можно использовать для выводов/аннотации»; «составьте аннотацию/реферат» и др.

3. Для обучения поисковому чтению полезными являются такие задания, как: «определите тему/проблему текста (статьи)»; «найдите на указанной странице характеристики действующих лиц, инструкцию, рецепт, рекомендации и т.д.», «найдите в тексте факты, которые автор относит к положительным/отрицательным», «выразите свое мнение о содержании текста и соотнесите его со своим собственным опытом» и др.

Чтение требует большой практики, учащиеся должны стараться опираться на свой речевой опыт и языковую догадку.

Далее рассмотрим комплекс упражнений, начинающийся с **предтекстового этапа, подготавливающего студентов к восприятию текста**: *Обсудите ряд вопросов с партнером (используйте наречия частотности). Discuss the following questions with the partner (use adverbs of frequency: Всегда – always, (Не)часто – (not) often, Обычно – usually, Обычно, как правило – generally, Иногда, временами – sometimes, Изредка, порой, иногда, время от времени – occasionally, Редко – rarely, Очень редко, почти никогда – hardly ever, Никогда – never.*

Студентам могут быть предложены вопросы следующего типа: *Как ты заботаешься о своем здоровье? Как часто ты ходишь в спортзал или в бассейн? Как ты относишься к курению? Какие твои любимые блюда? Что ты хочешь изменить в своем распорядке дня?*

1. Предложите русские эквиваленты следующим английским выражениям. Отметьте выражения, которые Вас характеризуют, и опишите себя. Suggest Russian equivalents for the following English expressions. Tick the expressions and describe yourself.

Материалы урока должны обязательно включать опорную лексику (с переводом на родной язык обучающихся, например, *To eat right, To maintain a healthy weight, To go for a walk, To smoke, To overeat, To say no to fast food, To lead an active lifestyle, To go to the gym, To swim in the pool, To have ill habits, To have regular medical check-ups, To do morning exercises, To get lots of fresh air* и др.) и устойчивые выражения для построения высказывания (*Я считаю, что я ..., Во-первых, Во-вторых, К счастью, К сожалению, И, наконец*).

Наконец, предтекстовый этап включает анализ заглавия: Прочитайте заглавие текста и выскажите свои предположения о содержании текста. Read the title and say what the text will be about. Например:

Этот текст рассказывает о + N (о том, как + Inf. / о том, что ...)

Основная идея текста - это ...

Текстовый этап может включать задания следующего типа:

1. Сергей поделился интернет ссылкой с читателями своего блога. Прочитайте текст и составьте краткое резюме на английском и на русском. Sergei shared the Internet link with reader of his blog. Read the text and prepare a summary of the text in English and in Russian.

Здоровый образ жизни

I. У Вас здоровый образ жизни, если Вы [3, 4]:

- Правильно питаетесь

Откажитесь от фаст-фуда, газированных напитков и жирной пищи. Ешьте больше овощей, фруктов и пейте много чистой воды.

- Ведёте физически активный образ жизни

Здоровый образ жизни - это активный образ жизни. Регулярно ходите в спортзал, плавайте в бассейне, совершайте пешие прогулки.

- Поддерживаете свой вес в норме

Не пере едайте и учитывайте калорийность продуктов.

- Проходите профилактические осмотры

Каждый год не забывайте проходить профилактические осмотры.

- Не употребляете наркотики, не курите, не злоупотребляете алкоголем

Здоровый образ жизни - это отсутствие вредных привычек. Не употребляйте наркотики, бросайте курить и не злоупотребляйте спиртным!

II. Продукты, которые желательно часто НЕ употреблять в пищу: сдоба; макаронные изделия; консервы, копчености, колбасы; яйца рафинированный сахар и конфеты; кофе; газированные напитки; рафинированное растительное масло.

III. Если Вы хотите вести здоровый образ жизни, то выполняйте следующие рекомендации: спите не менее 8 часов в день; установите режим дня и режим питания; утром делайте зарядку — это даст заряд хорошего настроения, и Ваши мышцы всегда будут в тонусе; принимайте контрастный душ (закаляйте организм); в день делайте не менее 12 000 шагов; как можно чаще находитеcь на свежем воздухе, поближе к природе; чаще смейтесь и будьте позитивны в своих мыслях и действиях.

Послетекстовой этап должен включать задания, направленные на активизацию словарного запаса, умение обсуждать тему «Здоровье» и закрепление материала.

1. Дайте свое определение здорового образа жизни. Give your own definition of a healthy lifestyle: *Я думаю, что здоровый образ жизни – это ...; Вести здоровый образ жизни значит ...*

2. Перескажите текст 3 студентам. Retell the text to 3 students:

- 1 студенту расскажите о принципах здорового образа жизни (I параграф);
- 2 студенту расскажите какие продукты нельзя много употреблять в пищу (II параграф);
- 3 студенту дайте рекомендации по ведению здорового образа жизни (III параграф).

3. На основе текста придумайте свой слоган в пользу здорового образа жизни. Create a slogan in favor of a healthy lifestyle (use the text as a basis).

4. Прочитайте сообщение в блоге Сергея и перескажите по-русски. Read Sergei's message in his blog and retell it in Russian:

«Я давно понял: если хочешь быть здоров, ты должен заниматься спортом. Спорт – необходимая часть моей жизни. Каждое утро, круглый год я делаю утреннюю гимнастику, 2 раза в неделю я хожу плавать в бассейн. Зимние каникулы я обычно провожу за городом, где я катаюсь на лыжах, коньках и санках. Мои друзья занимаются такими видами спорта, как бокс, хоккей, футбол, баскетбол, фитнес, фигурное катание. Ребята, напишите, как вы следите за своим здоровьем. Пока, Сергей».

Напишите ответ Сергею. Используйте информацию из текста и следующие выражения. Reply to Sergei. Use the information in the text and the following expressions: *Ты совершенно прав, что ...*, *Я тоже ...*, *Я собираюсь + inf.*, *Я уверен (а), что ...*, *Замечательно, что ...*, *Я за то, чтобы + inf.*, *Что касается меня, то я ...*, *Лично я буду + inf.*, *Теперь я тоже буду + inf.*

1. Пройдите тест “Стресс и Ваше здоровье” [3]. Complete the test “Stress and your health”. Выберите один из 4 вариантов ответа. Рассчитайте средний вариант (сумму вариантов ответов разделите на 7). Choose 1 variant out of 4. Calculate the average (divide the sum by 7). Read your results. Прочитайте свой результат: **результаты:** высокий уровень стресса – 1-1,99 балла, средний уровень стресса – 2-2,99 балла, низкий уровень стресса – 3 балла и более.

Что Вы выяснили о себе? Какие советы Вы можете дать своим друзьям и близким? (используйте выражения из текста «Здоровый образ жизни») What have you learnt about yourself? What advice can you give to your friends and relatives? (Use the expressions from the text): *Я понял(а), что ...* *Я советую + inf.*, *Мне следует + inf.*, *Необходимо + inf.*, *Теперь я буду + inf.* *Лучше всего + inf.*

Ролевая игра служит средством контроля сформированности необходимых навыков:

2. **Ролевая игра:** Ток-шоу на канале «Россия» “О самом главном”. Один студент играет роль ведущего Доктора Агапкина, остальные студенты – зрители. Каждый студент должен задать 2-3 вопроса доктору.

Домашнее задание включает творческий компонент и ориентировано на развитие межкультурной компетенции обучающихся:

Найдите русские эквиваленты английским пословицам и объясните их значение. Какие другие пословицы о здоровье Вы знаете? Find Russian equivalents for these proverbs and explain their meaning: *An apple a day takes a doctor away*, *Early to bed and early to rise makes people healthy and wealthy and wise*, *A sound mind in a sound body*.

- Сделайте презентацию со слайдами о здоровом образе жизни с использованием текста «Здоровый образ жизни», Вашего слогана и пословиц (5 слайдов). Make a presentation about a healthy lifestyle with the help of the text, your slogan and proverbs (5 slides).

Очевидно, что в план урока необходимо включать разнообразные задания, которые подготовят студентов к работе текстовым материалом, настраивают на тему урока, научат формировать аргументированные высказывания по теме урока, а также будут способствовать развитию межкультурной компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ощепкова Т.В., Пролыгина М.М., Старкова Д.А. Приемы обучения различным видам чтения / Т.В. Ощепкова, М.М. Пролыгина, Д.А. Старкова // Иностранные языки в школе. – 2005, №3. – С.15-21.
2. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе / С.К. Фоломкина. – М.: Высшая школа, 1987. – 205 с.
3. Основы здорового образа жизни – основы здоровья человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://science-health.com.ua/enciklopedia/basis.html> (дата обращения 12.02.2012).

4. Как вести здоровый образ жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://luckyfamilyman.ru/kak-vesti-zdorovyj-obraz-zhizni.html> (дата обращения 12.02.2012).

5. Здоровье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zdorovie29.ru/index.php?id=380> (дата обращения 12.02.2012).

K.Y. Eremetova

Millitary Telecommunications Academy named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny,
karinaeremetova@hotmail.com

WORKING WITH A TEXT ON THE LESSON OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (TOPIC “HEALTH MEANS WEALTH”)

The article considers peculiarities of the lesson planning based on the topic “Health means wealth”. It presents the description of exercises (high intermediate level) that will prepare students to dealing with a text and understanding the topic “Health”. Thus, exercises are aimed at giving an overall description of the topic and issues raised in the module.

Russian as a foreign language, language exercises, language skills, competencies

УДК 81:821.161.1

Л. Н. Каминская

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
larkam@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ

В статье рассматриваются вопросы формирования лингвистической компетенции выпускников общеобразовательных школ. Трудности в усвоении грамматической и речевой компетенций анализируются на материале сочинений, написанных участниками Единого государственного экзамена в Санкт-Петербурге.

Лингвистическая компетенция, русский язык, грамматические и речевые нормы

Преимущество обучения является важнейшим фактором успешного и качественного образования. Известно, что успешность обучения в вузе вне зависимости от специализации во многом определяется уровнем развития коммуникативно-языковых способностей учащихся. Поэтому овладение языковыми компетенциями в период обучения в средней школе – залог эффективного обучения в высшей школе. Этим обстоятельством определяются современные требования к курсу родного языка в школе, который представляет собой дисциплину

метапредметного уровня, обеспечивающую результативность учебного процесса [3, с. 21].

Важнейшим этапом в процессе обучения, своего рода рубежом, становится государственная итоговая аттестация. Единый государственный экзамен по русскому языку, действенная форма итоговой проверки знаний учащихся и инструмент контроля обученности по предмету, призван выполнять двоякую функцию: аттестовывать выпускников общеобразовательных школ и отбирать наиболее подготовленных учащихся для продолжения обучения в вузах [1, с. 31].

Единый государственный экзамен по русскому языку является завершающим этапом процесса обучения в средней школе. Он проверяет целый комплекс умений и навыков, а также владение основными компетенциями: овладение участниками экзамена нормами современного русского языка; понимание экзаменуемыми смысловой, логической, типологической, языковой структуры текстов; понимание вторичных, подвергнутых компрессии микротекстов; сформированность комплекса умений по созданию собственного текста.

Анализ результатов Единого государственного экзамена даёт возможность репрезентативно представить степень успешности в усвоении выпускниками тех или иных компетенций, выявить дефекты в их освоении, в также понять, с каким «багажом знаний» выходят будущие студенты из стен школы и какие ошибки, недочеты придется исправлять их вузовским преподавателям, а какие навыки и умения развивать и совершенствовать.

В этой связи особое значение приобретает анализ выполнения второй части ЕГЭ, сочинения-рассуждения по представленному тексту. Сочинение – творческая часть экзаменационной работы – проверяет состояние практических речевых умений и навыков и дает представление о том, владеют ли экзаменуемые монологической речью, умеют ли аргументировано и грамотно излагать свою точку зрения, что немаловажно как для успешной учебной деятельности, так и для дальнейшего профессионального образования.

Являясь заданием открытого типа повышенного уровня сложности, эта часть экзаменационной работы позволяет проверить уровень сформированности разнообразных речевых умений и навыков, составляющих основу коммуникативной компетенции обучающихся, например, умения адекватно воспринимать информацию, развивать мысль автора, аргументировать свою позицию, последовательно и связно излагать свою мысль, выбирать нужные для данного случая стиль и тип речи, отбирать языковые средства, обеспечивающие точность и выразительность речи, соблюдать письменные нормы речи.

На протяжении 15 лет (с 2004 года) нами проводится тщательный анализ результатов Единого государственного экзамена по русскому языку в Санкт-Петербурге, в частности, мониторинг качества выполнения задания открытого типа с развёрнутым ответом, определяющего уровень сформированности лингвистической, языковой и коммуникативной компетенций учащихся [2].

Следует напомнить, что сочинение-рассуждение оценивается по 12 критериям, среди которых критерии К 9 и К 10 оценивают уровень владения грамматическими и речевыми нормами соответственно.

Критерии К 9 (соблюдение языковых норм) и К 10 (соблюдение речевых норм) являются политомическими. По критерию К 9 экзаменуемый получает максимальный балл (2), если в его работе грамматических ошибок нет, 1 балл, если

допущено 1-2 ошибки, и 0 баллов, если допущено более двух ошибок. Соблюдение речевых норм оценивается следующим образом: 2 балла ставится, если допущено не более одной речевой ошибки в сочинении, 1 балл – допущено 2-3 ошибки, и 0 баллов, если допущено более трёх ошибок.

Анализ результатов выполнения этого задания позволяет судить о состоянии практической грамотности участников экзамена, навыках оформления высказывания в соответствии с грамматическими и речевыми нормами современного русского литературного языка [2, с. 28 – 30].

В таблице 1 представлены результаты выполнения задания с развёрнутым ответом по критериям К 9 (соблюдение грамматических норм) и К 10 (соблюдение речевых норм) участниками Единого государственного экзамена в Санкт-Петербурге

Таблица 1

Средний процент выполнения заданий по критериям К 9 и К 10 на 1 и 2 балла

Критерий оценки задания	2013	2014	2015	2016	2017
К9	84,93	84,06	87,33	87,81	86,36
К10	88,55	86,72	88,61	88,24	88,71

В таблице 2 представлены результаты успешного выполнения задания с развёрнутым ответом по критериям К 9 (соблюдение грамматических норм) и К 10 (соблюдение речевых норм) участниками Единого государственного экзамена в Санкт-Петербурге

Таблица 2

Средний процент выполнения задания на 2 балла

Критерий оценки задания	2013	2014	2015	2016	2017
К9	35,01	33,49	37,54	37,40	36,00
К10	38,40	34,09	34,26	32,50	32,00

Анализ результатов выполнения задания второй части, написания сочинения-рассуждения, по критериям «грамотность» и «речь» говорит о стабильно низких результатах в усвоении основных лингвистических компетенций. Причём на протяжении последних пяти лет положительной динамики в усвоении речевых и грамматических норм не отмечается. В условиях создания речевого высказывания экзаменуемые демонстрируют невысокий уровень владения грамматически правильной речью.

Тревожным представляется тот факт, что по сравнению с прошлыми годами несколько увеличилось количество экзаменуемых, которые не справились с выполнением задания по этим критериям. В 2017 году лишь 36 процентов участников экзамена успешно справились с заданием по критерию «Соблюдение грамматических норм» и только 32 процента по критерию «Соблюдение речевых норм».

Типичными ошибками, повторяющимися из года в год и связанными с нарушением грамматических норм русского языка (критерий К 9), являются: нарушение норм предложно-падежного управления, норм согласования, ошибки в построении сложного предложения; предложения с однородными членами;

нарушение связи между подлежащим и сказуемым; нарушение границ предложения; ошибки в употреблении деепричастных оборотов; неверное словообразование.

Следует отметить, что в последние годы, увеличилось количество ошибок, связанных с нарушением предложно-падежного управления. Приведём примеры (в цитатах из сочинений сохранены ошибки участников экзамена): «Можно бесконечно рассуждать данную проблему, но нужно просто сделать вывод», «Повествуя бесконечными эпитетами и олицетворениями на протяжении всего текста, автор поражается красотой мира», «Известный русский писатель рассуждает над темой детства», «Я согласна с автором о необходимости принятия какого-либо решения», «Итак, она никому не жаловалась о своих бедах», «Автор поднимает тему о том, что такое малая родина», «Он поднимает проблему о том, что поменялись жизненные ценности», «Можно привести пример по произведению Ахматовой», «Раскольников оправдывал философию Наполеона и следовал по ней», «Герасим, донельзя простой рабочий, руководствующийся по жизни ясными и доброжелательными мотивами», «На примере художественного текста, автор рассматривает этот вопрос, повествуя нам один случай», «позиция автора к проблеме войны», «Я разделяю мнение автора к проблеме»; «Выводом могу сказать, что хоть мы стали чуть менее потрепаны, мы всё равно движемся вперёд».

Анализ работ экзаменуемых по критерию K10 (речевые нормы русского языка) даёт основания говорить о значительном количестве речевых нарушений: плеоназм, тавтология, неверное употребление слова, немотивированное использование просторечной лексики. При этом в последние год-два усиливается такая тенденция, как неуместное употребление местоимений и вторжение разговорных форм в употреблении имён собственных, речевая небрежность, смешение стилистических пластов, привнесение форм разговорного стиля речи в речь письменную.

Приведем наиболее частотные примеры ошибочного употребления местоимений: «Рассуждение автор начинает именно с этих слов. Многие считают это признаком хорошего тона. Высказывая своё мнение по этому поводу, автор приводит свои размышления». «К сожалению не все понимают, что родители и все возможные учителя стараются в нас заложить все ценные качества». «В этом рассказе, автор выдвигает одну из проблем в этом тексте». «Опираясь на это, я полностью согласен с этим мнением писателя, так как сам прошёл через это. Это сложный период в жизни. Некоторые относятся к этому слишком легкомысленно, а кто-то не может сделать выбор из-за страха».

Можно также отметить особенно частотное в последнее время неуместное употребление притяжательных местоимений: «Автор нам повествует...», «И вот наш герой...», «Встретив маленького мальчика, наш солдат берет его под свой контроль, подарив мальчику шанс на счастливую жизнь».

Следует обратить внимание на появившиеся в сочинениях выпускников последних лет и новые тенденции, связанные с выбором варианта имени автора. Можно предположить, что пишущий сочинение в большинстве случаев озабочен только тем, чтобы «разнообразить» речь, не повторять одних и тех же слов.

Обратимся к примерам из сочинений участников экзамена прошлого года: «В тексте Константина Михайловича Симонова раскрывается проблема правильного решения в жизни человека.....Я полностью согласна с Константином о

необходимости принятия какого-либо решения не сразу, а после взвешивания всех «за и против».

«Борис Львович Васильев – выдающийся русский писатель, окончивший Великую Отечественную войну еще в юном возрасте. Борис понимает, что разница между этими поколениями невероятно велика. ... «Мы твёрдо знали, что будет война, а они убеждены, что её не будет», – рассуждает Б.Л. Васильев. Так же Борис пишет....».

«Прочитав фрагмент очерка Дмитрия Сергеевича Лихачёва, я выделила в нём проблему, которая очень глобально затрагивается в современном обществе. Автор пишет о том, что каждый человек может повышать уровень счастья во всем мире, но начать необходимо с себя, «творить добрую атмосферу». Я согласна с мнением Дмитрия, ведь если каждый будет жить с достоинством, в мире совсем не останется негатива».

«Что такое истина и как с ней жить? На этот вопрос отвечают авторы Елена Сергеевна и Михаил Константинович. «Я согласен с Еленой и Михаилом....».

В приведенных выше примерах наблюдаются признаки нарушения этических норм речи, привнесение в письменную речь форм разговорного стиля речи.

Анализ результатов выявил серьёзные дефекты в овладении основными коммуникативными, лингвистическими, языковедческими компетенциями, а также культуроведческими компетенциями. Экзаменуемые показали низкий уровень умений и навыков, связанных с практической грамотностью, отсутствие должной эрудиции и мировоззренческой зрелости.

Проведённый анализ позволяет дать обоснованные рекомендации, направленные на реализацию дифференцированного подхода к обучению русскому языку и формированию высокоразвитой языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каминская Л.Н., Холодова Е.П. Результаты Единого государственного экзамена по русскому языку в аспекте преемственности «школа – вуз» // Межпредметные связи и преемственность в преподавании речеведческих дисциплин: материалы докладов и сообщений XX международной научно-методической конференции. – СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2015. – 397 с.
2. Каминская Л.Н., Белокурова С.П.. Результаты единого государственного экзамена по русскому языку в 2017 году в Санкт-Петербурге: Аналитический отчёт предметной комиссии. – СПб: ГБУ ДПО «СПбЦОКОиИТ», 2017. – 43 с.
3. Цыбулько И.П. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2017 года по русскому языку. Москва, 2017. URL: <http://fipi.ru>

L.N. Kaminskaia

Saint Petersburg State University

ABOUT THE FORMATION OF LINGUISTIC COMPETENCE OF GRADUATES OF COMPREHENSIVE SCHOOLS

The article deals with the formation of linguistic competence of graduates of comprehensive schools. Difficulties in grammar and speech competencies are analyzed on

the materials from compositions written by participants of standardized State examination in Saint Petersburg.

Linguistic competence, the Russian language, grammar and speech norms

УДК 372.881.161.1

С. А. Карпухин

Самарский национальный исследовательский университет

им. академика С. П. Королева,

karpukhin163@mail.ru

ПРЕЗЕНТАЦИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАЗЛЫ»

В статье излагается содержание разработанного автором инновационного пособия по русской грамматике. Раскрывается суть оригинального обучающего приема: восстановление фразы, «рассыпанной» на морфемы. Аргументируется методическая новизна пособия. Освещаются его цели, основания и принципы составления заданий; даются рекомендации к их выполнению. Определяется адресация и назначение пособия.

Речь, фраза, членимость слова, морфема, варианты морфемы, словоформа, лингвистические пазлы

Представляемое пособие, подготовленное к публикации, содержит упражнения по русской грамматике, построенные на оригинальном методическом приеме – лингвистических пазлах. Самая суть этого приема проста: ставится задача собрать «рассыпанную» на морфемы фразу, как из черепков склеивают разбитый глиняный горшок. Например, фраза *Комната, куда его привели, была просторная и высокая* в задании будет выглядеть как ряд морфем в случайной и беспорядочной последовательности:

/ л / ве / ая / бы / простор / а / ая / куда / л / при / комнат / и / его / а / выс / и / н / ок / , / , / . / = 18 морфем, 3 знака препинания.

Идея упражнения типа «лингвистические пазлы», как полезного занятия для любознательных, возникла у автора настоящего пособия несколько лет тому назад и с тех пор они («пазлы») периодически публикуются в научно-популярном журнале «Русский язык в школе и дома». Автор неоднократно задавал такие упражнения и студентам-филологам разных курсов. Эта, интерактивная, работа во многом помогла приобрести определенный опыт, необходимый для совершенствования «пазлов» и для их использования уже в качестве обучающего приема в системном преподавании русского языка.

Настоящее пособие адресуется преподавателям русского языка средней школы и на филологических специальностях вузов. Не приходится сомневаться, что язык, как и речь, намного сложнее «глиняного горшка» по устройству. Это обстоятельство, а также инновационный статус представляемого пособия, вызывают необходимость

детального разъяснения оснований пазлового задания и принципов его составления и выполнения. Этим вопросам посвящен раздел «Пояснительная записка», предваряющий задания. Основные положения Записки таковы:

1. Традиционно школьное изучение структуры речи сводится к выделению в предложении его членов и анализу словоформы по морфемному составу. Членами предложения выступают, как известно, знаменательные слова. Отсюда у учащегося формируется устойчивое, но, к сожалению, искаженное представление о том, что предложение **состоит из слов**. Но слово – это абстрактная единица словаря, это слово-тип, тогда как предложение складывается из **конкретных речевых единиц!** Кроме того, анализ предложения по членам оставляет в тени служебные слова, как будто это нечто малосущественное в структуре предложения. Недостаток морфемного анализа словоформы, укоренившийся в средней школе и переходящий по наследству в вуз, – механицизм и асемантизм вычленения морфем (отсутствие систематической опоры на их значение). В результате аналитический подход дает неполные, неточные и отрывочные сведения о структуре речи.

Противоположный подход – пазловый прием, заключающийся в комплексном осмыслении структуры речи. Этот подход обусловлен двоякой функцией морфем в русском языке: одни морфемы – корни и словообразовательные аффиксы – участвуют в создании лексических единиц (основ, слов); с помощью других – формальных аффиксов, а также служебных слов, – на базе основ и слов конструируются морфологические и синтаксические единицы – словоформы и словосочетания как элементы предложения. Так, в форме *под-осин-овик-ов* префикс и суффикс вместе с корнем образуют **основу существительного** со значением ‘вид грибов, характерный для осинника’, а флексия *-ов* образует **словоформу** этого существительного со значением род. падежа и мн. числа – и указывает на её вхождение в некоторое **словосочетание** (*набрал подосиновиков, много подосиновиков* и др.) как компонент **предложения**. Таким образом, в лингвистических пазлах взаимодействуют все основные структурные уровни языка, **связанные с передачей смысла**: лексический, словообразовательный, морфологический и синтаксический. Заметим, что пазловый прием рассчитан не на вытеснение и замену аналитических приемов, – именно совместное их использование будет способствовать сознательному усвоению роли морфемы как базовой единицы структуры речи.

2. Состав «рассыпанных» фраз. Зашифрованные в «пазлах» фразы представляют собой высказывания, содержащие значительные и вообще нетривиальные мысли. Это цитаты из произведений художественной литературы; это афоризмы, малоизвестные пословицы, изречения; это каламбуры и оригинальные рекламные слоганы и т.п. Обычно подобные тексты привлекают внимание читателя не только содержанием, но и яркой стилистикой, заключающейся в активном использовании тропов, риторических фигур, приемов языковой игры. Если собиратель фразы будет знать и помнить об этой особенности, она не усложнит его задачи, но продемонстрирует силу русской грамматики, которая предоставляет русской речи возможность применять широкий арсенал выразительных средств. Кроме того, превращение в процессе расшифровки ряда непривычных речевых «осколков» в остроумное либо забавное суждение послужит заслуженной наградой «другу парадоксов».

3. В роли пазлов выступают морфемы, то есть минимальные, далее нечленимые значимые единицы речевого потока. В них включаются: а) части словоформ (корни, префиксы, суффиксы, окончания и др.), б) целые словоформы (*дом, деревень, здесь, пюре*) и в) служебные слова (предлоги, союзы, частицы и др.), в том числе конверсивные образования, например предлог *благодаря* (**Благодаря** друзьям).

Практически во всех «рассыпанных» фразах встречаются морфемы однозначные и не имеющие омонимов – вроде *желт, рюмк, Москв, для, ть, ют* и др. Среди них легко различаются, с одной стороны, корни, с другой – служебные морфемы и слова. Корневые морфемы выражают конкретное, вещественное значение (то, что непосредственно связывает слово с каким-либо объектом или явлением действительности), и они в среднем длиннее служебных. Однозначный корень вернее других морфем служит первичным «компасом» в поиске возможных сочетаний. Так, в морфеме *ты* уверенно узнаём форму личного местоимения; в предложении она может быть только подлежащим, следовательно, при нем должно быть сказуемое – и т.д. Грамматическое значение однозначных служебных морфем и слов, также сравнительно легко опознается, что тоже делает соответствующий пазл «навигатором». Например, *для* может быть только предлогом, употребляющимся с род. падежом существительного или местоимения, которые, в свою очередь, в предложении выражают значение косвенного объекта (*цветы для нее*), цели (*купил для ремонта*) и нек. др.; *ть* указывает только на форму инфинитива, *ют* – на глагольную форму 3 лица мн. числа и т.д.

Сложнее обстоит дело с омонимичными или многофункциональными морфемами. У них увеличивается количество возможных связей, то есть возрастает их валентность. Ср., например, морфему *воз* в словах *возить* (корень) и *воздать* (префикс). Морфема *и* может быть: а) окончанием (*двери*), б) суффиксом (*солить*), в) союзом (*двери и окна*). Логика подсказывает здесь универсальный алгоритм: двигаться от наиболее вероятных сочетаний – на основе исходных однозначных или маловалентных морфем, – последовательно сужая тем самым круг остающихся в заданном комплексе морфем и сокращая количество возможных сочетаний с ними.

4. В русском языке границы между морфемами в словоформе со временем могут меняться. В силу развития языка изначальный смысл соединения морфем в когда-то новом слове забывается и оно начинает осознаваться как непроеизводное и нечленимое. Однако процесс затемнения смысловой связи – постепенный и длительный. Отсюда – нередкие колебания при решении вопроса о членимости слова. Лингвисты отмечают в подобных случаях промежуточную (этимологическую) границу между морфемами. Например в словах: *крыльцо* (от *крыло* + суффикс *ьц*); *облако* (от префикса *об* + *влагать* с выпадением начального *в* и чередованием *к/ч*).

В лингвистических пазлах принята максимально прозрачная степень членимости. Это степень, определяемая сохранением отчетливой живой связи между морфемами как компонентами основы или словоформы. Ср. синонимы *востребовать* и *взыскать*. В первом из них выделяем префикс *вос-* со значением интенсивности (решительности, категоричности) действия, названного производящим глаголом *требовать*. Во втором префикс и корень не разделяем, поскольку они утратили свое исходное значение: этимологически производящим глаголом *искать* и префиксом интенсивности *вз-* не объясняется значение современного глагола *взыскать*. (Хотя в данном случае в русскоязычном сознании

достаточно отчетливо ощущается историческая граница). На том же основании в заданиях не расчленяются на морфемы: местоименные наречия *почему, зачем* и др.; союзы *также, зато* и т.п. Однако наречные выражения, а также сложные служебные слова, образованные сочетанием двух-трех слов, в пазлах представлены соответствующим количеством морфем: *без устали* – 2, *несмотря на* – 2, *в связи с* – 3 и т.д. Впрочем, бывают исключения, например: союз причины *так как*, в отличие от приведенных образований, разделить на 2 пазла нельзя, поскольку его расчлененное употребление (типа *Сделал так, как просили*) не объясняет возникновение значения причины.

5. Специфика лексической семантики местоимений, как указательных слов, а также малофонемность их основ делает ограниченными основания их членимости. Тем не менее их грамматическая изменяемость в принципе сомнений не вызывает. При этом приходится учитывать, что в составе падежно-родовой парадигмы личных местоимений формы имен. падежа образуются от другой основы, по сравнению с косвенными падежами. Ср. членимость личных местоимений:

Имен. падеж	Косвенные падежи
я	<i>мен/я, мн/е, мен/я, мн/ою, обо мн/е</i>
ты	<i>теб/я, теб/е, теб/я, тоб/ой, о теб/е</i>
он, он/а, он/о	<i>его, ему, им, о нём; её, ей, ею, о ней</i>
мы	<i>н/ас, н/ам/, н/ас, н/ами, о н/ас</i>
вы	<i>в/ас, в/ам, в/ас, в/ами, о в/ас</i>
он/и	<i>их, им, их, ими, о них</i>

У местоимений *кто, что, тот* все падежные формы признаются членимыми на основании звукового единства корня и несмотря на нерегулярность некоторых окончаний: *к/то, к/ого, к/ому, к/ем, о к/ом; ч/то, ч/его, ч/ему, ч/ем, о ч/ём; т/от, т/а, т/е, т/ого, т/ой, т/ех* и т.д.

Для многих местоименных корней характерен ограниченный круг омонимии или отсутствие таковой, что способствует их лучшей распознаваемости. Например: **ты** (только в редком *ты/кать*), **он** (только в формах рода и числа: *он/а, он/о, он/и*), **мы** (только глагольных формах: *мы/ть, мы/л*), **мн** (только в редком *мн/ить*); уникальные: **теб, тоб, нём, ней, ч.** (см. выше). Расчлененность местоимения *ч/то, ч/его...* отличает его к тому же от нечленимого союза *что*; ср.: *Студенты знают, ч/то* им *читать* – *Студенты знают, что* *читать* надо много.

6. В речи морфемы, как правило, варьируются в результате действия звуковых законов. В основном фонетические варианты проявляются в устной речи: гласные редуцируются в безударных слогах, согласные ассимилируются в определенных комбинациях и т.д. Но некоторые из фонетических вариантов закрепились в современном русском языке и на письме; ср. одну и ту же морфему в разных фонетических условиях: *раздать* – *распустить*, *простой* – *добрый* и т.п. Немало вариантов сохраняется в русском языке (как в устной, так и письменной речи) от прежних эпох. Одни из них порождались действовавшими тогда фонетическими законами, другие возникали как результат длительных контактов русского языка с близкородственным старославянским языком. Все исторические варианты, утратив со временем свою фонетическую сущность, закрепились за другими функциями. Различают, например, варианты а) морфологические (связанные со словоизменением): *сон* – *сна, сну...*, *ров* – *рва, рву...*; *люблю* – *любишь, любит...*, *куплю* – *купишь, купит...*; б) лексические (корни, разошедшиеся по значению):

невежда – невежа, прах – порох; в) стилистические: современный – современнѣй, ладья – лодка и т.д.

Варианты морфемы, различающиеся в пазлах, служат эффективным подспорьем поиска их (пазлов) сочетаний. Так, из двух вариантов корня *прав* и *правл* валентность второго варианта существенно 'уже' первого. Он встречается: а) в формах 1-го лица ед. числа – *правл-ю*, *у-правл-ю-сь*; б) в разных производных, включающих основу глагола несовершенного вида на *-я*: *за-правл-я-ют*, *у-правл-я-ющ-ий*; в) в производных с суффиксами *-ени-*, *-енец-*: *у-правл-ени-е*, *у-правл-енец*. Ср. разнообразные сочетания варианта *прав*: *прав-ишь*, *прав-ит*, *прав-им*, *прав-ите*, *прав-ят*, *прав-и-л-и*; *прав-и-тель*, *прав-ый*, *прав-д-а*, *прав-ил-о*, *прав-от-а*, *прав-к-а*, *за-прав-щик* и др.

7. Дополнительным средством распознавания морфем и поиска их потенциальных сочетаний служит ударение (в пособии ударные морфемы обозначены штрихом перед гласной буквой). За счет ударения могут различаться варианты корневой морфемы в составе: а) форм слова: *д'ерево* – *дер'евья*, *б'ерег* – *на берег'у*; б) однокоренных слов: *др'уг* – *н'едруг*, *пр'аво* – *прав'а* (водительские); в) омографов: *м'ука* – *мук'а*, *з'амок* – *зам'ок*. Многие служебные морфемы и слова выступают как в ударном, так и безударном вариантах: *сѣл-а* – *город-'а*, *на пол'у* – *н'а пол*.

8. Набор пазлов, на которые фраза «рассыпана», включает пунктуационную группу – знаки препинания, обязательные для исходной фразы. Они тоже «рассыпаны» беспорядочно, за исключением тех, которые однозначно завершают предложение – точка, вопросительный и восклицательный знаки, – каждый из них в пунктуационной группе, естественно, приведен последним пазлом. В некоторых случаях в пазлах зашифровано не одно, а два предложения, тесно связанных между собой по содержанию. На это указывают, в частности, две точки (два пазла). Парные знаки препинания – скобки и кавычки считаются парами, поскольку они никогда не распадаются на единичные знаки. Парные запятые и тире, выделяющие с обеих сторон различные сегменты внутри предложения, считаются по два знака в каждой паре.

«Пояснительная записка» завершается образцом пазловых заданий, содержащихся в пособии, и изложением примерного хода его дешифровки. Воспроизводим эту часть.

/ л / ой / ой / кр'упн / 'а / всегд'а / нн / сь / крюч / ых / п'ойма / бы / рв / а / ет / ая / 'а / кот'ор / со / в'а / с'ам / 'а / с / р'ыб / к / из / т / , / . / = 27 морфем, 2 знака препинания.

Начинаем операции с уникальных или маловалентных сочетаний пазлов в данном ряду.

крюч<к<'а → 1) с крючка, 2) из крючка;

рв<а<л<'а<сь → со>рвалась → сорвалась с крючка;

т<'а → 1) котор-ая, 2) котор-ой, 3) котор-ых → та, которая сорвалась;

сам → 1) сам<ой, 2) сам<ых;

крупн<ой → самой крупной;

пойма<нн<ых → из пойманных → из пойманных рыб;

бы<ва<ет.

Из полученных фрагментов складывается фраза: *Самой крупной из пойманных рыб бывает та, которая сорвалась с крючка*. Однако не использованным пока

остается наречие *всегда*. Оно легко вписывается перед глагольной связкой *бывает* или после нее.

Основной раздел содержит 60 заданий на расшифровку пазлов. Каждое задание представляет, как правило, представляет одну «рассыпанную» фразу; несколько заданий – из двух, тесно связанных по смыслу фраз.

В разделе «Приложение» приводится нумерованный перечень текстов (фраз), подвергшихся расчленению на пазлы – с 1-го по 60-й, по числу заданий. Однако оценить расшифровку преподаватель сможет и без сверки с перечнем – по критериям: а) понятность и логичность содержания получившейся фразы; б) соблюдение норм литературного языка; в) исчерпанность и предельность заданного набора морфем и знаков препинания.

Варианты предложения, связанные с отклонениями от оригинала в отношении порядка слов, следует считать верными, если они не искажают содержания оригинала (см. выше образец расшифровки).

В рукописи пособия «пазлы» размещены в клеточных таблицах. Такая верстка предполагается и для издания, поскольку она предусматривает не только конструирование речевых единиц (промежуточных или итоговых) в рабочей тетради, но и более удобный способ – разрезание скопированной таблицы на клетки и их последующее комбинирование – как в детской пазловой игре.

«Лингвистические пазлы» в качестве тренировочных упражнений приведут к наилучшему результату при изучении словоизменения и словообразования основных частей речи, структуры словосочетания и предложения. Они также могут быть использованы при подготовке к ЕГЭ для ответов на вопросы, требующих понимания языковых явлений.

S. A. Karpukhin

Samara National Research University

PRESENTATION OF A NEW STUDY GUIDE «LINGUISTIC PUZZLES»

The article discloses the contents of the author's innovational tutorial on Russian grammar, including the essence of the original educational technique: reconstruction of a phrase “scattered” into morphemes. The article also argues methodological novelty of the study guide, explains its targets, grounds and principles of assignments preparation; recommendations for their accomplishment are given. The target audience and purpose of the tutorial is defined as well.

Speech, phrase, word dividedness, morpheme, morpheme variants, word form, linguistic puzzles

УДК 811.161.1'373

В. А. Мельничук

Санкт-Петербургский государственный университет,

hatikva_gdola@mail.ru

ЗООНИМЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Статья посвящена лексико-семантическим трансформациям зоонимов в интернет-коммуникации. Попадая в формально открытое пространство интернета и становясь частью интернет-социолектов, зоонимы способны изменять общезыковое значение и коннотацию. Лексико-семантические изменения сопровождаются графическими, грамматическими и словообразовательными трансформациями.

Зоонимы, интернет-коммуникация, социолект, коннотация, лексико-семантический аспект

Зоонимы в русском языке отличаются высокой семантической активностью, так как «каждый зооним обладает, кроме основного номинативного значения, эмоционально-оценочным компонентом, лежащим в основе метафорического переноса или вторичной номинации» [6, с. 84].

В интернет-коммуникации, для которой в целом свойственно переосмысление традиционных образов, в последние годы закрепился ряд трансформированных зоонимов, развивших значения и коннотативные характеристики, отличные от общезыковых. К группе зоонимов, подвергшихся переосмыслению в языке интернета, можно отнести такие лексические единицы, как *котэ*, *мать-ехидна*, *алень*, *насикомые* (*насики*), *хомяки*.

Примечательно, что при формальной открытости интернет-пространства отдельные зоонимы (например, *алень*, *насикомые*) употребляются лишь на уровне тематических форумов, где возникают интернет-социолекты – социальные разновидности языка, в которых существуют лексические, грамматические и коммуникативные особенности, свойственные именно этому сообществу носителей языка. «Мамский язык» – один из наиболее развитых социолектов современного русского интернета, носителями которого являются матери и женщины, готовящиеся к материнству.

Именно на так называемых «мамских» форумах, в блогах и записях о материнстве активно функционирует композит-зооним *мать-ехидна*, который соединил в себе иронически переосмысленные представления о ехидне из античных мифов и библейских текстов, лингвокультурные стереотипы и общезыковые коннотации.

В древнегреческой мифологии ехидна – полуженщина-полузмея, одновременно прекрасная и ужасная, мать чудовищ – псов Орфа и Кербера, Лернейской гидры, Химеры, Сфинкса и Немейского льва. В Библии словом *ехидна* обозначается вид ядовитой змеи. Представление о ехидне как о пресмыкающемся отражено и в «Словаре русского языка XVIII в.»: ‘ядовитая змея. ... *Перен. и Образно.* Как символ злобы, коварства (по библейской легенде – ехидна, рождаясь, прогрызает утробу

своей матери)» [3, с. 87]. В Словаре Академии Российской *ехидна* также определена как змея, относящаяся к видам *Coluber Berus*, *Coluber vipera*, *Coluber ammodytes* (разновидности гадюки). Отдельные производные этого слова имеют переносные образные значения: *ехидный* – ‘вредоносный, вредительный, злый, злобный’, *ехидство* – ‘злость’, *ехидствую* – ‘ненавиствую, злюсь» [2, стл.1027].

В Словаре под ред. А. П. Евгеньевой слово *ехидна* толкуется так: ‘1. Небольшое австралийское однопроходное животное, покрытое иглами (зоол.). 2. Ядовитая австралийская змея. 3. перен. Злой, язвительный, коварный человек (*простореч., бран.*)» [4, с. 468]. Таким образом, толковый словарь, с одной стороны, отражает специальное значение в соответствии с зоологической терминологией, с другой стороны, поддерживает лингвокультурный стереотип о *ехидне* как виде змеи и отмечает образное значение зоонима, основанное на нем.

Следует сказать, что переносное значение, хотя и соответствует по своим признакам словам общего рода, но по данным Национального корпуса русского языка, согласуется с определениями лишь в женском роде: *Одна такая ехидна, как молодой Воеводин, вместе со своим кретином-папашей заслуживает внимания всех тех старых дураков, которые занимаются славистикой вамериканских университетах...*» (С. Довлатов. Последний чудаки. История одной переписки).

В современном церковном стиле слово *ехидна* обладает отрицательной оценочностью, сохраняя преемственность с употреблением этой лексической единицы в XVIII – XIX вв.: *<...> свидетельствуют приводимые святителем Игнатием следующие слова опытейшего наставника в духовной жизни преподобного Исаака Сирина: «<...> Каждая добродетель есть мать следующей за ней. Если оставишь мать, рождающую добродетели, и устремись к взысканию дочерей, преждевременно матери, то добродетели эти соделываются ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь». Для духовно неопытного сама мысль о том, что какая-то добродетель может оказаться преждевременной, тем более, смертельной для души «ехидной», покажется странной, если не кощунственной.* (А. И. Осипов. Ищущему спасения. Советы и предостережения).

Можно заключить, что *ехидна* в языковой картине мира носителей русского языка воплощает исключительно негативное начало, ассоциируясь со злом, ненавистью и вредительством. При этом в сохраняется связь с образом материнства, основанная, конечно, на древнегреческих мифах о *ехидне* как матери чудовищ и на предании о рождении *ехидн*: *Сегодня за обедом старая ехидна, искоса блеснув косым, по-матерински насмешливым взглядом на Ло <...> сказала: «Лучше не нужно, иначе у кого-то совсем закружится головка»* (В. В. Набоков. Лолита).

Эти же стереотипы воплощаются в следующем контексте, сыгравшем значительную роль в появлении композита *мать-ехидна* в «мамском» языке: *Женщина подобрела при виде денег.*

— *Не шибко я грамотна,* — сказала она примирительно, берясь за перо. *Евдокия и Павел стояли и смотрели, как она пишет.*

— *И напиши,* — сказала Евдокия властно, — *что ты от него отказываешься, что ты ему не мать, а ехидна.* *Женщина подписалась: «К сему Анна Шкапидар» и поставила завитушку. Евдокия взяла расписку и спрятала в шелковый платок, на дно сундука* (В. Панова «Евдокия»). Образность конструкции *ты ему не мать, а ехидна*, основанная на богатой лингвокультурной биографии слова, способствовала закреплению её в идиоматике русского языка после выхода фильма, поставленного

по мотивам повести В. Пановой «Евдокия». Значение этого идиоматического выражения вполне прозрачно: оно создает образ нерадивой, безответственной матери, безразличной к своему ребенку.

В языке «мамских» форумов конструкция *ты ему не мать, а ехидна* подверглась компрессии, образовав композит *мать-ехидна*. Противительные отношения, заданные в конструкции отношения сочетанием частицы *не* и союза *а*, заместились отношениями соединительными, указывающими на равноправие частей композита: *я ж мать-ехидна, кормлю ребса чем попало*. (Форум. А что ваш ребенок сегодня кушает? Для мам деток старше годика).

Семантика зоонима также оказалась переосмыслена, на что указывает метаязыковая рефлексия носителей «мамского» социолекта: *Традиционно считается, что мать-ехидна – это плохая мать. Но не ужасно кошмарная, что не может не радовать. Мать-ехидна не моет три раза в день пол в детской, не стерилизует грудь перед кормлением и не меняет памперсы каждые два часа с обязательным получасовым проветриванием попки. Кроме того, мать-ехидна не гуляет с ребенком пять часов в сутки, как велит ей добрый доктор Педиатр, а выкладывает отпрыска спать в коляске на балконе. Да, еще мать-ехидна изрядное количество времени проводит в Интернете, где набирается ехидства от себе подобных. Так гласит народная мудрость <...> мать-ехидна – это звание не уничижительное, а наоборот – почетное. <...> Да здравствует мать-ехидна – лучшая мать на свете* []. В. А. Марьянчик отмечает, что для эпохи постмодерна характерен аксиологический нигилизм, который проявляется «в полном отрицании ценностно-нормативного подхода к анализу культуры, в смещении позиций ценностей и антиценностей, в отрицании существования некоего аксиологического прототипа, в осознании современных ценностей как симулякров» [1, с. 35]. Именно отрицание традиционного, отношения к материнским обязанностям, восприятие гиперответственности матери в ироническом ключе трансформирует семантику зоонима *ехидна* и изменяет коннотацию с уничижительной на «почетную». Необходимо отметить, что переосмыслению подвергается и производное от зоонима слово *ехидство*. В приведенном примере оно утрачивает общеязыковое значение ‘злость, язвительность’, а приобретает семантику ‘особый опыт, свойственный ехиднам’, которая усиливается благодаря сочетанию с глаголом *набираться* (ср. фразеологизированное сочетание *набираться опыта*). Можно сделать вывод о том, что семантическая трансформация зоонима запускает сходный процесс в семной структуре его производных.

Графически трансформированный зооним *алень* представляет противоположное гендерное измерение – мужской социолект, сложившийся на форуме «Маскулист» (<http://masculist.ru/>). По определению словаря, составленного посетителями этого форума, *алень* – ‘терпила в отношениях с бабами. Отличается идеализацией отношений между полами, внушаемостью, наивной верой в женскую порядочность, недостатком самоуважения, готовностью поступаться своими интересами’ [7].

В следующем примере можно наблюдать, как измененная семантика расширяет словообразовательные возможности зоонима: *Алень – это мужчина, существующий в ложной системе координат. Он аленит, и ему внушают, что это круто, и это подпитывает его самооценку* [7].

Характерны следующие употребления этого зоонима:

- (1) *Столкновение с боевым благородным аленем в метро;*
 - (2) *Мозги ему в свое время хорошо, до стерильного состояния промыли. Что он — благородный алень, обязанный служить женщинам;*
 - (3) *Но не на того сегодня наткнулся благородный алень в метро. Он отправился сегодня из дома в надежде встретить объект для самоутверждения, а встретил МЕНЯ* [8].
- Очевидно, что в основе трансформация семантики происходит через ироническое обыгрывание стереотипного представления об олене как благородном животном. Эрративное написание (намеренное нарушение правил орфографии) усиливает экспрессивность этой лексической единицы и закрепляет новую узкую семантику и негативную коннотацию.

Г. Н. Трофимова пишет: «Интернет – это своеобразное увеличительное стекло, которое в силу своей инновационной привлекательности усиливает внимание ко всему, что там произносится <...> придает особый вкус виртуальному контенту и делает его модным у аудитории» [5, с. 297]. Со своей стороны добавим, что отмеченная притягательность проявляет себя как мощный импульс для лексико-семантических изменений, позволяя на очень коротком временном отрезке наблюдать исключительную энергию языка в действии на примере конкретных лексических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марьянчик В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
2. Словарь Академии Российской. СПб., 1794.
3. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. СПб.: Наука, 1992.
4. Словарь русского языка в 4-х томах. М.: Русский язык, 1999. Т. 1 – 4.
5. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М., РУДН, 2011.
6. Тургунаева Г. А. Зоонимы в информационно-рекламных текстах // Сборники конференций НИЦ Социосфера. Прага, 2014. № 37.
7. Мужской сайт «Маскулист». URL: <http://masculist.ru/>.
8. Столкновение с боевым благородным аленем в метро. URL: <http://blog.seventeenzero.name/life/stolknovenie-s-blagorodnym-alenem-v-metro.html>.

V. Melnichuk

Saint Petersburg State University

ZOONYMS IN INTERNET COMMUNICATION: THE LEXICAL AND SEMANTIC ASPECTS OF FUNCTIONING

The article is devoted to the lexical and semantic transformations of zoonyms in the internet-communication. When a zoonym enter the formally opened space of internet communication and become a part of internet-sociolects it is able to transform its common language meaning and connotation. Lexico-semantic changes are usually supported with transformations of graphics, grammar and word formation.

УДК 808.5:372.46

И. А. Митрофанова

Санкт-Петербургский государственный университет,
a_blum@mail.ru

РИТОРИКА КАК НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ К ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается проблема обучения учащихся старших классов пониманию/порождению текста. Констатируется стремление учащихся формализовать написание сочинения в ЕГЭ по русскому языку и по литературе. Утверждается необходимость использовать на уроках русского языка в качестве базового метод риторики как науки, обучающей речемыслительной деятельности.

Риторика, текст, речеведение, старшие классы, сочинение

1) Многолетний опыт проверки ЕГЭ по русскому языку и литературе позволяет сделать следующий вывод. Трудности понимания учащимися предлагаемого (исходного) текста и порождения своего являются системными.

При написании ЕГЭ по русскому языку, анализируя исходный текст, учащиеся 11 класса затрудняются определить: к какому функциональному стилю он относится, кто является субъектом речи, как организуется речевая композиция текста. Не обращают внимания на лексические единицы и цитатные элементы, указывающие на время действия, время написания текста. Учащиеся приписывают автору поступки, совершаемые героем, путают героев, контаминируют 2-х героев в один образ. Так, был предложен фрагмент из романа М. А. Шолохова «Они сражались за родину», в котором действуют капитан Сумсков и автоматчик Николай Стрельцов. В сочинениях учащихся речь шла об одном лице – это был не единичный случай.

Как следствие учащиеся затрудняются в понимании авторского замысла – находят не ключевую, а периферийную проблему. Более того, искажают авторскую мысль до противоположной. Так, в сочинении по тексту из военной прозы К. М. Симонова про разведчика Школенко пишут о бесчеловечном поведении советских солдат на войне. Не улавливают иронию и другие виды авторской модальности.

Предлагаемый ФИПИ набор проблем исходного текста – показатель того, что экзамен рассчитан на школьников, не умеющих анализировать текст; на приблизительность их понимания содержания текста.

Включаемые в КИМы вопросы по тексту подразумевают выполнение учащимися формальных операций верификации («Какие из высказываний не соответствуют содержанию текста?»), идентификации («В каких предложениях использованы синонимы?»). Формализовано до речевого шаблона задание № 25: предлагается вставить в готовое, содержащее примеры из исходного текста высказывание названия соответствующих примерам средств выразительности.

На ЕГЭ по литературе предлагаемые учащимся КИМы варьируют ограниченный набор однотипно сформулированных вопросов, которыми проверяется знание терминов теории литературы («Как называется прием «очеловечивания» явлений природного мира, к которому прибегает А.С.Пушкин, рисуя образ «последней тучи рассеянной бури»?». Умение на них отвечать легко формируется в процессе подготовки к ЕГЭ, однако они не подготавливают понимание экзаменуемым предложенного в КИМе фрагмента/текста произведения.

Более того, как представляется, в формат экзамена по литературе заложено неразрешимое противоречие. Для 5-ти сочинений КИМа формулируются вопросы, содержательные ответы на которые подразумевают развернуть речь в большом объеме, между тем от учащегося ожидается лаконичный ответ. Учащийся поставлен в необходимость осуществлять компрессию порождаемого им текста.

В 4-х заданиях рекомендован ответ в объеме 5-10 предложений. В формулировке задания отмечено, что указание на объем условно. Однако следует признать, что данная оговорка носит формальный характер при требованиях к ответу, прописанных в критериях проверки. Так, задание на сопоставление предполагает: «произведения сопоставлены с предложенным текстом в заданном направлении анализа, авторская позиция не искажена»; «для аргументации тексты двух выбранных произведений привлекаются на уровне анализа важных для выполнения задания фрагментов, образов, микротем, деталей и т.п.».

Например, дается вопрос: «В каких произведениях русской литературы изображены герои, вступившие в непримиримый конфликт с обществом, и в чём они могут быть сопоставлены с главным героем романа М. Ю. Лермонтова?» Как оценить следующий ответ учащегося?

«В романе «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова главный герой Печорин вступает в непримиримый конфликт с обществом, однако это далеко не единственное такое произведение.

В комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Чацкий также вступает в конфликт с обществом. Образованный и интеллигентный, он сформировал свои взгляды самостоятельно и теперь не способен примириться с консервативным московским обществом, которое в учении видит корень зла.

В конфликт с обществом вступает и героиня пьесы Островского «Гроза» Катерина. Она абсолютно не может жить в тех порядках, которые устанавливает семья мужа. Её конфликт настолько неразрешим, что для нее выходом становится самоубийство.

Конфликт с обществом – это характерная черта произведений периода романтизма, хотя встречается не только в них. Поскольку Лермонтов – поэт-романтик, то конфликт с окружающим миром встречается у него почти в каждом произведении».

Учащийся явно обучен формулировать ответ с выполнением требований абзачного членения, повтора ключевых слов, краткого обоснования выбранных для сопоставления произведений. При этом его ответ не может удовлетворить по существу. Однако в ситуации экзаменационного лимита времени и рекомендуемого объема трудно ожидать от учащегося более содержательного высказывания. Таких ответов большинство. Со всей определенностью следует констатировать, что в само задание заложена большая степень вероятности поверхностного его выполнения.

Прозвучит возражение, что есть ответы творческие, свидетельствующие о глубоких, обширных познаниях пишущего. Действительно, есть, но они единичны. Так же как есть учителя, способные обучить способных учащихся написанию индивидуальных, «филологических» сочинений в требуемом формате. Но речь должна идти об обучении всех старшеклассников общеобразовательной школы индивидуальной речемыслительной деятельности, направленной на постижение произведения литературы.

Для написания большого сочинения в задании № 17 редко предлагаются локальные темы (по конкретному эпизоду). Чаще формулируются вопросы, относящиеся к произведению в целом: «Какой путь нравственного возрождения России подразумевает Н.В. Гоголь в поэме «Мёртвые души»?»; «Каким образом Ф.М. Достоевский “развенчивает” идею главного героя своего романа»?»; «Как Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» отвечает на вопрос: “Какая сила управляет всем?”». В критериях проверки значится, что «экзаменуемым рекомендован объем не менее 200 слов». Реально ли написать серьезный ответ на вопрос, подобный процитированному, в тексте данного объема и сложности следующие требования: «тема раскрыта глубоко, многосторонне, авторская позиция не искажена»; «для аргументации суждений текст привлекается на уровне анализа важных для выполнения задания фрагментов, образов, микротем, деталей и т.п.»?

2) В последние десятилетия общеобразовательная школа как будто обрела новые подходы в обучении пониманию/порождению текста. Учителя, методисты, исследователи указывают на смену образовательной парадигмы, обусловленную введением в школьное образование речеведческих дисциплин, произошедшую на рубеже XX–XXI вв.

В 1990-е гг. в теоретическое наполнение курса русского языка были включены основы лингвистики текста, функциональной стилистики, стилистики текста. «Внимание к теоретическим основам развития связной речи привело к включению в учебник для основной школы сведений об актуальном членении предложения <...> о речевых жанрах в рамках изучения определенного функционального стиля, о средствах выразительности различных уровней языка» [7, с. 176].

В первом десятилетии XXI в. речеведческие дисциплины системно закрепились в школьных учебниках. «Этому способствовала связь целей обучения с формированием коммуникативной, лингвистической и культуроведческой компетенций и содержание требований к уровню подготовки выпускника в Проекте Федерального образовательного стандарта для полной общеобразовательной школы (2004), а также включение в задания тестов ЕГЭ элементов аспектного лингвистического анализа и сочинения-рассуждения на основе заданного текста» [7, с. 176–177].

Другое дело, что сохраняется дисбаланс в реализации принципа взаимообусловленной связи теории с практикой. Характерное для учебников доминирование теории над практикой восполняется рабочими тетрадями, «решебниками» и пр. Однако наличествующая в самих учебниках система заданий не направлена на освещаемый в них речеведческий, коммуникативный подход к анализу текста как подготовительный этап для написания своего.

Так, учебник «Русский язык 10–11 класс. Базовый уровень» А. И. Власенкова, Л. М. Рыбченковой (2009) объемно освещает проблемы текста в разных аспектах речеведения. Между тем задания направлены на отработку отдельных умений: в

одном – требуется определить «тему и основную мысль», в другом – объяснить «членение на абзацы». Отсутствуют задания по целостному анализу текста, дающие учащемуся возможность наглядно уяснить механизм речепорождения. Раз методика таких заданий не закреплена в учебнике, задача ложится на плечи учителя. С другой стороны, задания на продуцирование речи не систематизированы и производят впечатление случайных. № 207: «Попробуйте написать проблемный очерк на тему “Счастье – как я его понимаю?”» [2, с. 155]. № 225: «Напишите краткий очерк или сочинение-репортаж на самостоятельно избранную тему» [2, с. 168]. В подобных приблизительных формулировках сами указания на жанры противоречат предлагаемой теме и объему речи.

Тогда как общеизвестно, что «теоретический материал по речеведению должен послужить основой формирования навыков лингвостилистического анализа текста и создания собственных высказываний различного жанра и стиля» [7, с. 179].

Данное положение дел усугубляется внешними обстоятельствами: «преподавание русского языка осуществляется в настоящее время в условиях расшатывания его норм» [9, с. 678]; «учащиеся небрежно относятся к освоению родного языка, так как владение им не является достаточно престижным в обществе» [9, с. 679]. Современная речевая практика диктует необходимость включать в речеведческую компетенцию изучение рискогенных зон: «Одной из причин социальных и профессиональных рисков в общении является неправильная, не соответствующая коммуникативным намерениям автора интерпретация адресатом информации или неточность, неопределенность самой сообщаемой информации [5, с. 15]. «Наше время создало серьезные причины беспокойства за судьбу языка: формализация школьного преподавания, нередко сведённого к подготовке сдачи ЕГЭ, в СМИ засилье модных слов, утрата привычки к чтению истинно художественной литературы, развитие общения через Интернет, породившее спонтанность письменной речи, кардинально изменив её сущность (возможность обдумывания и черновика)» [8, с. 12-13]. Ученые М. А. Кормилицына и О. Б. Сиротина анализируют медиадискурс, однако приведенные суждения определяют и ситуацию с ЕГЭ.

3) Чтобы в конечном итоге научить школьников индивидуальному пониманию/порождению текста, необходимо вернуться к идеям, выдвинутым в начале XXI века.

На рубеже XX–XXI вв. прошел ряд конференций (в том числе имевшая резонанс международная конференция в Санкт-Петербургском государственном горном институте под председательством В. В. Кудряшовой, заведовавшей кафедрой русского языка), появились публикации, в которых научно-методической основой школьного и вузовского речеведения объявлялась риторика. Так, И. А. Громов в рецензии на книгу В. Н. Мещерякова «Жанры школьных сочинений. Теория и практика написания» (1999) писал, что новый для современной школы предмет «речеведение» учит, КАК писать, КАК читать [4].

В 1999 г. в Барнауле прошла 1-я Всероссийская научно-практическая конференция «Лингвистика и школа» [6], на которой Н. Д. Голев представил концептуальный доклад о необходимости смены образовательной парадигмы: формально-грамматическую образовательную модель должна сменить коммуникативная, соответствующая главному предназначению речи. Новая лингводидактическая тенденция должна закрепить «модель, ориентированную на

практическое владение речью, на искусство владения речью, именуемое риторикой в широком современном смысле» [3].

Таким образом, возобладала точка зрения о необходимости утвердить статус риторики как фундаментального учения о речи в средней и высшей школе. Риторика выработала методiku, обучающую развивать мысль о предмете в слове, и поэтому является основой корпуса речеведческих наук: «Объем риторики – это подтверждается классической традицией – не должен ограничиваться частными проблемами элоквенции или ораторского искусства. Современная риторика – учение о порождении и реализации высказывания на всех этапах его создания и исполнения» [1, с. 12].

На курсах подготовки к ЕГЭ по русскому языку выяснилось, что на первом этапе работы с исходным текстом – понимание проблемы – учащиеся не проделывают анализ текста, но накладывают готовую (имеющуюся в наборе речевых шаблонов) проблему на текст. Поэтому обучение было направлено на формирование навыка целостного анализа текста.

Например, в качестве исходного текста предлагался фрагмент из повести Б. Л. Васильева «Завтра была война»: «Групповой портрет с классным руководителем в центре». Монологическое высказывание автора начинается описанием фотографии, в которую он всматривается долго («часами смотрю») и не в первый раз. Всматривание сопровождается размышлением, которое на словах «из 45 человек до седых волос дожило 19» пробуждает воспоминание. Организованное противопоставлением «не хочется вспоминать» – «я помню», оно не спонтанно, но подчинено какой-то мысли. Речевая форма повествования усваивает исторические реалии, благодаря которым автор передает атмосферу эпохи: «челюскинцы», В.П. Чкалов, И.Д. Папанин, «встреча испанских детей». Единственная цитата из школьной программы актуализирует героические смыслы стихотворения «Бородино». Первая часть текста заканчивается возвращением к начальной ситуации «Я смотрю на выцветшую фотографию», но уже на другом уровне развития мысли: «Хочу понять. Ведь никто же не хотел умирать, правда?». Авторская мысль, вызванная созерцанием фотографии, пробудившим воспоминание, направлена на его отношение к смерти товарищей.

2-я часть интимизирует изложение обращением автора к одному из одноклассников («Улыбнись мне, товарищ»). Моделируется воображаемый диалог между «я» нынешним и собой, своими друзьями той поры. Сопоставляется миропонимание себя тогдашнего и теперешнего в отношении к смерти. В 3-ей части через настоящее время своей жизни автор совершает переход к поколению молодых. Сравнение поколений подытоживают два суждения: 1-е – хорошо, что они не знают войны. 2-е – если узнать придется, то пусть они будут такими же. Утверждается мысль, что для эпохи войны мировосприятие поколения, к которому принадлежал автор, было правильным.

Возобновляющееся в 4-ой части воспоминание призвано прояснить это мировосприятие. Автор делает изложение многосубъектным и объемным: вводит имена собственные, элементы чужой речи, уточняет подробности своей судьбы. Эта насыщенная деталями часть передает настроение воодушевления и положительную оценку жизни. Завершающий текст абзац возвращает изложение к исходной точке («Я часто вспоминаю»), чтобы авторская мысль теперь вышла на новый уровень. Он маркирован новыми речевыми приемами: речь становится взволнованной

(анафорический повтор «Мы»). Чтобы подготовить ответ на вопрос конца 1-ой части («Хочу понять. Ведь никто же не хотел умирать, правда?»), автор вербализует ценности жизни своего поколения (готовность к личному подвигу, желание победы). Развернутая метафора позволяет автору передать трагическую и героическую экспрессию мысли о том, что смерть поколения принесла победу.

Подобного рода аналитический комментарий, последовательно оговаривающий элементы речевого материала, раскрывает коммуникативный замысел автора. Он показывает учащимся разнообразные авторские коммуникативные тактики, речевые приемы, использование которых собственно и помогает порождать собственный текст.

Итак, по-видимому, в настоящее время возобладала следующая тенденция: на ЕГЭ по русскому языку и литературе учащиеся стремятся применять речевые шаблоны как на стадии понимания предлагаемого текста, так и на стадии порождения собственного. Этому способствуют предлагаемые в КИМах формализованные задания по тексту, а также вопросы, содержательный объем потенциальных ответов на которые больше, чем большинство реальных ответов. Данную тенденцию может переломить риторический подход к обучению учащихся письменной форме речепорождения. Отработанные риторикой методики раскрывают авторский замысел в реализующих его речевых действиях и приемах, знание которых помогает учащемуся продуцировать собственную индивидуальную речь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннушкин В. И. О современном состоянии русской риторики как науки и учебной дисциплины // Риторика в системе коммуникативных дисциплин / Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет). СПб., 2005. (Записки Горного института. Т. 160. Ч. 2).
2. Власенков А. И., Рыбченкова Л. М. Русский язык. 10–11 класс. Базовый уровень. М., 2009.
3. Голев Н. Д. Речеведение и риторика как основа содержания школьного курса «Русский язык». URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z39.html>.
4. Громов И. А. Нужно изучать речеведение. Рец. на кн.: Мещеряков В. Н. Жанры школьных сочинений. Теория и практика написания. М.: Флинта, 1999 // Русский язык. 2001. № 14. URL: <https://rus.1september.ru/article.php?ID=200101403>.
5. Кормилицына М. А. Как помочь адресату правильно интерпретировать сообщение? // Проблемы речевой коммуникации. Саратовский нац. исслед. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. 2014. № 1.
6. Лингвистика и школа. Материалы 1-ой Всерос. научно-практич. конф. / Под ред. Л. Б. Парубченко. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2001.
7. Рябухина Е. А. Речеведение в курсе русского языка для старшеклассников: Методич. аспект // Преподаватель XXI век. 2011. № 3.
8. Сиротинина О. Б. Борьба с рискогенностью общения как одна из проблем речеведения // Проблемы речевой коммуникации. Саратовский нац. исслед. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. 2014. № 1.
9. Ямалетдинова А. М. Школьный курс русского языка: Актуальные проблемы преподавания // Вестник Башкирского ун-та. 2010. Т. 15. № 3.

I. A. Mitrofanova

Saint-Petersburg State University

RHETORIC AS RESEARCH AND METHODOLOGICAL FOUNDATION OF STUDENTS' PREPARATION FOR THE STATE EXAM IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

The article deals with the issue of teaching high school students how to comprehend and produce a written text. It is observed that students strive to formalise essay writing techniques for the state exam in Russian and Literature. It is claimed that there is a necessity to use rhetorical methods as a basis for teaching verbal and cogitative activity.

Rhetoric, text, speech studies, high school, essay

УДК 811.161.1

О. В. Муран

Университет иностранных языков «Хангук» (Республика Корея),

olga_muran@mail.ru

ПРАГМА-ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЧЕВОГО АКТА "ВОЗРАЖЕНИЕ" В РУССКОМ НАУЧНО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлено описание языковых средств, обеспечивающих реализацию интенциональных значений в экспрессивном речевом акте «Возражение» в научно-филологическом учебном дискурсе и выступающих в роли дискурсивных маркёров в процессе письменной научной коммуникации. Они представляют собой актуальный методический материал для обучения иностранных филологов-русистов такому виду продуктивной речевой деятельности как письмо.

Письменная научная коммуникация, научно-филологический дискурс, прагматический аспект текста, речевая интенция, «экспрессивы», текст-возражение

Лингвистический учебный текст как средство хранения и передачи дисциплинарного знания (в нашем случае это текст учебников по синтаксису русского языка), зафиксированный в графических знаках, является коммуникативной единицей сферы письменного научного общения в её учебно-профессиональной разновидности.

Отправитель хорошо подготовленного научного текста, в частности, текста учебника, отвечающего правилам создания любого текста (см., например, правила Грайса)[6] упорядочивает все его элементы таким образом, чтобы создать максимально гибкую и информационно богатую структуру, которая, постепенно разворачиваясь перед реципиентом в ходе акта коммуникации, будет влиять на его научную и мировоззренческую концепцию в целом.

Адекватная, семантически эквивалентная научная информация организуется авторами учебно-лингвистических текстов **в высшей степени индивидуально**, что объясняется фактором субъекта речевых действий, фактором адресата и фактором описываемого объекта, который принадлежит одной из «самых гуманитарных» областей научного познания – языкознанию.

Автор учебного текста, и учебно-филологического текста, в частности, будучи участником триединого акта коммуникации **адресант-текст-адресат** создаёт свой текст **исключительно** с учётом предполагаемой аудитории читателей – студентов языковых вузов и, естественно, с целью реализации своих интенциональных задач.

В этом и заключается **прагматический аспект** научного текста, в частности текста научно-филологического в его учебном варианте.

В рамках прагмалингвистики разными исследователями (Дж. Остин, Дж.Р. Сёрль, Ю.Д. Апресян., И.П.Сусов и др.) были разработаны несколько классификаций речевых актов, которые не исключают, а большей частью дополняют и модифицируют друг друга.

Однако мы полагаем, что наиболее разработанной, обоснованной, компактной и последовательной до сих пор остаётся таксономия иллокутивных типов высказываний Дж.Р.Сёрля. Выделенные Сёрлем пять основных типов иллокутивных актов полностью репрезентируют различаемые и другими авторами следующие типы речевых актов:

1. Репрезентативы
2. Директивы
3. Декларативы
4. Комиссивы
5. Экспрессивы

Предметом нашего исследования в данной статье являются тексты **экспрессивы**, в частности, **текст-возражение**.

Цель данной статьи – **продемонстрировать**, как, с помощью каких языковых средств реализуется этот речевой акт в сфере научной письменной коммуникации, **описать** языковые средства, которые представляют собой практический материал для методической их интерпретации.

Материалом для анализа послужили тексты учебных пособий по предметному курсу для студентов-русистов «Синтаксис русского языка» по теме «Односоставные предложения». В статье будут представлены образцы исследованных нами текстов следующих авторов:

Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю.
Белошапкина В.А.
Валгина Н.С.
Гвоздев А.Н.
Лекант П.А.
Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А.
Скобликова Е.С.
Шахматов А.А.

Исследовательским инструментом для выявления прагматических (интенциональных) видов речевых актов научно-филологического (учебного) дискурса является разработанный нами методический аппарат **прагма-семантического анализа**, предложенный сначала для исследования научного текста,

но впоследствии мы стали применять его и в российской студенческой аудитории, и в аудитории корейских магистрантов и аспирантов для изучения текстов в научном, публицистическом и деловом стилях речи.

Важнейшим и заключительным звеном данного анализа является **определение вида интенции**, мотивирующей речевой акт как элементарную единицу общения, воплощённой в интенциональном значении, которое имеет эксплицитные и имплицитные способы языкового выражения и выступающей организующим началом в многослойной содержательной структуре научного текста.

Текст-возражение организуется интенцией **возразить**, т.е. "заявить о своём несогласии, сделать возражение [11, с. 84].

"Возражение", по более точной формулировке Н.И.Кондакова, - это "мотивированное отрицание (отклонение) какой-либо мысли, какого-либо положения, утверждения, предложения; высказывание, в котором излагается несогласие с кем-либо или с чем-либо; опровержение чьего-либо мнения" [7, с. 91].

"Возражение" в учебно-лингвистическом тексте, в основном, имеет место в тех случаях, когда та или иная проблема ещё не нашла своего окончательного решения в науке, что даёт возможность автору возразить уже существующему мнению и предложить свой вариант, с привлечением собственных доводов и аргументов. Как показывают результаты анализа исследуемых текстов, авторы опровергают:

а) существующие (или появляющиеся) концепции, трактовки того или иного вопроса, например:

Такая трактовка семантики сказуемого вызывает возражение, так как по существу в сказуемом раскрываются не признаки подлежащего, а признаки предмета речи (мысли). Именно на этом свойстве сказуемого строятся загадки [1, с. 91].

Следуя сформулированному нами определению неполного предложения, нельзя согласиться с такой трактовкой данных предложений. Во-первых, для них характерна смысловая полнота и определённая независимо от контекста. Во-вторых, входящие в них члены предложения грамматически не связаны с какими-либо словами в контексте. Наконец, указанные конструкции не могут быть непосредственно сопоставлены с определёнными глагольными предложениями в качестве полного и неполного вариантов конкретного предложения [8, с. 156].

Авторы выражают возражение высказываниям, связанным с:

б) квалификацией языкового объекта, например:

В прошлом односоставные определённо-личные предложения часто рассматривались как неполные предложения, в которых опущены местоимения-подлежащие. Но признавать их неполноту нет оснований не только вследствие наличия в них завершённого значения, не требующего никаких дополнений, но и вследствие обычности и широты их употребления в языке [5, с. 87].

Не все грамматисты выделяют инфинитивные предложения в особый разряд односоставных предложений, считая, что они могут быть включены в состав безличных предложений с глагольным сказуемым.

Однако инфинитивным предложениям присущ ряд особенностей, ограничивающих их от безличных предложений: ... [12, с. 418];

Однако в большинстве случаев слова на -о типа легко, трудно, интересно, бесполезно, хорошо, приятно, смешно, стыдно, страшно, поздно, рано, далеко в

сочетании с инфинитивом образуют всё-таки не двусоставную, а безличную конструкцию [14, с. 121].

Авторы не согласны с:

в) **существующими мнениями о сфере функционирования языкового объекта:**

Однако нельзя утверждать, что неопределённо-личные предложения встречаются только в разговорной речи. Некоторые из них употребляются в речи деловой, в объявлениях, информациях [3, с. 169].

Как видно из примеров, в тексте-возражении, как правило, сомнению и опровержению подлежат такие типы предметной семантики как **исследовательская концепция** (трактовка вопроса) и **сфера функционирования языкового объекта**.

Лингвистическое обеспечение текста-возражения представляет собой следующий состав:

1. Лексические способы выражения возражения:

- эксплицитно выражающие несогласие глагольные словосочетания, например: *вызывает возражение, нельзя согласиться, нельзя утверждать;*

2. Лексико-семантические способы выражения возражения:

- противительные союзы *однако, но* ;
- частицы противопоставления *всё-таки, же* (в частности, в составе устойчивого сочетания *в действительности же*);

3. Стилистическими приёмами выражения интенции **возражения** являются и такие средства, как ирония и риторический вопрос.

По поводу неверного, с точки зрения возражающего автора, понятия, принципа, тезиса иногда употребляются иронические замечания, также и в форме вопроса, например:

А что, если при защите "морфологического" принципа использовать термин "сильная позиция"? Сильная позиция - понятие, которое не существует без понятия "слабая позиция". Слабая позиция - та, в которой нейтрализованы фонемы. Включить в объяснение понятие "сильная позиция" - значит признать, что ответить на поставленный вопрос (почему не дупы) (речь идет о слове «дубы» - прим. авт.) без помощи фонологии нельзя [2, с. 159].

В числе других авторских способов модификаций выражения **возражения** отметим следующие:

1. *На это, однако, заметим ... [16, с. 52];*

2. *...признавать ... нет оснований [5, с. 87];*

3. *...но это нельзя считать единственно возможным [2, с. 673].*

Несмотря на невысокую частотность речевого акта «Возражение» в учебных пособиях (а это вполне объяснимо - ведь учебник передаёт уже сформировавшееся знание), на наш взгляд, его прагма-дидактический потенциал должен получить соответствующую оценку в практике обучения языку специальности: будущий филолог обязан владеть средствами выражения как категорического, так и некатегорического возражения в сфере профессиональной письменной и устной коммуникации.

В обязанности будущего филолога в его познавательной деятельности должны входить, во-первых, распознавание различных интенциональных задач путём усвоения семантического материала и, во-вторых, усвоение способов, с помощью которых автор передаёт своему реципиенту необходимые знания. Следовательно,

учащиеся, студент или магистрант, обязаны научиться при создании собственных научных текстов не просто списывать материалы учебника, а уметь в своём научном сочинении, например, **определить** или **представить языковой объект или функции языкового объекта**, а, значит, он должен быть знаком с таким классом речевых актов как **репрезентативы**.

Он должен уметь **давать оценку** тем или иным языковым фактам или **подтверждать свою мысль** с помощью речевого акта «**цитировать**» и уметь вводить в свой текст необходимую цитату. Круг реализуемых авторами интенциональных значений в учебных пособиях весьма широк. В данной статье речь шла о речевом акте «Возражение». Филолог-специалист должен уметь и **возражать**, когда будет участвовать в профессиональной научной дискуссии на какой-нибудь конференции, следовательно, он должен овладеть способами реализации таких интенций как «**возражать**», «**не соглашаться**», отстаивая ту или иную свою точку зрения в собственном исследовании и т.д.

В заключение ещё раз подчеркнём, что привлечение аппарата прагматики в качестве методического инструментария является важным, существенным звеном в организации эффективного учебного процесса, нацеленного на формирование у будущих корейских русистов навыков и умений письменной речи, являющихся основой продуцирования ими собственных текстов разных жанров – от простой аннотации до магистерской или докторской диссертации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Пунктуация. Ч.III – М.:Просвещение,1981.
2. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис.- М.:Высшая школа,1977. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка.-М.:Наука, 2011.
3. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Синтаксис. – М.:Просвещение. – 1973.
4. Грайс Г. Логика и речевое общение //Новое в зарубежной лингвистике. М.,1985, Вып.16.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник.- М.:Наука, 1975.
6. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.:Высшая школа,1986.
7. Наер В.Л. Прагматика научных текстов [вербальные и невербальные аспекты]. – Л.:1986.
8. Муран О.В. Русская устная речь: Стилистика. Культура речи. Риторика:учебное пособие. – Сеул, Hankuk University of Foreign Studies, Press, 2008. – 207 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.:Русский язык,1988.
10. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова, М.А. Современный русский язык. – М.:Высшая школа, 1991.
11. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? Косвенные речевые акты;Классификация речевых актов. - //Новое в зарубежной лингвистике, Вып.17.- М.,1986.
12. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. – М., 1979.

13. Формановская Н.И. О коммуникативно-семантических группах и интенциональной семантике их единиц. Языковое общение и его единицы. – Калинин:Изд-во Калининского ун-та, 1986.

14. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. –Л.,1941.

15. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник/Отв. редактор М.И.Панов; сост. М.И.Панов, Л.Е.Тумина. – М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп, 2005.

O.V. Muran

Hankuk University of Foreign Studies (Republic of Korea)

This work was supported by Hankuk University of Foreign Studies Research Fund of 2018.

PRAGMA-DIDACTIC POTENTIAL OF THE SPEECH ACT "OBJECTION" IN RUSSIAN SCIENTIFIC-PHILOLOGICAL DISCOURSE

The article describes the language tools that provide the implementation of intentional values in the expressive speech act "Objection" in the scientific and philological educational discourse and act as discursive markers in the process of written scientific communication. They are an actual methodical material for teaching foreign students such a form of productive speech activity as the creation of writing.

Written scientific communication, scientific-philological discourse, pragmatic aspect of the text, speech intention, «expressives», text-objection

УДК 81

О. Н. Орлова

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
on76@yandex.ru*

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Анализируются особенности изучения русского языка как иностранного в контексте глобализации образования. Для выявления их дается определение понятия «глобализация», процессу глобализации образования, выявляются особенности глобализации образования на современном этапе, особенности изучения иностранного языка в контексте глобализации образования, далее акцентируется внимание на изучении именно русского языка как иностранного в контексте глобализации образования.

Глобализация, глобализация образования, иностранный язык, изучение иностранного языка, русский язык как иностранный

Глобализация как процесс, происходящий во всем мире, - это одна из основных сил, которые оказывают огромное влияние на все без исключения сферы жизни общества, в частности, и образование.

Одна из ключевых задач современного образования заключена в подготовке специалистов высокого класса для профессиональной деятельности в современном глобальном, интернациональном мире и управления процессами, инициированными человечеством и охватывающими практически все пространство нашей планеты, то есть глобальными процессами.

Итак, под глобализацией принято понимать интернационализацию и интенсификацию международных обменов, взаимозависимости и взаимоотношений. В определении ООН содержится следующая информация о понятии глобализации: глобализация является общим термином, который обозначает все более сложный комплекс трансграничных взаимодействий между физическими лицами, рынками и институтами, предприятиями, который является проявляемым в расширении потоков технологий, товаров и финансовых средств, в являющемся неуклонным росте и усилении влияния международных институтов гражданского общества, в глобальной деятельности транснациональных корпораций, в достаточно значительном расширении масштабов трансграничных коммуникационных и информационных обменов, в первую очередь, через сеть Интернет, в трансграничном переносе заболеваний и экологических последствий и во все большей интернационализации определенных типов преступной деятельности. [1, с. 56]

Глобальное образование на современном этапе является наиважнейшим средством гуманитаризации педагогических технологий и углубления междисциплинарных связей. Глобальное образование, безусловно, способствует приобретению кросс-культурной грамотности на основе знаний собственной национальной культуры и формированию отношения к людям с позиций общепринятых человеческих ценностей. [4, с. 107]

Глобальный характер изменений в образовании заключается в таких моментах, как:

1. обновление самих целей образования;
2. углубление индивидуализации образования;
3. акцент на профессионально-ориентированном обучении, которое в случае с иностранным языком представляет собой обучение, которое основано на учете потребностей обучающихся иностранному языку. Эти потребности обязательно должны согласовываться с особенностями будущей профессии обучающихся (здесь считаем важным отметить, что профессионально-ориентированное обучение иностранному языку является приоритетным направлением в настоящее время. [6, с. 111]);
4. развитие самоуправления и связи с общественностью;
5. расширение инновационных методов, как образования, так и самообразования, являющегося так же очень востребованным и актуальным на данный момент.

Итак, глобализация общества, потребность современной личности в достаточно быстрой адаптации к постоянно изменяющимся условиям поликультурного мира усиливают интерес преподавателей и методистов к предмету «Иностранный язык». Это связано, в первую очередь, с тем, что в связи с глобальными изменениями, которые происходят в жизни современного общества, изучение иностранного языка

как средства межкультурного общения в условиях диалога культур выступает важной задачей. [4, с. 107]

Растущий на современном этапе уровень глобализации рынка заставляет организации и компании уделять все наибольшее внимание именно международному развитию. Национальные организации и компании регулируют свои структуры и методы оперирования для расширения границ и изменения экономики. Они расширяют свою географию, затрагивая при этом сферу межкультурного общения, и им, соответственно, необходимы иностранные языки (английский, немецкий, французский и др.), потому что большинство из поставщиков таких организаций и компаний являются рассредоточенными по разным континентам, находятся в разных странах. [7, с. 213]

Таким образом, можно констатировать, что изучение иностранных языков в XXI веке стало не просто прихотью, а именно жизненной необходимостью. Знание иностранных языков в современном мире становится в особенности актуальным для людей, которые стремятся к успеху в выбранной ими профессии. Несмотря на большую значимость знания иностранного языка в профессиональной деятельности человека, в повседневной жизни оно также обладает огромным значением. [2, с. 12] Знание иностранных языков для современного человека – это свобода, в данном случае автор подразумевает свободу в прямом смысле слова, то есть как отсутствие ограничений. Ведь знание иностранных языков дает свободу передвижения, свободу общения, расширяет границы социального и культурного пространства.

В контексте глобального образования считаем необходимым рассмотреть некоторые из особенностей изучения иностранного языка. При преподавании иностранного языка, в первую очередь, необходимо обязательно учитывать специфику иностранного языка как учебной дисциплины. Наиболее часто основные трудности при изучении иностранного языка представляет не теоретическое усвоение правил, как можно подумать, а выработка соответствующих навыков и умений. В связи с вышеуказанным преподавателям иностранного языка необходимо, к примеру, использовать различные технические средства иными путями, нежели чем преподавателям других дисциплин. Применение таких дополнительных средств в случае с изучением иностранного языка является направленным в большей степени именно на выработку умений и навыков.

Иностранный язык является дисциплиной особого рода. Этот предмет резко отличается от большинства иных дисциплин, которые изучаются в высшей школе, вследствие чего перед преподавателем встает целый ряд разного рода проблем. Как мы выяснили, мотивацией овладения иностранным языком современных студентов служит, прежде всего, профессиональная потребность самого студента, готовящегося стать высококвалифицированным специалистом.

Автор настоящей работы согласен с Храмовой Ю.Н. и Хайруллиным Р.Д., которые считают, что «результат обучения языку – не усвоение языковых знаний, а сформированность у студентов практических навыков устной, письменной речи, аудирования, чтения, способности применять эти навыки для выражения своих мыслей, понимания содержания и смысла текста. Современные специалисты должны освоить иностранный язык на уровне практического владения. В реальной жизни каждый выпускающий специалист сталкивается с конкретной ситуацией на практике и через какое-то время понимает, что он совсем не умеет применять полученные знания, и ему приходится демонстрировать свою некомпетентность». [7, с. 212-213]

Таким образом, цель обучения русскому языку как иностранному в контексте глобального образования является заключаемой в развитии способностей студентов к межкультурному взаимодействию и к использованию изучаемого языка как инструмента данного взаимодействия. [4, с. 107]

Анализируя значимость изучения русского языка как иностранного, хотелось бы так же отметить важность изучения русского языка именно немцами. Это связано, в первую очередь, с темой русских мигрантов в Германии. Считаем необходимым в данной связи отметить, что на современном этапе осуществляется деятельность, которая направлена на повышение знаний среди потомков о родной культуре и языке. [3, с. 72]

Возвращаясь к анализу глобализации образования, отметим, что глобальное образование не отрицает существующее на данный момент содержание образования и не требует каких-либо кардинальных изменений в образовательном процессе, а выступает лишь как один из вариантов подготовки человека к жизни в современных условиях и дополнением к любому качественному образованию. Следовательно, использование идей глобального образования в учебных заведениях требует от преподавателей определенной корректировки, а порой и перестройки сознания, психологии, методических умений как преподавателя. [4, с. 108]

Таким образом, можно сказать, что глобально ориентированный курс иностранного языка обязательно должен затрагивать все аспекты жизни, в частности, культуру поведения и быта, уважение к чужим культурам, выразительность и красоту языка, восприятие красоты природы и воспитание бережного отношения к ней. Данному процессу, по мнению Кирилловой Т.С. и Одишелашвили И.Р. способствует установление межпредметных связей и, в первую очередь, связи между иностранным и русским языками, позволяющей формировать и в дальнейшем развивать коммуникативную культуру на родном и иностранном языках. В данном контексте нужно, по мнению указанных авторов, чтобы в глобально-ориентированных учебниках по иностранному языку нового тысячелетия, кроме обилия различных материалов страноведческого характера, содержались так же рубрики, которые будут побуждать обучающихся к активному поиску аналогичной информации о собственной стране, ее анализу, выводам об особенностях влияния ее геополитического положения на жизнь людей, а также к осознанному выбору фактов, позволяющих иностранцам лучше понять народ, чей язык изучается. Подобный подход повышает не только лишь качество образования, но так же и благотворно влияет на мотивацию обучаемых и способствует формированию у них национального самосознания, так как считается, что личность через изучение родной и иноязычной культур учится осознавать свое место в глобальных процессах, прослеживать культурные сходства между представителями разных культурных групп в государствах изучаемых языков, расширяя таким образом рамки своей этнокультурной и языковой принадлежности, а также принимать активное участие в действиях, которые направлены против культурной дискриминации и агрессии. [4, с. 108]

Отметим так же и то, что в условиях глобализации образования в России в современных условиях обучение русскому языку как иностранному проводится, помимо прочего, при помощи беспереводных коммуникативных методов в группах учащихся с разными родными языками. Иностранцам, которые проживают на родине и не имеют возможности приехать в Россию, но желают подготовиться к экзамену по

русскому языку у себя на родине, к поездке в Россию для деловых контактов, а также которые стремятся научиться читать, писать и понимать по-русски, общаться в русскоязычных социальных сетях, есть возможность воспользоваться дистанционным курсом изучения русского языка по скайпу или видео. Однако все же классический вариант обучения, так называемое обучение «глаза в глаза» и на настоящий момент продолжает оставаться все же наиболее эффективным приемом, который позволяет иностранным учащимся не только лишь изучить лексические, фонетические, стилистические и грамматические особенности русского языка, но через его систему постичь и ментальность его носителей, и национальную картину мира, сквозь которую просвечивает такой сложный, но такой прекрасный язык. [5, с. 206]

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение русского языка как иностранного в контексте глобализации образования предполагает обучение, исходя из новых целей образования и использование новых методов обучения, однако ни в коей мере не отвергает уже сложившуюся эффективную систему обучения, а лишь корректирует и дополняет ее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухтеева Е.Е. Анализ тенденций глобализации в образовании // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2013. № 22. С. 56-59.
2. Калинин А., Лученкова Т. Роль иностранного языка в жизни и профессии // В сборнике: Гуманитарное образование: история, традиции, перспективы сборник научных трудов. Елец, 2017. С. 10-13.
3. Каплунова М.Я. Языки международного общения в России как компонент культурного развития страны // Scripta manent. 2016. № 22. С. 64-77.
4. Кириллова Т.С., Одишелашвили И.Р. Изучение русского языка как иностранного в контексте глобального образования // Путь науки. 2014. № 5 (5). С. 107-108.
5. Парецкая М.Э. Некоторые особенности преподавания и изучения русского языка как иностранного на современном этапе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-3 (58). С. 204-206.
6. Статкевич Е. А. Профессионально ориентированное обучение студентов иностранному языку в неязыковом вузе // Инновационная экономика и общество. 2015. № 3 (9). С. 109-115.
7. Храмова Ю.Н., Хайруллин Р.Д. Роль иностранного языка в формировании современного специалиста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-2 (75). С. 212-214.

Olga Nik. Orlova

Polytechnic University of Peter-the-Great, Saint-Petersburg

STUDY OF RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION OF EDUCATION

The peculiarities of studying Russian as a foreign language in the context of the globalization of education are analyzed. To identify them, the definition of the concept of "globalization", the process of globalization of education, reveals the features of the

globalization of education at the present stage, the peculiarities of studying a foreign language in the context of the globalization of education, further focuses on the study of the Russian language as a foreign language in the context of the globalization of education.

Globalization, the globalization of education, a foreign language, the study of a foreign language, Russian as a foreign language

УДК 371.3:378:811.161.1

Е. Г. Полонникова

Санкт-Петербургский государственный университет,
katyapolonnikova@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ ИДИОМАТИЧЕСКИМ ЕДИНИЦАМ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ

Предлагается новый способ обучения иностранных учащихся русским идиоматическим единицам посредством поэтапного лингвистического анализа внутренней формы компонентов идиоматической единицы. Устанавливается значимость обучения идиоматике на занятиях по русскому языку как иностранному.

Социокультурная компетенция, внутренняя форма, идиоматическая единица, национальная картина мира

Глобализация, космополитизм, открытость – это черты современного мирового сообщества, готового к межкультурному обмену и сотрудничеству в разных сферах деятельности с представителями различных культур. Важным условием достижения успеха в сотрудничестве между данными представителями является превосходное владение языком и понимание культуры собеседника. Значение социокультурного компонента коммуникативной компетенции языковой личности становится доминирующим по отношению к языковому. В настоящее время уже отмечают тот факт, что ошибки культуроведческого и социокультурного характера считаются более грубыми по сравнению с языковыми и коммуникативными ошибками и значительно влияют на результат диалога культур. Поэтому для того, чтобы избежать коммуникативных неудач, необходимо уделять особое внимание формированию социокультурной компетенции на занятиях по иностранным языкам, и русскому языку как иностранному в том числе.

Под социокультурной компетенцией, как её определяет В. В. Сафонова, понимают «наличие знаний в различных социальных и культурных сферах, характеризующих страну, различные общества и социумы страны изучаемого языка и наличие умений адекватно применять эти знания в акте общения» [4, с. 3]. Таким образом, в состав социокультурной компетенции входят знания страноведческого, лингвокультурного, социолингвистического, психолингвистического и этического характера, а также умения строить своё речевое и неречевое поведение в

соответствии с культуроведческими нормами носителей изучаемого языка, проводить сопоставление фактов родной и изучаемой культур.

Изучение русской культуры на занятиях по русскому языку как иностранному происходит посредством изучения глубинных «кодов» культуры, воплощённых в языковой форме. При лингвострановедческом подходе (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, 1980) обучение строится от фактов языка к фактам культуры, а при лингвокультурологическом (В. В. Воробьев, 1997) – от фактов культуры к фактам языка. Оба подхода применяются на занятиях по русскому языку как иностранному, дополняя друг друга. Несмотря на разницу в организации предъявления, тренировки и закрепления материала, каждый из этих подходов подчёркивает значимость усвоения национально-культурных маркированных единиц, среди которых необходимо особо отметить идиоматические единицы.

Идиоматические единицы сохраняют национально-культурную память народа, «коды» общечеловеческой и национальной культур. Они конструируют способ мышления народа, формируют коллективное мировоззрение. Идиоматические единицы, согласно В. М. Мокиенко, – это «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [3, с. 5]. Они содержат свёрнутую ситуацию культурного характера, которая транслирует в неизменном виде образ мысли народа, его отношение к окружающей действительности, назидательную информацию.

К идиоматическим единицам относятся фразеологические сращения (собственно идиомы, например, *спустя рукава, попасть впросак*) с затуманенной внутренней формой, фразеологические единства (например, *водить за нос, первый блин комом, грызть гранит науки*) и фразеологические сочетания (например, *повесить нос, скалить зубы, закадычный друг*) с прозрачной внутренней формой; а также устойчивые сравнения (например, *глупый как пробка, пристать как банный лист, как снег на голову*), которые являются экспликаторами культурной информации в компаративной фразеологии, и паремии (например, *мал золотник да дорог, семеро одного не ждут*).

Значение идиоматических единиц отражается во внутренней форме. Она представляет собой образную ассоциацию, которую носитель языка безошибочно угадывает и соотносит с известным ему «кодом» родной культуры. Во внутренней форме идиоматической единицы просматривается содержание первоисточника, той ситуации, которая послужила толчком для возникновения данной идиоматической единицы. Внутренняя форма обеспечивает образно-ассоциативный способ восприятия мира и может быть раскрыта только в контексте изучения культуры народа. Как отмечал академик В. В. Виноградов, «внутренняя форма слова, образ, лежащий в основе значения или употребления слова, могут уясниться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов» [2, с. 17].

Экспрессивность национальной картины мира народа создается благодаря наличию внутренней формы, того «признака», по которому назван предмет и который описывает ситуацию действительности в идиоматической единице. Носители языка на бессознательном уровне способны выделить «признак» номинации и безошибочно определить значение и коннотации идиоматических единиц. Иностранные учащиеся не могут сравниться с носителями языка и должны владеть умениями анализа внутренней формы идиоматической единицы, языковой догадки с целью раскрытия

культурных смыслов, их верной интерпретации, которые необходимо формировать на занятиях по русскому языку как иностранному.

Задания с привлечением анализа внутренней формы идиоматической единицы помогут учащимся самостоятельно устанавливать значения идиоматических единиц в устном и письменном контексте, а также адекватно употреблять их в своей речи. Изучая новый язык, учащийся ошибочно отождествляет языковые единицы иностранного языка с единицами родного языка и зачастую пропускает культурную коннотацию, что вызывает ситуации непонимания иноязычной культуры. Анализ внутренних структур идиоматических единиц иностранного языка способствует эффективному усвоению этих единиц и тех «культурных смыслов», которые они несут. Развиваются языковая догадка и чутье. Формируются умения интерпретации культурно-национальных коннотаций идиом, заложенных во внутренней форме. Происходит понимание глубинных черт менталитета народа.

В ходе лингвистического анализа внутренней формы языковой единицы учащимся предъявляется идиоматическая единица в контексте (*Борис шёл домой, по привычке насвистывая песенку, но на душе у него скребли кошки*. «Повесть о юности», Г. Медынский) [5, с. 334]. Обозначив её в тексте, учащиеся смогут увидеть три компонента: «скрести», «кошки», «душа». Предварительно установив значения всех компонентов, они смогут представить в своём воображении ситуацию, которую описывает данная идиоматическая единица, и обозначить ведущий «признак» компонентов, составляющих её основу, то есть смогут выделить внутреннюю форму («скрести» – когти, боль, неприятные чувства; «кошки» – источник боли, тёмные силы; «душа» – внутренний мир). Внутренняя форма компонентов идиоматической единицы позволит догадаться о её значении («кошки на душе скребут» – ранить душу, тревога, тоска, возникающая при нанесении человеку мелких болезненных ран). Контекст послужит подсказкой для выявления негативной коннотации и национально-культурного компонента идиоматической единицы. Заключительным этапом усвоения идиоматической единицы должны быть коммуникативные задания продуктивно-творческого характера, связанные с самостоятельным созданием ситуаций употребления данной языковой единицы и ей подобных.

Упражнения, предлагаемые учащимся для изучения русской идиоматики на занятиях по русскому языку как иностранному, должны быть основаны на анализе прозрачной внутренней формы фразеологических единств, сочетаний, устойчивых сравнений и паремий. При отборе материала необходимо соблюдать принципы частотности, стилистической неограниченности, соответствия установленной тематике.

На данный момент не существует фразеологических минимумов для изучающих русский язык как иностранный, однако многие идиоматические единицы включены в систему тестирования. Это актуальная проблема для обучения русскому языку как иностранному. Е. А. Быстрова занималась созданием фразеологических минимумов для национальной школы в 1980х годах и заметила: «Фразеологизмы, как и слова, относятся к строительному материалу языка, в процессе коммуникации выполняют важные функции обозначения явлений, фактов, процессов действительности, их эмоционально-экспрессивной оценки. В единой лексико-фразеологической системе языка многие фразеологизмы не менее употребительны, чем слова. Некоторые из них выступают единственными обозначениями явлений. Без освоения достаточного количества фразеологизмов, особенно таких, которые входят в лексико-

фразеологическое ядро русского языка, невозможны правильное понимание русской речи как в устной, так и в письменной форме, свободное общение на русском языке» [1, с. 5].

Иностранные учащиеся всех уровней владения русским языком должны усваивать на занятиях по русскому как иностранному определённый объём идиоматических единиц в контексте изучаемых лексических и грамматических тем. Для специалистов в области лингвистики и перевода работа над анализом внутренней формы не только позволит достичь более полного понимания идиоматики и русской языковой картины мира, но и решит многие проблемы, связанные с обучением по данным специальностям. Для не филологов работа над анализом внутренней формы идиоматической единицы может проводиться менее глубоко и иметь более познавательный характер.

Возрастающая роль социокультурных знаний и умений в составе коммуникативной компетенции языковой личности, номинативность русской идиоматики, отсутствие нормативных минимумов идиоматических единиц для каждого сертификационного уровня в области преподавания русского языка как иностранного, трудность интерпретации и адекватного употребления идиоматических единиц как национально-культурных маркеров в русском языке, как следствие, проблемы в области перевода, межкультурного общения, – все это свидетельствует о значимости обучения русским идиоматическим единицам на основе анализа внутренней формы на занятиях по русскому языку как иностранному и делает работу в данном направлении актуальной и перспективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстрова Е. А. Теоретические основы обучения русской фразеологии в национальной школе. – М., 1985. – 136 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
3. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. Учебное пособие для студентов. – М., 1989. – 207 с.
4. Сафонова В. В. Социокультурный подход: основные социально-педагогические и методические положения // Иностранные языки в школе. – №11. – М: Просвещение, 2014. – с.2–13.
5. Телия В. Н. (отв. ред.) Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий – М., АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2006. – 782 с.

E. G. Polonnikova

Saint Petersburg State University

TEACHING RUSSIAN IDIOMS BASED ON INNER FORM ANALYSIS

A new method of teaching Russian idioms based on phased inner form linguistic analysis of idiomatic components to foreign students is provided. The importance of teaching idioms at Russian as a foreign language classes is determined.

Sociocultural competence, inner form; idiomatic unit, national picture of the world

УДК:811.161.1:378.147:347.176.2

Е. Б. Рыкова

Северо-западный государственный медицинский университет

им. И.И. Мечникова,

chouette_63@mail.ru

СМЫСЛОВЫЕ ОПОРЫ КАК ПРИЕМ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются варианты смысловых опор и предоставляется таблично-схематическая модель, позволяющая иностранным учащимся усваивать и запоминать страноведческую информацию на русском языке.

Страноведческая компетенция, методика обучения русскому языку, прием преподавания, русский язык как иностранный, иностранные учащиеся

Одним из актуальных вопросов методики преподавания русского языка как иностранного по-прежнему остается формирование страноведческой компетенции иностранных учащихся.

Формирование страноведческой компетенции можно рассматривать как использование элементов методик преподавания географии, истории, обществоведения и т.д. в процессе обучения русскому языку как иностранному. Естественно, что формирование страноведческой компетенции на занятиях русского языка как иностранного отличается от формирования страноведческой компетенции на уроках истории, географии, обществоведения. Основное отличие состоит в том, что на занятиях указанных предметов формирование у учащихся страноведческих знаний – это цель обучения, а на занятиях русского языка как иностранного формирование страноведческой компетенции – это не цель, а одна из задач обучения, целью же обучения является формирование коммуникативной компетенции иностранных учащихся.

В силу вышесказанного следует рассмотреть те приемы преподавания этих учебных предметов, которые могут использоваться при обучении языку. По нашему мнению, таким приемом являются смысловые опоры (планы, схемы), способствующие при обучении пониманию и дальнейшему запоминанию информации.

Представление содержания текста в виде плана или схемы существует в отечественном преподавании давно. В XVIII веке в системе народного образования России получил распространение табличный метод обучения (Tabellenmethode), суть которого состояла в следующем: учебный материал, предназначенный для усвоения в течение одного или нескольких уроков, представлялся ученикам в виде таблицы (иерархического плана) во всем его объеме со всеми разделами и приложениями, так, чтобы ученики сразу могли составить представление как об этом предмете в целом, так и о его частях, порядке их следования и их взаимосвязях [4, с. 125]. Учителям было рекомендовано работать с таблицей до изучения материала, к которому она

относится. Этот метод обеспечивал прочное запоминание информации. В обучении языкам он использовался как эффективный способ заучивания учебных текстов.

Идея схематического изображения содержания статьи, книги или лекции, позволяющего представить предмет в целом и в соотношении его частей, в XX веке в отечественной методике получила отражение в методике преподавания физики учителя-новатора В.Ф. Шаталова [8].

В.Ф. Шаталов предложил использовать на занятиях опорные сигналы и составленные на их основе опорные конспекты. Опорные сигналы в его системе обучения – это способ моделирования абстрактного теоретического содержания (научных понятий, формул). Они представляют собой знаки, отражающие средства конкретизации, использованные при объяснении содержания изучаемого материала (рисунки, значки, ключевые слова, короткие предложения). В.Ф. Шаталов считал обязательным включение в опорные сигналы эмоционально яркого материала, позволяющего закрепить в памяти существенные компоненты новых знаний.

Логика построения опорных сигналов, отражающая содержательные связи между единицами излагаемой информации, их четкая классификация по уровням значимости, воспроизведенная в рассказе учителя – это образец, на основе которого формируются эти приемы у учащихся, потому что применение опорного сигнала помогает восстановить в памяти ранее принятую информацию. Из опорных сигналов создается опорный конспект, который должен соответствовать следующим принципам: лаконичность (300-400) печатных знаков; структурность (4-5 логических блоков); выделение смысловых акцентов (оригинальное расположение символов, использование различных рамок); унификация печатных знаков; ассоциативность; доступность воспроизведению; цветовая наглядность и образность. Работа с опорными конспектами с 1980-х гг. получила распространение в преподавании истории [6, с. 181-193] и других учебных предметов.

Подобные приемы используются и в методике обучения русскому языку как иностранному и в методике обучения иностранным языкам. К ним относятся близкие по своей сути составление семантической карты – Mapping / Mind-mapping [3, с. 142], составление тематической сетки текста [7, с. 264], коллажирование [7, с. 265], составление понятийной карты [2, с. 210], составление кластера [5, с. 7]. В основе всех этих приемов, которые являются вариантами приема составления семантической карты, лежит образно-графическое представление и структурирование информации, что обеспечивает ее прочное запоминание.

Эти приемы могут использоваться и при формировании страноведческой компетенции. В этом отношении интересна точка зрения П.Н. Денисова, утверждавшего, что «реалией можно считать все то, что для своего адекватного описания требует либо энциклопедической справки, либо схематического или табличного представления, либо сообщения некоторых житейских (известных носителям языка, но неизвестных иностранцам) сведений» [1, с. 47].

На основании анализа приемов организации усвоения страноведческих знаний можно сделать вывод о том, что в процессе формирования страноведческой компетенции главным компонентом процесса обучения является работа с текстом, который выступает основным носителем страноведческих знаний, и выполнение учащимися упражнений, в которые включается страноведческая информация. Важно также опираться на таблично-схематическое представление текста, которое может

служить опорой для рассказа по теме и являться воплощением идеи свертывания / развертывания текстовой информации при помощи смысловых опор.

Любой процесс обучения завершается стадией контроля. Усвоение страноведческой информации можно проверять при помощи кластера. Преподаватель пишет на доске ключевое понятие, а учащийся должен дописать по указанным стрелкам слова, обозначающие ассоциативно связанные с ним понятия. Например, «Россия граничит с...», учащиеся должны записать вокруг названия стран, имеющих границу с Россией, в нужной форме. Подходит для контроля и «обратный кластер»: на доске написаны названия Волга, Обь, Лена, Енисей, Ангара, Нева, учащийся должен в центр поместить обобщающее понятие – реки России. Кластеры, выполненные по тексту дома, помогают преподавателю оперативно проверить домашнее задание учащихся.

Формированию страноведческих знаний у иностранного студента может способствовать работа по опорной таблице, так как она органично включает в себя все этапы формирования знания: восприятие объекта, осмысление, запоминание его свойств благодаря фиксации.

Работа с опорной таблицей создает также возможности для активного воспроизведения учащимся воспринятых свойств объекта и может служить критерием оценки понимания полученного знания. С помощью опорной таблицы может быть осуществлен репродуктивный этап усвоения знания (воспроизведение по образцу), а затем и продуктивный этап (поиск и нахождение нового знания, построение своей опорной таблицы для рассказа на другом страноведческом материале). В основу опорной таблицы следует положить изучаемую страноведческую реалию.

Опорная таблица для работы со страноведческим материалом – это особая организация учебного материала, зрительно помогающая иностранному учащемуся представить суть рассматриваемой страноведческой реалии. Таблица должна быть понятной по восприятию и воспроизведению. Следовательно, она должна быть простой, системной, емкой по содержанию, в ней должно быть употреблено минимальное количество слов. Большинство понятий должно сопровождаться наглядностью, чтобы в сознании иностранного студента соединялись представления о страноведческой реалии и обозначающее ее слово. Это вызывает определенные трудности при рассказе о событии или явлении, но дает возможность преподавателю создать в сознании учащихся их образы при помощи документальной фотографии или плаката.

Опорная таблица представляет собой своеобразную схему описания страноведческой реалии. При ее помощи можно описывать различные страноведческие реалии: событие, факт, персоналию, место, период времени жизни страны, вещь. Для описания события важны следующие моменты: название события, время и место действия, участники события и суть происходящего с указанием причин и целей: что, где, когда и кто совершил, а также почему и зачем. Для лучшего запоминания необходимы 2-3 яркие детали.

Сначала студентам предлагается прочитать текст. Цель задания – познакомить учащихся с реалией-событием.

Затем учащиеся должны ответить на вопросы по прочитанному тексту и под руководством преподавателя заполнить полученной информацией опорную таблицу-

схему для последующего рассказа о событии. Цель задания – выстроить логическую схему рассказа со зрительными опорами.

Преподаватель в ходе небольшой страноведческой лекции дает необходимую информацию, сопровождая свой рассказ демонстрацией фотографий.

Постепенно словесная информация замещается в таблице зрительной наглядностью, помогающей студентам представить место и время действия, а также колорит эпохи.

Далее учащимся предлагается ответить на вопросы по тексту, опираясь только на зрительно-логическую опору заполненной таблицы-схемы рассказа. Цель – обучение поэтапному составлению монологического высказывания при помощи опорной таблицы-схемы.

Потом учащиеся должны самостоятельно, без помощи преподавателя и наводящих вопросов, пересказать текст, ориентируясь только по составленной ими таблице-схеме. Цель задания – усвоение основной информации, заложенной в тексте, и умение использовать ее в своей речи.

В следующем задании учащимся нужно создать опорную таблицу рассказа по предложенному тексту, используя полученные умения. Цель задания – закрепить умение составления опорной таблицы-схемы для последующего пересказа текста о реалии.

Далее опорная таблица, самостоятельно составленная учащимися, служит студентам схемой рассказа о реалии. Цель задания – создание навыка использования выделенных ранее блоков информации, представленных в опорной таблице.

Выполняя последнее задание, учащиеся должны воспроизвести прочитанный ранее текст по опорной таблице, составленной самостоятельно, или по таблице-образцу, предложенной преподавателем. Цель задания – выработка умения создавать текст рассказа о реалии по опорным словам и зрительным образам, расположенным в логической связи.

Итак, предлагаемый нами прием таблично-схематического представления страноведческого материала может обеспечить учащимся усвоение страноведческих знаний на занятиях по русскому языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисов П.Н. Страноведение и учебные словари. // Международный симпозиум. Страноведение и преподавание русского языка как иностранного (тезисы докладов и сообщений). М.: МГУ, 1971.
2. Зенталя Г. Активизирующие методы в обучении бизнес-русскому. //Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика. СПб.: Сударыня, 2004. Вып. VII.
3. Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», «Cambridge University Press», 2001.
4. Рехневский Ю. Очерк истории народных школ в Германии // Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Декабрь.
5. Соосаар Н., Замковая Н. Интерактивные методы преподавания. Настольная книга преподавателя. Часть 1. СПб.: Златоуст, 2004.

6. Степанищев А.Т. Методика преподавания и изучения истории: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – В 2 ч. Ч.1.

7. Харченкова Л.И. Отбор методов и приемов для работы над этнокультурными факторами в контексте межкультурной коммуникации. //Русский язык на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской конференции 26-27 октября 2000г. Т.3. Теория и практика преподавания русского языка: традиции и перспективы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001.

8. Шаталов В.Ф. Куда и как исчезли тройки: Из опыта работы школ г.Донецка. М.: Просвещение, 1979.

E.B. Rykova

North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov

**SEMANTIC SUPPORT AS A TECHNIQUE
THE FORMATION OF CROSS-CULTURAL COMPETENCE OF FOREIGN
STUDENTS
AT THE LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE**

Discusses options meaning supports and provides tabular-schematic model, which allows foreign students to learn and remember cultural information in the Russian language.

National competence, methods of teaching Russian language, admission of teaching, Russian as a foreign language, foreign students

УДК 81.161.1 +82-1/-9

А. А. Солдаева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
a.a.soldaeva@gmail.com*

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ЗАГАДКЕ

В статье рассматривается функционирование имени собственного в русской традиционной загадке. Имя собственное никогда не появляется в «загадочном» тексте случайно, оно всегда связано с содержанием и (или) формой загадки. Это положение доказывается на примере анализа загадок с антропонимом Хам в описательной части, который отсылает к библейскому сюжету о Ное и его сыновьях.

Русский фольклор, русская традиционная загадка, имя собственное, свернутый сюжет, фольклорная формула

Проблема использования имен собственных в загадке и других жанрах фольклора давно привлекает внимание исследователей. В 2003 г. А. В. Юдиным был издан общий свод всех имен, встречающихся в большинстве сборников загадок [8]. «Ономастикон восточнославянских загадок» включает отдельные перечни имен собственных, являющихся вторичными номинациями отгадки и имеющих другие функции в описательной части. А. В. Юдин указывает, что активное использование загадкой антропонимов и псевдоантропонимов связано с тем, что «одним из основных способов создания “заместительных концептов” в восточнославянских загадках является персонификация (и антропоморфизация как ее разновидность)» [8, с. 11]. Выбор того или иного имени обусловлен, как справедливо замечает Юдин, рядом лингвистических и экстралингвистических факторов: требованиями ритма и рифмы, фонетическим обликом имени собственного, «отсылающим» к слову-отгадке, грамматическим родом слова-отгадки и т. д.

Следует отметить, что грамматический род слова-отгадки не всегда мотивирует выбор мужского или женского имени для вторичной номинации в описательной части. Несоответствие рода имени и слова-отгадки может выступать в том числе как прием «отведения» адресата от отгадки: 3411. *Самсон в избе. Заслонка* [2, с. 106] (описательная часть «загадочного» текста традиционно рассматривается лингвистами и фольклористами как своеобразная народная дефиниция к слову-отгадке, одновременно «намекающая» на него и «скрывающая» его от адресата). В приведенном тексте имя собственное одновременно затрудняет задачу отгадывающему (за счет несовпадения рода имени собственного и слова-отгадки) и «подсказывает» ему (анаграмматическое соотнесение слов *Самсон* и *заслонка*). Чтобы получить возможность «выйти» на отгадку, не зная ее заранее, адресату «загадочного» текста необходимо иметь представление об анаграммировании как о текстообразующем приеме загадок.

Собрав и обработав множество «загадочных» текстов с онимами, А. В. Юдин констатирует, что «часто выбор замещающих отгадку имен практически <...> немотивирован (или кажется сегодня таковым)» [8, с. 13]. Невозможно не согласиться с тем, что немотивированность выбора имени собственного в загадке (как и в любом жанре фольклора) — явление только кажущееся. Поскольку загадка имеет малый объем, четкую структуру, зачастую ритм и рифму, представляет собой архаичный жанр фольклора, исторически связанный с магией слова и т. д., очевидно, что ничего «лишнего», «случайного» в «загадочном» тексте быть не может.

Более того, феномен имени (в том числе имени собственного) крайне важен для загадки [см. подробнее: 5], что проявляется в том числе в «загадочных» текстах с отгадкой *имя*: 1622. *Мала мальшика, золота кубышка, На воде не тонет, на огне не горит и в земле не гниет. Имя* [2, с. 60] («ценность», а также «долговечность, прочность» имени); 1625. *И у тебя, и у меня, и у попа, и у кота, И у щуки в море, и у дуба в лесу. Имя* [2, с. 60] («всеобщность» имени); 1626. *Без чего не может жить человек? Без имени* [2, с. 60] («ценность» имени, его связь с человеком) и т. д.

Г. А. Левинтон писал, что «слова, внутренне связанные с сюжетом <...> — это, как правило, имена собственные, способные содержать сюжет в свернутом виде» [3, с. 154]. Они становятся маркерами отдельной темы загадки, поскольку демонстрируют прикрепленность, «приуроченность к отдельным

сюжетным элементам или целым схемам» [3, с. 154]. Примеров такого рода в «загадочном» континууме множество, остановимся на одном из наиболее репрезентативных.

Антропоним *Хам* в загадке выступает, в первую очередь, заместительной номинацией *дыма курной избы* (в сборнике Д. Н. Садовникова зафиксировано семь текстов, в сборнике В. В. Митрофановой — один текст), например: 158. *На печке Хам, На полатях Хам, По лавке Хам, По полу Хам; Пошел Хам Из окошка вон. Дым курной избы*. Самарск. губ., Ставроп. у., с. Озерки [4, с. 18]; 158 (2). *Ходит Хам по лавке В Хамовой рубашке; Открою окошко: Выдь, Хам, за окошко! Дым курной избы* [4, с. 18]; 3219. *Ходит Хам по избам, Лезет Хам ко глазам, Отворю окошко: «Выйди, Хам, хоть немножко!»*. **Дым** [2, с. 102] и др. аналогичные тексты. Характерно, что *Хамом* может быть назван только *дым курной избы* (или, как в тексте № 3219, *дым*, находящийся в избе, на что прямо указывает описательная часть), но никак не обычный *дым*, выходящий из трубы: 159. *Пришел вор Во двор, Хозяина в окно унес. Ветер и дым*. Рязанск. у., с. Жолчино [4, с. 18]; 142. *Стоит девица в избе. А коса — на дворе. Печь и дым*. Псковск. губ. [4, с. 16]; 143. *Толстая Фетинья, Сухой Матвей — Привязался к ней И теперь с ней. Печь и дым* [4, с. 16]; 144. *Мать толста, Дочь красна, Сын (внук) храбер В поднебесье ушел. Печь, огонь и дым* [4, с. 16] и т. д. Ни одна из 32 загадок о *дыме*, зафиксированных Д. Н. Садовниковым, не включает антропонима *Хам*. Следовательно, *Хамом* называют только «плохой» (в народной аксиологии) *дым*, распространяющийся по избе, что может вызвать отравление угарным газом и смерть. Неудивительно поэтому, что *Хам* в загадке — это и заместительная номинация *смерти*: 1634. *Ходит Хам по горам, Берет ягоды с грибам. Смерть* [2, с. 61]. Сопоставление приведенной загадки со структурно и семантически близкой: 1633. *Ходит Иуда с золотым блюдом, берет ягодки зрелые и незрелые и кладет на одно блюдо. Смерть* [2, с. 61], — подтверждает мысль о том, что *Хам* — герой библейского сказания о Ное и его трех сыновьях. На это указывает и наличие в сборнике Д. Н. Садовникова следующего текста: 2178. *У Ноя было три сына: Сим, Хам и Афет, Кто им был отец? Ной* [4, с. 269]. Из сказания о Ное известно, что *Хам* согрешил, рассказав братьям о наготы отца. Таким образом, *Хам* — известный отрицательный персонаж, к имени которого, между прочим, возводят происхождение слов *хам*, *хамство* [7, с. 220]. В загадке *Хам* выступает как свернутый знак библейского сюжета, который в том числе важно было помнить (ср. загадку № 2178).

В «загадочном» континууме *Хам* является также заместительной номинацией *петуха*: 944. *Стоит Хам на двух когтях; Власа его до земли, Голос — до господа бога. Петух*. Самарск. губ., Ставроп. у., с. Озерки [4, с. 55]. Петух — птица, наделяемая «хтонической, а также мужской сексуально-брачной символикой» [1, с. 28], кроме того, в традиционной культуре важен голос петуха, что отразилось и в приведенной загадке.

Ещё в двух загадках *Хам* выступает формулообразующим элементом, прямо не соотносимым с отгадкой: 452. *Ходит Хам по базару, хвастается дубиной: «Ах, у меня дубина золотая, маковка увитая!» Безмен* [4, с. 55]; 1853 (б). *Ходит Хам по лавке В Хаминай рубашке, Выглянул в окошко, Стоит репы лукошко. Небо и звезды* [4, с. 231]. В тексте № 452 возможно соотнесение *Хама* с дубиной с темой смерти, вредительства, в тексте же № 1853 (б) большая часть (*Ходит Хам по лавке В Хаминай рубашке, Выглянул в окошко*) — воспроизведение описательной части

загадок о *дыме курной избы*. В пользу прямого заимствования свидетельствует не только дословный повтор значительной части текста, но и тот факт, что, хотя загадок о *небе и звездах* в русской традиции довольно много, более того, существуют сходные структурно и семантически тексты: 1853. *У нас (вас) за окошком Полно репы лукошко. Небо и звезды* [4, с. 231]; 1853 (а). *Выгляну в окошко: Стоит репы лукошко. Небо и звезды* [4, с. 231]; 67. *Выгляну в окошко: За окошком стоит Антошка, А у Антошки полно репы лукошко. Небо и звезды* [2, с. 20] — часть про *Хама* встречается лишь единожды (в тексте, зафиксированном Д. Н. Садовниковым и затем заимствованном В. В. Митрофановой). Отдельного замечания заслуживает использование антропонима *Антошка* применительно к *небу*, поскольку в других загадках *Антошкой* назван *месяц*: 94. *Погляжу я в окошко: Стоит долгий Антошка. Месяц* [2, с. 20] и др. А. В. Юдин здесь усматривает связь *месяца* со св. Антонием, «считавшимся “зубным целителем”, а эта функция в заговорах предполагает связь с миром мертвых, у которых не болят зубы; в той же функции в заговорах может выступать и месяц, к которому непосредственно обращался заговаривающий» [8, с. 45]. Можно предположить, что в основе переноса вторичной номинации *Антошка* с *месяца* на *небо* лежит характерный для загадки прием метонимии. Разумеется, установить реальную последовательность возникновения этих текстов затруднительно, важно лишь указать на их связь между собой и на причину замены одного имени собственного другим в загадке.

Возвращаясь к «загадочным» текстам с антропонимом *Хам* в описательной части, отметим, что в них имя *Хам* повторяется напрямую или в составе прилагательного (*Хамин, Хамов*); в текстах о *дыме курной избы* и о *смерти* формула *ходит Хам* (характеризующаяся наличием звукописи и ритма) «провоцирует» появление рифмы *по горам* (*гора* — традиционный локус, символ «чужого» пространства в заговорах, с которыми, в свою очередь, сближаются загадки о *смерти* [см.: 5]).

«Загадочная» формула, в основе которой лежит антропоним *Хам*, выступает как тексто- и сюжетообразующий элемент загадки, связанный в своем происхождении с библейским сказанием о Ное и его сыновьях, что формирует семантику слов-отгадок в «загадочном» корпусе.

Таким образом, имена собственные, используемые в описательной части загадки, выбираются не произвольно, а в соответствии с задачами, преследуемыми коллективным автором фольклорного текста: точнее определить значение и (или) форму слова-отгадки; напротив, затруднить задачу отгадывающему; сохранить в свернутом виде важный для данной традиционной культуры книжный или фольклорный сюжет и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гура А. В., Узенева Е. С. Петух // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 28–35.
2. Загадки / Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. 255 с.

3. Левинтон Г. А. Лексика славянских эпических традиций и проблема реконструкции праславянского текста // Текст: семантика и структура / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 152–173.
4. Садовников Д. Н. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Садовников. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1876. [4], VI, [2], 333 с.
5. Солдаева А. А. К вопросу о применении методов интертекстуального анализа при описании русской фольклорной загадки // ФИЛОЛОГОС. 2016. № 3 (30). С. 60–64.
6. Солдаева А. А. Феномен имени в русской загадке: лингвокультурологический аспект // Русская литература в иностранной аудитории. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 175–177.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1987. Т. 4.
8. Юдин А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. М.: ОГИ, 2007. 119 с.

A. A. Soldaeva (Saint-Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

PROPER NAME IN RUSSIAN TRADITIONAL RIDDLE

The article deals with the functioning of the proper name in the Russian traditional riddle. The proper name never appears in the riddle arbitrarily, it is always associated with the content and (or) form of the riddle. This situation is proved by the example of analysis of riddles with anthroponym Ham in the descriptive part, which refers to the biblical story of Noah and his sons.

Russian folklore, Russian traditional riddle, proper name, collapsed plot, folklore formula

УДК 372.881.161.1

Н. Д. Стрельникова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
tashastrel@mail.ru*

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ МЫ БУДЕМ ГОВОРИТЬ?

В статье рассматривается проблема соотношения русского национального языка и современного литературного языка, границы которого нарушаются вхождением в его состав жаргонизмов и просторечных слов. Актуальность обращения к этому вопросу диктуют языковые изменения, происходящие на уровне лексики, морфологии, синтаксиса.

Современный русский язык, национальный язык, литературный язык, просторечие, жаргон, заимствованные слова

Современный русский язык, стремительно меняясь на наших глазах, переживает глобальные изменения. В связи с процессами демократизации, «сменой нормативной основы литературного языка» [16, с.49], доминированием разговорной речи над письменным языком классической художественной литературы, сменой системы ценностей, экспансией американизмов, появлением интернет-языка, господствующей ролью СМИ в формировании языкового сознания наших современников, экспрессивностью и агрессивностью звучащей речи актуальным становится вопрос о соотношении национального языка и литературного. На протяжении последних 20-30 лет границы литературного языка всё больше размываются, а различные элементы (жаргон, просторечие) национального языка интенсивнее и настойчивее вторгаются в его состав.

Во многом благодаря активной деятельности СМИ коммуникативная функция языка перестаёт быть основной и лидирующей, уступая первенство информационной и волюнтаривной функциям, а язык всё чаще используется в целях эффективного средства манипуляции сознанием. Современная картина состояния современного русского языка предельно ясно отражена, например, в названиях книг известных лингвистов М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» [7] и И. Левонтиной «Русский со словарём» [9]. Ещё более точно, на наш взгляд, данное явление зафиксировано в названии одной из статей – «Респект и уважуха» [3]. Суть его – в диком, вычурном сочетании заимствованных слов, недавно вошедших в национальный язык, но уже вытесняющих привычные, прекрасные, тёплые, многозначные, «душевные» русские слова, их эквиваленты, и жуткого уголовного жаргона, грубого и безвкусного. Вот уж действительно «смешенье языков: французского с нижегородским»! Оценочные просторечные слова с характерным суффиксом -ух- (*чернуха, показуха, развлекуха, порнуха* и т. д.) вошли в литературный язык. «Стилистически конфликтное соединение высокого и сниженного, устаревшего и нового, заимствованного и исконного слов способствует созданию яркой экспрессии» [3, с.113] этого словосочетания. Его возникновение вызвано недостатком этикетных формул выражения признательности, почтения и уважения в русском языке. К сожалению, оба слова в этом маркированном словосочетании – заимствованное, «не обросшее» ассоциациями и смыслами, и просторечное – вытеснили русскоязычное *уважение*. Оно со всем спектром значений почти ушло и из российской жизни, и из культуры, и из речи. Зато процветают неуважение к адресату речи и к родному языку. Впрочем, формально оно осталось в виде клише в деловой переписки – *с уважением*. Особенностью языковой ситуации начала XXI века является стирание границ между устной формой литературного языка (разговорная речь) и элементами национального языка (просторечие, диалекты, жаргон), вызванное рядом причин, прежде всего, появлением Интернета. «В современной литературной речи получают распространение факты, идущие из некодифицированных языковых подсистем, – главным образом, из просторечия и жаргонов, и традиционно-нормативные единицы постепенно вытесняются новыми: мелькают в речи тех, кого общество привыкло считать несомненными носителями литературой нормы» [8, с. 15].

Напомним, что термин «литературный язык» появился сравнительно недавно, в 30-ые годы XX века, хотя его становление традиционно относят к XI веку. «Литературный язык – общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов<...>. Основными признаками национального литературного

языка являются его тенденция к всенародности или общенародности и нормативность. Понятие нормы – центральное в определении национального литературного языка (как в его письменной, так и в разговорной форме)» [4, с. 288]. Напомним, что нормы – это «совокупность наиболее пригодных (“правильных”, “предпочитаемых”) для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной в широком смысле оценки этих элементов» [11, с. 15]. Иными словами, под нормой понимаются правила образования и употребления языковых единиц, закреплённые в словарях и справочниках. Однако словари не успевают фиксировать динамику языковых процессов, отражающих изменения в общественной, политической, культурной жизни российского социума, свидетельствующие о нестабильности и смене ценностных приоритетов.

С одной стороны, В. Г. Костомаров говорит об избыточности современного русского языка как в разговорной, так и в письменной форме и пишет, что именно «отбором необходимого и достаточного создаётся единый обязательный для всех литературно-нормированный язык. [6, с. 14]. С другой стороны, разговорная литературная речь и просторечие как элемент национального языка перестают чётко разграничиваться, сближаясь все интенсивнее и влияя на процесс коммуникации, превращающийся всё чаще в экспрессивное, агрессивное общение.

«Сходные социальные явления связываются с одинаковыми языковыми фактами» [12, с. 21]. Напрашивается сравнение нынешней языковой ситуации с 20-ыми годами XX века. Например, «эмоциональность речи, вызванная пережитыми событиями <...> повторение в речи одних и тех же слов и сочетаний» [12, с. 21]. Общими чертами являются многочисленные иноязычные влияния, появление новых слов и терминов, «вызванных новыми явлениями, возникшими в революционную эпоху» [12, с. 17], образование новых слов или употребление прежних с иным значением.

Сейчас, в начале XXI века, иное значение обрели, например, слова *амбициозный*, *либерализм*, *демократы*, *гражданский брак*, *феминизм*, *атмосферный*. Ровно через сто лет можно наблюдать и стремление к краткости речи, но если в начале XX века краткость была характерна для речи революционных деятелей, то в начале XXI века краткость изложения обусловлена *клиповым мышлением*.

Любопытно, что некоторые известные плеоназмы, грубые речевые ошибки, на которые, впрочем, сейчас перестали обращать внимание, такие, как *в общем и целом*, *целиком и полностью*, *сегодняшний день* появились в революционную эпоху 1917 – 1926 гг. [12, с. 37]. «Со времени войны (1914) в России вошёл в широкое употребление словесный знак вежливости – извинения “извиняюсь”» [12, с. 41], которое, как фиксирует крупнейший славист XX века А. М. Селищев «употребляется отрывочно, вне сочетания с другими словами» [12, с. 42]. Бессмысленно и чисто формально произносится речевая формула: *я извиняюсь*, а вы как хотите. Прискорбно, что за век ничего не изменилось. Эту, якобы вежливую, просторечную фразу приходится слышать часто даже в речи достаточно образованных людей.

Среди заимствованных в XXI слов сейчас больше всего настораживают слова типа *троллинг, пиллинг, маркетинг, лифтинг, лизинг, брифинг, боулинг, киднэппинг*, как чуждые, непродуктивные для русского словообразования.

К сожалению, новые слова вытесняют часто исконные или «съедают» ряд значений. Так постепенно теряется образность, полисемия, присущая русскому языку. В революционную эпоху начала XX века А. М. Селищев обращает внимание на появление новых слов по продуктивным моделям русского словообразования, когда к знакомому корню присоединяется русскоязычная приставка, но раньше такого образования не было. Он приводит в пример вновь образованный глагол *выявить*, поясняя, что данный «новый» глагол начал использоваться вместо *обнаружить, вскрыть, проявить, обозначить* [12, с. 37]. В наше время подобная замена коснулась глагола *писать* – *написать*, когда появился вдруг «новый» якобы, так называемый «парламентский» глагол *прописать*, заменивший *написать, записать, зафиксировать, обозначить*.

Мы живём в век информации, в век массовой культуры, интернета, СМС и различных шаблонов. Всё тяжелее становится быть понимаемым, услышанным. Времени мало, информации много, человек не успевает следить за ней. Важнее сказать, обозначить, заявить, чем услышать *собеседника*. Почти архаическое слово. Всё чаще возникают ситуации «разговора глухих», всё чаще необходимо переспрашивать или повторять, всё чаще коммуникация не происходит или происходит не так, как ожидается. Под влиянием факторов различной природы наш богатейший язык утрачивает образность, метафоричность, полисемию, игру синонимами и смыслами, язык становится примитивней. А чем примитивней язык, тем примитивней мышление. Отсутствие контекста при клиповом мышлении не вызывает ассоциаций, снижает способность к анализу и нестандартности мышления. Исчезает метафоричность и образность, и вместо художественной картины мира – концептуальная. Все эти процессы отражаются в языке, в речевых, публицистических, художественных текстах. Для современного высказывания и текста характерна тенденция к активизации безглагольных синтаксических конструкций, и это связано прежде всего с визуализацией, «картинки» заменили размышление, воображение. Изображение одномерно, оно не будит фантазию, не влечет к творчеству, а констатирует, информирует, описывает. Проиллюстрируем это наблюдением фрагментами из текстов современной литературы. Трудно назвать, кто из современных авторов не использует этот приём, есть он у Д. Рубиной, З. Прилепина, А. Николаенко и др., настолько он актуален. Пожалуй, ярче всего такие конструкции представлены в романе Р. Сенчина с символическим названием «Информация»: «Но, в общем, номер понравился. Более – менее. Кровать, телик, душ, унитаз» [13, с. 86]; «Вороны, кресты, голые деревья, клочки снега на траве. Тоскливый и одновременно приятный пейзаж ...» [13, с. 79]; «Утренний кофе, работа, созвоны, планирование вечера, кинотеатры в выходные в первой половине дня и клубы, кабаки или спектакли вечером. Сервисный осмотр машины два раза в год. Поездка в Париж вскоре после свадьбы и воспоминания об этой поездке годы спустя. Короткие туры в Хургаду и Прагу. Нечастые мои алкогольные срывы, нечастые Натальины истерики» [13, с. 13]. Конечно, к подобным номинативным цепочкам при описании и перечислении писатели обращались и раньше (А. Пушкин, Н. Гоголь, В. Набоков, М. Цветаева, например). Однако в начале XXI века «стилистико-прагматический потенциал безглагольных конструкций позволяет современным

авторам решать целый ряд художественных задач, а увеличение их количества в пространстве художественного текста является ярким доказательством действия аналитической тенденции в русском синтаксисе» [10, с. 280]. Вывод: русский язык трансформируется уже на уровне синтаксиса.

Результаты проверки ЕГЭ по русскому языку свидетельствуют о том, что, кажется, что-то глобально меняется в нашей ментальности. Ошибки в сочинениях нынешних российских выпускников и абитуриентов «кричат» об общем снижении грамотности, напрямую связанной с отсутствием навыков чтения, и всё больше напоминают высказывания иностранцев, для которых русский язык – не родной.

После проверки школьных сочинений летом 2016 года преподавателями нашей кафедры была сделана классификация ошибок, среди которых больше всего было ошибок грамматических: незнание падежной системы, норм словообразования и управления, неправильное употребление деепричастных оборотов [14, с. 394]. За полтора прошедших года ситуация только усугубилась. Например, ошибки на управление: *внёс вклад для спасения страны; принёс свой вклад; подвиг, который каждый внёс для достижения победы*. То есть слово *вклад* воспринимается в его материальном, денежном значении. *Восхищён самопожертвованию; представлял угрозу обществу. Люди в настоящее время теряют способность на подвиг. Каждый имел свою жизнь и свои планы, но война отобрала всё и поставила лицом к препятствиям. Просит Бога о различных просьбах; проблема халатности к людям; отцу было жалко и прискорбно; автор с помощью произведения передаёт патриотизм к родине. После него мы оказываемся к Ноздрёву. Он славился мошенником*. Непонимание значения слова и нарушение лексической сочетаемости: *автор с большим уважением описывает сражение; возымело эффект; битва могла бы завершиться совсем в другую сторону; эти чувства неповторимы ни с чем; в фильме можно увидеть, с каким напором люди шли на войну; отсутствие совести сугубо влияет на общество*. Наиболее яркими примерами неправильного словообразования являются: *после отброса врага; отважность; уезд Чичикова*. Обилие логических ошибок, непонимание значения слова и его лексической сочетаемости приводит к полной бессмысленности фразы: *имея героизм, человек способен быть патриотом; он гнался за своей целью; он пожертвует собой, накрыв своё тело гранатой; Как с помощью любви к родине сражались солдаты?*

Впрочем, есть и весьма «милые» ошибки, когда учащийся буквально воспринимает прочитанное или услышанное. *Легкомыслие – это такая отрицательная часть человека, которую нужно удалять из нас. Раскольников, отбросив все чувства, убил старуху. Помещики продают Чичикову фамилии людей, которые уже умерли, хотя и не имеют на это права*. К сожалению, редко, но попадаются и «перлы» в гоголевском стиле:

Готовность людей рискнуть всем и даже больше.

Приходится констатировать, что иностранные студенты, изучающие русский язык, пишут лучше многих наших юных соотечественников, во всяком случае, они не делают таких чудовищных ошибок! Ну, и в заключение несколько примеров, мягко говоря, «странной» орфографии: *например, навЯрнИка, рАковое событие*. Влияние интернета? Отсутствие привычки читать? В сознании некоторых современных школьников классическая литература, часы которой безбожно сокращены в курсе школьной программы, перешла в ранг фольклора, когда накануне экзамена молодые люди знакомятся с содержанием в чьём-то устном пересказе. Так возникает,

например, писательница Изергиль, написавшая рассказ «Данко» (из сочинения лета 2017 года) и появляются фразы типа: *Каждый человек делится на тварей дрожащих и право имеющих*.

Элементы просторечия вторгаются в литературный язык разными путями. Проходя мимо раздражающих, но ставших, простите, почти привычными, настолько неискоренимы – *ложить, ты позвОнишь, созвОнимся, ихний, крема, облЕгчить, свеклА*, остановимся на просторечном глаголе *кушать*. Лингвисты, авторы статьи в журнале «Мир русского слова» серьёзно задаются вопросом, ограничен ли глагол *кушать* в своём употреблении на основании того, что по их наблюдениям, «всё чаще и чаще в речи образованных людей этот глагол не просто проскальзывает, а начинает вытеснять глагол *есть*» [1, с. 28]. Обратившись к Интернету, в котором представлена повседневная речь, и проведя социолингвистический опрос, авторы пришли к выводу о размытости границ употребления слов *есть/ кушать* и продемонстрировали на многочисленных примерах, как этот глагол становится «показателем изменений в социальной идентификации и уровне общей культуры современного носителя языка» [1, с. 30].

Может быть, формируется новый язык, способный адекватно отразить новые социальные реалии? Пропасть между поколениями становится всё глубже, и это отражается в языке, когда молодые люди начинают переставать понимать своих родителей, и наоборот. Поколения Y, за ним – Z, будучи все более совершенными в технологическом, индустриальном плане, всё дальше уходят от уникальности культуры, к которой принадлежат. Литература, традиции, быт, менталитет перестают для большинства представлять интерес. Речь современных носителей языка стала грубее, вульгарней во многом благодаря постоянному использованию жаргонизмов, элементов просторечия и обценной лексики. Приходится констатировать оскудение активного словарного запаса: современным студентам часто трудно подобрать синоним, эпитет. Впрочем, как не вспомнить: «словарь Вильяма Шекспира по подсчёту исследователей составляет двенадцать тысяч слов. Словарь негра из людоедского племени «Мумбо-Юмбо» составляет триста слов. Эллочка Щукина легко и свободно обходилась тридцатью» [5, с. 213]. Так что есть, куда стремиться ... Правда, очень не хочется, хотя бы потому, что, говоря словами Андрея Битова, «ничего более русского, чем язык, у нас нет»[2]. «Во дни сомнений, в дни тягостных раздумий о судьбах нашей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» [15, 507].

И несомненно, современная языковая ситуация представляет огромный интерес для лингвистов, изучающих язык и речь, меняющиеся на наших глазах, и поэтов, занимающихся словотворчеством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авлова Т. Б., Марусенко Н. М. «Будем есть или кушать»? // Мир русского слова. 2012. № 4.
2. Битов А. От «А» до «Ижицы» // iknigi.net/avtor-andrey-bitov/128658-bitva-andrey-bitov/read/page-1.html (Дата обращения – 02.04.2018).
3. Вепрева И. Т., Купина Н. А. Респект и уважуха // Русский язык за рубежом. 2012 (231). № 2.

4. Виноградов В. В. История русского литературного языка: Избр. труды. М., 1978.
5. Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: в пяти томах. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961.
6. Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие нормы // Мир русского слова. 2012. № 4.
7. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2013.
8. Крысин Л. П. Литературный язык: регулируемые и «стихийные» сферы функционирования // Мир русского слова. 2008. № 3.
9. Левонтина И. Русский со словарём. М.: Издательство АСТ: CORPUS. 2017.
10. Найдина Т. Е. Стереотип или творчество? К вопросу о стилистической и прагматической функциях номинативных цепочек в современном художественном тексте // Лингвострановедческие, социокультурные и лингвистические аспекты в изучении и преподавании иностранного языка и литературы. Т. 1. Тайвань, Тамканский университет, 2015.
11. Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи // Вопр. культуры речи. Вып. 1. М., 1955.
12. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917 – 1926). М., 2003 .
13. Сенчин Р. Информация // Роман – газета. 2013. № 3.
14. Стрельникова Н. Д. , Смирнова Е. А. И снова сочинение? // Современные тенденции в изучении и преподавании русского языка и литературы: Материалы докладов и сообщений XXII международной научно-методической конференции. СПб, 2017.
15. Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т. 8. М.: Художественная литература, 1956.
16. Химик В. В. Болезнь языка или язык болезни? // Современная русская речь: состояние и функционирование. Вып. II . – СПб, 2006.

N. D. Strelnikova

Saint-Petersburg State Electrotechnical University “LETI”

WHAT LANGUAGE WILL WE SPEAK ?

In the article is considered the correlation problem of Russian national language and contemporary Russian literary language, the boundaries of which are broken by entering of jargon and vernacular words. The topicality of this question is dictated by language changes, which are taking place on vocabulary, morphology and syntax levels.

Contemporary Russian language, national language, literary language, vernacular words, jargon, adopted (borrowed) words

УДК 81'42(571.54)

Е. О. Фельдман

Бурятский государственный университет,

feldman-katya@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ КОРПУСНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В статье представлена одна из самых актуальных тем в языкознании на данный момент: Национальный корпус русского языка. Научное исследование данной работы направлено на расширение НКРЯ с помощью регионального материала, а именно создание и развитие подкорпуса русской разговорной речи Бурятии. При создании такого корпуса, немаловажным является разработка принципов подачи слов и системы помет.

Планируется создать потенциальную базу для различных лингвистических исследований русской разговорной речи регионов.

Корпус, корпусная лингвистика, НКРЯ, русская разговорная речь, метаразметка

В языкознании давно выделилось такое научное направление, как корпусная лингвистика, - это изучение языка, основанное на больших сборниках «реального жизненного» языка, хранящихся в корпусах - компьютеризированных базах данных, созданных для лингвистических исследований. Целью корпусной лингвистики является изучение лингвистических явлений через большую коллекцию машиночитаемых текстов: корпус. Они используются в ряде исследовательских областей, исходя из описательного изучения синтаксиса языка для обучения или изучения языка.

В коммуникативном пространстве Интернете в научных целях используются различные ресурсы. Один из них - крупный проект Национальный корпус русского языка, который можно считать самым популярным среди лингвистов. Работая с корпусом текстов, исследователям предоставляется возможность наблюдать поведение языковых единиц (слов, словосочетаний, синтаксических конструкций и т.д.) в естественной языковой сфере, т.е. в действительно существующих, а не искусственно построенных контекстах. Изучением возможностей НКРЯ занимаются такие исследователи, как Н.Р. Добрушина, А.И. Левинзон, С.А. Анохина, Г. И. Кустова и другие.

Корпус был запущен в 2003 году и с апреля 2004 года доступен через Интернет. Он позволяет изучать изменчивость и волатильность языковых явлений, частот, а также получать достоверные результаты в следующих областях: 1) изучение морфологических вариантов слов; 2) изучение словообразования и связанные с ними вопросы; 3) изучение изменений синтаксических отношений; 4) исследование об изменениях в системе русского акцента; 5) изучение лексической вариации, в частности, изменения синонимов и лексических групп, а также семантические отношения в них.

В настоящее время происходит стремительное развитие Национального корпуса русского языка (НКРЯ), где в электронной форме собраны тексты во всём многообразии жанров, стилей, форм, вариантов и т.д. Актуальным представляется

расширение корпуса за счет регионального материала в части корпуса устной речи. К примеру, за счет материалов русской разговорной речи Забайкалья. На данный момент НКРЯ содержит недостаточный объём записей как текстов данного региона, так и текстов разговорной речи в принципе [4].

Некоторые учёные, например такие, как Подлесская В. И., Кибрик А.А. рассуждают о перспективах применения приёмов корпусной лингвистики в исследовании разговорной речи: «Теоретическая лингвистика последних лет затратила огромные усилия на анализ сложных синтаксических явлений. Но, с точки зрения корпусного подхода эта работа не всегда может быть полезна, так как многие явления в речевой деятельности обнаруживаются крайне редко» [3, с. 27].

Вследствие бурного развития новых направлений антропоцентрической парадигмы языкознания, расширяется круг подходов и методов исследования разговорной речи: это социолингвистический, коммуникативный, лингвокультурологический, психолингвистический аспекты её исследования. Несмотря на это, на наш взгляд, в исследовании русской разговорной речи является приоритетным корпусный подход.

В системе современных филологических знаний разговорная речь является первоочередным объектом изучения множества учебных дисциплин, которые представляют те или иные разделы лингвистики – теорию речевой коммуникации, теорию референции, дискурсивную лингвистику, коллоквиалистику и т.д. [6].

Основой формирования разговорной речи служат диалектные образования и говоры регионов, играющие связующую роль при процессе формирования и развития нации. Устный разговорный язык, где заключаются все диалекты и говоры, можно охарактеризовать «народно-разговорной речью». Под такой речью понимается речевой материал, который включает в себя часть литературного и все внелитературные разнообразия национального языка, объединённых функциональной общностью: разговорный стиль литературной речи, городское просторечие, сельское просторечие, диалекты, социальные и профессиональные жаргоны. Язык народов Бурятии представлен во всём многообразии говоров и диалектов, ему свойственна эллиптичность, прерывистость и непоследовательность в изложении с логической точки зрения.

Разговорная речь обычно используется в разговоре или иной связи на более неформальном уровне. Она отличается чувственной конкретностью, а также, эмоционально-оценочной информативностью [2]. В отличие от сленга, который представляется набором новых значений уже существующих слов, и в отличие от жаргона, который отличается от общеразговорного языка специфической лексикой и фразеологией, разговорная речь состоит из расслабленных и локализованных фраз. Примером такой речи называется коллоквиализм (разговорное слово или выражение).

Изучение живой речи всегда было одним из наиболее значительных направлений лингвистики во все времена. Изучение разговорной речи каждого отдельного региона России особенно актуально, так как она имеет ряд особенностей (территориальных, социальных и т.д.). Например, национальный язык Республики Бурятия, которому свойственна эллиптичность, прерывистость и непоследовательность в изложении с логической точки зрения. В последние годы можно наблюдать рост интереса к корням, родному диалекту и языку, что частично связано с сокращением числа носителей бурятского языка. Сегодня не так много сфер социально-культурной

жизни, где данный язык используется довольно интенсивно, его социальная основа постепенно уменьшается.

Одна из главных причин наполнения Национального корпуса русского языка региональными материалами - необходимость расширения исследовательской базы для изучения особенностей функционирования русской разговорной речи региона. Целью расширения такой исследовательской является изучение того, насколько неоднородным является наше общество с точки зрения использования бытового языка, какие группы обнаруживают наибольшее разнообразие и вариативность речевых характеристик в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации. Задачей создания подкорпуса русской разговорной речи Забайкалья является также фиксация и сохранение региональной специфики фонетических, лексических, морфологических и синтаксических характеристик, являющейся результатом взаимовлияния различных вариантов и форм языка, результатом длительной истории межкультурного взаимодействия различных групп населения.

Процесс сбора материала и его расшифровки сейчас находится в активной фазе. Издана хрестоматия «Русская разговорная речь Бурятии», где представлены аутентичные тексты русской разговорной речи, записанные в г. Улан-Удэ и в посёлках городского типа на территории Республики Бурятия. Природа русской разговорной речи Забайкалья проявляет себя в варьировании разноуровневых языковых единиц, обусловленном прежде всего социальными факторами: возраст, пол, социальный статус, образование, профессия говорящих, что нашло отражение в структуре хрестоматии, включающей образцы текстов разных возрастных групп информантов, информантов с разным уровнем образования и двуязычных информантов [6]. Данные характеристики являются лингвистически существенными для разговорного текста и представляют большой интерес для многоаспектных исследований.

Собрание текстов русской разговорной речи Забайкалья в хрестоматии на данный момент - небольшой вклад в копилку корпуса русской разговорной речи исследуемого региона, однако представленные к публикации тексты уже являются уникальным интересным материалом. Начаты исследования исторического и жанрового своеобразия текстов, функциональных особенностей единиц различных уровней.

Работа по сбору и обработке материала продолжается, она ориентирована на создание регионального массива текстов. В этом направлении представляется продуктивным, во-первых, дополнение репертуара жанров текстов, во-вторых, разработка метаразметки, позволяющей составлять произвольные выборки текстов с заданными параметрами, учитывая все особенности языка. Это будет способствовать созданию аннотированного корпуса текстов русской разговорной речи Бурятии.

При разработке корпуса русской разговорной речи Бурятии мы предлагаем использовать метод автоматической классификации контекстов НКРЯ с многоуровневой разметкой. Методы классификации текстов лежат на стыке двух областей – информационного поиска и машинного обучения. Их сходство состоит в способах представления самих документов и способах оценки качества алгоритмов. На данный момент разработано большое количество методов и их различных вариаций для классификации текстов. Каждая группа методов имеет свои преимущества и недостатки, области применения, особенности и ограничения. Использование такого метода позволит осуществлять автоматический поиск текстов

русской разговорной речи Бурятии.

Для исследования условий существования текстов, выявления в них взаимосвязей и изучения отдельных подмножеств, которые, безусловно, существуют, необходима разработка принципов подачи слов и создание системы метатекстовой разметки. Разработка метаразметки нашего регионального подкорпуса, учитывая все особенности языка, которые будут содержать металингвистическую информацию о тексте и его авторе является приоритетной задачей для создания аннотированного корпуса русской разговорной речи Бурятии. В итоге мы должны получить оригинальную систему метаразметки, которая позволит осуществлять разнообразные выборки материала по заданным параметрам для различных научных исследований по синтаксису, фонетике, морфологии, лексике и стилистике русского языка.

Ресурсы НКРЯ открывают широкие возможности для изучения, прежде всего, лексики. Богатый материал и удобная поисковая система позволяют выявить контексты, в которых используется та или иная лексема, и определить, каково ее семантическое наполнение. И, несмотря на то, что объём национального корпуса уже составляет 600 млн. слов и в нём содержится огромное многообразие жанров и стилей, корпус продолжает развиваться и дополняться. На сегодняшний день более чем актуальным представляется расширение корпуса с помощью регионального материала. Записи русской разговорной речи отдельных регионов России сегодня представляет собой особый интерес для лингвистов, преподавателей языка и всех, кто изучает русский язык. Они могут использоваться для будущих научных исследований по синтаксису, морфологии, лексике и стилистике русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина Е. А. Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. М.: Индрик, 2005, 94—110.
2. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения: [Текст] / Е. А. Земская. - 4-е изд., испр. - Москва: Флинта: Наука, 2006. - 236 с.
3. К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования // Научно-техническая информация. Серия 2-10. — 5—11. Кибрик А. А., Подлесская В. И. - 2006.
4. Молдован А. Национальный корпус русского языка [Текст] / А. Молдован // Народное образование. - 2009. - № 5. - С. 32-37.
5. Плунгян В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение / В.А. Плунгян // Национальный корпус русского языка: 2003 – 2005. – М.: Индрик. – С. 6 – 20.
6. Русская разговорная речь Бурятии: тексты в орфографической записи / А.П. Майоров, И.Ж. Степанова. — Улан-Удэ, 2016.

E. O. Feldman

Buryat State University

POSSIBILITY OF APPLICATION OF CORPUS TECHNOLOGY IN THE STUDY OF RUSSIAN SPEAKING SPEECH OF TRANSBAIKALIA

The article presents one of the most topical topics in linguistics at the moment: the National Corpus of the Russian language. The scientific research of this work is aimed at expanding the NCRL with the help of regional material, namely the creation and development of the subcorpus of the Russian colloquial speech of Buryatia. When creating such a hull, it is important to develop the principles for the submission of words and the system of litters.

It is planned to create a potential base for various linguistic studies of the Russian colloquial speech of the regions.

Corpus, corpus linguistics, NCRL, Russian colloquial speech, meta-markup

Материалы
Седьмой межвузовской научно-практической конференции
с международным участием «Актуальные проблемы языкознания»
Санкт-Петербург, 17-18 апреля 2018 года

Редколлегия:
Степанова Н.В., Флакسمан М.А.

Материалы представлены в авторской редакции

Подписано в печать _____. Формат 60*84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 12,75.
Тираж ____ экз. Заказ _____.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5